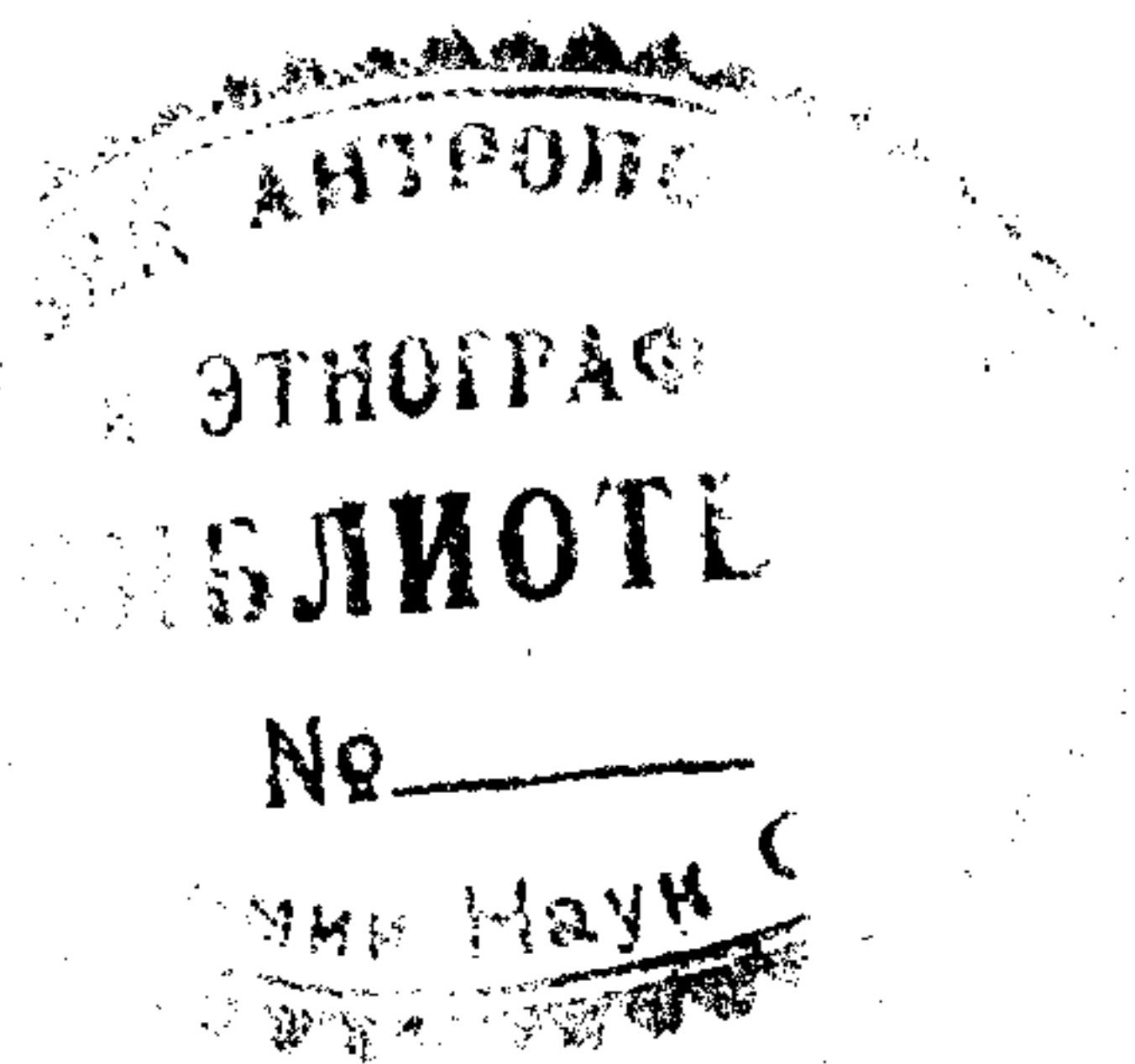

ШОРСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Записи, перевод, вступительная статья
и примечания

Н. П. ДЫРЕНКОВОЙ

4233.

Ответственный редактор академик *И. И. Мещанинов*

Редактор издательства *М. А. Сергеев*

Технический редактор *Л. А. Федоров*. — Корректоры *О. Г. Крючевская* и *Н. П. Лебедева*

Сдано в набор 9/X 1936 г. — Подписано к матрицированию 9/V 1939 г. — Подписано к печати с матриц 22/II 1940 г.

XL ÷ 448 стр.

Формат бумаги 70×108 см. — 30¹/₂ печ. л. — 31,42 уч.-авт. л. — 58800 тип. зн. в печ. л. — Тираж 800
Ленгорлит № 2153. — РИСО № 599. — АНИ № 1193. — Заказ № 486. Индекс К-270

Набрано в типографии Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	V
<i>Введение</i>	VI
<i>Тексты (оригинал и перевод)</i>	
I. Песни о Ленине и Сталине	2
II. Героические поэмы	8
Картыга Перген	8
Кан Кес	25
Олен Тайджи	72
Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго	80
Белый Олен и Серый Олен	154
Ак Кан	158
III. Сказка: Одинокий парень	236
IV. Рассказы и легенды	252
V. Поговорки	348
VI. Загадки	350
VII. Песни	356
<i>Примечания</i>	376

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем издании тексты записаны мною во время поездок в Горно-Шорский район в период 1925—1932 гг.

Я начала свои фольклорные записи как этнограф, в связи с интересовавшими меня вопросами социального строя и идеологических надстроек в историческом прошлом у шорцев, считая, что полное разрешение этих вопросов возможно лишь при глубоком изучении народного творчества, в частности — народных преданий, легенд и сказаний. Этим обстоятельством и объясняется в значительной степени характер собранных мною текстов.

В настоящий сборник вошли образцы следующих видов шорского фольклора: 1) героические поэмы, 2) сказки, 3) легенды и рассказы, 4) поговорки, 5) загадки и 6) песни.

Приведенные образцы героического эпоса дают лишь самое общее представление об этом наиболее богатом и пышном в художественном отношении жанре шорского фольклора. Героическому эпосу и сказителям — кайчи будет посвящен второй том моей работы.

На ряду со старыми песнями, нами приведено несколько образцов новых песен, среди которых особенно выделяются песни, посвященные тем, кому шорцы обязаны своей свободой, своей счастливой жизнью — Ленину и Сталину.

Новым памятникам устно-народного творчества шорцев, бурно развивающегося с каждым годом, в частности — новым песням, отличающимся высокой поэтичностью, будут посвящены в дальнейшем особые сборники.

Мой интерес к фольклору был пробужден моим покойным учителем, проф. Л. Я. Штернбергом, который всегда подчеркивал важность фольклора для этнографического исследования.

При работе мне оказали большую помощь проф. В. Г. Богораз, член-корреспондент Академии Наук СССР Д. К. Зеленин, предс. фольклорной комиссии проф. М. К. Азадовский и член-корреспондент Академии Наук СССР проф. Н. Н. Поппе. Особенно многим я обязана моему руководителю в области изучения тюркских языков проф. С. Е. Малову, который взял на себя труд проверить все тексты, а также их перевод.

Считаю необходимым также отметить помощь, оказанную мне в работе над национальным фольклором А. М. Горьким. Несмотря на чрезвычайную перегруженность, Алексей Максимович нашел возможным ознакомиться с моими записями и сделать ряд ценнейших замечаний, которые с глубокой признательностью были мною использованы.

ВВЕДЕНИЕ

1

Первые записи шорского языка и фольклора относятся ко второй половине XIX в.

Алтайская миссия, учрежденная в 1828 г. и начавшая свою деятельность на Алтае в 1830 г., распространила свое влияние на всю Кузнецкую тайгу, а также на юго-западную часть Минусинского края, населенную шорцами. Приступая к осуществлению своей задачи — христианизации племен Алтая — задачи, которой миссия, выполняя заказ царского правительства, придавала не только религиозное, но и политическое значение,¹ миссионеры ревностно принялись за изучение местных наречий. Миссионеры прекрасно учитывали всю важность знания туземных языков для успешности религиозной пропаганды.

Однако язык шорцев не был предметом специального изучения миссионеров, во всяком случае не нашел такого отражения в их работах, как языки алтайский и телеутский.² «И должно сознаться, — писали миссионеры в предисловии к «Грамматике алтайского языка», составленной членами Алтай-

¹ «Вопрос о христианском просвещении инородцев, в особенности инородцев-язычников, есть вопрос первой важности не в одном только церковном, но и гражданском отношении» (из постановления собрания архиереев в Казани в 1885 г. Енисейские епарх. ведом., 1886, № 13, стр. 179). «Алтайская миссия, — пишут миссионеры, — совершает служение не только церковное, но и государственное. Она вносит в Алтай русскую культуру через православие» (отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 18).

² См. Отчет Алт. дух. миссии за 1910 г.; Алтайская и киргизская миссия Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893; Стеф. Ландышев. Сведения об Алт. дух. миссии за шесть лет, 1856—1862: изучение языка алтайцев и переводы на оный, и т. д. На шорском языке были изданы: «Священная история на шорском языке», Казань, 1883; «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии», Казань, 1884; «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» «Шор кижилери балаларын пичикке ургетче», Казань, 1885. Кроме того, по сообщению миссионеров, «были переведены с алтайского на наречие инородцев Кузнецкого отделения, весьма отличное от наречия алтайцев Бийского округа: огласительное поучение, символ веры и краткие молитвы, исповедь и вопросы при крещении» и т. д. Стефан Ландышев, op. cit.

ской миссии, Казань, 1869, — что прочие наречия, шорское и черновое, остались несколько в тени, или по крайней мере не подверглись, равномерно с алтайско-телеутским, изучению и употреблению миссионеров».

В работах миссионеров мы находим лишь отдельные шорские слова и сопоставление их с алтайскими: так, напр., в названной выше «Грамматике алтайского языка», в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого, Казань, 1887, и в его рецензии на работу В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи».¹

Только отдельные шорские слова мы находим также в работе проф. Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня», Казань, 1903, и в работе С. Д. Майнагашева «Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г.», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3, 1914.

Значительно более полно отражен шорский язык в работах акад. В. В. Радлова: «Опыт словаря тюркских наречий», СПб., 1888, «Phonetik der nördlichen Türksprachen», Leipzig, 1882, «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи», ч. I, СПб., 1866, а также в работе С. Е. Малова «Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909.

*

Одним из средств для «проникновения в тайны религиозного мировоззрения туземного населения» и для борьбы с шаманством (в целях христианизации) миссионеры считали изучение фольклора. «Изучение быта местных инородцев, — писал свящ. Орфеев, — постановлением бывшего в Казани собрания преосвященных архиереев признано важным средством, содействующим успеху миссий. Источником для изучения быта и верований инородцев, кроме непосредственного наблюдения, может служить местная инородческая устная литература».² Вот почему алтайские миссионеры параллельно с изучением языка собирали и записывали образцы фольклора.

¹ Приложение к книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы», Москва, 1893.

² «Быт минусинских инородцев, каким он изображается в их поэмах». Енисейские епархиальные ведомости, 1859, № 212.

В предисловии к «Грамматике алтайского языка» составители ее писали: «При первоначальном составлении этого труда главнейшим и, можно сказать, единственным источником по части текстов служило собрание телеутских и алтайских, отчасти кондомских¹ народных произведений, составленное самими миссионерами» (стр. VI). Но собранные миссионерами «кондомские народные произведения» не были изданы и до нас не дошли.² Первые записи шорского фольклора (богатырский эпос) мы находим в названном выше труде акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен», т. I (стр. 310—399). Отдельные записи содержатся также в упомянутом «Отчете» С. Е. Малова (стр. 41—46).

*

До Октябрьской революции шорцы не имели своей письменности. Торговцы-шорцы для своих торговых записей употребляли изобразительное письмо. Охотники делали особые затесы на деревьях. Грамотные шорцы (по данн. 1900 г. был всего 1% грамотных шорцев) пользовались русским алфавитом, лишь несколько приспособив его к шорскому языку. Лишь после Октябрьской революции шорцы получили свою письменность, самими шорцами был выработан алфавит, в основу которого был положен русский алфавит, и в 1927 г. был издан первый шорский букварь: «Қарашқыдаң шығар. Шорлардың паштапқы үргәнчең буквары» (Центральное издательство народов СССР, Москва). В 1930 г. шорский алфавит был латинизирован. Первый букварь на латинизированном алфавите вышел в 1930 г.: «Naa cob» SSSR cöñbñç senter izdatelstvyazь. Moskьva, 1930. Латинизация шорского алфавита явилась большим тормозом в деле развития шорской письменности. В настоящее время шорцы имеют алфавит на русской основе и на нем успешно развивают свою письменность.

Горно-Шорский район имеет газету «Қызыл шор» на шорском языке.

Институтом языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра и Институтом этнографии Академии Наук СССР организовано планомерное изучение шорского языка и фольклора. В настоящее время подготовлена к печати грамматика шорского языка и ведется работа по составлению шорско-русского словаря.

¹ Т. е. шорских.

² Сохранились только некоторые легенды о горах (в русском переводе) в книге «Алтайские инородцы» Вербицкого и несколько пословиц и поговорок — таграқ söster — в шорском букваре — «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа», изд. Православного миссионерского об-ва, Казань, 1885.

Большое внимание шорскому языку уделяется также в Горно-Шорском районе. Силами местных работников-шорцев составлены практические грамматики для школ и осуществляется работа по переводу на шорский язык политической литературы и классиков русской литературы. Развивается также оригинальная шорская литература.

2

Произведения художественного творчества шорцев существовали до Октябрьской революции в устной форме.

Основные виды устно-народного творчества шорцев:

I. Сказки — называемые šörček (на р. Кондоме), пубақ~пузақ (на рр. Томи и Мрассу), партрақ (в верховьях р. Мрассу) — бытового и фантастического содержания.¹

II. Небольшие рассказы и легенды — ригинҫи šооқ, кер šооқ, егбек² или тілās³ — типа преданий или бывальщин. Здесь мы находим рассказы исторического содержания, обычно о набегах киргизов, о легендарных народах, о битвах, рассказы о прежней жизни шорцев, об охоте, эксплуатации охотников торговцами и т. д. Подобного рода рассказы носят еще иногда название šyn⁴ [правда, действительно, истина] или šyn роҫуан [действительно, на самом деле было]. Среди легенд большое место занимают охотничьи легенды, легенды о «хозяевах» гор и воды.

По внешнему строю это прозаические рассказы, небольшие по размеру, не имеющие ни определенного начала, ни трафаретной концовки. Они начинаются обычно: «Один человек охотясь ходил», «Тот человек прежде на промысел ходил» или «Одна артель на Падын тайге охотилась». Рассказчик называет или имя промышленника: «Когда Лука на промысел пошел», или же ведет рассказ от себя, как непосредственного участника происшедших событий: «На промысел на тайгу Көбес я отправился», или же говорит: «Один охотник на промысел ходил», «Тот человек запас собрав, на промысел отправился» и т. д.

¹ Ср. šörčök (Tel), šörčök Tel, Leb), šörček (Sch) пубақ (Sch) — сказки, партрақ (Sag) — богатырская сказка. Heldengesang — сказка. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. I, стр. 2021, 2042, 697, 651; т. VI, стр. 1037; šörček (K), пумақ (Абак.) — сказка. В. И. Вербицкий. Словарь, стр. 213, 451.

² егбек ~ егмек — беседа, разговор, заговор, нарекание. Вербицкий, 50; Радлов, I, 801.

³ тіл'as — собственно значит: известно, новость, весть, повествование, ср. тіл — язык, тіл, алу — вести беседу с кем. Вербицкий, 354, тілās — шум, весть, молва. Радлов, III, 1383.

⁴ šyn — истина, правда, действительность, так. Вербицкий, 455. šyn ~ šyn — истинный, истина. Радлов, 1049.

Многочисленны и космогонические легенды (мифы о сотворении земли, людей, о потопе и т. д.).

К этому же разделу могут быть отнесены и легенды о животных (напр. медвежьи мифы), а также рассказы о животных, типа животного эпоса.

Особо могут быть выделены рассказы и сказки смешного содержания, называемые *qatqylyg*. Они рассказываются, обычно, мужчинами на промысле.

III. Поговорки — *ker sös, taqraq sös* или *ülger sös* — имеют обычно форму двустиший. *ker sös* или *ülger sös* входят как составной элемент и в общую композицию героических поэм (напр. *kijik tüktüg polçañ, kizi attyg polçañ* — козуля бывает с шерстью, человек должен иметь имя — слова богатыря, требующего, чтобы ему дали имя; *atqan oq taštañ nanmas, rağañ er çolçañ nanmas* — выстреленная стрела не возвращается от камня, ушедший мужчина не возвращается с пути и др.). Речь некоторых стариков пересышалась такими *ülger söster*’ами.

IV. Загадки — *tartırçañ, nybaqtary, tarçañ, nybaq, tarçañ, partıraq, tartırğuş, nybağaştar, taqraq, tarçañy*¹ — служили развлечением в долгие осенние и зимние вечера главным образом для молодежи и детей.

V. Эпические богатырские поэмы, полустихотворные, полупрозаические, *qaj*,² рассказываемые нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента *qomys ~ qobys* или *qaj qomys*. Сказитель обычно начинает с прелюдии, во время исполнения которой он как бы обдумывает свою поэму. Затем он начинает петь низким горловым голосом. Поэму сказитель поет по частям (по несколько двустиший), заканчивая каждую часть пением без слов или одним лишь аккомпанементом на комысе. Содержание пропетой части сказитель затем передает словами без пения. Отдельные сказители начинают *qaj* с обращения к герою сказания и к своему комысу. Богатырские или героические поэмы имеют строго выработанную форму, определенные, почти стандартные начала и концовки. Они изобилуют повторениями и сравнениями

¹ *tarçañy* — собственно отгадка. См. Вербицкий, 333; Радлов, III, 974, 698. *taqraq ~ taqrush* — басня, загадка (Вербицкий, 327).

² Героический эпос называется иногда также *nybaq ~ naqraq ~ şöğçek* (ср. Радлов, IV, стр. 651, *partıraq* (Sag) — *Heldengesang, ein Märchen*). Название *qaj* указывает на способ их исполнения (*qaj* — гортанные звуки, производимые при речитировании сказок; *qajla* — гортанным звуком речитировать сказки — Радлов, II, 3, 27).

Сами шорцы делают различие между сказочниками и сказителями поэм. Первых они называют *partıraqşy, nybaqşy*, а вторых — *qajşy*.

и очень длинны. Правда, сказитель по своему желанию и настроению, а также в зависимости от внимания слушателей может передать поэму более кратко и сжато, опустив ряд подробностей и эпизодов, или, наоборот, передать ее пространно, прибавляя некоторые детали, украшая ее различными образами, привлекая ряд сравнений.

VI. Песни, *sağyn*, слагаемые на различные случаи жизни. Стих имеет строфическое строение. Строфы обычно состоят из двух или четырех строк. Часто песни импровизируются. Песни поются соло и хором. Поют хором обычно в унисон. На один и тот же мотив поются самые разнообразные песни. Часто песни поются под аккомпанемент *qomys*’а или балалайки.¹ Песни по своему содержанию распадаются на: *syt ~ syuyt* — плачи, которые исполнялись обычно при оплакивании умершего, свадебные песни — *toj sağyn*, игровые песни — *ojun sağyn* (жанр мало развитый), песни любовные, то хвалебные, то задорно насмешливые, песни бытовые — самого разнообразного содержания — и песни исторические, как, напр., про богатырей-предков отдельных родов, про битвы и столкновения. По своей форме песни разделяются на длинные («протяжные») песни, обычно лирические — *uzun sağyn* и двустишья или четырехстишья — *taqraq*, типа частушек.

Особый вид четырехстиший и двустиший составляли *sögüş*² — насмешливые песни или пословицы, которые слагались представителями одного рода (*sök*’а) для высмеивания тех или иных черт представителей другого рода, жителями одного селения для вышучивания жителей других селений и т. д. *sögüş* иногда создавались также представителями одного пола для вышучивания другого пола.

Отдельные песни исполнялись в виде дуэта. Двое исполнителей, обычно юноша и девушка, состязались в остроумии и образности речи. Один из них начинал песню, слова другого были ему ответом (см., напр., песню *aq quñun-ma kün arug*). В старину устраивались состязания известных певцов. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из состязающихся не умолкал, истощив свое красноречие.

В поэзии шорцев, как и в поэзии других алтайских народов, весьма развита аллитерация. Песни, *sağyn*, так же как и богатырские поэмы, *qaj*,

¹ *şerçeñ qomys* (Sch) — двухструнная балалайка. Радлов, II, 670.

² *sögüş* — поношение, порицание, проклятие, злословие, от *sök, sökle* (*sökküle*) — ругать, бранить, порицать, насмехаться, издеваться. Вербицкий, 305; Радлов, II, 570, 576.

по форме стиха представляют собой так называемый белый стих. Еще В. И. Вербицкий писал про песни алтайцев: «В песни непременно требуется два условия: 1) чтобы она имела сравнение; 2) чтобы строфы из двустипий или четырехстиший начинались всегда с одной и той же буквы. О хвостах (рифмах) алтаец не тужит, у него были бы согласны головы».¹ Наблюдается как начальная аллитерация, так и аллитерация внутренняя. Пример аллитерации начала строк:

qazyn̄ agašqa pür özerde
qal̄yq čon čadyp tüştür;
terek agašqa pür özerde
tekši čon čajala tüştür.

qalaq-pa čer pöler tušta,
qamyš-pa suḡ pöler tušta

aq maıdyn̄ artazynda,
aq čazynyn̄ ortada
ajya künge sustayanče
aılyn̄ öрге turča

qartyya quštun̄ ujazy
qadyḡ qajanyñ tözünde

Пример аллитерации полустрок:

aγar kelip aj öldü,
köger kelip kün öldü

qarslada qatqyrdy,
kürslede külbüstü

В некоторых случаях ради аллитерации приносится в жертву отчасти и содержание. Так, напр., в концовках поэм вместо:

odurup uqqan kižilerge
tjuq pölüş četsin;
čadyp uqqan kižilerge
čardyq pölüş četsin.

¹ В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы, Москва, 1893, стр. 167.

иногда говорят:

odurup uqqan kižilerge
orta¹ ülüş četsin;
čadyp uqqan kižilerge
čardyq ülüş četsin.

Рифма иногда встречается как в песнях и эпических поэмах, так и в пословицах и поговорках. Рифма определяется морфологическим строем языка и композицией стиха. В противоположность аллитерации рифма развита слабо.² Пример:

čabał tonnuḡ apšyjl̄ar
čabyḡ ałtyna kirdiler,
eski tonnuḡ qurt'jaqtar
emge kire čügürüştüler.

Параллелистическая композиция характерна для поэзии шорцев, как и для поэзии алтайских тюрков вообще.³ Обычно строфа состоит из четырех строк,

¹ tjuq pölüş — целая, полная доля, orta pölüş — половина, полдоли. Во втором случае для соблюдения аллитерации вместо требующегося по смыслу слова tjuq употреблено слово orta. Вместо обычной концовки:

Сидя слушавшим людям
Полная доля пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется —

получается:

Сидя слушавшим людям
Полдоли пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется.

² См. о форме стиха у алтайских тюрков: W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, B. IV, 1866, S. 82—114; W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1893, B. I, S. 342; A. Schiefner. Предисловие к I тому «Proben der Volksliteratur Türkischer Stämme Südsibiriens von Dr. W. Radloff», СПб., 1866, стр. IX—XVI.

Форме стиха у тюркских народов вообще посвящены следующие работы: статья Л. Лилина «К вопросам формального изучения поэзии турецких народов», являющаяся изложением на русском языке работы Т. Kowalsky «Ze studjow nad forma poezji ludow tureckich», напечатанной в трудах Ориенталистической комиссии польской Академии Наук, Краков, 1921. Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та, Востоковедение, т. I—II, Баку, 1928, стр. 37—60, 139—201; статья Ф. Корша «Древнейший народный стих турецких племен». Записки Восточного отд. Русск. арх. об-ва, т. XIX, вып. II—III, стр. 142—162.

³ Ср. П. Мелиоранский, «Об орхонских и енисейских надгробных надписях». Журн. министерства нар. просвещ., 1898, т. 31, стр. 279—280: «Особенно характерной чертой надписей является так называемый параллелизм, причем друг другу соответствуют не только отдельные части предложений или периодов, но даже отдельных частей надписей. Кое-где замечается и аллитерация».

распадающихся как по содержанию, так и по форме на две половины. Двух-членная структура присуща в равной мере и поэзии и прозе. Примеры:

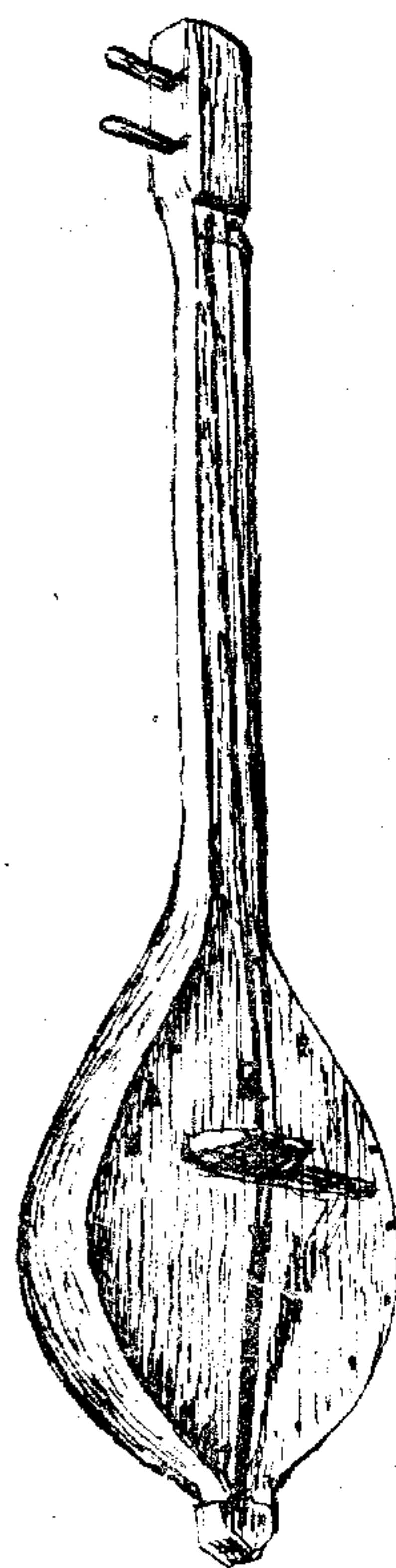

Рис. 1.

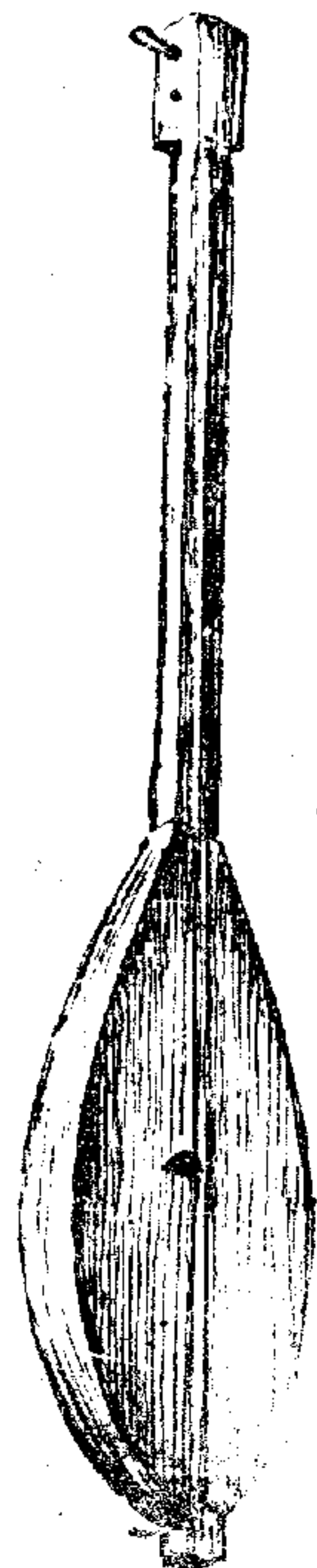

Рис. 2.

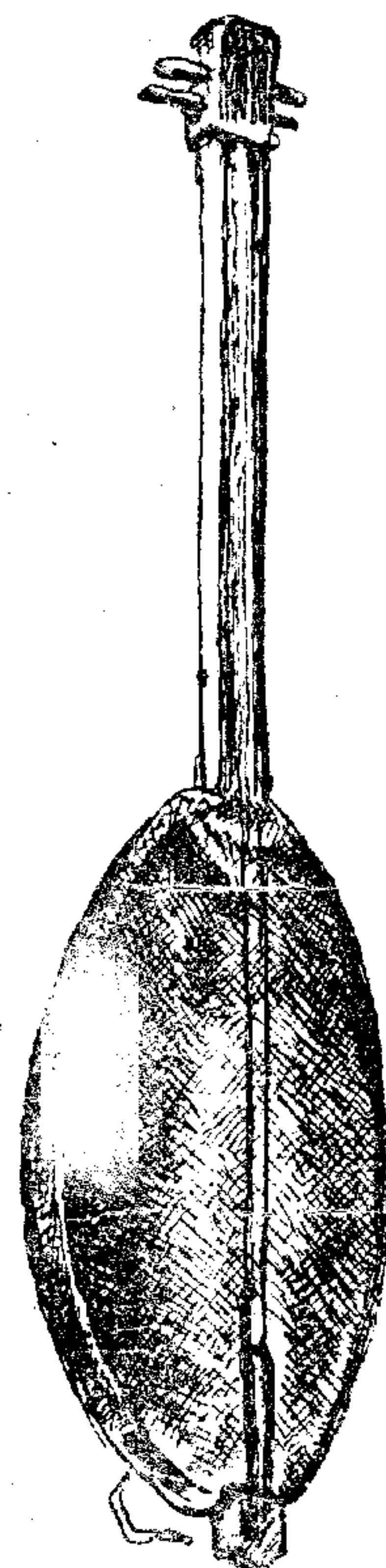

Рис. 3.

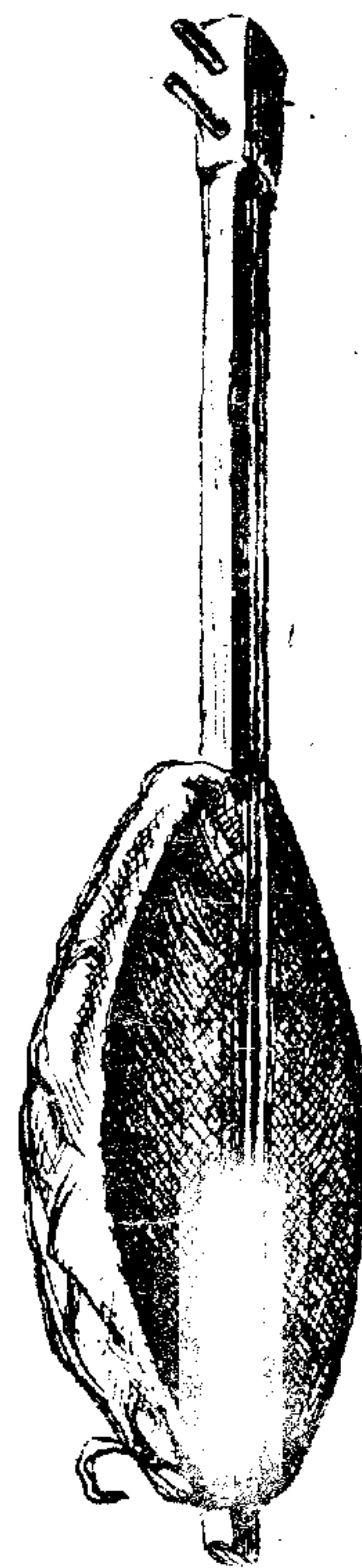

Рис. 4.

turʁan aʁaʃ paʃtary
tura synyʃ-ertiʃti,
čatqan aʁaʃ paʃtary
čada synyʒyp crtiʃti.

örtten aʁyġ šyrajy
ölgen pāʁya kepten-partyr,
qannaŋ qyzyl šyrajy
qara pāʁya keptēn-partyr.

sasqa ösken saryġ taʃ
saryarbanče össün-me!
kiʒiden tuʁan er paʃa
sananmanče čörsün-me!

qumaqqa ösken quba taʃ
qubarbanče össün-me:
kiʒiden tuʁan er paʃa
qunanmanče čörsün-me.

Как выше уже упоминалось, песни и эпические поэмы — qaj сопровождаются игрой на музыкальном инструменте комысе.

Комыс (qomus ~ qobys)¹ — наиболее распространенный музыкальный инструмент у шорцев. Он изготавливается специальными мастерами, играть на нем умеют лишь некоторые сказители — qajcy и певцы — saguncy. Комыс (рис. 1 — 4) изготавливается обычно из тала или кедра. В сказках чаще упоминается taʃ qomus — ивовый комыс. Комыс имеет две струны из конского волоса. Дека комыса обычно делается из деревянной пластинки (рис. 1 и 2).² Шорцы, живущие в Хакасии, часто обтягивают комыс кожей (рис. 3 и 4).³ В местах соприкосновения шорцев с русскими появился музыкальный инструмент типа русской балалайки (рис. 5).⁴

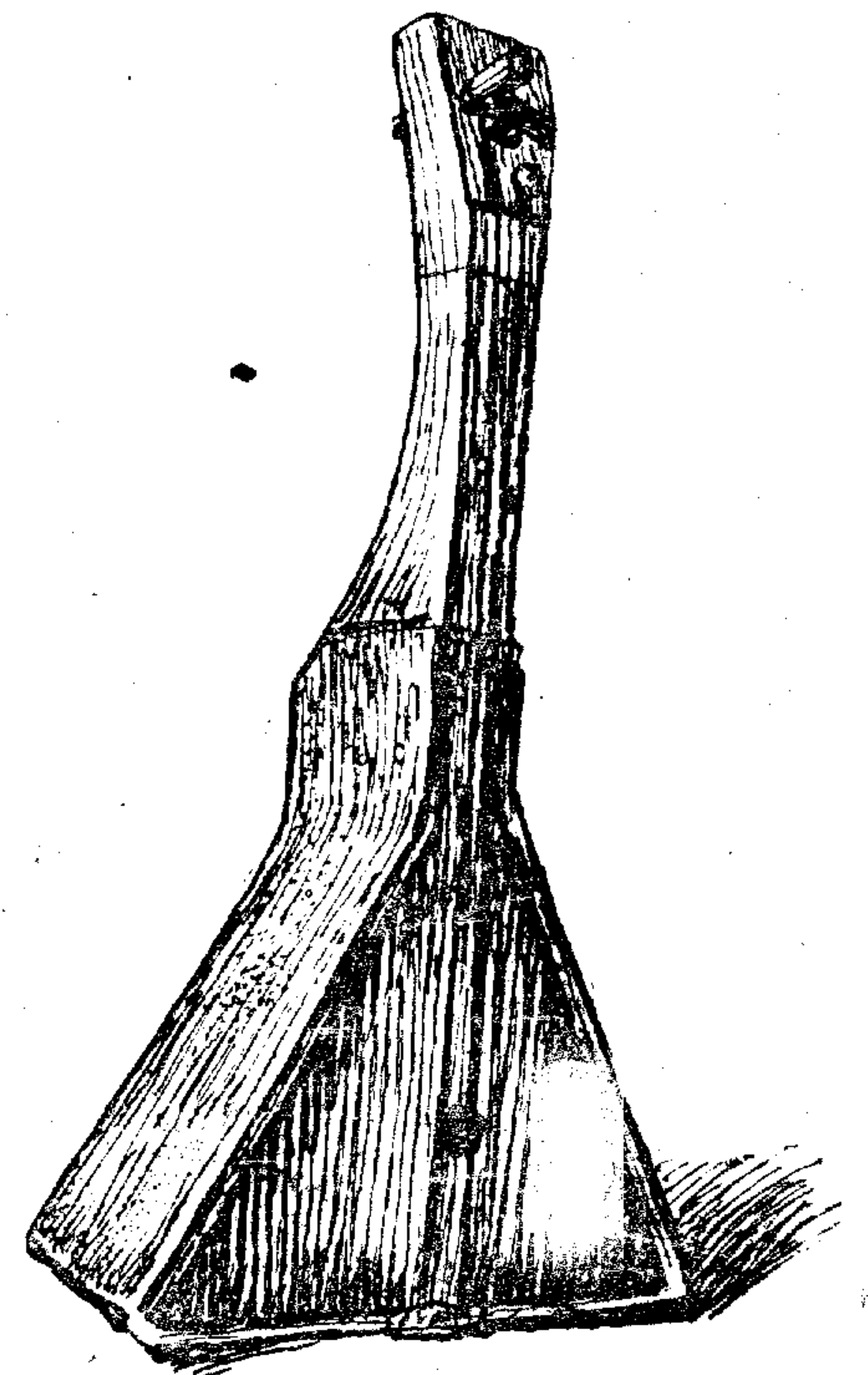

Рис. 5.

Переходя к рассмотрению содержания шорского фольклора, надо прежде всего сказать, что в основном этот фольклор отражает охотничий промысел — основную хозяйственную деятельность шорцев —

¹ qomus (qobus ~ qobys) — музыкальный инструмент, музыка. Радлов, II, 670.

² Коллекция ИАЭ № 2566—I: длина и ширина ручки 44 × 3 см, ширина и длина деки 21 × 15½ см; коллекция № 3645—190: длина и ширина ручки 40 × 3½ см, ширина и длина деки 29 × 12 см.

³ Коллекция ИАЭ № 267—79: длина и ширина ручки 41 × 3 см, длина и ширина деки 32 × 16 см.

⁴ Коллекция ИАЭ № 3645—191: длина и ширина деки 44 × 26 × 8 см.

и выросшие на основе этого промысла производственные и социальные отношения.

В Сборнике обычного права сибирских инородцев,¹ в главе об обычаях туземцев Кузнецкого округа мы читаем: «(Шорцы) имеют склонность более к звериному промыслу, нежели к хлебопашеству и скотоводству, которым большей частью занимаются живущие между крестьянами, а потому все почти умеют действовать хорошо ружьем». «Звериная ловля, — писал Георги в 1799 г., — есть главное их (речь идет об абинцах — шорцах, живущих на реке Томи около Кузнецка, рода аба) дело, потому наипаче, что всякая дичина полезна им в рассуждении как шкур, которыми они подушный свой оклад очищают, так и мяса» (Описание всех обитающих в российском государстве народов, стр. 163).

Звероловный промысел был основным видом хозяйственной деятельности шорцев. По данным 1900 г. 75.9% всех хозяйств бывшего Кузнецкого уезда были заняты охотой,² причем в волостях с исключительно или преимущественно шорским населением процент этот был значительно выше; так, напр., в Казановской волости (верховье р. Томи) — 86.1%, Кивинской (по р. Кобырсу) — 90%, Кондомо-Итиберско-Шерагашинской (по р. Кондоме) — 95.6%, Кийской (верховье Мрассу) — 99.9%. Места промысла принадлежали родам. Внутри рода земли были поделены между тёл'ями («фамилиями», подразделениями родов). Право рода на охотничью территорию особенно долго сохранялось в южной части района. — «Вся местность обитания черневых татар разделена на отдельные „тайги“ и в каждой хозяйничают тот или другой род» (А. В. Андрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, соверш. в 1881 г. Зап. Р. Г. О. по общ. геогр., т. XI, 1886, стр. 317). Охота — занятие исключительно мужское. Для женщин охота была под строжайшим табу. Мужчины проводили большую часть года в тайге на промысле. Они уходили из дому за десятки и даже сотни километров, таща за собою нарту (šanaγas) или волокушу (sürtke ~ sörtke) с припасами. От удачи на промысле зависела вся жизнь таежного шорца. Уменьшение в тайге зверя сулило голод (qadyg kün — тяжелые дни) шорцу-промышленнику. Продукты охотничьего промысла (пушной охоты) с давних пор шли в уплату albaп'a — дани монгольским и джунгарским ханам, киргизским князьям, а позднее — русскому царю.

¹ Изд. Д. Я. Самоковсова, Варшава, 1876, стр. 7.

² По статистическим данным экспедиции С. П. Швецова. Горный Алтай и его население, т. IV, вып. I, Черновые инородцы Кузнецкого края. Барнаул, 1903.

Пушнина служила у шорцев предметом меновой торговли с соседними племенами, а после русского завоевания — также и с русскими. Шкурка белки являлась меновой единицей в тайге; соболями брали и ими исчисляли ясак. Скупка пушнины основана была на жесточайшей эксплуатации бедняков-шорцев как русскими, так и туземными богачами. Среди шорцев появились особые скупщики пушнины, так называемые 'tanuš'ы, служившие большей частью посредниками между русскими торговцами и бедняками шорцами-промышленниками.

Совершенно естественно поэтому, что охота в шорском фольклоре занимает выдающееся место. Она описывается в многочисленных рассказах, о ней поется в песнях, говорится в легендах.

Шорский фольклор живо сохранил также и яркие черты отношений первобытно-общинного строя нашедших свое выражение как в организации звероловного промысла, так и в нормах распределения добычи. Более того, в фольклоре резко осуждаются всякие проявления частно-собственнических тенденций и стремления к индивидуальному присвоению. Нарушивший установленные веками отношения общинного строя обычно подвергается в фольклоре жестокому наказанию со стороны духов — хранителей старого порядка.

«Два брата, загнав оленя, кайком его убили. Убив, шкуру содрали, мясо в шкуру обернули и к селению поволокли. Когда в селение возвращались, один человек огромного роста по снегу бежал. Близко подбежав, спрашивает: „Одну долю дашь ли?“ Те два брата скупые люди были — не дали... Дома им отец сказал: „Хорошо не будет!“ В том же году, когда два брата сеть на выдру ставить пошли, старший брат под воду ушел. Хозяин воды его утянул — так говорят».

«Один охотник добытых соболей от товарищей утаил. Хозяин тайги сильно рассердился. Потом, когда тот охотник промыслил, он марала увидел. Когда за зверем погнался, далеко в тайгу зашел. Догонял-догонял — зверя нагнал. Ночь наступила. Шкуру зверя снял. У основания дерева снег кайком разгреб, лег. Шкурой накрылся. Заснул. Утром, встав, стан искать пошел. Шел-шел, выйти не мог. Так в тайге замерз».

В другой легенде говорится про охотника, который утаил от товарищей пойманного им черного соболя: «Ночью хозяин той тайги пришел и ругать его стал, говоря: жеребца моего отдай! Если данным мною тебе зверем-птицей с другими не поделишься, душу твою возьму и в своей тайге запру, так и умрешь!»

Часто в фольклоре противопоставляются отношения распределения, характерные для охотничьего хозяйства, отношения, свойственным более развитому, скотоводческому хозяйству.

«Мясо убитой на промысле дикой козы — пища всего народа. Мясо заколотой дома овцы — только если хозяин даст, пищей будет».

У охотников существовал обычай, носивший название 'ten, üleš' — равная доля и 'orta rölüš' — половина доли. Этот обычай заключался в следующем: шорец охотник, который по какой-либо причине не имел возможности пойти на промысел, отдавал свое снаряжение и запас какому-либо сородичу, который и охотился вместо него. Всю добытую пушнину они делили пополам. С развитием торговых отношений и ростом имущественного неравенства этот обычай родовой взаимопомощи был использован богатыми шорцами для беспощадной эксплуатации своих бедных сородичей. Богач шорец снаряжал бедняков-охотников на промысел, давал им в долг одежду, огнеприпасы и т. д. и забирал за это у них после промысла половину пушнины, а остальную часть покупал по очень низким ценам или же брал за старый долг. Торговцы шорцы, таныш'ы, продавали в долг неимущим охотникам снаряжение, продукты питания и т. д., а после промысла отбирали от них за долг пушнину. Бедняк шорец принужден был снова брать у торговца в долг и так оказывался в кабальной зависимости из года в год. Фольклор насыщен описаниями эксплуататорских отношений, господствовавших в тайге; он ярко рисует тот период, когда в тайге хозяйничали отдельные богачи, скупщики продуктов лесного хозяйства (пушнины и ореха), таныш'ы, а бедные шорские промышленники бродили полуголодные с ружьем по тайге, выслеживая зверя, и терпели нужду и голод; он также рисует эксплуатацию шорцев русскими торговцами и чиновниками.

Многочисленные охотничьи рассказы и легенды¹ (стр. 3—21) отражают анимистические представления шорца-охотника. Бессильный в борьбе с природой и с эксплуататорами, задавленный вечной нуждой и заботами шорец-охотник все свои удачи и неудачи приписывал сверхъестественным силам, связывал с расположением «хозяев» гор и леса. «Хозяев» этих он творил по своему образу и подобию, наделял их своими страстями и слабостями, своими симпатиями и антипатиями, своими мыслями и чувствами, приписы-

¹ Охотничьи легенды шорцев сходны как по форме, так и по содержанию с охотничьим фольклором других тюрков, алтайских и енисейских. См., напр., Н. Ф. Катанов, Образцы фольклора тюрков, алтайских и енисейских племен. — IX, 1900. Его же. Предания присаянских племен

вал им свой образ жизни и поведение, свои имущественные и социальные отношения.

Все горы и тайги — районы охотничьего промысла — мыслил он, распределены между «хозяевами», как некогда промысловые угодья распределены были между отдельными родами. Горы — это жилище этих «хозяев». Животные — их скот, который они вольны послать или не послать охотнику.

Промысловых животных — свой скот — они проигрывают друг другу в карты, отчего в богатых прежде пушнинной тайгах переводится зверь и прекращается промысел. «Хозяйки» гор, дочери «хозяев», являются промышленникам, вступают с ними в любовные связи, сводят с ума или, наоборот, наделяют богатством.

Все сказанное относится и к «хозяину» воды, который может послать или не послать рыбы, может утопить лодку или затопить во время ледохода улус.

«Хозяева» гор, леса и воды очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без призора свой скот — зверей и рыб, и те становятся добычей промышленника; иногда же они сами в благодарность за сказки посылают богатую добычу. Вот почему артель в прежнее время старалась включить в свой состав человека, умеющего рассказывать сказки. Участие сказочников в промысле считалось настолько важным и необходимым, что он получал равную долю с охотниками-промышленниками. Особенно любили «хозяева» 'qatqylyg' — сказки фривольного содержания. Предполагалось, что чем неприличнее сказка, тем более она нравится «хозяевам».

Представления о «хозяевах» гор и воды нашли свое отражение также в сказках и героических поэмах.

Так, в героической поэме «Кан Кес» герой, Голый черный юноша, войдя внутрь горы, превращается в богатыря огромного роста и от «хозяина» горы получает коня.

В сказке «Одинокый парень» герой спасает сына «хозяина» воды, который, превратившись в рыбу, попал в сеть. За это «хозяин» воды призывает Одинокого парня к себе, дарит ему собачонку, которая становится затем девицей.

Животные, с которыми охотник-шорец повседневно сталкивался и от которых зависела его судьба и жизнь, естественно занимают большое место в рассказах и легендах.

Значительное число легенд и рассказов связано с медведем, который

Медвежьи мифы (стр. 28—33), как по форме, так и по тем представлениям, которые лежат в их основе, крайне примитивны и очень древни.¹

В этих мифах часто говорится еще о собирательстве. Медведь является к женщине обычно в то время, когда она занимается собирательством.

«Женщина, кандык выкапывая, в пустынном месте медведя повстречала» (стр. 29).

«Когда одна женщина сарану копала, она медведя встретила» (стр. 31).

«Когда женщина кандык копала, к ней медведь пришел» (стр. 32) и т. д.

В них сохранилось еще яркое воспоминание об отношениях, существовавших при материнском строе. Когда женщина убегает от медведя, который ее похитил, она обычно направляется в род своей матери, к своим братьям, а эти считают своим долгом отомстить за свою сестру.

Родившийся от связи женщины с медведем ребенок живет, согласно шорскому мифу, вначале в роде своей матери, обычно у ее братьев, и помогает им на охоте. Лишь только впоследствии он уходит в тайгу жить с отцом.

Образ ребенка, рожденного от связи женщины с медведем, варьирует в разных мифах. Но это всегда полу-человек полу-зверь.

Многие легенды трактуют об особенностях характера и внешнего вида того или другого животного. Сюда относятся, напр., легенды, в которых объясняется, почему выдра не линяет, почему у глухаря красные глаза и др. В общем эти легенды свидетельствуют о тонкой наблюдательности шорца-охотника, который уже с детских лет привыкает подмечать мельчайшие подробности жизни зверей.

К этой категории легенд относятся и легенды о похищении огня, в которых главную роль играет птица.² Обычно говорится о чудесной птице 'qujuuquq quš',³ перья которой сверкают как лучи солнца. Человек, который услышит ее пение, долго не живет. Он должен умереть. Образ этой фантастической птицы мы находим и в героических поэмах.

Выкапывание корней дикорастущих растений играло прежде большую роль в хозяйстве таяжских шорцев, особенно весной, когда дикие корни

¹ См. В. Г. Тан-Богораз, К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений, стр. 45; журнал «Этнография», 1930, № 1—2.

² Эти легенды, так же как и медвежьи мифы, являются очень древними и широко распространены у огромного числа народов в различных частях света. См. работу В. Г. Богораз «The folklore of North-Eastern Asia as compared with that of Western America», American Anthropologist, IV, 1902, стр. 693.

³ Ср. Вербицкий, Словарь, стр. 157; «qujuuquq (к.) — орел. По преданию, qujuuquq — всем птицам царь; с золотыми перьями; летает в небе; поет жалобно, — кто услышит заплачет».

были для массы населения основным видом пропитания. Это было по преимуществу занятие женщин и детей. Корни кандыка (*Erythronium dens canis*) и сараны (*Lilium martagon*) шорцы обменивали также на продукты скотоводческого хозяйства с соседними скотоводческими племенами. «Понеже они (татары каинского и кобийского поколения), — писал Паллас в 1771 г., — к хлебопашеству не имеют способного случая, а скотом очень скудны, то все их пропитание сверх промысла зверей состоит из одних диких кореньев... Самые крупные и хорошие коренья добывают татары на Мразе и Кондоме живущие и отправляют их даже до Абакана».¹

В фольклоре поэтому на ряду с охотой нашло свое отражение и собирательство.

«Та женщина со своим ребенком жила в верховьях реки Томи. В тайге кандык, сарану выкапывала. Так живя, ребенка своего, кормя, выращивала».

«Прежде брат и сестра жили. Старшая сестра кандык, сарану выкапывала, так питалась. Младший брат, в великой тайге зверя-птицу убивая, самострелы ставя, петли наставляя, охотился — так питался».

«Потом тот парень, на промысел отправясь, охотился. Матери своей птицу-зверя убив приносил. Мать его удивлялась. „Мать моя, говорил он, когда я маленьким был, ты меня корнями трав кормила; теперь же я тебя мясом стану кормить! Мясо зверей-птиц — пища богатыря, корни трав — еда голодных людей“».

В этих примерах ясно подчеркнута и существовавшее в шорском обществе разделение труда: выкапывание корней было по преимуществу делом женщин, в то время как охота была занятием исключительно мужчин.

На ряду с ведущей, основной отраслью хозяйства — охотой, большое значение имело и рыболовство. «Главное их (шорцев рр. Мрассу и Томи) занятие, — писал Вербицкий в 1862 г., — зверопромышленность, рыболовство и вязанье неводов» (Выписки из журнала мисс. Кузн. отд. Алт. миссии В. Вербицкого. Христ. Чтен. 1862, стр. 553).

По данным 1900 г., рыболовством занималось 71.5% шорских хозяйств на р. Кондоме и 38.7% — на р. Мрассу. Местами (в низовьях рр. Мрассу и Кондомы и на р. Томи) рыболовство превратилось в основную отрасль хозяйства.

«Главным занятием их (шорцев низовьев р. Мрассу, в частности — жителей улуса Усть-Мрассу), — пишет Радлов, — является рыболовство, которое здесь прибыльно» (Aus Sibirien, т. I, стр. 346).

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб., 1776, кн. III, ч. I, стр. 514 и 367.

В верховьях рр. Кондомы и Мрассу и на их многочисленных притоках рыбная ловля, наоборот, имела подсобное значение и носила почти исключительно потребительский характер. Но и в низовьях рек рыболовство никогда не обеспечивало шорское хозяйство. «Рыболовство, — пишет Радлов, — не является выгодным занятием. Дохода от рыболовства едва хватает, чтобы прокормиться и одеться» (Aus Sibirien, I, 349).

Добывание рыбы из-под камней, ловля мелкой рыбы сачками — наиболее примитивный способ рыбной ловли, так же как и собирательство, были работой женщин и детей.

В рыбной ловле сетью участвовал обычно коллектив (часто родственник) и добытую рыбу делили поровну между участниками промысла. Иногда владелец сети получал лишнюю «долю» на сеть. Часто случалось, что богачи снабжали бедных, лишенных средств производства, шорцев сетями и за это забирали у них большую и лучшую часть улова.

В рассказах и сказках, отражающих реальную бытовую обстановку шорцев, говорится и о рыболовстве. Так, в сказании о Шулбаеве герой идет на берег реки, šogug šabaγa — перегораживает реку, чтобы добыть поднимающуюся вверх по реке рыбу. В сказке о «Самом маленьком сыне хозяйки воды» женщина добывает сачком мелкую рыбу (ölēn~ülēn). Стоя на отмели реки, она поднимает ногой со дна ил и тут же нечаянно ударяет самого маленького сына хозяйки реки, неловко запутавшегося у нее между пальцами. В сказке «Одинокый парень» рыбаки ловят рыбу сетью и вытаскивают щуку — сына хозяина воды. В одной из легенд о «хозяевах» воды парень пускает стрелу в рыбу, и стрела попадает в глаз хозяину воды, вышедшему поглядеть на свою рыбу.

Скотоводство у шорцев было слабо развито. А. В. Адрианов, путешествовавший по Кузнецкой тайге в 1880 г., писал: «Здесь (речь идет о долинах рр. Пызас¹ и Онзас) нет ни одной коровы, так что не только взрослые, но и дети никогда не видят молока».²

О жителях тех районов, где скотоводство было мало развито, слагались поговорки.

«На склоне горы снег не держится, у рода Калар скот не водится».

¹ Левый приток р. Мрассу.

² А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны совершенное в 1881 году. Записки РГО по общ. геогр., т. XI, 1886, стр. 195 и 186; см. также Сибирская газета, 1881, № 38 и 39. Radloff W. Reise durch den Altai, Archiv für wissenschaftl. Kunde v. Russland, B. XXIII, 1865, стр. 41; Вербицкий В. Записки миссионера за 1861 г. Православное обозрение, 1862, стр. 36.

«Кыйцы — в берестяном казане воду кипятили. Сливки с нее сняв, питались. Казан развалился, род Кый — расселился».¹

Зато богатые шорцы, особенно в низовье р. Мрассу и на р. Кондоме, имели скот, необходимый им как для сельского хозяйства, так и для завоза товаров в тайгу. Для ухода за скотом и для заготовки сена они обычно держали наемных рабочих — šalču.²

«Это было в то время, когда отец мой бедняк был, когда был я šalču у злого богача. У отца моего ни коровы, ни коня не было. У скверного богача скот был».

Противопоставление охотничьего промысла тайги скотоводству соседних районов Алтая и Минусинских степей — обычный мотив в фольклоре.

«Что лучше всего в белых Бачатах?³ — В степи разводимый белый скот лучше всего! Что лучше всего в исчерна черной тайге? — Имеющий шесть когтей черный соболь лучше всего».

Наивное объяснение тому, почему у шорцев мало скота, а по соседству, в горах Алтая и в степях Хакасии, пасутся многочисленные табуны, дается в легенде о путешествии сыра — rušlaq.

«Некогда сыр — rušlaq — путешествовал по тайге, в горах Алтая и в Минусинском крае. Когда он упал в Минусинской степи и на Алтае, ему там подставили кожаный чапрак. Кожа не прорвалась и сыр не упал. В кузнецкой же тайге ему подставили берестяную подстилку — береста прорвалась и сыр упал. После этого сыр сказал, что на Алтае и в Минусинских степях будет водиться скот, а в тайге не будет». Легенда заканчивается следующим словом: «Если бы и у нас в тайге сыру чапрак из кожи подтянули, скот у нас также водился бы».

Некоторые легенды говорят о проникновении в тайгу скотоводства.⁴ Обычно такие легенды начинаются описанием древнейшей хозяйственной стадии, предшествовавшей скотоводству, а именно стадии охоты и собирательства.

«Давным давно тому назад было. У подножья тайги, на берегу воды поставив юрту, мать с ребенком жили... Сын той старухи в далекой тайге

¹ В. В. Радлов. Словарь, т. IV, стр. 1027: «Кара шорцы кипятили воду и ели сливки с нее».

² В. В. Радлов писал: «Die Viehzucht (ул. Красный Яр, низ. Мрассу) ist hier nicht unbedeutend, da die Ebene sehr heureicht ist und auch wegen des Ackerbaues mehr Vieh gehalten werden muss». Reise durch den Altai. Archiv f. wissenschaftl. Kunde v. Russland, B. XXIII, 1865, стр. 42.

³ Т. е. у телеутов.

⁴ Ср. В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. II, 1868, стр. 1; И. Я. Никифоров. Аноский сборник. Записки Зап.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XXXVII, 1915, стр. 65.

на зверя-птицу охотился... Та старуха недалеко от юрты кандык и сарану выкапывала».

Далее идет рассказ о появлении скота. Причем в одних легендах к стойбищу неизвестно откуда вдруг прибегает конь, и герой-охотник, принимая коня за дикое животное, натягивает свой лук, чтобы застрелить его. В других же — таежные жители сами, из-за уменьшения зверя и диких корней, оказываются вынужденными спуститься в степи, где они находят много скота.

«Мать и сын долго жили... Опять сильный ветер ворвался. Бело-сивый конь откуда то прибежал... Взяв того коня они из тайги вышли; разбогатев жить стали».

Или:

«В тайге зверя-птицы много было. В тайге кандыка, сараны много было. В тайге зверя-птицы мало стало, кандыка-сараны мало стало. С голода что ли нам умирать? пойдём-ка мы! — так сказали. Из тайги пошли... Спустившись в степь, там жить стали».

Этот последний мотив, по всей вероятности, находится в связи с переселениями, которые шорцы предпринимали во время голода «за хребет», в Минусинскую степь. Еще в XVII в. киргизы на требование русских вернуть ушедших из кузнецкого ведомства их киштымов (данников) шорцев — «чтобы они (т. е. киргизы) — тех Кузнецкого уезда мрасских и кондомских ясачных людей у себя не держали, а отослали их от себя, от киргиз, в Кузнецкий уезд, на Мразу и на Кондому на старые их кочевья» — отвечали: «мрасские и кондомские люди — киштимы наши киргизские и пришли де к нам кормиться».¹

О таких переселениях помнят еще многие старики. Рассказы о переселениях говорят о причинах переселений довольно однообразно. «Белки не было. Промысел был плохой»; или: «Хлеб вымерз, градом побил» — вот обычные мотивы переселений из тайги в степь.

Сопротивление, которое встретила в тайге нарождающаяся новая хозяйственная форма — скотоводство, ярко отразила легенда о «Двух быках», известная шорцам как Горно-Шорского района, так и Хакасии.

«Два быка по шорской тайге шли. Они возвращались из Абаканской степи по направлению к Алтаю. Им по непроходимой тайге итти тяжело было. Рога за деревья зацеплялись, итти не могли. Копыта корни деревьев

¹ Грамота Томским воеводам кн. Кольцову-Мосальскому и Молвянинову об убоге ясачных Кузнецкого ведомства к киргизам 1643 г. Ноября 12. Исторические акты XVII столетия изданные Инн. Кузнецовым, Томск, 1890, № 4.

задевали, унавшие колодины дорогу преграждали. Когда они на хребет гор поднимались и по горам хотели итти, — хозяева гор итти им не давали, в свои горы утащить их хотели. Когда они спускались к рекам и по берегу рек итти хотели, — хозяева рек берегом им итти не давали, хотели затащить их в воду».

Духи хранители старого порядка и враги всего нового, «хозяева» гор и вод, всячески препятствуют проникновению в тайгу «двух быков» — предвестников новой хозяйственной формы, стараясь задержать их шествие.

Появление скота вызывает всеобщее удивление.¹

«Охотник, увидя проходящих через тайгу огромных быков, очень удивился и закричал:

Абу, с какими огромными рогами звери в нашу землю пришли... Из какой земли могли притти такие звери! Как бы ни пришли они из земли айна!»

«После снова прошло девять лет, другой народ туда воевать пришел. Пришли люди на лошадях. Та женщина, их увидев, удивляясь кричала: „Смотри! скот с каменными копытами, с камышевыми ушами сюда как пришел!“»

В фольклоре отразилось двойственное отношение охотников и собирателей к скотоводам и к степной жизни. С одной стороны — зависть к многочисленным табунам степняков² и восхищение привольем и простором степи,³ с другой — любовь к своей тайге⁴ и презрение к быту и пище скотоводов.

¹ Такое же отношение к скоту отмечено у охотничьих племен Минусинского края, у которых скотоводство было мало развито, а именно у бельтиров и койбалов. В преданиях бельтиров говорится: «Когда бельтирам привелось впервые увидеть лошадей, то они крайне удивились их копытам». Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Записки по Отд. этнограф. Русск. геогр. общ., 1909, т. XXXIV, стр. 82.

Предание койбалов рассказывает, что «колено Чоңмай в древности, боясь мычания коров, забиралось на верхушки берез». Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897, стр. 82.

С. Майнагашев сообщает о роде Чоңма, который он считает родственником исчезнувшему уже койбальскому племени «кистим», следующее: «род Чоңма боялись коров, думая, что у них штыки на голове». Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3, 1914, стр. 110.

² Бедные скотом койбалы с завистью говорили Кастрену: «У них, т. е. у качинцев, в течение всего года водится айран и кумыс, и скот кипит подобно муравьям около их юрт». М. Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. СПб., 1856, стр. 306.

³ Когда шорец переезжал через хребет в степь, он долго обычно стоял, окидывая взглядом широкий простор и повторял: тауат џер! — роскошная земля!

⁴ См. частые упоминания в древне-орхонских надписях о привязанности и любви «лесников» к своей тайге.

«Там (т. е. в степи) живет народ, который айран пьет, в молоке руки моет!»

«Сидя в седле пьют они айран, сидя за столом кумыс пьют».

«То была широкая степь, роскошная привольная земля!»

«В тайге если умру, умершие кости в родной тайге лежать будут; в степи если умру, умершие кости в чужом песке лежать будут!»

«Молоком ребенка не души! Молоко для таежного человека разве пища!»

Посланцы киргизских князей, джунгарского кон-тайши и монгольского Алтын-хана с давних пор вторгались в тайгу и требовали от шорцев албана — дани. Шорцы принуждены были отдавать в албан добытую ими пушнину, железные изделия и даже ячмень со своих крошечных посевов.

«... киргизы, — пишет Миллер, — яко хищный народ к их жилищам подъезжали, и тогда сии татары откупались у них подарками, а именно давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее для освобождения себя от полону или от горшего еще заключения» (Описание Сибирского царства, СПб., 1787, стр. 334).

Посланец джунгарского кон-тайши «во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на кон-тайшу алман ... и в подгорной в Забийской волости ясачным людям угрожали: буде вышепомянутого алмана всего не изготовят и за то их ясачных хотели перевешать и хлеба их пожечь, и о том в Кузнецку от них ясачных иноземцев есть многие избиты ...» (Памятники Сибирск. истории, кн. II, 319).

В легендах и сказаниях шорцев говорится о таких грабительских набегах. Называются какие-то неизвестные народы Чот или Шот, исторически известные народы, в первую очередь киргизы, или же говорится глухо о ханах степи (подразумевается, видимо, Абаканская или Енисейская степь).

Жестокость таких набегов, независимо от имени нападающих, передается с поразительным однообразием.

«Народ Шот приходил, народ убивал, албан брал».

«Хан степной стороны мясо с боков свертывал на спину, так плетью стегал. Мясо спины свертывал на грудь, так их бил».

«(Киргизы) тех людей прутьями стегали, требуя от них хлеба».

В этих легендах рассказывается, как напуганные шорцы убегали от грабителей и прятались в лесах, среди скал. В них говорится также о выступлениях шорцев против вторгающихся в их тайгу, об объединении родов в борьбе с врагами, о богатырях — заступниках за своих сородичей, — чьи богатырские стрелы «летали выше облаков, перелетали через высокие хребты».

С такой же жестокостью вторгались в тайгу и казачьи отряды, посылавшиеся царским правительством для объясачивания шорцев.

В наказах воевод при обложении шорцев данью — ясаком предписывалось:

«Буде которые кузнецкие ясачные люди ясаку государю давати не учнут... над теми кузнецкими и над колмацкими людьми промышляти сколько милосердный бог помощи даст...» (Сб. кн. Хилкова, стр. 192).

Царское правительство выкачивало ясак, в основном пушнину (соболей и все то, что шло в «соболей место»), всеми средствами. На сборе и сдаче ясака наживались как русские чиновники в городах, так и свои шорские паштыки, эсаулы и т. д.

И поэтому совершенно понятно нам следующее свидетельство о шорцах, относящееся к XVII в.:

«Там живут некие странные и пугливые люди народа татарского, кондобская и иные некие орды» (Русское государство в половине XII в., стр. 16), — свидетельство, повторенное много лет спустя акад. В. В. Радловым, посетившим шорцев в 1861 г.: «Робкие и боязливые они убегают от каждого чужого» (Aus Sibirien, стр. 350).

Угнетавшиеся веками русскими чиновниками и торговцами и своими паштыками и баями, шорцы в Октябре 1917 г. получили освобождение вместе со всеми народами царской России. Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая национальную рознь и национальное угнетение, сделала шорцев равноправными гражданами Советского Союза. Отсталая царская колония, Кузнецкая тайга, превратилась в 1925 г. в национальный Горно-Шорский район.

В глухой, едва проходимой тайге зажглись огни социалистического строительства. Шорцы, столетия ступавшие по неизмеримым богатствам своих гор и голодавшие на неведомых богатствах, стали хозяевами их и рука об руку с русскими рабочими спустились в шахты и рудники, чтобы добыть оттуда уголь, железо и другие ископаемые для нужд страны. На берегах рек, в долинах выросли колхозы; на склонах гор, где некогда день за днем женщины и дети вскапывали жесткую почву мотыгой-абылом, прошепел конь, а в широких долинах «загрохотал неведомый прежде трактор». Шорцы-охотники, бродившие полуголодными в тайге с самодельными ловушками и старыми изношенными дедовскими ружьями в поисках пушного зверя и отдававшие его за старый долг торговцу, объединились в охотничьи артели. Снабженные усовершенствованными орудиями промысла, они из года в год выполняют и перевыполняют план пушных заготовок.

Вместе с зажиточностью пришла в тайгу и культура. Шаманы с их дикими камланиями отошли в область прошлого. Почти поголовно неграмотные шорцы успешно идут к полной ликвидации неграмотности. Школы густой сетью покрывают тайгу.

Новая советская действительность вызвала к жизни новые произведения народного творчества, живо и ярко отразившие великие сдвиги, происшедшие в Горно-Шорском районе за годы советской власти в области хозяйственного и культурного строительства.

4

Переходя к специальному рассмотрению героических поэм, необходимо указать прежде всего на их поразительное сходство, достигающее иногда почти до полного тождества, с героическим эпосом других алтайских и енисейских тюрков.

Это сходство объясняется, по всей вероятности, отчасти тем, что шорцы в течение продолжительного времени находились с алтайскими и енисейскими тюрками в интенсивных экономических отношениях; кроме того, по имеющимся данным можно даже предполагать о существовании древней родственной связи между отдельными родами этих народов. Так, напр., мы находим у шорцев и у сагайцев общие названия для родов Кобый, Карга и др., причем представители этих родов называли прежде друг друга *qarundaš kızı ~ qarundas kızı*, т. е. «брат-человек» или «единоутробный человек».

Содержание героического эпоса шорцев резко отличается от выше рассмотренных образцов шорского фольклора.

В эпических поэмах, если и встречаются упоминания о тайге, которая вырастает выше облаков, и о героях, охотящихся на диких коз, оленей и маралов с луками и стрелами, все же наиболее ярко вырисовывается быт хана, владельца огромных стад.

Основной тематикой всех поэм является борьба героя со своим противником или противниками. Эта борьба может не прекращаться со смертью героя, а часто продолжается и после его смерти его сыном, племянником, каким-либо другим родственником или другом. Мотивы борьбы различные. То герой ведет ожесточенную борьбу против могущественного хана, вторгшегося в чужие владения, разрушившего стойбище, захватившего скот и наложившего дань на народ, то он мстит за убий-

ство своего родственника или друга, то он заступает за более слабого богатыря, ставшего жертвой хана, то он выступает, как поборник справедливости, против насилия и произвола. Иногда же борьба возникает из-за похищения женщины, из-за насильственного увода жены, сестры или дочери героя, из-за соперничества в овладении женщиной. Местом действия является обычно степь без границ, берег моря, подножье горы-тайги, где стоит ханский дворец.

В эпических поэмах нашло отражение развитое скотоводство, хан выступает как владелец многочисленных стад. Его скот сравнивается со звездами на небе, с галькой на реке, с россыпями камней в тайге.

«Народ стоит как черная тайга, скот лежит как пестрая галька».

«У подножья белого таскыла, словно белые гниды, скот стоял. Подданным народом правящий, белого скота счета не знающий один хан жил».

«У подножья белой горы, белый скот, словно звезды на небе, рассыпался».

Эпитеты «бесчисленный», «счета не знающий» обычны при описании ханских табунов.

«Счета не знающий скот лежит, счета не знающий живет народ. Нехватает подданному народу земли, чтобы жить, белому скоту, чтобы пастись, нехватает травы».

Увеличение своих стад — главная забота хана. Для этого он совершает постоянные набеги, воюет с другими ханами.

«В далекий путь я отправился, чтобы скот семи ханов, юрты их разрушив, в свой юрт пригнать! — хан сказал».

«К платящему дань своему народу народ семи ханов присоединил, к пасущемуся в юрте белому скоту скот семи ханов прибавил».

«Если в течение шестидесяти лет я вернусь назад, то, прогибая землю, пригоню скот Кара Мюкю, запружая степь, народ Кара Мюкю пригоню».

«Кан Мерген каменный очаг Кара Мюкю разламывает, море-золу разбрасывает. Жилое стойбище усыпив, малое стойбище (скот) ржать заставляет. Кан Мерген белый скот и подданный народ Кара Мюкю, подняв с места, в свою собственную землю угоняет. Кан Мерген скот и народ гонит. Великий 'кай' наигрывает, великую песню поет. Впереди идущий скот, травой питаюсь, идет, сзади идущему скоту нехватает травы, чтобы пастись, он красную почву лижет. Когда скот через белое море перегоняет, то впереди идущий скот воду пьет, сзади идущему скоту воды нехватает; песок облизывая, он переходит».

Покорение хана и угон его табунов ставил его в положение пастуха, стерегущего стада победителя.

«Если чистой души тебе жалко, твой белый скот гони, твой подданный народ гони! Если ты в мою землю отправишься и там белый скот мой будешь пасти, чистую душу твою я пощажу! Если же ты не захочешь гнать ко мне твой белый скот и подданный народ, стройный стан твой в девяти местах я переломлю!»

«Кан Мерген великим рыданием рыдает, великим огорчением огорчается. Если Шайгын Мерген в живых останется, мне, Кан Мергену, так и придется пастухом умереть, охраняя скот Шайгын Мергена».

Хан, не имеющий потомства, горюет о том, что его скот перейдет в чужие руки.

«Ай Кан, за золотым столом сидя, в великий плач вступил: Ребенка не имеющий, несчастный человек я, нажитый мною скот в руки чужого человека перейдет. Когда умру я, через великий хребет белый скот мой погонят, подданный народ мой погонят».

«Тяжелое время придет, станешь ли, зять мой, заглядывать-заступаться, чтобы нажитый в жизни белый скот не попал в чужие руки!»

У каждого хана есть свой *ġurt*¹ — юрт-стойбище, в котором стоит его золотой дворец, где пасется его скот и живет подданный народ. Из этого стойбища хан отправляется в свои походы, туда же он гонит завоеванный им скот и народ.

После смерти хана его юрт вместе со стадами и подданным народом переходит к его потомкам.

«Не осталось разве богатыря-потомка (*tölü*) у Кёк Кана, чтобы юрт его восстановить, чтобы белый скот его обратно вернуть и подданный народ его собрать?»

«Ак Кан в великий плач вошел. Не имеющий ребенка старый человек я, юрт мой одиноким, покинутым останется!»

Враждующий хан разрушает юрт-стойбище своего противника.

«Чтобы за отца отомстить, усыпив жилое стойбище, заставив ржать малое стойбище твое, белый скот твой угнать я пришел!»

¹ *ġurt* — место жительства, стоянка, жилище, страна, народ. Радлов, III, 548. '*ġurt*' — народ, стойбище, государство, царство. Вербицкий, 103.

'*yurt*' — по объяснению акад. Владимирцова — «район, территория, принадлежащая одному роду». «Территория, на которой обычно кочевала какая-нибудь социальная единица, — пишет Б. Я. Владимирцов, — называлась *puntux* или *putug* по-монгольски и *yurt* по-тюркски; слова эти обозначали также становище — место жительства». «*Yurt*, т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину '*noyal*' или царевичу '*köbeġin*'. Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 57, 158.

«Каменные очаги разбил, море золы разбросал. Жилое стойбище усыпил, малое стойбище ржать заставил. Камни очага разворотил, казаны опрокинул».

О разрушенном стойбище говорится:

«На том месте, где скот стоял — жгучая крапива выросла; на том месте, где народ жил — зеленая трава выросла. Голосистый соловей лишь щебечет. Белый скот весь угнали, подданный народ весь угнали».

Ханам, угнетающим народ, разоряющим чужие стойбища, противопоставляются богатыри, которые «чужих жалеют, за неродных заступаются», которые делятся своей охотничьей добычей с народом, которые «коней неимеющим коней дают, пищи неимеющим коров дают, одежды неимеющим одежду дают».

В образах этих богатырей, борющихся с ханами насильниками, заступающихся за обиженных, воплотилась борьба угнетенного народа против своих поработителей, чаяния народа, его мечты о лучшей жизни, об уничтожении притеснений, обид и насилия. Сочувствие сказителя и слушателей всегда на стороне героев, выразителей народного гнева, народных чаяний и надежд.

В юрте-стойбище хана живет платящий дань народ — *albatqy ġon*. Количеством платящего дань народа измеряется могущество и сила хана.

«Посреди белой степи, среди народа, платившего дань, солнцем, луной освещенный, дворец золотой стоит».

«У подножья царя тайги, по берегу царя моря, углами юрт своих наступающий друг на друга живет дань платящий народ».

«Подданный народ, албан принесший, как черная тайга стоит».

Когда отдельные ханы воюют между собою, тот, кто оказывается сильнее, уводит народ покоренного соперника к себе, и народ этот отныне должен платить ему дань.

albatqy ġon покоренного хана перегоняется в *ġurt* победителя и продолжает платить албан, но уже другому хану, хану-победителю.

Дань с народа взимается ханом с невероятной жестокостью.

«Это была земля, куда шестьдесят богатырей дань принося, входили; это была земля, откуда семьдесят богатырей, подать отдав, назад выходили. Заплатившие подать богатыри со смехом выходят. Богатыри, полностью не заплатившие дани, со слезами выходят. Из их спин ремни в семь пальцев шириною выдирали».

Но народ протестует против произвола своего порабощателя-хана. Устами своего героя-богатыря он говорит:

«Разве мало ты белого скота угнал? Разве мало ты подданного народу угнал? Разве мало стойбищ ты разрушил? Разве мало дани забрал? Теперь стан твой стройный переломлю — я!».

Кроме главных действующих лиц — ханов, богатырей и народа, платящего дань — в героическом эпосе фигурируют еще пастухи ханских многочисленных стад, *mätür tas*.¹

«Это увидев, Ак Кан из золотого дворца вышел. Сорок тасов (т. е. пастухов) позвал, сорок топоров им дал, тридцать тасов позвал, тридцать топоров им дал».

Пастухи, пасущие ханские табуны, охраняющие главное богатство хана, выступают иногда как его доверенные лица.

«Кан Мерген стерегущего скот Матыр Таса к себе позвал и сказал: Так, мой пастух, Матыр Тас! Я, Кан Мерген, мою сестру, Кан Арго, искать еду. Пока не найду сестры, Кан Арго, в эту землю назад не приеду. Пока я не вернусь, — ты ханом будь и управляй!»

На ряду с *mätür tas*'ами упоминаются чайзаңы — *čajzaң*.² Значение термина *čajzaң* забыто и осмысливается сказочником, как хранитель стад хана, слуга, прислуживающий на пирах, доверенный хана.

«Великая свадьба была. Чайзаңы, разделяя мясо, богатырей угощали. Поднося чашу, которую шестьдесят человек выпить-опорожнить не могут, богатырей угощали».

В некоторых поэмах чайзаңы выполняют такие же функции, какие в других поэмах выполняют пастухи.

¹ *mätür* ~ *bätür* — богатырь. *tas* — гладкий, голый, безволосый, плешивый, *tas paslu* (Ваг) — паршивый. Радлов, III, стр. 915. В примечании к телеутской сказке Козика и Баян Силу говорится: «тасом называют мальчика, голова которого острижена, чтобы предупредить от паршивости. Это делается с мальчиками осиротевшими, которым приходится расти без материнского общества». Труды Томского общества изучения Сибири, т. III, вып. 1, 1915, стр. 83.

Может быть пастухи получили название *tas* потому, что они обычно вербовались из нищих слоев населения, из сирот.

² *čajzag* (Sag) — служитель, чиновник царя; *jajzan* (Alt, Leb, Tub, Tel) — зайсан, вышний начальник алтайских калмыков. Радлов, III, 14, 1830. *jajzan* ~ *čajzan* у монголов — одно из лиц феодальной иерархии. Владимирцов, назв. соч., стр. 84.

«*Jajzaң* — второе привилегированное сословие белой кости». О. И. Леонтович. Древне-монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (стр. 57. Одесса, 1879). Зайсанам (*sajzaң*) алтайцев у шорцев соответствовали паштыки (*pastuq*) — административные лица, собиравшие албан, производившие суд и т. д. Термин *čajzaң* в шорском языке значит красивый, видный (напр. *maḡat čajzaң aḡaš roldu* — очень красивое дерево было. См. также Радлов, III, 1830), сказочники иногда объясняют *čajzaң* как красивый, полный, солидный человек. См. упоминание о *čajzaң* у Радлова, Образцы, т. I, стр. 350, пер. 344.

«Слугам (чайзаңам) распоряжение дал: Чалого жеребца весь табун заколите и, накroпив (мясо), пир устройте, гнедого жеребца весь табун заколите и, изрезав, пир устройте!»

«Кара Пурба и Алтын Сабак мальчика на бело-серого коня посадили и в его стойбище-землю отправили. Белый скот и подданный народ шести чайзаңам в руки отдали и в землю Алтын Тайчи отправили».

В героическом эпосе встречается и термин раб — *quḡ*.¹

«Кан Мерген, сказав „Какого человека собака ворчит, какого человека раб разговаривает!“ — даже косо не посмотрел».

«Олең Тайчи, увидев, зубами заскрипел: „Стой, негодный! .. Что (это) за собака, что за раб!“»

В поэмах фигурируют и кузнецы. Кузнечество, которое уже очень давно было известно на Алтае, в частности на Северном Алтае, в Кузнецкой тайге,² также естественно нашло свое отражение в героическом эпосе.

«С великого хребта глянул, земли он Кара Мюкю достиг. В этой земле стук девяности молотов через твердые мозги насквозь проходит. Внутри черного города, в этой земле раскинувшегося, девяности кузнецов куют. Девяности кузнецов оттуда вышли. В девяности щипцов богатыря, имеющего спину с тайгу, защемили и в черное море свалили».

В некоторых поэмах прямо подчеркивается имущественное неравенство.

«На великую свадьбу народ собирается. Семидесяти ханов народ весь собирается. Надевшие истертые, в заплатах шубы — на лыжах, не побитых шкурами, приходили, из разноцветного шелка шубы надевшие — на гнедых конях приезжали».

«После того как много ли, мало ли времени прошло, лежавшее на бересте мясо истощилось, — весь народ разошелся, дно казанов зазвенело и народ разошелся. Люди, которым достались мозговые кости, прославляя, возвращаются. Те, кому достались кости с хрящами, проклиная, возвращаются».

¹ Слово '*quḡ*' в героических поэмах имеет всегда оттенок ругательства. В обычной речи термин *quḡ* встречается редко, слово *quḡ* имеет иногда значение: слуга, батрак.

См. о рабстве на Алтае и особенно в Джунгарии — Шашков. Рабство в Сибири. Собрание сочинений, т. I, 1898, СПб., стр. 50. Дело, 1864, № 1—3; Материалы по истории Сибири. Чтения в имп. Об-ве истории и древностей российских, 1866, книга 4-я; 1867, книга 1-я и 2-я; Памятная книжка Зап. Сибири, 1882.

² О добыче руды на Северном Алтае имеются многочисленные исторические свидетельства. См., напр., Миллер, Описание Сибирского царства, 1787, стр. 335: «Живут они (кузнецкие татары) в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецкими, потому что железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащие к звериному промыслу орудия».

«Те, которым достались кости с жиром, благославляя, с пира возвращались. Те, которые грызли сухие кости без мяса, проклиная, возвращались».

В связи с характером общества, в котором оформлялись героические поэмы, находится то, что в последних отсутствует термин 'sök' — род. Вместо него мы все время встречаем термин töl,¹ в значении: потомки того или другого хана, владеющие наследственно его юртом, скотом и albatqu čon'ом. Точно так же место терминов 'sök kižileri' — 'сородичи', 'qarındaš kiži' — 'братья', занял в героическом эпосе термин 'albatqu čon' — народ, платящий албан.

В богатырском эпосе, в котором, как мы видим, отражены главным образом отношения, возникшие на базе развитого скотоводческого хозяйства, мы, однако, находим и отголоски более ранних хозяйственных форм и более примитивных социально-экономических отношений.

Охота — одно из любимых занятий богатыря-хана.

«На бело-рыжего коня он сел, в белую тайгу отправился. В белой тайге охотился. Горных зверей на горе убивал, водяных птиц на воде убивал. Из зверей на жирных охотился, тощих он отпускал. Из птиц жирных убивал, тощих отпускал. У подножья белой горы проезжая, на зверей охотился, по берегу черного моря проезжая, на птиц охотился».

Причем, и это особенно интересно, при распределении продуктов охоты опять воскресает воспоминание о нормах распределения, господствовавших в примитивном охотничьем хозяйстве: хан богатырь берет себе лишь часть добытых на охоте зверей и птиц, остальное он отдает подданному народу.

«Поднявшись в свою тайгу, где он всегда охотится, Ак Кан видит: летают птицы крылатые, небо закрывая, бегут звери, имеющие раздвоенные копыта, степь запружая. Из зверей жирных выбирая, Ак Кан стрелял. Из птиц жирных выбирая, стрелял. Добычу навьючил на бело-сивого коня и (в свое стойбище) возвращаться стал. Половину зверя-птицы подданному народу отдал. Половину зверя-птицы в золотой дворец привез».

«Кök Кан, подножьем горы проезжая, зверей убивал, берегом моря проезжая, птиц стрелял. В свой юрт возвратясь, большую часть убитых зверей-птиц подданному народу, разделив, дал, маленькую долю в золотой дворец внеся, старшей сестре Кök Арыг подал».

Пережитки былой родовой собственности на охотничьи угодья могут быть усмотрены в словах богатырей, протестующих против

вторжения чужих богатырей в их тайгу. Обращаясь к нарушителю границ его владений, хан говорит:

«Что ты за богатырь, что в чужую тайгу промыслять едешь?! Всякий из богатырей в своей отцовской тайге на зверей и на птиц пусть охотится!»

Имена богатырей «Мерген»¹ — «Меткий стрелок», «Мökö»² — «Силач» восходят к тому состоянию общества, когда в расчет принималось не имущество человека, а преимущественно его личные качества и заслуги.

Герои ханы говорят, как правило, не только о тöl'е отца, но и тöl'е матери:

«В течение девяти поколений отцов он врагом моим был, в течение девяти поколений матерей моих он противником моим был. Теперь юрт-стойбище его я разлушу!»

«Разве Кюмнүш хан из тöl'я отца твоего будет, что ты ради него дерешься; разве он из тöl'я твоей матери будет, чтобы ему помогать».

В эпосе часто упоминается о том, что хан живет вместе со своей сестрой —

«Внутри золотого дворца хан воронов, черного подданного народа начальник, имеющий старшую сестру Кан Арго, — Кан Мерген живет»;

что хан привезенную с промысла добычу отдает сестре —

«Свою добычу Кара Кан в золотой дворец внеся, сестре своей Кан Арыг подал»;

что сестра хана заботится о его браке —

«Это услышав, Алтын Тана говорит: „Итак, единственный брат мой, до старости дожить, не женюсь, разве ты думаешь? Невеста, которую ты должен взять, скоро попадет в чужие руки, а ты, в золотом дворце прозябая, живешь!“»

Отмечаются особо дружественные отношения между ханом и его сестрой —

«Кан Кök своего старшего брата, Чаш Салгына, не может найти. Весь этот свет кругом объехала».

«Говорит Кан Мерген: „Так, мой кроваво-рыжий конь. Если сейчас из нашей земли, перешагнув, отправимся, то пока не найдем моей сестры, снова

¹ töl (Alt, Tel) — плодovitость, (Sag) — потомство, дети, поколение, род. Радлов, III, 1260. töl, töle, tölö, tölü, tölge — поколение, род. Вербницкий, 367. О термине töl см. в примечаниях.

¹ Мәрбән (Tel) — стрелок, мергән (Kir, Sag) — стрелок, тяжелый, важный, сильный.

² Мökö (sag, koib) — сильный, rökö (Alt, Tel, Leb, Sch) — сильный, храбрый, силач, сила. Радлов, IV, 21, 29, 2094. Ср. также Влaдимирцов, 63.

в эту землю не войдем. Буду ездить, пока не отпадут твои, кроваво-рыжего коня, четыре копыта. Если не найду Кан Арго, сестры моей, мои два плеча, лежа на черной земле, пускай сгниют!“»

Встречается наименование ханов не только по имени отца, но и по имени матери —

«Старик пришел и имя мальчику дал: „Ты будешь имеющим отца Аба Кулак, имеющим мать Ай Сабак“»;

по имени сестры —

«Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго»;

«Кан Кылыш в юношеском возрасте был; он был имеющим старшую сестру Кан Арыг».

Все это бесспорно указывает на пережитки материнского рода, когда человек назывался по матери, принадлежал к роду своей матери и теснейшим образом, естественно, был связан со своей сестрой.

Очень возможно, что в сюжете борьбы богатыря с братом своей невесты за обладание ею следует усматривать отголосок того отдаленного времени, когда брачное право на сестру принадлежало ее брату. Так, напр., в богатырской поэме «Алтын Картыга» герой Алтын Чөбе едет отыскивать свою невесту Кара Пурбу. Кара Пурба сидит во дворце своего старшего брата, Кара Сипечина, и «великим плачем рыдая, говорит: Меня, Кара Пурбу, ребенка Кара Кана, имеющего чистый разум, мой старший брат, Кара Сипечин, в то время, когда мне было три года, украл и к себе привез. Если предназначенный мне в мужья Алтын Чөбе не придет, всю жизнь я, Кара Пурба, должна буду жить в земле Кара Сипечина! — Так говоря, великим рыданием рыдает, великим огорчением огорчается. Алтын Чөбе рыдание Кара Пурбы услышав, не в силах был больше выдержать. Я здесь! — он закричал. Алтын Чөбе в золотой дворец вошел, к спящему Кара Сипечину подошел; он вытянул руку, достигая ею до потолка, и бьющееся сердце храпящего Кара Сипечина наметив, опустил (ее)». Далее рассказывается, как герой сражается с братом своей невесты, Кара Сипечином, убивает его и увозит Кара Пурбу в свой юрт.

В эпосе нашли также свое отражение древние обычаи, связанные с поворотом, заключением мирного союза или договора.

«Обменялись друг с другом стрелами, разрезав большой палец, кровь друг у друга сосали. Они стали друзьями, ближе пары рогов».

«Двумя друзьями, как пара рогов, они становятся, золотыми пулями обмениваются, Палец разрезав, друг у друга кровь сосут».

В богатырских поэмах выявлены также и религиозно-магические представления, существовавшие в тот период, когда эти поэмы слагались. Так, напр., представления о подземном мире, о злых духах — айна, о сверхъестественном рождении богатырей и т. д. Это более древний пласт героического эпоса, уходящий своими корнями в далекое прошлое. Из глубины этого прошлого пришли все эти народные герои — Мерген и Мөкө — храбрецы, сражающиеся в опасных поединках, защитники беззащитных, смелые, искусные охотники, своей добычей делившиеся со своим народом. Оттуда же вся фантастика этих поэм, подземный и надземный миры, населенные духами и чудовищами.

Героические поэмы, на той стадии, на которой мы их наблюдаем у шорцев, представляют полустихотворные, полупрозаические произведения. Обычно стихотворный текст поэмы прерывается весьма значительными вставками прозаического текста. Надо отметить, что большая или меньшая сохранность ритмики героических поэм зависит в значительной степени от одаренности и памяти сказителя.

Героические поэмы различны по длине и структуре; они могут включать один эпизод или звено за звеном ряд эпизодов, причем отдельные эпизоды часто общи для ряда поэм.

Рассказывают героические поэмы специальные сказители, *qajśu*, из коих каждый имеет свой репертуар и свой напев. Рассказывают поэму нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента, *qaj qomus*. Хорошие сказители пользуются известностью и к ним относятся с уважением. Рассказывание богатырских поэм у некоторых сказителей является как бы потребностью.

«Рассказать сказку» по-шорски — *pybaq salaγa*, т. е. «класть сказку» или *pybaq uzaγa*, т. е. «посылать, отправлять сказку» или «сопровождать сказку». Сказочники часто говорят: *men pybaq usytqamda — saγuγum pybaq-ра aγan-paγubysca* — «Когда я посылаю сказку (т. е. рассказываю), мой ум (т. е. мои мысли) со сказкой, кружась, уходит». Или: *men saγuγum pybaq soγu-ba pardu* — «Мой ум по пути сказки отправился».

Если у сказочника настроение бодрое, веселое, он выбирает в качестве главного героя поэмы удачливого богатыря, такого, который по ходу рассказа оказывается победителем и, называя его, прибавляет слова *pistin aγubys* — наш богатырь, или *men aγubum* — мой богатырь. Если же сказочник опечален, огорчен, он выбирает богатыря, который по ходу событий погибает.

Настроение, внимание слушателей крайне важно для сказителя. Поощрительные выкрики, возгласы сожаления или радости, поддакивания создают

у сказителя приподнятое настроение, и его рассказ течет плавно и связно. Наоборот, если присутствующие начинают разговаривать между собой или, хуже того, засыпать, сказитель начинает путать рассказ, теряет нить и быстро утомляется. «Кайчи языком узнает, кто спит» — говорят шорцы. Вот почему при окончании поэмы, когда сказитель начинает «делить удачу» между присутствующими, он говорит: «Сидя слушавшим целая доля пусть достанется, лежа слушавшим полдоли пусть достанется!» Если внимание присутствующих ослабевает, сказитель старается каким-нибудь неожиданным оборотом речи, смешным выражением усилить интерес к поэме. Про хорошего сказителя говорят: «Такой сказочник был, что, когда он кайлал, старики плакали». И действительно, часто во время рассказывания богатырской поэмы, когда любимый богатырь попадает в беду, на глазах у сказителя и присутствующих выступают слезы и со всех сторон доносятся выкрики огорчения и опасения за судьбу героя.

Когда сказитель, пропев одно или несколько двустуший, излагает содержание пропетого, присутствующие поддакивают, выкрикивая: «сё, сё!» — «да, да!» или «ede-ede» — «так, так!» или «andig poŭyan!» — «так, так было!»

На некоторые магические свойства, приписываемые этим поэмам, вернее концовкам этих поэм, указывает обстановка, при которой рассказывают эти поэмы, и запреты, с ними связанные. Обычно сказитель оканчивает свою поэму словами —

«uzun tep, qysqartpadym, qysqa tep, uzartpadym! uqqan körgenim-me ajt-perdim. alybym pojunuŭ čerinde abyŭ qazyq čatsyn! pojunuŭ uŭgryn-qastaŭyn riske perzin» — «Длинное не укорачивал. Короткое не удлинял. Все что видел и слышал — рассказал. Мой богатырь в земле своей пусть живет! Счастье, удачу свою нам пусть дает!» или: «qan qastaŭyn qabyra čygdym, qara pajba kire teptim. es qastaŭyn ebire čygdym, eniŭ pajba kire teptim. araldan kelip aq qozan tuttum. aq qozanŭa čük tartyp, po čerge čettirdim. odurup uqqan kižilerge tjuq pölüş čettirdim, čadyp uqqan kižilerge čardyq pölük čettirdim» — «Хана удачу-счастье, соединяя в одно, я собрал, в черный мешок закинул; счастье, удачу кругом я собрал, в широкий мешок закинул. В кустах я белого зайца поймал. На белого зайца навьючив, в эту землю доставил. Сидя слушавшим людям полные доли доставил, лежа слушавшим людям полдоли доставил!» или: «mynda čuŭyan čaqşuŭaruma rozumnuŭ nybaŭm pöl-pergem» — «Здесь собравшимся моим хорошим мою [собственную] сказку, разделив, дам».

Днем сказители обычно не рассказывают героических поэм. Если же иногда и рассказывают, то без концовок. Героические поэмы, как правило,

рассказывают после наступления темноты, причем считается необходимым начатую поэму рассказать до конца, в эту же ночь или дорассказать в следующую ночь; в противном случае, по словам шорцев, сказитель становится забывчивым (unduŭaq kiži pöl parča), тупеет (mizi quŭ-begča — его мозги высыхают), а жизнь его укорачивается.¹

5

Свои высокохудожественные поэтические произведения шорцы принесли сквозь века угнетения, передавая их из поколения в поколение.

Октябрьская революция, освободившая шорцев от векового рабства, вызвавшая мощный расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, возродила их народное творчество, которое бьет в наши дни мощной струей.

Среди новых художественных произведений первое место занимают песни. Песней откликается пробужденный народ на все события многогранной современной действительности. Эти песни только по своей внешней форме напоминают старые песни — изменились коренным образом темы песен, чувства и настроения их. Они — живой отклик на живую действительность.

Если в старых песнях доминировали ноты безнадежности и тоски, то новые песни полны чувством радости и уверенностью в будущем. С особой любовью повторяет песня имена тех, кто дал шорцам радость свободного творчества — имена Ленина и Сталина.

¹ См. об обычае рассказывать героические поэмы ночью у абаканских тюрков: «Умственная пища инородцев Минусинского округа» (составлено на основании материала, сообщенного свящ. Николаем Орфеевым). Енисейские епархиальные ведомости, 1887, № 16, стр. 196; Heldensagen der Minussinschen Tataren; rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. 1859, стр. IX; Н. Ф. Катапов. Образцы народной литературы тюркских племен, СПб., 1907, т. IX, стр. 211 — «Как татары говорят сказки»; И. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. Живая старина, 1895, ч. V, вып. III—IV; P. Ostrowskich. Über die Musikinstrumente der Katschinzen. Zeitschrift für Ethnologie, 1895, стр. 616—618; В. Титов. Богатырские поэмы минусинских татар. Вестник Русск. геогр. общ., 1855, ч. XV, 187.

ТЕСТЫ

I. Lenin-me Stalinneŋ āra sarynnary

1

āyaryp aqqan aŋyn tom
āŋyn aqpas ēdi tasqyl čoq.
qajran pistin nā-čōzaq
čōlunya kirgēlek pōlar ēdi Lenin čoq.

*

čāryq sustug kūn šaŋyanda
parčm čāryq čaŋtrapča.
šynyq partija pašap paryanda
parčm qalyqqa nīk pōlča.

*

purunda šōltrep čatqan šor qālyyy
koŋxos čāšap čaŋar čada-perdi
čaštan čašqa qyjnal čatqan qālyyy
aryg čōlŋa kir čāša-perdi.

2

ajlanyp aqqan aŋyn tom
aqpas ēdi tasqyl čoq.
aryyš Lenin — Stalin čoq poŋza,
aryg, čadyg polbas edi.

*

časqy kūukter kōylešča, —
parčm aŋašqa pūr ōšča.
Lenin-me Stalinnyŋ partija paštapča, —
parčm qalyqqa čaryq čadyg pērča

*

I. Песни о Ленине и Сталине

1

Белея, текущая, быстрая Томь,
Быстро не текла бы, если б не таскыл.
Любимый Новый наш закон
Путем своим не пошел бы, если б не Ленин.

*

Светлое лучистое солнце когда сияет, —
Весь мир освещает.
Истинная партия когда руководит, —
Всему народу легко бывает.

*

Бывший угнетенным шорский народ,
Колхоз создав, жить стал.
Веками угнетенный шорский народ,
На верный путь вступив, жить стал.

2

Стремительно текущая быстрая Томь
Не текла бы, если б не утесы!
Светлой жизни у нас не было бы,
Если бы не товарищи Ленин и Сталин!

*

Весною кукушка кукует, —
На всех деревьях листва растет.
Ленина — Сталина партия руководит, —
Всему народу радостную жизнь дает!

*

qurup paryan ayařtar
qatnap purlen ořcalar;
qyjnal çatqan kiřiler
yrystyg čadyg çatčalar.

3

Lenin pažan tüs čol-ba
Oktjabr'da negenmis,
Lenin ajtqan tüs čol-ba
na čadyga keldibis.

4

Castyg čačik üzelze-dā,
čyzy qalar po čerge;
aryyř Lenin olze-dā,
ady qalar po čařqa.

5

aryyř Lenin ol-tā parza,
ady šaby çat-qaldy;
mynaŋ āra kürežerge
Leninniŋ šynyq partijazy çat-qaldy.

*

uluğ Lenin olze-dā,
ajtqan sözü çat-qaldy;
alynaŋ āra negerge
Leninniŋ aryyžy uluğ Stalin çat-qaldy.

6

alynaŋ āry pararğa
Lenin-me Stalinnyŋ čolu par!
alynaŋ āry negerge
Lenin-me Stalinnyŋ partijazy par!

Голые засохшие деревья
(Весною) вновь покрываются листьями;
Страдавший (прежде) шорский народ
Счастливой жизнью (теперь) живет!

3

Ленин проложил правый путь —
И мы в Октябре победили.
По указанному Лениным пути
Мы к новой жизни пришли.

4

Если даже и будет сорван душистый цветок,
На земле аромат его останется.
Если и умер товарищ Ленин,
Имя его навеки на земле останется.

5

Если товарищ Ленин и умер,
Имя и слава его остались.
Чтобы дальше бороться,
Ленина верная партия осталась.

*

Если товарищ Ленин и умер,
Великое слово его осталось.
Чтобы дальше побеждать,
Сталин, верный товарищ Ленина, остался.

6

Чтобы вперед итти,
Ленина—Сталина путь [у нас] есть!
Чтобы дальше побеждать
Ленина—Сталина партия [у нас] есть!

časqy köögeš kōglegende
 ayaštarya pūr ōsča;
 külük Stalin ajtqany-bəla
 ürgünüštüg čadyg čepselča.

ayyn suydun könnü-be
 ayaš kebe yq tüštü
 ačyq cerdin kögü-be
 aņcy kiži sarnady:

ayaryp aqqan ayyn tom
 aq toryu-ba tartqan sug!
 kögerip aqqan kök pras
 kök toryu-ba tartqan sug!
 artyg čerdi kežejin,
 aq toryunu kezejin,
 könnü čerdi kežejin,
 kök toryunu kezejin!
 aq tasqylıya šyayajyn
 ayyn tomnu körejin!
 aq čazy-ba parajyn
 aryyš Stalinny körejin!
 kök ölenđä qušçaqtar
 köylešpēn-dā qajtsynnar!
 sayyžy čaryq kolxostar
 sarnašpān-dā qajtsynnar!
 kūn eneček pergen sustar
 čarybān-dā qajtsynnar!
 külük Stalin ajtqān söster
 čarabān-dā qajtsynnar!
 kūn eneček šyqqanda
 šynyq čaryq kōrčabys;
 külük Stalin pažānda
 šynyq yrys kōrčabys!

Когда весенняя кукушечка кукует,
 (Тогда) деревья листвой покрываются;
 Когда говорит великий Сталин,
 (Тогда) новая радостная жизнь создается.

По воле быстро текущей реки
 Деревянная лодка плывет,
 С вольным, широким напевом
 (Песню) охотник поет:

Белеет быстро текущая Томь
 Белым шелком протянувшаяся река!
 Синее быстро текущая Мрассу
 Синим шелком протянувшаяся река!
 В брод перейду я,
 Синим шелком оденусь я!
 Через плёсо переплыву я,
 Белым шелком оденусь я!
 На белый утес взойду я,
 Быструю Томь увижу я!
 Степным простором пойду,
 На товарища Сталина погляжу.
 В зеленой траве птички —
 Разве могут они не петь!
 Колхозы довольны и веселы —
 Разве могут они не петь!
 Когда солнце шлет свои лучи,
 Разве они могут не светить!?
 Сказанные мудрым Сталиным слова —
 Разве они могут нас не порадовать!?
 Когда солнце восходит,
 Истинный свет мы видим;
 Когда великий Сталин руководит,
 Истинное счастье мы видим.

II. qaj (šörčekter, nybaqtar)

9

qartyğa pergen

purunyy töldün sonda pöltyr,
emdegi töldün aldynda pöltyr;
aq tałajdy qaštada
alбатыг čon čattyr,
aq tasqyldy töstede
aq sirgedig mał turtyr.
alбатыг čonnyn pažyn pilgen,
aq małdyn tōzyn pilben
altyn tüktüg aq sar'attyg.
altyn qan pöltyr.
anyñ abaqajy altyn kök połyan.
altyn qannyn pir-dā pała čoq połyan.
altyn qan pojy qarğan kiži połyan.

altyn qan abaqajynğa ajtqan: «piske ulug öre turğan qudaj qajdyp pała perbenčir. pistin kütken małybys en-čerge qalar! tegen. ölgemče altyn taj-ğama aňnap pār-kelejin!» alty čyłğa pōčag sałyan. «alty čyldyn pažynda nanarym!» tegen. sağynmasqa ezen menči perişken. aq sar'atqa mingen. altyn tajğazəna parğan.

altyn tajğā šyğyp, aňnağan. tağdyn aňyn tağda ödürgen, sugdyn aňyn sugda ödürgen. aňyn sebizin ödürgen, aňyn aryğyn ayytqan. albyğanyn qarazyn ödürgen, albyğanyn saryğyn ayytqan. quştyn sebizin ödürgen quştyn aryğyn ayytqan. aq tağdy töstep kelip, aň-guş aňnağan, kök tałaj qaštap kelip, aň-guş quštayan. qanattyg quşty uçyarda atqan, tujğaqtyg aňdy čügürerde atqan.

oł aňnap čörgen teminde pōñ ałğan abaqajy qursaqtyg pōł-parğan. alty čyldyn pažynda altyn qan tajğadan aňnap üjüne kelgen. altyn šarčyn tōzünde aq sar' at kēl-turdy.

altyn qan attan tüşpedi. altyn örgēñ iştinen aq qannyn abaqajy šyqty. altyn qandy qołdan qap tüzürdi. altyn örgege ākirgen, altyn ustolğa āparyp odurtty. aš tabaq-pa āzrady.

II. Героические поэмы

9

Картыга Перген

Прежнего поколения после [было],
Нынешнего поколения раньше [было];
По побережью белого моря
Платящий дань народ жил,
У подошвы белого таскыла,
Словно белые гниды, скот стоял.
Подданным народом правящий,
Счета белого скота не знающий,
Имеющий золотошерстного светлорыжего коня,
Алтын Кан был.
Его жена Алтын-Кёок была.
У Алтын-Кана ни одного ребенка не было.
Сам Алтын-Кан старый человек был.

Алтын-Кан сказал своей супруге: «Вверху находящийся великий кудай как же это так нам ребенка не дает! Пасомый наш скот понапрасну останется [говорил]. Пока не умер я, в золотую мою тайгу съезжу-ка я охотиться!» На шесть лет назначил время поездки. «Через шесть лет вернусь!» говорил. Чтобы не скучать, прощались, чтобы не тосковать, прощались. На бело-рыжего коня сел, в золотую тайгу отправился.

В золотую тайгу отправившись, охотился. Горных зверей на горах убивал, водяных птиц на воде убивал. Из зверей — на жирных охотился, тощих зверей отпускал. Из соболей — черных убивал, из соболей — желтых отпускал. Из птиц — жирных убивал, из птиц — тощих отпускал. Подножьем белой горы проезжая, на зверей охотился, берегом синего моря проезжая, на птиц охотился. Крылатых птиц при взлете стрелял, имеющих копыта зверей на бегу стрелял.

В то время, как он охотился, им взятая супруга беременной стала. Через шесть лет Алтын-Кан из золотой тайги с охоты домой приехал. У подножья золотой коновязи светлорыжий конь, придя, встал.

Алтын-Кан с коня не сошел. Из золотого дворца супруга Алтын-Кана вышла. За руку Алтын-Кана схватила, (с коня) спустила. В золотой дворец ввела. К золотому столу приведя, (его) усадила. Хлебом-пищей кормила.

altyn qān körze, pojūnyñ alyan abaqajy qursaqtyg polyan. altyn qān pojy körüp taryndy. «alyan kižim altyn kōk, pō temge četre qaryyanče, pała tappadyñ, am, men altyn tajyā šyqqamda, men čoqta qajdyg ūcūn qursaqtyg pōl-pardyn? tedi. čē! uług curtta čaqšy kižiler čoq pēdi! men čoqta čojya cōrgen poľarzyn, aň pāžynda qursaqtyg polyan poľarzyn!» tedi. altyn qān tabaq cib-aly, altyn krabadyna šyyp čatty. pojynyn qujajyn cābynyp catty.

oľ kirede alyan abaqajy pała tūb-alyan. pała tūyp čatqan teminde altyn qān pīr-dā kōrbēn čatqan. altyn qān ajtty: «menī paľam polza, qajdyg-dā polza, — ölbes; pašqa kiženiñ paľazy polza, — öl-qalar». tedi.

altyn qān anañ körze, nā tuyan pała čerineñ toľalan, pozayā četti. any kōrgen altyn qān ajtqan: «šynap mēñ paľam polza, anda-dā ölbes, pašqa kižiniñ paľazy polza, öl-qalar!» tedi.

anāñ kōrgen, pājajy pała anañ toľalan ežikti qajry šap-šyqty. altyn māqyštyn pāžyna pār-tüštü. altyn qān ajtty: «mēñ paľam polza, — ölbes; pašqa kižiniñ paľazy polza, öl-qalar!» tedi.

anāñ körze: pajajy pała altyn māqyš pāžyna šacyp pār-tüštü. alty tölge šyara turyan alty quľaqtyg qara küler qazannyn altyna paryp kirgen. puľ-čilap küldiñ altyna kirgen; pīr-dā čeri kōrūmēn qalyan.

altyn qān ajtqan: «mēñ paľam polza, anda-dā ölbes; pašqa kižiniñ paľazy polza, öl-qalar! tegen. oľ pała tōyus künge četre negilbēndir.

altyn qān körze, qāzyr saľyn kirgen. altyn tağdan pēri toľuzōn quľaš synnyg qara-pr'at ašqan. qara por'attyñ üstünde alyp oduryan. oľ alyp kiži qyjyr-kelčir: «altyn qān ūjde-be? ūjde pōlza, peri šyqsyn, külük polza, kūrēžerge, alyp pōlza, adyžaral!» tedi.

altyn qān pony uqty. anāñ pōjynyn qujajyn kijindi, altyn örgeden šyqty. aq sar'atqa mindi, alypqa ūdre pardy. iğı alyp ūdare toľaštylar. altyn qān ajtčyr: «mēni ajdyp qyjyr kelgen nō tegen qān poľarzyn?» tegen. oľ qān ajtty: «men mýnan arý ūš tōľuzon tegri oľ čānynda čatqan qān-myn. toľuzon quľaš qara pōr'attyg qara saľyštyg qara mōkō adym poľar. seni tappan pedrep, toľuzon čyl čōrdim, am taptym!» tedi. altyn qān ajtty: «sā tōľaš-poľbān toľuzon čyl čōrdim, am tōľaštybys! am tartyžyp tudužup aľan!» tedi.

attan tüstiler. čayadan qabyštylar, šaľānan tuduštylar. aq taľaj šajyľ-turyan, aq tasqyl qosqal-turyan. qaraq kōrbes qara tuban tüšti. pýlar iģele šaqpo čerge toľus čyl tuduštylar. pīrazi-dā ölbes poľyannar

Глянул Алтын-Кан, — им взятая супруга беременной была. Алтын-Кан, это увидевши, рассердился. «Жена моя, Алтын-Кёёк, (ты) до сего времени, до старости ребенка не родила [сказал]. Теперь, когда я в золотую тайгу поднялся, без меня каким образом беременной стала? [сказал]. Да, в большом стойбище хороших людей нет разве! В мое отсутствие распутничать как видно стала. Поэтому и беременной стала!» сказал. Алтын-Кан (пищи) поел и на золотую кровать, [поднявшись], улегся. Своим панцирем прикрывшись, лежал.

В то время взятая (им) супруга ребенка родила. [В то время], когда (она) родила ребенка, Алтын-Кан, ни на что не глядя, лежал. Алтын-Кан сказал: «Если (это) мой ребенок, — чтобы ни случилось — он все равно не умрет. Если чужой ребенок [другого человека] — то умрет!» [сказал].

Когда Алтын-Кан затем взглянул, новорожденный ребенок от того места, на котором родился, пополз (и) до порога добрался. На него взглянув, Алтын-Кан сказал: «Если действительно мой ребенок, то и там даже не умрет [говорил], если чужой ребенок [чужого человека], — то умрет!» [сказал].

Потом Алтын-Кан видит: давешний ребенок покатился-пополз и, открыв настежь дверь, (из дворца) вышел. На верхушку лестницы забрался. Алтын-Кан сказал: «Если мой ребенок, — то не умрет. Чужого человека если ребенок, — то умрет!» [сказал].

Потом, когда (он) взглянул, давешний ребенок с верху лестницы, переступая со ступеньки на ступеньку, стремительно спустился. Под чугунный шестиухий казан, стоявший в течение шести поколений, он залез. Под золу, что со стог (сена) накопилась, влез. Совершенно невидим стал.

Алтын-Кан сказал: «Если мой ребенок, — и там даже не умрет. Если другого человека ребенок, — то умрет!» [говорил]. Тот ребенок в продолжение девяти дней не шевелился.

Когда Алтын-Кан взглянул, могучий ветер ворвался. Черно-серый конь ростом в девять сажень с золотой горы спустился. На темносером коне богатырь сидел. Тот богатырь-человек едет и кричит: «Алтын-Кан дома ли? — спрашивал. Если дома, сюда пусть выйдет, если храбрец — то бороться, если богатырь — то сражаться (станем)».

Алтын-Кан это услышал. [Потом] свою кольчугу надел, из золотого дворца вышел. На светлорыжего коня сел. Навстречу богатырю поехал. Два богатыря повстречались. Алтын-Кан говорит: «Меня (по имени) назвавший, с криком приехавший, какой хан ты будешь?» [говорил]. Богатырь сказал: «Я — хан, живущий по ту сторону трижды девяносто небес. Мое имя будет — с черными мыслями Кара Мёкё, имеющий темносерого коня (ростом) в девяносто сажень! Девяносто лет я ходил, тебя [не находя] искал, теперь нашел!» [сказал]. Алтын-Кан ответил: «Я девяносто лет ходил, тебя не мог повстречать, теперь мы повстречались! Теперь давай померяемся силами, (теперь) поборемся-ка мы!» — сказал.

alty çyldyñ pāžynda alty qulaqtyğ qara qazannyn āltyna kirgen čas pała qazan altyñan, külden šyqty. šyğala, azaqqa turdy. anañ körze, ği alyp tuduščyr. pirəzin körze, — pojñyn abazy połyñ; pirəzin körüp, tanybady. any körele, altyñ örgē kirgen pała enezine ajtty: «adymdy adap per!» tedi. enezi ajtty: «sēñ adyndy mā adaryā čarabas! altyñ ajaq-pa aš tudñyp, altyñ tağya paryp, qyjyr. adyñ adaçañ kiži pojy keler!» tedi.

any uqqan pała altyñ ajaq tudñyp, altyñ tağdyñ tōžine pās-pardy. pała qyjyrdy: «adym adaçañ kiži āldyma pās-kelzin! altyñ ajaqtañ tamnap kel, adym perzin!» anañ körgeñ: altyñ tağdyñ syrtynan pēri altyñ ton kijgen, āla qāmyš tajaqtyğ apšij kiži keldi. «adyñdy men adap perejin!» tedi. altyñ ajaqty alyp, aš tamnady. ajya künge qyjyr-kelip, adyn adady. «altyñ qannyn pałazy połarzyn, altyñ kōk eneñ połar! alty çyğya šyğara küldē čattyn, alty çyğya šyğara küñ čidin, adannyn āžyn čibedin, eneñniñ südün içpedin. aš-pa sugdu čip išpeske öre turyan uluğ qudaj seni čajady. alty çyl küñ čip ösken, qyryq qulaš synnyğ aγ-oj attyğ ölbes čitpes qartyğa pergen adyñ połzyn!» tedi.

anāñ sōnda qartyğa pergen altyñ örgē kelgen. altyñ ustolğa oduryñ. anyñ eneži aš tabaq-pła azrañ. qartyğa pergen altyñ ustolğa odurup, aš čibedi, sūn-kelip, sug içpedi. enezi surady: «meniñ azyrarğa sağyan āžymdy čōk čibedin?» tegen. «altyñ kōk içemaj, tegen, öregi turyan uluğ čajacy meni aš čirge čajabady. aš-pa sug čip išpeske čajalyam. enemneñ içege čōq čajalyam» tegen.

qartyğa pergen kōzñekten qarčajlāñ körze, tağdyñ qāžynda ği alyp tuduščyr. čozay pašqa tuduš połčyr, čoruy pašqa qarbaš połčyr. kōske kōrñmeske tuban tūštir. anāñ körze, qara tubannyn arazynda tuduščyñ alyptardyn pirēzi pojñyn adazy altyñ qāñ połyñ, pirēzi teze pašqa alyp połyñ. any körüp, qartyğa pergen ajtty: «qaryp paryñ altyñ qāñ adamdy ödürüp sałbajyn! paryp kōrejin!» tegen.

toğus qadył mołat qujayyn kijindi. altyñ örgeden šyqty. qyryq qulaš synnyğ aγ-oj adyna mindi. aq małdy ārałap pāstyr-pardy. pār-turyan tužunda körze, uluğ sağyn kirgen. uzun aγaš oruyñan ušty; qysqa aγaš tazylyñan tajlyqty. anāñ körze: altyñ tağdyñ apsaq pelden tōyuzon qulaš synnyğ aq por'at ašty. āñ üstüne mingen čozay pašqa alyp qāñ połyñ.

kelgen öžyba pajay alyp ği alyptyñ tuduščan čerine četti. attañ tūžup ödur-saldy. pōñy körüp, qartyğa pergen aγa pardy. any körüp, ol alyp oduryñ čerineñ tura pasty. qara tūlgū pōrügün ālyndy. oñ qołyñ perdi. «ezen, ezen, po čerge ölbes čitpes čajalyñ attyğ-šaptyğ qartyğa pergen!» tedi. qartyğa pergen attañ tūžup, qara tūlgū pōrügün ālynyp, qołyñ perip eze-

С коней слезли, за ворот друг друга схватили, все сильнее боролись. Белое море заволновалось, белые горы с мест своих сдвинулись. Глазом не разглядеть — такой черный туман спустился. На том самом месте девять лет они [вдвоем] боролись. Ни один из них умереть не мог.

Через шесть лет залезшее под шестиухий черный казан малое дитя из-под казана, из пепла вышло. (Ребенок) лишь только вышел, (сразу же) на ноги встал. [Потом] видит: два богатыря борются. На одного из них глянул — (оказывается — это) его отец был. Взглянув на другого (богатыря), (он его) не узнал. Как только ребенок (то) увидал, (он) в золотой дворец вошел (и) матери сказал: «Имя мне [назовя] дай!» [сказал]. Мать ему ответила: «Дать тебе имя мне нельзя! Взяв угощение в золотой чаше, ты пойдь к золотой горе и крикни. Человек, который должен дать тебе имя, сам придет!» [сказала].

То услышав, ребенок, держа золотую чашу, к подножью золотой горы направился. Ребенок закричал: «Человек, который даст мне имя, ко мне пусть придет! Из золотой чаши еды испробовав, имя пусть (мне) даст!» Потом видит: [скуда] с хребта золотой горы в золотой шубе с посохом из пестрого камыша старик [человек] идет. (Подойдя, старик) — «Имя твое назову я!» — сказал. Взяв золотую чашу, старик пищу попробовал. Обращаясь к луне и солнцу, закричал, имя назвал. «Имеющий отцом Алтын-Кана, ты будешь! Алтын Кōк твоя мать! В продолжение шести лет в золе ты лежал, в течение шести лет ты пепел ел! Пищи отца не ел и молока своей матери не пил! Вверху находящийся великий кудай тебя сотворил, чтобы ты еду и воду не ел и не пил. Шесть лет питаюсь пеплом, возросший, имеющий светлосолового коня ростом в сорок сажень, неумирающий, непогибающий Картыга-Перген твое имя пусть будет!» — (так) сказал.

После того Картыга-Перген в золотой дворец пришел. За золотой стол сел. Его мать вином-едой угощала. Картыга-Перген, сидя за золотым столом, не поел угощения, [протянувши руку] воды не попил. Мать его спросила: «Почему не поел ты моей пищи, мною для угощения положенной?» [говорила]. «Алтын-Кōк, матушка моя!» — ответил (он). Вверху живущий великий творец не сотворил меня, чтобы я пищу ел. Я сотворен, чтобы пищи и воды не есть и не пить. От матери моей я создан без кишек!» [говорил].

Когда Картыга-Перген, повернувшись, из окна глянул, (видит) — на берегу моря два богатыря сражаются. Чужого обычая борьба у них, другой поступи схватка у них. Расстилается такой туман, что глазом не разглядеть. [Потом] глянул — из борющихся посреди черного тумана богатырей один его [собственный] отец Алтын-Кан был, другой же [из них] — чужой богатырь был. Это увидев, Картыга-Перген сказал: «Состаревшегося Алтын-Кана, отца моего убить я не позволю! Пойду и заступлюсь я за него!» [говорил].

nešti: «meni tānyp, mēn adym pīlip unnaŷan, nō aļyp qān poļarzyn?» tedi. oļ aļyp ajtty: «nō tegen aļyp qān poļajņ! qara saŷyštyg qara mōkō paļazy, toŷuzon qulaš aqpōr 'attyg aj qyļyš poļarym!» tedi.

pyļar īgele qošta odurdūlar. ūr čaqšy erbekteštīler. īgi aļyp tartyšqančē poļdūlar. anan kōrūp pilzeler, pōlar īgele čōqtašqannaņ pertin qyryq čyļya čettirler.

qartyŷa pergen ajtty: «aj qyļyš nančy, am nony tōlanyp odurčan?» tedi aj qyļyš ajtty: «nōny tōlanyp odurajyn, īgi adalarŷbysty po tuduštarynaņ toqtadybŷzāņ! ōlbes citpes qartyŷa pergen-be ōlze, — qanym pir poļarŷa, tīriġ čörze, — tynym pir poļarŷa, tep, tōlanyp odurčadym!» tegen. anan turaļa, pās-pardy. īgi pīlegin syqsynyp, īgi aļyptyņ tuduščyŷan čerīne pardy. īgi aļypty čāra tartty. īgi qoļ-ba tutty. čaqšy čōp-pe toqtatty. toŷus kūnge šyŷara tutty. pļardy toqtat poļbady. īgi qoļu nōjyp, īgalēzin pōžatty.

pāzoq tuduštyļar. īgi qoļun tynandyrdy. anan īgi qarbaš-tepseščyŷan aļyptardy pazoq čāra tartty. īgi qoļ-ba tutty. čaqšy sōs-pe toqtatty. alton sōs-pe ajlandyr-turdy, ēliġ sōs-pe ēbir-turdy. pōnuņ sōzūn uqpadyļar. pyļar īgini pazoq pōžatty, pyļar īgi anan kūšteboq tuduštyļar.

ponu kōrgen qartyŷa pergen odurŷan čerinen turdy. aļyptyņ tuduščan čerge paryp, ajtty: «sen, aj qyļyš nančy, kižini toqtadyp unnašančarzyn! em men toqtat kōrejņ!» īgi qoļyn sunup, oņ qoļū-ba aļtyn qan adazyn tuttu, soļ qoļy-ba qara mōkōnū tutty. oņ qoļuna tutqan adazyna ajtty: «sen ada, mŷnaņ āry pararzyn! tedi. aļtyn ōrgeniņ ičine kīrip, aļton mūzrūktiņ ūstūnge pār-tūš. aļtyn kōk enemniņ qojdunga kir-par!» anan adazyn ajlan-dŷryp šelgenī — aļtyn ōrgeniņ ištine pārŷp tūštū. aļtyn mūzrūktiņ ūstūnge, aļtyn kōk ōrekenniņ qojdunga kire tūšti. soļ qoļy-ba qara saŷyštyg qara mōkōni šelgeni — qartyŷa-čyļap qarbaņnap pardy.

pyļar īgele aļtyn qannyn aļtyn ōrgezīne keldiler. ežik ažyp, ezen pērīp, pōzaŷa aļtap, menči perdiler. anan kōrzeler: aļtyn qān adazy aļtyn stoļya odurup, aš-tabaq čīpčyn pōļtyr. pŷlardy kōrūp, aļtyn qān adazy pyļardy ezen perbedi.

aļtyn qān adazy ajtty: «menen tūŷan ōļ poļzan, meni pede šelbes edīņ, tedi. ponuņ ōžūn čettirerim. sen kūštūg poļzan, četton qānnyn čeringe čōrzem, senen kūštūgdū tabarŷm. aļton čerdiņ aļtyna tūšsem, qara ajna tōlūneņ senen kūštūgdū tabarym. sen tynynġa čeder kiži poļar!» tedi. qat qujaŷyn kijdi, qara tūlgū pōrūgūn kijindi. aļtyn ōrgeden šyŷa pasty. aq sar'adyna minele, ajlandyr-kel, aq sar'atqa qamčy šapty. aq sar'attyn turŷan čeri par poļdy, parŷan čeri čōq poļdy. qaj parŷanyn pilbēn qaļdyļar.

Девятислойную стальную кольчугу надел, из золотого дворца вышел. На бело-сивого коня, ростом в сорок сажень, сел [верхом]. Промеж белого скота шагом ехал. Когда остановился и поглядел — великий ветер подул. Высокое дерево с места, где стояло, упало, низкое дерево от корня оторвалось. Потом, видит — через лог золотой горы темносерый конь в девяносто сажень спустился. На нем незнакомый богатырь-хан верхом ехал.

Подъехав, давешний богатырь достиг места, где боролись два богатыря. С коня спустясь, (он) сел. Это увидев, Картыга-Перген к нему пошел. Его завидев, тот богатырь с места, на котором сидел, встал; шапку из черной лисицы снял, правую руку подал. «Здравствуй, славный Картыга-Перген, который на этой земле не умрет и не погибнет!» Картыга-Перген, с коня сойдя, шапку из черной лисицы снял и, подав (богатырю) руку, поздоровался. «Меня узнавши, мое имя знающий, что ты за богатырь-хан будешь?» — спросил. Тот богатырь ответил: «Как называемый богатырь-хан я буду? Я — ребенок Черного Мōкō, имеющего черный разум, Ай Кылыш, имеющий светлосерого ростом в девяносто сажень коня!» [сказал].

Они вдвоем рядом сели. Долго по-хорошему разговаривали. Два богатыря (все еще) боролись. Потом спохватились, что с тех пор, как они вдвоем разговаривали, минуло уже сорок лет [они уже сорокового года достигли].

Картыга-Перген спросил: «Ай Кылыш, друг, теперь о чем вспоминая, сидишь ты?» [сказал]. Ай Кылыш ответил: «О чем вспоминая, буду я сидеть!.. Борьбу двух богатырей прекратим-ка мы. С неумирающим, непогибающим Картыга-Пергеном, если он умрет, то одна у нас кровь будет, если живым [ходить] будет, одна у нас душа будет! Так думая, я сижу!» [говорил]. Потом [как только] встал, к месту сражения направился. Засучив [два] рукава, он к месту, где боролись два богатыря, пошел. Обоих богатырей разнимал. Двумя руками брал, хорошим советом-уговором останавливал. В течение пятидесяти дней их держал, но остановить не мог. [Обе] руки онемели, обоих их выпустил.

Они снова схватились. (Он) дал [двум] рукам отдохнуть. Потом двух борющихся, друг друга топчущих богатырей разнял. Двумя руками захватил, хорошим словом останавливая, держал. Шестьюдесятью словами повертывал, пятьюдесятью словами поворачивал. (Они) его слов не слушали. Их обоих опять выпустил.

Это увидев, Картыга-Перген с места, где сидел, поднялся. Отправясь к месту, где боролись богатыри, (он) сказал: «Ты, Ай Кылыш, друг, не умеешь людей останавливать. Теперь попробую-ка я (их) остановить». (Картыга-Перген) протянув [две] руки, правой рукой Алтын-Кана, отца своего, взял, левой рукой Кара Мōкō схватил. Отцу своему, которого он держал в правой руке, он сказал: «Ты, отец, отсюда отправляйся!» [сказал]. Войдя в золотой дворец, (ты) на золотую кровать ложись. В объятия матери моей, Алтын Кōōк, войди!» Потом отца своего повернув, (он) оттолкнул. Тот золотого

anyň sōnda pyňar iğale ałtyn stolğa odurdyňar. aň tabaqtny aryjyn çidiler. ar pütkeniň üstün iştirler. toýus küñge şyýara iştirler. toýus küñnün paýynda aj qylyş ajtty: «pojymnyň çerime nanajyn!» tedi. saýynmasqa ezen mençi perižip, çerine nandy.

qartyğa pergen ałtyn müzrukke čada perdi. anañ uqsa, četton qānnyň çerineň çer ebäre po čurtqa at čaqşylar čügürüp kirčir, alyp artyqtary qyjyryp kirčir: «aıyp połza, alyžarğa, külük połza, kürežerge peri şyq tep, qartyğa pergen!» any uqqan qartyğa pergen ajtty: «ałtyn kōk enem, čaýys pałazyn kōrüp połbān. ałtyn qān adam qyrčyr. öre turýan ulug qudaj meni qyjrarta kōrüp čajaptyr! tedi. tuýan adam meni kōr-połbānčār. četton qānnyň qalyýy anyň sözün uýup, meni ödürerge kelčalyr!» ałtyn kōk enēzi čaýys pałazynaň üçün ulug aýyğa kirdi. «qara čaýys qartyğa pergen pałamdy ödür saıarlar!» tep ylyady. eneziniň qaraq čaży qan taıaj pōl aqčyr.

qartyğa pergen qat qujayyn kijindi, ałtyn örgeden şyýa pasty. adyna mindi. anañ körze: ulug čurtqa qalyq čaqşy tōldura turtyr. parčazy pōny kōrip qyjyrcālār

qartyğa pergen ajtty: «öre turýan qudajym, meniň ajtqan sözim sēñ oñ qułayynğa uýulzyn, meneň qyjał połbānčir, pō qalyqtan postarynaň połčār. senen ulug qudajymnaň maýa qyjał četpezin!» şaýanaň qartyğa pergen qalyqty qyrdy. pır kiži pōñ-ma tuduş-qābyş połbady. toýus küñge şyýara poýa čyýylyan qalyqty tōza qýra şapty. tōza qyra šāp, ałtyn örgē nandy. attañ tužup, ałtyn maqyşqa şyqty. ol temde arýazýnaň kelip, kiži alağan-ma şapty.

anañ ajlanyp körze, pajāyy qyra šāpqa qalyqtan kōbōq čyýy-pārtýr. «qartyğa pergen, peri kel tartyžarğa, qarbaş tēpseş qabyžannar!» tediler. any kōrgen qartyğa pergen ylyab-al čōrbize-berdi. «öre turýan ulug qudajym, meni qajde qyjyqtap čajap saıdy. četton qānnyň qalyýy meni kōr połbas, tuýan adam meni kōr połbas!» ede tōlanyp, ylyady. qaraq čaży qan etti, murdunuy suýu mūs etti. qartyğa pergen ajtty: «ōregi turýan ulug qudajym, pony uq! po qalyq meneň nō tapqaň? men po qalyqqa nō qyjał ettim? tedi. ulug qudajdan maýa qyjał połbazyn! čajačydan čazyq połbazyn! po qalyqtan parčyn postarynaň połčir».

anañ pazoq adyna mindi, pajāyy qalyqqa pardy. parčazy qartyğa pergendi šapčalyr. šapqa qolıary ötpenčir, atqa oqtary albānčir. qartyğa pergen ajtty: «meneň qyjał połbānčār, parčyn poııarynaň połčir!» anañ-na šaq-po čyýylyan qalyqty qyrboq al čōrbize-berdi. toýus küñge şyýara qyrdy. tügeze požatty. čaży aýaştyn pürü küskü quruğa-čılāp sarýara-berdi; čaraš ünnüg quštary odurar çerin tappan paşqa çer-zajyn tozup uçuqty. qartyğa pergen

дворца [отправясь] мигом достиг. На золотую кровать в объятия своей жены, Алтын-Кёёк, попал. Левой рукой (Картыга-Перген) имеющего черные мысли Черного Мёкё отбросил. Тот, подобно ястребу метаясь из стороны в сторону, ринулся.

Они вдвоем (Картыга-Перген и Ай Кылыш) во дворец Алтын-Кана вошли. Дверь открыв, поздоровались, через порог переступив, поклоны отдали. Потом, когда взглянули, Алтын-Кан, отец его, за золотым столом сидя, еду-пищу ест. Их увидев, Алтын Кан, отец его, с ними не поздоровался.

Алтын-Кан сказал: «Если бы ты был сын, мною рожденный, ты бы меня так не отшвырнул [сказал]. За это я тебе отомщу. Если ты сильный, то я, пройдя по земле семидесяти ханов, (все же) сильнее тебя найду, если спущусь под семьдесят земель, из поколения черных айна, сильнее тебя найду! Будет такой человек, который твою душу погубит!» [сказал]. Многослойную кольчугу надел, шапку из черной лисицы надел. Из золотого дворца вышел. На бело-рыжего коня как только верхом сел, бело-рыжего коня поворотил, плетью ударил. Там, где стоял бело-рыжий конь, — следы были, куда отправился — следов не было. Куда поехал — они не приметили.

После этого они вдвоем (Картыга-Перген и Ай Кылыш) за золотой стол сели. Лучшее из еды ели. Из всего созданного наилучшее пили. В продолжение девяти дней пили. На девятый день Ай Кылыш сказал: «В свою землю возвращусь-ка я!» [сказал]. Чтобы не скучать, попрощался, в свою землю вернулся.

Картыга-Перген на золотую постель лег. Потом слышит — из земли семидесяти ханов, вокруг земли в это стойбище лучшие из коней бегом бегут, сильнейшие из богатырей с криком въезжают. «Если богатырь — то бороться, если храбрец, — то сражаться сюда выходи, Картыга-Перген!» То услышав, Картыга-Перген сказал: «Мать моя, Алтын Кёёк, единственного твоего ребенка ты убережь не могла. Алтын-Кан, отец мой, меня зовет. Вверху находящийся великий творец меня, разгневавшись, создал [сказал]. Родивший меня отец меня ненавидит. Народ семидесяти ханов, его слов послушавшись, пришел, чтобы меня убить». Алтын-Кёёк, его мать, из-за единственного сына в великую скорбь пришла. «Единственного моего ребенка Картыга Пергена убьют!» (Так) говоря, плакала. Слезы из глаз ее словно море текут.

Картыга-Перген многослойную кольчугу на себя надел. Из золотого дворца вышел. На коня своего верхом сел. Потом — видит: в великом стойбище множество людей, заполняя его, стоят. Все этого (Картыга Пергена) увидевши, кричат.

Картыга-Перген сказал: «Вверху находящийся куда-то, мною сказанное слово твоим правым ухом пусть будет услышано. Не от меня исходит преступление, а от этих людей. Великий мой куда-то, пусть не постигнет меня твое наказание». Ожесточенно Картыга-Перген народ уничтожал.

adyn qāčyrp altn őrgezinge keldi. attan tūžup, altn maqyšqa šyqty. altn ežiktn tudazyn tuttu. ūzunčūzin qałyq čyğylyp qyjyrdylar.

qartyğa pergen pazōq pardy, ulug qudajğa qyjyrdy: «ōregi qudajm, mā qyjał poľbazyn, po qałyqtan pojlarynnān poľčir!» toğus künge šyğara parčazynōq qyrdy. pir-dā kiži pōñ-ma tuduš-qābyš poľbady. čer altnan šyqqan ajna tölü qaľbady, čer ūstūnen kelgen kiži tölü qaľbady, tügeze qyrdy. altn synnyg qara tajyazy qamortadan syna-berdi, alбатыг ičken qara taľajy qamortadan tüže sōla-berdi; aj qanattyg quštary poľza, ūjazyn taštap ūčuqtylar, paľlağyг čürgen aңnary poľza, paľazyn taštap maңna-dylar.

qartyğa pergennin qabağyna ter šyqpady, qančaryna qan šijilišpedi, altn őrgezine kirdi. altn kōk enezinge ajtty: «ezen, ezen ičemaj, tedi. men, qartyğa pergen po čerge tuğup, enemnin sūdün išpedim, adamnyñ ažyn čibedim. paza kelip, po altn őrge men kirbejñ! paza kelip, po čurtqa men paspajyn! pojymğa amyr čer pēdrep parajñ. ulug qudaj mā pēr-pēr čer perze, čadarym. paza seni men kōrbessim, paza meni sen kōrbessin!» tedi.

qat qujağyn kijinip šyğarda—altn kōk enezi ulug ačyğlyg pōlp, yğar syqtap qaľdy. čağys tūyan paľazyn kōrüp yğady. «paza seni kōrčeñ-pedim!» tedi. qartyğa pergen adyna mingende qyryq qułaš aγ-oj'at turγan izi par poľdy, parγan izi čoq poľdy. qaj parγanyn enezi pilbēn qaľdy.

qartyğa pergen as pardy-ba, kōp pardy-ba. para-para kelgeni — četton qannyn taštynğa šyqty, četton čerdin keŋinge šyqty, pojuna čadary čer tappan čōrdi. el arγazy synga šyqty, ezer oğlug pelge tūšti, čer ebire kōrdi. anan kōrze: aldynan ary kōs kōrüp četpes altn čazy čajyl tüže pertir. šaqpo altn čažynyn ōsken ōleni qubarbas, ōsken aγaštyn pūrū ardabas čer pōłtyr. ōsken taγy altn połtyr. aqqan taľajy aq ajran-ma uruğyan pōłtyr. any kōrip, qartyğa pergen kōlendi. «myna am čatčan čerdi taptym!» tedi. anan turup qyjyrdy: «ōregē turγan qudajm mēñ čatčan čerim poľza, tegriden mā altn őrge tūžure-ber, ūš ilčerbeliğ poľzyn!»

anan turup kōrgeni — tegriden, kün-čilep kültünnep, aj-čyğap čyłtyrap, altn őrge tūšti. tegriden ūš ilčerbeliğ poľdy. tegrinin altynda turdy. ežiginde at turγusčan čeri poľdu. po qartyğa pergen any kōrgende ūrgünüp

Ни один с этим (Картыга-Пергеном) бороться-сражаться не мог. В течение девяти дней (он) народ, сюда собравшийся, весь уничтожив, перебил. Всех уничтожив, в золотой дворец вернулся. Соскочив с коня, на золотую лестницу поднялся. В это время позади него [придя] (какой-то) человек в ладоши хлопнул.

Потом, когда обернулся и поглядел, народа еще больше собралось, чем было им побито. «Куда ты ушел, Картыга-Перген? Сюда иди бороться! Давай-ка мы, друг друга схватывая, друг друга ногами лягая, будем сражаться!», (пришедшие люди) говорили. Это увидев, Картыга-Перген заплакал. «Вверху находящийся великий мой кудай, меня как таким несчастным создал. Народ семидесяти ханов меня ненавидит, родивший меня отец меня ненавидит!» Так раздумывая, рыдал. Слезы глаз кровью стали, вода носа льдом стала. Картыга-Перген сказал: «Вверху находящийся великий кудай мой, это услышь! За что на меня эти люди сердятся? Что я этому народу [какое преступление] сделал? [сказал]. Наказания от великого кудая пусть мне не будет! от творца обвинение на меня пусть не падет! Все происходит от самого этого народа!»

Потом снова на коня [верхом] сел, к тому давешнему народу поехал. Все Картыга-Пергена бьют. Ударяющие руки не достают до Картыга-Пергена, выстреленные пули не берут его. Картыга-Перген сказал: «От меня преступление не происходит. От них все зависит!» Потом сразу же народ, здесь собравшийся, опять уничтожать стал. В течение девяти дней всех уничтожил. Зеленые листья деревьев пожелтели, осенней сухой листве стали подобными; сладкоголосые птицы, не в силах свои места найти, в разные земли разлетелись. Картыга Перген коня погнал, к золотому дворцу приехал. С коня соскочил, на золотую лестницу поднялся. За ручку золотой двери взялся. В третий раз народ, опять собравшись, кричал.

Картыга-Перген опять поехал. К великому кудая взывал: «Вверху находящийся мой кудай, мне наказания пусть не будет! От этого народа все происходит!» В продолжение девяти дней всех опять уничтожил. Ни один человек с этим (Картыга-Пергеном) сражаться не мог. Из-под земли вышедшего поколения айна не осталось, с поверхности земли пришедшего человеческого рода не осталось, — всех уничтожил. Черная тайга с золотыми гривами, пополам переломаясь, рухнула, черное море, воду которого подданный народ пьет, надвое разойдясь, зашумело; крылатые птицы от гнезд своих улетели, имеющие детенышей звери от детенышей своих разбежались.

У Картыга-Пергена на лбу пот не проступил, на переносице кровь не показалась. В золотой дворец вошел. Матери своей, Алтын-Кōбк, сказал: «Будь здорова, моя матушка! [сказал]. Я, Картыга-Перген с тех пор, как на этой земле родился, молока матери непил, еды отца моего не ел. Снова уж я не приду и в этот золотой дворец не войду. Больше не приду и в этот юрт не ступлю я ногой. Мою [собственную] землю искать отправлюсь я! Если великий кудай мне какую-нибудь землю даст, я стану (там) жить. Снова тебя я не увижу, снова меня ты не увидишь!» [сказал].

ajtty: «uġuġ qudaj maġa aġtyn örgeni tüžürdi!» aġa tebe atqa mingen ozyġba pāstyr-pardy.

aġtyn šarčyn tōžüne adyn paġlady. adynan tüže serkip, aġtyn öргеzine kirdi. anan körze, parčyn čeri čaqšy poġtyr. tör čanynda pir ispeške poġdu. aġa moġat qyġyžyn asty, qara tülgü pörügün asty. aġtyn müžerük üstüne čadyp tynandy. aġyp čičen aš čoq, suzup iščen suġ čoq čer poġyan. qartyġa pergen pögündü: «mēna, maġa uġuġ qudaj amyr čer perdi, em amyrın čadarym. meni mŷnan qara saġyštyġ kiži tappas, čer aġtynan ajnazy tappas!» amyrın čada-berdi.

toġus künnün pažynda aġtyn örgenin tebir saġtymy ködürüldi. po ony körip, qartyġa pergen šym čatty «nō obal?» tedi. saġtymnyn aġtynan pir-dā nebe šyqpān saġyan. ūr poġbān, tebir saġtym pazōq ködürüldü. pazōq čāt-keġ-kördü. ködürül-ködürülüp kelip, pazōq tüš-pardy. pir-dā nebe šyqpady. pazōq čatty. toġus künnün pažynda tebir saġtym pazōq ködürüldi. toġus qat tebir saġtym aġtynan toġus quġaš tumčuqtuġ tebir šibeldej šyqty. aġtyn öрге ištinde ary-peri pās-čördi. qartyġa pergendi körüp tanzyndy. anan ajtty: «po qartyġa pergen uġuġ uġyuda poġtyr. šaqpo uġyuzyna qyzyp, qartyġa pergendi ödür-saġajŷn!».

qartyġa pergen uġyp körbēčyn pōġ tujuqqa čatty. pilbēn poġyp šym čatty. qartyġa pergendi ebare pās-čörüp, kēbrek čerin pedredi. toġus quġaš tumčuyu-ba qaraġyn qāġa-berdi. qartyġa pergennin qaraġyna tanda qaqpān qaldy.

šibeldej «ajtty: qartyġa pergennin qajdyġ kēbrek čerini pedrep tabajŷn! ān ök-pe čüregin-ne qaġyp čirim!» tedi. parŷ čoq küžü-be čüregin qaqty. anan tumčuyun čürekke pādra pāzyp, qan sordy. anyn tumčuyun aġyp körze, toġus quġaš tumčuyu tügene-bertir; qartyġa pergennin čüregine tanda qaqpān-dyr. «po qartyġa pergendi qudaj qajdi čajayan poġyan. pōny po uġyuda qajdyp kēbrek čerin tabajŷn! tedi. anan qartyġa pergendi pažynan aġa azaqqa čētire tumčuyŷ-ba qāġyp pardy. qartyġa pergennin pir-dā čeri aġrybady.

para-para kelgeni — soġ azayynŷn merigine četti. soġ merigin qaq-qanda — soġ merigi āčyp pardy. qartyġa pergen ištinde pögündi «uġuġ qudaj mēn soġ merigim poš kēbrek čajayan poġtyr!» tedi.

Когда он, надев на себя многослойную кольчугу, выходил, мать его Алтын-Кöбк в сильное огорчение пришла; (так) плача, рыдая осталась. Глядя на единственное свое дитя, она плакала. «Единственное мое дитя, Картыга-Перген, снова увижу ли я тебя!» — говорила. Когда Картыга-Перген сел на коня, там, где стоял сорокасаженный светлосоловый конь, — след был; куда он поехал, — следа не было. Куда он отправился, — мать его не заметила.

Картыга-Перген мало ли ехал, много ли ехал. Когда (так) ехал, за пределы семидесяти ханств выехал, за грань семидесяти земель выехал; земли, где ему [самому] жить, он не находил. На хребет, находящийся за землею чужого народа, поднялся, в ложбину, подобную углублению седла, спустился. Землю вокруг оглядел. Потом, когда глядел, — впереди золотая степь, глазом которую не охватить, расстилается. В этой золотой степи выросшая трава не вянет. То была земля, в которой листья [растущих (там)] деревьев не блекли, (там) выросшая гора золотой была, текущее море белым айраном разливалось. [Это увидев] (тут) Картыга-Пергену понравилось. «Вот теперь землю, в которой я должен жить, я нашел!» — сказал. Потом, встав, (он) закричал: «Вверху находящийся мой кудай, если это есть земля, в которой я буду жить, мне золотой дворец с неба спусти, с тремя цепями пусть он будет!»

Когда [стоя] потом взглянул, — с неба, блестя подобно солнцу, сверкая подобно месяцу, золотой дворец спустился. С неба на трех цепях спускающимся он был. У двери было место, где можно коня поставить. [Этот] Картыга-Перген, то увидев, обрадовался и сказал: «Великий кудай мне золотой дворец спустил!» По направлению к нему (ко дворцу) верхом на коне поехал. У подножья золотой коновязи коня привязал. Соскочив с коня, в золотой дворец вошел. Потом взглянул, — все хорошо было. В переднем углу вешалка была. Он повесил на нее стальной меч, туда же шапку из черной лисицы повесил. Улегшись на золотую кровать, он отдыхал. Это была земля, где, чтобы брать и есть, еды не было, где, чтобы черпать и пить, воды не было. Картыга-Перген сам про себя подумал: «Вот, мне великий кудай спокойную землю дал, теперь спокойно я жить стану! Меня здесь и имеющий черный разум человек не найдет, даже подземные айна не найдут!» Спокойно жить стал.

Через девять дней железный пол золотого дворца приподнялся. Это видя, Картыга-Перген тихонько лежал. «Что за чудеса?» — сказал. Из-под пола никто не выходил. Долго не прошло, железный пол снова приподнялся. Он опять лежал и глядел — поднявшись, (пол) снова опустился. Никто не вышел. [Снова] опять лежал. [Снова] через девять дней железный пол опять приподнялся. Из-под девяти слоев железного пола имеющая нос в девять сажений Железная Шебельдей вышла. Внутри золотого дворца она взад и вперед прохаживалась; глядя на Картыга-Перген, она удивлялась. Потом сказала: «Этот Картыга-Перген в великом сне (находится). Воспользовавшись [этим] его сном, Картыга-Пергена убью-ка я!»

paza pir-dā nebe poľbady. qartyŷa pergen čatqan ōzyba čatty. tebir šimeldej ajtty: «po qartyŷa pergen ōlbes čajaľyan poľtyr! mŷnaŷ parajŷn!» tedi. tebir saľtymnyŷ arazy-ba tartyľŷ čer aľtyna tŷže pēr-qaldy. qartyŷa pergen čatqan ōzu-bŷla čāt-qaldy. pir-da nebe aŷa poľbady. ananŷ āry amŷryn čatty.

ananŷ uqqany — aľtyn maqyŷ paŷyna ōdŷktŷg kiŷi pasty. aľtyn eŷigin qajrŷ aŷty. eŷigin āŷyp, ezen perdi: «ezen, ezen, qartyŷa pergen, tedi, uluŷ čurtuŷda čā poľŷp, ōdus čyľŷa čede perdi. sen nō kōrbēn čātčarzyn! tedi. četton qannynŷ qalyŷŷy čyŷŷyľdy, qara ajnanynŷ tōlŷ čyŷŷyľdy. aľtyn ōrgeninŷ ŷš ilčerbēniŷ iŷizin ŷže attyľar, pirēzi-le qaldy» tedi. ede ajtqanda qartyŷa pergen kōrze, oŷľan čaŷtyŷg ōľaq poľŷan. ōľaq qarčy puruľŷp, ŷyq-pardy. qaj paryany pilbēn qaldy.

qat qujaŷyn kijindi, qara tŷlgŷ pōrŷgŷn kijdi, qara moľat qyľŷŷyn azyndy. qyzyľ tamyľŷa čačayŷn azyndy, aľtyn ōrgedenŷ ŷyqty. aľtyn maqyŷqa turup, qyŷŷyrdy: «ōregē turŷan uluŷ qudajym, mā qujaľ poľbazyn. po qalyŷqtaŷ poľlarynŷnaŷ poľčyr!».

atqa minip, po čerge tŷŷtŷ. ŷaqpo qannynŷ ŷerige kirdi. toŷus kŷnge ŷyŷara qannynŷ ŷerigin poŷada qyrdy.

toŷus kŷnnŷnŷ paŷynda aj qyľŷ nančyzyna toŷaŷty. uluŷ ezen menči perŷŷip, erbekteŷtiler. erbekteŷ-turŷan tuŷunda oŷľan čaŷtyŷg ōľaq qartyŷa pergenninŷ aľyna keldi. «ezen, ezen, ōlbes čitpes qartyŷa pergen!» tedi. qartyŷa pergen ajtty: «ezenōq, čas paľa!» pajaŷŷy ōľaq ajtty: «eze, qartyŷa pergen, kiŷi adačēŷ adymdy adap per!» tedi. qartyŷa pergen ajtty: «men ōregi turŷan qudaj ebessim!» tedi. pajaŷŷy paľa ajtty: «qartyŷa pergen, aba, sen adabāŷda kem adar?» tedi.

pōny uqqanda qartyŷa pergen qatqyrŷbysty. «andŷg poľŷanda adap perejin! tedi. qartyŷa pergenninŷ sōľ meriktenŷ čajaľyan, qartyŷa pergen abaľŷg-zyn, toŷus quľaŷ tumčuqtuŷg tebir šibeldej eneliŷ-zin, aľtyn tŷktŷg aq sar'attyŷg aľtyn merik adynŷ poľzyn!» tedi.

aj qyľŷ ajtty: «am, nančy, men myndōq čadarym!» tedi. aľtyn merik paľazy ajtty: «men myndōq čadarŷm» tedi. qartyŷa pergen ajtty: «slerge mynda čadaryŷa čarabas, tedi, aŷ čibes, suŷ ičpes kiŷi-mim, sler poľlarynŷnynŷ čurttarynŷga parŷp čadār!» tedi.

Картыга-Перген, притворяясь, что не слышит и не видит, тихонько лежал. Притворяясь, что ничего не замечает, тихо лежал. Вокруг Картыга-Пергена туда-сюда ступая, хрупкого места она искала. Носом в девять сажень стала глаза клевать. Глаза Картыга-Пергена выклевать она не могла, невредимым остался.

Шебельдей сказала: «У Картыга-Пергена какое-нибудь ломкое место [ища] найду я! Съем хотя бы его легкое и сердце!» [сказала]. Сколько было силы, сердце его клюнула. Потом, клюв (свой) в сердце его погрузила и кровь сосала. Когда она, вынув клюв, взглянула, девятисаженный клюв ее уменьшился; сердце же Картыга-Пергена невредимым [не выклеванным] осталось. «Как этого Картыга-Пергена куда-то создал! У этого (Картыга-Пергена) во время его сна каким образом хрупкое место я найду!» сказала. Потом Картыга-Пергена с головы до ног клевала [клювом]. У Картыга-Пергена ни одно место тела боли не чувствовало.

Когда она так клевала, клевала, добралась наконец до ступни его левой ноги. Когда она левую ступню клевала, левой ступне больно стало. Картыга-Перген про себя подумал: «Великий куда-то мою левую ступню слабой, оказывается, создал!» [сказал].

[Снова] опять никого не стало. Картыга-Перген продолжал лежать, как лежал. Железная Шебельдей сказала: «Этот Картыга-Перген неумирающим, непогибающим, оказывается, сотворен! Отсюда отправлюсь-ка я!» [сказала]. Картыга-Перген остался лежать, как лежал. Ничего ему не сделалось. Потом дальше спокойно жил.

Потом (однажды он) слышит — на верх золотой лестницы имеющий сапоги человек поднялся. Золотую дверь настежь открыл. Дверь открыв, поздоровался: «Здравствуй, здравствуй, Картыга-Перген!» [сказал]. В великом твоём стойбище война, начавшись, уже до тридцатого года доходит. Ты не видишь что ли этого, так здесь лежишь? [сказал]. Семидесяти ханов народ (сюда) собрался, поколение чёрных айна собралось. У золотого дворца из трёх цепей две (цепи уже) оборвали. Только одна осталась!» сказал. Пока (он) так говорил, Картыга-Перген глянул (на него), в детском возрасте мальчик (то) был. Мальчик, назад повернув, вышел. Куда отправился — неизвестно.

(Картыга-Перген) многослойную кольчугу на себя надел; шапку из чёрной лисицы на себя надел; чёрный стальной меч себе привесил, из красного таволожника лук [себе] привесил; из золотого дворца вышел. Наверху золотой лестницы встав, закричал: «Вверху находящийся мой куда-то, мне наказания пусть не будет, по вине самого этого народа (все) происходит!»

На коня [верхом] сел, в эту землю спустился, в враждебное войско въехал. В течение девяти дней злобное войско совершенно уничтожил.

Через девять дней Ай-Кылыша, своего друга, встретил. Великим приветствием здоровались, друг с другом разговаривали. В то время, когда они между собой разговаривали, мальчик [детского возраста] перед Картыга-Пергеном предстал. «Здравствуй, здравствуй, Картыга-Перген, который

altyn merik palazyna ajtty: «meniñ enemniñ čurtyna paryp čat, men slerge pōjymnyñ sōmymdy šāp-perejin! pır-dā kiži mēñ sōmymdy körüp, slerdin čurtqa kelbes!» qartyğa pergen tur-kelip, tükürbüsti, altyn sōm čajaldy. aγ-oj'adyna mingenčē qartyğa pergen ušqaš sōm poldy. ezen menči perižip alyp, somnaryn tudunyančē, pojларыnyñ čurtyna nandyлар.

qartyğa pergen örgezinde čatty. abyrynañ čada-berdi. pır-dā kiži kelbedi. qałyq arazyna poju-da čörbedi.

qān čerine qoža čürdim,
qān qastayyn po čerge slerge čettirdim!
saryg taldañ ištegen qomuzumdy tuduna
ajlig künge šyγara pastym.
aq qojanğa minib alyp,
po čerge nandym.
uzun połyр čolun qysqartpadym,
qysqa połyр čolun ułabadym,
uqqan šenim po połyрan!

10

qān kes.

purun purun połyрan połtur.
purunγy töldün sōnda,
emdegi töldün alynda.
qalaq-pyła taγ pölgen,
qamyš-pyła sug pölgen temde połyрan,
arγlyр aq talaj aqqan,

не умрет и не погибнет!» — сказал. Картыга-Перген ответил: «Здравствуй и ты тоже [молодое] дитя!» Тот [упомянутый] мальчик сказал: «Итак Картыга-Перген, имя, которым люди меня называть будут, (мне) дай!» сказал. Картыга-Перген отвечал: «Я — не вверху находящийся куда!» [сказал]. Тот [давешний] ребенок (снова) сказал: «Картыга-Перген, отец мой, коли ты не назовешь мне имя, кто же назовет!» [сказал].

Это услышав, Картыга-Перген захохотал. «Если так, то имя (тебе) да назову я! — сказал. Сотворившийся из левой ступни Картыга-Пергена, имеющий отца Картыга-Пергена, имеющий мать с девятисаженным носом черную Шебельдей, Алтын-Мерик с золотошерстистым светлорыжим конем (по имени) ты будешь!» [сказал]. Ай-Кылыш сказал: «Теперь, друг мой, я здесь же жить стану!» Алтын-Мерик, ребенок его, (тоже) сказал: «Я здесь же жить стану!» Картыга-Перген (им) ответил: «Вам не следует жить здесь! Я — человек, который еду не ест, воду не пьет, вы (же) в ваши собственные стойбища отправляйтесь (и там) живите!» [сказал]. Алтын-Мерiku, ребенку своему, Картыга-Перген сказал: «Отправясь в стойбище моей матери, (там) живи. Я вам мое собственное изображение, сняв, дам! Кто бы ни увидел мое изображение, в вашу землю не войдет!» Картыга-Перген встал и плюнул — золотое изображение сотворилось. Подобное Картыга-Пергену, едущему верхом на светлосоловом коне, изображение стало. Попрощавшись и держа изображение, они в свои стойбища вернулись.

Картыга-Перген в своем дворце жил. Никто к нему не приходил. Спокойно жить стал. Промеж народа [сам] он тоже не ходил.

В землю хана [вместе] я ходил.
Счастье хана в эту землю я вам доставил.
Держа комыс, сделанный из желтого тала,
На землю, освещаемую солнцем и луной, я вступил.
Верхом на белом зайце
В эту землю вернулся.
Длинный путь я не укорачивал,
Короткий путь не удлинял —
Вот все, что я слышал!

10

Кан Кес

Давным давно это было...
Прежнего поколения позже,
Нынешнего поколения раньше.
Это было в то время, когда мешалкой горы делили,
Когда ковшом воду делили,
Пробиваясь, белое море текло,

őrülüp kelip altyn tag ősken.
 aq talajdyn qāžynda čon čatqan,
 altyn tagdyn tōzünde aq mał turyan.
 aq talajdyn qāžynda,
 altyn tagdyn tōzünde
 alty azaqtyg altyn őrge turyan.
 altyn őrgeniń ežiginde
 altyn šārčyn turyan.
 altyn šārčyn tōzünde
 qannań qyzył čegrēn at turyan.
 altyn őrgeniń ištinde
 qān kes čatqan.
 qān kes čaš tužunda połyān.
 azyraýan abazyn pilbedi,
 tuýup emiskēn enezin pilbedi.
 qara čaýysqa čatqan pōłtyr.
 oł čadyp őduryān tužunda
 qāzyr sałyyn qajnap kirgen,
 uług sałyyn ojnāp kirgen.
 anāń kōrze qān kes, —
 altyn tagdań ažyra
 altyn kōk užup kelgen.
 altyn maqyštyn pažyna kēl-tūšken.
 altyn kōk kebin šurtunubysqan,
 ažyra tulunnuğ őreken kiži pōł-paryan.
 altyn őrge kire pasqan,
 qoł berip, ezenešken.
 qān kes őrekenniń qołunań qapty,
 altyn ustoldyn arýazyna odurtty.

«meni tānyp ezenešken qajdyg kiži połčāzyn? ady-šolań kem połar?»
 tedir. őreken ajtty: «ady šolań kem połzun! mynań āry qyrýq qannań
 taštynda čatqan, alty tölge šyýara čažāyan, altyn tūktūg aý-oj attyg altyn
 qartyýanyń alyān kižizi połarym! altyn kōk adym połar!» tedir. qān kes
 surady: «andyg połyanda, altyn kōk, mēń čerime nō kerektig tep keldiń?»
 tēgen. altyn kōk ajtqan: «nō kerektig tep kelejīn! qān kes űjden šyqpas,
 qān kesti űjden ystýrārya keldim!» tedir.

qān kes surady: «qajdyg čerge meni yzārya keldiń?» tedir «qajdyg čerge
 yzajyn! ada čurtuna čaýysqa čadarāya aryštyg ebes-pe! tedir. čāya pašqa

Нагромождаясь, золотая гора вырастала.
 На берегу белого моря народ жил.
 У подножья золотой горы белый скот стоял.
 На берегу белого моря,
 У подножья золотой горы
 Имеющий шесть подставок золотой дворец стоял.
 У двери золотого дворца
 Золотая коновязь стояла.
 У основания золотой коновязи
 Краснее крови игреневый конь стоял.
 Внутри золотого дворца
 Кан Кес жил.
 Кан Кес молод был;
 Вскормившего его, отца своего не знал,
 Родившую и кормившую его, мать свою не знал,
 Совсем одиноким жил.
 В то время, когда он жил,
 Грозный ветер, бушуя, ворвался,
 Великий ветер, играя, ворвался.
 Кан Кес взглянул —
 Перевалив через золотую гору,
 Алтын Кōк прилетела.
 На верхушку золотой лестницы она опустилась,
 Одежду золотой кукушки с себя скинула,
 Старухой, имеющей две косы, стала.
 В золотой дворец вошла,
 Руку подав, здоровалась.
 Кан Кес старуху за руки схватил,
 За золотой стол посадил.

«Меня узнав и со мной поздоровавшаяся, что за человек ты будешь?
 Имя-прозвище твое как будет?» — он сказал. Старуха ответила: «Имя-
 прозвище мое вот как будет! За пределами сорока ханов живущего, в тече-
 ние шести поколений прожившего, солового коня с золотой шерстью имею-
 щего Алтын Картыга женой я буду! Алтын Кōк мое имя будет!» Кан Кес
 спросил: «Если так, Алтын Кōк, то в мою землю за каким делом ты при-
 ехала?» Алтын Кōк сказала: «За каким делом в твою землю пришла я?
 Кана Кеса, из дома не выходящего, из дома отправить я пришла!»

Кан Кес спросил: «В какую землю меня отправить ты пришла?» —
 «В какую землю тебя отправлю я! В отцовском стойбище одинокому жить

tartynarẏa čapsyq martqa tabar kerek, qoltuq töske tartynarẏa qös martqa tabar kerek. mýnaṅ arẏ čer ortazy čerge čatqaṅ altyn tüktüġ ay-oj attyġ aq qān par. aq qannyṅ pałazy altyn süču qys par. alčeṅ kižiṅ ol połar. ān čeringe par. andayy čerde toýus čyłya tözulbas toj połčer. četton qannyṅ qalyyẏ tōza čyyl̇dy» tegen. pōnu uqqan qān kes ajtqan: «andyġ połyanda—pār-kōrejīn; men pār-kelgenčē, mēn üjūme qała-ber!» tegen. altyn kōk ajtqan: «nō połyan, qała-bereīn! pār-kell!» tegen.

qān kes qat qujayyn qattanyan, qančẏaj tonun kijingen. saýynmasqa ezenesken, sanašpasqa mendilešken, altyn örgedeṅ šẏya pasty. altyn šar-čyndaýy qan čegren adyna pardy. mīnip pararynda altyn kōk öreken ajtty: «eze, qān kes, mēn ajtqan sözüm uqqaj-pedin?» tegen. qān kes ajtty: «ajtčeṅ sözüm par połza, ajt-per!» tegen. altyn kōk öreken ajtty: «ułuġ čajačy altyṅya mēngen qan čegren adyṅ qamčy šaptyrbasqa čajalyan. qajdy-dā manžyrazan, qamčy šappajzyn! qamčy šappas qan čergen atqa qamčy šapqanda ułuġ šaj połčen, ułuġ určnq połčen!» tegen. — pōnu uqqan qān kes ajtqan: «andyġ połyanda nōzun šabajn!» tegen.

ułuġ čurttañ qāčyr šẏya-bergen. aq qannyṅ čerine, ułuġ tojya para-bergen. ol pararẏa — ızaq połdu, men ajdarẏa — čayyn połdu. čol arada sāt čoq połdu. aq qannyṅ čeringe četti. altyn tağdyṅ qyrdañ kelip, aq qannyṅ čurtun kōrdü. qalyq čaqšy qarlẏyaš-či qajjnyščār, qazyq šeni adyščār. šyny-býla šyn bołtur. četton qannyṅ qalyyẏ tekši čyyl̇tyr. qan kes qalyq ārałap qāčyr-keldi. altyn šarčyṅya četti. altyn šarčyṅya adyn pałady. attañ tüzüp, altyn örgege kirdi. ežigin ažyp, ezen berdi, erken ałtap, mendi berdi. altyn örgē tōldýra qalyq čaqšy ödur-partyr. qān kesti kōrgende qalyq čaqšy parčazy ezen perdiler. adyn adap pileri — adyn adap ezenešti; adyn pilbenneri — paš enip ezenešti. — «čozaýy qašqa qān keltir, čoruýu pašqa at keltir!» teštiler. qān kes tör paštada pās-pardy. altyn ustol arýazyna odurdu. altoṅ alyptyñ oladyṅ ala odurdu, qyryq alyptyñ čadyṅyn ala odurdu. altyn čajzaṅ anda aš ülep čörgen połtur. altoṅ alyp iš połbas ala šara toldýra ajran urub-ałyp, qan keske akkel perdi. «qalčaryñ qannyġ połtyr, qarayyṅ ottuġ połtur! qajdyġ qannyṅ tölü połčazyñ? ady šōłaṅ kem połar?» tep surady. qān kes altyn ajaýyn tudunyan ozuba čōqtandy: «qajdyġ qannyṅ tölü połajyn! azyrān abam pilbes, emisken enem pilbes, qannaṅ qyzyl čegren attyġ qān kes połarym!» tedi. — «ýraqtañ alčy keldiṅ-me, čayyn ajaq urduñma?» tedi — qān kes ajtty: «aq qannyṅ čerine keldim. qyzyl̇ kijik tuštaza — kečige qyzyp adarẏa, qys pałazy tuštaza — söske qyzyp ałarẏa. aq qannyṅ pałazy altyn süču alčaṅ kižim połyp, any ałarẏa keldim!» tegen.

разве не скучно? Для притягивания ворота к голове редкую застежку найти надо, для притягивания пройм к груди дорогую пряжку найти надо! Отсюда далеко, в стране, находящейся в середине земли, живет Ак Кан, имеющий солового коня с золотой шерстью. У Ак Кана ребенок-девица, Алтын Суучу, есть. Она предназначена тебе в жены, в ее землю и поезжай! В тамошней земле идет пир, который и в девять лет не кончится. Народ семидесяти ханов (туда) весь собрался!» — она сказала. То услышав, Кан Кес сказал: «Если так, я поеду; а пока я съезжу, в моем доме оставайся!» Алтын Көөк сказала: «Что ж, пожалуй, останусь, съезди!»

Кан Кес многослойную кольчугу на себя надел, быстро шубу свою надел. Чтобы не скучать, попрощался, чтобы друг о друге не думать, попрощался. Из золотого дворца вышел. К кроваво-игреневому коню своему, у золотой коновязи стоящему, подошел.

Когда он на кроваво-игреневом коне ехать собрался, Алтын Көөк-старуха сказала: «Так, Кан Кес, слово мое будешь ли ты слушать?» [говорила]. Кан Кес сказал: «Если есть слово, которое ты должна сказать, скажи!» [говорил]. Алтын Көөк-старуха сказала: «Великий творец так создал твоего кроваво-игреневую коня, на котором ты едешь, чтобы его плетью не ударять. Как бы ты ни торопился, плетью его ты не ударяй! Когда кроваво-игреневую коня, которого нельзя бить плетью, ударяют, — великое несчастье бывает, великая беда случается!» [говорила]. Это услышав, Кан Кес сказал: «Если так, зачем же (его) бить стану!»

Из великого стойбища, (коня) погоняя, выехал. В землю Ак Кана на великое пиршество отправился. Ему ехать далеко было, мне говорить близко было. В пути задержки не было. В землю Ак Кана он приехал. С хребта золотой горы спускаясь, на стойбище Ак Кана глядел. Множество народа, подобно ласточкам, птицам, с места на место перебегают, подобно лодыжкам, друг о друга ударяется. На самом деле все так было! Семидесяти ханов народ весь собрался. Кан Кес промеж народа, (коня) погоняя, проехал. До золотой коновязи доехал. К золотой коновязи коня привязал. С коня сойдя, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог перешагнув, приветствовал. Золотой дворец наполняя, множество народа сидело. Когда Кан Кеса увидели — лучшие из народа, все с ним поздоровались. Те, которые знали его имя, называя по имени, приветствовали; те, которые имени не знали, кивая головой, поздоровались. «Чужого обычая хан приехал, чужой поступи конь пришел!» — между собой говорили.

Кан Кес к почетному углу направился, за золотой стол сел. Заняв место, на котором могли бы сесть шестьдесят богатырей, он сел; занимая место, на котором могли бы лечь сорок богатырей, он сел. Алтын чайзан, богатырей вином и едой оделяя, ходил. В пеструю чашу, которую не могут выпить шестьдесят богатырей, доплна айрана налив, он Кан Кесу ее поднес. «Переносица твоя кровавая, глаза твои полны огня. Какого хана ты потомок?» [говоря], спросил. Кан Кес, золотую чашу взяв сказал: «Какого хана я потомок! Вскормившего меня отца моего не знающий,

ponu uqqan pir alyp ajtqan: «eze, qān kes, toγus čylyā šyγara toγ qyzyraq čedinip, toγus čylyā šyγara toγus tōrsuq araya tāžyp, senen üçün qudaıap čörbedim!» tegen. — qān kes ajtty: «mēn ałçen kižimdi qudaıap čörrerge qajdan tapqanzyn!» tēn.

olžende qān kes uqsa, — aq talajdyn qāžynda āčyγ qyjyγ šyqčar. anan uqqany — qara tuban arazynda alyp kiži qyjyγčär. «ažar künümde čök meni körbenčärzyn, qān kes!» tep qyjyγčär. pōnu uqqan qān kes tura pasty. «meni adap qyjyγyan nō tuγanym poıdu-na?» tep, šyγa pasty. aq talajdyn qāžyna pās-paryp, qara tubannyn arazynda kirdi. anan körze, pažyna qyr-γapqan apšij kiži alyp qoıunda čörüp šaptyrčär. aqsynyn qany ajry poıyp, köksünün qany köl poıčär.

pās-paryp, qān kes apšij kižini čara tartyp, kedäri saıdy. alyptyn čaγa paštaγ qapty. čozayy paška tuduštılar, čoruγy paška qarbaštılar. toγus künge šyγara tuduštılar. toγus künnün pažynda qoıundayy alypty kök tegri šyγara ködürdü. alyp taštačan aq qorumya ākelip taštady. ölgen sōgü tağ poıdy, tögölgen qany čulat poıdy.

čazy qabaγyn čara sıjbandy. ałtyn örgē qarčy kele pasty. pās-kelip odurza, ałtyn örgenin ežigi qajra āžyγ-pardy. iγi alyp čaγa paštaγ qabyš-qanči, šyγa pastılar. anan körze: pajayy apšij kiži pazōq alyp qoıuna kir-partyr. ačyγyn qyjyγrdy: «eze, qān kes, tek-tabyraγ ponu köre-ber!»

pōnu körgen qan kes pās-paryp, alyp qoıynan čara tartyp, alyp qoıunya pōjy kirdi. tağ čaqšyzyn talap pardylar, talaj čaqšyzyn šajyyp pardylar. qarbałšša tabyšpas qara tuban tartylyp pardy. kültünnep kelip, kün šalbān pardy, pałtynnap kelip, aj šalbān pardy. ujaıyγ quš ujadān tōsty, turuıuγ aγ turūdan tōsty. toγus čylyā šyγara qarbašty. toγus čyldyn pažynda qān kes qoıundayy alypty kök tegri šyγara ködürdü. alyp taštačan aq qorumya šyγara taštady. ölgen sōgü tağ poıdy, tögölgen qany čulat poıdy. aq tōıada aj öldü, aryγ tüšte kün öldü.

qara tuban arazynda qān kes šyγa pasty. ałtyn örgē kēl-kirdi. ežik ažyp, ezen perdi, erken aıtap, mendi perdi. apšij kiži oγ qoıyn perip, ezenešti. qan kes surady: «meni adap qyjyγr-čörgen qajdyγ apšij kiži poıčanzyn?» tegen. — «qajdyγ apšij poıajyn! sēn čeringe ałtyn kök, mēn örökenim par-γan. ałty tölge šyγara čažāγan ałtyn qartyγa men poıčanym!» tedir.

ałtyn ustoldyn arazynda odurdyılar. aq qan aš tabaqtny aryγy-ba sıjlady, ar pütkenin üstü-be sıjlady. šaqpo qalyqtyn arazynda qan kesten qys talaščen paza kiži čoyul. aq qannyn pałazy-ba ałtyn sučunyn qys pałazyn iγi pašty pirge qōžyp, uıuγ toj tejladyılar. uıuγ ažyn toγus künge šyγara ištiler.

питавшую меня молоком мать мою не знающий, краснее крови игреневого коня имеющий Кан Кес (по имени) я буду!» [сказал]. «Издали ли гость едешь? Близко ли чашу наливаешь?» — говорили. Кан Кес отвечал: «В землю Ак Кана я приехал за тем, чтобы, если дикую козу встречу, на переправе ее перехватив, застрелить; если девицу встречу, словом убеждая, ее взять! Ребенок Ак Кана Алтын Суучу — та, которую я в жены возьму. Ее взять я приехал».

Это услышав, один богатырь сказал: «Так, Кан Кес, в течение девяти лет нежеребую кобылицу за собою вода, в течение девяти лет девять торсуков водки возя, — не для тебя я девицу сватал». Кан Кес ответил: «Девицу, на которой я жениться должен, как ты сватать вздумал?»

В это время Кан Кес услышал — на берегу белого моря горестный крик раздается. Он вслушался — посреди черного тумана богатырь кричит: «В заходящий мой день почему меня не спасаешь, Кан Кес?» [говоря, кричит]. Это услышавши, Кан Кес встал. «Что за родственник, что кричит называя меня, по имени?» — (так) говоря, вышел. К берегу моря направляясь, в середину черного тумана он вошел. Когда потом поглядел, (видит) — один старик с поседевшей головой в руки богатыря попал, (и) тот его бьет. Кровь из его рта ручьем течет; кровь из спины его озером становится.

Подойдя, Кан Кес старика отнял (и) в сторону оттащил. Богатыря за ворот [голову] схватил. Они сражались иным обычаем, они дрались иной поступью. В течение девяти дней они сражались. Через девять дней в его руках находящегося богатыря (Кан Кес) к синему небу поднял; на белые камни, куда бросают богатырей, отнеся, бросил. Умершие кости горой стали, пролившаяся кровь рекой стала.

(Кан Кес) лоб свой широкий разгладил. В золотой дворец обратно вошел. Когда он входил, дверь золотого дворца настежь раскрылась. Два богатыря, схватив друг друга за ворота, дерясь, вышли. Когда глянул, увидел: давешний старик снова в руки богатыря попал. Горестно закричал: «Так, Кан Кес, скорее, скорее за меня заступись!»

Это увидевши, Кан Кес (к ним) направился; (старика) из рук богатыря отнял, сам с богатырем сражаться стал. Из гор лучшие разрушили, из морей лучшие взволновали. Такой черный туман растянулся, что, если шарить, то не найти друг друга. Солнце больше не светило, месяц больше не светил. Имеющие гнезда птицы от гнезд разлетелись, имеющие логова звери от логовищ разошлись. В продолжение девяти лет дрались. Через девять лет Кан Кес находящегося в его руках богатыря до синего неба поднял. На белые камни, на которые бросают богатырей, бросил. Умершие кости горой стали, пролившаяся кровь рекой стала. В полнолуние месяц умер, в чистый полдень солнце умерло.

Из черного тумана Кан Кес вышел. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, порог перешагнув, приветствовал. Старик, подавая правую руку, с ним поздоровался. Кан Кес спросил: «Меня называя по имени кричавший, что за старик ты будешь?» [говорил]. «Какой старик

toʻyus künnün pāžynda qān kes — «čerlig̃ kiži čeksedim, sug̃luḡ kiži susqādym. tajys-ta poʻlza — suyum par, čabys-ta poʻlza — taʻyym par» tedi. čer čepselin čepsendi. saʻyynmasqa ezenešti, sanašpasqa mendilešti. qadyḡ künde körüžerge, qapčalyḡ künde turužary — čöpteštiler.

aʻtyn süču qys paʻlazyn aʻtyn čüstük edip, aʻtyn sebine saʻldy. aʻtyn örgeden šyʻa pastylar. aʻtyn qastyʻa nančyzy-byʻla tennep kelip atqa mindiler. čerlerin taʻlaža nančybystylar. iḡi at qoštāp kelip čügür-turʻany, iḡi aʻtyn qoštāp qačyryp čoqtaš pardylar. pögünü pašqa taḡ aštylar, pölgüzü pašqa sug̃ keštiler. čer ortazy čerge čettiler. iḡi aʻtyptyn čaryʻlyščan čer poʻldu. aʻtyn qartyʻa nančyzy ajtty: «čerimnen šyʻyp ūr poʻldym! pojumnyḡ čurtumʻa pār-körejin!» tedir. ezeneš mendileštiler. aʻtyn qartyʻa pojunyḡ čurtuna nandy, qan kes pojunyḡ-oq čurtuna nandy.

para-para kelgeni — qan kes eldin čerin-raqqa saʻldy, ene čurtun čayyn aʻldy; ajmaq čurtun raqqa saʻldy, ada čurtun čayyn aʻldy. aʻtyn taʻyynnyḡ qyrdaḡ kelip, ada čurtun qarap kördi. ada čurtu abyр poʻldu, ene čurtu eštig̃ poʻldu. aq maʻlyn araʻlap kirdi. arʻa čonun tekšilep kirdi. aʻtyn šarčynʻa qan čegren at qazaʻldy. aʻtyn örgeden aʻtyn kōk öreken šyʻa čügürdü. qoʻldaḡ kelip qāp, qan kesti qoʻltuqtaḡ tüzürdü. aʻtyn örgē ākirdi. «čat čerine parʻan erkem čapsyq kiži ākeldi! el čerine parʻan erkem eštig̃ arʻyš akkeldi!» tedir. qan kes aʻtyn örgē ākīrip, aʻtyn čüstük taštady, aʻtyn süču qys paʻlasy tura tüštü. qan kes čajzaḡnary čačyḡ perdi: «qyr asqyrdyn örün qyʻra soʻyp, qyrban tartyp, toj saʻlar; tōr asqyrdyn tölün tōza soʻyp, tojrap kelip, toj saʻlar! tedi. mēn čerimde attyḡ-šāptyḡ toj poʻlzun! tedi. raqqyzy šap-pa čyʻylyzyn, čayynʻyzy qyčy-ba čyʻylyzyn!» tedir.

uḡuḡ tojʻa qalyq kelip čyʻylyš-turʻany. četton qannyḡ qalyʻy tekši kelip čyʻylyš-turʻany. qačyḡlyḡ ton kijgenner qanā-ba čyʻyldy, tōryu ton kijgenner tōr at-pa čyʻyldy. qalyq čaqšy qarʻlyʻaš-či qajjnyšty, qāzyq šeni adyšty. qān kes uḡuḡ tojdu pirge čörüp tojʻlady. adaḡ kerezi abyр toj poʻldy, ene kerezi eštig̃ toj poʻldy. qyryš tabyš čoq poʻldy. čažyḡ tōryu plat aštylar, čaqšy attardaḡ čaryšqa yzyp tojʻladylar. ustuy sōḡü et šyʻaryp, čaqšy erlerden küreške šyʻaryp, tojʻladylar.

toʻyus künnün pāžynda uḡuḡ tojʻy tōzuʻldy. tōsqa saʻlyany tōzuʻlyp, tōza čony tarady. qazanyʻa saʻlyany qaʻylyp, qalyan čony tarady. čiliktiḡ sōk čigenneri aʻlyap nandyʻlar; quruḡ tomuq kebirgenneri qaryap nandyʻlar. tündükke tüšken quš čabaʻly tūḡü patqanči semirdi, ežikke kelgen it čabaly qujruq patqanči semirdi. tekši qalyq taraʻldy.

aʻtyn kōk öreken ajtty: «eze, qān kes, kenči paʻlam, čerlig̃ kiži čeksedim, sug̃luḡ kiži susqādym, čerime nanajyn! tedi, qadyḡ kün kelze, — körüžüp

я буду! В твою землю Алтын Кёок, моя жена отправилась [сказал]. Шесть поколений живущий Алтын Картыга (по имени) я буду!» сказал.

За золотой стол (они) сели. Ак Кан пищей и водкой угощал, из всего созданного лучшим угощал. Среди здешнего народа, кроме Кан Кеса, никого нет, кто бы мог девицу оспаривать. Сына Ак Кана и девицы Алтын Суучу [две] головы вместе соединили, великую свадьбу справляли. Великое питье в течение девяти дней пили.

Через девять дней Кан Кес — «имеющий землю человек — я соскучился, имеющий воду человек — я пить захотел. Хоть и мелкая, все же своя река у меня есть, хоть и низкая, все же своя гора у меня есть!» — сказал. В путь-дорогу снарядились. Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не думать, попрощался. В тяжелый день друг за друга сражаться, в горестный день друг за друга заступаться — между собою сговаривались.

(Кан Кес) девицу Алтын Суучу в золотой перстень обратив, в золотой карман положил. Из золотого дворца вышел. С Алтын Картыга-другом одновременно на коней сели, в свои земли отправились. Два коня, поравнявшись, рядом бежали, два богатыря, (коней) погоняя, разговаривая, рядом ехали. Без счета горы переваливали, без конца реки переезжали. Срединной земли достигли. То была земля, где два богатыря обычно разъезжаются. Алтын Картыга, друг его, сказал: «Из моей земли я давно выехал, в мою землю отправлюсь-ка я!» Прощаясь, друг друга приветствовали. Алтын Картыга в свое стойбище вернулся. Кан Кес тоже в свое стойбище возвращался.

Кан Кес ехал-ехал, чужую землю далеко оставил, к материнской земле приблизился, чужую землю далеко оставил, к отцовскому стойбищу приблизился. С хребта золотой горы спустясь, всматриваясь, отцовское стойбище разглядел. Отцовское стойбище — благополучно было. Материнское стойбище — спокойно было. Промеж белого скота проехал, промеж народа проехал. У золотой коновязи краснее крови игреневый конь как вкопанный стал. Из золотого дворца Алтын Кёок старуха выбежала. Кан Кеса за руки схватила, подмышки поддерживая, с коня сойти помогла. В золотой дворец (его) ввела. «В чужую землю поехавший милый мой желанного человека привез! В землю чужого народа отправившийся любимый мой сердечного друга привез!» — сказала. Кан Кес золотой перстень в золотой дворец внеся, (там его) бросил. Алтын Суучу девица предстала. Кан Кес слугам распоряжение дал: «Чалого жеребца табун весь зарезав, искрошив, пир устройте, гнедого жеребца потомство все заколов, изрезав, пир устройте [сказал]. В моей земле знаменитая свадьба да будет! Далеко живущие (люди) пусть по молве соберутся! Близко живущие по зову пусть соберутся!»

На великую свадьбу народ собирается. Семидесяти ханов народ весь собирается. Одевшие истертые, в заплатах, шубы — на лыжах, не подбитых шкурами, пришли. Одевшие шубы из разноцветного шелка — на гнедых конях приехали. Множество народа, подобно ласточкам, толпилось,

odurzan! qarçalyg kün kelze, — körüžüp odorzan! tedir. tuštaš-parar tuşanym çoq, paştap parar qaryndažym çoq!» tedir. ponu uqqan qan kes ajtty: «mēn pāžym ezende qoruqpařar.» tedir.

altyn kōk öreken saıynyşpasqa ezenešti, sanaşpasqa mendilešti. altyn örgeden şyça pasty. alty qulaš qanattyg altyn kōk kebin kesti. qanat, şabynyp užubysqanda—uług saıyn ojnap qaıdy, qāzyr saıyn qajnap qaıdy. çerin tałaža nanybysty.

qān kes pōjunyň čurtunda as-pa köp-pe čatqan tužunda alyan kižizi altyn süču ajtqan: «sēn nančyn altyn qartyyanıň čurty ujtapčyr!» any uyp, qān kes surady: «anyň čurty qajde ujtapčyr! menen qoruqpān qajdyg alyp kelgen!» teger. — altyn süču ajtqan: «e-e, qan kes alyan kižim! teger. po čaryq čerde men-ne-bim, tep sanadyň-ma? četton qannyn čerinde ojmaq čazyryp, at tōrep öščer; el čazyryp er tuyp öščer. mynaň ary po čerdiň taştynda čer noquju čerde čatqan, qara tałajdyn qāžynda čatqan uług — kičig aj qara attyg qara qazan, qara qartyya igi qaryndaš qannar par. qylyk-parar tynnary çoq, qyzaryp avar qannary çoq, četton qannyn čerinen tōza alban alçalār; altynnyzy ajna tölünen tōza alban alçalār. ālar igi qaryndaš kelip, altyn qartyyanıň čurtun šajypčalār. altyn qartyya nančindy pūgūn parzan, tirigin pazarzyn, taŋda parzan, paspassyn!» — teger.

pōny uqqan qān kes qāt qujaryn qattandy, qarçyřaj tonun kijindi. toypzon topčy tartyndy. pāraq paştıg paj sādaq peline tartyndy. saıyn-masqa ezenešti, sanaşpasqa mendilešti. «as połzam — alton čyl połarym; köp połzam — četton čyl połarym!» teger. altyn örgezinen şyça pazyp, qan čegren adyna mēndi. adyna mēngen tužunda altyn süču altyn maqyşqa turup, ajtty: «alyan kižim qan kes, pēr erbegim erbektep perejin!» — qan kes ajtty: «ajtčen sözün par połzo, ajt-per!» tedi. — altyn süču ajtty: «altyna mēngen qan čegren adyn qudaj čajayan qamčy šappasqa. qajde-dā manžyrazan, qamčy šappajzyn. qan čegren atqa qamčy šabyssan, uług šaj, uług určuq połar!» teger. — pōnu uqqan qān kes ajtqan: «andyg qamčy šappas at połyanda nōrek šabajyn!» teger.

anan ary qačyrıbysqan. pasqan čeri par poła qaıdy, paryan čeri çoq poła qaıdy. qujun šeni qujbur-turyany, saıyn šeni sabıryk-turyany. čozayy paşqa čon arařap, čoruyy paşqa čon arařap, pardy. para-para kelgeni — qanna qyzył čegren at po čer-be čügürüp eštenmedi. aq pułuttyn üstü-be, kōk pułuttyn alty-ba tartyla berdi. oł paryb oduryan šeninde qān kes pōgūngen: — qajran mēn altyn qartyya nančym, ölüg-bine, tiriğ-binel anyn uçun turuščan kiži çoq! — teger. pōnu čoqtan, ačyuy kelip, tağ-čylap tarynyp, tałaj-čylap šiřip oduryan. — ponu čajayan čajacym altyn sptyg

подобно лодыжкам друг о друга ударялось. Кан Кес великую свадьбу праздновал, пировал. Отцовского обычая благополучная свадьба была, материнского завета спокойная свадьба была. Ссоры и ругани не было. Зеленый, переливчатый шелковый платок навязывали, лучших лошадей на бег посылали — (так) праздновали. Бедреную кость [мяса] (из котла) вытаскивали, лучших мужей на борьбу выбирали — (так) пировали.

На девятый день великий пир окончился. Положенное на бересту истощилось, весь народ разошелся. Положенное в казан — все поели, оставшийся народ разошелся. Те, которые ели кости с жиром, благославляя, возвращались. Те, которые грызли сухие кости без мяса, проклиная, возвращались. На тюндок спустившиеся птицы тощие ожирели так, что перья слиплись, к двери пришедшие собаки худые так ожирели, что хвосты прилипли. Весь народ разошелся.

Алтын Кёок сказала: «Так, Кан Кес, любимое дитя мое, имеющий землю человек — я соскучилась, имеющий воду человек — я испытываю жажду, — в мою землю вернусь-ка я!» [сказала]. Если тяжелый день придет, ты заступись, если горестный день придет, защити! [сказала]. Чтобы постоять за меня — родственника у меня нет, чтобы сопутствовать — брата у меня нет!» [сказала]. Это услышавши, Кан Кес ответил: «Поскольку моя голова благополучна — не бойтесь» [сказал].

Алтын Кёок-старуха, чтобы не скучать — попрощалась, чтобы не тосковать — попрощалась. Из золотого дворца вышла. Одежду золотой кукушки с крыльями в шесть сажень надела. Когда она, взмахивая крыльями, полетела, — великий ветер заиграл, сильный ветер закрутил. В свою землю устремляясь, она возвратилась.

В то время, когда Кан Кес в своем стойбище много ли, мало ли жил, жена его, Алтын Суучу, сказала: «Твоего друга, Алтын Картыга, стойбище спит». Это услышав, Кан Кес спросил: «Его стойбище как спит? Какой богатырь, меня не боящийся, (туда) пришел?» [говорил]. Алтын Суучу сказала: «Э, э, э, Кан Кес, мой муж, не думал ли ты, что ты только один и есть на этой светлой земле? В земле семидесяти ханов, ров заполняя, конь, родясь, растет; народ собой заслоня, герой богатырь, родясь, растет. [Отсюда дальше] за пределами этой земли, на берегу черного моря [живущие] — имеющие вороных коней, большого и малого, Кара Казан и Кара Картыга — два брата хана есть. Чтобы отрезать — душ у них нет, чтобы краснее течь — крови у них нет. Из земли семидесяти ханов, со всего (народа) дань берут. С потомков всех внизу находящихся айна дань берут; с потомков всех вверху находящихся богатырей дань берут. Те два брата пришли и стойбище Алтын Картыга разрушили. Если сегодня поедешь, твоего друга, Алтын Картыга, живого застанешь, если завтра поедешь — не застанешь» [говорила].

То услышав, Кан Кес многослойную кольчугу на себя поверх одежды надел, быстро шубу на себя надел. Девяносто пуговиц застегнул, богато украшенный колчан к поясице притянул. Чтобы не скучать — простился.

qamčyny maýa at şappas poňanda nōýa çajap pergen poňan! — tegan. ede ajdała, ałtyn qamčyzy ködürgen, aq ajas-pa ajlandyr-kelip, qan čegren adynyn çalbaq saýryna şapqan.

qamčy şaptyrbas čegren at qamčy şapqanda şaqpo qamčynyn ačyýy-ba qara qan-ma pyşqyrdy. anañ kēril-kelip čügürübüsti. pojñnyn künnüg saýyzy şyq-pardy. qān kestin saýyzy şyqoq-pardy. no-nō čerde čügür-turýanyn qan čegren at čerēda pilbedi. at üstüne mēngen pojōq qan kes pilbedi. qan čergen at čöre-čöre, po kün čaryýyn ebere čügürdi — saýyzy kirbedi. qān kes qanči-qanči temge-şyýara syýyzoq kirbēn qaldy. po čaryqtyn taštyna şyýara, pašqa čaryqqa şyýara čügürdü. pašqa aj şaňan, pašqa kün şaňan čerge čügürdü. iğinči čaryqty tügezoq čügürdi, saýyzy kirbedi. iğinči čaryqtyn taštyna şyqty. üzünči čaryqqa şyqty.

čardyy aj şaňan, čardyy kün şaňan čerge şyqtylar. şaqpo- čerde qara taňaj aqqan čer pōłtyr. qara taňajdyn qāžynda qara qumaq çajañan, qara toľana pūtken poňan. şaqpo toľanān arazy-ba čügürgen. toľana arazy-ba čügür-turýanda qara toľana qān kestin üstüne kijgen qat qujajyn taňa tāt-turýan. čüzü-bažyn tōzy tyrbaqtap turýan. qan kestin anda saýyzy kirgen. saýyzy kirip körze, qajdyg-qajdyg pašqa čerge kele bērtir. čardyy aj şaňan, čardyy kün şaňan čerge kele-bergen.

adñnyn tiskinin qajry tāt turdy. «altyma mēngen qan čegren at qajdyg čer-be čügüre pergenzin?» tegan. tarta-tarta kelgeni — ölbes parbastā toqtadyb-aňan. qan čegren ady ajtqan: «eze, sen, küligüm qān kes, ašqan paryan abañ ajtqan-ma — qamčy şaptyrbas qan čegren atqa qamčy şabarya! emde no-no čerge paryanym pojum-da pilbenčarym. aqtap as-pardybys! üš čaryqtyn taštyna şyqtybys. čardyy aj şaňan, čardyy kün şaňan čerge keldibis. emde mñnan pojymnyn čerimge čügür čederimni pilbenčadym. üš tölge şyýara čügürzebis, tappassybys!» tegan.

şaqpo qān kes ponu uqqanda ak-tek pōłyp tura qañan. anañ körze, qara taňajdyn töbertin peri pir qara čazāg čyłaš qara oľaq čügür-şyýyb-odur-yan. ponu körze, qan kes ajtty: «po čerge tuyannān aľa myndyg qara kiži körbedim!» oľ qara oľyūaq po qan kesti körip taňnap kelgen — «po qajdyg čerden kelgen myndyg aryg sylyg qan poňan? tegan. pistin čerde myndyg aryg sylyg qan' čoq! tegan. čardyy ajdyn suzun pasčēr, čardyy künnün

чтобы друг о друге не думать — простился. «Если мало пробуду, шестьдесят лет пробуду, если много пробуду, семьдесят лет пробуду» — сказал. Из золотого дворца вышел, на кроваво-игреневого коня сел. В то время, когда (он) на коня садился, Алтын Суучу, стоя на золотой лестнице, (ему) сказала: «Муж мой, Кан Кес, один разговор иметь с тобой хочу». Кан Кес ответил: «Если есть слово сказать — скажи!» [говорил]. Алтын Суучу сказала: «Кроваво-игреневого коня, на котором ты едешь, куда-то создал так, чтобы плетью (его) не ударять. Если ты кроваво-игреневого твоего коня плетью ударишь, великое несчастье, великая беда случится» [говорила]. Это услышавши, Кан Кес сказал: «Если это такой конь, которого нельзя ударять плетью, зачем я (его) ударю» [говорил].

Потом (коня он) погнал. Там, где ступал (конь) — след остался, в какую землю отправился — следа не осталось. Подобно вихрю бушует, подобно ветру развеивается. Проезжая промеж людей чужого обычая, проезжая среди народа с иной поступью, (он) едет. Когда (он так) ехал, кроваво-игреневому коню по этой земле бежать наскучило. Поверх белого тумана, ниже синего тумана он понесся. В то время, когда он ехал, Кан Кес сам про себя размышлял: «Дорогой Алтын Картыга, друг мой, мертв ли, жив ли [говорил]. Нет человека, чтобы за него заступиться!» Так сам с собой разговаривая, он в огорчение пришел, подобно горе рассердился, подобно морю надулся. «Если коня нельзя стегать, то зачем творец мой эту плетть с золотой рукояткой создал и мне дал!» Так сказав, золотую плетть поднял, в ясном воздухе покрутил, взмахнул (и) кроваво-игреневого коня по широкой спине ударил.

Когда (он) плетью ударил, кроваво-игреневый конь, которого бить нельзя, от боли черной кровью фыркнул. Потом, вытягиваясь, стремительно побежал. Светлый разум его ушел. Кан Кеса сознание тоже покинуло. По какой земле он бежит — кроваво-игреневый конь сам того не знает. Верхом на коне едущий Кан Кес сам тоже (этого) не знает. Конь шел-шел, вокруг этого солнечного мира (он) обежал — в сознание не пришел. Кан Кес также сколько-то времени в сознание не приходил. За пределы этого мира выйдя, другой мир пробежал. По земле, освещенной иным солнцем, по земле, освещенной чужим месяцем, он побежал. Второй свет весь пробежал — в сознание не пришел. Наружу, за пределы второго света вышел; на третий свет поднялся.

На землю, освещенную половинчатым месяцем, половинчатым солнцем, они вышли. То была земля, по которой протекало черное море. На берегу черного моря [создан] черный песок был, и (на нем) черный шиповник рос. Промеж [вот] этого черного шиповника (конь) побежал. Когда он посреди шиповника бежал, черный шиповник всю надетую сверху на Кан Кесе многослойную кольчугу изодрал. Лицо (и) голову его [все] испарал. Тогда к Кан Кесу разум (его) вернулся. Когда он в сознание пришел и взглянул, (видит): в какую-то незнакомую землю приехал. В освещенную половинчатым солнцем, освещенную половинчатой луной землю приехал.

suzun pasčér!» aldyna pās-kelip, ezen bergen. «ezenoq aryg̃ sylyg̃ qan tölö!» tegan. — qan kes ezen bergen — «ezenoq, čyłaš qara ołaq! tegan, qajdyg̃ qannyn palazy połarzyn? ady šolaŋ kem połar?» čyłaš qara ołaq ajtqan: «āzyrajan abam pilbes, emisken enem pilbes kiži-min, tegan, asqan tōsqan kiži połarym!» — qan kes surajan: «ede, em qajdyg̃ čerge parčāzyn?» tegan. — «qajdyg̃ čerge parajyn! mynaŋ āry qara qan par! tegan, qara qannyn qyzy kiži parčyr; aŋ čerinde toj połčyr. uług̃ tojya pārcādy.» — «andyg̃ połyanda, qar' ołaq nančy, meni qoža āpararzyn-ma?» tegan. — «ede-le parčaŋ połzaŋ, čök apparbāj!» tegan.

połar iģele uług̃ nančyŋar połb alyp, qara qannyn čerine pirge parjannar. qannaŋ qyzy čergen at qajy-žen čügürze, čyłaš qar' ołaq ołoq-šen čügürturjan. pýlar iģele qara qannyn čerine čettiler. apsaq pelden šyyp, qaraq kördüler — qara qannyn čerinde šyny-ba-da uług̃ toj połyan. tük pēlišpes mały połyan, til pēlišpes čony połyan. āzyrajan małynda aq tūktūg̃ mał čoq połyan; albattyg̃ čonunda aq šyrajlyg̃ kiži čoq połyan. parčān qara mał, qara šyrajlyg̃ kižiler połyan. po čylyjan attarda aq tūktūg̃ at čoyy, po čylyjan alyptarda aq šyrajlyg̃ alyp čoyy.

altyn šarčyn tōzünde pir altyn tūktūg̃ aq sar'at turčur. altyn ezeri kün-čelep šalčér; kümüş čügeni aj-čolap šalčér. pōnu körüp qan kes surady: «čyłaš qar' ołaq nančy, po qajdyg̃ aq sar'at turčér? any ūstüne mēngen qajdyg̃ qan połčen? ady-šolazy kem alyp połar? tep, surajan. čyłaš qara ołaq ajtqan: «eze, nančy, po aq sar'atty unnapčytqan pistiŋ čerde kiži čoq. pōn ūstüne mēngen alybyn qaraqqa kōrgen kiži čoq. any unnapčytqan altyny ajna-dā čoq! tegan, — any unnaj tezeŋ, qara qannyn altyn öргеzi-niŋ ištinde odurjan qara qāny qyzy połar, anaŋ kīrip, surarzyn. any pilze-pilbeze, oł piler!» tegan.

qāčyryp ene-bergenner. uług̃ čurtqa kirgenner. qalyq čaqšyzy qān kesti körüp, qylyryš-turjannar. «čoruy pašqa at kirčér, čozay pašqa qan kirčér! teganner. pistiŋ čerde myndyg̃ aryg̃ sylyg̃ čajalyt ösken alyp čoq połyan. qajdyg̃ čerde čajalyan qan połyan?» teškenner. at paýlaçaŋ altyn šarčynya četkenner. attañ tūžup, adyn paýlady. altyn örgē pās kire-berdi. čyłaš qara ołaq tašqaryda čat-qaldy.

ežigin ažyp, ezen berdi, erken ałtap, mendi berdi. anaŋ kōrze, altyn öрге ištinde tōldura qan tōłkeri odur-partyr. aq šyrajlyg̃ kiži čoyy, parčazy qara šyrajlyg̃ qalyq połtyr. pōnu körüp, parčazy ezen perdiler. özere čōqtaštylar: «pistiŋ čerde myndyg̃ alyp čoq połyan. qajdyg̃ čerden čajalyan qan połdu-ne! teštiler. čardyq ajdyn suzun pasčér, čardyq künnün suzun pasčér». tōr čaŋya paryp, altyn ustoldyn aržazyna

Дернув за повод, он коня поворотил. «Подо мною идущий кроваво-игреневый конь, по какой это земле ты пробегаешь?» — спросил. Кроваво-игреневый конь отвечал: «Так [ты] мой храбрец, Кан Кес! Умерший-погибший твой отец сказал что ли, чтобы кроваво-игреневому коню, которого нельзя ударять плетью, плетью бить! Теперь по какой земле бегу — я и сам не знаю! Мы совсем заблудились. За пределы трех миров мы вышли, в землю, освещенную половинчатой луной, освещенную половинчатым солнцем, мы приехали. Как теперь отсюда в мою землю попаду, я и сам не знаю. Если в течение трех поколений бежать станем, и тогда нашу землю не найдем!» [говорил].

Это услышавши, Кан Кес удивился и остановился. Потом видит — от края черного моря (к ним) Голый Черный юноша бежит. Взглянув на него, Кан Кес сказал: «С тех пор как я (на этой земле) родился, такого черного человека [еще] не видел!» Тот Черный юноша на [этого] Кан Кеса глядя, удивлялся и говорил: «Это из какой земли такой светлый красивый хан? [говорил]. В нашей земле такого светлого красивого хана нет [говорил]. Лучи половинчатого солнца он затмевает, лучи половинчатой луны затмевает!» Подойдя к Кан Кесу, (он с ним) поздоровался: «Здравствуй, светлый красивый потомок хана» — (он) говорил. Кан Кес (его тоже) приветствовал: «Здравствуй [также] Голый Черный юноша! [говорил]. Какого хана ребенок ты будешь? — спрашивал. Имя-прозвище твое какое будет?» Голый Черный юноша отвечал: «Я — человек, вскормившего меня отца не знающий, вскормившую мать мою не знающий [говорил], бродячий человек я буду!» Кан Кес спросил: «Теперь в какую землю ты отправляешься?» [говорил]. Черный юноша отвечал: «В какую землю я отправляюсь! Далеко отсюда Кара Кан есть [говорил]. Дочь Кара Кана замуж выходит, в ее земле великая свадьба происходит!» — «Если на самом деле так, Черный юноша, друг, меня с собою поведешь ли ты?» Кан Кес сказал. «Лишь бы ты поехал, почему я не поведу!» — (Черный юноша) отвечал.

Они двое большими друзьями стали и вместе в землю Кара Кана отправились. Сколько кроваво-игреневый конь бежит, столько же Голый Черный юноша бежит. Они вдвоем земли Кара Кана достигли. Когда они с холма съехали, (то) [глаза их] увидели: в земле Кара Кана на самом деле великая свадьба была. Шерстью не различающийся скот был, языка друг друга не знающий народ был. Среди вскормленного там скота — с белой шерстью скота не было, среди подданного народа — с белым лицом человека не было. Все черный скот (был), с черными лицами люди были. Среди здесь собравшихся коней — с белой шерстью коня нет, среди здесь собравшихся богатырей — с белым лицом богатыря нет.

У основания золотой коновязи светлорыжий конь с золотой шерстью стоит. Золотое седло подобно солнцу сверкает, серебряная узда подобно месяцу сверкает. Это увидев, Кан Кес спросил: «Голый Черный юноша, друг, это какой светлорыжий конь (здесь) стоит? [говорил]. Верхом на

odurdy. aš ülep čörgen čajzan anda poldy. altyn ajaq-pa aš perdi. altyn ajaqtan izibisti.

qan kes altyn örgeniñ tübüne kirdi. anañ körze — qara qannyn palazy anda odurğan poltyr. «ezenoq, qara qannyn qara čayys qyzy!» tep ezeniști. ponu körgen qys palazy ezen perdi — «ezenoq, aryg sylyg alyp kiži!» tegan. qan kes surady: «eze, qys palazy, pilgen polzan, pilgen šeniñ ajt-per; unñayan šeniñ, ajt-per. altyn šarčynnyn tözüne turğan aq sar'adyñ üstüne mēngen alybñynñ ady kem polar?»

ede ajtqan tužunda qaraqqa körünmēn kiži qan kestinñ naγyna ałaqan-ma šapqan. ałaqan tabyžy aq ajasqa esteldi. altyn örgeniñ ištinde qara tuban tartyla tüštü. qan kes ałaqannyn soqsuju-ba azaqqa tur polbān, altyn pozaγa qyjyna paryp čyγyldy.

tura sekirele, qan kes qyjyrdy: «po meni kem šapty, nančy-lar-kördar-ba?» tep surady. ede suraγan tušta ałaqannyn tabyžy aq ajasqa esteldi. qan kestinñ naγyna iğinčizin šapty. altyn ežikti qajry taštap, altyn örgeden šyγara šabyldy. qara palγaš qarbanyp, qara qan-ma pyšqyrdy. ačyγ qyjy saıdy: «čylaš qar' ołaq nančy, qaj parγanzyn? po meni qajdyg nebe šapčyr?» ponu uγala, qalyq arazynan qara ołaq čügür-keldi. čylaš qar' ołaq ačyγyn kele qyjyrdy: «qaraqqa körünmes qara ajna tölü, qyjaly čoq kižini nodan ary šaptyñ?» tegan. qan kes, čüzü qoñun čozunyp, ary peri čajqan čörgen.

anān uqsalar — altyn örgeniñ ištinde ulug tabyš polγan. andayy alyptardy toγus künge šyγara qyrγan. altyn örgede alyp qalbady. toγus pāžynda altyn örgeniñ iști šym poldu. altyn šarčynña turğan aq sar'at čoq pol-pardy. anān körzeler, altyn tağdy ažyra aq sar'attyn altyn ezeri anda paltyñnap aš- pardy. ponu körgen qan kestinñ ačyγy keldi, ajrany qojudy. «men qan kes pede kižige šaptyrarm pilbedim! emde ponu qajdyg čerden tab'alaajn! pilčitqan polzan, qar' ołaq nančy, pilgen šeniñ ajda-ber!» tegan.

čylaš qar' ołaq nančyzy ajtty: «emde mynan ary čatqan qara qartyγa par. qara qartyγanyñ qyzy kiži parčyr, añ čerinde toj polčyr. aq sar'at andoq polar. anāry parāñ!» tegan. qan kes adyna mēndi, qar' ołaq čazaγa qara qartyγa čerine-pardy-lar.

нем какой хан ездит? С каким именем-прозвищем богатырь будет?» [говоря, спросил]. Голый Черный юноша сказал: «Так, друг Кан Кес, человека, знающего этого светлорыжего коня, в нашей земле нет. Человека, видевшего в глаза богатыря, что ездит на этом коне, нет. Даже нет знающего айна, внизу находящегося. Если узнать то ты хочешь — в золотом дворце дочь Кара Кана живет, туда войдя, ты (у нее) спросишь. Возможно она и знает» [говорил].

Погоняя (коней), они спустились. В великое стойбище въехали. Лучшие из народа, Кан Кеса увидев, кричали: «Чужой поступи конь въехал, чужого обычая хан вошел! В нашей земле такого светлого красивого богатыря не было. В какой земле этот хан сотворен?» (Так они) между собой переговаривались. Кан Кес и Черный юноша до золотой коновязи, где обычно коней привязывают, доехали. Кан Кес с коня слез, коня привязал (и) в золотой дворец вошел. Голый Черный юноша снаружи, вне дворца остался.

Дверь открыв, (Кан Кес) поздоровался. Порог перешагнув, приветствовал. Потом видит — внутри золотого дворца, наполняя весь дворец, потомки ханов сидят. Человека с белым лицом нет, все — с черными лицами. (Кана Кеса) увидевши, все (с ним) поздоровались. Между собою переговаривались: «В нашей земле такого богатыря не было! В какой земле этот хан сотворен и из какой земли он прибыл?» В почетную сторону (дворца) направляясь, (Кан Кес) за стол сел. Там был чайзан, разносивший еду и вино. В золотой чаше вино он подал; из золотой чаши Кан Кес выпил.

Кан Кес в глубину золотого дворца вошел. Потом видит — дочь Кара Кана там сидит. «Здравствуй, единственная дочь Кара Кана!» — (так) говоря, (он) поздоровался. Его увидевши, девица (с ним тоже) поздоровалась. «Здравствуй и ты, светлый красивый богатырь!» — сказала. Кан Кес спросил: «Так, девица, если знаешь ты, — сколько знаешь, ответь, сколько известно (тебе) — скажи. Как имя богатыря, едущего на светлорыжем коне, что стоит у золотой коновязи?»

В то время, когда он так говорил, человек, невидимый для глаз, Кан Кеса по щеке ладонью ударил. Звук удара ладони до ясного неба разнесся. Внутри золотого дворца черный туман разостлался. Кан Кес от удара ладони на ногах устоять не смог. У золотого порога он упал.

Вскочив, Кан Кес закричал: «Это кто меня ударил, друзья, видели ли вы?» [говоря, спросил]. В то время, когда (он) так спрашивал, звук удара ладони [до белой ясности] раздался. Кан Кеса по щеке второй раз (кто-то) ударил. Дверь золотого дворца настежь растворив, (Кан Кес) из золотого дворца выскочил и прочь бросился, черную грязь хватая, черной кровью зафыркал. Жалобный крик издавал. — «Голый Черный юноша, друг, куда ты ушел? Кто это меня ударяет!» Как только Черный юноша это услышал, из толпы народа [к нему] прибежал. Черный Голый юноша горестно крикнул: «Невидимый для глаза, потомок черных айна, невинного человека, зачем ударил!» [говорил.] Кан Кес лицо, руки вытер и, раскачиваясь, взад-вперед ходить стал.

as pardylar, köp pardylar, qara qartyğa çerine çettiler. anan körzeler, an çerinde ulug toj polçer. qalyq çaqşy qarlyaş-çi qajışçyr, qazyq-çi adyşçyr. ponu körüp turýannary — şaqpo çyýylyan qalyqta aq tüktüg at-ta çoyul, aq şyrajlyg kizi-dä çoyul. altyn şarçyn tözünde çayys-la sar'at turçyr. altyn ezeri aj-çi şalçer, kümüs çügeni kün-çi şalçer. ponu köre qä-çyr-kirdiler. ponu körgende qan kestin ačygy keldi. pajaıy aq sar'at myn-döq poltur! tedi. altyn şarçynya çedip, attan tüştü; adyn poş taştady. altyn örgege kire pasty. ežik ažyp, ezen berdi, erken ałtap, mendi berdi. şaqpo çyýylyan qan tölleri tura sekirip, parçazy ezen berdiler. qan kes surady: «ezen, nançylar, körge polzar, körge şennerin, uqqan polzar, uqqan şennerin ajda-berär. po altyn şarçyn tözüne turýan aq sar'attyñ ezi kem polyan?» tep surady.

ede surayan tušta qan kestin naıyny ałaqan kel urundy. qan kes aj saıyzy şyga pardy. altyn ežikti qajry şap, altyn maqys pažyna pärtüšti. tura sekirip, qyjyrdy: «kördär-ba meni kem şapty?» ede surayan tušta iğinçizin şapty. qan kes kürendik pažyna çygyldy. qara paıyş qarbanyp, qara qan-ma pyşqyrdy. qaraq çazyñ qan etti, murdu suıun müs etti.

anan uqsa, çyłaş qara ołaq qyjyrdy: «qaraqqa körünmes qara ajna aqçalyma şabarya qajdan tapqanzyn!» anan uqsaıar, altyn örge ištinde alyptardy qyra-berdi. toıus küñge şygara toza qyrdy. toıus küñnün pažynda altyn şarçynda turýan aq sar'at çerinde çoq poldy. altyn tağdy ažyra çügürbisken kör-qaldy. qaj paryanyn pilben qaldy. qaraq çazyñ çözunyp, öksep-öksep ulıady. «çyłaş qar'olag nançy, pilgen polzan, pilgen şenin ajda-ber. po qajdyg nebe meni qaraqqa körünmēn şapçyr?» tegan.

ponu körge qar'olag ajtqan: «eze, üş çaryqtyn taştynan kelgen altyn qannyn tölü polarzyn. qamçy şaptyrbas qan çegren attyg qan kes polarzyn. qamçy şappas qan çegren atqa qamçy şappan polzan, po küñdü körbes edin. myno ulug şajya urunçarzyn, ulug urçuqqa urunçarzyn. aq sar'attyñ ezin menen pašqa kem pilzin, men pilçadym, nançy! tegan. — aq sar'attyñ ezi kem polzun! ös-aldynan qan, ös-aldynan piji mynan ary çatqan, aq tałajdyn qazynda tük pilişpeş maılyg, tübüen alyşpas çonnyg polar. aq çejimniğ aq sar'attyg attyg-şaptyg qū-qys polar! tegan, ono, an çerine parān!» tegan «andyg polyanda — tek tabraq parān!» qan kes ajtqan.

adyna mēnele, qäçyrýannar. qū qystyn çerinde qyryq ašqymnyg altyn tağ polyan. altyn tağya çetkenner. altyn tağdyn qyrynan kelip, qū qystyn çerin körgenner. aq tałajdyn qazynda altyn örge turyan. altyn örgenin ežiginde at paılaçan altyn şarçyn polyan. altyn şarçyn tözünde at turçut-

Потом услышали — внутри золотого дворца великий шум был. Там находящихся богатырей (кто-то) в течение девяти дней уничтожал. В золотом дворце ни одного богатыря не осталось. На девятый день внутри золотого дворца тихо стало. Стоявшего у золотой коновязи светлорыжего коня больше не было. Потом, когда посмотрели — увидели: светлорыжий конь через золотую гору перевалил, и седло его там сверкает. Увидевшему это Кан Кесу досадно стало, он сильно рассердился. «Я не знал, что я, Кан Кес, кому-нибудь позволю себя так бить! Теперь этого ударившего меня человека в какой земле найду я? Если ты знаешь, Черный Голый юноша, друг, сколько знаешь, — ответь!»

Голый Черный юноша, друг его, сказал: «Далеко отсюда хан Кара Картыга живет. Дочь Кара Картыга замуж выходит. В ее земле пир происходит. Светлорыжий конь там же будет. Туда пойдем!» Кан Кес на коне, Черный юноша пешком в землю Кара-Картыга отправились. Мало ли ехали, много ли ехали, до земли Кара Картыга доехали. Глянули — в его земле великий пир происходит. Множество народа, подобно ласточкам, с места на место перебегают, подобно лодыжкам, друг о друга ударяется. Когда пригляделись, видят — среди собравшегося здесь народа и коня с белой шерстью нет, и человека с белым лицом нет. У золотой коновязи конь стоит, золотое седло подобно солнцу светит, серебряная узда словно месяц светит. Это увидев, (они, коней) погоняя, [в стойбище] въехали.

Когда (коня) увидели, Кан Кес в огорчение пришел. «Давешний светлорыжий конь здесь же оказывается!» — сказал. До золотой коновязи доехав, с коня он сошел; коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, приветствовал. Сколько ни было здесь собравшихся потомков ханов, все, вскочив, (с ним) поздоровались. Кан Кес сказал: «Здравствуйте, друзья, если вы видели, — сколько видели, все скажите, если вы слышали, сколько слышали, ответьте! Кто хозяин светлорыжего коня, стоящего у золотой коновязи?» [говоря] спросил.

В то время, когда (он) так спрашивал, по щеке Кан Кеса ладонью хлопнули. Кан Кес сознания лишился. Золотую дверь настежь распахнув, на золотую лестницу упал. Вскочив, закричал: «Видали ли вы, кто меня ударил?» В то время, когда так спрашивал, его опять ударили. Кан Кес на сугроб упал. Черную грязь хватая, черною кровью фыркал. Слезы глаз кровью сделались, вода носа льдом стала.

Потом услышал — Черный юноша кричит: «Для глаза невидимый черный айна, с чего ты вздумал понапрасну (человека) так бить!» После слышат — внутри золотого дворца (кто-то) богатырей всех уничтожает. В течение девяти дней всех уничтожил. Через девять дней стоявшего у золотой коновязи светлорыжего коня на месте не стало. Он (Кан Кес) успел увидеть, как, перевалив через золотую гору, (конь) убежал. Куда (конь) ушел — Кан Кес не знал. Утирая слезы глаз, (он) всхлипывая, громко рыдал: «Голый Черный юноша, друг, если знаешь, — сколько

qany çöyü. pōnu körgen qān kes ajtty: «ekej, qar'ōlaq nançy, qū qys üjünde çöyü!» qar'ōlaq ajtty: «sen, qan kes nançy, türlede silginip, uzun azaqtyg saryg sek polzan! užup-paryp, altyn öргеziniñ közenegine çapşynyp körzen, altyn örgede no polçyr».

any uqqan qan kes attan tüzüp, türlede silginip, saryg sek poldu. altyn öрге tebe uşty. paryp, altyn öргениñ köзүнегине çapşyndy. anan körze, altyn öрген iştinde odus ol, qyryq qys qōmus qayyp sekirçalār, po qan kesti pārezi-da pilbedi. tura-tura kelgende, qyzyk ir kire-bergen.

qyryq qystyn sekirçytqan azaqtarynyn altynда ulug kiçig qara şyšqan çörçytqan. ulug-kiçig qara şyšqan türlede silgindiler, ulug kiçig igi oļuçaq tura tüştiler. qyryq qys, odus ol udura pār tüştiler «ezen, ezen, qyryq qys, odus ol! pēde sekirçatqanda nōnu unnapçyzar?» ulug kiçig şyšqan tediler. odus ol, qyryq qys — «pir-da nebeni pilbençadybys!» — tediler. — «po ūş çaryqtn taştynan kelgen altyn qannyn tölü, qamçy şaptyrbas qan çergen attyg, qan kes altyn közenekte, saryg, sek pol, turçatqanyn körbençyzar-ba!»

ēde ajdaļa, oñ qoļun synyp, qan kesti qab-aļdy. altyn öргениñ iştine taştady. qan kes on pozy-ba tura tüşti. «ezen, ezen, qan kes! şaqpo çerge kelgeniñ çaqşy! ançe-minçe tudužary piske arys polarzyn!» tediler. qan kes surady: «sler nō tēgen qannyn töllei polarzār?» tedi.-alār ajttylar: «pis mynan ary çetti tām çer altyna çatqan qara qannyn igi paļazy polarbys. ady şolabys adatqala pyp. tartyžary aļyp tappān kūnug çaryqty pir qada ebere pastybys. şaqpo kelgeniñe aļys çetsin!» qan kes ajtty: «qan kestin qoļyna kirgen kiži po çerge qattynap paspaçan!»

altyn örgeden şyça pasty. ulug oļuçaq-pa qabyştylar. tağdy taļadylar, taļajdy şajyydylar. qarbaļaşsa tabyşpas qara tuban tartyldy. qadyg qujaq qaçala-berdi, ilçirbe qujaq ekçele-berdi. çozay paşqa küreş poldy, çoruy paşqa qarbaş poldy. ujaļyg quş ujažynan tōsty, turulug an turuyynan tōsty. aļyžyp aj aža-berdi, çylyžyp çyl aža-berdi. pir tōyus çyļa şyça-berdiler. pirēzi olçeni çoq, pirēzi qalçeni çoq poldular.

anan uyub-odurza, qāzyr saļyn qajnap kirdi, ulug saļyn ojnap kirdi. uzun ayaş oruğdan üzülüşti, qysqa ayaş tazyldan üzülüşti. at ašpas apsaq pelden aq sar at çügürüb-aşty. aq sar'attyn üstüne mēngen qū qys on-pozynçe qaçyryb-aşty. anan körze, çyļaş qara olāq nançyzy çügürüb-aşty. qū qys ulgen түбүн üze qyžyrdy, ças түбүн čara qyžyrdy: «aļyp polzan, — aļyžary, külük polzan, — kürežerge, mā kel!» tep.

qar'ōlaq qū qysqa çügür-keldi. tek çazyda urunuştylar. qū qysty attan andara tartty, qū qys-pa tartyş-pardy. qadyg qujaq qaçala perdi, ilçirbe qujaq ekçele-berdi. pōnu körgen qān kes açyry keldi, ajrany qojydy:

знаешь, — скажи. Это какое для глаза невидимое существо меня бьет!?» — говорил.

[Это видевший] Черный юноша сказал: «Так, из-за пределов трех миров пришедший, потомок Алтын хана! Имеющий кроваво-игреневого коня, неударяемого плетью, Кан Кес! Если бы ты кроваво-игреневого коня, которого нельзя ударять плетью, плетью не бил, — этого дня не видел бы. Теперь с великой бедой встречаешься, с великим несчастьем встречаешься! Кроме меня, кто хозяина светлорыжего коня знает! Я знаю, друг! [сказал]. Вот кто светлорыжего коня хозяин будет! Великий хан, великий начальник [то будет]! — [Отсюда дальше] живущая на берегу белого моря, имеющая разношерстный скот, имеющая множество народа, на белогривом, светлорыжем коне ездящая, знаменитая Ку Кыс то будет [говорил]. В ее землю давай поедем мы!» [говорил]. Кан Кес ответил: «Если так, скорее поедем!»

Лишь только на коней [верхом] сели, (сразу же) в землю Ку Кыс погнажи (их). В земле Ку Кыс золотая гора была, имеющая сорок перевалов. До золотой горы доехали, с хребта золотой горы спустились, землю Ку Кыс увидели. На берегу белого моря золотой дворец стоял. У двери золотого дворца золотая коновязь, у которой коней привязывают, была. У золотой коновязи [стоящего] коня нет. Увидев это, Кан Кес сказал: «Экий (ты), Черный юноша, друг. Ку Кыс дома нет!» Черный юноша сказал: «Ты, Кан Кес, друг, длинноногим комаром обернись. Полетев, к окну золотого дворца прильни и, что во дворце происходит, посмотри».

То услышавши, Кан Кес с коня слез и, превратясь, комаром стал. По направлению к золотому дворцу полетел. К окну золотого дворца прильнул. [Оттуда] глядит — внутри золотого дворца тридцать юношей и сорок девиц, на комысе играя, пляшут. [Этого] Кан Кеса никто не замечает. Пока (он так) стоял, вечер наступил.

Под ногами у сорока скачущих-пляшущих девиц черные мыши, большая-малая, бегали. Черные мыши, большая-малая, завертелись-затряслись: двумя мальчиками, большим и малым, вдруг стали. Сорок девиц, тридцать юношей, навстречу им бросились. «Здравствуйте, здравствуйте, сорок девиц и тридцать юношей! Когда вы так пляшете, что вы знаете?» — обе крысы, большая и малая, сказали. Сорок девиц и тридцать юношей ответили: «Ничего мы не знаем». — (Оба мальчика, большой и малый, сказали:) «Этот Кан Кес, потомок Алтын Кана, из-за трех миров на кроваво-игреневого коня, которого плетью не ударяют, приехавший, превратившись в комара, у золотого окна стоит. Разве вы [этого] не видите!»

Лишь только они так сказали, один из них руку протянул и Кан Кеса схватил. Внутри золотого дворца бросил. Кан Кес опять богатырем стал. «Здравствуй, здравствуй, Кан Кес! Хорошо, что ты в эту землю приехал. Чтобы много ли, мало ли с нами бороться нам товарищем ты будешь» — говорили. Кан Кес спросил: «Какого хана вы потомки?» Они отвечали:

«qaçen-qaçen men qoñumya kizerzin, qū qys!» tedi. qançê-da tydynza, qoñundayy alypty taştap poñbān çördü. qan kes şaqpo çerde tudužup, odus çylyşa şyqty. odus çyldyn pažynda qoñundayy alypty aq ajasqa ködürüp, aq qorumya taştady. ojda-bara, tağ tajandy; tūnmere çylylyp, ölgen sōkke çölendi.

kiçig oñučaqtyn qoñna kirdi. anan küştep tuduştıylar. alyžyp aj er(t)=turdu, çylyžyp çyl er(t)-turdu. qalbas kñn qala-berdi, moçabas pojy moça-berdi. qalyn edi qayyla-berdi, quñun edi şügüle-berdi. İgi alyptyn qoñuna çörüp, çetton çylyşa şyça-berdi. çetton çyldyn pažynda uyñ-odurza, çylaş qar'ōlaq nançyzy ačyğ qyjyy sałdy «attyğ şaptyğ qan kes nançy, tedi, ažar parar kūñme čede-berdim. pūğun kelzen, — kereksin. tañda kelzen — kerek çoyužzyn!»

ponu uqqan qan kes pary čoq küžün pažyna tartty, qoñunda çörgen alypty aq ajasqa şyçara ködürdü, alyp taštaçan aq qorumya taştady. ölgen sōgū tağ połdy, töğülgen qany suğ połdy. ojda para, taça tajandy, tūnmere kele, sōkke çölendi. aqsynyn qany ajry połdy, köksünin qany köl połdy. üškür-kelip saçyş alyndy, syçyr-kelip, tyn alyndy. ary tendip, peri tendip qar'ōlaqqa tebe pās-pardy. körze: qara tubannyn arāzynda çyłas qar'ōlaq nançyzyn qū qys sörtep çörüp şapçer, sörtep çöröp tepçer. pās-parçan qan kes qyjyy sałdy: «men četkençê, qar'ōlaqtyn aryg tynça čede-berbe!» tedi. ajtqan sōzü ertkençê, qū qysqa čede pasty. İgi-bilegin syqsyndy, İgi edegin qajry azyndy. qar'ōlaqty čāra tartty, qū qysty čāça paştan qapty. čāzy pūkke tartyža pardylar. qan kes tağ-čyłap taryndy, tałaj-čyłap šišti. — «emde men qoñumya kirdin, qū qys! oş pergen ödüžim, nan pergen nanydym!» tedi.

toçus kūnge şyçara tolyaştylar. toçus kūñnün pažynda qan kes qū qystyn qabyryça tōžün qarçy tutty, ortqa tōžün oñuštēra tutty. qū qystyn aryg küžün ūze tutty. pazynarça azaq perbedi, tudunarça qoñ perbedi. qū-qys odura kēl-tūštū. qū qys erbektedi: «po čaryq čerdin qan kes ödür-bezen-da ödürgen oşqoş, čettirbezen-da čettirgen oşqoş, am sen qoñunna qaj parajyn! aryg tynyma čede-berbe!» tedi

pony körgen qan kes qū qysty sałybysty. qū qys ajtty: «eze, qan kes, čoçayanda çolun połzyn, ałayanda alyñ połzyn! meni oñ qolunna ködürüp turçusqaj-pedin!» tedi, qan kes qab-āl, turçuzub-aldy. pū qys pazōq ajtty: «meni čedīnip, ałtyn örgeme apparçaj-pedin!» tedi.

«Отсюда дальше под семьюдесятью слоями земли живущего Кара-Кана [двое] дети мы будем. Имя-прозвище еще нам не назвали. Солнечный мир один раз кругом мы обошли, чтобы бороться-сразиться богатыря не нашли. Твоему приезду да будет благословение». Кан Кес сказал: «Человек, в руки Кан Кеса попавший, по этой земле уже больше не ходит!».

(Кан Кес) из золотого дворца вышел. С большим мальчиком сражался — (они) горы разрушили, море всколыхнули. Если шарить, не найти, — такой черный туман разостлался. Твердый панцырь стучать стал, из цепей кольчуга расползаться стала. Иного обычая борьба шла, иной поступи драка была. Имеющие гнезда птицы — от гнезд своих разлетелись, имеющие логовища звери — от логовищ своих разбежались. Месяц месяцем сменялся. Катясь [скользя] друг за другом, годы проходили. Они стали достигать уже девятого года. Ни один из них не умирал. Ни один из них победителем не оставался.

Потом слышит — свирепый ветер, бурля-кипя, ворвался, великий ветер, играя, ворвался. Высокое дерево на месте надломилось, низкое дерево от корня отломилось. С холма, через который конь не переваливает, светлорыжий конь бегом спустился. На светлорыжем коне [верхом] едущая Ку Кыс, (коня) погоняя, спустилась. Когда опять глянул (Кан Кес), оттуда Голый Черный юноша, друг его, бегом спустился. Ку Кыс крикнула, разрывая на части дно верхнего мира, крикнула, расщепляя на двое дно подземного мира. «Если ты богатырь, то бороться, если ты храбрец, то сражаться ко мне иди». Черный юноша к Ку Кыс подбежал. В широкой степи друг с другом они встретились. Черный юноша Ку Кыс с коня свалил. С Ку Кыс сражаться стал. Твердый панцырь гроыхать начал, из цепочек кольчуга расползаться стала. Увидевши это, Кан Кес сильно рассердился. «В мои руки ты попадешься когда-нибудь, Ку Кыс!» сказал. Как (он) ни напрягался, находящегося в его руках богатыря не в состоянии был бросить. С тех пор, как Кан Кес в той земле сражался, прошло тридцать лет. Через тридцать лет находящегося в его руках богатыря он поднял (и) на белые россыпи камней бросил. (Богатырь,) повалившись навзничь, об гору опирался, повалившись ничком, — на мертвые кости опирался.

Потом (Кан Кес) в руки малого юноши попал. [Потом] сильно они сражались. Месяца меняясь, один за другим проходили, скатываясь проходили года. Неутомимый Кан Кес стал теперь изнемогать, устававший прежде, ныне уставать начал. Толстое тело тощать стало, молодое мясо ослабевать стало. Пока он с двумя богатырями сражался, семьдесят лет минуло. Через семьдесят лет Голый Черный юноша, друг его, горестный крик испустил. «Знаменитый Кан Кес, друг! — сказал. К моему последнему дню приближаться я стал. Если сегодня придешь, — ты мне нужен, если завтра придешь, — ты не нужен будешь!»

Это услышавши, Кан Кес, что было силы, всю к голове стянул. Богатыря, с которым сражался, к белой ясности поднял. На белые россыпи камней, на которые богатырей бросают, бросил. Умершие кости

qan kes čedinib-ałyp, ałtyn örgezine āpardy. ałtyn örgē ākirip, ałtyn ustoldyñ arǵazyna odurtty. üškür kelip saǵyǵy alyndy, syǵyr kelip, tyn alyndy. ałtyn ustoldyñ arǵazyna odurup, aš tabaqtyñ aryǵyn ištiler. qū qys ajtty: «po ałtyn sunduqty aštyrǵaj-bediñ!» qan kes ajtty: «aǵaj tezeñ, pojūñ pil aš!» ałtyn sunduqty ašqany — ałtyn kilištig ałtyn sunduq qajry taštaıdy. ałtyn sunduqtyñ ištinde ałtyn qarčaq połtyr. qarčaqty ałyp, ałtyn ustolǵa sā-saldy. «po qarčaqty aštyrǵaj-pediñ!» — «ašsan!» tedi. ałtyn qarčaqty ašqany — āñ ištinde ałtyn ħabas połyan. ałtyn ħabasty ałyp, ałtyn ustolǵa saldı. — «emde, qan kes, peri odurup, po ałtyn ħabastan körzen, nō körüner?» tedir. anañ odurup, qan kes ałtyn ħabastan körze, po čardyq aj šaıyan čer tōza köründi. köre-köre kelgeni — pojūnyñ adyn toqtadyp, čyłaš qar'olāq nančyzynǵa toǵaşqan čerin kör-tapty.

ananı ary körgeni — qan čegren at čardyq aj čerine qajda cügür-čörgen čolun parčazy körünčēr. anañ ary iğinči čaryqqa šyǵara kördi, iğinčizi čaryqqa qajde cügür-čörgen čolun parčēn kördü. anañ ary pojūnyñ qajde-le qāčyr-parıan čerin tōza kördü. ałtyn qartyǵa nančyzynyñ čerin kör-tapty. aq maıy turıan čerinde aq qazyñ ös-qaltır. ałbattyǵ čony čatqan čerinde kök öleñ ös-qaltır. ačyǵy keldi, ajrany qojdy. aq maı, arǵa čon qāčyr-parıan čolyn kör tapty.

köre-köre kelgeni — qara qazan-ma qara qartyǵa čerin kör-tapty. anañ körgeni — ħardyñ čerinde qalyq čaqšy, qarlıǵaš-či qajynyp, qāzyq šeni adyščēr. četton qannyñ qalyǵy ałban perip turčēr; aq sirgedig maı turčēr. aıuǵ kičig aj qar'at ałtyn šarčynda turčaıar. čabys kelgen pułut čaıbaq tōšten čarykčēr, pijik kelgen pułut čaıbaq qabaqtan pölünčēr. ałtyn ezerleri aj-či saıčēr, kümüş čügenneri kün-či saıčēr. ałtyn šarčyn paıynda čaš paıa teskēri āsaıtyr. anañ pilze, — ałtyn qartyǵa nančyzynyñ paıazy pōłtyr.

ponu körgen qan kes ačyǵy kelip, ajrany qojdy. ülgen түбүн үзе qyǵyrdy, čaš түбүн čara qyǵyrdy: «aıyp połzar, adyžarǵa, külük połzar, kürežerge peri šyǵar. ēñ čerdiñ ezin taptar-ba, ēñ čazy čerdiñ maıyn taptar-ba?» tediler. qarap körgen tuštarynda ałtyn örgēñ ežiǵı qajry azyıdy. tag teze azydy čoq, *taıaj teze kežiǵı čoq iǵı aıyp šyqty. qāzyr qaraqtyǵ kiži qāza körer ebes, tüktüǵ čürektig kiži tiǵe körer ebes.

горой стали, пролитая кровь рекой стала. Повалившись навзничь, он об горы опирался, повалившись ничком, на кости опирался. Кровь из его рта ручьем стала, кровь из его спины озером стала. (Кан Кес) тяжело вздохнув, застонав, — в сознание пришел, засвистав, — очнулся. [Туда-сюда] шатаясь-покачиваясь, (Кан Кес) навстречу Черному юноше направился. Взглянул и видит — среди черного тумана Ку Кыс Черного юношу, его друга, таская, бьет, волоча, топчет.

Приближаясь (к ним), Кан Кес крикнул: «Пока я не дойду, не губи чистую душу Черного юноши!» [сказал]. Слов своих не договорил еще, как уже к Ку Кыс подошел. [Оба] рукава засучил, [обе] полы подоткнул. Черного юношу отнял. Ку Кыс за ворот [голову] схватил. В широкую степь друг друга (они) потащили. Кан Кес, как гора рассердился, как море вздулся. «Теперь, Ку Кыс, ты в мои руки попала! За старую обиду я отомщу, за вражду воздам!» — сказал.

Девять дней (они) друг друга скручивали. Через девять дней Кан Кес ребра Ку Кыс погнул, спинной хребет сдавил-свернул. Чистую силу Ку Кыс сокрушил. Ноге ступить не дал, руке хватать не дал. Ку Кыс на землю опустилась. [Ку Кыс] проговорила: «Ты, Кан Кес, родился и вырос могущественнее других ханов этой солнечной земли! Если ты, Кан Кес, хан этого светлого мира, и не убил меня, все равно, что убил! Хотя ты не погубил меня, все равно, что погубил! Теперь из твоих рук куда денусь? Чистую душу мою не губи!» [сказала].

[Это видящий] Кан Кес Ку Кыс отпустил. Ку Кыс сказала: «Так, Кан Кес, путь твой удачным пусть будет! Судьба твоя счастливой пусть будет! Меня, за правую руку держа, не поднимешь ли ты?» Кан Кес, схватив Ку Кыс, на ноги ее поставил. Ку Кыс снова сказала: «Меня за руку держа, в золотой мой дворец поведешь ли ты?» [сказала].

Кан Кес за руку ее взял, в золотой дворец отвел. В золотой дворец введя, за золотой стол усадил. Застонав, тяжело вздохнув, — в сознание пришла, засвистав, — в себя пришла. За золотой стол сев, из вина[-еды] лучшее пила. Ку Кыс спросила: «Этот золотой сундук не разрешишь ли открыть?» Кан Кес отвечал: «Если хочешь открыть, сама, как знаешь, (так и) открывай!» Когда золотой сундук открывали, с золотыми ключами золотой сундук сам настежь раскрылся. Внутри золотого сундука золотой ящик оказался. (Ку Кыс) ящик взяла (и) на золотой стол положила. «Этот ящик не разрешишь ли ты открыть?» (спросила). «Открой!» — сказал. Когда золотой ящик открывала, внутри него золотой ларец был. Золотой ларец взяла и на золотой стол положила. Ку Кыс сказала: «Теперь сюда сядь, сквозь этот золотой ларец посмотри, что покажется?» Когда Кан Кес сел и сквозь золотой ларец посмотрел, — эта земля, освещенная солнцем, вся видна ему стала. Он глядел, глядел (и) вдруг увидел место, где он своего коня остановил и с Голым Черным юношей встретился.

Когда он дальше смотрел, весь путь, который его кроваво-игреневый конь по полумесячной земле пробежал, ему виден стал. Дальше — весь второй

anan̄ āry qan kes pojunyn̄ čerin̄ kōr-tapty. kōre-kōre kelze, pojunyn̄ čurtun̄ kōr-tapty. čurtun̄ kōr-tapsa, ulūḡ čurty abyр čоq połtyr, aq mały arya cony abyр čоq połtyr. ałtyn̄ örgēn̄ ištinde ałyan̄ kižizi ałtyn̄ sūču qaraq čaš-pa čörčēr. ul̄yap, syqtap čörčēr. «qajran̄ mēn̄ ulūḡ čurtum̄ ujtap, kičiḡ čurtum̄ kištepčēr» tep, ul̄yap čördi. aq małyn̄ taštynda qyryq̄ čyl̄ qyr̄ tōspas̄ čā turčēr. kiži čüzü ört połyp, čyda baży čyš poł-turdy.

po kōr-turyan̄ tužunda qāzyr sałyn̄ qajnap kirdi, ulūḡ sałyn̄ ojnāp kirdi. ałtyn̄ tagdyn̄ qyrdañ peri čylaš qar'ōlaq nančyzy qołuḡ, puttuḡ tyt sörtenip čügürüb-ašty. qyjyyr kelgen̄ ozuba qanyḡ šerige keldi. qanyḡ šerige arałap, tebir tyt-pa šāp čöre-berdi. āry aylanyp šāp paryan̄da — ałton̄ tüben̄ tüščēr, pēri aylanyp šāp paryan̄da — pežon̄ tüben̄ tüščēr.

ponu kōrgen̄ qān kes ačyyy keldi, ajrany qojudy. ałtyn̄ labasty sał-sałdy: «eze, qū qys nančy, pō ałtyn̄ labazyn̄ maļa sijlap pergej-pedin̄?» tep surady. qū qys ajtty: «ał, tedir, meni ödürzen̄, sēn̄-oq połar! tedir. ałtyn̄ labas połbānda pojun̄ čerin̄ tāp, nān̄ połbassyn̄!» tedir. qān kes ałtyn̄ labasty aq toryuā orady, ałtyn̄ sebine sałdy. qū qys ajtty: «attyḡ-šaptyḡ qan̄ kes, mēn̄ čānyma oduryaj-pedin̄, ōn̄ öštūme ōn̄ qołyn̄ sałyaj-pedin̄!» tedi. qān kes qū qystyn̄ ōn̄ čānyma odurdy, ōn̄ qołun̄ ōn̄ öštūne sałdy. qū qys üšküre, saıyš alyndy, syıyra, tyn̄ alyndy. purun̄ydan̄ peš artyq, emde-giden̄ ōn̄ artyq poł-pardy.

qan̄ kes tura pasty. saıynmasqa ezenēsti, sanašpasqa mendilesti. ałtyn̄ örgeden̄ šyāa pasty. adyna mēndi. qannan̄ qyzył čegren̄ at tōłada pyšqyrdy, tōsqura tebindi. turyan̄ čeri par połdu, paryan̄ čeri čоq połdu. qū qystyn̄ čerinen̄ pojunyn̄ čerine čügürübüsti. sałyn̄-šeni sābyrył turdu, qujun̄-šeni qujbūrup turdu. no-no čerge čügür-turyan̄ qān kes pilbedi.

para-para kelgeni — qannan̄ qyzył čegren̄ at čardyq̄ aj šałyan̄ čerdi ertāze čügürdü, tujuq̄ aj šałyan̄ čerge šyāara čügürdü. el aryazy syn̄yā šyqty, ezer ołuḡ pelge tüštü. tört̄ azaıyn̄ küle pazyndy — tura tüštü, šapsa — parbas, tepse — parbas połdu. at ünü-be kištedi, kiži ünü-be erbektedi. «aqtap köksüm̄ tün-pardy, qaja parčānym̄ pilbenčādam, ałtyn̄ labas ałyp kōr! tedi qajdary tebe čügüreñ!»

qan̄ kes ałtyn̄ qarmanynan̄ labas ałdy. ałtyn̄ ezerdin̄ qažyna sałyp, ałtyn̄ labasty kōrdü. kōre-kōre kelgeni — pojunyn̄ čerine šyāara kōrdü.

мир [насквозь] разглядел. Потом путь, по которому бежал на второй свет, увидел. Потом землю, где сам жил, во всю ширь увидел. Весь свой путь, по которому, погоняя (коня), он ехал, увидел. Землю своего друга Алтын Картыга вдруг разглядел. На земле, где стоял скот, белая береза выросла; на земле, где жил подданный народ, зеленая трава выросла. В огорчение пришел, сильно рассердился.

Тот путь, по которому угнали белый скот и подчиненный народ, он разглядел. Всматриваясь, всматриваясь, — (он) землю Кара Казана и Ала Картыга разглядел. Потом, когда еще продолжал смотреть, — видит: в их земле народ, подобно ласточкам, с места на место перебегают, подобно лодыжкам, друг о друга ударяется. Народ семидесяти ханов, албан отдавая, стоит, подобно гнидам скот стоит. Карие кони — большой и малый — у золотой коновязи стоят. Низко проходящее облако от широкой груди раздваивается, высоко проходящее облако от широкого лба разделяется. Золотые седла словно месяц светят, серебряные уздечки, как солнце, сияют. На вершине золотой коновязи новорожденный ребенок вниз головой повешен. Потом узнал, — то ребенок его друга Алтын Картыга. Это увидевши, Кан Кес сильно огорчился, очень рассердился. Закричал, разрывая на части дно верхнего мира, кричал, расщепляя надвое дно подземного мира: «Если (вы) богатыри будете, — то бороться, если (вы) храбрецы, то сражаться сюда выходите! Имущество в пустынной земле что ли вы нашли! Скот в дикой степи что ли вы нашли!» сказал. В то время, когда он, (так) всматриваясь, глядел, дверь золотого дворца настежь открылась. Если сказать, что гора — перевала нет, если сказать, что море — перехода нет, — такие два богатыря вышли. Человек, имеющий зоркие глаза, пристально (на них) смотреть не может, имеющий бесстрашное сердце человек прямо (на них) смотреть не может.

Потом Кан Кес свою землю разглядывать стал. Смотрел-смотрел, свою землю нашел. Когда (он свою) землю разглядел, то увидел, что великое стойбище его мирно-спокойно не было, белый скот, подчиненный народ благополучны не были. Внутри золотого дворца жена его Алтын Суучу со слезами на глазах ходит. Плача-рыдая, ходит. «Любимое мое великое стойбище спит, малое стойбище ржет!» — говоря, плачет. За пределами белого скота великое сражение, которое сорок лет не сможет прекратиться, происходит. Лица людей подобны пламени, острия пик словно тайга [стоят.]

В то время как он (так) смотрел, сильный ветер ворвался. С хребта золотой горы Голый Черный юноша, его друг, ветвистую железную листовницу (за собой) волоча, бегом сюда спустился. С криком, не останавливаясь, прямо к злобному войску (он) приблизился. Среди злобного войска, ударяя железной листовницей, он ходить стал. Когда туда повернувшись ударяет, шестьдесят отрядов падает, когда сюда обратившись ударяет, пятьдесят отрядов падает.

Это увидевши, Кан Кес сильно огорчился, сильно рассердился. Золотой ларец положил. «Так, Ку Кыс, друг, этот золотой ларец мне не пода-

pojunnyň čurtun anan kör-tapty. pojunnyň čurtunda qara tuban tüş-pärtyr. qara tubannyň arazýnan körze, çyłaş qār'ōlaq šyýa pasty. qālyň edi qaýy-lyp, qułun edi šügölüp, quruğ sōgü qałtyr. pās-kelip ałtyn öргеge kirdi. ałtyn süču abaqaј oň qołunan qāp, ałtyn stolýa odurttu. aš tabaýyn saıyp, sıjlady. üdere ödürup, aš ištiler.

ałtyn labazyn suýunup, pojunnyň čeringe qarçyýajýn qačyrdy. qan čegren at as čügürdü-be, köp čügürdü-be — oł pararýa uzaq poıdu, men ajdarýa čaýyn poıdu. pojunnyň čerine čügürdü. ałtyn tağdyn qyrdaň ēn-kelip, ada čurtun qarap kördü. aq mały, arýa čony abyr qałyan poıtur. qannyğ šerigdi qara ōlaq tōza qyrýan poıtur. er čaqšyzy ezer častān čyýlytyr; at čaqšyzy qoıan tüžen čyýlytyr. ałtyn örgeniň ežigine, ałtyn šarčynýa qazaıdy.

ałtyn örgeden ałtyn süču, ałyan kižizi šyýa čügürdü. qoıanaň qarty, qoıap tüžürdi, qoltuqtaň čöledi. qoltuqtap, ałtyn öргеge ākirdi. «aža-bergenim ajlan-keltir, erte-bergenim ēbir-keltir!» tep. ustaıdyn arýazýna ödurttı. çyłaş qār'ōlaq nančyzy-ba āsqan quš-čē tabyštylar, āraňyan attar šeni kišteštiler. aš tabaqtnyň āryýyn ištiler. purunýuny pūrup, pūgūngi edip, ertegēni ēberip, emdegi edip, erbekteštiler. aštayan qursayyn tojdýryp, arynyan saýýžyn taradyp turdylar. toýus künge šyýara ištiler.

toýus künnüň pažynda qān kes ajtty: «qara ōlaq nančy, mýnaň köp ičerge — abyr qōnuq ebes! ałtyn qartyýa nančymnyň aq mały, arýa čony qajdyğ čerde qyjnalčyr — any paryp kōrer kerek!» čer čepselin čepsendiler. qān kes tebir qujaýyn qattandy, ałtyn süču-ba saýynmasqa ezeneštiler, sanašpasqa mendileštiler. ałtyn örgeden šyýa pastylar. qān kes qýzył čegren atqa mēnip, qačyr-šyqty. çyłaş qār'ōlaq nančyzy pirge pardy.

ālar pārya — uzaq poıdu, men ajdarýa — čaýyn poıdu. ałtyn qartyýa čerine čettiler. qōstał-qałyan qōs čurtqa čettiler, elēn-qałyan ēn čurtqa kirkeldiler. ałtyn öргеzi qarara tattap qałtyr. kōk ölen özüp, čaryq ünnüğ tōr-čuq külep qałtyr.

mýnaň āry qačyrtyp parýan aq maıdyn čoıuna kirb-aıyp, čoıy-ba qačyryša qaıdylar. ālar pararýa rāq poıdu, men ajdarýa čaýyn poıdu. po čerdiň taštyna čerdiň qyjyy čerge qara qazan-ma qara qartyýaň čerine čedip, ałtyn tağdyn qyrdaň kēl kördiler. qara qartyýa qara qazan qyjyryštylar: «öler kijik qarýa čügürer, öler kēži pojy keler! qān kes āryğ tynyn pojy-ākele-berdi», tēgen.

ришь ли?» [говоря] спросил. Ку Кыс сказала: «Возьми! [говорит]. Меня, если убьют — твой же будет! [говорит]. Если бы золотого ларца не было, ты твою землю найти и (туда) возвратиться не смог бы» [говорит]. Кан Кес золотой ларец в белый шелк обернул (и) в золотой карман положил. Ку Кыс сказала: «Именитый и славный Кан Кес [говорит], по правую сторону не сядешь ли? На правое мое плечо правую твою руку не положишь ли?» [сказала]. Кан Кес по правую сторону Ку Кыс сел, правую руку на правое ее плечо положил. Ку Кыс, тяжело вздохнув, в сознание пришла, засвистав, в себя пришла. Прежнего в пять раз лучше стала, настоящего в десять раз лучше стала.

Кан Кес встал. Чтобы не скучать — попрощались, чтобы не тосковать друг о друге — попрощались. Из золотого дворца вышел, на коня своего сел. Краснее крови игрневый конь, взметнувшись, зафыркал, разбрасывая ноги, затопал. Там, где стоял (конь), — на той земле следы остались, куда побежал, — на той земле следов нет. Из земли Ку Кыса (он) в свою землю побежал. Словно ветер развеялся, словно вихрь кружился. По какой-какой земле (конь) бежит, Кан Кес (того) не знал.

Ехал-ехал, освещенную половинчатым месяцем землю краснее крови игрневый конь пробежал, на освещенную полным месяцем землю выбежал. На хребет чужой страны поднялся, в седловину, подобную углублению седла, спустился. Устало ногами перебирая, остановился конь. Если ударять, — не идет, если ногой толкать, — (тоже) не идет. Лошадиным голосом (конь) ржал, человеческим голосом разговаривал: «Я уж ничего больше не соображаю, куда идти мне, я не знаю! Возьми золотой ларец и взгляни [сказал], куда побегу я!»

Кан Кес из золотого кармана золотой ларец вынул, на край седла (его) положил и в [золотой ларец] смотреть стал. Глядел-глядел — свою землю [насквозь] увидел. Свое стойбище потом разглядел. На его стойбище черный туман спустился. Когда он сквозь черный туман глянул, видит — оттуда Черный юноша вышел. Толстое тело исхудало, молодое тело отошло. Одни сухие кости остались. Ступая, в золотой дворец (он) вошел. Супруга Алтын Суучу за правую руку его схватила (и) за золотой стол посадила. Вино-пищу поставила (и его) угощала. Друг против друга усевшись, вино они пили.

Золотой ларец в карман засунув, (Кан Кес) в свою землю скорее погнал (коня). Кроваво-игрневый конь мало ли бежал, много ли бежал. Ему ехать далеко было, мне рассказывать близко было. До своей земли добежал. С хребта золотой горы спускаясь, отцовское стойбище разглядел. Белый скот, подданный народ, — все мирно живут. Черный юноша все злобное войско уничтожил. Лучшие герои, подложив под головы седла, полегли, лучшие кони, разостлав под себя подпруги, попадали. У двери золотого дворца, у золотой коновязи конь как вкопанный встал.

Жена его из золотого дворца выбежала, за руки схватив, под руки взяв, (Кан Кеса с коня) сняла. Подмышками поддерживая, в золотой дворец

qan kes attan tüzele, ıgi-bilegin syqsyndy, ıgi edegin qajry azyndy, qara qazannyn qoľuna kirdi.  ylař qar'olaq qara qartyya qoľuna kindi. p lar t rtele tartyř-parıannary — po  er  er poľbady, po sug  sug  poľbady.  r l p  sken tasqyly teskeri andaryldy, aqqan talajy teskeri řajyyldy. qarbaľařša t byřpas qara tuban t řt . qara tubannyn  razynda ujaľyg  quř ujazyna talbas poľdu, tur ľug  an turuľuna talbas poľdy. as toľyařtyľar-ba, k p toľyařtyľar-ba —  lyža kelip, aj ařty;  lyža kelip,  yl ařty. qyř kelgenin qyradan pildiler,  aj kelgenin iziġ nanbyrdan pilip, tartyřtyľar.

pir toľus  yl b zynda q n kes k rze — aq talajdyn qaľynda po  er  ar ľa t řt .  erdi  altnan  etti quľaqtyġ qara adaj řyľara sekirdi. aqsyn kere adynyp   g r-pardy. qara qartyya-ba  ylař qar'olaqtny tuduř-  rgen  erine pardy. p lar ıgini, eb re p zyp,  ystady. anan ıgilezin  iřke peline  t ľ ra tiřtenip aldy.  er altna kid re sekiribisti.

ponu k rgen qan keřti  a yyy keldi, ajrany qojydy. «alďyma turuřqan qar'olaq ař yr!» tep, a y ľandy. qoľundayy aľypty tařtap poľban turdy. pir zi  l p, pir zi qalar  oq poľdu. qyryq  yl a řyľara tartyřtyľar.

qyryq  yľdyn p zynda q zyr saľyn qajnap kirdi, uľug  saľyn ojnap kirdi.  atqan a ař  ada syndy, tur an a ař tura syndy. at ařpas apsaq pelden  ař quľa quľun ařty.  ař quľa quľunnun  st ne poraj-postug   lyu- aq m ngen poľtur.  er eb re k r p, pastyryp keldi. qan keřti  alďyna keldi. «ezenoq ezen, tedir, qam y řaptyrbas qan  egren attyg  q n, kes!» tep, ezenedi. «ezenoq,  ař paľa!» tep, qan kes ezeneřti. — «eze, qan kes, qoľundayy qara qazandy m  pergej-pedi ?» tep surady. q n kes ajtty: «ede-le poľuř en poľyanda —  er altny a t řken  ylař qar'olaq nan ymdy k re-ber! men  lbessim!» tedir.  lyu aq ajtty: «m  pařqa ebes!» tedir. po  erdi  ara řapty,  er altna t řt .

q n kes tuduľa-tuduľa kelgeni — qalbas ky n  qala-berdi, qalyn edi q yyula-berdi, quľun edi ř g le-berdi. qara qazannyn qoľuna k rip,  etton  yl a řy a berdi.  etton  yľdyn p zynda po  er  ar ľa t řt ;  er altnan  ař quľa quľun řyľara sekirdi.  lyu aq q  yr-řyqty. an s -ba  ylař qar'olaq řy aroq sekirdi.

 ař quľa quľunnug   lyu aq p styr keldi. attan t řpedi, qan keřti  qoľundayy qara qazandy  ayazynan q b-alďy. qan kes  ada qalďy.  lyu aq

vvela. «Погибший мой вернулся, умерший мой назад пришел!» — сказала и за золотой стол усадила. С Голым Черным юношей, — как заблудившиеся птицы нашли друг друга, — как истосковавшиеся кони вместе ржали. Лучшее из вина [и пищи] пили. Прежнее поворотив — сегодняшним сделав, прошлое-вчерашнее повернув — нынешним сделав, разговаривали. Изголодавшиеся желудки насытив, от дум отдыхали. В течение девяти дней пили.

Через девять дней Кан Кес сказал: «Друг Черный юноша, дальше продолжать пить не следует. Если дальше еще пить — наша жизнь благополучной не будет. Белый скот моего друга, Алтын Картыга, и подчиненный народ (его) в какой земле мучаются? [То] поехать и посмотреть нужно!» В путь снарядились. Кан Кес железную кольчугу поверх одежды надел. С Алтын С учу, чтобы не скучать, прощались, чтобы не думать друг о друге — прощались. Из золотого дворца вышли. Кан Кес на кроваво-игреневом коня сел и, погоняя (его), поехал. Голый Черный юноша вместе (с ним) отправился.

Им ехать далеко было, мне говорить близко было. До земли Алтын Картыга доехали. К заброшенному, опустевшему стойбищу приехали, в разрушенное, пустынное стойбище въехали. Совсем до черноты золотой дворец заржавел. Зеленая трава выросла, (один лишь) громкоголосый соловей (там) поет.

Отсюда дальше, по пути угнанного скота (они) в погоню поехали. Им ехать далеко было, мне говорить близко было. За пределами этой земли — к земле, находящейся на краю земли, в страну Кара Казана и Кара Картыга (они) приехали. [Приехав] с хребта золотой горы, глядели. Кара Картыга и Кара Казан кричали: «Дикая коза, которая должна умереть, [сама] по снегу прибежит, человек, который должен умереть, сам придет. Кан Кес чистую душу свою сам принес!» — говорили.

Лишь только Кан Кес с коня слез, (он) [два] рукава засучил, [две] полы подоткнул, в руки Кара Казана попал, Голый Черный юноша в руки Кара Картыга попал. Когда они вчетвером драться принялись, эта земля землею не стала, эта вода водою не стала. Нагроможденные хребты вниз вершинами опрокинулись, текущее море в обратную сторону всколыхнулось. Если шарить, друг друга не найти, — такой черный туман пал. Среди черного тумана имеющие гнезда птицы от гнезд своих отстали, имеющие логовища звери от своих логовищ отстали. Мало ли друг друга крутили, много ли друг друга сжимали. Сменяясь, месяц закатился, скользя-переползая друг за другом — года прошли. О том, что пришла зима, узнавали по инею, о том, что пришло лето, узнавали по теплomu дождю — так боролись.

Когда через девять лет Кан Кес взглянул — у берега белого моря [эта] земля раскололась. Из-под земли, имеющая семь ушей черная собака выскочила. Пасть широко раскрыв, побежала. К месту, где Кара Картыга и Черный юноша борются, пошла. Вокруг них [двоих] обходила и нюхала. Потом за тонкие поясицы зубами схватила и, неся их (в зубах), под землю прыгнула.

ałypty sörtep ał-pardy, ałtyn tağya qoştap pardy, qara qazandy kōdürkelip, ałtyn tağya nāry šapty. üzülbes tynyn üze šapty, synmas synyn syndýra šapty. aq tōlada aj öldü, āryg̃ tūšte kün öldü. čaš quła qułunnyn turýan čeri par połdu, parýan čeri čoq połdu. qaj parýanyn pilben qałdyłar.

İgi nančy ezen ałyp, ezenešti; mendi ałyp, mendilešti. qałyn etteri qāyyłtyr, qułun etteri šügültür. ałtyn šarčynya pās-keldiler. ałtyn šarčyn pažynda ałtyn qartyya qys pałazy teskeri astyr-sałyan połtur. ölüg teze — tiriğ ošqoş; tiriğ teze — ölüg ošqoş. quruğ sōk qałtyr, qadyg̃ tāramy qūrqałtyr.

ałtyn šarčyn pažýnañ qys pałany tüzürübisken. ałtyn šarčyn tōzüne čada parýan. tāmnap-tāmnap tynar połdu, İgi qarayyn kōrer połdu. öksep-öksep ułajyn teze, — İgi qarayynñ čaży čoq połdu. tur-kelip, qan kestin ałdyna İgi azayyna tūštü. «ašqan pojum ajlandyr-perdin, ertken pojum ebir-perdin, čāryq čerdin qany-piji qan kes aba! kiži pałazy attyg̃ połčen, kijik pałazy tüktüg̃ pōlčen! kēži adačen ady šōlam adap per!» İgi ustuyun quçaqtanyp, surady.

ponu kōrgen qan kes ajtty: «adyn adap perčen kiži čoq, men adap perejin!» ajya künge qyjýryp, ady šōlazyn adady. «čaqşy adazam — elge połzyn, čabał adazam — čelge połzyn! qýjýrды. ałty tölge šyğara čažayan ałtyn qartyya pałazy ałtyn kōk eneliğ-zin āryg̃ sylyg̃ ałtyn sabaq adyn połzun!» tep, adady. üzülbes čurtun połzun! tep ałyady. ałtyn sabaq qys pałazy türledē silgindi, āryg̃ sylyg̃ qys pōl tura tūštü. āry ajlanza, aj suzun pasty, pēri ajlanza, kün suzun pasty.

qān kes surady: «ałtyn sabaq, qajdyg̃ kiženin pałazy čaš quł'attyg̃ ołyuchaq pisten üçün kelip turuš-pardy — any pilčarzyn-ma?» any uqqan ałtyn sabaq ajtty: «qajdyg̃ kiženin pałazy połzun! üš čāryqtn taštynya čatqan ałtyn tüktüg̃ aq sar'attyg̃ qū qys eneliğ, qān kes abałyg̃ qan kestin oñ qołýnañ čajałyan čaš quł'attyg̃ čaštañ pergen ady połar! tegen. sağa uług̃ qudaj sałyan İgi qołýnañ ałyp čajałarýa. am mýnañ nanzañ, čurtuna četsen, ałtyn sūcu ałyan kižinñ sōł čānyna ođurup, sōł qołundu öštüne sałarzyn; sōł qołunañ paza pir oł čajałar!» tegen.

ponu kōrgen čyłaš qar'ōlaq nančyzy qan kestin ałdyna pās-kelgen. «eze, qān kes nančy, ałtyn sabaq qys pałazy mā arýyş čōlekke pergej-pedin!»

Это увидевши, Кан Кес в огорчение пришел, сильно рассердился. «Меня защищавший Черный юноша погибает!» — говоря, опечалился. Находящегося в его руках богатыря отбросить не мог. Ни один из них не умирал, ни один не побеждал. В течение сорока лет (они) боролись.

Через сорок лет сильный ветер, кия, подул, большой ветер, играя, подул. Лежащее дерево, лежа, сломалось, стоящее дерево, стоя, сломалось. С сопки, с которой конь не спускается, саврасый жеребенок спустился. На молодом саврасом жеребенке статный, красивый юноша ехал. Землю кругом осматривая, коня погоняя, подъехал. К Кан Кесу приблизился: «Здравствуй, здравствуй, [говорит] имеющий кроваво-иреневого коня, не ударяемого плетью, Кан Кес!» [говоря] поздоровался. «Здравствуй, малое дитя!» — так сказавши, Кан Кес поздоровался. «Итак, Кан Кес, находящегося в твоих руках богатыря Кара Казана не дашь ли мне?» [говоря] спросил. Кан Кес сказал: «Если ты помочь хочешь, то под землю спустившегося Черного юношу, друга моего, спаси. Я же не умру!» [говорил]. Юноша сказал: «Мне все равно!» [Эту] землю одним ударом расколол, под землю спустился.

Кан Кес боролся, боролся, неослабевающий слабеть стал, толстое тело все тоньше становится, молодое тело тощает. С тех пор как он в руки Кара Казана попал, семьдесят лет уже проходят. Через семьдесят лет [эта] земля раскололась, из-под земли молодой саврасый жеребенок выскочил. Юноша, коня погоняя, выехал. За ним сзади Голый Черный юноша выскочил.

Имеющий молодого саврасого жеребенка юноша подъехал. С коня не слез, находящегося в руках у Кан Кеса богатыря Кара Казана за ворот схватил. Кан Кес (на месте борьбы) остался. Юноша богатыря потанил. К золотой горе приблизился. Кара Казана приподнял и о золотую гору ударил. Казалось бы, не оборвется душа, как ударил — оборвалась, казалось бы, не сломится стан его, как ударил — переломился. В полнолунии — месяц умер, в чистый полдень — солнце умерло. Где стоял молодой саврасый жеребенок — след был, куда пошел, следа не было. Куда он отправился, они не заметили.

Два друга поздоровались, один другого приветствовали. Толстое тело исхудало, молодое тело отоцало. К золотой коновязи шагом подъехали. На вершине золотой коновязи дочь Алтын Картыга вниз головой повешена была. Если сказать, что мертвая, на живую похожа, если сказать, что живая, на мертвую похожа. Сухие кости остались, жесткие сухожилия засохли.

С верхушки золотой коновязи девочку спустили. У основания золотой коновязи ее положили. Губами шевеля, дышать стала, обоими глазами глядеть стала. Если бы рыдая-рыдая плакать захотела, в глазах слез не было. Встав и к Кан Кесу подойдя, в ноги ему упала. «Погибавшую меня — ты спас! Умиравшую меня — к жизни вернул! Светлой земли хан, начальник Кан Кес — отец! — сказала. Ребенок человека с именем бывает, детеныш дикого козла с шерстью бывает! Имя-прозвище мое, которым будут называть меня люди, назови!» — (так) колени обняв, она просила.

tep surady. ponu körgen qan kes ajtty: «ekej, nançy, sã perbën qysty qajdyğ çerge perer! pałtyrynnyñ edin perdiñ, mañdajynnyñ terin perdiñ! kiženiñ ökküs pałazyn küš-pe pēr połbassym! parajyn — teze — poju piler, parbaj — teze — poju piler!».

ede ajtqanda — ałtyn sabaq qatqyrybysty: «eze, qan kes aba, tedir, sen perbende — kem perçen połyan! sen pergen çerge čök parbajyn! čylaš qar'olaq połza-či, čylaš čörze, pojuna ujat połyaj; čazyğ, čörze, pojuna küš połyaj. čylaš čörgen qar'olaq qaçen-qaçen keptig połyaj! čazäg čörgen qar'olaq qaçen-qaçen attyg połyaj!» tep ajtty. — «andyğ połyanda ałtyn sabaqty iği paštaryn pirge qoščadym!-tep, qan kes qar'olaqqa pergen. «abanınyñ małyna qoža qara qazannyn małyn qačyr-par!» tegen.

ałtyn sabaq qara qazannyn małyn ałbady. ačazy enezeniñ małyn čonyn ałtyn kümüş yzyrya edip, iği qulağyna suğundy. qan kestin azağyna tüzüp, paš qojdy: «on ałyğzyn per, on közün-me köre qa!» tedi. čylaš qar'olaq nançyzy sağynmasqa ezenešti, ałtyn sabaq-pa qoldan čedinižip alyp, čügürüvistiler. turyan čerleri par połdu, paryan čerleri čoq połdu.

qan kes adyna mendi. šaqpo qara qazannyn ałban tutqan qaıyq čaqšy qyğyryžyp, pörükterin qoıtuqqa qyzyp, suradylar: «qanaza-qanybys, pijleze-pijibis, qan kes! tediler, qajdyğ čozaq-pa ałban ałarzyn? qajy temde čettir pererbis?» tep suradylar. ponu körgen qan kes ajtty: «pistin ałtyn qannyn tölü ałban ałçen čozaq čoq. kəži mały-ba małyğ połbačebis, kəži čonı-ba čonnyğ połbačebis. alymda qajde čatqanzar, emde edoq os ałdynan qan połup čadar!» tedir.

ponu uqqan qaıyq čon uluğ quđajya pažyrdyılar. «čardyq čerdiñ qany-piji qan kes, uzaq čaštyğ połzyn, ölbes möñü połzyn!» tediler. čerlig čerine taraıdyılar, suğluğ suğuna taraıdyılar. qan kes pojunyn čerine pardy. ol pararya köp połdy, men ajdarya as poldu.

pojunun čerine četti. małyna mał qoštu, čonyna čon qoštu. tozy čoq mał połdu, šody čoq čon poła berdi. ałtyn šarçyn tozüne kelip, attan tüštü. ałtyn örgē kire pasty. ežik aža, ezen perbedi, erken ałtap, mendi perbedi, päs-kelip, ałtyn süčunyn soł cānynda ödüryp, soł qołun soł öštüne saıdy. ponu körgen ałtyn süču qatqyrybysty — «köp çerge čörüp, pašqa čozaqqa ürgen-

Это увидев, Кан Кес сказал: «Человека, который должен дать имя, (здесь) нет, назову (тебя) я!» [говоря]. Обратившись к месяцу и солнцу, он закричал, имя-прозвище дал. «Если хорошо назову, для народа пусть будет, если плохо назову, — для ветра пусть будет! — кричал. Ты ребенок Алтын Картыга, шесть поколений прожившего, ты имеешь матерью Алтын Кюк. Алтын Сабак твоё имя пусть будет!» — (так) говоря, он назвал. «Да будет юрт твой долговечен!» — говоря, благословил. Алтын Сабак девочка, оборотившись, стройной девицей предстала. Туда если повернется, лучи месяца затмевает, сюда если повернется, лучи солнца затмевает.

Кан Кес спросил: «Алтын Сабак, знаешь ли ты, какого человека ребенок, какой юноша, имеющий саврасого жеребенка, пришел и за нас вступился?» То услышавши, Алтын Сабак сказала: «Какого человека ребенок-то будет! Имеющий матерью Ку Кыс с золото-шерстным бело-рыжим конем, живущую за пределами трех миров, имеющий отцом Кан Кеса, созданный из правой руки Кан Кеса, на саврасом жеребенке ездящий Чаштан Перген имя его будет! [сказала.] Тебе предопределил великий куда, чтобы из твоих двух рук богатыри создались. Когда ты теперь отсюда домой вернешься и своего стойбища достигнешь, по левую сторону своей жены Алтын Суучу сядь и левую твою руку на её левое плечо положи. Из левой твоей руки ещё один мальчик сотворится!» — (так) сказала.

[То видящий] Черный юноша к Кан Кесу подошел. «Так, Кан Кес, друг, твоего единственного ребенка Алтын Сабак мне для товарищеской поддержки дашь ли?» [говоря] спросил. [Это видящий] Кан Кес сказал: «Конечно, друг, если тебе не отдать девицу, в какую (же) землю (и) отдать! Ты надрывал мускулы ног, ты проливал пот висков! Но сироту-ребенка силою отдать я не могу! Если скажет „пойду я“ — сама будет знать, если скажет „не пойду я“ — сама будет знать».

Когда он так сказал, Алтын Сабак рассмеялась: «Экий (ты), Кан Кес отец, [говорила] если ты не отдашь, кто же меня отдаст (замуж). В землю, в которую ты отдашь, почему я не пойду! Ну что же, что он Голый Черный юноша! Если голым ходить станет — ему самому стыдно пускай будет, если пенним ходить будет, ему самому тяжело будет! Голым ходящий юноша когда-нибудь имеющим одежду будет, пенним ходящий Черный юноша, когда-нибудь имеющим коня будет!» (сказала). «Когда так, две головы [вместе] соединяю» — (так) сказав, Кан Кес Черному Голому юноше Алтын Сабак (в жены) отдал. «Со скотом отца твоего скот Кара Казана вместе гони (отсюда)!» — Кан Кес ей сказал.

Алтын Сабак скот Кара Казана не взяла. Скот и народ отца и матери своей, превратив в золотую и серебряную серыги, в уши их вдела. В ноги Кан Кесу упав, поклонилась. «Правое благословение дай, правым глазом взгляни!» Голый Черный юноша, друг его, чтобы не скучать, попрощался. Взявшись за руки с Алтын Сабак, они побежали. Там, где стояли, следы их были, там, куда пошли, следов не было.

pärtyrzn, qan kes!» tegan. anan altn sücu ajtty: «qan kes, alñan kiñim, altn sebindegi altn labazn alyp, altn ustolña saıyp, körzen, nō körüner!» tegan.

altn sebindegi altn labazn altn stolña saıyp, anan kördiler. künnüg çaryqtn taştyna şyğara, üş çaryqtn taştyna şyğara kördiler. anan körze, qara talajdyn qağynda çardyq aj şalñan çerде, çardyq kün şalñan çerде çyлаş qar'olag nançyzy-ba altn sabaq pır ulug çurtqa pır-kirdiler. alty azaptyg altn örge pır-kirdiler. kelgeneri olōq poldu. çüçe polbady — qar'olag qarçy şyğoq pasty. pās- paryany — ulug çurttn taştyna şyqty. ulug qara tajñā pardy. qara tajñān tōzūne turup, qyjyrdy: «qara tajña, uq! eñigin aña-ber!» tegan. ajtqan sōzū ertkençi, qara tajñanyñ ulug qorum eñderil-pardy. qara tajñanyñ eñigi añyldy. qara olag qara tajñān iştine kirdi. as poldu, köp poldu — qara tajñanyñ iştinen tōyuzon qulaş synnyg qara por'at şyqty. qara por'attn üstüne mēngen arñalyg synnyg alyp tölü şyqty.

ponu körüp, altn sücu ajtty: «mōnō! çylyş çörgen qar'olag pügün keptig polñan, çazāg çörgen qar'olag pügün attyg polñan. ady solazyn adatty: qara qannyn palazy tōyuzon qulaş synnyg qara por'attyg aj ergek ady poldy. ölbes mōngü çajaldy, tōgölbes tōla çajaldy» tegan. altn labasty çap saıdylar, kan kes altn sebinge saıyn-saıdy. aş tabaqty iže-berdiler. aştayn qursaq tōstura berdiler; arynñan saıyş tarā-berdiler. pırunyñy pırup, ertengini ēberip, erbekteştiler. ulug iže-berdiler. qan kes eren-seren eñire-berdi. altn sücu ajtty: «qan kes alñan kiñim, pır-pır kēñi kelip, qamçy şaptyrbas qan çegren adyndy çaryžarña suraza, pergej-pedin?» tedi. ponu uqqan qan kes ajtty: «altnma mēngen qan çegren attyn kiñige pır qyñan tūgün-da perbessim!» tegan. altn sücu qatqyrbysty: «eze, qan kes, şyn künü kelze, peribiskeniñ pilben qalarzyn!».

as odurup iştiler, köp odurup iştiler. — qazyr saıyn qajnap kirdi, ulug saıyn oınap kirdi. at aşpas apsaq pelden çaş qu'attn üstüne mēnip çaştañ pergen qaçyr keldi. altn şarçynña çaş qu'at qazała tüştü. çaştañ pergen attañ tūžup, örgege kire pasty. eñik ažyp, ezen berdi, erken altap, mendi berdi. pās-kelip, qan keske oñ qolun perip, qan kestin azağña tüştü. anan turup, altn sücunyn azağña tüştü. qan kes surady: «qalçaryñ qannyg poltur, qarayñ ottug poltur. qajdyg qannyn tölü-zūñ, ady şolañ

Кан Кес на коня сел. Народ, плативший дань (этому) Кара Казану, с шапками под мышкой, кричал и спрашивал: «Если ты царствуешь — ты наш хан, если начальствуешь — наш начальник, Кан Кес! [говорил]. Как и чем дань ты с нас брать будешь? В какое время дань тебе доставлять будем?» [говоря, спрашивали]. [Это видящий] Кан Кес сказал: «У нас, у потомков Алтын хана, дань брать обычая нет! Чужим скотом мы не наживаемся, чужим народом мы не обогащаемся! Как прежде до меня вы жили, теперь также самостоятельно, [как ханы живите-царствуйте!] [говорил].

Слыша это, народ великому кудаю кланялся. «Светлой земли начальник, Кан Кес, долговечным пусть будет, неумирающим, вечным пусть будет!» Имеющие земли в свои земли разошлись, имеющие реки — по рекам своим разошлись. Кан Кес в свою землю отправился. Ему ехать далеко было, мне рассказывать близко было.

(Кан Кес) до своей земли доехал. К скоту своему скот прибавил, к народу своему народ присоединил. Без счета скота стало, без счета народа стало. К золотой коновязи подъехал, с коня соскочил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, приветствовал. Подойдя, по левую сторону Алтын Суучу сел, левую руку на левое ее плечо положил. То увидевши, Алтын Суучу рассмеялась и сказала: «По многим землям ты странствовал и чужому обычаю, оказывается, научился!» Алтын Суучу потом сказала: «Кан Кес, мой муж, находящийся в твоём золотом кармане золотой ларец возьми, на золотой стол положи и посмотри, что (там) будет видно» [говорила].

Золотой ларец на золотой стол положили и [потом] смотрели. Через солнечный мир, через три мира смотрели. Видят — на берегу черного моря, на земле, освещенной половинчатым месяцем, на земле, освещенной половинчатым солнцем, Голый Черный юноша, друг его, и Алтын Сабак в одно большое стойбище вошли. В золотой дворец, имеющий шесть подставок, вступили. Много времени не прошло — Черный юноша обратно вышел. За пределы большого стойбища вышел. К великой черной тайге направился. У подножья черной тайги став, закричал: «Черная тайга, слушай! Дверь свою открой!» Не успели сказанные слова прозвучать, великие россыпи черной тайги опрокинулись. Дверь черной тайги открылась. Черный юноша внутрь черной тайги вошел. Много ли, мало ли (времени) прошло — из черной тайги имеющий рост в девяносто сажень темносивый конь вышел. Верхом на черном коне огромного роста потомок богатырей выехал.

Это увидев, Алтын Суучу сказала: «Вот ходивший голым Черный юноша сегодня имеющим одежду стал, ходивший пешим Черный юноша — сегодня имеющим коня стал! Имя-прозвище ему дали. Ребенок Кара Кана, имеющий темносивого коня, ростом в девяносто сажень Ай Ергек — имя его будет! Неумирающим-вечным сотворился. Имеющим кровь, которая не прольется, сотворился» [говорила]. Золотой ларец они закрыли. Кан Кес в свой золотой карман (его) положил.

kem po'lar? pisten nōnu surap paš-qojčarzyn?» tegan. alyp ajtqan: «qajdyg qannyn tölü po'ajyn! čardyq aj ša'lyan, čardyq kün ša'lyan čerde čatqan aq sar'attyg qū yys enelig, qan kes aba'lyg po'arym. čaš qul'attyg čaštan pergen adym po'lar!» tegan.

qān kes ajtty: «andyg po'lyanda qara ča'yys mēn pa'lam po'turzyn!» oñ ustuyuna odurtty, oñ čüregine pazyndy. aš tabaqtny aryjy-ba sijladylar. arayynny qazyry-ba sijladylar. iže-iže kelgenneri — üš qonaqqa šyqtylar.

qān kes ajtty: «nōnu surap paš-qojdyn?» — «nōnu surap paš qojajyn! qān kes aba, ulug qannyn čerinde ulug tojya paryam. anaryy čerdin qany-piji üš qulaqtyg kök por'attyg kümüş qartyya anda kelgen. kümüş qartyya-ba ulug maryyg ettim. qamčy šaptyrbas qan čegren atty alyp maryyštym. alynyzy četton čerdin túbün četti ebäre čügürerge, po čer üstün aly ebäre čügürerge maryyštym. qū yys enemniñ ma'lyn, čonyn tōza sa'dym. inemni qōža sa'dym. qan kes abamnyñ aq ma'lyn, čonyn qožōq sa'dym. sēn qara pažyn qožōq sa'dym!»

ponu uqqan qān kes tura sekirdi. āry-beri pās-čördi. «andyg po'lyanda kenči pa'lam, tābēraq parar kerek!» qāt qujayyn qattandy. ponu körgen alytn sūču qarsy'lada qatqyrdy, kürslede küldi. «sen adynnyñ pir qy'lyan tügün perbeske-tin!» qān kes ajtty: «ša'q myndyg čaryšqa parbānda — qajdyg čaryšqa parar!» tegan.

sa'yynmasqa ezeneštiler, sanašpasqa mendileštiler. alytn örgeden šyqtylar. tennep atqa mēndiler, tennep at qačyrdylar. iği āt čip-šeni tartyla-berdiler, čibek-šeni šojle-berdiler. qartyya quš-čē qa'bañnadylar, qan keredej-šeni čaštadylar. para-para kelgeneri — larya parya uzaq po'ldy, men ajdaryya ča'yyn po'ldu. — čer ebäre tüşken saryg synya šyqtylar. ulug čol'ya kirdiler.

ša'qpo čol-ba qačyryb-oduryan tužunda alynañ āry qara čazyg kižiler partyr. pōnu körüp, qāpčy'ajyn qačyrdylar. qara čazyg kižilerdi čaba čettiler. čer alytnañ šyqqan četton šibeldej po'lyannar. četton šibeldej-be ezeneštiler: «ezenoq, četton šibeldej pečeler!» tediler. četton šibeldej ezeneštiler. «čaryq cerdin qāny, piji qan kes!» teštiler. čaštan pergen ajtty: «qajdyg čerge parčyžār, četton šibeldej pečeler?» tedi. «ulug čaryš čerine čaryš kōrge parčarys. ajna tölü tōza, künnüg qa'lyq tōza maryyja čyuyk-pardylar!»

Вино пить стали. Изголодавшиеся желудки наполнять стали, утомленный ум развлекать стали. Прежнее поворотив, раннее повернув, между собою разговаривали. Великое питье пить стали. Кан Кес пьянеть стал. Алтын Суучу спросила: «Кан Кес, муж мой, если какой-нибудь человек придет и твоего кроваво-игреневого, не ударяемого плетью коня на бега попросит, дашь ли ты?» [сказала]. [Это услышавший] Кан Кес отвечал: «Даже одной шерстинки кроваво-игреневого коня, подо мною ходящего, никому не дам!» [говорил]. Алтын Суучу засмеялась (и сказала): «Нет, Кан Кес, когда настоящий день придет, не заметишь, как отдашь!»

Мало ли они сидели и пили, много ли они пили, сильный ветер, кипя, ворвался, великий ветер, играя, ворвался. С сопки, с которой не спускается конь, молодой саврасый жеребенок спустился. Верхом на молодом саврасом жеребенке Чаштан Перген приехал. К золотой коновязи молодой саврасый жеребенок рысью прибежал. Чаштан Перген с коня слез и во дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, приветствовал. Подойдя, Кан Кесу правую руку подал, в ноги ему упал. Потом, встав, в ноги Алтын Суучу упал. Кан Кес спросил. «Переносица твоя кровавая, глаза твои огненные! Какого хана ты потомок, имя-прозвище твое какое будет! Чего, от нас прося, кланяешься?» [говорил]. Богатырь сказал: «Какого хана я потомок! Имеющий мать Ку Кыс с светлорыжим конем, живущую в земле, освещенной половинчатым месяцем и половинчатым солнцем, имеющий отцом Кан Кеса я буду. На молодом саврасом жеребенке едущий Чаштан Перген мое имя будет» [говорил].

Кан Кес сказал: «[Когда ты таков] — мой единственный ребенок ты будешь!» На правое колено посадил, к [правому] сердцу прижал. Лучшим вином-пищей угощали, крепчайшей водкой поили. Пили-пили, третьи сутки уже наступали.

Кан Кес сказал: «Чего (у меня) прося, ты кланялся?» (Юноша отвечал): «Чего прося, кланяюсь я! Кан Кес, отец, в землю великого хана на великий пир я ездил. Туда приехал тамошней земли хан, начальник, имеющий голубо-серого коня с тремя ушами, Кюмюш Картыга. С Кюмюш Картыга великое состязание в беге я устроить решил. Кроваво-игреневого коня, неударяемого плетью, я в заклад поставил. Чтобы пробежать семь раз вокруг дна семидесяти земель, внизу находящихся, чтобы шесть раз кругом поверхности этой земли пробежать — мы об заклад побились. Скот и народ Ку Кыс, матери моей, весь поставил и мать мою, добавляя, поставил. Кан Кеса белый скот и народ вместе также поставил. Его черную голову вместе тоже в заклад поставил».

Это услышавши, Кан Кес вскочил. Туда-сюда, назад-вперед зашагал. «Если так, дорогое дитя, скорее ехать надо!» Многослойную кольчугу поверх одежды надел. Это увидев, Алтын Суучу, громко смеясь, захохотала, тихо смеясь, улыбнулась. «Ни одной шерстинки твоего коня (ты же) не хотел отдать!» (сказала). Кан Кес отвечал: «На (знаменитое) состязание-бег, подобное этому, если не ехать, на какой же тогда бег и ехать!» [говорил].

pylardy qoştap, ałtynan āry qačyrdylar. as pardylar, köp pardylar — uluğ čoldun iştı-be pir kök pörükrüg ołyučaq čügür-parčēr. pajayy ołyučaqqa čettiler. kök pörüktüğ, tös sadaqtyğ pöltur. ezen āl ezeneštıler. «ezenoq, tös sadaqtyğ ołyučaq, qajdyğ čerge čügür-odurzun?» tediler. «qajdyğ čerge parajyn! uluğ čaryş čerine parčādym. mēñ qara pažym čaraşqoq kir-partyr. čaştan pergen šeninen ertəze uluğ maryyğ ettiñ!» tedi. čaştan pergen surady: «ady-şoıan kem poıar?» tedi. «ady, şoıam kem poızun! abazy enezi pilbes, ałtyn şaqpyn ołyučaq poıarym!» tedi. po ołyučaqty qoştap, ałtynan āry pardylar.

pār-turıan tužunda tegri üstünde ałyp čoqtady. «čaştan pergen, tedi, sayā čaryş čerinde atqa oduraryā sijdoq kerek čoq-pa? tedi. ałtyn şaqpyn ołyučaqty čök pirge apparbadyn?» ponu uqqan čaştan pergen ołyučaqty saqtab aıdy. «sen atqa odurčen-pedin?» tep, surady. ołyučaq ajtty: «men odurıan at atqa aıdyrbačan!» tedi. «andyğ poıyanda pirge parāñ» ołyučaqty qab aıdy. ezer kestine odurtup saıdy, pirge appardy.

as-pa, köp-pe pardy. ołyučaq ajtty: «men tüzejın! tedi čazāğ-da čet-pararym!» tedi. ołyučaqty tüzurbisti. ołyučaqtyñ čeri par poıdu, parıan čeri — čoq poıdu.

anan āry uluğ čaryş čerine četkenner. qalıq čaqşy po čerde čyş-če turčēr. ałtynny ajna qalıban — tōza şyqtyr; üstüngü künnüğ ałyp qalıban — tōza čyşylyr. qalıq arazyna četkenner. qalıq arazynan kümüş qartyğa qyjıyrdy: «čaştan pergen, po šenge četəre abandy qadardyn-ma! at čaryžy poıčen temnen toıus kün ert-pardy!» tep.

tegri-čyıap qynıırap, tebir-čyıap synıırap keldi. qalıq arazynan qyzyı qor'attyğ ałyp pāstyr-şyqty. küñürüp, kök ed — «kümüş qartyğa, noıa paqtanyp qyjıyrdyn!» tedir. ede ajtqan tužunda kök tegriden peri aıaqan-ženi aq sābyra tüştü. qyzyı qor'attyğ ałyp oñ qoıuna tüzürdü. taplada kördü, tazyrada qyčyrdy. şaqpo qalıqqa tekşi uyuldu. «uluğ čajačy pazyp tüzürgen. šeninen ertəze uluğ maryyğ poı-pardy — arıa mēke poıbazyn».

ıgi atty čedinip čördiler. kök pörüktüğ ołyučaqty qan čegren atqa mēndirtıler. kök por'attyn sijdoıy poıynyn poıdy. tennep ıgi atty požattylar. ıgi at mýnan' sekrigeneri — četton tegri-zāry şyqtylar, anan čer āqsy qara kürüktiñ aıdyna, četton tām čer aıdyna tüştüler.

Чтобы не скучать, прощались, чтобы не думать друг о друге, прощались. Из золотого дворца вышли. В одно время на коней сели, в одно время коней погнали. Два коня подобно нитке растягивались, подобно шельку вытягивались; подобно птице-ястребу из стороны в сторону метались, подобно птице кан керей сверкали. Им ехать далеко было, мне говорить — близко было. На опоясывающий землю желтый хребет они поднялись. На великий путь вступили.

В то время, когда они по этому пути коней гнали, впреди них прошли черные пешие люди. Это увидев, они еще быстрее погнали. Черных пеших людей сразу же догнали. Это были вышедшие из-под земли семьдесят Шебельдеев. С семьюдесятью черными Шебельдеями они поздоровались. «Здравствуйте, Шебельдей-старшие сестры!» сказали. Семьдесят Шебельдеев (с ними тоже) поздоровались: «Здравствуй, светлой земли хан, начальник Кан Кес!» говорили. Чаштан Перген спросил: «В какую землю вы идете, семьдесят Шебельдей-старшие сестры?» [говорил]. «В землю, где происходит великий бег, на великое состязание-бег поглядеть мы идем. Все поколение айна, весь солнечный народ на (то) состязание собрался».

(Кан Кес и Чаштан Перген семьдесят Шебельдей) догнали и, обогнав их, вперед (коней) погнали. Мало ли ехали, много ли ехали, им ехать далеко было, мне рассказывать — близко было. По большой дороге один мальчик, имеющий синюю шапку, бежит. Давешнего мальчика догнали. То был (мальчик), имеющий синюю шапку, имеющий берестяной колчан. Друг с другом они поздоровались. «Здравствуй мальчик, имеющий берестяной колчан, в какую землю ты бежишь?» сказали. (Мальчик отвечал:) «В какую землю я бегу! В землю великого бега я иду. Моя черная голова в беге также участие принимает. Ты, Чаштан Перген, чрезмерно великое состязание устроил» сказал. Чаштан Перген спросил: «Имя-прозвище твое какое будет?» [сказал.] «Имя-прозвище мое вот какое будет! Отца матери незнающий мальчик по имени Алтын Шакпын я буду!» сказал. Этого мальчика они обогнали и дальше поехали.

В то время, как (они) ехали, на небесах богатырь проговорил: «Чаштан Перген, разве не надо тебе верхового, чтобы на коне сидел в земле, где будет бег?» [сказал]. Алтын Шакпын мальчика почему вместе (с собой ты) не повез?» Это услышавши, Чаштан Перген мальчика подождал. «Случалось ли тебе на коне ездить?» [говоря] спросил. Мальчик отвечал: «Конь, на котором я верхом езжу, всегда обгоняет — выигрывает» [сказал]. «Если так, вместе поедem ка мы!» Мальчика схватил. На седло сзади посадил. С собой повез.

Мало ли, много ли ехал. Мальчик сказал: «Слезу-ка я и пешком дойду» [сказал]. [Чаштан Перген] мальчика (на землю) спустил. Там, где стоял мальчик, — следы были, куда пошел — следа не было.

Потом они земли великого бега достигли. Множество народа на этой земле, как черная тайга, стоит. Внизу находящихся айна (под землею) не осталось — все вышли, вверху находящихся богатырей (в солнечном мире)

qýzyk qor'attýg alyp-pa čaštan pergen ezeneštiler, attan tüžüp qošta odurdular. čoqtažyp turýan tušta po čerde pir-da kiži qalbandyr. tenner atqa mēndiler. qara kūrük čerine pardylar. po qalyq anda parčazy pōltur attan tüžüp iǵale odurdular.

as odurdular-ba, kōp odurdular-ba, tōγus künnün pažynda čer ałtynan qara kūrük ištinen qāzyr sałγyn šyqty. qazyr sałγyn sōnčē kōk por'āt šyqty. qułun keptentir, qandus tūktentir. turýan čeri par połdu, paryan čeri čoq połdu. čer üstü-be pārbysty.

as odurdular-ba, kōp odurdular-ba, — čer ałtynan qazyr sałγyn šyqty, qazyr sałγyn sōnčē qan čegren at šyγa čügürdi. tołada pyšqyrdy, tōstura tebindi. turýan čeri par połdu, paryan čeri čoq połdu. anan odūrup kōrzel, — pirda kiži qalbandyr.

tenner attaryna mēndiler, ałdynan aly qāčyrdylar. para-para kelgeneri — četton ašqymnyg ałtyn tağ połtyr. četton ašqymnyg ałtyn tağdyn tōzünde kōk čazy połtyr. ałtyn tağdyn tōzünde kōk čazyda qalyq čaqšy mynda połtyr. qalyq arazyna attan tüžüp, iǵale odurdular.

odurčetqan tužunda četton qannyn taštynda čer noquju čerde mołat tujun šaqazy estēldi. — qāzyr sałγyn qajnap keldi, ulūg sałγyn ojnap kirdi. ałtyn tağdyn tōzüne kōk por'āt qazałdy. iǵi tanazy čazylyžyp, iǵi qołtuγy pyrłašty. ałtyn tağya šyγa berdi. rāq čerde mołat tujun šaqazy šabyłdy. qāzyr sałγyn qajnap kirdi, ulūg sałγyn ojnap kirdi. ałtyn tağdyn tōzüne qan čegren at qazałdy. iǵi tanazy čajlytyr, iǵi qołtuγy pyrłaptыр. kōk por'attyn sōnčē šyqty. kōk por'atty sürgen čerge süre četčir. qāčyrýan čerge qaza četčir. ałtyn tağdy ašqančē, quzūruq pastyra četti. ałtyn tağdy ažybystylar.

anan kōrzeler, paza kēži qalbandyr; iǵel'oq čāt-qaltyrlar. tenner aitarýna mēndiler. čer toγrazyn tarta qāčyrdylar. kōs četpes mołat čazy čettiler. kōs četpes mołat čazynyn qažyna turdylar. as turdular-ba, kōp turdular-ba, ulūg sałγyn kirdi, qazyr sałγyn kirdi — at čaryžy keldi. kōk por'āt ałynan, qýzyk čegren at sōnan. čügürüp keldi. mołat čazy-ba čügürdiler.

čügürüp odurýan tužunda kōk por'āt tōrt azaγy tajyp tundere kēl-čyyıdy. qattynap turvanči, qan čegren at ałdyna kire čügürdü. kōk por'āt

не осталось — все собрались. До середины народа добрались. Из народа Кюмюш Картыга закричал: «Чаштан Перген, отца твоего что ли до сего времени ты дождался? С того времени, когда должны были быть конские бега, — девять дней уже прошло».

Подобно небу загудело, подобно железу зазвенело — из народа богатырь, имеющий красно-коурого коня, выступил. Громко, сердито закричал: «Кюмюш Картыга, зачем (ты, так) похвоясь, кричишь?» Когда он так сказал, с синего неба белая грамота, величиною с ладонь, упала. В правую руку богатыря, имеющего красно-коурого коня, опустилась. Он пристально вглядываясь, смотрел. Громко вслух читал. Всему народу слышно было. «Великий творец, (то) написав, спустил. Чересчур уж большое состязание устроено. Обмана-хитрости пусть не будет!»

Двух коней за повод водили. Имеющего синюю шапку мальчика на кроваво-игреневого коня посадили. У голубо-серого коня свой собственный наездник был. В одно время двух коней выпустили. Два коня вскачь пустились — к семидесяти небесам поднялись, потом под семьдесят слоев земли спустились.

Чаштан Перген с богатырем, имеющим красно-коурого коня, поздоровались. С коней слезли и рядом сели. В то время, пока они разговаривали, на этой земле ни одного человека не осталось. В одно время (они) на коней сели. К черному рву, к входу в подземный мир отправились. Весь этот народ там оказался. С коней сойдя, (они) вдвоем сели.

Мало ли сидели, много ли сидели. Через девять дней из-под земли, из черного рва сильный ветер вырвался. За сильным ветром голубо-серый конь вышел. В жеребенка он превратился. Свою шерсть на шерсть выдры переменил. Там, где стоял, — след был, куда отправился — следа не было. По поверхности земли побежал.

Мало ли сидели, много ли сидели — из-под земли сильный ветер вырвался. За сильным ветром сзади кроваво-игреневый конь выбежал. Разбрасывая (пену), фыркал, разбрасывая (землю), топал. Там, где стоял, — след был, куда отправился — следа не было. Когда потом [сидя] взглянули — ни одного человека (там) не осталось.

Одновременно на коней сели — вперед погнажи. Ехали-ехали, с семьюдесятью перевалами золотая гора (там) оказалась. У подножья золотой горы с семьюдесятью перевалами зеленая степь была. У подножья золотой горы в зеленой степи множество народа было. Посреди народа, с коней спустясь, (они) вдвоем сели.

В то время, как (они) сидели, из самой дальней земли удар стальных копыт раздался. Сильный ветер закишел, великий ветер заиграл.

К подножью золотой горы голубо-серый конь примчался. [Две] ноздри его раздулись, [две] подмышки дрожали. На золотую гору он стал подниматься. В далекой земле удар стальных копыт разнесся. Сильный ветер, кипя, вошел; великий ветер, играя, ворвался. К подножью золотой горы кроваво-игреневый конь примчался. [Две] ноздри его раздвигались,

aj sō-ba poĭdu. moĭat čazyn ten ortaŷa četkende qan čegren at tōrt tujunn tajyp tundere čyŷyldy. oĭ kerede kōk por'at aĭdyna kire čügürdü. qan čegren at tura sekirdi. qaraq čaš-pa sürüştü. moĭat čazyny āry keš šyqtylar. anan ary čügürdiler.

uĭuġ qānyn čerinde qālyq čašqy mynda qadarčār. ĭgi at čügür-keldiler. qan čegren attyn üstüne mēngen oĭyūčaq qyjyrdy: «qan čegren at, pū-güngü kün seni üš qattynap šabary a uĭuġ qudaj čajayan!» tep. aĭtyn qamčy-ba šapty. aĭtyn qamčy-ba šapqanda — qan čegren attyn čaĭbaq saŷryna čap-šyndy; ĭgi at pır at-čyĭap čügürdü. uĭuġ qannyn čerin erterinde qan čegren at aĭdyna kire čügürdü. kōk por'at sōnan čügürüp ertti. at čaryžy qan čegren attyn poĭdu. qalyq čaqšy qyjyryšty. qājzy ajtty: «kōk por'attyn», qajzy ajtty «qan čegren attyn meriji!» čān čān-ma tur-kēl, tartyš poĭdu. qajzy kōk por'attyn čāny, qajzy qan čegren attyn čāny poĭup, uĭuġ tartyš poĭdu.

qyzyĭ qor'attyġ aĭyp kümüş qartyŷa qoĭna kirdi; čaštan pergen pašqōq aĭyp qoĭuna kirdi. aĭtynyzy ajna tölü qalbady, üstüngüzü četton qannyn aĭyby qalbady—tōza tuduštylar. kültunep kün tegbedi, paĭtynnap aj šalbady. ujalýġ quš ujadān tōstu, turūĭuġ an turuyūdan tōstu.

qyryq čyldyn pažynda qara tubannyn ištinen qyzyĭ qor'attyġ aĭyp šyqty. aj sōnči čaštan pergen šyqty. an sōnče qān kes šyqty. četton čerdin túbünde ajna čerinde ilčirbe qujaq ekčelčir; qādyġ qujaq qaččalčyr. qān kes adyna mēndi. čerine nandy.

četton čerdin túbünde qara ajna čerinde uzun aŷaš užā-berdi, uĭuġ aĭyp ōstep öldü. četton čerdin túbünen toŷuzōn quĭaš synnyġ qara por'at šyqty. aj ergek nančyzy šyqty. qalyñ edi qāyyĭtyr, quĭun edi suŷuĭtyr, quruġ sōġü qaltyr. aĭtyn örgē kire pasty. ezen āĭ, ezenedi, mendi bē, mendiledi. aĭtyn ustōĭŷa ōdürup, aš tabaq čidiler. aštayan qursaq tōstur-duĭar, ārynŷan saŷyž yn taradyp turdyturdylar. aj ergek ajtty: «čerliġ kiži čeksedim, suġĭuġ kēži susqadym!» aĭtyn örgeden šyqty. adyna mēndi; pojunyn čerine nandy.

ĭgi qaryndaš aĭtyn öргеzinen šyqtylar. čaštan pergen qū qystyn čerine nandy, qan pergen qān kestin čerine nandy. saŷyn asqa ezeneštiler, sanašpasqa mendileštiler ĭgi qaryndaš ĭgi čāra pardyĭlar. qyzyĭ qor'at čer čōyrazyn tartyĭyp, qujun šeni qujburdy, saĭyn šeni sabyryldy.

[две] подмышки вздрагивали. За голубо-серым конем он следом вышел. Земли, по которой следовал голубо-серый конь, он достиг; земли, по которой гнался, сразу достиг. Не успел еще голубо-серый конь перевалить через гору, как, наступая ему на хвост, [крово-игрневый конь] его нагнал. Золотую гору (кони) перевалили.

Потом, когда богатыри взглянули, больше ни одного человека опять не осталось. [Опять] они одни остались. Одновременно они на коней своих сели. По прямому пути погна́ли [их]. До стальной стены, которую взгляд не охватывает, они доехали. У края неохватываемой глазом стальной степи встали. Мало ли стояли, много ли стояли. Великий ветер бушующий ворвался, сильный ветер играя ворвался. Состязющиеся кони пришли. Голубо-серый конь впереди, красно-игрневый конь сзади прибежали. По стальной степи побежали.

В то время, когда они бежали, голубо-серый конь, четырьмя ногами поскользнувшись, вниз мордой упал. Пока он поднимался, красно-игрневый конь, его обогнав, вперед забежал. Голубо-серый конь позади остался. Когда он ровно середины стальной степи достиг, крово-игрневый конь, четырьмя копытами поскользнувшись, вниз мордой упал. В это время голубо-серый конь, его обогнав, впереди побежал. Крово-игрневый конь вскочил. Со слезами на глазах за ним погнался. Стальную степь они пробежали. Дальше побежали.

В земле великого хана народ ожидает. Два коня прибежали. На крово-игрневом коне [верхом] едущий мальчик закричал: «Крово-игрневый конь, в сегодняшний день тебя трижды ударить великий куда́й предопределил!»—(так) говоря, золотой плетью ударил. Когда золотой плетью ударил, к широкой спине крово-игрневого коня прильнул; два коня, словно один конь, бегут. Когда они землю великого хана миновали, крово-игрневый конь (голубо-серого коня) опередил. Голубо-серый конь после прибежал. Крово-игрневый конь бега выиграл. Народ закричал. Одни сказали: «Голубо-серого коня выигрыш!» Другие: «Крово-игрневого коня выигрыш!» (сказали). Каждая сторона на своем стояла, между собою спорили. Одни из них сторону голубо-серого коня держали, другие на стороне крово-игрневого коня стояли, — великая борьба была.

Имеющий красно-коурого коня богатырь в руки Кюмыш Картыга попал, Чаштан Перген — тоже в руки чужого богатыря попал. Внизу находящихся айна [поколения] не осталось, вверху находящихся семидесяти ханов богатырей не осталось — все (здесь) дрались. Сверкая, месяц не освещал, сияя, солнце не светило. Имеющие гнезда птицы от гнезд улетели, имеющие логовища звери от логовищ своих разбегались.

Через сорок лет богатырь, имеющий красно-коурого коня, из черного тумана вышел. За ним сзади Кан Кес вышел. В глубине, на дне семидесяти земель, в земле айна из цепей кольчуга износилась, крепкая кольчуга рассыпалась. Кан Кес на коня сел и в землю свою вернулся.

В глубине на дне земли семидесяти ханов — в земле черных айна — высокое дерево свалилось, великий богатырь, застояв, умер.

oʻl pargʻa uzaq poʻldu, men ajdargʻa čayyn poʻldu. ajmaq čerin raqqa saʻldy, ada čurtun čayyn aʻldy. eldin čerin raqqa saʻldy, ene čurtun čayyn aʻldy. qan kestin čerine četti. ada čurty abyr poʻltyr, ene čurty eštiḡ poʻltyr. maʻlyna maʻl qōžulyr, čonuna čon qōžulyr turʻan poʻltur. qān pergen uʻluḡ čurtqa qāčyr kirdi. aʻltyn šarčynʻa qazaʻldy. attan tūštū. adyn paʻlady. čazy qabaʻyn čara sijbandy, aʻltyn örgē kire pasty. ežik āžyp, ezen berdi, erken aʻltap, mendi berdi.

qān kes abazy, aʻltyn sūču enezi qoʻldan qāp, aʻltyn ustōldyn arʻazynʻa odurttyʻlar. aš tabaqtyn aryʻy-ba, ār pütkenin üstü-be azyradylar. aštaʻan qursayyn tojdurdyʻlar, ārynʻan saʻyžyn tarattyʻlar. purunʻuny purup, pūḡungū ettiler, ertkenin ēberip, emdegi ettiler. uʻluḡ erbegin erbekteštiler.

ada čurtuna abyr čattyʻlar. qyjyn čadar aʻryḡ poʻlbady, qyjyr kirer kēži poʻlbady. uʻluḡ abyr čurt poʻldu. ček kirbeske ežikterin pektendi, čel kirbeske köžunekterin pektedi.

uzun poʻlup čoʻlun qysqartpadym;
qysqa poʻlup uʻlabadym!
uqqan körgenim ājt-perdim!
qan qastaʻyn qabera tudup,
qara qarqa teptim;
el qastaʻyn ēbere tudyp,
eniḡ qarqa teptim.
aq qozanaqqa mēnib-aʻlyr,
ajliḡ künnüḡ čerge nandym.
ešten-kelip uqqan kižilerge.
es poʻlzyr,
eštenmēn uqqan kižilerge
es poʻlbazyn!

Из глубины земли семидесяти ханов имеющий рост в девяносто сажень темносивый конь вышел. Ай Ергек, друг его, оттуда выехал. Толстое тело исхудало, молодое тело отошло. Сухие кости остались. В золотой дворец он вошел. О здоровье спросив, поздоровался, приветствие отдав, приветствовал. За золотой стол усевшись, вино-еду (пили-) ели. Изголодавшийся желудок насыщали; от дум отдыхали. Ай Ергек сказал: «Имеющий землю человек — я истосковался, имеющий воду человек — я пить захотел!» Из золотого дворца вышел, на коня своего сел, в свою землю вернулся.

Два брата из золотого дворца вышли. Чаштан Перген в землю Ку Кыс вернулся, Кан Перген в землю Кан Кеса вернулся. Чтобы не скучать, друг с другом прощались, чтобы друг о друге не думать, прощались. Два брата на две стороны разъехались. Красно-коурый конь, напрямик мчась, как вихрь, крутился, как ветер бушевал.

Ему ехать долго было, мне рассказывать близко было. Землю чужого поселения далеко оставил, к отцовскому стойбищу приблизился, землю своего народа далеко оставил, к материнскому стойбищу приблизился. До земли Кан Кеса доехал. Отцовское стойбище мирным-благополучным было, материнское стойбище спокойным, оказывается, было. К скоту его скот прибавился. К народу его народ прибавился. Кан Перген в великое стойбище, [коня] погоняя, въехал. У золотой коновязи конь встал. Кан Перген с коня слез, коня привязал. Широкий лоб разгладил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог переступив, приветствовал.

Кан Кес, отец его, и Алтын Суучу, мать его, за руки его схватили и за золотой стол усадили. Лучшим вином-едой, всем лучшим созданным кормили. Изголодавшийся желудок вином, едой насыщали, от дум отдыхали. Прежнее поворотив, сегодняшним сделали, прошедшее повернув, нынешним сделали, между собою великий разговор вели.

В отцовском стойбище мирно-спокойно жили. Не было болезни, от которой надо было бы на боку лежать. Не было человека, который бы с криком явился. Великое стойбище благополучным было. Чтобы злой дух не заходил, двери закрывали, чтобы ветер не вошел, окна закрывали.

Длинный путь не укорачивал,
Короткий — не удлинял.
Все, что видел и слышал, рассказал.
Счастье хана вокруг собрав,
Я в черный мешок запихал;
Счастье народа кругом собрав,
В узкий мешок запихал;
На белого зайчика верхом сев,
В освещаемую солнцем и месяцем землю вернулся.
Внимательно слушавшим людям удача-прибыль пусть будет,
Невнимательно слушавшим людям пусть не будет!

öleñ tajçy

purun purun pōlčattyrzyn —
 amdyyy töldün alynda,
 purunyu töldün sonda,
 čer čajalyan tužunda,
 altyn tağ puluttan šyğara özerde,
 aq tałaj qažyna četre čajylarda
 altyn kōk kōglegen sonda,
 aŋ-guš čajalyan sonda,
 qałaq-pyła čer pölerde,
 qamyš-pyła suğ pölerde
 qan suğdun qažy pōlčattyrzyn!
 qan tağdun tözü pōlčattyrzyn!
 qan tajya qažy pōlčattyrzyn!
 qan tajyanyn tözünde,
 qan tałaj qažynda
 uyla pazyža ulus čon čatča,
 quzuruq pazyža aq mał turča.
 qan tağdun tözünde,
 qan suğdun qažynda
 til pilišpes ulus čon čatča
 tük pilišpes mał čajylča.
 aq čazyñ ortada,
 ałbatqy čonnun ortazynda,
 ajya künge šałyanče,
 altyn öрге turča.
 üstüngüzü üš tegri šyğara turča,
 altynnyzy üš tām čerge šyğara turča.
 oñ közüneginiñ alynda
 at qōdur połbas
 altyn šarčyn turčattyrzyn.
 altyn šarčyn tözünde
 ölenge paspān qułun-at turča.
 altyn örgeniñ ištinde
 altyn stolğa töldüra,
 tajyadyğ aryadyğ alyp tölü ödurča.

Олең Тайджи

Давным давно тому назад —
 Нынешнего поколения раньше,
 Прежнего поколения позже,
 В то время, как сотворилась земля,
 Когда выростала сквозь облака золотая гора,
 Когда белое море разливалось до берегов,
 После того как сотворились звери-птицы,
 После того как закуковала золотая кукушка,
 В то время, как мешалкой делилась земля,
 В то время, как ковшом делилась вода,
 Был берег хана воды,
 Было подножье хана горы,
 Был край хана тайги!
 У подножья хана тайги,
 На берегу хана моря
 Углами юрт своих друг на друга наступающий народ живет,
 Хвостами друг друга задевающий белый скот стоит.
 У подножья хана горы,
 На берегу хана воды
 Языка друг друга не различающий живет народ,
 Шерстью друг от друга не различающийся скот расстилается.
 Посреди белой степи,
 Среди народа, платящего дань,
 Солнцем, луной освещенный,
 Дворец золотой стоит.
 Сквозь три неба он вверх поднимается,
 Сквозь три слоя земли вниз спускается.
 Перед правым окошком
 Коновязь стоит,
 Такая, что ни один конь ее не вырвет;
 У коновязи жеребенок-конь стоит,
 Стоит — и травы не топчет.
 В золотом дворце,
 Занимая весь стол золотой,
 Потомок богатырей могучий, как тайга, сидит;

ažyra aj šalbān čattyrzyn,
 kežere kün tegbēn čattyrzyn!
 ölenge paspān aq qulun attyg
 ölen tajčy čurtačā.
 kögej kōk alyan kižizi pōltur.
 ōdur-kel, aš tabaq čib-ōdur-lar.
 üš tölge šyğara čažannar pōltur.
 pāğrynañ šyqqan pałlary čoq,
 pasqan čerde nančylary čoq pōltur.
 aš tabaq čib-ōdur-čadyp,
 čüstü čügürtüp,
 munnu qattyštyr, erbekteščalar.
 čaqšy ajdyš, külüşčalar,
 čabalды ajdyš, ylyaşčalar.
 ajtqan erbek ertkenče,
 körgeñ qaraq nün-enče,
 čerdin üstü negilča,
 čerdin түбү tartyłča.
 čabys tajya paštary čaba šabyłča,
 möžük tajya paštary üze šabyłča.
 altyn šärčyn tözünge
 qara tor'at qazała tüštü.
 tajgadyğ arğadyğ alyp tölü mün-saıtyr.
 at syrtynan tüže serkip,
 altyn örgege kire-pasty.
 ežik aža, ezen berdi,
 öñmen ködür, menči berdi.
 kögej kōk qoıdan qap,
 qoıtuqtañ čölep,
 altyn ustolğa odurtupča.

alyp tölü ajtča: «sēñ-da aš tabaq amzarya kelbedim, elči keldim! ölen
 tajčyn ady-šaby kün čaryqqa tōldura uyulğan. mynañ arā čer tüjuγu čerde
 čatqan kōk qannyn pałazy kōk purbañ uluğ tojy pōłča. uluğ merijin sāl-
 perzin tep, ysqañ», tepča. kögej kōk ajtča: «tañda künde čeder», tep. alyp
 ajtča: «sağa pütpeñčam, ölen tajčydan pōzunañ surarym» tepča.

qyryq tižinen ün šyğarbānča, ölen tajčy aš tabaq-la čipča. kögej kōk
 ajtča: «oı ajt, men ajt — pašqa ebes!» tepča. alyp altyn örgeden šyğa pāsča,

Месяц через него не светит.
 Солнце через него не сияет.
 Имеющий коня белого жеребенка, на траву не ступающего,
 Олен Тайджи живет.
 И жена у него — Көгей Көк.
 (Вдвоем) сидя, пищу ели.
 В течение трех поколений они жили,
 А ребенка не имели.
 На земле, где ступают, нет друзей у них.
 Так сидели — угощались,
 Сотню слов пуская в бег,
 Тысячу слов соединяя, разговаривали.
 О хорошем говорят — вместе смеются,
 О худом говорят — вместе плачут.
 Не успели еще разговора кончить,
 Не успели они глазом моргнуть —
 Задрожал верх земли,
 Растянулось дно земли,
 Сомкнулись вершины низкой тайги,
 Отсеклись вершины высокой тайги.
 Спустился к золотой коновязи,
 Остановился, как вкопанный, черно-вороной конь. —
 Приехал могучий, как тайга, потомок богатырей.
 Соскочив со спины коня,
 Вошел он в золотой дворец.
 Открывая дверь, здоровается,
 Руку поднимая, — здоровается.
 Көгей Көк его за руку берет,
 Подмышки поддерживает,
 К золотому столу усаживает.

Потомок богатырей говорит: «Не угощаться приехал я едой твоей, а прие-
 хал я послом: по всему свету слышно имя Олен Тайджи. У Көк Пурбы
 ребенка Көк-хана, что живет далеко отсюда в потаенной земле, пир-свадьба
 происходит. Прислали меня, чтобы поставил ты великий заклад!» — Көгей
 Көк говорит: «Завтра приедет». Богатырь говорит: «Не верю тебе. Самого
 Олен Тайджи я спрашивать буду!» [говорит].

Олен Тайджи сквозь сорок зубов звука не роняет, знай сидит, ест, уго-
 щается. Говорит Көгей Көк: «Я ли говорю, он ли говорит — все равно!»

adynya čaryanat quš-če čapšynča, qada puruŭ kir-kělča. «saŭa pütpeñčam, ölen tajčydan pözunaŭ surarym» tep tur. «ol ajt, men ajt pašqa ebes!» kögej kök ajtča. čer tēbin, čöqtapča.

aŭyp altyn örgeden šyŭōq pasty. adynya čaryanat quš-če čapšynča. pasqan azaq par poŭdu, paryan čerin pilbēn qaldybys.

kögej kök ajtča: «pis alyšqannaŭ pertin üš töl aš-pardy, altyn örgeden altan-šyqqalaqsyn! qattar-čilep emge čatčan! ady šabyŭ rāq paryan!» tepča. qyryq tiženeŭ ün šyŭarbān — uqča. eliḡ sös-pile eptepča, alton sös-pile ajlandyrča. qyryq tižineŭ ün šyŭarbān, tūdere körgeŭ qarayŭn öre körbēn, altyn ustoldan tura pās, altyn širge qyradynya ara ajlandera čadybysty. kögej kök anan pilgen: parčany čöŭuŭ. alton tarbaq-pŭŭla, četton sūme-bile syrtyna šāptur. aŭyp teze, olōq ōzuba qaryq tartyp uzuptur. ōdus kūnge tarbaŭap uzup saŭdy.

aryḡ abaqajy teze qyryq qatpaš tūbūnge kire čügür-pardy. ispeškede āzyŭyḡ turyan ölen tajčynyn odus qat qujaŭyn aŭyp, odus qat muŭtazyn kezib-aŭyp, šyŭa pasty. an sōnda kögej köktūŭ pözūnūŭ köjgen čünū čöq poŭup, ölen tajčyŭa čünūḡ poŭ-paryan.

qyryq qat saŭtymŭary čaš qajyš-šeni püktep, pās-šyqty. tōŭ čerdi tōbuq aŭa, eriḡ čerdi edek aŭa pārča. aq quŭunya čügür-čör, čügen suqča; ebir-kěl, ezer saŭča. čaryanat quš-če čapšynōq tūškenin — aq quŭun kögej köktūŭ aryn pilbēn qaldy.

altı ajmaqty aŭap šyqča; aŭbatqy čonnu teksilep šyqča. anan ara pasqan azaq par poŭča, paryan čeri čöq poŭča. aq quŭunnūŭ pažynyn teri, qara köbük poŭ, tōŭaŭānča. po čerge tōš aŭa šögüre tēp parča. qōruqpas pozu qoruqčattyrzyn, ŭrūkpes pōzu ŭrūkčattyrzyn. — ölen tajčy purunŭy tušta čörgende nyn^aaq poŭčān, am čök endiḡ ar poŭ-paryan! anan ara paryb-oduryanyn — po čer čāra šabyŭča, čer altynan altı qādyŭ qanattyḡ aq sar'āt šyŭa saŭdy. qoštana kelip, aq quŭun-mŭŭla čügürdü. tajgadyḡ aradyḡ aŭyp tōlū mūn-saŭtyr. ezen menči periščattyrzyn. «tōrt tōŭuqtuḡ kūn čaryqqa tōldura tūyan, ölen tajčy, qajdiḡ čerge parčān?» tepčar. — «qajdiḡ čerge parajyn! mŭnan ara čer tūjuŭy čerge čatqan kök qannyn čeringe parčam. uŭuḡ meriḡ saŭarŭa parčam!» — altynya mūngen adyn altı qanattyḡ aq sar'āt poŭtur. nō tegan attyḡ šaptyḡ aŭyp čaqšyzy poŭduŭ?» tepča «nō tegan attyḡ šaptyḡ aŭyp poŭajyn! atqan oqtan tābraq, ajtqan erbekten qapčyŭaj, aq sar'attyḡ altyn šappa poŭarym! altyngŭzy četton tām čer altynan tāŭap šyqтым! tepča. am kök qannyn čeringe parčam!»

mūsten nynnaq ijgi nančy poŭčalar. altyn oqtaryn aŭyštŭra soŭunup, ergek čāryp, qan ortaš turčalar. «eze, arŭyš čölek poŭzaŭ, pararym; arŭyš

(Тогда) выходит богатырь из золотого дворца, прижимается к коню своему, как летучая мышь, и снова ворочается, входит: «Тебе не верю я! Самого Олен Тайджи спрашивать буду!» — говорит. «Что он говорит, что я говорю — одно и тоже!» — Көгей Көк говорит. Говорит и об землю топает.

Вышел снова богатырь из золотого дворца, к коню, как летучая мышь-птица, прильнул. Где ступал — следы ног своих оставил, куда отправился — мы незнающими остались.

Көгей Көк говорит: «Как женились мы, прошло три поколения, а ты еще не переступал порога и не выходил из золотого дворца. Дома живешь, как женщины! А слава твоя, имя-прозвище далеко разнеслись!» [говорит]. Слушает Олен Тайджи, сквозь сорок зубов звука не роняет. (Она) его пятьюдесятью словами уговаривает, шестьюдесятью словами увещевает. А он все молчит, голоса не подает, сквозь сорок зубов звука не роняет. Смотрит вниз, не смотрит вверх, встает из за золотого стола, ложится в золотую кровать, отворачивается. Көгей Көк видит тут — не поедет Олен Тайджи. Шестьюдесятью уговорами, семьюдесятью наговорами наговаривает. Если же о богатыре говорить, то он (богатырь) спит себе, храпит. Заговорила — чтобы на тридцать дней он заснул.

Если говорить о его чистой супруге — (то) она побежала внутрь дома, в последнюю из сорока комнат, панцырь Олен Тайджи в тридцать слоев с вешалки сняла, сапоги его в тридцать слоев надела и из дому вышла. Исчезло загорелое лицо Көгей Көк и подобным лицу Олен Тайджи сделалось.

Вышла она, ступая по сорока слоям пола, сгибая его, как сырой ремень. Идет по мерзлой земле, уходя в нее по колено, в оттаявшую землю до подола уходя, — идет. С разбега на белого жеребенка узду накидывает, кругом обходя, седло кладет. Подобно летучей мыши-птице на коня взметнулась, прильнула, — (и) незнающим веса Көгей Көк белый жеребенок остался.

Побывав в шести улусах, она выезжает. Промеж платящего подать народа проезжает. Откуда поехала — следы остаются, в какую землю поехала — неизвестно. С головы белого жеребенка пот черной пеной катится, в [эту] землю по грудь погружаясь, он идет. До сего времени не боявшийся — боится, не приходивший в возбуждение — в возбуждение приходит. «В прежнее время, когда Олен Тайджи ездил — легко бывало, теперь почему же так тяжело стало?» Дальше конь идет. — Эта земля расколовшись, качается. Светлорыжий конь с шестислойными крыльями из-под земли вышел и, приблизившись, вместе с белым жеребенком побегал. Богатырь могучий как тайга (на нем) ехал. Друг с другом приветствиями они обменялись: «Четырехугольный солнечный свет при своем рождении собой заполнивший Олен Тайджи, в какую землю ты едешь?» — (богатырь) спрашивает. «В какую землю я еду! Еду я в землю Көк Кана, живущего отсюда дальше в потаенной земле, еду, чтобы положить большой заклад. Конь твой, на котором ты едешь, шестикрылый бело-рыжий конь; как

čölek poľbazan, parbassym! tepča. kök qannyn čeringe toγus qulaš synnyg aj qar'attyg altn sūr toγus qattyg, onunçu qatyn alarğa pardy, teptur. šynapta ulug merig salza, men sara tartarzyn! tepčar. ede erbekteškeñçe, sybysqalyg synğa šyqtylar, salañajlig pelge tüstiler.

anan kör tañnap turγannaryn—uš qulaqtyg qazannyn tüdi nü četton tegri čajyla pertir. tepčar. čylγan alyptary qarlyγaš quš-šeni qajjnyžyp, qara kebelčik-šeni yγlyščalar. altn šarčyn čedišpēn altn oqtaryn qazyp, attaryn paγlap pārtырlar. altn šappa aq čazyda qālča. olen tajčy altn šarčynnyñ tōzünge pāstyr-keldi. toγuzon qulaš synnyg aj qar'āt anda turčattyrzyn. adyn poš tašta, altn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen pēr, onmen kōdür, menči pērča. alty qat ajlandyra odur-parγan alyptar parčazy ezen perištiler: «tört tōluqtun qāny, piji olen tajčy keldi!» tep.

altn šur qyryq qatpaštyn түбүне kire pasty. altn öргеzinin ištinde qys odurčatqan połtur. any körüp, altn šur ajtča: «küš-pile alaroqqum, küčür bile alaroqqum!» tepča. qys ajtča: «qačan olen tajčy kelze, anda, kenge perer, aγa pararym!» olen tajčy qyryq qatpaštyn түбүне kire čügürdü. any körüb-alyp, qys ajtty: «myna! olen tajčy keldi!» (tepča). olen tajčy ajtča: «atqan oqtan tābyraq, ajtqan erbekten qapčyγaj aq sar'attyg altn šappa pererim!» tepča.

any uqqan altn šur ijgi pīlegin syqsynča, ijgi edegin qajra salča. altn örgeden šyγa čügürča. alaqañnyñ tazyγayγ qādyg mīsten otča. altnyyzy toγus erlik qān čeringe, üstüngüzü qyryq purqan čeringe šabyqča. altn šur altn šappa tudužyp, aq čazyγa sörteščalar. qādyg aγaš qaqšalča, qara čer sōgüłča. ujaγyγ quš uγadan čāsča, pałalyg an pāladan čāsča. ijgi alyp qarbaščytqanyn olen tajčy, altn qalqy kōzēnekti qajra taštap, kōrčadyr.

odura-odura kelgenin — odus čylγa šyγara odur-saltyr. odus čylдын pažynda sanandy — erimni odus-la künge uzutqam, pōzum odus čylγa čet-parγam. mynan ara čaqšy poľbas! qōrūyubžza perdi. altn örgeden šyγa pasty.

ulug aγaš užup āšča, ulug küčün ostep āšča. aγar-kelip aj ölüb-ašty, kōger-kelip kün ölüp ašty. — qara tuban arazyna altn šappa šyγa saldy.

aq qułun atqa olen tajčy čaryanat quš-če čapšyndy. any körüp, altn šappa qyjjyrča: «ulug tojum kōrüb-alyp, anan nan!» tepčar. — «altn šurdu ažyr-salyñanda paza ulug alyp čoq! pozumnun čeringe nanajyn!» olen

твое имя, — лучший из богатырей?» — говорит. «Вот как мое имя будет! Золотой Шаппа с светлорыжим конем, что быстрее выстреленной пули, скорее сказанного слова, (богатырь) я буду! Разрушив семьдесят слоев земли, из-под земли я вышел! [говорит]. Теперь, в землю Көк Кана еду».

Двумя друзьями, ближе пары рогов, они становятся, золотыми пулями обмениваются, палец разрезав, кровь друг у друга сосут. «Итак, если ты товарищескою опорой мне будешь — я поеду; если не будешь мне товарищескою опорой — не поеду! [говорит]. Алтын Шур, имеющий вороного коня, ростом в девять сажень, имеющий девять жен, в землю Көк Кана брать десятую жену отправился [сказал]. Если он вправду большой заклад положит, ты в мою сторону тянуть будешь?» — (богатырь) спрашивает. Так беседуя, [на свистящий (ветром) хребет они поднялись, на гладкую седловину спустились.

Когда пригляделись они — дым из трехухого казана к семидесяти небесам расстилается. (Там) собравшиеся богатыри, подобно ласточке-птице, с места на место перебегают, подобно черной трясогузке покачиваются. Нехватило золотой коновязи. Вкопав золотые стрелы, коней своих привязывают. Алтын Шаппа в белой стене остается. Олен Тайджи к золотой коновязи подъезжает. Там конь вороной, ростом в девять сажень, стоит. Олен Тайджи своего коня отпустил и вступил в золотой дворец. Дверь открыв, здоровался, правую руку подняв, здоровался. В шесть рядов вокруг сидящие богатыри все поздоровались, говоря: «Кан — начальник четырех углов земли Олен Тайджи пришел!».

В глубину сорока комнат Алтын Шур вступил. В золотом дворце девица сидела. Увидев ее, Алтын Шур сказал: «Силою возьму же я, обманом я же возьму!» [говорит]. Девица отвечает: «Когда Олен Тайджи придет, тогда — кому отдаст, за того и пойду я!» [девица сказала].

Олен Тайджи в глубину дворца вбежал. Его увидя: «Вот он Олен Тайджи пришел!» — девица сказала. Олен Тайджи говорит: «Я тебя имеющему светлорыжего коня, более быстрого, чем выстреленная пуля, более скорого, чем сказанное слово, Алтын Шаппе отдам!» [говорит].

То услышавши, Золотой Шур [оба] рукава засучивает, [обе] полы затыкает за пояс, из золотого дворца выбегает. Звук удара ладонью [сквозь твердые мозги проходит] до находящихся внизу земли девяти эриков прошел, до земли находящихся вверху сорока бурханов донесся. Алтын Шур и Алтын Шаппа, друг друга схватывая, по чистой степи друг друга таскают. Твердое дерево рассынается, черная земля расступается. Имеющие гнезда птицы из гнезд улетают, имеющие детенышей звери от детенышей отделяются. На то, как двое богатырей дерутся, Олен Тайджи (Көгей Көк), раскрыв настежь золотое окно, глядит.

Сидела, сидела... (так) тридцать лет просидела; через тридцать лет подумала: «Мужа своего лишь на тридцать дней усыпила, а сама (уже) тридцатого года достигла. Хорошо не будет!» (подумала) испугалась. Из золотого дворца вышла.

tajčy ajtča. čer ebidinge kirbēn čer toyrzyn tartty, sug ebidinge kirbēn sug toyrzyn tartty. sybysqajlyg synya šyqty, sylaŋajliḡ pelge tüštü.

uḷuḡ synnan kör-turynyn: öleŋ tajčy altyn qalqa közənegin qajra taštap, körüp ödurča. anda körüp tižin qyčyratčattyrzyn: «toqta, pör, el čerin ebirerge menen surabān qajdan tapqanzyn! nō adaj, no qu! meniŋ-ōq qujaŋyn kezib alyp, meniŋ-ōq aq quḷun adym münüb alyp, el čerin ebirčaŋ. pere kirzeŋ, āzyra tuḷunnaŋ qāb alyp, altyn šārčynya üze-šabyzarym!» tepča.

kögej kōk kirerge qörüyup, aq maḷdyn ajlandyr čörčä. ölbeske qačan čajalyŋan poḷyam tep, altyn šārčyn tözüŋge pästyr-keḷča. at syrtynan attybysty, altyn senek päžynya šyŋa-čügürdü. öleŋ tajčy altyn örgeden šyŋoq saḷdy. āzyra tuḷunnaŋ kēl qapty. po teze qučaqtančattyrzyn «attyḡ šaptyḡ öleŋ tajčynyn ady šabyn uŋarŋa, tep, parŋam. po künnü čäryqtyn üstünde sēŋ ady šabyn čajylarda quš-qurt qalban, pōžada šabyqtyr!» tepčar. erin qučaqtanyp alyp, altyn örgege ākīrip, altyn ustoldyn arŋazynya odurtupča.

aš tabaq čib ödurčadyp, čüstü čügürtüp, muḡnu qattyštyr, erbekteščalar. čaqšy ajdyš — külüščalar, čabaḷdy ajdyš — yḷaščalar. čurtaŋ pajlap čada-berdi.

12

qān arŋo pečeliḡ qān mergen

purun, purun poḷyan pōḷtur —
andyŋynyn alynda,
purunynun šōnda,
qalaq-pa čer pōlup,
qamyš-pa sug pōler šende.,
čer pūdüşüp,
čersil qabašar šende
čer čyrtyla, aŋaš öščätqan šende,

Великое дерево упало, богатырь со стоном погиб. Побелев, месяц, умирая, поник; посинев, солнце, умирая, закатилось. Из середины черного тумана Алтын Шаппа вышел.

К белому жеребенку-коню Олен Тайджи — (Көгей Көк) — как летучая мышь прильнула. Алтын Шаппа кричит: «Взгляни на мою великую свадьбу, а затем уже возвращайся!» [говорит]. — «Когда ты богатыря Алтын Шура погубил, то другого великого богатыря (на этом свете теперь) нет. В свою землю вернусь я!» — Олен Тайджи (Көгей Көк) говорит. Не поехала (она) окольным путем, поехала по прямой дороге, не поехала по излучинам рек, а поехала через реки. На свистящий (ветром) хребет поднялась, на гладкую седловину спустилась.

Олен Тайджи, распахнув золотое окно, сидит и видит, как она стоит на высоком хребте и оттуда глядит. Там (ее) увидя, (он) зубами скрежещет: «Стой, негодная, меня не спрашивающая, откуда ты взялась по чужой земле кружить! Что за собака, что за раб! Мою же кольчугу надела, на моего же жеребенка-коня верхом села и по чужой земле кругом едешь! Как сюда приедешь, за [твои раздвоенные] косы схвачу (тебя) и о золотую коновязь ударю так, что переломлю (тебя) на части!» — говорит.

Көгей Көк, войти страшась, белый скот объезжает. «Ведь я сотворена, чтобы все равно когда-нибудь умереть!» — [так] сказавши, к золотой коновязи подъехала, со спины коня соскочила, на золотое крыльцо взбежала. Олен Тайджи из золотого дворца вышел, подойдя, за [раздвоенные] косы ее схватил, а та (Көгей Көк) знай себе его обнимает. «Я поехала для того, чтобы услышать про славу знаменитого Олен Тайджи! [говорит]. По всему [этому солнечному] миру твое имя-прозвище разнеслось и даже дошло до всех птиц и червей!» — говорит. Мужа своего обняв, к золотому столу подводит и за золотой стол усаживает.

Они сидели, угощались-разговаривали, сотню слов пуская в бег, тысячу слов соединяя. О хорошем говорят, вместе смеются. О худом говорят — вместе плачут. Жить, богатеть стали.

12

Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго

Давным давно тому назад —
Нынешнего прежде,
Прежнего после,
В то время, когда мешалкой разделялась земля,
Когда ковшом разделялась вода,
В то время, когда создавалась, нагромождалась, земля,
Когда сливалась пробивающаяся сквозь землю влага;
В то время, когда земля разрывалась, вырастали деревья,

aşaş çyrtəla, pür ösçätqan šende.
qazyn aşaşqa pür özerde
qalyq-çon çadyp tüštür;
terek aşaşqa pür özerde
aq-mağ çajälä tüštür.
qyryq aşqymnyg altyn tajya połtur.
altyn tajyanyn tözü-be
aq talaj aq-tüş-partyr.
ol šende połyan połtur.
aq talajdy qaştap kelip,
talajdä qumaq-çä
albatqy çon çattyr;
aq tasqyldy töstep kelip,
tegridä çylytys-çä
aq mağ çajylytyr.
albatqy çonça turarça çer çetpän,
aq mağça ottarça ot çetpän turtur.
aq tasqyğ qara tasqyğdyn arazynda,
aq mağdyn ortazynda,
albatqy çonnu arazynda,
ajya künge sustayançe,
alty azaqtyg altyn öрге turça.

altyn köznektiñ alynda at qodur połbas alty azyra altyn šarçyn turça
altyn šarçyn tözünde at šynyğy, çetti qylyan quzuruqtuğ, oq šeninçe, qannañ
qyzyğ qan çegren at pağlağ-partyr. qan çegren at altyn šarçyn tözün
ebäre tepsep turça; altyn šarçyn pažyn keze kepsep turça. altyn ezer syrt
çazağtyr, kümüş çügen pağ çazağtyr.

altyn örgen ištinde qarğanyn qany, qara albatqy çonnuñ piğ qan-arço
peçelig qan mergen çurtapça. qannañ qyzyğ qan çegren at at šeninde połtur.
qan-arço peçelig qan mergen alyp šeninde połtur.

qan-arço peçezi ara passa, aj suzun tuylapça, päre passa, kün suzun
tuylapça. ära çügürça, päre çügürça — aš tabaq altyn ustolğa töldura sälça.

qan mergen tunmazy altyn širkeden tura serkidi. qan arço peçezi qan
mergen tunmazyn qoldan qabyp, qoqtuqtan çölep, altyn ustoldyn arçazyna,
kök ustoldyn kögregine odurttu.

ijgi qaryndaš odur-kelip, aš-pa tabaq çidiler. amdyğyny purub-ağ,
purunyu edip, erbekteşçalar. purununu purab-ağ, amdyğa äkel erbekteş-

Когда деревья расщеплялись, вырастали листья.
Когда на березе-дереве листья выросли,
Народ жить стал.
Когда на тополе-дереве листья выросли,
Белый скот сотворился.
С сорока перевалами золотая тайга была.
У подножья золотой тайги
Белое море потекло.
В то время было.
По берегу белого моря ходя,
Платящий дань народ
Словно песок в море расселился.
Обходя подножье белой горы,
Словно звезды на небе,
Белый скот рассыпался.
Чтобы стоять подданному народу, в той земле места нехватает.
Нехватает травы, чтобы пастись белому скоту.
Между белым таскылом и черным таскылом,
Посреди белого скота,
Среди платящего дань народа,
Освещаемый солнцем и луной
На шести подножиях золотой дворец стоит.

Перед золотым окном с шестьюдесятью развилинами коновязь стоит,
которой конь не может вырвать. У золотой коновязи конь из коней лучший,
хвост имеющий из семи волосков, крови краснее, пуле подобный, рыжий
конь привязан. Вокруг золотого столба тончась [стоит], золотой коновязи
верхушку грызя, конь красно-рыжий стоит. Золотое седло украшает (его)
спину, серебряная уздечка голову (его) украшает.

Внутри золотого дворца царь воронов, черного подданного народа
начальник, имеющий старшую сестру Кан Арго, Кан Мерген живет.
Краснее крови красно-рыжий конь был в возрасте коню подобающем.
Кан Мерген, сестру Кан Арго имеющий, был в возрасте, богатырю подо-
бающем.

Кан Арго, сестра его, туда ступает — лучи месяца затмевает, сюда
ступает — лучи солнца затмевает. уда-сюда бегаёт, едой и питьем золотой
стол уставляет.

Кан Мерген, младший брат, с золотой кровати вскочил. Кан Арго —
старшая сестра — младшего брата своего под руки схватила, подмышки
поддерживая, за золотой стол, у синего стола усадила.

tiler. čüstü čügürtüpčalar, muñ^u qatyštyrčalar. qan mergen po šenge tönče emnik tajya ezer saıyp, eldiñ čerin ebirbēndir. āzyra pudun aıtap kelip, qan čēgren adyna münüp, qalyq čonnu arıabāndyr. oylan čaštyg aıyp qan mergen pōltur.

polar ijgele odur-kelip arajyn qorajyn aš išip oduryan tuštarynda qan mergen aıtyñ qalqa köznekti qajra taštap körb-odur. qan mergen anan otur körb-oduryany — abazyñnyñ kütken aq maıy, albatqy čonu aq talajdyñ peltirinen pažyna šyğara čat-partyr. po maı, po čon qajy aradan pažalyp, qajaya tönče čat-paryanyñ aıa qaraqtyñ užu četpēnča. ponu körgen qan mergen qoruqpas pozu qoruqča, ürükpes pōzu ürükča. qan mergen köre-köre kelgenin — telbekejdi teže körča, telben čaryqty syğa körča.

anan körgeni — čer puıju čerde — aıa qaraqtyñ užu arijle četča, — kök tajya körünča. kök tajyanyn tözü-be čer qajyša maı qačyrylča, čazy tūyl ap, čon sürülča. aq maıy kištešča, albatqy čon syqtašča. aq maıdyñ taštynda, albatqy čonnun užunda aγ-oj-at mungen aıyp kiži qačyr-pārča. aq maıdy albatqy čonnu qačyr-pārča. ulūg qajyn qajlapča, ulūg sarynyn sarnap pārča qan mergen köre köre kelgenin: aγ-oj attyn oñ isenēden otüre qyby čyłaš oıaqty tartyp saıtyr; soı izenēden otüre qyby čyłaš qysçaqty tartyp partyr.

aıyp kēži aγ-oj adyn as šap, oıaq-pa qysçaqty kōp šap pārča. qyby čyłaš oıaqtyñ ünü po künü čaryqqa töldera uıulča. oıaq ulūg sydyn syqtap pārča, ulūg ačyjyn ačyp pārča. «abaıyğ-dā poıyan poızam, abam kelip poıužar ēdi, eneliğ-dā poıyan poızam, enem kelip poıužar ēdi. tužumnan kelip turuš-pararym čoq, qažymnan kelip, qajyš-parar kižim čoq» tep, oıaq ulūg sydyn syqtap pārča, ulūg ačyjyn ačyp pārča. oıaq-pa qysçaqtyñ syttary qan mergenniñ oñ qulağynan kirip, soı qulağynan šq-pardy. ponu uqqan qan mergen qoruqpas pozu qoruqtu. pōnu körgen qan mergen tarynmas pōzu taryndy, tağ šeni šišti. qardan aq šyrajy qazan köjezi keptendi, örtten qyzył šyrajy ölgen paryā keptendi. qan mergen čipčatqan aš tabağyn taštady, qan aryo pēcezine ajtty: «eze, qan-arγo peče, adam adazy pōnu körüp šydazyn, enem enezí pōnu körüp šydazyn! qačan pir tušta, men qan mergenniñ küzü albaza, menen tuγan üren töldü pedōq izenēden otüre tartyp aparar! paryp, po aıyp-pa aqsy tilin aıyžyp, ady šolazyn surap, erbektežip körejın!» tep ajtty.

Брат с сестрой, усевшись, питье (пили) и еду ели. Нынешнее поворотив — прежним сделав, друг с другом разговаривали; прежнее повернув, в нынешнее обратя — беседовали. Сотню слов пускают в бег, тысячу соединяют. Кан Мерген до сих пор необъезженного жеребца не седлал и вокруг чужой земли не ездил, порог он не переступал, верхом на своем кроваво-рыжем коне промеж народа не ездил. Молод возрастом Кан Мерген богатырь был.

В то время когда они, вдвоем сидя, крепкую водку пили, Кан Мерген, золотое окно настежь распахнув, глядеть стал. — Видит: белый скот, отцом приобретенный, подданный народ (его) от устья белого моря до его вершины расселился. Глаз не может различить — откуда этот народ, этот скот начинается и до каких мест расселяется. Это увидев, Кан Мерген не боявшийся [сам] испугался, не волновавшийся прежде — [сам] (ныне) взволновался. Кан Мерген весь мир насквозь видит, весь свет глазом охватывает.

Потом видит — в самой отдаленной земле, до которой едва достигает взгляд, голубая тайга виднеется. У подножья голубой тайги скот гонят в таком множестве, что земля прогибается, народ — в таком множестве, что вся степь заполняется. Белый скот ржет, подданный народ рыдает. За белым скотом, за подданным народом верхом на бело-сивом коне богатырь едет. Белый скот и подданный народ гонит. Великий кай (сказку) наигрывает, великую песню напевая, едет. Кан Мерген всматриваясь-всматриваясь видит — богатырь сквозь правое стремя совсем голого мальчика тащит, через левое стремя совсем голую девочку протаскивает, едет. Богатырь, коня мало ударяя, мальчика и девочку много ударяя, едет. Голос голого мальчика раздается, [этот] солнечный свет заполняя. Мальчик, великим плачем рыдая, великой горестью горюя, едет. «Если бы у меня отец был, — отец придя, помог бы (мне)! Если бы у меня мать была, — мать придя, заступилась бы за меня! Нет человека, который постоял бы за меня; нет никого, кто бы заступился за меня!» — (так) говоря, мальчик великим плачем рыдает, великой горестью горюет. Рыдания мальчика и девочки через правое ухо Кан Мергена войдя, через левое вышли. Это услышавший Кан Мерген, не боявшийся, утратился. Это увидевший Кан Мерген, не сердившийся, рассердился; как гора надулся. Лицо его, белее снега, стало подобным копоти казана. Лицо его, краснее пламени, сделалось подобным мертвой печени. Кан Мерген еду, которую ел, отбросил, сестре своей Кан Арго сказал: «Сестра Кан Арго, отец моего отца, это видя, пусть вынесет! Мать моей матери, это видя, пускай выдержит! Если у меня, Кан Мергена, когда-нибудь силы нехватит, — [от меня рожденных] (моих) потомков также, сквозь стремя протаскивая, повезут! Пойду и, расспросив этого богатыря об его имени-прозвище, говорить с ним стану!» — сказал.

Это услышав, сестра Кан Арго сказала: «Единственный мой брат, на этом белом свете чего только два глаза не увидят! Два уха чего только не

põnu uqqan qān aryo pečezi ajtty: «eze arādan čayys qān mergen tun mam, po aq čaryqta ijgi qułaq nōnu uqpas, ýjgi qaraq nōnu kōrbes! kōrgen kōrgen-me, uqqan upqan-ma čōrer polza, ada saḡalyn tōš čajyanče čōrzen, anda -dayy adan čurtuna ajlanyp kelbessin! öskeden üçün turušan, özüñ üzülgenin pilbessin! pašqadan üçün turuš-čōrzen, pažyn üzülgenin pilinmessin! aryan pašqazynan üçün turužup, raqqa parčan polyan!» qan mergen ajtty: «eze, qan aryo peče, alyp tegen kiženin parčan čolun azýra tułun tartynyan epči kēži sen tutqar ederge etčan-ma!» tep.

ałtyn ustoldyn arýazýnan tura pāzyp, qyryq qatpaš tübüne pazyp kirip, ispiške turýan ałtyn kümüş qujaýyn alyp qadānmysty. šojun sunduq ištine čatqan ōdus qat qara šojun sapōgün alyp kesti. pāraq paštyg paj sadaýyn pelge azyndy. ałtyn örgeden pās-šyýanyn — pır poldu pāsča, pır poldu šyýara pāsča. qan mergen qān-aryo pečezi-be sāqtašpasqa ezen surašty, saýynyšpasqa menči surašty. ałtyn örgeden šyýa pasty. qannan qýzyl qan čegren attyn ałyna pazyp kelip, saýry-zajyn sijbap. keldi. čügür-paryp, čügen suqtu, ebir-kelip, ezer saldy. üš qušqanyn suýup, toýus qōlaḡ tartty. qan mergen qannan qýzyl qan čegren atqa čaryanat-šeni čapšyndy. pasqan azaq par poldu, paryan čeri coq poldu. qan aryo pečezi — qan čegren at učuq pardy — tep, sanayany — qanat soýsuýu coq poldu, čügür-pardy — tep, sanayany, tujyaq soqsuýu čoq poldu. qyryq ašqymnyg ałtyn tajya tōzünen šačyłyan qan čegren at kōk tajyanyn tōzüne kēl-tüštü. qan mergen tel-bekejdi teže kōrüp pārča, telben čaryqty syýa kōrüp pārča.

qačýryp pārčatqan aq małdy, albatqy čonnu qačýr-pārčatqan alypty kōrgen čerge kōre četti, uqqan čerge čaba četti. qan mergen anan kōrgenin — alyp kēži olaq-pa qysčaqty onnuḡ sōluḡ izenaden ötare tartyb alyp, adyn šappan pēlardy šāp pārča. qalyn etterin pōle šaptыр, qādyg sōkterine urundura šāp-saltыр; qułun etterin tüžüre šaptыр, quruḡ sōkterine urundura šaptыр. olaq-pa qysčaqtyñ pır sydy tegride, pır syttary čerde. pēlardyn üçün turuš-parčan po šenge tōnče pır-da kiži čoq polyan-či! małdyn qaryzy čolýa ürep partыр; čonnun qaryzy čolýa ürep pārtыр. ałynan paryan aq mał ot ottap pārtыр; sōnan paryan mał ottarýa ot četpēn toburaq čalyap pārtыр. āryndałyp aqqan aq tałajdy keškende — ałynan kešken mał, suḡ ižip, keštir, sōnan kešken mał, qumaq čalyap, keštir.

qan mergen alyptyñ ałyna pāstyr-kelip, ezen-me ezen surašty, menči tep, menči surašty — «mūngen adyn aý-oj at poltur, ady-šolan kem pol-polar. qajdiḡ čerdiñ čonun syqtatčan, qajdiḡ alyptyñ pallaryn erelep apparčan?» — qan mergen surady. aq małdy qačýrčatqan alyp qyryq tižinen ün šyýarbān saldy — at üötüne qyjyn čadyb alyp, ułuḡ sārýnyn sarnap pārča, ułuḡ

услышат? Если ты будешь гнаться-бегать за всем тем, что ты увидишь, за всем тем, о чем услышишь, то, если даже станешь ходить до тех пор, пока [отец] борода грудь покроем твою, и то не вернешься в отцовское стойбище! Если ты будешь за других заступаться, то не заметишь, как твоя грудь-внутренность надорвется. Если ты будешь за чужих заступаться, не заметишь, как твоя голова оторвется. За совершенно чужих, если будешь стоять, далеко тебе ехать придется!» Кан Мерген сказал: «Кан Арго сестра, ты женщина, имеющая раздвоенные косы, уж не вздумала ли ты помешать пути, по которому человек, именуемый богатырем, ехат должен!»

(Кан Мерген) из-за золотого стола встал, внутрь сорока комнат вошел, находящуюся на вешалке золотую-серебряную кольчугу взял и поверх одежды надел; лежащие внутри чугуна сундука тридцати-слойные чугуны сапоги взял, обул. Богато украшенный колчан на спину повесил. Когда из золотого дворца выходил, один пол прогибая, ступает, другой — поднимая, идет. Кан Мерген с сестрой Кан Арго, чтобы не скучать — попрощался, чтобы не тосковать — простился. Из золотого дворца вышел. К своему краснее крови красно-рыжему коню подошел (и) по спине его погладил. Подбежав, (коня) взнуздal; кругом обойдя, (коня) заседlal. Три потфен засунув, девять подпруг подтянул. К коню, как летучая мышь, прильнул. Там, откуда конь выбежал, следы были, куда побежал — следов не было. Кан Арго, старшая сестра, если подумает, что красно-рыжий конь летит, — шума крыльев не слышно, подумает что бежит, — стука копыт не слышно. От золотой тайги с сорока перевалами умчавшийся красно-рыжий конь к подножью голубой тайги примчался.

Угнанный белый скот и подданный народ и гнавшего (их) богатыря на том месте, где видел, догнал, на том месте, где слышал, настиг. [Потом] Кан Мерген видит: богатырь, коня своего не стегая, едет. Девочку и мальчика, сквозь правое и левое стремя протаскивая, колотит. Толстое тело раская [бьет], до твердых костей избил. Молодое тело заставляя спадать, вплоть до сухих костей избил. Голоса мальчика и девочки и на небе и на земле слышны. За них заступиться — до сего времени никого не нашлось. Старый скот по дороге уменьшился — погиб, старый народ в пути уменьшился — погиб. Впереди идущий скот травой питается, сзади идущий скот почву лижет: чтобы пастись ему — травы нехватает. Когда текущее белое море переходят, впереди идущий скот воду пьет, сзади идущий скот песок лижет [так переходит].

Кан Мерген к богатырю подъехав, с ним поздоровался, его приветствовал. «Твой верховой конь — бело-сивый конь! как твое имя прозвище будет? Народ какой земли ты рыдать заставляешь? Какого богатыря детей, мучая, везешь?» — Кан Мерген спросил. Богатырь [который гнал белый скот] сквозь сорок зубов звук не проронил. Развалясь на коне, распевая песни, едет, наигрывая сказки, едет. «Какого это человека собака ворчит!» — говоря, на Кан Мергена даже косо — и то не посмотрел. Это уви-

qajyn qajlap, pārča. «nō kižiniñ adajy urča!» tep, qan mergenge qyja-dayy körbedi. ponu körgen qan mergen tärnmas pozu tärnydy, talaj šeni šišti. «meni tōbān ezenešpēnčatqan alyp mēn šabyžymny körbēn pōlturzun», tep, at pažynan attybysty. ijgi edegin qajra saıdy, ijgi pilegin syqsyndy. oñ qoıun tegri qanğa ködür-šyqty. ajlandyr-kelip, alyptyñ syn tegejdi körüp kelip, tüzürdü. aγ-oj attyγ alyby alyp šabyžyn šydabān at pažynan teskere tüštü. alaqañnyñ tabyžy toγus köstüg altyn oq čerinen pōžanyanče esteldi. erlik qannañ ertize šabyqty, künü čaryqtañ ažyra šabyqty. aq čazynnyñ tübünde qaraqqa šašsa tynmas qara tuban tartył-partyr, aj körünmes aq tuban tartyłyp partyr.

qan mergen qara tubanny čara übürüp körgenin — alyp kiži at pažynda čöyüł. alty tagdy ažyra, alty čulatty kešöre paryp, tōγus ajmaqqa tōγalap partyr, onunču ajmaqqa ojda tüzüp, qara qan-ma pürgürča. alyp kiži et ačyjyna šydap poıbān aq čazyda qara čadyq šenoq anñanča. ojda para, qara qan-ma qūsupča, tunmere para, qyzył qan-ma qusupča. uškür-kelip, tyn alynča, syγyr-kelip, syγyš alynča. alyp ajtča: «adañnyñ ačyjoq pōł, enenñiñ qoqujoq pōłsun! meni pede šabaryγa po künü čaryq ištinde alyp čajalyp öskeni paroq poıyan-ma! šapsa šappaza, meni pede qan arγo pečeliğ qan mergen oł-la šapqan poıar!» tep, erbektenča. ponu körgen, ponu uqqan qan mergen čügür-pardy, alyp tegen kižini čaγa tōšteñ qab-alyp, čazy čerge sörtep pardy.

pıar qabyžybēza pergenin — šaqpo čerde qadyğ aγaš qaqšala berdi, qara čer söğüle-berdi. turuğluğ kiik turuyun taštady, tuıunnuğ abaqajy pałazyn taštady. aq talajdy šačyqqa šenep, qarbaštylar; aq tasqyldy tönselege šenep, qarbaštylar.

qan mergen ajtty: «eze, alyp tölü, mungen adyñ aγ-oj-at poıtur, pōzun alyptan artyq alyp pōlturzun! qajdiğ qannyn pałazy, nō tegen attyğ šolaıyğ alyp poıčanzyñ? pō qajdiğ alyptyñ aq maıyn, albatqy čonun qačyrčan? šynap-tayy alyby saγa qyjał etse, anañ tuγan ijgi pałazy no qyjał etkenin, onnuğ sōluğ izenedeñ ötare tartyp, adynny šappan lardy šabyp parčan? men qan mergenneñ artyq poıup, meni tōbān ezenešpēnčan-ma? qan mergenniñ qoıuna kirip-parγan alyp, emnik tajγa ezer saıyp, eldiñ čerin ebirbečen!» alyp tölü ajtty: «eze, qan mergen, qajdiğ qannyn pałazy poıaj, mynañ āra, qyryq čaryq keštine čatqan, oγ-oj-attyğ altyn qartyγa poıarym! po nō alyptyñ maıyn qačyryp parajyn! mynañ āra kümüş qannyn maıyn qačyrčam. kümüş qan üš adadan öštüjüm poıyan, üš enedeñ qynyjym poıyan. tölden tölge pärčatqan uıuğ öštü alyp, kümüş qannyn aryğ tynyna čedip, aq maıyn qačyr-parčam. kümüş qannyn taš očoγun

дев, Кан Мерген, не сердившийся доселе, рассердился, как море надулся. «Богатырь, меня не признающий, моей борьбы наверное не видел!» — [говоря] сказал и с коня соскочил. [Две] полы за пояс заткнул, [два] рукава засучил. Правую руку к [хану] небу поднял. Размахнулся и на голову богатыря опустил. Богатырь, на бело-сивом коне едущий, удара богатыря выдержать не мог, с коня вниз головой упал. Звук ладони раздался, будто пустили золотую стрелу, девять глаз имеющую. Через царство Эрлика звук (от удара) насквозь прошел, через солнечный мир пронесся. В глубине белой степи черный туман растянулся, непроницаемый для глаза; белый туман разостлался — такой, что месяц невидимым стал.

Когда Кан Мерген черный туман, разделяя, раздул и посмотрел — (того) богатыря на коне не было. (Богатырь) через шесть гор перевалил, шесть рек перешел, через девять ям перекатывался. В десятую яму навзничь унав, черной кровью зафыркал. Не в силах вытерпеть боли [тела], богатырь в белой степи, подобно старой колоде, валяется. На спину повернется — черную кровь извергает; вниз лицом повернется — красную кровь извергает. Тяжело вздохнув — в себя пришел, засвистав — в сознание пришел. Богатырь сказал: «Горе отца твоего и матери пусть будет! Есть, оказывается, на этом солнечном свете, [созданный (и) возросший] богатырь, который так бить меня может. Пожалуй, так бить меня мог бы только Кан Мерген, имеющий сестру Кан Арго!», — (так) сам с собою разговаривает. Это увидевший, это услышавший Кан Мерген подбежал, богатыря за ворот — за грудь схватил и в степь потащил.

Они бороться начали. Твердое дерево рассыпаться стало, черная земля распадаться стала. Имеющие стоянки дикие козы — свои стоянки бросили, имеющие детей женщины — своих детей бросили. Белое море с лужей равняя, сражались; белый хребет с пнем равняя, боролись.

Кан Мерген сказал: «Богатырское поколение, конь, на котором ты едешь, истинно бело-сивый конь, а ты сам, оказывается, из богатырей богатырь! Какого хана ты ребенок, какое имя твое, богатырь? Какого богатыря белый скот, подданный народ ты гонишь? Если даже на самом деле богатырь тебе зло причинил, что плохого от него рожденные двое детей (тебе) сделали, что ты их через левое и правое стремя протянул, коня твоего не стегаешь, а их ударяя, едешь? Себя выше меня — Кан Мергена — считающий, меня не признающий, почему ты со мной не здороваешься? Богатырь, который попадет в руки Кан Мергена, на необъезженного жеребца седло не кладет, вокруг чужой земли не едит!»

Богатырь сказал: «Вот, Кан Мерген, какого хана я ребенок?! За пределами сорока миров живущий Алтын Картыга с бело-сивым конем я буду. Какого богатыря я скот гоню! Я скот Кюмюш Кана гоню. Кюмюш Кан в течение трех поколений отцов врагом моим был, в течение трех поколений матерей противником моим был. За вражду, продолжавшуюся из поколения в поколение, отомстив, я Кюмюш Кана погубил и гоню теперь его белый

taładym, tałaj-külün şaştym. üren çurtun uzuttum, kiçig çurtun kiştettim. oçöyün ojdaryp, qazanyň tünherdim. eze, qan mergen, pasqan azayyň şeber połtur, tutqan qoňuň qadyg połtur. kümüş qan adan tölü poňan-ma, anan üçün kelip tuduşçan? enenňiň tölü poňan-ma, kümüş qanýa poľužary? öskeden üçün turuşçan, öşüň üzöl-qalar, pašqadan üçün turuşsan, pažyň üzöl-qalar! ada çurtu aptyg çurt, adan çurtuna ajlan-nan! ene çurtu eptig çurt, ene çurtuna ajlan-nan!» tep ajtty.

qan mergen: «men qoľuma kirip-parýan qozan paza aq çazyýa pöşanyp şyqpaçan! tep, at pažynan segribisti. alyp tölün, çügür-pär, çaya paştan qapty. ijgi alyp çabał adaj-çilep tartyş-pardylar, qazyr pñan-çilep orlaş-pardylar. qarbaža-qarbaža kelgenerin — pir tōyus küñge şyqtylar. artyq poľza şabyşpançalar, artyq poľza tebişpençalar. çatsa, turza — ten poľup, çabał adaj šenoq qabyşçalar. qarbaža-qarbaža kelgenerde — aj ertkenin pilbes poľdu, çył ertkenin pilbes poľdu.

aq çazyňnyň tübünde qaraqqa şaşa tynmas qara tuban tartylčā. qara tuban arazy cerde ijgi alyp qarbaščātqan čerde ulug ayaş užupča, ulug küčün östep ašča. aryg tüñde aj olča, aryg tüšte küñ olča. alyp tüşken čerden qyzył çazyň alyšča, tegri qannaň qara çazyň alyšča. qaraqqa şaşa tynmas qara tuban arazyňnan qan mergen pazyp şyqča. qabaýyna ter şappandyr, ijgi qoľya qan çuqpāndyr. altyn qartyýan aš ortqazyn qara taştyn üstüne alty čerden ada šāptyr. altyn qartyýan aý-oj-ady «çügür şyýajyn» teginin, qan mergen tiskinnen qab-ałdy. oľaqpa qysçaqty onuğ šolug izeneden šurub-alyp, aý-oj-attyn quzuruýunan qab-ałyp, silgibaze-bergenin — qyzył edi qysqýra paryp, aq çazyda ölüp ašty, aý-oj attyn terezin ennik ayaşqa arta taštady.

oľaq-pa qysçaq çügür-kelip, qan mergenniň onuğ šolug tizezin sijbar kelip, azayyna tüstüler. «aşčātqan šenibiste ajlandyrdyn, ababyz-oq ošqaš qan mergen-zin! ertipčātqan šenibiste ebirgen enebiş-oq ošqaš qan mergen-zin!» tep, azayyna çyýlčalar. pōnu körgen oľaq-pa qysçaqty małdyn pažyn pilčātqan mātyr tasqa, qojduň pažyn qadarčātqan qōr tāsqa qoľuna perip, kümüş qannyn čerine yzybysty. aq mał-ba albatqy connu kümüş qannyn čerine nāñdara qācyrtyp yzybysty. aq mał kišteškenče nandy, albatqy čon tōza sarnašqanče nandyłar. «čazyň uzun poľzun! čajānyň mōzük poľzun! qan mergen!» tep nandyłar. qan mergen qannaň qazył qan čegren adyna münm-ałyp, pōzunun čerine nānmysty. para-para kelgenin — aryałyg synya şyqty, syłajalyg pelge tüštü. ulug synnan anan körüp tañnap turýanyň — pōzunun čerine čettir. tōzun pilbes mał čattyr, šodun pilbes čon čattyr. albatqy čonýa turaryň čer čedišpenča, aq małýa ottaryň ot čediš-

скот. Каменный очаг Кюмюш Кана я разбил, море-золу разбросал. Жилое стойбище усыпил, малое стойбище ржать заставил. Очаг разрушил, казан вверх дном опрокинул. Так, Кан Мерген, нога, которой ты ступаешь, — осторожна, рука, которой ты держишь, — тверда. Разве Кюмюш Кан из поколения (төл'я) твоего отца будет, что ты ради него дерешься? Разве из поколения (төл'я) твоей матери Кюмюш Кан будет, чтобы ему помогать? Если ради других станешь драться, — грудь твоя надорвется; за чужих, если будешь заступаться, — твоя голова оторвется! Отцовское стойбище — удобное стойбище! В отцовское стойбище возвращайся. Материнское стойбище — привычное стойбище! В материнское стойбище вернись!»

Кан Мерген, говоря: «Заяц в мои руки попавший [освободясь] в белую степь уже не выбежит!» — с коня соскочил. Подбежав, потомка богатырей за ворот схватил. Два богатыря как злые собаки дрались, как свирепые сохатые орали. Они двое боролись-боролись. Прошло уж девять дней. Бьют и топчут друг друга одинаково — никто не одолевает. Хоть лежат, хоть стоят — оба силами равны; как злые собаки друг друга хватают. Когда так сражались, не замечали, как месяца проходили, не замечали, как годы проходили.

В глубине белой степи непроглядный черный туман расстилается. На земле среди черного тумана, где два богатыря борются, великое дерево падает, богатырь со стоном погибает. В чистую ночь месяц умирает; в чистый полдень солнце умирает. С земли, где упал богатырь, красная молния взвивается, с [хана] неба черная молния низвергается.

Из черного, непроглядного тумана Кан Мерген выходит, на лбу его пот не проступил, к рукам кровь не пристала. Спинной хребет Алтын Картыга в шести местах о черный камень переломил. Бело-сивый конь Алтын Картыга убежать было хотел, — Кан Мерген за повод его поймал. Мальчика и девочку из правого и левого стремени вынул; бело-сивого коня, схватив за хвост, встряхнул. Завизжав, в белой степи конь умер-погиб. Шкуру бело-сивого коня на наклонное дерево перекинул.

Мальчик и девочка подбежали и, глядя правое и левое колено Кан Мергена, в ноги ему упали. «В ту пору, когда мы погибали, ты спас нас! Ты подобен отцу нашему! В то время, когда мы погибали, ты к жизни вернул нас, ты, как мать наша, — Кан Мерген!» — говорили, и в ноги ему кланялись. [Видящий это] Кан Мерген отдал мальчика и девочку в руки Матыр Таса, ведающего скотом Кюмюш Кана, и в руки Кор Таса, пастуха его овец, и в землю Кюмюш Кана отослал. Белый скот, подданный народ (тоже) в землю Кюмюш Кана отпавил. Белый скот с ржанием возвращался, подданный народ [весь] с пением возвращался, говоря: «Пусть будет жизнь твоя долгой! Дела твои славными пусть будут, Кан Мерген!»

Кан Мерген на рыжего, краснее крови коня, сел и в свою землю возвращался. Ехал-ехал, на горный хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. [Потом] когда стояли с великого хребта всматривался, (увидел) — в свою землю приехал. Счета не знающий скот лежит, счета не знающий

pēnča. ałtyn šarčyn tōzünde qan arɣo pečezi qan mergen tunmazyn anda saqtaɣ turča. qan mergen eniš tōbere ēndire pastyrdy, aq małdy aɣlap pastyr-kirdi, ałbatqy čonnu tekšilep pastyr-kirdi. oɣlan uzaq toɣaša, oɣnap külüp ertisča, apšij kiži toɣaša, attan tūžüp erbektešča. ałtyn šarčyn tōzüne pastyr-keldi.

qan arɣo pečezi qōlap čōlep tūžürüp, ałtyn örgē akirdi. — erte-berdi, tegen tunmam ebirilip keltir — tep, aža-berdi tegen tunmam ajlanyp čörüp keltir — tep, qan mergenni qōldan qabyp, qołtuqtañ čōlep, aq ustałdyn arɣazyna, kök ustałdyn kögregine oturttu. pıar ođur-kelip, aš-pa tabaq čī-berdiler. ajaqtaɣ kelip arajyn-qorajyn köp ištiler. qan mergen eren seren ezire-berdi. uług içige kirdiler. qan mergen ešten-kelip, čadybysty.

as-pa köp-pe čatqan šōnda uług qujbır šajbyp kirdi, uług sałɣyn sabırył-kirdi. čabys tajɣa paštary čaba šabyłdy, mōzük tajɣa paštary üze šabyłdy. uług synnyñ qyrna at šynyɣy aq qōr at qazała tūštı. aq qōr'attyn üstüne arɣadyğ tajɣadyğ ałyp tölü mün-sałdy. eniš tōbere ēndire pastyrdy, ałtyn šarčyn tōzüne qazałdy. ajtqan erbek ertkenče, körgeñ qaraq nūgenče, qalqa ežik ide šabyłdy, ałyp tegen kiži ałtyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perdi, pozaɣa ałtaɣ, menči berdi.

ponu körgeñ qan mergen alypty qōldan qapty, qołtuqtañ čōlep, ałtyn ustalya odurttu. ałyp kiži ajtty: «eze, qan mergen, senin ažy tabayynny čirge kelbēm, elčige kelgem. mýnan āra četton čaryq kestine čatqan, četton qannyn taštyna čatqan, oł-čāny četton čaryqtyn qany piji, ałtynyzy ajnečekten ałty čōlap ałban ałčātqan, üstüngüzü künü čaryqtan toɣus čōlap ałban ałčātqan, ałton sümegči, četton tarbaycy, ałtynyzy čer tūq küstüg, üstüngüzü tēgri tūq küstüg, ölbes parbas čajalyan toɣus qattyğ qara mükü meni saɣa elčige ysqan. qara mükü ajtty, tedir — qan mergen ałbanyn čettirsin tep. qajde ałbanny čettirbes połza, sēñ cerine quşuruq sörtenip, qū-pōrū połup, kirēm, čyda sörtenip, uług šaɣ-ba kelerim», tep ajttyrды. qan mergen ajtty: «šynap andıg erlik qannan ebere ajnečekten ałty čōlap ałban ałčātqan, künü čaryqtan toɣus čōlap ałban ałčātqan synmas patpas küstüg, ölbes parbas čajalyan qara mükü połyanda, üš künnün pāžynda adam čurtunan ałtaɣ kelip, qara mükü čerine ałbanymny āpararym. qara mükü saqtaɣ turzun, tep, ajda-ber, alybym!».

any uqqan ałyp tölü ezen menči suražyp, ałtyn örgeden šyɣa pasty. aq qor'adyna čarɣanat-če čapšyndy. aq qor'attyn pasqan azaq par połdu, parɣan čeri čoq połdu.

ałyp pārbysqan šōnda qan arɣo pečezi ajtty: «eze, qan mergen tunmam, qara mükü čerine noɣa parčan połyanzyn? qara mükü čerine kirip parzan,

народ живет. Подданному народу, чтобы стоять, нехватает земли; белому скоту, чтобы пастись, нехватает травы. У золотой коновязи старшая сестра его Кан Арго, дожидаясь брата своего Кан Мергена, стоит. Кан Мерген по склону горы вниз спустился, промеж белого скота проехал, среди народа проехал. Если молодого встречает, смеясь-играя проезжает; если старика встречает, с коня сходя, разговаривает. К золотой коновязи подъехал.

Кан Арго, сестра его, за руки (его) взяла, поддерживая, с коня сойти помогла и в золотой дворец ввела. «Брат мой, которого я погибшим считала, вернулся; мой брат, которого я умершим считала, назад возвратился!» — сказала. Кан Мергена за руки схватив, подмышками поддерживая, за белый стол, у синего стола усадила. Они, сидя, питье пили, еду ели. Чашку один другому подавая, водки много пили. Кан Мерген стал пьянеть. В великое пьянство-питье вступили. Кан Мерген, угомонившись, спать лег.

Много ли, мало ли он лежал — великий вихрь, бушуя, ворвался; великий ветер, крутясь, ворвался. Вершины низкой тайги пригнулись; вершины высокой тайги расступились. На край великой горы лучший из коней, истинно бело-коурый конь примчался. Верхом на бело-коуром коне потомок богатырей, ростом с тайгу, приехал. Вниз по склону спустился, у золотой коновязи, как вкопанный, остановился. Не успел [сказанный] разговор окончиться, не успел [смотрящий] глаз моргнуть, золотая дверь настежь распахнулась, человек, именуемый богатырем, в золотой дворец вступил. Дверь открыв, поздоровался; порог перешагнув, приветствовал.

Это увидев, Кан Мерген богатыря за руки схватил, подмышками поддерживая, за золотой стол посадил. Богатырь сказал: «Кан Мерген, я не приехал есть еду-питье твою, как посол я пришел! [Отсюда дальше] живущий за спиной семидесяти миров, за пределами семидесяти царств, тамошних семидесяти миров хан-начальник, с айна, внизу находящихся, шесть раз путь пройдя, дань собирающий, с богатырей, вверх — в солнечном мире живущих, девять раз (их) обойдя, дань собирающий, имеющий шестьдесят заговоров, знающий семьдесят наговоров, силою небу равный, силою земле равный, созданный, чтобы не умереть, не погибнуть, Кара Мюкю, имеющий девять жен, к тебе меня послом прислал! Кара Мюкю велел сказать: „Пусть Кан Мерген дань везет. Если дань не привезет, в твою землю, хвост волоча, волком войду, копые волоча, с войной я приду“» [говоря]. Кан Мерген отвечал: «Если на самом деле Кара Мюкю таков, что он царство Эрлика кругом обходит и от айна, пройдя шесть раз путь, дань собирает, от солнечного мира, девять раз обойдя его, дань собирает; если Кара Мюкю сотворен бессмертным и с силой непомерной, то я через три дня в землю Кара Мюкю дань повезу, Кара Мюкю пускай ждет — скажи ему, мой богатырь!»

Это услышав, потомок богатырей попрощался и из золотого дворца вышел. К бело-коурому коню, как летучая мышь, прильнул. Там, где прошел бело-коурый конь, следы есть; куда отправился, следов не осталось.

köptün köb-oq poŋar, sen čayystyn čayyz-oq poŋar! ojda čadyp öl-čatsaŋ, tunmere tartčaŋ kiži čoq poŋar; tunmere čadyp öl-čatsaŋ, ojda tartčaŋ kiži čoq poŋar. qara mükünün qoŋuna kirip parzaŋ, ölüp ašqanyŋ pilinmēn qalarzyn! alton tarbačy, četton šümeğči qara mükü poŋčaŋ, qajy! qara mükü čerine noča parčaŋ. qara mükü šynap andıg alban kerek poŋza, pistiŋ čerge pōzu keler. mynda odūrup, qara mükünü saqtap kör!».

qan mergen ajtty: «eze, meniŋ ar čayys qan arčo peče, erte pajoq čök ajtpanzyn? alyp tegen kiži pir tükürgen tükürüktü nandəra alyp čirge čarabas. örgeden šyq-kelgende — nandyra alтарыа čarabas. atkan oq taštaŋ nanmas, paryan er čoldan nanmas! erte pajoq ajtqan poŋzaŋ, qara mükēn čerine pararya ajtpas edim. pirle pararya ajt-saŋyamda qara mükü čerine altan kelip paryp körejin! qara mükünün küžü artyq poŋup, mēn tynyma čedip saŋsa, künü čaryqtyŋ qāny, čer altyŋyn piji qara mükü poŋban qajtsyn! men, qan mergenniŋ küžü artyq poŋup, qara mükünün aryg tynyna čedip saŋzam, po künü čaryqtyŋ čayys qāny, čayys piji men — qan mergen — poŋarym!».

qan mergen altyŋ ustaŋdyn aryažynan, kök ustaŋdyn kögreginen tura pāzyp, qyryq qatpaš tūbüne kirdi. ispeške ilinip turyan altyŋ kümüş qyjaŋyn alyp qadanča, qara šojun sunduqtu āžyp, ōdus qat sapōgōn alyp kesti. čol čepsejin čepsendi. paraq paštyg paj sādaq pelge azyn-saŋb-odur, qan arčo pečezi-be saqpašpasqa ezen surašty, sažynyšpasqa menči surašty. «eliğ čyŋdan erte tūšsem, ertip ölgem — šyn poŋar, alton čyŋdan aža-berzem, ažyp ölgem — šyn poŋar. alton čyŋa ajlan-kelzem, čer qajyša, qara mükün maŋyn qāčyr kirerim, čazy tūŋlap, qara mükün čonun qāčyryp kirerim!».

qan-mergen altyŋ örgeden šyža pasty; qannaŋ qəzyŋ čegren adyna čaryanat-če čapšyndy. aq maŋdy arlap šyqty, albatqy čonnu tekšilep šyqty. oŋlan užaŋ točašsa, ojnab külüp ertisti; apšij örekenner točašsa, attan tūžup, erbektešča. albatqy čonča qan mergen čaryym-čaqam peripča: qara čazağ čörbelār, čärny mōzük at münār! kepten čudan čörbelār, čayazy silig kep kezār!».

qan mergen aq maŋdyn taštyna šyqty, albatqy čonnuŋ keštine šyqty. qanaŋ qəzyŋ sočan šeninče qan čegoren adynyŋ pasqan azaŋ par poŋdu, paryan čeri čoq poŋdu. qan čegren ady učuq parča, teze, qurğun soqsuju pildirbēnča, čügürüp parča, tep sanaza, tujyaŋ soqsuju pildirbēnča. qurğunnuğ-da quš čaqšy alyn keze učuğarya sanaza, parčm sōna qalčalar, āzyra tujyaqtyg aŋ čašqy alyn keze čügürerge sanaza, parčm šōŋ čat-qalčalar. para-para kelgenin — po pararya rāq pōlča, mača ajdarya tabraq

После того как богатырь уехал, старшая сестра Кан Арго сказала: «Кан Мерген, брат мой, зачем тебе в землю Кара Мюкю ехать? Если ты в землю Кара Мюкю вступишь, большинство богатырей сторону Кара Мюкю держать будут. Ты же один-одинешенек останешься. Если будешь умирать, лежа на спине, — не найдется человека, который бы тебя повернул вниз лицом; если станешь умирать, лежа вверх спиной, — не будет человека, который повернул бы тебя вверх лицом. Если ты попадешь в руки Кара Мюкю, — ты сам и не заметишь, как умрешь-погибнешь! Кара Мюкю имеет шестьдесят заговоров, знает семьдесят наговоров-чар. Зачем тебе в землю Кара Мюкю ехать! Если Кара Мюкю на самом деле дань нужна, он и сам в нашу землю придет. Здесь, сидя, Кара Мюкю жди».

Кан Мерген сказал: «Единственная сестра моя, почему раньше ты мне этого не сказала? Человеку, богатырем именуемому, выплюнутую слюну обратно глотать не подится. Раз уж из дворца вышел, назад шагаты не полагается. Выстреленная пуля от камня назад не возвращается, уехавший богатырь с пути не ворочается. Если бы ты раньше об этом сказала, я бы не сказал, что в землю Кара Мюкю поеду. Раз уже сказал, что поеду, — в землю Кара Мюкю, переступив порог, отправлюсь я! Если у Кара Мюкю силы больше окажется и он меня погубит, тогда ханом солнечного мира, начальником подземного мира Кара Мюкю останется. Если у меня, Кан Мергена, силы больше окажется, и если я Кара Мюкю погублю, этого солнечного мира единственным ханом, единственным начальником я, Кан Мерген, стану!».

Кан Мерген из-за золотого стола, из-за синего стола встал, внутри сорока комнат вошел. С вешалки многослойную золото-серебряную кольчугу взял и надел. Открыв черный чугунный сундук, девятислойные сапоги (оттуда) вынул и надел. В дальний путь снарядился. Богато украшенный колчан на спину повесил. С сестрой Кан Арго, чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, попрощался. «Если через пятьдесят лет не вернусь, значит я уже умер, если шестьдесят лет пройдут и я не возвращусь, значит я уже погиб. Если в течение шестидесяти лет я вернусь назад, то, прогибая землю, скот Кара Мюкю пригоню, запружая степь, народ Кара Мюкю пригоню!».

Кан Мерген из золотого дворца вышел; к рыжему, краснее крови коню, как летучая мышь, прильнул. Среди белого скота проехал, промеж всего подданного народа проехал. Если молодых встречал, играя-смеясь проезжал; если стариков-старух встречал, с коня слезая, разговаривал. Подданному народу своему Кан Мерген наказ дает: «Пешком не ходите, на конях рослых ездите; истрепанную одежду не носите, а надевайте одежду с украшенным воротом».

Кан Мерген за пределы белого скота выехал, за грань подданного народа выехал; откуда выехал, (там) краснее крови рыжего коня, подобного стреле, следы остались; куда поехал — следов нет. Если сказать, что рыжий конь летит — шума крыльев не слышно, если сказать, что бежит — стука

pōlča. aryaŷyġ synŷa ŷyqty, sylaŷajlyġ pelge tüštü. ulug synnan anan körüp tannap turŷanyň — tōŷus qatlyġ qara mükü čerine čettir.

šaqpo čerde toŷuzon masqanyň ünü qadyġ mīsten ōtča. čer ebəre tüšken qara turanyň ištinde toŷuzon uzančy uzančalar. toŷyzon uzančy anan ŷyŷa saŷanyň — toŷuzon qysqyš-pa aryaŷyġ tajyadyġ alyp kižini qaptyr-saŷtyr-lar, qara taŷajŷa anđarbystyr-lar.

toŷuzon uzančy qan mergenni körüp, čügürüzüp keldiler. qan mergenni toŷuzon qysqyš-pa qaptyrb-aŷdy-lar, qara turaŷa ākirip, yštyqqa kire pazybystyr-lar. qan mergen qəzyġ čaŷyn arazyna čāt-kelip, ŷaŷanaŷ kelip tuŷlabysqanyň — toŷuzon uzančy tuda šaba maŷnanmān qaldy-lar. qan mergen aq čazyŷa šāčyrap ŷyq-pardy. tura paryp qan mergen toŷuzon uzančy ny pır tōluqqa syndyrdy, pır qysqyšqa kire tuttu. yštyqqa saŷyp izit-šyqty. izide-izide kelgenin — toŷuzon uzančy qarara köjup, qyzara iziže perdiler. toŷuzon uzančyny ŷyŷarb-aŷyp, toŷus putuŷ masqazy-ba šabysqanyň — saj sōkteri toza sajlaŷ-tüš-pardy, qum sōkteri tōza uruŷ-tüš-pardy.

qan mergen qəzyġ čəgren adyna čarŷanat-če čapšyndy, aŷynan āra körüp pastyr pārb-odurza, qara mükünün čerin ebəre tebir šeden pütken poŷtur. tebir parata tōzünde tebir aŷyp, tebir tajaŷyn tajanŷanče tur-saŷtyr. qan mergen tebir paratān tōzüne pāstyr-kelip, ajtty: «eze, tebir aŷyp, tek tābəraq meni poŷat» tep. — tebir aŷyp ajty: «abanyň paŷyn ajtsaŷ! enenñiň tōžün ajtsaŷ! aŷbanyňny maŷa tōlep saŷzaŷ, kirerziŷ; aŷbanyňny tōlebezeŷ, šaqpo tebir tajaŷymny kōdür-kelip šabyzarym, at moŷ-nuŷnu ŷze šābəzarym!» qan mergen anan körgenin — ebəre turŷan tebir ustalbaŷyġ poŷan poŷtur.

parčm ustalbaŷa alyptardy qara posug-ba qabaqtaŷ ōtəre šāš-kelip šāp-saŷtyr. iġele ustalbaŷa kiži šaptyrbāndyr. pōnu körgen qān mer-gen qōruqpas pōzu qoruqča, ŷrūkpes pōzu ŷrūkčā. merspes čürek merslepča, mersil qabyrŷa systašča.

tebir aŷyp ajtty: «eze, alyp tölü, čüče mēŷ-me qaryšar poŷzaŷ, tebir ustalbaŷ pərezine qabaŷynnan šapqan qara pozuġdu tebir ustalbany ōtəre šāp-kelip, oŷ čanyŷ čanyŷa pyŷŷyp saŷarym. iġinči ustalbazy qan mergen tuŷmaŷyġ qān arŷo šapčaŷ ustalba» tedir.

tebir aŷyp šaqpo tebir tajaŷyn kōdürüp šabarŷa, qan mergen qoŷun sunubustu, čaŷa tōšten qāb-aŷdy. tebir alyptyň aqsyn čāba tudubəza-berip,

копыт не слышно. Какие бы крылатые птицы ни вздумали, пролетая вперед, ему дорогу пересечь, — все позади него остаются; какие бы звери, имеющие раздвоенные копыта, ни попробовали, пересекая путь, вперед забежать, — все позади остаются.

Ехал-ехал — ему ехать далеко, мне рассказывать скоро. На горный хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта всматриваясь, стоял — земли Кара Мюкю, оказывается, достиг.

В этой земле стук девяноста молотов через твердые мозги насквозь проходит. Внутри черного города, вокруг земли раскинувшегося, девяносто кузнецов куют. Девяносто кузнецов оттуда вышли. Девятьюдесятью щипцами богатыря, размером с тайгу, защемили, в черное море свалили.

Девяносто кузнецов, увидевши Кан Мергена, подбежали. Девятьюдесятью щипцами Кан Мергена схватили. В черный город ввели и к горну придавили. Кан Мерген, лежа в красном пламени, вдруг сильно начал вырываться. Девяносто кузнецов его удержать не успели. Кан Мерген в белую степь бросился. Вскочив, Кан Мерген девяносто кузнецов в один угол прижал. В одни щипцы зажал. В горн положил и накалывать стал. Девяносто кузнецов раскалял-раскалял, девяносто кузнецов до черна обгорели, до красна раскалились. (Потом он их) вытащив, девятипудовым молотом ударил: галька-кости все распались, песок-кости все рассыпались.

Кан Мерген к красно-рыжему коню, как летучая мышь, прильнул. Когда он дальше поехал и поглядел, оказалось — земля Кара Мюкю кругом железным забором огорожена. У железных ворот железный богатырь, опираясь на железный посох, стоял. Кан Мерген к железным воротам подъехал и сказал: «Железный богатырь, скорее меня пропусти!» Железный богатырь отвечал: «Скажи про голову отца твоего, скажи про грудь матери твоей! Если мне заплатишь дань, то войдешь, если дань не заплатишь, то вот этот железный посох подниму, ударю и могучую шею твою переломлю!» Когда Кан Мерген [потом] взглянул, — кругом железного забора железные столбы были.

К всем столбам богатыри черными гвоздями, сквозь их лбы проходившими, прибиты были. Только к двум столбам люди прибиты не были. Это увидев, Кан Мерген, не боявшийся — ныне испугался, не волновавшийся ранее — ныне волнуется, несодрогавшееся сердце его содрогается. Нечувствительные к боли ребра — боль испытывают.

Железный богатырь сказал: «Если, потомок богатырей, будешь мне перечить, к одному из (этих) столбов тебя пригвожжу, черный гвоздь сквозь железный столб вобью и загну. Второй столб предназначен для Кан Арго, имеющей брата Кан Мергена!» [сказал].

Как только железный богатырь [этот] железный посох поднял, чтобы ударить, — Кан Мерген правую руку протянул, за ворот-грудь его схватил. Рот [железного богатыря] зажал, круглую голову свернул и в белую степь выбросил. Кан Мерген по ту сторону железного забора зашел. — Стук черных счетов сквозь твердые мозги прошел.

tōylaq pažyn üze pūrb~aldy, aq čazyğa kürebisti. qan mergen tebir šedennin ol čanyňa kirbiskenin — qara šottuñ tārсылayy qadyğ mīsten ōtča.

ałton ałyp ałbanyñ perip ara kirčätqan čer połtur; četton ałyp ałbanyñ perip pere šyqčätqan čer połtur. ałban četken alyptarý qatqy kültü-be šyqčalar. ałban četpēn alyptar qaraq čaš-pa šyqčalar, syrtylarýnañ tört ilig qajyš tildirdiler.

šaqqo čerde ałyp tölleri qarłyyaš quš-če qajynyščalar, qara qymys-qaš šeni ymýraščalar. qara mükünün aq mały, ałbatqy čonu qajy aradañ pažałyp, qajağa tönče čadyp parýanyñ ala qaraqtyn üžü četpēnča. čes anmardyñ ištinde t'jūq tajya-če čes ałyp ōdur-sał-kelip, qara šottu šapča.

qan mergen, qara šottu šapčätqan čes alyptyñ alyna pāstyr-kelip, ajtty: «eze, čes ałyp, čağyn čerdin kižizi, purnap-tayy kelze, sōnañ tōla; rāq čerdin kižizi, sōnañ-dağy kelze, purnap meni tōlabys».

pōnu uqqan čes ałyp tēbin kelip, čōqtapča: «uług abanyñ pažyn ajtsañ! sen kižiden-ne sōnañ kelip, kižiden-ne purnap tōladarğa qajda kōrgenzin! pistin čerde purnap kelgen kiži purnab-oq tōlašča, sōnañ kelgen kiži sōnañ-oq tōlašča. qačan tōlatčan šenin četse, anda tōladarzyn!» tedi.

any uqqan qan mergen ajtty: «adanyñ-oq ačyğy, enenñin-oq qoqqujut kiži tōlačanyñ saqtazam, tyn tem ert-parar, pōzum tōlabyzajyn! tep, ajdyndy. qan mergen at üstüne ōdur-kelip, oñ qolun sūmuza-berip, čes alyptyñ čalkezinen qāb~ałyp, at üstünen aždardy. sary qolū-ba aqsyn čaba tutubūza berip, sary qolū-ba tōylaq pažyn üze purup, aq čazyğa kürebisti.

pōnu kōrgen alyptar syğyryš-kelip, qyryštylar, sybýraš-kelip, erbek-teštiler. «uług obał, uług kej! kōrbes qan pōnu kōrzün, uqpas qan ponu uqsun, qajde čajałyan ałyp keldi! teštiler. čünü pašqa at kirtir, čozayy pašqa er kirtir! ałbanny, po kerektiñ užuna šyğyšpanče, perbeske kerek! qajde qajde po kelgen alyptyñ alyğ küžü artyq polup, qara mükü čerin talap šyq parza, ałbañybysty aya čettir pererbis!» tep, ajdyštylar.

anañ ara qan mergen eniš tōbere endäre pastyrdy. čüs attyn tibirtin sałdy, muñ kižiniñ qyğyzyn qyğyrdy: «qara qul'at pağda-ba? qara mükü emde-be? ałyp polza, adyžyb~alañ, külük polza, kürežib~alañ!» ałtyn šarčyn tōzünde at šynyğy qara qul'at pağlałyp pārtır. ałtyn ezer syrt čazałtır, kümüş čügen paš čazałtır. ałtyn šarčyn tōzün ebare taqtap turča; ałtyn šarčyn pažyn keze kepšep turča. ałtyn örgēñ ištinen pir-dağy ałyp šyqpānča.

ałtyn örgēñ ištinen ałyp pāzyp šyqpānda qan mergen eniš tōbere endäre pastyrdy, ałtyn šarčyn tōzüne četti. at pāžýnañ attybysty. ałtyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perišti, enmeñ kōdürüp, menči surašty.

Это была земля, куда шестьдесят богатырей, дань принося, входили; это была земля, откуда семьдесят богатырей, дань отдав, назад выходили. Заплатившие дань богатыри со смехом выходят. Богатыри, у которых [денег] нехватило, чтобы заплатить дань, со слезами выходят. Из их спины ремень в четыре пальца шириною выдирали.

В этой-то земле потомки богатырей, подобно ласточкам-птицам, шумели, подобно черным муравьям, кишели. Откуда белый скот Кара Мюкю и подданный его народ начинаются и докуда раскинулись — глазом не охватить. Внутри медного амбара медный богатырь, величиною с целую гору, сидит и черные счеты перекидывает.

Кан Мерген, подойдя к медному богатырю, ударяющему по черным счетам, сказал: «Медный богатырь, из близкой земли, хотя и раньше пришедшего человека, (ты) после рассчитывай, из дальней земли, хотя и позже пришедшего человека — меня вперед рассчитай».

Это услышав, медный богатырь топнул о землю ногой и проговорил: «Скажи про голову деда твоего! Ты пришел после всех людей, а хочешь, чтобы тебя вперед всех рассчитали! В нашей земле вперед пришедшего человека вперед и рассчитывают; после пришедшего — позже и рассчитывают! Когда твое время придет, тогда и рассчитают тебя!» — [Медный богатырь] сказал.

То услышав, Кан Мерген сказал: «Отца твоего жалость, матери твоей печаль! Если я стану ждать, пока другие люди рассчитываются, очень много времени пройдет, дай-ка я сам рассчитаюсь», [говоря сам про себя, сказал]. Кан Мерген, сидя на коне, правую руку протянул, медного богатыря за челку схватил и с коня свалил. Одной рукой рот его зажал, другой рукой круглую голову его свернул и в белую степь выбросил.

Это увидев, богатыри, пересвистываясь, друг другу кричали, перешептываясь, между собою переговаривались: «Великое диво, великое чудо! Не видящий хан сам пусть посмотрит! Не слышавший хан пусть услышит! Какой дивно сотворенный богатырь приехал! — промеж себя говорили. Особого вида, необыкновенный конь пришел, особого обычая герой приехал! Пока не увидим, чем это дело кончится — дань не надо платить. Если у этого приезжего богатыря силы больше окажется, если он землю Кара Мюкю разрушит, нашу дань ему доставим и отдадим!» — (так) сговаривались.

Потом Кан Мерген вниз по склону коня своего направил. Поступь лошади подобна топоту ста коней, он кричал криком тысячи богатырей. «Черно-буланный конь, у веревки ли? Кара Мюкю дома ли? Если богатырь — давай-ка друг в друга стрелять, если храбрец — бороться станем!» У золотой коновязи [истинно] лучший из коней — черно-буланный конь привязан. Спина коня украшена золотым седлом, голова украшена серебряной уздой. Вокруг основания золотой коновязи [землю] утаптывая, (он) стоит, верхушку золотой коновязи грызя, стоит. Из золотого дворца ни один богатырь не выходит.

altyn ustaıdyñ tübünde āzyra tuıun tartynıan abaqaj kiži ojuġ ojup, pyžyġ pyžyp odurča. epči kiži ajtty. «eze, aıyp tölü, tek tabraq po altyn örgeden šyq! qajde-qajde qara mükü usqan-keler poıza, sen-dayy čoq, men-dayy čoq poıarym!» qan mergen surady: «sēñ erin qara mükü qajda uzupča?» — epči kiži ajtty: qara mükü tōyus qatpaš tübünde uzupča. usqanıanče šyqpān qalzan, ažyp ölgeniñni pilinmēn qalarzyn!» any uqqan qan mergen ajtty: «eze, qara mükön aıyan kižizi, qara mükü erin sēñ aıyña qān poıza, meñ aıyma qan ebes!» tep.

qan mergen qyryq qātpaš tübüne kire pazyp, anañ körgeñin — qara mükü altyn širke qyrabadyna čāt-kelip, qaryq tartyp uzupča. aıty abaqaj tabanyn čaıyapčaıar, četti abaqaj pažynyn pidin körüp uzutčaıar. qara mükü pozuna kelip tynıanda — po tegri po qara čerge qātynıan šeni pildirča; nandara kelip tynıanda — po qara čer qān tegrige qātyšqan šeni pildirča.

pōnu körgeñ qān mergen taġ šeni tārynča, talaj šeni šišča. qardañ aq šyrajy qazan köjezi keptendi, örtten qyžył šyrajy ölgen pārya keptendi. qoryqpas pozu qoruqča, ürükpes pozu ürükča, ijgi edekti qajra saıdy, ijgi pilegin qoıtuq ala syqsyndy. qan mergen ajtty: «eze, abaqajlar, tek tabaraq kedere turār! qara mükünü, oñ qoıumnu kōdärüp kelip, šabarya ētčam, qajde qajde čaza šabyzar-poızam, slerge tēp-parar». tep ajtty.

qan mergen oñ qoıun šyğara sundu. ajlandyr-kelip, qara mükünün talıbyrapčatqan čüregin körüp tüžürča. ajlandyr kelip šapčatqanda — myndaıy aıty abaqaj aıty čāra čügürüştüler; četti abaqaj četti cāra čügürüştüler. qan mergen qara mükünün čāzy tōžün kōr-kelip, tüžürbüze pergeñin — ala-qannyn tabyžy aq čaryqqa tōyus kōstüġ altyn soıan poıanıanče esteldi. erlik qannañ ertize šabyqty; künü čaryqtan āžyra šabyqty. altyn örgeniñ štinde synmas patpas qara tuban tōıdura tüš-pardy.

qan mergen qara tubanny čāra übürüp körgeñin — qara mükünün čatqan čeri par, parıan čeri čöyül. qara mükü altyn örgēñ čardyq istenezin čāra šabyp čügürüp, aq čazyğa šyq-partyr. et ačyjyna šydap poıbān aq čazyda qara čadyq šeni aınanča. ojda para — qara qan-ma pürgürča, tunmere para — qyžył qan-ma pürgürča. qara mükü ajdynča: «uıuġ obaı, uıuġ kej! meni pede šabarya po künü čaryqtyn ištinde artyq tegen aıyp čajaıyp öskeni par-oq poıyan poıtur-nō! kōrzen! künü čaryq ištinde qara tajya šeni küštüġ aıyp tub-ösken tep, uıulča; uıuġ qujun šeni at čaqšyzy tuıdy tep, uıulča. poıza poıbaza, ady šāby aq čaryqtyn ištine tōıdara šabyqqan qan arıo pečeliġ qan mergen oı-la šarqan poıar!» tep, ajdynča.

pōnu uqqan qan mergen taġ-čelep taryndy, talaj-čelep sišti. — «eze, qara mükü, čeri-čurttaryn talap, aq maldy qoısqap qačyrcañ poıturzun!

Когда из золотого дворца никто не вышел, Кан Мерген вниз по склону спустился, до основания золотой коновязи доехал, с коня спрыгнул и в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, плечо подняв, приветствовал. За золотым столом с заплетенными на-двое косами, женщина, выкраивая, сидит. Женщина сказала: «Богатырь, скорее из этого золотого дворца уходи! Если только проснется Кара Мюкю, то и тебя, и меня не станет!» Кан Мерген спросил: «Твой муж Кара Мюкю где спит?» — Женщина сказала: «Кара Мюкю в глубине сорока комнат спит. Если ты не успеешь выйти, пока он проснется, и не заметишь как погибнешь» [сказала]. То услышав, Кан Мерген сказал: «Жена Кара Мюкю, если твой муж [Кара Мюкю] для тебя хан, то для меня (он) — не хан!»

Потом внутрь сорока комнат войдя, Кан Мерген увидел: Кара Мюкю, лежа на золотой кровати, храпя, спит. Шесть знатных женщин подошвы [ног] ему растирают, семь женщин, в голове вшей ища, (его) усыпляют. Когда Кара Мюкю вдыхает, кажется, будто это небо к черной земле приближается, когда выдыхает, кажется, что [эта] черная земля к [хану] небу поднимается.

Это увидев, Кан Мерген, как гора, рассердился; как море надулся. Лицо его, белее снега, стало подобным копоти казана. Лицо его, краснее пламени, сделалось подобным мертвой печени. До сего времени не страшившийся — устранился, не волновавшийся — взволновался. [Две] полы подогнул, [два] рукава до подмышек засучил. Кан Мерген сказал: «Госпожи, поскорее в сторону станьте! Подняв мою правую руку, Кара Мюкю ударить хочу. Вдруг я мимо ударю, — тогда вас задену!» [говоря сказал].

Кан Мерген правую руку вытянул. Взмахнул, примерился и на трепещущее сердце Кара Мюкю опустил. Когда он [так] взмахнул и ударил, здесь стоящие шесть женщин в шесть сторон разбежались, семь женщин на семь сторон разбежались. Кан Мерген, примерившись, руку на широкую грудь Кара Мюкю опустил — звук ладони раздался по [всему] белому свету, словно выпустили шестиглазую золотую стрелу. По всему царству Эрлика звук этот разнесся; во всем солнечном мире раздался. Внутри золотого дворца непроходимый черный туман [заполняя] спустился.

Когда Кан Мерген черный туман рассеял и взглянул — видит: там, где лежал Кара Мюкю, след есть; куда ушел — следа не осталось. Кара Мюкю половину стены золотого дворца разломал и в белую степь выбежал. Не в силах вынести боли [тела], он в белой степи, подобно черному валежнику, перекачивается. Вверх лицом повернется — черной кровью харкает, вниз лицом повернется — черною кровью харкает. «Есть, оказывается, в этом солнечном мире богатырь возросший, лучше других сотворенный, чтобы меня (так) ударить! Смотри! Слышно, что в этом солнечном мире богатырь, силой равный черной тайге, родился и возрос. Конь быстрый, как вихрь, слышать, родился. Это наверно Кан Мерген, имеющий сестру Кан Арго, чье имя-прозвище прогремело по всему белому свету, меня так ударил!» — [говоря] так сам себе говорит.

arýa çonun syqtadyp, qosqap qačyrçañ polturzun! emdi men, qan mergen, sylalyg̃ ösken synynny üze šabyzajyn! tep ajtty. čugür-paryp, qara mükünü čaya töšteñ čyrb-ala tudup, čazy čerge šörtep pardy. qara mükü üškür-kelip, tyn alyndy, syyyr-kelip, sayyš kirindi. tutunyančoq, qabynyančoq turdu. qan mergen anañ körgeñin — qara mükünüñ üstüne kesken qat qujaýy üstünde čöyüñ, azaqqa kesken sapögü azaýynda čöyüñ; ala mañnyq kebi-be qyby čylaš azaýy-ba qarbašča.

qara mükü ajtty: «eze, ady šaby pō künü čaryqqa toltura čajyñan qan arýo pečelig̃ qan mergen, men qara mükünü ulug̃ ujyuça paza kelip, aryg̃ tynyma čedip sałzan, ady-šabyñ raqqa parbas. alty ajmaqqa asqajya qalarzyn, četti ajmaqqa ujatqa kirerziñ. — parčm alyp qatqyrar, parčm alyp ajdar: qan mergen, aryg̃ küžün albazyn pilinip, qara mükünü ulug̃ ujyu paza kelip, ala mañnyq kebi-be, qyby čylaš azaýy-ba aryg̃ tynyna čet-saldy tep. eze, qan mergen, sen myndaýy čerge ölüp aš-parzan, paza pō künü čaryqta sen, qan mergen, šeni alyp čajalyt ösčeni čoq polar! men, qara mükü, ölüp aš-parzam, myndaýy četton čaryq ištinde men, qara mükü; šeni alyp čajalyt özüp alyp čoq polar! arýa meke-be aryg̃ tynya čedišpēn, aryg̃ küštün artyyy-ba aryg̃ tynya čedižēñ! meni požat, altyn örgeme kirip, altyn ispiške turčūtqan qadyñ qyjaýym qadanyp ałajyn!, qara šojun sapögümñü kezib-alaajyn. anañ šyqsam, aryg̃ küštün artyyy-ba, arýa meke sałyšpān aryg̃ tynya čedižerbis!»

öskeni kör, özü ačyçañ qan mergen poltur, pašqany körüp, pāryy ačyçañ qan mergen poltur. pōnu uqqan qan mergen ajtty: «adam adazoq, qara mükü, senin erbegiñni uýup, šydazyn! enem enezozq senin erbegiñni uýup šydazyn! tek taberaq kirip qadančañ qujaýyn polza, qadanyp šyq! tep, qara mükünü pōžadybasty. qara muku mynañ pōžap, altyn öргеzine kire pās-pardy.

qan mergen anañ körüb-odurza, qara mükü altyn örgeden pās-šyqča. oq ötpes kara šojun qujaq kēs-saldy. qara mükünü azyra aj šalbānča, kezare kün tegbēnča. terek teze, sałazy čöyüñ; tasqyl teze, azyjy čöyüñ. toñ čerdi tōnuq ala pazyp kelča, eriğ čerdi edek ala pazyp kelča. pōnu uqqan qan mergen qoruqpas pōzu qoruqča, ürükpes pōzu ürükča. merspes čüregi mersəlepča, mersil qabyryazy systašča.

qara mükü ajtty: «eze, alyg̃ tūyan qan mergen, öskeden üçün özüñ ačyza, özüñ üzülčēñ šenin četti! pašqadan üçün pāryñ ačyza, pažyn üzülčēñ šenin četti! men — qara mükün — qoluna kir-parýan alyp emnik tajya ezer sałyp, eldin čerin ebirbečēñ. öler kijek qar üstüne čügürer, ölčēñ kiži pōzu keler! ede teščenner. men, qara mükün, aryg̃ küžü albas čerdi

Это услышав, Кан Мерген как гора рассердился, как море надулся. — «Ты, Кара Мюкю, юрты-стойбища разрушая, белый скот угонял! Народ рыдать заставляя, народ угонял! Теперь я, Кан Мерген, твой стройный стан переломлю! — [говоря] сказал Кан Мерген, побежал и, схватив Кара Мюкю за ворот [грудь], в степь потащил. Кара Мюкю, глубоко вздохнув, в себя пришел, засвистав — в сознание пришел. Схватив и держа его, он встал. Когда [потом] Кан Мерген взглянул, панцыря, который поверх одежды Кара Мюкю носит, на нем нет; сапог, которые на ноги обувает, на ногах у него нет: в одной одежде, с голыми ногами сражается Кара Мюкю.

Кара Мюкю сказал: «Имеющий сестру Кан Арго богатырь Кан Мерген, чье имя-прозвище наполнило собою весь солнечный мир! Если ты захватив меня — Кара Мюкю — во время сна, чистую душу мою погубишь, твое имя-прозвище далеко не пойдет! Для насмешек шести аймаков ты останешься, в осуждение семи аймаков войдешь ты! Все богатыри будут смеяться, все богатыри скажут: „Кан Мерген, зная, что у него чистой силы нехватит, Кара Мюкю в великом сне захватил и погубил его, когда он был с совсем голыми ногами и в одной одежде!“» [говоря]. (Потом) Кара Мюкю сказал: «Если ты, Кан Мерген, в здешней земле умрешь-погибнешь, другого тебе подобного, созданного, возросшего богатыря на этом солнечном свете уж не будет! Если я, Кара Мюкю, умру-погибну, такого богатыря, как я, Кара Мюкю [сотворенного-возросшего], внутри здешних миров уже больше не будет! Обманом-хитростью давай не будем друг друга души губить. Избытком чистой силы друг друга души мы губить станем! Меня отпусти, Кан Мерген! Войдя в золотой мой дворец, многослойную кольчугу мою, что на золотой вешалке, надену, черные чугунные сапоги обуяю я! После, когда выйду, будем губить чистые души, меряясь силами, не применяя хитрости-обмана!»

Кан Мерген другим всегда сочувствовал, чужого человека увидев, всегда жалел. Это услышав, Кан Мерген сказал: «Стец отца моего, Кара Мюкю, твой разговор слыша, пусть выдержит! Мать матери моей, твой разговор слыша, пусть вытерпит! Скорее войдя (в твой дворец), кольчугу, которую ты носишь, надень и выходи!» — (так) говоря, (он) Кара Мюкю выпустил. Кара Мюкю [от этого] освободившись, в золотой дворец вошел.

Кан Мерген [потом] глядит и видит — Кара Мюкю из золотого дворца выходит. Он надел кольчугу из черного чугуна, сквозь которую пуля не пройдет. Через Кара Мюкю солнце не светит, лучи месяца не проникают. Если сказать, что тополь — ветвей нет, если сказать, что гора — перевала нет. Мерзлую землю по колено проминая, оттаявшую до пол протаптывая, он идет. Это увидев, Кан Мерген, до сего времени не боявшийся — устрашается, не волновавшийся — волнуется. Не содрогающееся сердце его содрогается; к боли не чувствительные ребра — боль испытывают.

Кара Мюкю сказал: «Глупым родившийся Кан Мерген! Когда из-за других (ты) горюешь — вот наступила пора твоей груди, нутру твоему

qajda kördün? sen alyg tūyan qan mergen, čaqşy-ba kelgen połzan, müsten nynnaq ijgi nančy połar edibis; čabal-ba kelgeninde — aryg tynça čedižip, aq małdy qačyr-körejini! tep, qan mökü qadyjynan qarbažyp pardy. pōnu uqqan qan mergen ajtty: «toqta, toqta, qara mükü, ajnečekten, alty čolap, alban alyp, künü čaryqtan, toçus čolap, alban alyp, naj tyn paqtanyp party-rzyn! qan mergennin qoluna kirip paryaŋda syqtar kün połbazyn!» tep, qan mergen qadyjynan-oq tuduš-pardy.

płar ijgöle qadyjynan qarbažybyza pergennerin — qara mükünün orta małyn, orta čonun toza tepsep qarbažyp pardylar. qazyra püge pazyš qannarda qara qanə-ma quzuščalar. qarbaža-qarbaža, aj ertkenin pilbes połdu, čył ertkenin pilbes połdu. čatsa, turza, teŋ poluščalar. čabał adaj-če qabyščalyr; qazyr kijik-če orlaščalar. artyq połza šabyšpānčalar, artyq połza, tebišpēnčalar.

anče-mēnče tem ertišken sōnda, aq čazynyn tūbünde qaraqqa šyšsa tynmas qara tubannyn arāzy čerde ulug ayaš užup ertča, ulug alyp östep ašča. ačaryp kelip aj ölgenče, kögerip kelip kün ölgenče pildirča. qara qaja toza synrap ertišti. po čerdin nyršəlayyna aq tasqyl teskere aŋdaryldy, aq tałaj teskere šajbyldy.

qara tuban arazənan qan mergen pāzyp šyqty. ojmaq čerge süstüge alyp, qyzyl qan-ma pürgürdü, qyraŋ čerge tūnmere tūžup, qara qan-ma pürgürdü. mynda čyłyan qalyq čon pōnu körüp, qoruqpas postary qōru-juščalar,, ürükpes postary ürügüščalar. mynda čyłyan qalyq čon, qara čyš šeni turup, pir ün-me qyjyryštylar: «eze, qan arčo pečeliğ qan mergen połturzun! qara mükünün aryg tynça čet-sačyanda albanybysty sen čeriŋe čettir-pererbis!» pōnu uqqan qan mergen ajtty: «eze myndačy čyłyan qalyq čon, uyar qulaqtan ala toza uyar, körer qaraqtan ala toza körär! pistin tolde ada čašqa alban alyan kiži čoq. alynda qajde qan połup čatqanzär, edoq postarynnyn čerleriŋe paryp, qan połup čadär!» tep, qyjyrdy qan mergen. pōnu uqqan alyp tölleri pir ün-me qyjy töktüler. «čäžyn uzaq połzun, čajānyn möžük połzun! attyg šaptyg qan mergen!»

any uqqan qan mergen qyjyrdy: «myndačy čyłyan alyptyn qajylarynnyn małlaryn qara mükü qačyryp kelgen, postarynnyn małlarynny nāndəra qačyryp parär! pir mał artyq albałar, pir čon četpes albałar!» any uqqanda alyp tölleri postarynnyn małlaryn pölüp köñürüp qoşqap postarynnyn čerlerine qačyryp nandyłar.

надорваться; если чужим сочувствуешь — наступила пора, когда твоя голова отсечется! В мои, Кара Мюкю, руки попавший богатырь, на необузданного жеребца седла не кладет, больше вокруг чужой земли не ездит. Дикая коза, которая должна умереть, [сама] по снегу прибежит; человек, который должен умереть, сам придет, — так говорят. Где ты видел, чтобы у меня, Кара Мюкю, [чистой] силы нехватило! Ты глупым рожденный Кан Мерген! Если бы ты по-хорошему пришел, двумя друзьями, подобными паре рогов, мы бы стали. Когда ты по-худому пришел, твою чистую душу погубя, твой белый скот я угоню!» — (так) говоря, Кара Мюкю жестоко сражаться стал. [То слышавший] Кан Мерген (ему) отвечал: «Погоди-погоди, Кара Мюкю, от айна шесть раз дань берущий, от солнечного мира девять раз дань берущий, ты уж очень расхвастался! Ты в руки Кан Мергена попал — как бы не настал день, когда ты рыдать станешь!» Кан Мерген тоже жестоко бороться стал.

Они ожесточеннее сражаться стали — половину скота и половину народа Кара Мюкю затоптали. Сражались-сражались — не замечали, как месяца проходили; не замечали, как годы проходили. Встанут ли, сядут ли, одной силы оказываются. Как злые собаки друг друга схватывают, как быстрые козули кричат. Бьют и топчут друг друга одинаково — ни на чьей стороне перевеса нет.

Много ли, мало ли времени прошло, в глубине чистой степи, среди непроглядного черного тумана — великое дерево падает, застонав, богатырь погибает. Кажется, будто побледнев, месяц умирает, посинев, солнце умирает. Черная скала, зазвенев, рухнула. От шума этой земли белые хребты опрокинулись, белое море в обратную сторону хлынуло.

Из черного тумана Кан Мерген вышел, в рытвинах спотыкаясь, красной кровью фыркал, на ухабах вниз лицом падая, черной кровью фыркал. Это увидев, народ, здесь собравшийся, не боявшийся — устрашается, не волновавшийся — волнуется. Здесь собравшийся народ, стоя, словно черная тайга, в один голос закричал: «Имеющий старшую сестру Кан Арго, Кан Мерген ты будешь! Теперь, когда ты чистую душу Кара Мюкю погубил, наш албан-дань в твою землю мы доставим!» Это услышав, Кан Мерген ответил: «Так, здесь собравшийся народ! Сколько могут слушать уши — слушайте; сколько могут смотреть глаза — смотрите! В нашем поколении (töl'e) вовек дани не брали. Как прежде ханами будучи (вы) жили, так и теперь в ваши земли отправившись, царствуйте!» — [говоря] (так) кричал Кан Мерген. Это услышав, потомки богатырей в один голос крик испустили: «Жизнь твоя долгой пусть будет! Дела твои славными пусть будут, знаменитый Кан Мерген!»

То услышавши, Кан Мерген (снова) закричал: «У кого из здесь собравшихся людей Кара Мюкю скот угнал, те свой [собственный] скот обратно гоните. Ни одного лишнего животного не берите, ни одним человеком меньше не берите!» Это услышав, потомки богатырей свой скот отделили и в свои земли его обратно погнали.

qan mergen áltyn šarčyn tōzūne pazyp kelip, qara mükünün qara quľ'adyn qusuruqtañ qāb-áľyp, áltyn šarčyn-nārā šabysty. qazyľ edin aq čazyğa šyğara taštady. qara terezin šarčynğa arta saľdy. qan mergen áltyn örgege kire pazyp, qara mükün aľyan kižizin ažyra tuľuñnañ qāb-áľyp, áltyn örgeden sörtep šyğyp, áltyn šarčynğa aš pēlineñ üze šabysty.

qan mergen qara mükünün taš očoğun taľapča, taľaj küľin šašča. üren čurtun uzutča, kičig čurtun kištetča. qara mükünün aq maľyn, aľbatqy cōnun kōñurüp qōsqap, pōzēnuñ čerine qačyryp āparča. qan mergen maľ-ba cōnnuñ sōna kirip, qačeryp pārča. uluğ qajyn qajlapča, uluğ sarynyn sarnap parča. aľynañ paryan maľ ot ottap parča, sōnañ paryan maľğa ottarğa ot četpēn, qazyľ tōbüraq čaľyp parčalar. aq taľajdy qačyryp keš-kende aľynañ paryan maľ suğ ižip kešča, sōnañ paryan maľğa ižerge suğ četpēn, qumaq čaľyp keščalar. maľdyñ qaryzy čolğa ürep parča; cōnnuñ qarýzy čolğa ürep parča. qan mergen qačyryp, para-para kelgende: arğ aľyğ synğa šyğara qačyrča, sylayajlyğ peline tüzüre qačyrča.

qan mergen uluğ synnañ kōrüp tañnap turğanyñ — qaľyq cōn qara tajğa šeni čat-partyr, aq maľ ala saj šeni tur-partyr.

aľyndā tušta kelgende qan arğo pečezi áltyn šarčyn tōzūne turup qadarčañ, am kōrgeni — áltyn šarčyn tōzünde pildirbēnča.

pōnu kōrgen qan mergen sanapča: «uluğ obaľ, uluğ kej! qan arğo pečem maľa üdēre qajde šyqpady!» tep. qan mergen maľ turbas čerge maľ turğustu, cōn čatpān čerine cōn čattyrdy. myndağy čerde aq maľğa ottarğa ot cetpēn pōla-berdi, aľbatqy cōnğa čadarğa čer četpēn pōla-berdi. qan mergen kōrgenin — aq maľ-ba aľbatqy cōnu qajy aradañ pažalyp, qajağa tōñče čat-parğanyñ ala qaraqtyn užu četpes kün pōlča. pōnu kōrgen qan mergen qoruppas pōzu qorugča, ürükpes pōzu ürükča.

ēniš tōbēre endēre pastyrdy. áltyn šarčyn tōzūne četti. adyn pōš taštap, áltyn örge kire pāzyp, ezik ažyp ezen perišti, eñmen kōdērup, menči perišti. áltyn örgēñ ištinde pōzü-ba pır-dā kiži ezenešpedi. quruğ tōrt tōluq áltyn örge-le turča. qan arğo pečezēniñ ođurğanyñ čeri par, parğanyñ čeri čöyul. qan mergen qyryq qātpaš áltyn örgeziniñ ištīn tōza čōrbüstü. parčēn nebe čatqan čatqan-ma, turğanyñ turğany-ba turča. četton kōzneñk pōžada čabylyğ, aľton ežigi parčāzy čabylyğ. pır-dağy kiži kirip šyğyp čōrgen čeri čöyul. qan mergen qoruppas pōzü qorugča, ürükpes pōzu ürükča. «uluğ obaľ, uluğ kej! menēñ qoruppān qan arğo pečemni qajdig nebe aľparğanyñ».

qan mergen áltyn örgeden šyğa pasty. qan čegēren adyna mūnm'aľyp, uluğ čurttu üš ebēre paštyrdy, aq maľdy aľty ebēre pastyrdy. šaqpo čerge tulbar tyjğaqtyğ at kirgen čolu čöyul; tulğy mīstīg er kirgen čolu čöyul.

Кан Мерген, к основанию золотой коновязи подойдя, черного коня Кара Мюкю за хвост схватил и о золотой столб ударил. Красное мясо в белую степь выбросил. Черную шкуру на золотую коновязь, перекинув, развесил. Кан Мерген в золотой дворец вошел, жену Кара Мюкю за [две] раздвоенные косы схватил, из золотого дворца вытащил и о золотую коновязь разбил [рассекая по пояснице].

Кан Мерген каменный очаг Кара Мюкю разламывает, море-золу разбрасывает. Жилое стойбище усыпив, малое стойбище ржать заставляет. Кан Мерген белый скот и подданный народ Кара Мюкю, с места подняв, в свою землю угоняет. Кан Мерген за скотом и народом сзади следует, гонит. Великий кай наигрывает, великую песню поет. Впереди идущий скот траву ест; сзади идущий скот, которому нехватает травы, чтобы пастись, красную почву лижет. Когда через белое море перегоняет, впереди идущий скот воду пьет, сзади идущему скоту воды нехватает, — песок облизывая, он переходит. Старый скот по дороге уменьшается, из народа в пути старые в числе уменьшаются. Когда Кан Мерген так шел, насвистывая и гоня скот, — он его то на горный хребет [поднимая] загонял, то на гладкую седловину, спуская, сгонял.

Кан Мерген стоял и глядел с великого хребта, удивляясь — народ стоит, как черная тайга, скот лежит, как пестрая галька.

В прежнее время, — когда он возвращался, — Кан Арго, сестра его, всегда, стоя у золотой коновязи, его ждала, теперь же, когда он пришел, — у основания золотой коновязи ее не видно.

[Это увидевший] Кан Мерген подумал: «Великое чудо, великое удивление! Кан Арго, сестра моя, мне навстречу почему не выходит!» [говоря]. Кан Мерген на землю, где не стоял скот, скот поставил; на землю, где не жил народ, народ поселил. Чтобы пастись скоту, в этой земле травь не стало хватать; подданному народу, чтобы жить, места не стало хватать. Наступил такой день, когда Кан Мерген взглянул и [пестрым] глазом не охватил: — откуда белый скот и подданный народ начинаются и до какого предела расселяются. Это увидев, Кан Мерген, не утравившийся — (ныне) утравивается, не волновавшийся (прежде — теперь) волнуется.

Вниз по склону он спустился, до золотой коновязи доехал. Коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; руку подняв, приветствовал. Внутри золотого дворца с ним никто не здоровается. Четырехугольный золотой дворец пуст стоит. Там, где сидела сестра Кан Арго, следы есть; куда отправилась — следов нет. Кан Мерген сорок комнат внутри золотого дворца все обошел. Все вещи, как лежали, так и лежат, как стояли, так и стоят. Семьдесят окошек все открыты, шестьдесят дверей все открыты. Не видно следов, где бы хоть один человек входил и выходил. Кан Мерген сам (до сих пор) небоавшийся — (теперь) боится, сам не волновавшийся — волнуется. «Великое чудо, великое удивление! Какое существо мою сестру Кан Арго украло, меня не боясь?»

parčın čonu čatqan čatqany-ba, parčın maly turyan turany-ba. qan-mergen tarynmas pōzu tarynča, taḡ šeni šišti. «men qan mergennen tōban, menen qōruqpān, qan arḡo pečemni ōrlap paryan alyp meni šabyžymny kōrbēn połtur! qačan tušta tāb-ałzam, oł alypty meñ qōłuma kir-parza, ūš pūrēlup, ūš ajlanarḡa čettirbēn, syłałyp ōsken synyn tōḡus čerden sy-šabarym!» tep, ajdynča «eze, qan čegren adym, šaqpo pistiñ čurttañ ałtap kelip paryby sabys, qan arḡo pečemni tappanče, paza po čerge ajlanyp kirbespis. sēñ qyzył čegren attyñ tōrt tujḡaḡyñ šurunyanče, čōrerim! qān arḡo pečemni tappazam, men qan mergenniñ ijgi ōštū qara čerge čadyp čyzysyn!» tep, ajdyndy.

qan mergen mał qadarčan mātyr tazyn ałyna qyrb-ałyp, ajtča: «eze, mał qadarčan mātyr tazym, men qan mergen qan arḡo pečemni tōlep pārčam. qān arḡo pečemni tappanče, po čerge pāza ajlanyp kelbessim! men kelgenče, qān ornuna qan połup, sen čat!» tep ajt-sałdy. qan mergen qamčy šappas qazył čegären adyna, qanyḡyp kelip, qamčy šapty. qazył čegären attyñ pasqan azaḡy pār połdu, paryan čeri čoq połdu.

qan mergenniñ ēzi kōnnū erte tüštür. ułuḡ šaḡyžy šyḡa tüštür. paza pilinip sałza, adyn tärt połbān ijgi qōlu tōza kōžegip, qoł qaryzyna sałyp, tartyp pārča. qan čegären ady čügürüp pārča teze, tujḡaq soqsuju pildirbēnča; učuḡup pārča teze, qurḡun soqsuju pildirbēnča. kižen šeni šōjūłča, čibek šeni tartyłča. čałbajyp kelip čügürgende — čajym qajany āžera attypča; kerbej-kelip čügürgende — kezek tajḡany āžyra attyp čügürüp pārča. qan mergen čōre-čōre kelgende — tüžep kelip, tüš četpes, sanap kelip, saḡyš četpes-čeri-be pārča. čūneri pašqa taḡlar ašča, čozayy pašqa suḡlar kešča, šōdun pilbes taḡ ašča, sānyn pilbes suḡ kešča. mōzük taḡdy čabys edip, tereñ suḡdu tajys edip, ałton taḡdy āžyra pārča, četton suḡdu kežere pārča. qan čegären at aq pułuttuñ ałdy-była čügür-pārča, kōk pułuttuñ üstü-bēle čōrēp pārča. ada čurtu saḡyštañ šyqča, arḡan pašqa čerine ajlanyšča, ene čurtu ēsten šyqča, eli pašqa čerine ajlanyšča. adazənyñ ałtyn ōrgezi no pułun čerde tur-qalḡanyñ arḡy saḡyštañ uñduttu.

čozayy pašqa čon arłapča, čoruyy pašqa mał arłapča; qan arḡo pecezinñ qajdiḡ čerge paryanyn tigi kiz'den suraza, pilbenča, po kiziden suraza, pilbenča. čōre-čōre kelgende — at pōzu qan čegären at arynar šenge čedišča, er pōzu qan mergen eriner šenge čedišča. qan mergen qunanmas pōzu qunān- sałb-odur, qaryłbas pōzu qarył-sałb-odur. «qajranda mēñ qan arḡo pečem, qajdiḡ-ıe čerge pardy-nē! tiriḡ teze, pōzu čoq, ōlgen teze, sōḡü čoq. pečemni qajdiḡ čerden tapčan połḡam tep, ačyḡy kelbes pōzu āčyḡy kelča; ajranyna suḡ qožułča. qan mergen ajdynča: «qān arḡo pečem pō künū

Кан Мерген из золотого дворца вышел, на кроваво-рыжего коня сел, великое стойбище три раза объехал; вокруг белого скота шесть раз объехал. В этой земле от прошедшего коня с широкими копытами — следа нет, от вошедшего богатыря с круглыми мозгами — следа нет. Весь скот и народ, как лежал, так и лежит, как стоял, так и стоит.

Кан Мерген, (дотоле) не гневавшийся, (ныне) разгневался; как гора надулся. «Со мною, Кан Мергеном, не считаясь, меня не боясь, мою сестру Кан Арго увезший богатырь мою силу-битву должно быть не видел! Как только найду того богатыря, в мои руки если он попадет, трижды скручивая, не дав трижды повернуться, стройный стан (его) в девяти местах переломлю я!» — [говоря] сам себе говорит Кан Мерген. «Мой кроваво-рыжий конь, сейчас из нашей земли, перешагнув (порог, мы) отправимся, — пока не найдем сестру мою, снова в эту землю не войдем. Я буду ездить до тех пор, пока не отпадут твои, красно-рыжего коня, четыре копыта. Если не найду Кан Арго сестру мою, у меня, Кан Мергена, обе лопатки [плечи], лежа на черной земле, пускай сгниют!» — [говоря сам себе] сказал.

Кан Мерген стерегущего скот Матыр Таса к себе позвал и сказал: «Мой пастух Матыр Тас, я, Кан Мерген, мою сестру Кан Арго искать еду! Пока не найду мою сестру Кан Арго, в эту землю назад не приеду. Пока я не вернусь, вместо хана, ханом ты будь!» [говоря, сказал]. Кан Мерген кроваво-рыжего коня, которого нельзя ударить, рассердясь, плетью ударил. Там, где ступал кроваво-рыжий конь, след есть, куда отправился — следа не осталось.

(Кан Мерген сознания лишился), [хозяин] сердце Кан Мергена зашло, великий разум его оставил. Когда он опомнился, — коня остановить не мог, [две] руки его онемели; натягивая (поводья), он едет, руки напрягая. Если сказать, что красно-рыжий конь бежит, стука копыт не слышно, если сказать, что летит, шума крыльев не слышно. Подобно путам растягивается, подобно шелку расстилается. Когда красно-рыжий конь, распластавшись, бежит, через пологую скалу перепрыгивает, вытянувшись — ставшись, бежит, через глыбу-тайгу перескакивает. Кан Мерген [когда] ехал — ехал, — по земле, до которой даже мечта в сновидении не доходит, в раздумье мысль не доходит, едет. Иного вида горы переваливает, чужие, незнакомые реки переезжает; бессчетные горы переваливает, через бессчетные реки переправляется. Высокие горы низкими делая, глубокие реки мелкими делая, через шестьдесят гор переваливает, через семьдесят рек переходит. По низу белого облака красно-рыжий конь бежит, по верху синего облака идет. Отцовское стойбище из разума выходит, в чужую совсем землю поворачивает; материнское стойбище из памяти выходит, в земли чужого народа поворачивает. В какой отдаленной земле золотой дворец его отца стоять остался — забыл совсем.

Промеж народа, имеющего особые обычаи, он едет, промеж скота, имеющего иную поступь, он едет. Сестра его Кан Арго в какую землю поехала, у одного человека если спросит, — не знает, у другого человека если

čaryqta čoq ošqaš. połza połbaza, ałtynŷyzy čer ałtynda-la połar!» tep, čer tündügü čerine qāčyrdy.

qan mergen četti tāmnyñ čer ałtyna tüšča. qara tałaj qaštap parča. qara tajŷa tōstep parča. pütken aŷaŷy qara tołan pütken čer-be parča. pütken odu qyjaq pütken čer-be parča. qāzyr sałŷyn qaŷyšty, qāzyr qujun ojnašty. čatqan aŷaš čada syndy, turŷan aŷaš tura syndy. qan mergenniñ qyryjy-ba tōŷus kōstüg syrlyg oq šeni sŷlap kelip, kara pōs at čygŷrŷp šyŷa perdi. pōny kōrgen qan mergen ōñ qołun sūnmustu. aq pōs attyn tiskininen qāb-ałyp, pura tartyb-ałyp, ałyna sōrteb-ałdy.

qara-pōs attyn üstüne čazy parŷan čarynyg, t'jūq tajŷa-če enmennig ałyp kēži mūn-sałtyr. ałyp ajtty: «uług obał, uług kej, meni nōŷa pura tarttyñ?» tep sōjlendi. qan mergen ajtty: «ałtyña mūngen adyn atqan oqtañ tābēraq, ajtqan erbekten qapčēŷaj qara pōs at połtur! pōzun alyptan artyq ałyp połturzun! ady šolañ qajzy połčan? qajdig čerge parčarzyn?» ałyp tōlū ajtty: «at šolany adažarŷa, ada tōldū suražarŷa qačan tyšta tem połar! tek tābēraq meni požat, tutqar etpe, pārcētqan čerim čer kerimi čer! tep, ajtty. qan mergen ajtty: «ałyp suraŷanda — ady šolañny ajtpas, parčātqan čerinni pildirbes, qajdig ałyp połŷanzyn!»

ałyp tōlū ajtty: «šŷnap andig połŷanda manžŷrazam-dāŷy, ajdoq pere-jin! čeri čurtu čoq ara-pere čōrcētqan qara pōs attyg qan tōs mergen połarym. men tojdan tojŷa-la čōrcētqan alyppym! mynan āra qurŷunuŷ-dā quš ŷš uja sałyp, pała ŷāzyp; pałaryn ōstūrŷp čēt połbančātqan čerdiñ oł canyn čeringe parčam. āzyra tujŷaqtyg an čaqšy peš pała tōrep, pałaryn ōstūrŷp qoğdurŷp čēt połbančātqan čerine men parčam. ałyp šadaj čerine uług tojŷa parčam. ałyp šadajdyn qyzənyñ uług tojuna parčam. tek tabēraq meni požat! ady šolañny ajdyp perdim, parčātqan čerimni ajdyp perdim. tek tabēraq meni požat!» tep aitty. — qan mergen ajtty: «qan tōs mergen połŷanda mēñ ady šolañny unnapčan-ma?» — qan tōs mergen ajtty: «uług obał, uług kej! sen qan arŷo pečeliŷ, qān mergenni tānybas ałyp par-oq połŷan-ma! tōŷus qattyg qara mūkūnūñ aryg tynŷa čēt- sałŷanda — señ ady šabyñ aq čaryqty ałty ajlandyra šabyqqan; čerdiñ ałtyn četti ajlandəra šabyqqan, qajy!» tedir. qan mergen ajtty: «šŷnap andig połŷanda qan arŷo pečem qajdig čerge parŷanyn pilgen uqqañda par-ba, qan tōs mergen?» qan

спросит, — не знает. Пока так ехал, [сам] красно-рыжий конь уставать стал; сам богатырь Кан Мерген скучать стал. До сего не тосковавший (теперь) [сам] тоскует, не горевавший [сам] (ныне) горюет. «Любимая моя сестра Кан Арго, в какую же землю ты уехала! Если сказать, что жива, — самой нет, если сказать, что мертвая, — костей нет! В какой земле я могу найти мою сестру!» — так говоря, не огорчавшийся ранее теперь огорчается («в айран вода прибавляется»). Кан Мерген сам себе говорит: «Похоже, что нет моей сестры Кан Арго на этом солнечном свете! Только под землею она находится может!» — (так) говоря, в землю, что в тундюке земли, (коня) погнал.

Кан Мерген вниз, под семь слоев земли спускается. Берегом черного моря едет. По подножью черной тайги едет. Едет землею, на которой растет черный пиновник, едет по земле, на которой растет осока. Сильный ветер подул, сильный вихрь забушевал. Лежавшее дерево лежа сломалось, стоявшее дерево стоя сломалось. Мимо Кан Мергена, зазвенев, как девятиглазая окрашенная стрела, черно-серый конь пробежал. Его увидев, Кан Мерген правую руку протянул; черно-серого коня за повод поймал и, поворачивая, к себе притянул.

На черно-сером коне богатырь с лопатками, широкими как степь, с плечами, как сплошная тайга, ехал. Богатырь сказал: «Великое удивление, великое чудо! Зачем ты меня поворотил!» [говоря]. Кан Мерген сказал: «Под тобою идущий конь быстрее выстреленной пули, скорее сказанного слова, черно-серый конь! Ты сам из богатырей сильнейший богатырь! Имя-прозвище твое как будет? В какую землю ты едешь?» Потомок богатырей отвечал: «Будет время, когда мы скажем друг другу имя-прозвище, когда мы спросим друг у друга отцовское прозвище (тōль отца)! Теперь же скорее меня отпусти, не задерживай — мой путь очень дальний!» [говоря, сказал богатырь]. Кан Мерген сказал: «Какой же ты богатырь будешь, если, когда тебя богатырь спрашивает, имя-прозвище свое ты не говоришь, о пути, по которому едешь, не даешь знать!»

Потомок богатырей сказал: «Если на самом деле так, хоть я и тороплюсь, все же скажу тебе: Я — Кан Тос Мерген с черно-серым конем, что бродит по свету, не имея своего стойбища-земли. Я богатырь лишь с пира на пир едущий. Отсюда я еду в землю, до которой имеющие крылья птицы, если они, трижды гнезда свив, птенцов выведут и птенцов вырастят, не могут достигнуть. В землю, до которой имеющие раздвоенные копыта звери, пять (раз) детенышей родя, детенышей вырастив, и то их за собою довести не могут, — я еду. На великий пир в землю богатыря Шадая я отправляюсь. На великую свадьбу дочери богатыря Шадая я еду. Скорее меня освободи! Имя-прозвище мое я тебе сказал, землю, в которую еду, назвал. Скорее меня отпусти!» [говоря, сказал]. Кан Мерген спросил: «Если ты Кан Тос Мерген будешь, мое имя-прозвище знаешь ли ты?»

Кан Тос Мерген отвечал: «Великое чудо, великое удивление! Тебя, Кан Мергена, имеющего сестру Кан Арго, разве незнающий богатырь

tös mergen ajtty: «sēn qan aryo pečennin paryan čerin unnabas alyp poľar-oq-pa!»

qan mergen ajtty: «pilgen uqqan par poľza, qan aryo pečemnin paryan čerin ajda per, qan tös mergen!» qan tös mergen ajtty: «ajdaryn ajda per edim, manžerağlyğ kerekke parčam, tek taberaq meni požat!» qan mergen ajtty: «qan aryo pečemnin paryan čerin tappan po künü čaryqty toza ebərip, čer alytna tüščam. ajtpaň-če-le, qan tös mergen, ada čašqa požatpassym» tep ajtty.

any uqqan qan tös mergen ajtty: «adynyn ačygy, enennin qoqquju! parčatqan čolumnu tutqar etčan, qan mergen! šynap andıg poľyanda ajdoq perejin! qan aryo pečen mynaň ara po čerdin pir puľju čerge čatqan ölbes pātpas čajalyň, synmas patpas küštüg uľuğ kičig qan qaranyň čerinde inge közüneň kün körča, it ajaynaň aš išča. ojda čädyp öl čatsa, tündere tartčan kiži čoq, tündere čädyp öl čatsa, ojda tarta perčen kiži čoq. uľuğ kičig qan qaranyň qoľuna kərip ölüp ašča. men parčen čer čer rāyy čer! tek taberaq meni pōžat, qan mergen!» any uqqan qan mergen ačygy kelbes pōzu ačygy kelča, ajranyna suğ qožulča. «qajranda mēň qan aryo pečem körer qajary čoq anda öl-čattyr-no!» tep.

qan mergen qan tös mergenni požadysqanyn — aq pōs attyn pasqan azaq par poľdu, paryan čeri čoq poľdu. qan mergen aj-sōba künü čaryqqa qam-čyľap šyqty. qan tös mergen qajdig puľuň pārbysqanyn aľa qaraq-pa körüp tappān qaľdy. pōnu körgen qan mergen qōruqpas pōzu qoruqča, ürükpes pōzu ürükča. at-tā čajalyza, qara pōs at tōrep össün! er-dā čajalyza, qan tös mergen tep adatsyn!»

qan mergen qan aryo pečezinin čoľun čoľap, izin istep para-para kelgenin — ol pararyza uzaq poľdu, men ajdaryza čayyn poľdu. mynaň ara sāsqaň qanattyğ quš užup čespes šaryğ šöldün tübünde, qusqun qanattyğ quš užup četpes quba šöldün tübünde četti at čügürüp ertčätqanyn körüp tapy. četti attyn üstüne četti alyp mün-saľtyr. četti alyp uľuğ čoqtaryn čoqtažyp parčalar. qarsyľada kelip qatqyryannarda: qara taš čaryľyanče pildirča; kürsülede keľ küľüşkennerde: küčün taš nebirilgenče pildirča. četti alyp erbektežip parčalar. «pōnu körzen! teščalar, qan aryo pečeliğ qan mergen qan aryo pečezin sürüzüp parča. qan aryo pečezenin küžü aľbān čerge künü

есть! Когда ты погубил чистую душу Кара Мюкю, твое имя-прозвище шесть раз вокруг белого света пронеслось! Семь раз вокруг подземного мира разнеслось-прославилось!» [сказал]. Кан Мерген сказал: «Если на самом деле так было — в какую землю моя сестра Кан Арго уехала, не слышал ли, не знаешь ли ты, Кан Тос Мерген?» Кан Тос Мерген сказал: «Разве есть такой богатырь, который бы не знал, в какую землю твоя сестра Кан Арго отправилась?»

Кан Мерген сказал: «Если слышал, если знаешь, скажи, в какую землю уехала Кан Арго моя сестра?» Кан Тос Мерген сказал: «Рассказать бы я рассказал, да еду по спешному делу, скорее меня отпусти». Кан Мерген сказал: «Не находя земли, куда отправилась моя сестра Кан Арго, этот солнечный свет весь кругом я объехал (и теперь) под землю спускаюсь. Пока не скажешь, Кан Тос Мерген, во всю жизнь не отпущу (тебя)!» [говоря, сказал].

Это услышав, Кан Тос Мерген отвечал: «Отца твоего жалость, матери твоей печаль! Ты задерживаешь меня на моем пути, Кан Мерген! Если так, то, пожалуй, расскажу я! Твоя сестра Кан Арго, пребывая в стране живущих в углу этой земли обоих Кан Кара, большого и малого, имеющих непомерную силу, сотворенных неумирающими, непогибающими, видит солнце лишь сквозь отверстие иглы, из собачьей чашки пьет. Если лежа на спине, умирать станет, никого нет, кто бы вниз лицом ее повернул. Если вниз лицом лежа, умирать станет, нет человека, который повернул бы вверх лицом. Попав в руки Кан Кара, она умрет, погибнет. Мой путь — далекий путь, скорее меня отпусти, Кан Мерген!» То услышав, Кан Мерген не горевавший, теперь горюет, сильная злоба его охватила. «Любимая сестра моя Кан Арго, за которую некому заступиться, [там] вот ведь как умирает!» — сказал.

Кан Мерген Кан Тос Мергена выпустил. Где ступал черно-серый конь — следы остались, куда отправился — следов не было. Кан Мерген, стегая плетью коня, следом за ним на солнечную землю выехал: глазом не мог найти, куда Кан Тос уехал. Это увидев, Кан Мерген, не боявшийся — боится, не волновавшийся — волнуется. «Если уже коню сотвориться, так уж пускай родится и вырастет черно-серый конь! Если герою сотвориться, то пускай будет именоваться Кан Тос Мерген!»

Кан Мерген ехал по пути старшей сестры своей Кан Арго и искал ее следы. Ему ехать долго было, мне рассказывать близко было. Вдруг он увидел, что в глубине желтой пустыни, до которой не может долететь птица с крыльями сороки, в глубине бледной степи, до которой не долетит птица с крыльями ворона, пробегают семь коней. Верхом на семи конях семь богатырей едут. Семь богатырей, [великие разговоры] разговаривая, едут. Когда они громко, раскатисто хохотали, — казалось, что черный камень раскалывается; когда они, улыбаясь, тихо смеялись, — казалось, что богатырский камень распадается. Семь богатырей, промеж себя разговаривая, едут. «Посмотри на него! [говорят между собою] (То) едет имеющий

caryqtyn saryg̃ sēgi qan mergennin küzü alçaq-pedi! ulug̃ kičig̃ qan qaranyn čeri erbekterge egeništig̃, ajdarya qoryuštug̃ čer połčan! qan mergen pōzūn čerine qan pōsa, ulug̃ kičig̃ qan qaranyn čerinde qan ebes! tep, ajdyšcalar. qan mergen körgecin: četti alyp anan āra pasqan azaq par połdu, paryan čerleri čoq połdu.

qan mergen ary. alyg̃ synya šyqty, sylajlyg̃ pelge tüstü. ulug̃ synnan anan körüp tañnap turynyn — tük pilišpes mał čatqan čerge čettir, šodun pilbes čon čatqan čerge čettir. ulug̃ synnyn quzam čanynda kün körünmes qara tuban tartylp pārtyr, aj körünmes aq tuban tartylp pārtyr. qara tuban arāzynda ijgi tajyan pāzy qayyšča teze, ijgi alyp qarbaščattyr. pır čanynda qan aryo pečezi qarbašša, pır čanynda aryan pašqa alyby qarbašča. aq čazynyn tūbünde terek teze sałazy čoq, tajya teze, azyjy čoq, andig̃ alyp kižini qan mergen kōr-tapty.

aq čazyda ođurčutqan alyp tura pazyp, qan mergennin ālyna čügürüp keldi. at paženan andara tartyp pārbysty. pıar ygəle qarbažybžza-bergecin — qadyg̃ ayaš qaqšalyš-qaldy, qara čer silgiliš-qaldy, ujałyg̃ quš ujazynan časty, turug̃luğ̃ kiik turuynan časty. pālyg̃ qat pałazyn tappas kün połdu. qan mergen surapča: «eze, alyp tölü, tutqan qoıun qadyg̃ połtur, pasqan azayyn šeber połtur. meni ajdan surayy čoq qapčatqan, qajdig̃ attyg̃ šoıalyg̃ alyp połdu-ne?» alyp tölü ajtty: «seni ajdan surayy čoq qapčatqan qajdig̃ alyp połajyn! po čerdiñ čayys qāny kičig̃ qan qara poıarym! ulug̃ qān qara ačam qan aryo pečen-me qarbašcalar.

pəlar ijgele qarbaš-turyanda šaqpo čerde čozayy pašqa qarbaš połča, čoruyn pašqa tuduš połča. qarbaža-qarbaža kelgennerde — anče minče tem ertišken sonda qan mergen qan qarany aq pułuttun üstüne šyğara sundu, kōk pułuttun altyna šyğara sundu. qara tag̃ya qošta sörtep āl-paryp, öre kōdür, qara tag̃ya šijla šapty.

qan mergen qara tubanny čara übürüp körgecin — alyp tuyan qan qaran aryg̃ tyny šyğyp öltür. adaj čalyar qan qalbady, sāsқан qayar et qalbady. ołčanyy čanynda ulug̃ ayaš użup ertti, ulug̃ alyp östep ašty. čer martqazy sōgūlūš-ertti, qara tag̃ silgil-ertti. qan mergen ajdyndy: «adanyn-oq ačyjp pōł, enen qoqquju połzun, aryan pašqazynyn aryg̃ küzü artyq połup, arādan čayys qān aryo pečem čaryq čerden čazyp azybysty-ba; qan aryo pečemniñ aryg̃

сестру Кан Арго богатырь Кан Мерген, догоняя сестру свою [Кан Арго]. Если у его сестры Кан Арго силы нехватит, так неужели у Кан Мергена — комара этого солнечного света — силы хватит. Земля Кан Кара — большого и малого — такова, что про нее разговаривать опасно, говорить боязно. Если Кан Мерген в своей земле хан, то в земле Кан Кара — большого и малого — он не хан!» — (так) говоря, друг с другом переговаривались. Когда Кан Мерген глянул — следы семи богатырей, сюда ведущие, есть, куда уехали — следов нет.

Кан Мерген на горный хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Глядя с великого хребта, он стоял, удивляясь. Оказывается, он достиг земли, на которой скот лежит в таком множестве, что не различить его шерсти; достиг земли, где народ живет бесчисленный. На теневой стороне великого хребта черный туман разостлался так, что солнце невидимо; белый туман растянулся так, что месяц невидим. Среди черного тумана точно две вершины тайги друг о друга ударяются, — два богатыря сражаются. На одной стороне совсем чужой богатырь дерется, с другой стороны Кан Арго — сестра его — дерется. Если сказать, что тополь, — ветвей нет, если сказать, что тайга, — перевала нет, — такого богатыря в глубине белой степи Кан Мерген разглядел.

Сидящий в белой степи богатырь встал и к Кан Мергену подбежал. Свалив Кан Мергена через голову его коня, он его потащил. Когда они вдвоем бороться стали, твердое дерево, засохнув, рухнуло; черная земля, сотрясаясь, заколебалась. Имеющие гнезда птицы от гнезд разлетелись, имеющие стоянки дикие козы от стоянок своих разошлись. Был день, когда имеющие детей женщины детей не находили. Кан Мерген спросил: «Потомок богатырей, нога, которой ты ступаешь, осторожная, рука, которой ты держишь, тверда! Меня без вызова хватающий, какое твое имя-прозвище, богатырь?» Потомок богатырей отвечал: «Тебя без вызова схватывающий — вот какой богатырь я буду! Этого мира единственный хан, Малый Кан Кара я буду! Большой Кан Кара, мой старший брат, с твоей сестрой Кан Арго сражается».

Когда они сражались, [на этой земле] по чужому обычаю сражение происходило, иной поступью борьба велась. Когда они так дрались, много ли, мало ли времени прошло, Кан Мерген богатыря Кан Кара на белое облако втащил, под синее облако втокнул. Волоча его, к горе подтащил и, подняв вверх, о гору ударил.

Когда Кан Мерген, чёрный туман разделяя, взглянул, — рожденный быть богатырем Кан Кара умер, чистая душа его ушла. Не осталось крови, чтобы собака могла лизать, не осталось мяса, чтобы ворон мог клевать. По ту сторону земли великое дерево повалилось, великий богатырь со стоном повалился. Застежки земли расстегнулись. Черная гора покачнулась. Кан Мерген сам себе сказал: «Отца твоего горе, матери твоей печаль! Или чужой богатырь оказался сильнее и [эта] единственная сестра моя Кан Арго погибла, рассталась с [этим] белым светом, или у сестры

küžü artyq połup, aryan pašqazy ölüp aš pardy-ba», tep, qara tubannyn arazyna kire čügürüp pardy. qara tuban arazona pazyp šyyp, qan aryo pečezi qan mergenge qabaq pašqa uçurašty.

ijgi qaryndaš mynda toyažyp, aštān quš-če toyaštylar, arynyan at-če kišteštiler. alynny örleri-be ezenežip, alynny örleri tügendi, keštingi öbürleri-be ezenežip, keštingi öbürleri tügeništi. qan mergen surapča: «eze, qan aryo peče, tüžep — tüš četpes, sanap — sayš četpes uluğ kičig qan qaranyn čerine qajde kele-bergenzin? men — qan mergen — seni tappan po künü čaryqty toza ebirdim, čer alytnaž syqtym».

qan aryo pečezi ajtty: «eze, tunmam, po čerge qajde kelejin! sen tojus qattyğ qara mükünün čerine pārbysqanda — men alytn örgē čadyp, qyryq sayšty qyra pögüngem, ödus sayšty ötre pögünüp sanaham. — qan mergen tunmam qara mükü čerinen po čany syn-ma, čer qajyža, mał qačyryp kirze, čazy tūlap, čon sürüp kirze, men andoq mał čon qačyrarım. uluğ kičig qan qaranyn alyğ tynyna čedip, pir čany synnan aq małlaryn qačyryp kirerge tep, po čerge kēlbiskem. myndažy čerge kirip, uluğ kičig qan qaranyn qołuna kērip, aj-ba čyldy ertistim.

polar igēle turup erbekteščetqan šende aq tasqyl teskere aždaryldy, aq tałaj teskere tolyudu. uluğ tajyan paštary üze šabyldy, čabys tajyan paštary toza čaba šabyldy. uluğ synnyn qyrynan at šynyžy qara qyr'at čügürüp ašča. qara qyr'attyn üstüne alyp tölü mün-salyr. üstüngü čałazy üš tegrige urunča, alytn ödügü alton tamny čara šijip kirča. kezek tajya šeni alyp kirča.

ajtqan erbek ertkenče, körgen qaraq nūgenče, qara qyr'at allaryna qaza tüštü. alyp kiž' oñ qołun sunup, qan mergenge ezen pērča. «ezen-zin-me, aščetqan šenimde ajlandyryan, ažyrap östürgen abam-oq ošqaš qan mergen! ertipčetqan šenimde ebirib-alyan emizip östürgen enem-oq ošqaš qan mergen!» tep ezenešti. qan mergen ajtty: «meni aba tep, ezeneščetqan qajdig qannyn pałazy, połdu-ne? alytna mūngen adyn attan artyq qara qyr'at połtur, pozun alyptan artyq alyp połturzun». alyp tölü ajtty: «qajdig qannyn pałazy połajyn! kümüş qannyn pałazy, qara qyr'attyğ qara qylyš połarım».

polar üžele eniš töbere endire pastylar, alytn örgege kire pastylar, ežik ažyp, ezen perištiler, pōzažy ałtap, menči perištiler. uluğ kičig qan

моей Кан Арго оказалось больше [чистой] силы, и погиб-умер он». (Так) говоря, побежал и в черный туман проник. Из черного тумана выступив, сестра его Кан Арго с ним столкнулась.

Брат с сестрою, [здесь встретясь], как изголодавшиеся птицы, встретились, как усталые кони, ржали. Передними ногами здоровались друг с другом — подолы изнашивались, задними ногами здоровались друг с другом — задние подолы изнашивались: «Кан Арго, сестра моя, в землю [братьев] Кан Кара, большого и малого, для сна недосыгаемую, для мысли недоступную, как ты попала? Я, Кан Мерген, тебя не находя, кругом всего (этого) солнечного мира обошел. Теперь из-под земли вышел».

Кан Арго, сестра его, ответила: «Брат мой, вот как я в эту землю попала! Когда ты в землю Кара Мюкю, имеющего девять жен, отправился, я в золотом дворце живя, сорок дум от края до края передумала, тридцать дум насквозь продумала, говоря: если брат мой Кан Мерген из земли Кара Мюкю по хребту гор, землю прогибая, скот пригонит, степь запружая, народ пригонит, я тоже скот и народ пригоню. Для того, чтобы, погубив (обоих) Кан Кара, большого и малого, с другой стороны хребта белый скот пригнать, в эту землю я приехала. В эту землю въехав и сражаясь с обоими Кан Кара, большим и малым, я проводила месяцы и годы».

В то время, когда они так вдвоем стояли и разговаривали, белые хребты опрокинулись, море в обратную сторону хлынуло. Вершины великой тайги откололись, вершины низкой тайги [к земле] пригнулись. С вершины великого хребта черно-серый конь бегом спускается. Верхом на черно-сером коне потомок богатырей едет. [Наверху находящийся] гребень (его племя) три неба задевает, золотые сапоги — шестьдесят слоев земли бороздят. Подобный глыбе-тайге богатырь въезжает.

Не успел [сказанный] разговор окончиться, [смотрящий] глаз не успел моргнуть, черно-серый конь прямо к ним спустился. Богатырь, протянув правую руку, с Кан Мергеном здоровается: «Здравствуй, спасший меня в то время, когда я погибал, вскормивший, возрадивший меня, как отец, Кан Мерген; возвративший (к жизни) меня в то время, когда я умирал, вскормивший, возрадивший меня, как мать, Кан Мерген!» [говоря, здоровался]. Кан Мерген спросил: «Меня отцом назвав, приветствующий, какого хана (ты) ребенок? Конь, который под тобою идет, из коней лучший, черно-серый конь, а ты сам — из богатырей сильнейший богатырь!» Потомок богатырей отвечал: «Вот какого хана я ребенок! Ребенок Кюмюш Кана Кара Кылыш, имеющий черно-серого коня, я буду!»

Они втроем вниз по склону спустились, в золотой дворец вошли. Дверь открыв поздоровались, порог переступив, приветствовали. Жены обоих Кан Кара, большого и малого, из глубины сорока комнат вышли и им в ноги упали. «Если хотите нас погубить, то погубите, если жалеете, — то пощадите и, в свою землю привезя, дровоносом и водоносом сделайте!» — говорили. Это услышавши, они между собою говорили: «У женщин какой грех! Зачем губить их души! Как раньше царствовали, так же пусть

qaranyn alyan kizileri qyryq qatpaş tübünen şyyp, azaqtaryna çylyştylar. «aryg tynbysqa čedejin — tezär, čet-salar; äcyn čatsär, artyzyp, postarynyn čerlerine äparyp, odunçu-ba sugçuğa tudar!» teštiler. pönu uqqan pölar ajdyştylar: «epçi kizide nō qyja? noya tynğa četčen polğan? qajde qān polğannar, edoq qān polup ulug kičig qan qaranyn čurtun tudup čatsyn!» tep, čöpteštiler. qačan tušta ijgi abaqajdan üren töl čajalyt kelze, abalarynyn öžün qoçajyn, teze, aryg küštü synažary pistin čerge qyjy-ba kirzin! abalarynyn öžün qoçbasqa sanazałar, pištın čerge müsten nynnaq nançy polary kelzin! tep, pıar čöpteštiler.

ajtqan erbek ertkenče, körgen qaraq nügenče, qyryq qatpaş tübünde sałtymnyn yğyrayy uylıdu. qyryq qatpaş ežik ažyła tüštü. četti talba sürünmeštiğ qys pałazy anan pazyp šyqty. po pās-šyqqan qys pałazy ulug kičig qan qaranyn tunmałary qys polğan poltur. qys pałazy šyğar künnün šynyq-če sustapča, tōlar ajdyn tōłazoq šeni sustapča. qan mergen po qysty köre kelip, künnüne kirča, ała qaraq-pa körča, alary kelip sanady. qan mergen ištinde sanāča «adannyn äcyjoq pōł, enennin qoqquj oq polzun! po qysty pilgen polzam, ulug kičig qan qaranyn aryg tynğa četpēn, toçus torsuq aš tudunup, qudałap kirer edim. am, ulug kičig qān qaranyn aryg tynğa čet-salyt, tunmałary qysty āparzam, men qan mergen alty ajmaqtan asqajğa qalarym, četti ajmaqtan ujatqa qalarym. po qysty mağa alary čarabas!»

qan mergen ajtty: «eze, qara qylyš nançy, künnün četse, ulug kičig qān qaranyn tunmazy qysty al-par; künnün četpeze, čerlig kiži čerinoq qalzyn.» qara qylyš ajtty: «sen abam osqaš qan mergen qajdig-le qysty al-perzen, any alarym!»

ulug kičig qān qaranyn alyan kizileri plardy qoldan qabyp, qoltuqtan čölep, altytyn ustałğa ākelip, odurtupčalar. «aš-pa tabaqta qyjał čoq» tep. ulug kičig qan qaranyn alyan kizileri ödus çyłğa odurup čize-, ortazy qorabas aš tabaq čazaptyrłar; qyryq çyłğa odurup čize, qyryjyn qyrtabas aš-pa tabaq čazaptyrłar. pölar üzele aq ustałdyn arğazyna, kök ustałdyn kögregine odurup kelip, qorajyn-arajyn ištiler. qara qylyš ulug kičig qan qaranyn tunmazy qysty kōs qaraq-pa körüp, künnüne kirča, ała qaraq-pa körüp, alary sanapča. qan mergen qara qylyš-pa ulug kičig qan qaranyn tunmazy

парствуют; управляя стойбищами обоих Кан Кара — большого и малого — пусть живут» [между собою сговаривались]. Если когда-нибудь от этих двух женщин потомство народится, и если эти потомки вздумают мстить за отцов своих, то помериться чистой силой в нашу землю с кличем пускай придут. Если не захотят мстить за отцов, то чтобы стать друзьями — подобными паре рогов — в нашу землю пускай придут!» — (так) говоря, рассуждали.

Не успел еще [сказанный] разговор окончиться, [смотрящий] глаз не успел моргнуть, в глубине сорока комнат скрип пола послышался. Двери сорока комнат отворились настежь, имеющая семь [разветвлений] кос девица оттуда [ступая] (к ним) вышла. Эта вышедшая девица (братьев) Кан Кара, большого и малого, младшая сестра была. Девица как восходящее солнце сверкает, как полный месяц светит. Кан Мergen на эту девицу взглянул, — она ему по сердцу пришлась, [глазом] глядит, (в жены) взять эту девицу хочет. Кан Мergen думает: «Отца твоего жалость, матери твоей печаль! Если бы я знал про эту девицу, чистые души Кан Кара, большого и малого, не губил бы, а взяв десять торсуков вина, сватать эту девицу пошел бы. Теперь, когда я погубил чистые души Кан Кара, большого и малого, если я увезу их младшую сестру, то я, Кан Мergen, стану посмешищем шести аймаков, на посрамление семи аймакам останусь. Эту девицу теперь мне в жены взять — не годится!»

Кан Мergen сказал: «Кара Кылыш друг, если нравится тебе младшая сестра Кан Кара, большого и малого, ты ее увози; если не нравится, имеющий землю человек в своей же земле пускай останется!» Кара Кылыш отвечал: «Подобный отцу, Кан Мergen, какую бы ты мне невесту ни дал, ту я и возьму!»

Жены Кан Кара, большого и малого, за руки их берут, подмышки поддерживают, приведя к золотому столу усаживают, говоря: «В пище, в вине греха нет!» Жены Кан Кара, большого и малого, в таком количестве вино и пищу приготовили, что, если в течение тридцати лет [сидя] есть, половины не убавится. Вино и пищу приготовили в таком количестве, что, если в течение сорока лет [сидя] есть, даже края (еды) не отгрызть. Они втроем за белым столом, у синего стола сели и крепкую водку пили. Кара Кылыш младшую сестру большого и малого Кан Кара взглядом окинул, — (она) ему понравилась, [глазом] (на нее) взглянул, в жены (ее) взять задумывает. Кан Мergen две головы — Кан Кылыша и сестры Кан Кара — соединил. [В этой земле] свадьбу девицы справляли. Нескончаемое пиршество начали.

Кан Арго встала: «Великое чудо, великое удивление! Спина моя ноет, сорок ребер сжимаются, в нашей земле что-то случилось, скорей пусть возвращусь я!» Так сказавши, из золотого дворца вышла и в свои земли вернулась.

После того как уехала Кан Арго, Кан Мergen тоже встал: «Великое чудо, великое удивление, друг Кара Кылыш! Спинной хребет, все позвонки

qysty ijgi paštaryn qožubustu. šaqpo čerde qys toju tojladylar. užun pilbes uług tojya kirdiler.

qan aryo tura pasty. «ułyg obał, uług kej! syn ortqam systašča, qyryq qabyryam qyzyłča. pistiñ čerde nōnuñ pōzü polča. tek taberaq nanajyn!» tep, ałtyn örgeden šyğa pazyp, postarynyñ cerlerine nānmysty.

qan aryo nanyp paryan sōnda qan mergen tur-oq pasty. «uług obał! uług kej! qara qylyš nančy! syn ortqam tōza systašča, qyryq qabyryam tōza qyzyłča. pistiñ čerde nōnuñ pōzü polča-ne!» tep ajtty. saqtašpasqa ezen suraštylar, saıynyšpasqa menči suraštylar. qan mergen ajtty: «uług kičig qan qaranyñ ałyan kižileri, ałynda paryan kižilerin uług kiciğ qan qara qajde qan polup čatqan, edoq qan polup čadār. qajde, qajde alyan pašqa alyby slerdiñ małdy qačyrarğa kelze, mēñ qan mergenniñ čerine yzyb odurar. menēñ qoruqpān alyp slerdiñ małlarynyñ qačyryp pābyssa, men — qan mergenneñ — qazynyp qara čerge kirbes, učuyp qan tegri šyyp ałbas!» tep ajtty. uług kičig qan qaranyñ ałyan kiželeri ajtty: «ałyš sağa četsin! čažyñ uzaq polzun! čajanyñ mōzük polzun!» tep, qan mergenni alyadylar. qara qylyš alyan kižiziñ užap tašqap, ałtyn purba edip, suyunm ałdy.

qan mergen-me qara qylyš ałtyn örgeden šyğa pāzyštylar. attaryna tenep münüp, qānyq kelip, qamčy šaptylar. para-para kelgennerde — čarylyš čolğa čettiler.

čarylyš čolğa četkende — qara qylyš ajtty: «eze, abam ošqaš qan mer-mēñ, mēñ čerine paryp, uług tojdu tūzediš-saly, anañ pōzunnuñ čerine nan.» any uqqan qan mergen ajtty: «eze, qara qylyš nančy, pārbagtañ parar edim, syn ortqam systašča, qyryq qabyryam tōza qyzyłča. čatqan čerim čā čolu čer polčan, pistiñ čerde nōnuñ pōzü polča-ne! tek taberaq any paryp körejini!»

polar ijgale saqtašpasqa ezen suraštylar, saıynyšpasqa menči suraštylar. qara qylyš pozunyn-oq čerine nānmysty. qan mergen pozunyn-oq čerine nānmysty. qan mergen nana-nana kelgenin — čer ebidine kirbenča, čer toyrzyn tartča, suğ tołyajyna kirbenča, suğ toyrzyn tartča. qan mergen eldiñ čurtun raqqa sałdy, ene čurtun čayyn ałdy; ajmaq čurtun raqqa sałdy, ada čurtun čayyn ałdy. arıalyg synğa syqty, syłajalyg pelge tūstü.

uług synnan anañ körüp tañnap turğany — pozunyn čerine čettir. qalyq čon qara tajğa šeni čāt-partyr, aq mał ała saj šeni tur-čatyr. uług čurtu ūna turča. uług synnyñ quzam čanynda užun pilbes qara tuban tartylyp partyr. qara tuban arazynda ijgi tajğa pažy qaıyšča, tep, körgenin — ijgi alyp qarbaččatyr. pır čanynda qan aryg pečezi qarbašča, pır čanynda,

мой ноют, все сорок ребер мои сжимаются, в нашей земле что-нибудь, наверное приключилось!» — [говоря] сказал Кан Мерген. Чтобы не скучать, попрощались, чтобы не тосковать, откланялись. Кан Мерген сказал: «Жены Кан Кара, большого и малого, как прежде ваши мужья Кан Кара, большой и малый, царствовали, — так и вы ныне царствуйте! Если чужой богатырь придет, чтобы ваш скот угнать, в мою, Кан Мергена, землю посылайте. Если же богатырь меня, Кан Мергена, не боящийся ваш скот и угонит, то он не сможет укрыться от меня, Кан Мергена, ни спрятавшись-войдя в черную землю, ни взлетев-поднявшись к [хану] небу!» Жены Кан Кара, большого и малого, сказали: «Пусть дойдет до тебя благословение. Жизнь твоя долгой пусть будет! Дела твои славными пусть будут! Пусть не умирающим, вечным ты будешь, пусть кровь твоя не прольется, пусть ханом ты будешь!» Так Кан Мергена (они) благословляли. Кара Кылыш жену свою повертел-покрутил и, превратив в золотой перстень, к себе (в карман) засунул.

Кан Мерген и Кан Кылыш из золотого дворца вышли, на коней своих в одно время верхом сели и, рассердясь, плеткой ударили. Ехали-ехали, до места, где разделяются пути, доезжают.

Когда они доехали до места, где расходятся дороги, Кара Кылыш сказал: «Близкий мне как отец, Кан Мерген, ты в мою землю поезжай и великую свадьбу помоги мне справить, а потом уж в свою землю возвращайся!» То услышавши, Кан Мерген сказал: «Кара Кылыш друг, я охотно поехал бы, но моя спина ноет, сорок ребер все сжимаются: — земля, в которой я живу, — место сражений, что-то творится в нашей земле! Скорее поеду (и то) посмотрю я!»

Они, чтобы не скучать, попрощались, чтобы не тосковать, откланялись. Кара Кылыш в свою землю возвращался. Кан Мерген тоже в свою землю возвращался. Кан Мерген возвращаясь, окружным путем не ехал, а напрямик ехал, по извилинам рек не ехал, а, пересекая, прямо реки переезжал. Кан Мерген землю чужого народа далеко оставил, к материнской земле приблизился. На горный хребет поднялся, на гладкую седловину спустился.

Стоит, с великого хребта глядит, изумляясь, — оказывается до своей земли он доехал. Народ стоит как черная тайга, скот стоит как пестрая галка. Великое стойбище благополучно стоит. На теневой стороне хребта черный туман растянулся. Среди черного тумана будто две вершины тайги друг о друга ударяются — то схватываются два богатыря. На одной стороне сестра его Кан Арго сражается, на другой стороне, как глыба-тайга, богатырь борется. За сражающимся богатырем следом черно-гнедой конь, малого роста, ходит. Шерсть у черно-гнедого коня дыбом стоит. Кан Арго сестра не дает богатырю себя слишком бить, не дает слишком себя топтать. Если лежат, если стоят, оба богатыря — равны по силе и одинаково сражаются. Кан Мерген с коня соскочил, [две] полы заворотил, [два] рукава засучил.

kezek tasqyl šeni alyp qarbašča. qarbaščätqan alyptyn sō-ba kerspek synnyg qara tor'at qōp čörča. qara tor'atty ōsken tügü teskere poitur. qan aryo pečezi alypqa artyq šaptyrbānča, artyq teptirbēnča. čatsa, turza, teŋ poŋup qarbaščaŋar ijgi alyp. qan mergen at pāžēnaŋ attybysty. ijgi edegin qajra saŋdy, ijgi pilegin syqsyndy.

čügür pāryp, qan mergen ajtty; «eze, qān aryo peče, aryg küžün al baza, qarbaščätqan alybynny mēŋ qoŋuma pergej-pediŋ?» qān mergen pečezin čara tartybēza berip, aryan pašqazy alyptyn qoŋuna kirbisti. qarbaščätqan šene-rinde qan mergen anan pilip synap odurza, pō alyptyn tutqan qoŋu qadyg poŋdu, pasqan azayy šeber poŋdu. alyptyn ijgi qaraynaŋ ot kōjča, ijgi tanazynaŋ yš pyŋapča. qan mergen surapča: «eze, alyp tölü, pasqan azayyn šeber poitur, tutqan qoŋu qadyg poitur! alyna mūngen adyn attan artyq teskere tüktüg kerspek synnyg qara tor'at poitur! pozun alyptan artyq alyp poiturzun; mēŋ čurtumnu taŋarya kelgen qajdiŋ qānnyŋ paŋazy, nō tegen attyg šōŋalyg alyp poŋduŋ-nē?»

alyp tölü ajty: «qajdiŋ qānnyŋ paŋazy poŋaj! qajdiŋ šōŋalyg poŋaj! tōyus qattyg qara mükünün paŋazy, teskere tüktüg kerspek synnyg qara tor'attyg, synmas pātpas küštüg čajalyŋan qara saŋyn ady šōŋam poŋar! sen qan mergen, purunyu tušta abamny irik tōŋⁿeš-čēlep ide šaš-saŋyp, tyŋ paqtanyp pārtyrzyn! abamny ōžün qōyup, ūren čurtunnu uzutup, kičig čurtunnu kištedip, aq malynny qačyryp pārya kelgem, men qara saŋyn!»

qarbaža-qarbaža kelgenerde — qan mergen qara saŋynny šabēza perip, pōzu qaŋaryn pilinmēnča; qara saŋynya pōzu šaptyrbyzaryn pilinip poŋban qarbašča. pō qān mergen-me ada saŋal tōš čajyanče qarbašša, qara saŋyn anda-daŋy qāb-aŋyp šabyzaryn pilinmēnča.

as qarbažyp, kōp qarbaščätqan šende qan aryo anan kōrb-oduryanyn — aq čazynny tübünde alyptar qarbaščätqan čerde užun pilbes qara tuban aq čazyny tūŋlap tartylš-pardy. qara tuban arazēnda uluŋ aŋaš užup ertti, uluŋ aŋyp ažyp ertti. qara puŋut tegri kōgün tūŋlady. aŋaryp kelip aj ōlgenče pildirdi, kōgērip kelip kün ōlgenče pildirdi. qan aryo aq čazyŋa ijgi ajazyn tarsylada šabynyp, āra pere čügüre-perdi. «aryan pašqazēnyŋ aryg küžü artyq poŋup, aradan čayys tunmamny aryg tynynya čedip šaŋdy-bal!»

qara tuban arazēnaŋ qan mergen pāzyp šyqty. pōnu kōrgen qan aryo «ažyp paryan tep sanayan tunmam ajlan-pazyp šyqty» tep, čügür-kelip, qoŋdan qābyp, qoŋtuqtaŋ čēlep, qan mergenni altyŋ ōrgege ākērip, altyŋ ustaŋdyn tübüne odurttu. qaraq tajdēra kōrbes tabaq, aqsyn āčytpas araya-ba sijlady. pōŋar ijgele odurup, aš-pa tabaq čidiler. ajaqtaŋ kēl, aš iščaŋar.

Подбежав, Кан Мерген сказал: «Кан Арго сестра, если у тебя чистой твоей силы нехватит, в мои руки отдашь ли богатыря, с которым ты сражаешься?» Кан Мерген сестру свою отнял, оттащил, а сам в руки чужого богатыря попал. В то время, когда они боролись, Кан Мерген заметил, что руки, которыми он его держал, — тверды, а ноги, которыми он ступал, — осторожны. В обоих глазах богатыря огонь горит, из обеих ноздрей дым валит. Кан Мерген спросил: «Потомок богатырей, нога, которой ты ступаешь, осторожна, рука которой ты держишь, тверда! Под тобою конь лучший из коней, с ошетилившейся, взьерошенной шерстью, ростом с осколок тайги, черно-гнедой конь! Ты сам сильнейший из богатырей богатырь! Приехавший, чтобы разрушить мое стойбище, какого хана ты сын, какое твое имя-прозвище будет?»

Потомок богатырей отвечал: «Какого хана я сын! Какое мое имя-прозвище! Я сын — имеющего девять жен Кара Мюкю. Мое имя-прозвище будет — имеющий черно-гнедого коня ростом с осколок тайги, с ошетилившейся, взьерошенной шерстью, Кара Салгын, сотворенный имеющим непомерную силу! Ты, Кан Мерген, некогда моего отца, словно гнилой пень толкнув, отшвырнул, уж очень сильно расхвастался. Чтобы за отца отомстить и, усыпив жилое стойбище твое, заставив ржать малое стойбище твое, белый скот твой угнать я, Кара Салгын, сюда приехал!»

Когда они сражались-сражались, Кан Мерген, ударив Кара Салгына, не знал, останется ли сам жив. Он сражался, не зная, не побьет ли его самого Кара Салгын. Кара Салгын — не знает: если он будет сражаться с [этим] Кан Мергеном до тех пор, пока [отцовская] борода его грудь не покроет, и тогда победит ли он его или нет.

Много ли, мало ли они сражались, Кан Арго [потом] взглянула (и видит): в глубине белой степи, на том месте, где богатыри сражаются, бесконечный черный туман, белую степь заполняя, разостлался. Среди черного тумана великое дерево свалилось, великий богатырь погиб. Черное облако синеву неба затмило. Казалось — месяц, побледнев, умер; казалось — солнце, посинев, умерло. Кан Арго по белой степи, в ладоши хлопая, туда-сюда бегать стала. «Если у чужого богатыря больше чистой силы оказалось, то чистую душу моего брата не погубил ли он?»

Из черного тумана Кан Мерген вышел. [То видевшая] Кан Арго сказав: «Мой брат, которого считали погибшим, назад возвратился!» (к нему) подбежала. Кан Мергена за руки схватила, подмышки поддерживая, в золотой дворец ввела и за золотой стол усадила. Она угостила его пищей, на которую глаз пристально смотреть не может, водкой, которая не горчит рот. Они вдвоем сидели и еду ели. Передавая друг другу чашу, вино пили. Нынешнее прежним оборотив, разговаривали; прежнее настоящим обернув, беседовали. Говоря про хорошее, смеются; говоря про худое, плачут.

Жили-жили. Думали: день живут, месяц проходил; думали: месяц живут, год проходил.

āmdyyny purunyu edip, erbekteštiler, purununu āmdygy edip, erbekteštiler. čaqšyny ajdyp, külüštüler, čabałdy ajdyp, yłyaščalar.

čada-čadā kelgenin — kün ertča teginin, aj ertip odurtur; aj ertča tege-
nin, čyl ertip odurtur.

as-pa, köp-pe tem ertken sōnda qan mergen ajtty: «eze qān aryo pečem, saya ajtčan alton tüben šözüm par, ajda-perzem, uqqaj-pedin?» any uqqan qān aryo ajtty: «paj, paj tunmam, maya ajtpān šözünkü kemge ajdarzyn! čaqšy sös polza, qulaqqa sijer, čabał sös polza, čel čabały qāq parar! ajtčan sözün polza, ajda per.» qān mergen ajtty: «sen pilbeste, qan aryo peče, po künü čaryqta alyp čoq. qołya suyunār qoła čüstük kerek, tōške šačynčan qōs martqa kerek! pilgen uqqanda par-ba, ajda per, peče!»

any uqqan qan aryo pečezi ajtty: «pilerin pilibočam, unñaryn unñabočam! čayyn čerden ajda berzem, könnün četpēn, nān-kelerzin; raq čerden ajda berzem, künun čedip, ākeleri šedik polar. mýnan āra qurýunnug-da quš čet polbas čerdin ol čanynda, āzyra tyjyaqtyg an čaqšy čet-polbas čerdin ol čanynda, üš ašqymnyg aq taydyn tōzünde alyp šadaj čurtapeča. üš ašqymnyg aq taydyn tōzüne čatqan alyp šadajdyn pałazy, artyq čajalyan altyñ köktü čedip ākelerzin! alyp šadaj čerinde ulug toj polýanna ała aj alyžyp, čyl ertiže-berdi. po tört tōluqtyg künü-čaryqtn ulug alyptary andaýy čerge tōza čylp parýan! alyp šadaj čerine kir-parzan, qanna qazył qan čegären adyn at mōñüsü polar; andaýy čerge kir-parzan, pōzun erden mōñüs polup qalarzyn! parčēn kiži sēn üstünde polar, köptün köbōq polar, sen čayystyn čayyzōq polar! ojda čadyp ol-čatsan, tundere tartčan kižin čoq polar. tundere čadyp, ol-čatsan, ojda tartčan kižin čoq polar. qan mergen tunmam! alyp šadaj čerine pārbyssan, seni qaqqan qara qusqun meni čedip qāqpas, meni qaqqan qara qusqun seni čedip qaqqas. eldin čerin ēbirip, ezirgenče aš išsen, ertip olgeni pilinmessin, ajmaq čerin ajlandaryp, alýnyanče aš išsen, allyg taydy častanarzyn!» meniñ ajtqan sözümnü altabazan, alyp šadaj pałazyn ākelerzin! men atqan sözümnü altabyssan, āra parýanyñ par polar, pāza nanýanyñ čoq polar! ara parčan čoluñnu pilčam, paza po čerge ajlanyp kelerin pilbēčam».

any uqqan qan mergen altyñ ustaldan tura pasty, qyryq qatpaš túbüne kirip, ispiške turýan altyñ kümüş qujayyn qadap püktep kesti, qara šojun sapōgün kesti. páraq pāštyg paj sādajyn pelge tartyñm-aldy. qan aryo pečezi-be saqtašpasqa ezen surāšty, saýynyšpasqa menči surāšty. eliğ čylđan erte tūssem, ertip olgem — šyn polar, četton čylğa čede-berzem, čerge čatqam — šyn polar!»

После того как прошло много ли, мало ли времени, Кан Мерген сказал: «Кан Арго, старшая сестра моя, есть у меня множество слов сказать тебе; если буду говорить, — станешь ли слушать?» То услышав, Кан Арго сказала: Что ты, что ты, мой брат, мне несказанные слова твои кому же скажешь?! Если хорошие слова — пусть они в ухо проникнут, если худые слова — злой скверный ветер пусть их унесет!» Кан Мерген сказал: «На [этом] солнечном свете нет такого богатыря, которого бы ты не знала. Чтобы надеть на руку, медный перстень нужен, чтобы одежду на груди заколоть, дорогая пряжка нужна! Знаешь ли ты, слышала ли ты об этом?»

То услышав, Кан Арго, старшая его сестра, отвечала: «Знать-то я знаю, известно-то мне известно! Если из ближней земли невесту тебе укажу, и не понравится тебе эта невеста, обратно ты вернешься. Если из далекой земли укажу, туда поедешь, но оттуда привести невесту тебе трудно будет! У подножья белой тайги с тремя перевалами, по ту сторону земли, до которой имеющая крылья птица долететь не может, по ту сторону земли, до которой зверь, имеющий раздвоенные копыта, добежать не может, богатырь Шадай живет. Алтын Кōōк, прекраснее всех других созданную, дочь богатыря Шадая, у подножья белой горы с тремя перевалами живущего, ты [туда доехав] привезешь. С тех пор, как стали в земле богатыря Шадая свадьбу справлять, месяца сменяются, годы проходят. Богатыри этого четырехугольного солнечного мира в тамошнюю землю все собрались. Если ты в землю богатыря Шадая въедешь, краснее крови красно-рыжий конь твой всех коней ничтожнее будет! Если в ту землю ты войдешь, всех мужей ничтожнее ты окажешься! Все люди выше тебя будут Там многие со многими (против тебя) будут, один одишепенек ты останешься. Если на спине лежа умирать станешь, вниз лицом тебя поворотить человека не будет, если вниз лицом умирать станешь, вверх лицом тебя поворотить никого не найдет. Кан Мерген брат мой! Если ты в землю богатыря Шадая отправишься, клевавший тебя черный ворон меня клевать не будет, меня клюющий черный ворон тебя клевать не будет. Если ты, землю чужого народа объезжая кругом, до-пьяна вино будешь пить, не заметишь как погибнешь! Если объезжая вокруг чужой земли ты до потери разума вино будешь пить, великую гору под голову себе подложив, — умрешь! Если сказанное мною слово ты не нарушишь [не переступишь], то дочь Шадая привезешь! Сказанное мною слово если переступишь, — путь, по которому тебе туда ехать, будет, пути, по которому назад возвращаться, не будет. Твой путь, туда ведущий, я знаю; снова в эту землю вернешься ли ты — я не знаю!»

Из-за золотого стола Кан Мерген встал, внутри сорока комнат он прошел, висящую на вешалке золото-серебряную кольчугу надел; черные чугуны сапоги обул, богато украшенный колчан к поясице себе подтянул. С Кан Арго сестрой, чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, откланялся. «Если минет пятьдесят лет [и я не вернусь], — это будет значить, что я умер; если станут проходить шестьдесят лет, — то значит, что я лег в землю!»

qan mergen ałtyn örgeden şyňa pasty. qannan qazyı qan čegören adyna čaryanat-če čapsyndy. aq maıdy arılap şyqty, albatqy čonnu tekşelep şyqty. qan mergen qalyq čonyna qyjy saldy: «ady čoqtar at tudup münär, azy čoqtar nekti alyp soyar, tonu čoqtar čylaş čörbelär, ton alyp kës čörär!»

qan mergen aq maıdyň taštyna şyqty, qalyq čonnuň kestine şyqty. qan čegren attyň pasqan azaq par poıdu, paryan čeri čoq poıdu. qan mergen para-para kelgende — po pararya čer raq poıča. šodun pilbes taılar ašča, sanyň pilbes suılar kësča. tüžep tüš četpes, sanap saıyş četpes čer-be pırča. qan čegören at qujbur-kelip čügürgende — qujun četpes kün poıča; sabyryı-kelip čügürgende — saıyň četpes kün poıča. para para kelgende — aralyg synya şyqty, saıayajyg pelge tüštü. ulug synnan körüp taınap turanyň — üş aşqymnyg aq taıdyň tözüne čettir. alyp šadaj čerine čettir.

myndaıy čerde alyp tölleri qarlyyaş quş-če qajynyščalar, qara qymysqaş šeni ymyraščalar. attaryň paıлары ałtyn šarčyn čedişpën tum aralya aparyp paılaptyrılar. uş qulaqtyg küler qazannyň puzu četton tegri čajyla pertir. quryunnug-da quş uçyup şyqpas kün poıča. čazy paryan čarynnug, tujug qaja-če enmenniğ alyp tölleri myndaıy čerde paıyžyp čörčalar. qan mergen aq čazynyň tübünde qara pös atty čedingenče qan tös mergen myndog paıyžp čörčatqanyň körüp täpty.

mynda čylıan alyptyň arazynda qara čalaıyg qara šebeldej paıyžp čörča.

qan mergen myndaıy čylıan alypty körüp, qoruqpas pözu qoruqča, ürükpes pözu ürükča. merspes čüregi mersilepča. mersil qabyryazy systapča. qan mergen eniş töbere endere pastyrdy. ałtyn šarčyn tözune četti. at paıyň attybysty, adın pös taštap, ałtyn örgege kərbisti.

ałtyn örgege kİR-čadyp, anan körze, kirer şygar poıayada kezek täsquı šeni alyp čača. alyptyň enni-mojnu eliğ qat kiženge kirtir; arazy mojnuna ałton qat kižen oratyr. alyp kižin tözüne četton tilliğ taıaj qomus saı-sala pertirler. on šemelčigin pös artyza pertirler. alyp tolü čat-kelip, töžunday četton tilliğ taıaj qomustu on šemelčigi-be qaqča. četton tilliğ taıaj qomustun ünü ałtyn šan-če šabyıča, qola pyry-če tartyıča. qola pyryň ününe üşken ot as-la tabyıbänča, ölgen kiži as-la tirilbänča.

alyptölü taıaj qomustu, sarnap syqtap kelip, qaqča. «eldin čerin ebärip, ezirgenče aš išip, emnik taıdy častanmystym, ajmaq čerin ajlandaryp, alynyanče aš išip, alyg tagdy častanmystym, qalaq qoquı! tep. adaıyg poızam, adam kelip poıadar edi, eneliğ poızam, enem kelip poıadar edi meni pö kižennen; qaryndaştyg poızam, qaryndažym kelip poıazar edi,

Кан Мерген из золотого дворца вышел. К краснее крови красно-рыжему коню, как летучая мышь, прильнул. Среди белого скота проехал, промеж подданного народа проехал. Кан Мерген народу [его] крикнул: «Не имеющие коней — коней ловите и на них ездите, не имеющие пищи — коров берите и колите, не имеющие одежды — шубы надевайте!»

Кан Мерген за пределы белого скота выехал, за спины подданного народа выехал. Там, откуда красно-рыжий конь выбежал, — следы были, куда побежал — следов не было. Кан Мерген ехал-ехал, — путь ему дальний был. Без счета горы переваливает, без счета реки переезжает. По земле для сна недосыгаемой, для мысли недоступной, он едет. Когда красно-рыжий конь бушуй бежит, вихрь не может его догнать, когда, вытягиваясь, мчась бежит, ветер не может его догнать. Ехал-ехал, на горный хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда потом, с великого хребта всматриваясь, остановился, видит — подножья белой горы, имеющей три перевала, достиг; до земли богатыря Шадая доехал.

В здешней земле потомки богатырей, подобно ласточкам-птицам, шумят, подобно черным муравьям, кишат. Золотой коновязи нехватает, чтобы коней привязать; в густые кусты коней уведя, там их привязали. Пар от трехухого чугунного котла до семи небес расстилается. Наступил такой день, что имеющие крылья птицы взлететь не могут. Потомки богатырей имеющие лопатки, как раскинувшаяся степь, имеющие плечи с целую скалу, в здешней земле расхаживают. Кан Мерген в глубине белой степи Кан Тос Мергена, там прохаживающегося и водящего за повод своего черно-серого коня, вдруг разглядел.

Среди здесь собравшихся богатырей Черная Шебельдей, имеющая черный гребень, прохаживается.

Увидев здесь собравшихся богатырей, Кан Мерген, (до сего) не боявшийся, испугался, (до сего) не волновавшийся, взволновался; бестрепетное сердце трепещет, не содрогающиеся ребра испытывают боль. Кан Мерген вниз по склону спустился, до золотой коновязи доехал. С коня соскочил, коня отпустил, в золотой дворец вошел.

Входя в золотой дворец, взглянул — на пороге, через который входят и выходят, как глыба-гора, богатырь лежит. Плечо и шея богатыря в шестидесяти-слойные путы всунута, спина и шея — в шестидесяти-слойные путы завернута. На грудь богатыря море-комыс о семидесяти-языках положили, правый мизинец богатыря свободным оставили. Богатырь лежит и на находящемся на его груди море-комысе о семидесяти языках правым мизинцем играет. Звук имеющего семьдесят языков море-комыса разносится, словно золотые колокола звенят, подобно медной трубе раздается. От звука медной трубы потухший огонь чуть не загорается, умерший человек почти оживает.

Потомок богатырей поет и, рыдая, на море-комысе играет. «Вокруг земли [чужого] народа я объезжал, до опьянения вина напившись, неприступную

tuýannyg polzam, tuýanym kelip polužar edi. sōzūn ajdār qaryndažym čoq! sōgūn tudār oylum čoq! ojda čādyp öl-čatsam, tūndere tartčan kižim čoq! tūndere čādyp, öl-čatsam, ojda tartčan kižim čoq! tep, alyp tölü qāq kelip, sytapča. meniñ kiženimni keze šāba pergen alyp ölbes mōñü polar edi. men ölbenče, ol ölbez-oq edi. öskeni körüp öşü ačyčan, pašqany körüp pāyry ačyčan qān aryo pečelig qan mergen kelčen polza, kiženimni keze, kespeze, ol-la keze-ber edi!» tep, syqtap kelip, qāqča.

qan mergen anan körgeni — alyptyñ üstüne qurt-pa küje puyl šeni üle pertir. kirgen šyqqan kiži parčın čüregine pāzyp tepsep šyqčannar poltur. qan mergen alyptyñ üstü-be ałtap kirbedi, pāžyn öre kōdürüp kir-pardy. qan mergen ežik ažyp, ezen perišti, pōzağa ałtap, menči surašty.

altyn örgen ištinde alyp tölleri alyt qat ajlandera odurup partyrkar. myndağy odurčutqan qalyqtyn arada pirda kiži qan mergen-me ezen perišpedi. «nō kižiniñ adajy ürča, nō kižiniñ qulu kirdi» tep, pır-dağy kiži qyja körbedi. qan mergen altyn ustaldyn arıazyna, kōk ustaldyn kōgregine odurup, aš-pa tabaq čı-berdi. araya ülepčatqan altyn čajzanı tebir qartus kēs-saltyr, qara qajyš qur qurčān-saltyr.

altın kiži kōdür-polbas ala šara ākelip, qan mergenge tuda perdi. «pistiñ čerge kirip āqsyn tāqlap keltir, kōksūñ qūrğap keltirziñ! küze polčan kiži pır ajaq ašty ižibis!» tep. pōnu uqqan qan mergen ajtty: «myndağy čylyñan qalyq parčazy küze polarya kelgenner. parčazy pır ajaqtañ išseler, parčāzēna pererge alyp šadajdyn nō qys četčen polyan!» altyn čajzanı üš purulup, čūs mojtał-kelip, sarnap serkibize pergeni — qan mergen ašty qāb~alyt išibiskenin pilinmēn qaltır. qan mergen ajağynñ түbün quruğa šalyap, altyn čajzana tuda perdi. altyn čajzanı iğincizin pazōq pērča. «uñğ tojda üš ajaqqa šyğara iščen!» tep, ajtča. qan mergen iže-iže kelgeni — eren qabyrğa aš qāpča.

altyn qalqa ežik ažylyp, čabylop~pardy. iğincizin elēde ažylyp čabylopardy, üžünčüzün qara čałağy qara šebeldejdiñ pažy kirip nāndera šyqpardy. törtünčüzün qara čałağy qara šebeldej anda odurčutqan qān mergenni čağa tōšten qāb~alyt, aq čazyğa šörtep šyq-pardy. qara šebeldej ajtty: «qajranda meniñ parčan kižim qān mergenim, seni saqtap polbān matabōq erindim. myndağy čerge am minče toğaşqanda meni ałbān qajde-zin!».

qan mergenniñ qardan aq šyrajy qazan kōjezi keptendi, örtten qazył šyrajyqara šabağy čülendi. «sen qara šebeldejdi alyamče, nübür kōzüm nūgerim, nybaq pažymny sałarym! tep ajtty. qara šebeldej ajtty: «toqta, toqta parčan kižim qan mergen, eñni mojnuñ eldire passam, erkem, tep, ajdarzyn! arğa mojnuñ qāzyra passam, alyanym — tep, ajdarzyn!»

гору под голову подложил. Вокруг чужой земли я кружил, до потери сознания вина напившись, громадную гору под голову я подложил, о горе! [говоря]. Если бы у меня был отец, мой отец пришел бы и освободил бы меня! Если бы у меня была мать, моя мать пришла бы и освободила бы меня от этих пут! Если бы у меня был родственник, то родственник пришел бы и освободил бы меня! Чтобы слово сказать, брата у меня нет, чтобы кости похоронить, сына у меня нет! Если, лежа на спине, умирать буду, вверх лицом меня повернуть человека не будет, если, вверх лицом лежа, умирать стану, чтобы вниз лицом (меня) повернуть никого не найдет! [играя рыдает]. Богатырь, который разорвал бы мои путы, неумирающим-вечным стал бы. До тех пор, пока я не умру, он не умер бы! Если бы пришел Кан Мерген, который чужих жалеет, за неродных заступается, он разрезал бы мои путы!» — рыдая, играет.

Кан Мерген взглянул — на богатыре червей с копну накопилось. Входящие и выходящие люди все выходят (из дворца), наступая на его сердце, топча его. Кан Мерген не вошел, по богатырю шагая; он вошел, приподняв его голову. Кан Мерген дверь открыв, поздоровался, порог переступив, приветствовал.

Внутри золотого дворца потомки богатырей в шесть рядов кругом сидели. Среди здесь сидящего народа ни один человек с Кан Мергеном не поздоровался. «Какого человека собака ворчит, какого человека раб вошел» — так сказавши, ни один человек даже косо на него не взглянул. Кан Мерген за золотой стол, у синего стола сел и с вином еду есть начал. У разносящего водку, угощающего Алтын Чайзана железный картуз был надет, подпоясан он был черным ремненным поясом.

Алтын Чайзан пеструю чашу, которую шестьдесят человек не могут поднять, принес и Кан Мергену поднес, говоря: «Кан Мерген, войдя в нашу землю, ты с пересохшим ртом ведь прибыл, с высохшей спиной пришел. Человек, который должен стать нашим зятем, одну чашу вышей!» [Это увидевший] Кан Мерген отвечал: «Здесь собравшиеся люди все пришли, чтобы затыями стать, если все по одной чаше выпьют, то у богатыря Шадая девиц нехватит, чтобы всем отдать (в жены)!» Алтын Чайзан трижды повернулся, сто раз извиваясь, начал петь и плясать — Кан Мерген схватил вино и не заметил, как его выпил. Кан Мерген дно чашки досуха облизал и Алтын Чайзану подал. Алтын Чайзан второй раз (ему чашу) подал, говоря: «На великих пирах обычно три чаши пьют!» Кан Мерген пил-пил, вино за ребра хватает.

В золотой раме дверь открылась и снова закрылась. Второй раз пошире раскрылась и снова захлопнулась. В третий раз голова Черной Шебельдей с черным гребнем просунулась и назад ушла. В четвертый раз Черная Шебельдей там сидящего Кан Мергена за ворот схватила и в белую степь потащила. Черная Шебельдей сказала: «Любимый мой муж, Кан Мерген, тебя не могла я дожидаться, сильно тосковала, теперь раз (мы) встретились, неужели (ты замуж) меня не возьмешь!»

qara šebeldej-be qan mergen čaŷa paštaŷ qābyštylar. aq čazyŷa sōrteštīler. qadyġ aŷaš qāqšaŷdy, qara čer sōġūlūštū. qara šebeldej-be qan mergen qarbaža-qarbaža kelgenerin — četti kūnge šyŷa perdīler.

četti kūnnū paštarynda teŷnep kelip, čaryŷtylar. čedinižip aŷyp, čer aŷtyna tūžūbūštūler. qara šibeldej uŷġ sarynyn sārnap tūšča, uŷġ qajyn qajlap parča. qara šebeldej sarnapča: «mīne parčīn kiži men-čelep kūnū čaryqtn qāny qan mergenge pār-kōrzūn!», tep, čūs mondaŷyp, čūs pōlōnip tūšča.

tūže-tūže kelgenerde: qara taŷaj qāštap tūščaŷar, qara tajŷa tōstep tūščaŷar. pūtken aŷaŷy qara toŷana pūtken čer-be tūščaŷar; pūtken odu qyjaq pūtken čer-be tūščaŷar. pōlar čer ebōre tūšken qara turāŷ qažyna čettīler. anāŷ ara čedinižib aŷyp, qara turāŷa kirbistīler. qara tura qara šebeldejdiŷ čātčātqan šynyq čeri pōlčāŷ pōltur.

qara šebeldej-be qan mergen aŷyš-paryšyp ešten-kelip, myndaŷy čerge čada bergenner. qan mergen ada čurtun aqtap pajlap uŷduttu: par pōŷan-ma, čoq pōŷan-ma — aqtap uŷduttu. qan arŷo pečezi qan mergenniŷ uŷġ saŷyštaŷ šyqty. čada-čada kelgenneri — aj ertkenin pilbes pōldu, čyl ertkenin pilbes pōldu.

as-pa kōp-pe tem ertkenin qan mergen pōzu pilinmēnča. qara šebeldejdiŷ qūr-parŷan qursayy qurču šenge čēt-partyr. any kōrgen qan mergen qara šebeldejdi qadyġ čerge pastyrbānča, ār nebe qaptyrbānča. qara šebeldej toŷus ajŷa čedižip, toŷadyp pās-čōrer kūn pōldu; onunču ajŷa čedižip, odurop tuyar kūn pōldu.

qara šebeldej anāŷ tūb aŷanyn: qaryš četpes kirbiktiġ, qara pūrgek šyrajŷġ oŷaq tub aŷdy. qan mergen oŷaqty qarā qadačy, kūndūs kūzeči pōŷup, āzyrapča. oŷaq pir qōŷyanda — pir čaštyġ šeni pōlča, ijgi qonŷyanda — ijgi čaštyġ šeni pōlča. oŷaq paŷtaŷ puŷtaŷ pasqan šende ajtča: «eze, qara šebeldej iče, kiži attyġ pōlčāŷ, kijik tūktūġ pōlčāŷ! ady-šōlamny ada per! men mynaŷ šyqsam, kūnū čaryqtn aŷybyn tōza qyryp, aq maŷlaryn qačyryp enerim! qan mergen abamnyŷ maŷyn tozōq qačyryp enerim. anāŷ tūšsem, pistiŷ čerdiŷ toŷus erlik qān čerinen aŷa qaŷyŷyn tozōq qyrarym. po kūnū čaryqta, čer aŷtynda kōp qān, kōp pij pōlbaŷyn! čaŷys qān, čaŷys pij men-ne pōlarym!» tep ajtty. oŷaq qara šebeldej ičezin erik čaryq perbedi. aŷtyn ōrgeden čediniškenče šyqtylar, aq čazyŷa pardyŷlar.

Белее снега лицо Кан Мергена стало подобным копоти казана, краснее пламени лицо его подобным почерневшей хвое сделалось. «Чем на тебе, Черная Шебельдей, жениться, — лучше глаза мои я закрою, голову мою сложу!» — (так Кан Мерген ей) ответил. Черная Шебельдей сказала: «Подожди-подожди мой муж Кан Мерген, если плечи и шею твою выгибать я начну, — любимой своей (меня) ты назовешь, если спину и шею твою вывертывать стану, — женой своей (меня) назовешь!»

Кан Мерген с Черной Шебельдей за ворота [головы] друг друга схватили, в белую стену потащили. Твердое дерево разошлось, черная земля распалась. Кан Мерген с черной Шебельдей дрались-дрались, — уже наступал седьмой день.

На седьмой день они в одно время друг друга отпустили. Взявшись за руки, под землю спустились. Черная Шебельдей, великую песню напевая, спускается, великую сказку наигрывая, идет. Черная Шебельдей поет: «Вот пускай попробуют (другие) люди, подобно мне, выйти замуж за богатыря солнечного мира, за Кан Мергена!» [говоря]. Сто раз извиваясь, сто раз изгибаясь, она (под землю) спускается.

Когда они (так) спускались, то берегом черного моря проходили, подножьем черной тайги проходили. По земле, на которой из всех деревьев черный черновник один рос, шли, по земле, на которой из всех трав осока одна выросла, они спускаются. Края черного города, раскинувшегося вокруг земли, они достигли. Держась за руки, в черный город вошли. Черный город был той землею, где жила Черная Шебельдей.

Кан Мерген с Черной Шебельдей поженились и в здешней земле стали жить. Кан Мерген отцовское стойбище совсем забыл — было ли (оно) или не было, он того и не помнит. Сестра его Кан Арго из памяти Кан Мергена ушла. Жили-жили. Не замечали, как месяца проходили, не замечали, как годы проходили.

Мало ли, много ли времени прошло, Кан Мерген и сам не знает. Высохший живот Черной Шебельдей сделался подобным наперстку. То увидев, Кан Мерген Черной Шебельдей на жесткое место не дает ступать, тяжелые вещи не дает поднимать. Наступил день, когда, после девяти месяцев, Черная Шебельдей должна была от родовых схваток (взад и вперед) ходить, настал день, когда, после одиннадцати месяцев, Черная Шебельдей должна была, сидя, родить.

Потом Черная Шебельдей родила. Мальчик родился с бровями, больше чем в четверть, с черным нахмуренным лицом. Кан Мерген, ночью как караульщик, днем как охранитель, сына возвращает. Когда сын ночь одну переспал, стал как годовалый; две ночи когда переспал, стал подобен двухлетнему. Ребенок едва ходить, качаясь из стороны в сторону, начал, как уже говорит: «Мать Черная Шебельдей, человек всегда с именем бывает, дикая коза всегда с шерстью бывает! Имя-прозвище мне дай! Если я отсюда выйду, то богатырей солнечного мира всех погублю и, гоня (их) белый скот, (назад сюда) спущусь. Скот отца моего Кан Мергена весь

qara šebeldej ōlaqty čedin-saıyp, ūlgen tūbūn ūze qyjyrdy, častyn tūbūn čāra qyjyrdy. «at poıza, qaıyqqa poızun! at poıbaza, čelge poızun! qara šebeldej ičeliġ-sın, qān mergen abaıyġ-syn! tep, aıtyñā mūnčen adyn attañ artyq saryġ, čaııyġ saryġ at poızun! üstüne mūnčen kŭlŭgŭ čajya čörüp tapqan paıam šajyn mergen poıarzyn! sen ašpān azyġ-dā pŭdün qaıbazyn! sen kešpēn keziġ-dā pŭdün qaıbazyn! čer aıtyñān šyqqan ūš qaraqtyġ qara šoıan seni ōtäre oılap parbazyn! kŭnŭ čaryqtañ kelgen toıyş kōstŭġ aıtyñ oq seni ōtäre oılap parbazyn!» tep, qyjyaryp kelip, adapča.

qara šebeldej-be šajyn mergen qara turaya čediniš kirdiler. šajyn mergen, adyn sijderip, čāt-kelip uzubaza pergen. qara šebeldej šajyn mergen paıazyn ebäre pāzyp čörüp körgenin — šajyn mergen paıazynyn qabyrya tūbünde qastaı parčan čeri čoyuı, ōrtqa tūbünde oıluı parčan čeri čoq, qyjyı-parar tyny čoyuı, qyzaryp aıar qany čoyı. qara šebeldej paıazyn körüp kōre kele, kōnnüne kirča, sanap kelip, saıyžyna kelištirča. oñ eksijin yzajtyp, qara šebeldej pazyp čörča.

erten tañ atqanda, erten kŭn šyqqanda šajyn mergen kerilip čyžylyp usqandy. šajyn mergen anañ tura saıdy. tōrden tepken azayy ežik čanya čet-partyr. šajyn mergen aq tajya-če attyġ, pōs tajya-če pōstug pōı-partyr.

šajyn mergen qara turadan šyya pasqanyn — qara šarčyn tōzünde saryġ čaııyġ saryġ, sara't payıaıyp partyr. saryġ čaııyġ sar'attyn aıtyñ ezer syrt čazaıtyr, kŭmŭš čügen paš čazaıtyr. saryġ čaııyġ sar'at qara šarčyn tōzün ebire taqtap turča, qara šarčynyn pažyn keze kepšep turča. šajyn mergen saryġ sar'attyn aıyna paryp, saıry sajyn sijbap kelip, qat qujayyn qadanča, qapčajaj tonun kesča. edek aıa šojben poıča, qoıtuq aıty aııyġ pildirča. «qačan tušta qaıyq aılap čörüp, qānyq kelip qarbašsam, čaqšy poıar!» tep ajtty. qara mŭs čačayyn tartyp körgeni — tūbŭ tōzŭ qadyġ pildirča. «qadyġ šaġdy aılap čörüp, qanyyp kelip tartsam, epke keler kŭn poıar!» tep erbektendi. šajyn mergen qara turā kire pasty. odurup aš-pa tabaq čidi.

aš-pa tabaq čib-oduryanda šajyn mergen ajtty: «eze, qan mergen aba, qara šebeldej iče, men kŭnŭ čaryqqa šyqčam. pō kŭnŭ čaryqtn aıybyn tōza qyryp, aq maııarın qāčyr tŭžerim. qan mergen abamnyñ maıyn pistiñ čerge qačyrb-ōq tŭžerim. anañ tŭšsem, pistiñ čerdi taıarım, toıus erlik qannyn čerinen aıa. pō čaryqta kōp qān poıbazyn, kōp pij poıbazyn! čayys qan,

тоже пригону. Потом, когда сюда спущусь, нашей земли народ, начиная с земли девяти Эрликов, весь погублю. На этом солнечном свете и под землею много ханов, много начальников пусть не будет. Единственным начальником, единственным ханом я один буду!» [говоря, сказал]. Мальчик матери своей покоя не дал. Взявшись за руки, (они) из золотого дворца вышли (и) в белую степь отправились.

Черная Шебельдей, держа сына за руку, крикнула, разрывая на части дно вселенной, крикнула, расщепляя надвое дно преисподней. «Если (это) — имя, (то) для народа пусть будет, если (это) — не имя, ветру пусть достанется. Ты имеешь мать Черную Шебельдей, ты имеешь отца Кан Мергена. Конь, под тобою идущий, лучший из коней с рыжей гривой, рыжий конь да будет! На коне едущий храбрец, в блюде рожденный мой ребенок, Шайгын Мерген ты будешь! Пусть не останется перевала, через который бы ты не перевалил, пусть не останется брода, который бы ты не перешел. Из-под земли вышедшая трехглазая стрела тебя насквозь да не пронзит! Из солнечного мира пришедшая девятиглазая золотая пуля насквозь тебя пусть не пройдет!» — [говоря] так прокричала и дала имя ребенку.

Шайгын Мерген с Черной Шебельдей, держась за руки, в черный дворец вошли. Чтобы имя в него проникло, Шайгын Мерген спать лег. Черная Шебельдей своего ребенка Шайгын Мергена, вокруг обходя, разглядывала. У ребенка Шайгын Мергена у основания ребер нет места, где бы они могли надломиться, у основания хребта нет места, где бы могло образоваться отверстие. Нет у него души, которая могла бы быть срезанной, нет крови, которая могла бы, краснея, течь. Когда Черная Шебельдей ребенка своего разглядела, — он по сердцу ей пришелся, когда (о нем) подумала, — к мыслям ее подошел. Правой стороной рта улыбаясь, ходит Черная Шебельдей.

Утром, когда заря занялась, когда солнце взошло, Шайгын Мерген, потянувшись, проснулся. Шайгын Мерген потом встал. От переднего угла протянутые его ноги достигают двери — (такого огромного роста он стал). Он стал богатырем, ростом с серую тайгу, имеющим коня с белую тайгу.

Шайгын Мерген из черного города вышел. У основания черной коновязи имеющий рыжую гриву рыжий конь привязан был. Спина рыжегривого коня украшена золотым седлом, голова серебряной уздечкой украшена. Рыжий конь, [вокруг] подножье черной коновязи (землю) утаптывая, стоит, вершущу черной коновязи грызя, стоит. Шайгын Мерген к рыжему коню подошел, по спине погладил; многослойную кольчугу он надевает; шубу скорее надевает. Полы его по полу волочатся, проймы слишком широкими оказываются. «В то время, когда я, проезжая промеж чужих народов, рассержусь и [в гневе] буду сражаться, эта одежда как раз для меня станет!» — [говоря] говорил. Когда черный роговой лук натянул, он показался ему твердым. «Когда в жестокой битве [промеж народа ходя], разгневавшись, я натяну этот лук, он мне как раз по руке станет!» Так Шайгын Мерген сам с собой

čarys pij šajyn mergen men-ne poľajyn! tep ajtty. men čörüp ajlanyp kelgenče, qan mergen abam čer ebärip pärbyzar poľza, anañ ensem, šyľalyр ösken synyn tōγus čerden sγ-šabarym!» tep ajtty. šajyn mergen aštān qaryny tosturdu, ārynān pōzun küštendirdi. altyn ustoldañ tura pasty. sa-qtašpasqa ezen surašty, saγynyšpasqa menči surašty.

sajyn mergen qara turadañ šyγa pasty. saryg čallyg saryg sar'adyna čaryanat-šeni čapšynyp, qanyq kelip, qamčy šapty. saryg šar'at čügärüp šyybysqanyñ — čätčätqan qara tura qara pežik šeni čajylyš-qaldy.

šajyn mergen paryan sōnda čer arγazy negilišti, čegen tübü tarty-lyšty. qara tajγa paštaryna qāzyr saľyn kirišča. ulug tajγa paštaryna ulug saľyn kirišča. ulug synnyñ qyryna qara qyr'at qazaľa tüštü. qara qyr'attyñ üstüne qara qylys mün-saľtyr. qara qylyštyñ qarayy oraj-qaltyr, qabaγy tōnej-qaltyr. qara qylyš čüs attyn tibirtin saldy, muñ kiženiñ qyγyzyñ töktü. «ady čitken qara šebeldej emde-be? aľyp poľzañ, adyžarγa! külük poľzañ, kürežerge! sen qara šebeldej! abam ošqaš qan mergenni arγa meke-bile (tūžirüp pär-saľyp, matabōq paqtanyp partyrzyñ. men qara qylyštyñ qoľuna kīr-parzañ, kečegi tuγan keš paľa šeni poľbān-oq qalar-zyñ!».

any uqqan qara šebeldej qara turadañ čügür-šyq-pardy. qara qylyšty at pāženañ añdara tartyp, aq čazyγa sörtep pardy. qara šebeldej-be qara qylyš čabaľ adaj šeni qābyš-pardyľar, čabaľ nek šeni süzüš-pardyľar. qarbaža-qarbaža kelgenerin — tōγus küñge čede perdiler. toγus künnün paš-tarynda qara šebeldej sürünmes čerden süründü, tajlyqpas čerden tajlyqty. qara qylyšty as tudundu, qara čerdi köp qarbandy.

qara šebeldej ācyjynañ qysqyryp, ulug sýtqa kirbisti. «qaj poľyanzyñ, paryan kižim qan mergenim, meni körben? āryg küzüm albān, čaryq čerden čazyp ašcañ šenim četti!».

any uqqan qan mergen qara turadañ čügür-šyqty. «körzeñ! meniñ aľγan kižim qara šebeldejim čaryq čerden čazyp aščatyr-nō! men čabaľ pōnu pilbēn qara turanyñ ištinde čystanyp ōdur-čätärym!» qan mergen čügürüp kelip, qara šebeldejdi čara tartyp, aq čazyγa küredi. paľazy ošqaš qara qylyšty čabaľ adaj šeni qāb-aľdy, čabaľ nek šeni sūs-pardy. qara qylyš ajtty: «paj, paj, abam ošqaš, qan mergen, aščätqan šenimde ajlandyryzzyñ!»

разговаривал. Шайгын Мерген в черный город вступил. Усевшись, с вином еду ел.

Когда Шайгын Мерген так сидел и с вином еду ел, он сказал: «Кан Мерген отец, Черная Шебельдей мать, я в солнечный мир теперь выхожу-поднимаюсь. Богатырей этого солнечного мира всех погублю и, гоня белый скот, (сюда опять) спущусь. Скот Кан Мергена, моего отца, в нашу землю тоже пригоню. Когда оттуда спущусь, нашу землю я разрушу, начиная с земли девяти Эрликов-ханов. На этом свете много ханов да не будет, много начальников да не будет. Единственный хан, единственный началь-ник только один я, Шайгын Мерген, пусть буду! [говоря, сказал]. Если до моего приезда Кан Мерген мой отец, [кружа по земле] (отсюда) уедет, (то) когда я спущусь сюда, стройный стан его на девять кусков переломлю» [говоря, сказал]. Шайгын Мерген проголодавшийся свой желудок наполнил, отошавшего самого себя подкрепил. И из-за золотого стола встал. Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, откланялся.

Шайгын Мерген из черного города вышел. К рыжегривому рыжему коню, как летучая мышь, прильнул и, рассердясь, плетью ударил. Когда рыжий конь побежал, черный город, подобно черной колыбели, закачался.

Когда уехал Шайгын Мерген, хребет земли затрясся, подземное дно заколебалось. По вершинам черной тайги могучий ветер пронесся. В вер-шинах великой тайги великий ветер подул. На край великого хребта черно-гнедой конь бегом спустился. На черно-гнедом коне Кара Кылыш верхом приехал. Глаза Кара Кылыша углубились, лоб его выступил. Кара Кылыш топотом ста коней топтал, крик тысячи людей испускал. «Прокля-тая Черная Шебельдей дома ли? Если ты богатырь, то сражаться (станем), если ты храбрец, то бороться (станем)! Черная Шебельдей! Кан Мергена, что был вместо отца мне, обманом-хитростью заставила спуститься под землю; женив его на себе, ты уж очень расхвасталась. Если попадешь в мои, Кара Кылыша, руки, даже не станешь по силе равной вчера рожденному крошечному ребенку!»

То услышав, Черная Шебельдей из черного дворца выбежала. Кара Кылыша через голову коня свалила и в белую степь потащила. Кара Кылыш с Черной Шебельдей, как злые собаки, хватили друг друга, как злые (бодливые) коровы, бодали друг друга. Когда они так дрались [-дрались], девять дней прошло. На девятый день Черная Шебельдей на земле, на ко-торой не спотыкаются, спотыкаться стала; на земле, на которой не поскользнуться, поскользываться стала. Кара Кылыша (она) мало (хва-тала и) держала, черную землю много схватывала.

Черная Шебельдей от огорчения завизжала и в великий плач вошла: «Что с тобой, мой муж, Кан Мерген, меня почему (ты) не спасаешь? Чистой силы моей нехватает, настало время мне с солнечным светом раз-лучиться — погибнуть!»

То услышав, Кан Мерген из черного города выбежал. «Смотри! Моя жена Черная Шебельдей со светлой землей разлучается — гибнет!»

ertipčätqan šenimde ebirgenziñ! kün kelgende ijgele äryġ tynya čediščeñ-pedibis!» qara qylyş qan mergenni alton sös-pe ajlandyrça, četton sös-pe ebirça. qanče-daŷy qara qylyş qan mergenni erbekteze, qan mergen «nō kižiniñ adajy ūrça, nō kižiniñ quŷu erbektepča!» tep, qyja-daŷy körbenča. qan mergen qara qylyşty qap šenōq silkipča, qara qajyş šenoq toŷapča.

qarbaža-qarbaža, kün ertti teginin — toŷus kün ert-pärtyr, pir aj ertti teginin — četti aj ertip pärtyr. as köp qarbaščätqan šende qara qylyş sürünmes čerden sürün-säl̆b-odur, tajlyqpas čerden tajlyq-säl̆b-odur. qan mergenni as tudunar poŷdu, qara čerdi köp tudunar poŷdu. azaq-pŷla as pasty, aja-bēla köp tajandy. qan mergen, ūlgen tūbün ūze qyjŷeryp, qarbašča, častyn tūbün čara qyjŷeryp, qarbašča. qujun šeni qujburča, saŷŷyn šeni sābyryŷča. qara qylyştyñ qyjŷyzy uqpān po čer üstünde nebe qal̆bady. üstün-daŷy turŷan qudaj uqqan, aŷtyndaŷy turŷan ajna uqqan.

qara qylyş uluġ ačyŷyn āčynča, uluġ sŷdyn syqtapča. «adañnyñ āčyŷy qan mergen, āščätqan šenimde sen ajlanderyp, ertipčätqan šenimde sen ebirip, am kün kelgende sen-oq äryġ tynyma četčañ!», tep, qan qylyş uluġ sŷdyn syqtapča. qan mergen pirdā nebe uqpān qarbažaryn-na qarbašča. qara qylyş qan mergenniñ pažynañ pažap tabanyna četere körča. tabanynañ pažyna četere körüp, qarbašča.

qara qylyş köre-köre kelgenin — qan mergenniñ ōñ öštünde čes inge qazaŷyp partyr. čes inge qat qujaqtyn üstünde pažy piler pilbes-le šyq-qal̆tyr. qara qylyş čes ingeni šurta tartyp, sŷ pazyp, aq čazyŷa kürebisti. qan mergen — čes ingeni šurtup aŷyanda — aq čazyŷa sas ojda kēl-tüštü. qan mergen ijgi qaraqtyn čažyn pōš qōrlatty: «uluġ obaŷ, uluġ kej! no-nō poŷam? qara qylyşty āščätqan šeninde ajlandyrb-aŷyp, ertipčätqan šeninde ebirb-aŷyp, am kün kelgen men-oq äryġ tynyna čedergē-t-čätärym!» tep, qan mergen uluġ sŷtqa kirdi.

qara qylyş qara turanyñ ištine kire čügürüp, qara šebeldejdiñ āzyra tuŷunnañ aŷyb-aŷyp, šörtep šyqty. ūš puruŷup, qara čerden türe tuttu, tegri qāñya kōdür-šyqty. ajlandyr-kelip, qara taštyn üstüne tūžürbüstü. qara šebeldejdiñ aš pelin ūze šabystyr. qara šebeldejdiñ ölgen sōġu taġ poŷtur, töġülgen qany kōl poŷtur.

qara qylyş ajtty: «eze, abam ošqaš qān mergen, nōnu pōġünüp, nōnu sananyp ōdurčañ?» qān mergen ajtty: «öre körzem, kōk tegri, töbere

Я, несчастный, этого не знаю и, прозябая, внутри черного города сижу». Кан Мерген подбежал, Черную Шебельдей отнял, в белую степь отбросил. Кара Кылыша, близкого ему, как родной ребенок, словно злая собака схватил, словно злая (бодливая) корова бодает. Кара Кылыш сказал: «Пай, пай, Кан Мерген, родной мне, как отец мой! В то время, когда я погибал, ты меня вернул (к жизни), в то время, когда я кончался — ты меня спас от смерти! Разве наступил такой день, что мы должны губить друг друга?» Кара Кылыш Кан Мергена шестьюдесятью словами поворачивает-уговаривает, семьюдесятью словами окружает-упрашивает. Сколько Кан Кылыш Кан Мергена ни уговаривает, Кан Мерген, говоря: «Какого это человека собака ворчит, какого человека раб разговаривает», даже косо на него не смотрит; Кан Мерген Кара Кылыша словно мешок трясет, словно черный ремень скручивает.

Они дрались-дрались, — думали, что день прошел, девять дней прошло, думали, что месяц прошел, оказалось, что семь месяцев прошло. Когда много ли, мало ли они боролись, Кара Кылыш на земле, на которой не споткнуться, спотыкаться стал, на земле, на которой не поскользываются, поскользываться стал. За Кан Мергена мало держался, за черную землю много хвататься стал. Ногами мало ступал, на ладони много опирался. Кан Мерген дерется, что есть силы крича, сражается, крича, сколько хватает голоса. Подобно вихрю кружится, подобно ветру бушует. Не осталось никого под землею, не осталось никого на земле, кто бы крика Кара Кылыша не услышал. Находящийся наверху земли кудай (тот крик) услышал, под землею находящийся айна услышал.

Кара Кылыш великим огорчением огорчается, великим рыданием рыдает. «Отца твоего печаль, Кан Мерген, в то время, когда я погибал, ты меня возвратил к жизни, в то время, когда я умирал, ты меня вернул к жизни, теперь же день пришел — ты же мою чистую душу губишь!» — (так) говоря, Кара Кылыш великим рыданием рыдает. Кан Мерген ничего не слышит, продолжает с ним драться. Кара Кылыш Кан Мергена с головы до ног осматривает. Оглядывая его от пят до головы, борется.

Кара Кылыш глядел-глядел, оказывается: в правое плечо Кан Мергена медная игла воткнута. Головка медной иглы поверх кольчуги едва заметно виднеется. Кара Кылыш медную иглу вытащил, изломал и в белую степь выбросил. Когда медную иглу вытащил, Кан Мерген в белую степь навзничь упал. Кан Мерген слезы [двух глаз] проливал: «Великое чудо, великое удивление! Что это со мной было? Кара Кылыша, которого я к жизни вернул в то время, когда он погибал, которого я спас, когда он умирал, теперь я же, оказывается, погубить хотел!» — (так) говоря, Кан Мерген великим плачем рыдать стал.

Кара Кылыш внутрь черного города вбежал, Черную Шебельдей за [раздвоенные две] косы схватил и вытащил. Трижды повернул, с черной земли схватил, к [хану] небу поднял. Повернув, на черный камень бросил.

körzem — qara cer! pirdā nebe pögünmēnčam, pirdā nebeni sananmānčam!» qara qylyš ajtty: «po künü čaryqtn qany qan mergen, po qara šebeldejdi alyp, po čerge qajde tüš-kelgenziñ» qan mergen ajtty: «qara šebeldej-be četti künge šyğara qarbašqamny men pilinčam, anañ ara qajde qara šebeldej-be po čerge qajde tüškenim pilinmēnčam. anañ pilingenim — sen qara qylyš-pa qārbaščattyrym!»

qara qylyš surady: «sen qan mergen, alyp šadaj ałarğa kelgenziñ, am alyp šadaj pałazyn qajde ałarğa sanapčañ?» qan mergen ijgi qaraqtn çazyn pōš qōrladyp syqtady. «ałyğ tuğan men qan mergen alyp šadaj pałazyn ałar šende ałbān qalyamda — am qajdan tābyp ałarym. po šenge tōnče aj alyžyp, çył ertiš-pardy. artyq tegen alyptar uluğ tojdu tojlap, erie pajoq āparγannar połar!» tep syqtapča. qara qylyš ajtty: «abam ošqaš qan mergen, alyp šadaj połazy ałtyn kōk alynda tura-berze, alyaj-pediñ?» qan mergen ajtty: «paza ałtyn kōk mēñ alyma kelip turčañ-pedi! šynap alyma turza, čōk albačañ połyam!».

qara qylyš izebinen alyp, ałtyn purba taštady. alyp šadaj połazy ałtyn kōk šynyq pōzu tura sałdy. šyğar künnün šynyqoq-če, tōlar ajdyn tōlazoq-če pildirča. pōnu kōrgen qan mergen «ulug obał, uluğ kej!» tep, ijgi qaraγy pažyna patpān pardy. «alyp šadaj połazy ałtyn kōk sēñ izebiñe qajde kīr-parγan?» surady.

qara qylyš ajtty: mēñ izebime qajde kir-parzyn! sen qara šebeldej-be tüžürbüsken sōnda men alyp šadaj čerine četkem. alyp šadaj čerin taładym, po čerge čettim. mēñ qara qylyštn qabaγym tōnejip, qaraγym orajdy, āryğ küžüm šyqqan šende saγa šaptyrdym, abam ošqaš qan mergen!».

qan mergen ałtyn kōktü körüp, könnüne kiripča, sanap kelip, saγžyna kelišča. qan mergen qysty uγžap tašqap, ałtyn purba ēdip, suγundu. üš qātnap syγyryp, üš qātnap qyγyrbysty. qannañ qəzył qan čegəren ady alyna qazała tüštü. pəlar ijgəle attaryna tēnep münüp, künü čaryq čerine šyγybystylar. para-para kelgenerin — čarylyš čolğa čettilər.

čarylaš čolğa četkende — qan mergen atty: «eze, qara qylyš nanči, mēñ čerime paryp, toju pajym kōrğyp tüzediš-sał, anañ pozunnuñ čeriñe nan!» qara qylyš ajtty: «parardan parar edim, čatqan čerim čā čolu čer. kada čurtumnañ šyqqannañ ała aj alyžyp, çył çylyš-pardy. paryp, čeri

Могучую поясницу Черной Шебельдей переломил. Умершие кости Черной Шебельдей горой стали, пролившаяся кровь озером стала.

Кара Кылыш сказал: «Близкий мне, как отец, Кан Мерген, о чем раздумывая, о чем вспоминая, ты сидишь?» Кан Мерген отвечал: «Вверх если посмотрю — синее небо, вниз если посмотрю — черная земля. Ни о чем я не думаю, ни о чем не размышляю!». Кара Кылыш спросил: «[Этого] солнечного мира хан, Кан Мерген, как это ты на [этой] Черной Шебельдей женился и в эту землю спустился?» Кан Мерген отвечал: «Я (одно только) знаю, что с Черной Шебельдей в течение семи дней я сражался, дальше как с Черной Шебельдей в эту землю спустился, — я не знаю. Потом, когда опомнился, — оказывается, что я с тобой, Кара Кылышем, борюсь!»

Кара Кылыш спросил: «Ты, Кан Мерген, ведь приехал, чтобы взять (в жены) дочь богатыря Шадая, теперь дочь богатыря Шадая как думаешь (ты) взять?» Кан Мерген, слезы из [двух] глаз проливая, рыдал. «Глупым родившийся я, Кан Мерген, если во время не взял дочери богатыря Шадая, то теперь где ее найду, и как на ней женюсь. До этих пор месяца сменились, годы прошли. Лучшие богатыри, великую свадьбу пируя, давно уже, наверное, ее увезли!» [так говоря, рыдает]. Кара Кылыш сказал: «Близкий мне, как отец, Кан Мерген, если Алтын Көөк, дочь богатыря Шадая, предстанет перед тобою, возьмешь ли ты ее в жены?» Кан Мерген сказал: «Дочь богатыря Шадая, Алтын Көөк ко мне снова разве явится! Если на самом деле и вправду предстанет передо мною — почему ее не возьму!»

Кара Кылыш золотой перстень из кармана вынул и бросил. Дочка богатыря Шадая, Алтын Көөк, — сама собой перед ними предстала. Она краше восходящего солнца, полнее полного месяца. [Это увидевший] Кан Мерген, сказавши: «Великое чудо, великое удивление!» — глаза вытаращил. «Каким это образом дочь богатыря Шадая в твой карман попала, Кара Кылыш?» — он спросил.

Кара Кылыш сказал: «Вот как она в мой карман попала! После того как ты с Черной Шебельдей под землю спустился, я до земли богатыря Шадая доехал. Землю богатыря разрушил. В эту землю приехал. У меня, Кара Кылыша, лоб выступил, глаза углубились. В то время, когда у меня чистая сила уходила, ты меня бил, близкий мне как отец, Кан Мерген!»

Кан Мерген на Алтын Көөк взглянул — она ему по сердцу пришлась, пораздумал — по мыслям пришлась. Кан Мерген девуцу в золотой перстень превратил и к себе в карман спрятал. Три раза засвистал, трижды крикнул. Краснее крови красно-рыжий конь перед ним предстал. Оба они на коней верхом сели и на светлую, солнечную землю выехали. Ехали, ехали, — до места, где расходятся дороги, доехали.

Когда достигли места, где разделяется путь, Кан Мерген сказал: «Кара Кылыш, друг, отправившись в мою землю, мне свадьбу устроить помоги, а потом уже в свою землю возвращайся!» Кара Кылыш сказал:

čurtumnu körejin! aq małym, albatqy čonum qajde turča-nē?» tep. qan mergen qara qyłyš-pa saqtašpasqa ezen suraštylar, saıynyšpasqa menči suraštylar. qan mergen pōzunun čerine nandy. qara qyłyš pozunun-oq čerine nandy.

qan mergen nana-nana kelgenin — eldin čerin raqqa saıdy, ene čurtun čaıyn aıdy; ajmaq čerin raqqa saıdy, ada čurtun čaıyn aıdy. čer ebidine kirbedi, čer toırazyn tartty; suġ ebidine kirbedi, suġ toırazyn tartty.

qan mergen arıaıyġ synıa šyqty, sylaıajlyġ pelge tüštü. uluġ synnaı anan körüp taınap turıanyn — pōzunun čerine čettir. qaıyq čon qara tajıa šeni turtur, aq maıy ala saj šeni čattır. qan arıo pečeze altyn šarčyn tōzüne turup qadarča. eniš tōbäre endire pastyrdy. altyn šarčyn tōzüne četti.

qan arıo pečezi qan mergenni at paıynan qōlap čölep tüzürdü. «aıa-berdi, tep sanaıam, arıa čaıys tuımam ajlanyp keldi; erte-berdi, tep sanaıam, erke tuımam ebirälip keldi! tep ajıty. qan arıo qan mergenni, qōlap čölep, altyn örgē akirdi. qan mergen izebinen altyn purbany aıyp tašta-bysty, altyn kōk qys tura pasty. pōnu körgen qan arıo altyn kōktü qyryq qatpaš tübüne akirdi. taıba sürünmežin qōıa šabyp, āzara tuıııa örüb-aıdy.

qan mergen altyn örgeden šııa pāzyp, qyryq tāsty qyrb-aıyp, qyryq maıta pērča, ödus tāsty qyrb-aıyp, ödus sökteš perča. qyryq asqyrdyn örün qyra sōıup, qyrbān tārt-kel, toı saıar, ödus asqyrdyn örün tōza soıup, tōırap kelip, toı saıar, tep qyjıyrdy. tāstar tajıa šeni et saıdy, taıaj šeni arııy urdü. čaıyn čerdayı tuıannaryn qyjıy-ba čyıdyıar, rāq čerdayı tuıannaryn elči-be čyıdyıar.

tasqyııa šenep et pyıyrdyıar, taıajıa šenep aš püdürdüler.

tojıa-tojıa kelgenerin — majıqtary sebirdi, aštayan kižileri tostı. ežikte it čabaıy quzuruıy patqanče sebirdi. čabaı kižiniı qulaıy pašqa patqanče sebirdi. tajıa poıup, et turdu, taıaj poıup, arıa urııdu. qaraq tajıdyra körbes tabaq-pa, aqsyn ācytpas arıa-ba sıııady. tojıa-tojıa kelgennerin — kün ertkenin pilbes poıdu, aj ertkenin pilbes poıdu. as-pa köp-pe tem ertken sōnda tōstayı tōzuıdu, tōza čonnary tarady, qazan tübü qaqtarapča, qaıyq-čonnary tarady.

čaııyġ sök četken kižiler āııap kelip nānčaıar «čaštaryı uzaq poızun! čajannaryı mōzük poızun! tep, mindiġ toıdu kem körgen, mindiġ toıdu kem

«Поехать то я бы поехал, но в моей земле война идет. С того времени, как я выехал из отцовского стойбища, месяца сменялись, годы прошли. На землю-стойбище мое, отправясь туда, взгляну я! Белый мой скот, подданный народ мой как-то стоит — [посмотрю]!» Кан Мерген с Кара Кылышем, чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, раскланялся. Кан Мерген в свою землю вернулся. Кара Кылыш тоже в свою землю вернулся.

Кан Мерген, возвращаясь [-возвращаясь], землю своего народа далеко (за собою) оставил, — к материнскому стойбищу приблизился; чужую землю далеко оставил, — к отцовскому стойбищу приблизился. Круглым путем по земле не едет, напрямик проезжает, по извилинам рек не едет, а поперек их переезжает.

Кан Мерген на горный хребет поднялся, в долину, подобную седлу, спустился. Потом, когда с великого хребта поглядел, — оказывается: в свою землю приехал. Подданный народ как черная тайга стоит; белый скот как пестрая галка лежит. Сестра его, Кан Арго, у золотой коновязи стоит (и его) ждет. Вниз по склону спустился, к золотой коновязи подъехал.

Кан Арго, сестра, Кана Мергена за руки взяла и, поддерживая (его), с коня (на землю) сойти помогла. «Брат мой единственный, которого я считала погибшим, возвратился! [говоря]. Любимый мой брат, которого я считала умершим, вернулся!» — [говоря] Кан Арго сказала. Кан Арго Кана Мергена за руки взяла и, поддерживая, в золотой дворец ввела. Когда Кан Мерген из кармана золотой перстень вынул и бросил, — Алтын Көөк девица предстала. Это увидев, Кан Арго (девицу) Алтын Көөк во внутрь сорока комнат ввела. Семь [разветвлений] кос ее расплела, на две [раздвоенные] косы волосы ее заплела.

Кан Мерген из золотого дворца вышел, сорок плешивых кликнул, сорок топоров им дал, тридцать плешивых кликнув, тридцать колунов им дал. «Сорок табунов зарубите и, искрошив на мясо, угощение приготовьте. Тридцать конских табунов убейте, изрубите и свадьбу устройте» — закричал (им) Кан Мерген. Плешивые с гору мяса наложили, водки с море налили. В ближней земле живущих родственников криком собирали, в далеких землях живущих родственников, послав посла, собирали. С таскыл — мяса наварили, с море — вина приготовили.

Пировали-пировали, — худые пожирели, голодные люди насытились. У двери птицы худые зажирили, так что хвосты у них слиплись. У худых людей уши в голову вдавились — так зажирили. Как тайга, мясо лежало, как море, водка была налита. Едой, на которую прямо не могут смотреть глаза, водкой, которая не горчит рот, угощали. Пировали, не замечая, как проходили дни, не замечали, как проходили месяца. Много ли, мало ли времени прошло, лежащее на бересте (мясо) истощилось, — весь народ разошелся, дно казанов загремело, — народ разошелся.

uqqan!» tešcaŋar. kečirtkelig sōk četkenneri qaryap kelip nancaŋar «toj-ba? tešcaŋar, parcin-dayy toj mynan artyq poŋan poŋtur! čaŋyn čerdiŋ kižileri čan čaŋyōq āzeražybystyŋar!» tep, ajdyšcaŋar. er čaqšyŋary, arya sōgū tuduna, tārapča, epči čabaŋy, qurtuŋ qaryn tuduna, tarapcaŋar. at čaryžy išteditker, ālynan kelgen attary aq tōryu pyŋat payŋadyŋar.

uŋuŋ tojlary ertken sōnda qan mergen ēšten-kelip čadybysty. čada-čada kelgennerin: kūn ertča teginin — aj ertip odurtur; aj ertča teginin — čyŋ ertip odurtur. qan mergen anan kōrgenin: aŋyan kižizi aŋtyn kōktūŋ qursaŋy pažynan ažar šenge čet-partyr. any kōrgen qan mergen aŋtyn kōk aŋyan kižizin qadyŋ čerge pastyrbānča, ār nebeni qāptyrbānča.

aŋtyn kōk tōyus ajda toŋyatty, onuncu ajda ōdur tuŋdu. qartyŋadyŋ qaraqtyŋ, qan čapšyryŋan nāqtyŋ oŋaq tūb-aŋdy. qan mergen oŋaqty qara qadačy poŋup, kūdūs kūzeči poŋup, āzyrapča. oŋaq pir qona — pir čaštyŋ poŋča, ijgi qona — ijgi čaštyŋ šeni poŋča.

oŋaq paŋtan puŋtan pazar šenge čedip, ajtča: «adaŋnyŋ ačyŋy, enenŋin qōquju! qan mergen abam! ūren čurt ūzūčan šen četti! kičig čurt kištečen šen četti! ady čitken šajŋyn mergen pistiŋ čerdi taŋary a pō čerge ajlanča, eze, aŋtyn kōk iče, aŋton kiži kōdūr poŋbas ala šaraŋa aš čaza per! kiži attyŋ poŋčan, kijik tūktūŋ poŋčan! ady čitken šajŋyn mergen ajlanŋanče, ady šolaŋny adat-qalaŋ!»

any uqqan aŋtyn kōk qyryq qātpaš tūbūnen aŋton aŋyp kōdūr poŋbas ala šaraŋa tōldura aš urup, āšyŋyp, oŋaqqa tuda perdi. oŋaq qāb-aŋyp, aq čazyŋa šyŋa pās-paryp, ūlgen tūbūn ūze qyŋyrdy, častyn tūbūn čāra, qyŋyrdy. «adym adačan kiži aŋyma kelzin! adym adabas kiži čaŋyn pas-pazyn!» oŋaq tura-tura kelgenin — ūš kūnge šyŋara turdu. myndaŋy qalyq čonnaŋ čaqšyŋar adary aq tabynmānča, čabaŋar adary aq egenišcaŋar.

ūš kūnnūŋ pažynda aq taŋajdy qaštap, ala qāmyš tajaq tajanŋan, apšij kiži pažyp kēlča. apšij čol saŋbān kižiniŋ pažyna sāp kēlča; čolŋa toŋra turŋan kiženin čodazyna sŋ šāp kēlča. apšijdyn qaraŋynny šyŋbaŋy purnuna kirča, purnunū šimirigi aqsyna kirča; aqsynny silegeji tōš tōbere qōrlapča. apšij kiži aŋynny ōbürūn aŋyna ūze pazynča, keŋtingi ōbürūn keŋtine ūze pazynyp kēlča. apšij kele-kele kelgenin — oŋaqtyŋ qyryjyna pās-keldi. «eze, erke kenči paŋam, ūš kūn-če turturzun; mynda čyŋyan qalyq čonnaŋ arada pirdā kiži sēŋ adynny adary aq šyŋyšpady-ba? uŋuŋ kiži men adap perzem, ada-šabyŋ raqqa parŋaj-ne?» oŋaq ajtty: «ada per, apšij! uŋuŋ kiži adayan at sijiktiŋ tep uqčanym. uŋuŋ kiži kōptū kōrgen, kōptū uqqan. sler pilbes-te nehe čol!»

Люди, которым достались мозговые кости, прославляя возвращаются. «Жизнь ваша пусть длинной будет, дела ваши славными пусть будут!» — говоря. «Подобную этой свадьбу кто видел, про такую свадьбу кто слышал!» — говорят. Те, кому достались кости с хрящами, проклиная возвращаются: «Это разве свадьба! — говорят. Какие ни были свадьбы — все лучше этой! Только своих близких из близкой земли и угостили» — [говоря] друг другу говорят. Знатные мужи, держа в руках спинные кости, расходятся, бедные женщины, держа червивые желудки, расходятся. Конские состязания-бега устраивали. Коням, вперед пришедшим, белый шелковый платок навязывали.

После того, как кончились великие пиры, Кан Мерген удобно расположился — спокойно зажил. Жили-жили, — думали, что день проходит, месяц проходил, думали, что месяц проходит, год проходил. Кан Мерген потом видит — у жены его, Алтын Кёок, живот такой большой стал, что поднимается выше головы. Это увидев, Кан Мерген жене своей на твердую землю не дает ступать, тяжелые вещи держать и поднимать не дает.

Алтын Кёок девять месяцев в родовых схватках билась, на одиннадцатый месяц, сидя, родила. Мальчик, с глазами, как у ястреба, со щеками, сквозь которые кровь просвечивает, родился. Кан Мерген ночью охраняет, днем бережет, мальчика возвращает; мальчик одну ночь проспав, годовалым выглядит, две ночи проспав, подобным двухлетнему стал.

В пору, когда шатаясь ходить начал, он сказал: «Отца твоего печаль, матери твоей огорчение! Наступило время жилому стойбищу уснуть. Наступило время, когда должно будет ржать малое стойбище! Отец, Кан Мерген, проклятый Шайгын Мерген в эту землю направляется, чтобы нашу землю разрушить. Алтын Кёок, мать, пеструю чашу, которую шестьдесят богатырей поднять не могут, вина приготовь. Дикая коза с шерстью бывает, человек с именем-прозвищем бывает. Проклятый Шайгын Мерген в эту землю пока едет, имя получить успеть мне надо!»

То услышав[шая], Алтын Кёок пестро-бледную чашу, которую шестьдесят богатырей поднять не могут, водкой наполнила и, из глубины сорока комнат вынеся, сыну подала. Мальчик чашу схватил и в белую стену вышел; он закричал, разрывая на части дно вселенной, закричал, расщепляя дно преисподней. «Тот человек, который назовет мне имя, пусть ко мне придет! Тот человек, который мне имя не назовет, пусть не подходит!» Мальчик стоял-стоял — целых три дня простоял. Из здешнего народа знатные[—хорошие], чтобы назвать, имя не находят, простые [—скверные] назвать имя стесняются.

Через три дня по берегу черного моря, опираясь на посох из пестрого камыша, старик подходит. Тех людей, которые дорогу не дают, старик по головам бьет, тех людей, которые стоят поперек дороги, по ногам бьет. Слизь (выделяясь) из глаз старика попадает ему в нос; сопля из носа попадают ему в рот; слюна изо рта, стекая, журчит по груди. Старик на передние полы, разрывая (их), наступает; на задние полы, разрывая (их), насту-

oġaq apşijya aġa qōr šarazyn tuda perdi. apşij qāb~aġyp, syrañaj tyn-ma saġyp ertisti. apşjdyñ saġaġy sarbaja, purnu taryaja, aqsy yrbaja, ezirdi. apşij ūlgen tūbūn ūze qyjyrdy, častyn tūbūn čara qyjyrdy. «at poġza, at poġzun! at poġbaza, čel qaqsyn! qan aryo pečeliġ, qan mergen abaġyġ, aġtyn kōk eneliġ poġarzyn! aġtynya mūnčen adyn at šynyŷy aġtyn čaġlyġ aġ-oj at poġzun! aġ-oj attyn ūstūne mūnčen kŭlŭgŭ aġtyn oq poġarzyn! sen aġtyn oq ašpān azyġ-dā pūdūn qaġbazyn! sēñ aġ-oj adyn kešpēn kežiġ-dā pūdūn qaġbazyn! sen, aġtyn oq teksilep ertpēn qaġyq čon qaġbazyn! sēñ aġ-oj adyn kežip cōrbēn suġ qaġbazyn! čer aġtynan šyqqan ūš qaraqtyġ qara sōyan seni ōtore ojlap parbazyn! kŭnū čaryqtañ kelgen toŷus kōstŭg tiriġ tynnyġ qan tōġa oq seni ōtūre ojlap parčañ čeriñ čoq poġzun! qoġyŷa šaptyrba! tabannyŷa pastyrbāñ čōr, ergektige attyrba! tillige sōjletpēn čōr, sen aġtyn oq paġam!» apşij ajtty: «ady čitken šajŷyn mergen slerdiñ čerge ajlanyp kirča, slerdiñ čerde taġ taġaġyp, taġaj šajŷyġar kŭn poġar. aġtyn oq paġam, šajŷyn mergenniñ kŭzū artyq poġup, seni ojda taštāp pararyn pilbēñcam! sēñ kŭzūñ artyq poġup, šajŷyn mergenni taštāp pararynny pilbēñcam! šajŷyn mergenni taštāp šyq-parzañ, po kŭnū čaryqtyñ čaŷys qāny, čaŷys piji sen, aġtyn oq, poġarzyn!» tep ajtča.

oġaq ady šōġazyn adadyb~aġyp, aġtyn ōrgē pazyp enip, aġtyn širke qyrabatqa čāt-kelip, qaryq tārtyp uzubustu. qan mergen oġaqty ēbare pās čōrŭp kōrgeni — qabyryŷa tūbūnde qāstaġ-parčañ čeri čōyŷ, ortqa tūbūnde ojuġ-parčañ čeri čōyŷ. oġaqtyñ tiriġ tynnyġ qan tōġa oq pōnu qastap parčañ čeri čōyŷ. tujuq šojyn, sum moġat šeni čajaġ-partyr. qyzār kelip tañ atqanda, sarŷar kelip kŭn šyqqanda — aġtyn oq keril čyžyġ usqandy. keril qyjbyranyp usqanyanda — qān mergenniñ aġtyn ōrgezi pir čanya nandajyanče pildirdi.

aġtyn oq anañ tur-saġyanyn — tōrden tepken azaŷy ežik čanya četken šeni pildirdi. turup, aġtyn ōrgeden šyŷa pasty. aġtyn šarčyn tōzūn kōrgenin — aġtyn šarčyn tōzūnde at šynyŷy aġ-oj' at paġaġyp partyr. aġ-oj' attyn aġtyn ezer syrt čazaġtyr, kŭmŷš čūgen paš čazaġtyr. aġtyn qujaqty artynyanče turča. aġtyn oq pās-kelip, aġ-oj attyn sāryy sajyn sijbap kelip, aġtyn qujaŷyn qādanđy. aġtyn oq qāt qujaŷyn qadanmysqanda — qōġtuq aġty aġlyġ poġča, edek aġa šōjben poġča. «qačan tušta ūġŷ aġyp qoġuna kērip, qarbašsam, čōptŭg poġar!» tep ajtty. qara mŷs čačaŷyn tārtyp kōrgende — tūbū tōzū qadyġ pildirča. qačan tušta qadyġ šaŷdy ārġap čōrŭp, qanyq kelip, tartsam, epke keler kŭn poġar!»

пает. Старик шел-шел, к мальчику подошел. «Любимое дитя мое, почти три дня ты здесь стоишь, разве из здесь собравшихся людей не нашлось ни одного человека, чтобы тебе имя дать! Если я старый человек назову, имя-прозвище твое далеко ли прославится?» Мальчик сказал: «Дай мне имя, старик! Я слышал, что имя, данное старым человеком, нерушимо. Старый человек много слышал, много видел. Нет ничего, чего бы ты не знал!»

Мальчик пестро-бледную чашу подал. Старик чашу схватил и одним духом выпил. У старика борода растопырилась, нос расширился, рот открылся — опьянел (старик). Старик, разрывая на части дно вселенной, закричал; расщепляя надвое дно преисподней, закричал: «Если это имя, пусть будет именем, если это не имя, пусть ветер унесет! Ты будешь (богатырем), имеющим теткой Кан Арго, имеющим матерью Алтын Кōбк, имеющим отцом Кан Мергена! Конь, на котором ты будешь ездить, бело-сивый конь пусть будет! На коне ездящий, храбрец Алтын Ок ты будешь. Пусть не будет такого перевала, через который ты, Алтын Ок, не переваливал бы! Пусть не будет такого брода, который бело-сивый конь не перешел бы! Да не будет воды, по которой не прошел бы бело-сивый конь! Да не останется народа, промеж которого не прошел бы ты, Алтын Ок! Из-под земли вышедшая трехглазая черная стрела тебя насквозь пусть не пронзит! Пусть не будет у тебя места, сквозь которое могла бы пройти из солнечного мира пришедшая девятиглазая, имеющая живую душу пуля! Имеющему руки не давай себя ударять, имеющему пятки (подошвы) не давай на себя наступать, имеющему большой палец не давай в себя стрелять, имеющему язык не давай злословить про тебя, ты, дитя мое Алтын Ок!» Потом старик сказал: «Проклятый Шайгын Мерген, в вашу землю направляясь, въезжает. Наступит день, когда в вашей земле горы разрушатся, море взволнуется. Мое дитя, Алтын Ок, я не знаю, будет ли у Шайгын Мергена силы больше, и он тебя навзничь бросит. Я не знаю, окажется ли у тебя сила в избытке, и ты Шайгын Мергена сразишь! Если Шайгын Мергена ты победишь, этого солнечного мира единственным ханом, единственным начальником ты, Алтын Ок, будешь!»

Когда имя-прозвище ему дали, мальчик к золотому дворцу спустился, на золотую кровать улегся и, храпя, заснул. Кан Мерген, вокруг мальчика обходя, его оглядывал: у основания ребер нет места, где бы можно их надломить, у основания хребта нет места, где бы можно было отверстие сделать. У мальчика нет такого места, где бы имеющая живую душу кровавая стрела могла его ранить. Из цельного сплошного чугуна, точь-как сталь, был он создан. Когда, розовея, заря занялась, когда, пожелтев, солнце взошло, Алтын Ок, потягиваясь, проснулся. Когда он вытягиваясь и шевелясь просыпался, видно было, как золотой дворец Кан Мергена на сторону клонится.

Когда Алтын Ок потом встал, оказалось — из переднего угла протянутые (его) ноги до двери доходят. Встав, он из золотого дворца вышел. [Когда] на золотую коновязь взглянул, у золотой коновязи [истинный] конь

altyn oq altyn örgē kire pasty. altyn usta! tübüne odurup, aş-pa tabaq çidi. altyn oq ajtty: «eze, qan mergen aba, ady şolamny adadyp, atqa tonça çedindim. şajyn mergen po şende kelze, arıyş çölek pozanmasqa polarym».

ajtqan erbek ertkençe, körgen qaraq nügençe, çer arıazy negildi, çegen tübü tartıldı. turıan aıaş paştary tura synyş-çördü, çatqan aıaş paştary çada synyžyp ertişça. çepek-çepek çel kirça; çibereş kelip nanmıraq çayça. qan mergennin aq maıy, albatqy çony pir ojmaqqa syıa şabyıar kün polça.

altyn öрге qara pežik şeni çajylyştı. çabal tonnuğ apşıılar çabyğ altyna kirdiler. eski tönnuğ qurt'jaqtar emge kire çügürüşüler.

uluğ synnyñ qyryna saryğ çallyğ saryğ sar'at qazaıa tüştü. saryğ sar'attyn üstüne şajyn mergen mün-saltır. şajyn mergen çüs attyn tibirtin saldy, mun alyptyn qyjyzyñ töktü. «altyn çallyğ aı-oj at paıda-ba? altyn oq emde-be? aıyp polza, adyžarça pere şyqsyn! külık polza, kürežerge pere şyqsyn! tep qyjyrdı. arığ tynny ačyğ polza, aq maıynny sürünüp, albatqy çonuñnu mēñ çerime qačyrynyp-kör. mēñ çerime paryp, aq maıdy qadarzan, ryğ tynnyñ artyzarym! maıynny qačyrbas, albatqy çonuñnu qačyrbas polzan, syıaıyp ösken synnyñny tōyus çerden sy şabarym!»

altyn oq tündere körgen qarayyn öre körben, aş-pa tabaqty çirin-ne çipça. şajyn mergen aq maıdy, albatqy çonnu qōbürup qōsqap, uluğ synça qačyr-şyqty.

maıyn qačyryp şyq-parza, çonu nāndera ēn-kelça. çonun qačyryp-şyq parza, maıy nāndyra ēn-kelça. şajyn mergen qara mōlat qylyžyn qāby-nañ şurdu. synnañ qāryşqan maıy synnañ keze şāpty; tōyra qāryşqan çonnu tōyra keze şāpty. maı çaqşyzy tōza kişteşti; çon çaqşyzy tōza syqtaştı: «qaj polyan pistin qānybys pisti körben qyrdyrça!» tep.

pōnu körgen altyn oq tağ seni taryndy, taıaj şeni šişti. qara pūgrek şyrajy qara pārya keptendi. altyn ustaldyn arıazynan tura pasty. altyn örgeden şyıa pāzyp, aı-oj adyna çaryanat-çe çapşyndı. altyn oq şajyn mergenge üdәre pastyryp pardy. şajyn mergen altyn oqqa üdüre pastyryp keldi.

altyn oq ajtty: «eze, şajıa çörüp çajalıan şajyn mergen, mataboq şajıa çörüp tupturzun! saıa kelip ajdan surayy çoq qačyryp pararça maı çon

бело-сивый привязан. Спина бело-сивого коня украшена золотым седлом, голова серебряной уздечкой украшена. [Конь] стоит и на нем золотой панцырь навьючен. Алтын Ок, подойдя, по спине бело-сивого коня погладил, золотую кольчугу на себя надел. Когда Алтын Ок многослойную кольчугу надел, проймы оказались слишком просторными, полы по полу волочатся. «Будет время, я в руки великого богатыря попаду и стану с ним драться, (тогда) как раз подходящей для меня эта одежда будет!»—[говоря] сказал. Когда черный роговой лук натянул, он ему крепким показался. «Наступит время — жестокой войной среди народов я буду ходить и в гневе (этот лук) натяну, тогда по руке мне он будет. Такой день придет!»

Алтын Ок в золотой дворец вошел, за золотой стол сел, с вином еду ел. Алтын Ок сказал: «Отец Кан Мерген, имя-прозвище мне назвали, коня и одежду я получил! Если Шайгын Мерген придет, товарищеской опорой, пока (ты от него) не освободишься, я тебе буду!»

Сказанный разговор еще не окончился, смотрящие глаза еще не моргнули, хребет земли затрясся-задрожал, подземное дно заколебалось. Вершины стоящих деревьев, стоя, одна за другой сломались; вершины лежащих деревьев, лежа, одна за другой сломались. Шумя-шумя, ветер проносится, чуть-чуть морося, дождичек идет. Наступает день — белому скоту и подданному народу Кан Мергена в одной яме скучиться. Золотой дворец его, словно черная колыбель, покачивается. Имеющие худые шубы старики под навес вошли. Имеющие старые шубы старухи по домам разбежались.

На краю великого хребта с рыжей гривой рыжий конь, как вкопанный, остановился. Верхом на рыжем коне Шайгын Мерген приехал. Шайгын Мерген топотом ста лошадей топал, криком тысячи богатырей кричал. «С золотой гривой бело-сивый конь у привязи ли? Алтын Ок дома ли? Если богатырь — то сражаться сюда пусть выходит! [говоря, кричал]. Если чистой твоей души тебе жалко, твой белый скот гони, твой подданный народ в мою землю гони! Если, отправясь в мою землю, там белый скот стеречь станешь, тогда чистую душу я тебе оставляю! Если не хочешь гнать белый скот (и) подданный народ, стройный [выросший] твой стан в девяти местах я изломаю!»

Алтын Ок, обратив вниз глаза, вверх не смотрит, с вином еду продолжает себе есть. Шайгын Мерген белый скот и подданный народ с места поднял и на великий хребет погнал.

Когда он скот [на хребет] загоняет, народ обратно спускается. Когда народ [вверх] гонит, скот назад возвращается. Шайгын Мерген из ножен черный стальной меч вынул. С хребта вдоль дороги убегающий скот — вдоль рассекал, поперек пробегающий мимо него народ — поперек рассекал. Скот [весь] ржал, народ [весь] рыдал. «Как случилось, что наш хан за нас не заступает, губить дает!» [говоря].

Это увидев, Алтын Ок, подобно горе, рассердился; словно море надулся. Черное нахмуренное лицо его в черную печень превратилось. Из-за золотого стола он встал, к бело-сивому коню, как летучая мышь, прильнул.

čoyul! pistiň čerge kirgen at nāndyra čügürüp šyqpačan; pistiň čerge kirgen alyp, emnik tajya ezer salyp, eldiň čerin ebirbečen! men altyn oqtuň qoľunan šyľalyyp öšken synuň tōyus čerden synar!»

qylyš sunuš, ezen suraštylar, čyda sunup, menči suraštylar. at pažynan aňdara šabyštylar. aq čazyňa sörteštiler. polar eštendöre qara qajyš qurdaň qābyžyp polbas, üš künge šyqtylar. üš künniň pažynda enmen paštary eptelišti, cāryn paštary čāpsynyšty. ešten-tyštanyp, am qarbaštylar. myndaýy čerde čozayy pašqa qārbaš polča. po čer čer polbānča, po sug̃ sug̃ polbānča. āryndalyp aqqan aq talajdy šalčyqqa šenep tuduščalar, aq tasqyldy tönšelge šenep tuduščalar. aľaqanap kēl šabyš-turýanarda — aľaqannuň nyrseľayy toýus köstüg̃ altyn soyan pōžanyan šenoq estelča. ol aľaqannuň tabyžy uqpān po čer üstünde nebe qalbody. üstündaýy turýan qudaj uqtu, altyn-daýy turýan ajna uqtu.

qan mergen, ijgi alyp qarbaščatqan čerge kelip, ijgi öldü toqtat polbān. alton sös-pe ajlandyrča, četton sös-pe ebirča. qan mergen ajtty: «eze, ijgi oýlum, nō četpēn sler ijgele qarbašcan polýanzār? aq maľdy, albatqy čonnu tennep pōlüzüp alār. po qarbaščatqan qarbaštaryny toqtadyp, eštēn-kelip čadār!» ijgi alyp «nō kiženiň adajy üreä, nō kižiniň quľu ajtča!» qan mergege qyja-daýy körbenčalyr. čabaľ adaj šeni qābyščalar, čabaľ nek šeni tuduščalyr. ijgi qaraq körbes šenge čede pertirler. qan mergen ijgi öldü toqtat polban salyp, aq čazyňa ödura perdi. qan mergenniň ada saýaly töš čajyp ayyja qušqa keptene pertir; ene saýal enmen čajyp, aq qozany keptene pertir. arsyľ tiži sarýaryp ayyj quš-če čaltaraptyr.

qan mergen ulug̃ sydyn syqtapča, ulug̃ ācyjyn ācypča. «ady čitken šajjyn mergen čāt-qalar polza, üren čurt uzur kün polar, kičig̃ čurt kištēr kün polar! tep syqtapča. šajjyn mergen čāt-qalza, men qān mergen šajjyn mergenniň maľyn qādaryp ölben qajdejin! ady čaqšy altyn oq palam qalčan polza, üren čurt ūna turýaj edi-be!»

aq čazynuň tübünde ijgi alyp qarbaščatqan čerde uzun pilbes qara tuban tartyľ-pardy. qara tuban arazy čerde ulug̃ ayaš užup ertti, ulug̃ alyp östep ašty. alyp tüšken qara qaja tōzera synýražyp ertti. aq tasqyľ teskere aňdaryľyanče pildirdi, aq talaj teskere toľyutqanče pildirdi. ulug̃ tağ uulup tüškenče pildirdi.

Алтын Ок Шайгын Мергену навстречу направился. Шайгын Мерген Алтын Оку навстречу поехал.

Алтын Ок сказал: «В распутстве рожденный Шайгын Мерген, хо-рош же ты, от блуда уродившийся! Чгобы ты мог без спросу угонять — ни скота, ни народа тебе нет! Конь, в нашу землю вошедший, обратно уже не выбегает, богатырь, в нашу землю приехавший, на необъезжен-ного жеребца седло не кладет, вокруг чужой земли уже больше не ездит! Вот как, Шайгын Мерген! Стройный твой стан в девяти местах от моей, Алтын Ок, руки изломается!»

Протянув друг другу мечи, поздоровались; пики выставив, один другого приветствовали. Сваливая друг друга через головы коней, в бе-лую степь тасили. Три дня проходило, они друг друга за черные ременные кушаки схватить как следует не могли. На третий день они плечом к плечу, лопатка к лопатке сошлись — (так) приноровившись друг к другу, [теперь] сражались. В здешней земле иным обычаем сражение происходит, другой поступи борьба происходит. Эта земля землей не стала; эта вода водой не стала. Текущее белое море с лужей равняя, они борются; стоящий белый таскыл с пнем равняя, борются. Когда они друг друга били, ладонями ударяя, — звон ладони раздавался, словно пущенная девятиглазая золотая стрела летела. Не осталось никого на поверхности [этой] земли, кто бы удара той ладони не слышал. Наверху находящийся кудай слышал; внизу находящийся айна слышал.

Кан Мерген, придя к месту, где два богатыря сражаются, обоих юношей никак остановить не мог. Шестьюдесятью словами повертывает, семьюдесятью словами поворачивает. Кан Мерген сказал: «Сыновья мои, чего вам нехватает? Из-за чего вам драться? Белый скот и поддан-ный народ, разделив поровну между собою, берите. Эту битву вашу пре-кратите, уговоритесь (и) мирно живите». Оба богатыря говорят: «Какого это богатыря собака ворчит, какого человека раб говорит!» — даже косо и то на Кан Мергена не смотрят. Подобно злым собакам друг друга хватают, подобно злым коровам друг с другом дерутся. До того доходят, что уже оба глаза перестают видеть, оба уха перестают слышать. Кан Мерген обоих сыновей не в силах [будучи] остановить, в белой степи сел. У Кан Мер-гена отцова борода, грудь закрывая, белой куропатке-птице подобной стала, материна «борода», плечи застилая, белому зайцу подобной стала. Крепкие могучие зубы, пожелтев, словно куропатки-птицы, блестят.

Кан Мерген великим рыданием рыдает, великим огорчением огор-чается. — «С потерянным именем Шайгын Мерген если жить останется, — наступит день, когда жилое стойбище (население) заснет, наступит день, когда малому стойбищу (скоту) ржать придется», — [говоря] рыдает Кан Мерген. «Если Шайгын Мерген в живых останется, мне, Кан Мергену, так и придется умереть в пастухах, пася скот Шайгын Мергена. С хоро-шим именем Алтын Ок, мое дитя, если бы в живых остался, тогда бы разве не благополучно жилое стойбище стояло!»

qan mergen, qara tubanny čara übürüp, čügür-pardy: qajsy qaldy, qajzy pardy kërerge. qara tuban arazynan ojmaq čerge süstüğe alyp, qara qan-ma pürgürüp, qyran čerge tundäre tüzüp, qəzyl qan-ma pürgürüp, altyn oq pazyp šyqty. pönu körgen qan mergen altyn oq palazyn qoldan qabyr, qoltuqtan čölep, čelge tany ał-čörüp, sayyžyn kiirča. altyn oq üškür-kelip, tyn alyndy, syyyr-kelip, sayyš alyndy. šajyn mergen syny saiy synmān körgen qaraq nügbēn, aryg tyny syyp, öltür.

qan mergen-me altyn oq altyn örgē kire pazyp, aq ustaaldyn arazyna, kök ustaaldyn kögregine ötürüp, aš-pa tabaq čidiler. ajaqtap kelip aš ištiler. altyn oq égirine et töldura čidi, pügürine mün töldura išti ede tojlady.

ödürčütqan šennerinde čer arazy negildi, čegen tübü tartyldy. at ašpas apsaq pelden at artyyy altyn čallyg ay-oj at čügürüp ašty. ay-oj attyn üstüne aradyg tajyadyg alyp kiži mün-saltyr. aq tajya-če attyg čadyr, pös tajya-če pčstug čadyr. alyp tölü ay-oj attyn qančyyada toγus tōrsuq, toγus irik aš qančyyalał-partyr. ay-oj at altyn šārčyn tōzüne qazałdy. alyp tölü toγus tōrsuq ažyn, toγus irik tabayyn qančyyadan šešib alyp, altyn örgege akirdi. altyn örgē kirip, ežik ažyp, ezen perišti, pozaya altap, menči perišti. toγus tōrsuq, toγus irik ažy tabayyn altyn ustałya töldura ügdü. ala qor šaraya aš urup, qan mergenge pērča: «čol polza, čol polzun! čol polbaza, čerlig kiži čerimōq nān-pararym! tagya čörzen, tajaayn polaj! suğya čörzen, čölegin polaj! idibissen, ežiktaay idin polaj, čyšqyrbyssan, köžen polaj! qan mergen, aradan čaays qan aryo pečenni pergej-pedin?»

any uqqan qan mergen ajtty: «müngen adyn ay-oj at poltur! pōzun alyptan artyq alyp polturzun! qajdig attyg šolałyg poldu-ne? qajdig qannyn palazy polčanzyn?»

alyt tölü ajtty: «qajdig qannyn palazy polaj! qajdig attyg šolałyg polajyn! mynan ara po čerdin tujyu čerge čatqan, azyrajan abazyn pilbes, ebisken enezin pilbes, qara taštyn tādyn čałyap ösken, ay-oj attyg altyn som ady šolam polar!»

qan mergen ajtty: «kičijim qan aryo polyan polza, oñ qolum-ma tut-kelip, perer edim, altyn som! uluju kižini men pererge čarabas! kirip, qan aryo pečemnen surap körejin. parya ajtsa, ažynny izerim! paspasqa ajtsa,

В глубине белой степи, на том месте, где два богатыря сражаются, бесконечный черный туман разостлался. На земле среди черного тумана великое дерево свалилось, великий богатырь, застонав, погиб. Великая скала, на которую упал богатырь, зазвенела, белые таскылы опрокинулись, белое море в обратную сторону хлынуло. Великая гора нагромождаясь — рухнула.

Кан Мерген, черный туман разделяя, побежал взглянуть, который из двух богатырей погиб. Из черного тумана, по рытвинам спотыкаясь, черной кровью фыркая, на холмистом месте повалившись ничком, красной кровью фыркая, Алтын Ок вышел. Это увидев, Кан Мерген ребенка своего Алтын Ока за руки схватил, подмышки поддерживая, на холодный ветер вывел и в сознание привел; Алтын Ок, глубоко вздохнув, в себя пришел, засвистав, к сознанию вернулся. [Смотрящие] глаза Шайгына Мергена не моргнули, стан его переломился, душа ушла, и он умер.

Кан Мерген и Алтын Ок в золотой дворец вошли. За золотой стол, у синего стола усевшись, с вином еду ели, подавая друг другу чашу, вино пили. Алтын Ок отощавшее тело мясом питывал, впалое тело наваром подкреплял.

В то время, когда они сидели, хребет земли задрожал, подземное дно заколебалось. С сопки, через которую конь не переваливает, лучший из коней с золотой гривой бело-сивый конь бегом спустился. Верхом на бело-сивом коне подобный тайге богатырь приехал.словно белая тайга — его конь, сам богатырский потомок — словно серая тайга.

В тороках бело-сивого коня девять торсуков, девять баранов при-торочены. У [основания] золотой коновязи бело-сивый конь как вкопанный стал.

Потомок богатырей девять торсуков вина, девять баранов из торок отвязал и в золотой дворец внес. В золотой дворец вошел; дверь открыв, поздоровался, порог переступив, приветствовал. Тороки развязал, девять торсуков, девять баранов на золотой стол, заполняя его весь, выложил. В пестро-бледную чашу вино налил и Кан Мергену подal: «Если путь есть, — пусть путь будет! Если пути нет, имеющий землю человек, в свою же землю я возвращусь! Если по горе ходить будешь, твоим посохом буду я! Если по воде ходить будешь, твоей опорой буду я! Если ты меня вытолкнешь, находящейся у двери собакой твоей стану я! Если ты меня выпшвырнешь, ожегом да стану я! Кан Мерген, твою единственную сестру, Кан Арго, отдашь ли ты мне?»

То услышав[ший], Кан Мерген сказал: «Конь, на котором ты верхом едешь, бело-сивый конь, ты сам из богатырей, могущественным богатырем оказываешься! Какое твое имя-прозвище будет? Какого хана ты ребенок?»

Потомок богатыря отвечал: «Какого хана ребенок буду я! С каким именем-прозвищем буду я! [Отсюда дальше] живущий в бесконечном отдалении — тупике этой земли, вскормившего отца не знающий, выкормив-

anda-daŷy iŷpeŷsim!» qan mergen qyryq qātpaŷ tūbūne kərip, qān arŷo pečezinen surapčā. «eze, qan arŷo peče, altn sōm tep alyp seni qudaŷap keltir. altn sōmŷa parŷaj-pedin? qan arŷo ajtty: «parčān kižim altn sōm poŷčān, tutqan qolun taŷdyrbān, āžyn ižibis, tuŷmam!» any uqqan qan mergen nāndəra ŷyŷyp, altn somnuŷ āžyn qāb-alyp, syraŷaj tyn-ma saŷyp ertisti. altn sōm iŷinčizin ūrb-alyp, altn oqqa perčā. altn oq — abazy iŷkende — ižibizoq perdi.

poŷar tōzulbas-ta tojŷa kirčāŷŷr, tügenmes-te aŷqa kirčāŷŷr. iže-iže kelgennerin — eren qābyrŷa aŷ qabyŷčālar. qyŷŷyryŷ-kelip, ūrügüŷ-kelip iŷčālar. «künü čaryqtyn qān-oq-pus, čer altnyn piŷ-oq-pus! teŷčālar. pis qōruqčān, pis egenčēn nō čer!» teŷtiler.

altn sōm tura pasty. saqtaŷpasqa ezen suraŷty; saŷynyŷpasqa menči suraŷty. «čabys-tā poŷza, taŷym par! tajys-tā poŷza, suŷum par! čerliŷ kiži čeksegen, suŷluŷ kiži suqsāyan — čeri čurtuma nānčam!» tep ajtty. qan arŷo qāryŷ teriŷ nebečekterin qara qapqa kire tepti. saqtaŷpasqa ezenoq suraŷty, saŷynyŷpasqa menčoq suraŷty. čat čerine pararŷa čajaŷyan kiži, čat čerinoq pārchām!» altn sōm-ma qan arŷo altn örgeden ŷyŷa pazyp, čeri-čurtyna nānmystyŷlar.

qan mergen-me altn oq altn örgeden ŷyŷa pāzyŷtyŷlar. attaryna teŷnep münüp, uluŷ čurtty ūŷ ēbərə pastyrdyŷlar. alyp aŷpas tebir ŷeden pūdūrdüler. albatqy čonnu alty ēbire pastyrdyŷlar. at aŷpas tebir ŷeden pūdūrdüler. altn ŷārčyn tōžune pāstyr-kelip, ijgi attyn altn ezerin aŷdyŷlar, kümüŷ čügenin paŷтарына oradyŷlar. «süttüŷ kölden suŷ ižār, sürgü taŷdan ot ottalār! tep, ijgi atyn saŷry-ŷajlaryn ŷjbaŷ kelip, pozattyŷlar. qan mergen-me altn oq čel kirbeske syqsyndyŷlar, tan qāqpasqa pekten-diŷer. altn örgē kire pazyŷtyŷlar. qyryq qātpaŷ tūbūne kirip, altn kümüŷ qujaqtaryn ŷurup, iŷpeske aŷtyŷlar; qara ŷojun sapōkterin ŷurup, tebir sun-duqqa suqtuŷlar.

poŷardyn čerge qynap kelip čā kirbēnča, qyŷŷyr-kelip alyp kirbēnča, uluŷ synny āžəra tōrt tujŷaqtyŷ at čügürüp kirbedi, tuŷu miŷtiŷ er kirbedi. altn oq-pa qan mergen čat-kelip, pajladyŷlar, čaŷbaja kelip, sebirdiler.

шей меня матери не знающий, ржавчину черного камня я лизал и так вырос; имеющий бело-сивого коня Алтын Сом мое имя-прозвище будет!»

Кан Мерген сказал: «Если бы Кан Арго моложе меня была, правой моей рукой я бы ее взял и отдал бы тебе, Алтын Сом! Старшего человека мне отдать нельзя! Войдя, у моей сестры Кан Арго попробую-ка я спросить! Если она скажет, что пойдет за тебя, твоё вино я стану пить. Если она скажет, что не пойдет, тогда уж не буду пить!» Кан Мерген в глубину сорока комнат вошел и у Кан Арго сестры своей спрашивает: «Кан Арго, сестра, богатырь по имени Алтын Сом [называемый] тебя сватать пришел. Пойдешь ли ты за Алтын Сом?» Кан Арго отвечала: «Алтын Сом — тот, за которого я должна выйти замуж. Держащей чашу руке твоей не давай уставать — вино выпей, мой брат». То услышав[ший], Кан Мерген назад вышел, вино Алтын Сом схватил и одним духом выпил. Алтын Сом вторично налил и Алтын Оку подал. Когда отец его вино выпил, Алтын Ок тоже пить стал.

Они в нескончаемый пир вошли, в неистощаемое питье вступают. Пили-пили, за ребра вино забирает. Все вместе крича, буйствуя, пьют. «Солнечного мира мы одни только ханы, подземного мира мы одни только начальники! [Между собой говорят]. Где такая земля, где бы мы боялись, где бы мы стеснялись!» [друг с другом говорят].

Алтын Сом встал. Чтобы не скучать, попрощался; чтобы не тосковать, откланялся. «Хоть и низкая, но своя у меня гора есть! Хоть и мелкая, но своя у меня река есть! Имеющий землю человек, о своей земле скучающий, имеющий воду человек, жажду испытывающий, — в свою землю-стойбище я возвращаюсь!» — [говоря] сказал Алтын Сом. Кан Арго какие попало вещи в черный мешок собрала. Чтобы не скучать, попрощалась; чтобы не тосковать, откланялась. «Я, человек, созданный, чтобы в чужую землю ехать (выйти замуж), в чужую землю я и еду!» Алтын Сом и Кан Арго из золотого дворца вышли и в свою землю-стойбище возвратились.

Кан Мерген и Алтын Ок из золотого дворца вышли, на коней в одно время сели, кругом великого стойбища три раза объехали. Железный забор, через который богатырь не перейдет, построили. Подданный народ шесть раз кругом объехали, железный забор, через который конь не перешагивает, поставили. К [основанию] золотой коновязи они приехали. С двух коней золотые седла сняли, серебряные уздечки на головы им надели. «Из молочного озера воду пейте, с горы Сюргю травой кормитесь!» — [так] сказав, обоих коней по спинам погладили и отпустили. Чтобы ветер не дул, засловились, чтобы холод не проник, загородились. Следом друг за другом в золотой дворец вошли. В глубину сорока комнат прошли, золотые и серебряные кольчуги сняли, на вешалку (их) повесили; сапоги из черного чугуна в железный сундук спрятали.

В их землю, разоряя, война не входит. На брань вызывая, богатырь не заходит. Переваливая через великий хребет, имеющий четыре коньета,

qannan ulug̃ qān poʻlup, pijden ulug̃ pij poʻlup, pajlap quʻstap čattyʻlar.

qān qāstayn qābərə čyʻdym,
qara pajba kire teptim.
es qāstayn ēbərə čyʻdym
ēniḡ pajba kire teptim.
araʻya čügür-kirip,
aq qozanaq tudub-aʻldym.
aq qozanʻya čük-tartyp,
ajlān-kelip nānmystym.
ulug̃ qannyn qastayn
ulug̃ čurtqa ākirdim.
odurup uqqan čaqʻşyʻlarʻya
tʻjūq körne čettirdim.
čādyp uqqan čaqʻzyʻlarʻya
čārdyq körne čettirdim.
uzun tep kelip-uzātpadym!
qysqa tep kēl, qyzātpadym!
ulug̃ qannyn čōʻlun
uqqan körgen šenim-me ājt-perdim.

13

aq ölen-me qyr ölen

amdyʻynyn aʻlynda, purunʻyunun šonda, aq talajdyn gāʻzynda, aq tasqyl-če altyn örgej turʻyan poʻlyan. aq tasqyldyn tōʻzünde aq mal čajyʻltyr, aq talajdyn qaʻşynda alбатыḡ čon čajyʻl-čatqan bōʻltur. četton čaryʻtyn qān-pijleri poʻlturlar. aq ölen me qyr ölen ulū-kiciḡ ā-qyr-atyḡ poʻlturlar.

aq öleni pō ulug̃ čajacy čajab-aʻlyanda—ān āryḡ syny kūn şuzun pas-čytqan. kičig̃ ā-qyr attyn igi guʻlaq ārazynda ergek tiži qyjyʻlyq quʻş uja saʻlyan, kōʻylep paryb-ōdurʻyannar. čalbaq parʻyan saʻryzynda tōʻyuzon gylḡ tal ʻyōmus qāyyl parb-ōturʻyan. ijgi qyjyʻlyq quʻş šāʻyanaḡ kōʻyležibiske-nerde, po tōʻyuzōn qyʻlyḡ tal-ʻyōmuš šāʻyanaḡ qayylbysqanda — po kūn čaryq-tyḡ an-guʻzu, alбатыḡ čonu lardyn zōnaḡ tōza šürüş parb-ōdurʻyannar. öre turʻyan teʻridāʻy čayys čajan čajacy pōzu aktek pōlb-ōdurʻyan. paʻlaʻlyḡ kiži paʻlazynaḡ āzyr oturʻyan. paʻlaʻlyḡ an paʻlazynaḡ āzyr-ōdurʻyan.

конь не прибежал; имеющий круглые мозги муж не приходил. Алтын Ок и Кан Мерген живя — богатели, расширяясь — жирели.

Став ханами, (что) могущественнее всех ханов, сделавшись начальниками, сильнее всех начальников, они, богатея, жили.

Хана удачу-счастье все я собрал,
В черный мешок запихал.
Счастье-удачу вокруг я собрал,
В широкий мешок запихал.
В кусты забежавшего
Белого зайца я поймал.
На белого зайца навьючил,
Обратно возвратился.
Великого хана счастье-удачу
В великий юрт ввез.
Сидя слушающим хорошим
Целый подарок доставил.
Лежа слушающим хорошим
Половину подарка доставил.
Длинное — не удлинял.
Короткое — не укорачивал.
То, что видел и слышал, я рассказал
Про путь великого хана.

13

Белый Олен и Серый Олен

Нынешнего раньше, прежнего после, на берегу белого моря величиной с белый таскыл золотой дворец стоял. У подножья белого таскыла белый скот рассыпался. На берегу белого моря подданный народ расселился. Семидесяти миров ханы-начальники были — Белый Олен и Серый Олен, имеющие бело-серых коней — большого и малого.

Когда [этот] великий творец создал богатыря Белого Оленга, богатырь затмевал лучи солнца. Между двумя ушами малого бело-серого коня птицы кыйгылык, самец и самка, свили гнездо. Они ехали и пели. На широком крупе (коня) девяносто-струнный таловый комыс ехал, сам собой играя. Лишь только запели две птицы кыйгылык, лишь только заиграл [этот] девяносто-струнный таловый комыс, звери-птицы этого солнечного мира, данники-народ за ними следом все потянулись. Находящийся вверху на небе единый [творящий] творец сам удивлялся. Имеющие детей люди, оставив детей своих, блуждали; имеющие детенышей звери детенышей своих теряли.

anan pārb-odurʔanarda — uluḡ açazy aq öleḡ anan körze, tunmazʔnyḡ qaraq-čaʔy qān ɖaɭaj bōɭup, pōš eʒilib-odurʔan. aq öleḡ açazy qyr öleḡ tunmazʔnan surapča: «nōdan āra yɭapčān?» tepča-nō. qyr öleḡ ajtča-nō: «seni čōk ede čaʔys čajaʔy čajap saɭyan» tepča-no, po kūn čāryqtyḡ an ḡuš, čonu nōdan āra sūrüşcaɭar? — sen artyq čajalyannan āra sūrüşca-nō. sāʔyʒym qaryɭca — öre turʔan čajaʔy čaʔynny qysqa čajap saɭyan pōɭtur.

pārb-odurcadyp, uluḡ kičig āqyr attar teḡnep kel turupsa-perdiler. aq öleḡ açazʔnan šurapča: «nōnuḡ pōʔu pōɭdu? tep. nodan āra pō pistiḡ attar toqtabyʒtyɭar?» qyr öleḡ ajča: «teʔriden tebir oqca tüšcytqanyn körcaḡ-ma? sen ökpe čüregini ötare šabarya tüšca. aryḡ kūžün alza, üze toɭap šelbi-zerziḡ, tepča, aryḡ kūžün albaza, pōʔa qāqšal-ʔaɭʔajzyḡ — eze. po saʔyqtaḡ sen aš-taj-gaɭzan, pō künnüḡ čāryqqa čaʔysqa qaryɭ čorgejim».

ajtqan šōs ertkenče, körgeḡ qaraq körgeḡ po teʔriden tüšken tebir oqca aq öleḡniḡ čāry purnun cāra ʒap tüš parʔany, āɭtyna müngeḡ aqyr-at šaʔanan šācyɭbysqany — četton čāryqty ötare parʔan. qyr öleḡ açazy mýnan tur qyʔyrybysqan: «nōdan āra menen surabān čügürcaḡ?» āqyr-at qyʔyryča: «toqtap-tur, qyr öleḡ, men amōq čederim, tiriḡ tynnyḡ ot tōlep pārcam, āny ākel aq öleḡni tiriḡizerge».

anʒe minʒe tem baʒynda āqyr' at tura tüštü. āqyr' āt tiriḡ tynnyḡ ottu anan saɭbyza bergeni — aq öleḡ tura serkip turʔan. anan tur-kel, aq öleḡ ajča: «qajde men mynda ūr uzuʔam». anan qyr öleḡ ajča-nō: «abannyḡ pāʒyn ajtšan» tepča-nō, āqyr at tiriḡ ot tāb-alyḡ, tiriḡizib-aldy» aq öleḡ čāryanat-če capšynm-alyḡ, āqyr atty šaʔanan poʒadybysqany — qaja-qaja puɭuḡa šācyɭ-parʔanyḡ pilbēn qaldy.

anan ajča-no qyr öleḡ: «pō uluḡ kiši ölgende uluḡ saʔyʒy šyq-parcaḡ pōɭtur-nō! tepča-no, am any-dā sūrüşup qajteḡin! cerliḡ kiši čekseḡen, suḡluḡ kiši suqsaʔan; čeri-čurtuma parajʔn» tep. āɭtyna müngeḡ adyn, qamcyzyn ajlandyr-kel, anan šabysqanyn — iḡi gaʔayyn nünmüstür; anan gaʔayyn körbüskenin — ada čurttuḡ āɭynda turčutqan pōɭtur. ene ada čurtuna ēn-keɭip, pajlap čurtap ā čada pergen.

Когда они ехали, старший брат Большой Белый Олен взглянул (и) видит, что из глаз его младшего брата слезы текут, становясь морем. Белый Олен, старший брат, у своего младшего брата Серого Олена спрашивает: «Чего ты плачешь?» [говорит]. Серый Олен отвечает: «Тебя почему единый творец так создал? [говорит] Звери, птицы и народы этого солнечного мира за тобой почему следуют? Они следуют за тобой, потому что ты сотворен превыше других. Ум мой печалится, потому что находящийся вверху творец жизнь твою короткой сотворил!»

Когда они (так) ехали, бело-серые кони, — большой и малый, — поравнявшись друг с другом, остановились. Белый Олен у младшего брата спрашивает [говоря]: «Что за чудо случилось? Почему это наши кони остановились?» Серый Олен говорит: «Разве ты не видишь, [говорит] как с неба железная стрела падает. Она падает, чтобы насквозь пробить твои легкие и сердце. Если чистой силы твоей хватит, ломая и скручивая, ты ее отшвырнешь, [говорит] если чистой силы у тебя нехватит, может случиться, что ты здесь погибнешь. Если ты из этого мира уйдешь, разве не одиноким буду я, тоскуя, ходить по этому солнечному миру!»

Не успели еще сказанные слова пронестись, смотрящие глаза не успели еще взглянуть, как опустившаяся с [этого] неба железная стрела, лопатку Белого Олена рассекая, упала. Бело-серый конь, на котором он ехал, вперед ринулся и сразу сквозь семьдесят миров пронесся. Серый Олен младший брат, стоя (на месте), отсюда (ему) крикнул: «Почему ты, у меня не спросясь, бежишь?» Бело-серый конь в ответ ему крикнул: «Подожди, Серый Олен, я сейчас приду. Траву, имеющую живую душу, я еду искать, чтобы, привезя эту траву, оживить Белого Олена».

Через некоторое время бело-серый конь (обратно) прискакал. Когда бело-серый конь траву, имеющую живую душу, положил, Белый Олен вскочил и на ноги стал. Встав, Белый Олен сказал: «Как я здесь долго спал!» [Потом] Серый Олен отвечал: «Говори про голову твоего отца! [говорит]. Ведь (то) бело-серый конь тебя оживил, найдя траву, имеющую живую душу». Белый Олен к коню, как летучая мышь, прильнул, и погнал [пустил] своего коня: неизвестно куда конь, бросаясь из стороны в сторону, метнулся.

Потом Серый Олен сказал: «Когда [этот] великий человек умирает, великий разум его уходит! [говорит]. Теперь за ним следовать как буду? Имеющий воду человек испытывает жажду, имеющий землю человек — скучает. В землю-стойбище мое отправляюсь-ка я!» Взмахнув плетью, он ударил (ею) коня, на котором ехал. [Два] глаза зажмурил. Потом, когда [глазами] взглянул, — оказался стоящим перед отцовским стойбищем. К стойбищу отца и матери спустился и там, живя и богатея, жить стал.

14

aq qan.

amdygy töldün alynda,
 purunyu töldün sonda,
 qalaq-pa čer pölerde,
 qamyš-pa sug pölerde
 aryndaıyp aqqan
 aq taıajdyn peltirinen pažyna šyğara,
 uyla pazyža,
 ulus čon čadyp tüštür —
 til pilišpes poıyan-čı!
 aq tasqyldy töstep kıl,
 quzuruq pažyza,
 aq maı čattyr —
 tük pilišpes poıyan-čı!
 aq maıdyn ortada,
 albatqy čonnun arazynda
 ajğa künge šaıyanče
 altyn örge poıyan-čı!
 üstüngüzü qyı sürünmeži
 üš tegrini üstünge šabyı-turča.
 altyn maqyš tözünde,
 altyn köžnek alynda
 at qodur poıbas
 altyn šarčyn turyan-čı!
 altyn šarčyn tözünde
 aıoj at payıal-partyr.
 altyn šarčyn töžün ebire taqtap,
 altyn šarčyn pažyn keze kepšep,
 aıoj at turča.
 altyn örgen ištinde,
 altyn ustoldyn tübünde
 üš tölden ertize,
 üš tölden saptıra čažap,
 aq qan apšij čurtapcā.
 aq qan apšijdyn aq sağaly

14

Ак кан

Нынешнего поколения раньше,
 Прежнего поколения позже,
 Когда мешалкой делили землю,
 Когда ковшом делили воду,
 От устья [пробившись] текучего белого моря
 Вплоть до его верховьев,
 Наступая углами (юрт своих) друг на друга,
 Народ расселился. —
 Языков друг друга не знали!
 У подножья горы ходя,
 Друг другу на хвосты наступая,
 Белый скот стоял. —
 Цвета шерсти друг друга не различали!
 Среди белого скота,
 Посреди платящего дань народа,
 Золотой дворец был,
 Солнцем и луной освещаемый.
 Волосная коса, наверху (дворца) [находящаяся],
 Выше трех миров качается.
 У основания золотой лестницы,
 Перед золотым окном,
 Столб золотой стоит,
 Такой, что не может его конь вырвать!
 У основания золотой коновязи
 Конь [истинно] бело-сивый привязан.
 Вокруг столба золотого ступает,
 Верхушку столба золотого жуя и кусая,
 Бело-сивый конь стоит.
 В глубине золотого дворца,
 За золотым столом,
 Сквозь три поколения прошедший,
 Три колена минуя проживший,
 Старик Ак Кан сидит.
 Белая борода старого хана,

aýaryp aýaja quşqa keptentir.
 ene saýaň enmen tuýlap,
 arsyň tiži sarýartyr.
 aq qan üş tölden ertize çazap,
 üş üjeden ertkençe,
 paýrynaň şyqqan pałazy çöyüň,
 pasqan čerinde nançy çöyüň.
 tužunaň kelip,
 turužar kizi čoq;
 qažynaň kelip,
 körer-qajary čoq.
 aq qannyn alyňan kižizi
 alytn aryg poltur.
 apşaq qurtujaq ödur-kelip,
 aš-pa tabaq čip odurup,
 ajaq-pa pijel aš iş saıyp oduryannar.
 amdyyy purup alyp,
 purunyu edip, erbekteştiler,
 purunyu purup alyp,
 amdyyy edip erbekteştiler.
 čüstü čügürtüler,
 munnu qattyştyrdylar,
 paladan üçün köp pastandylar.
 «pałazy čoq pis čabaıdyn
 čaştan ała kütken aq maıybys
 qarýyan tušta ady pašqazynyn
 qoluna kir-parar!» tep,
 qaraq čaštaryn ustug töbere poş qorladyp,
 ulug sytqa kirdiler.
 čada-čadā kelgennerin —
 aj alyžyp, čyl čylyžyp ertip odur.

anče-minče tem ertken sonda alytn aryg öreken ajtty: «eze, aq qan,
 paryan kižim, alton tüben sözüm par saýa ajtčan, ajdyp perzem, uqqaj-
 pedin?» — aq qan apşij ajtty: «eze, čaştan ała qonýan alytn aryg alyan
 kižim, maýa ajtčan sözünkü kemge ajdarzyn? čaqşy sös polza, qulaqqa sijer,
 čabaı sös polza, čel čabaıy qaq-parar!» — alytn aryg öreken ajtty: «eze,
 aq qan, anıačan aq tajýana anıap quştap şyqpannan ała pir qyryq čyl ert-

Побелев, чайке [птице] подобной стала.
 Мать борода плечи (собой) заполнила.
 Крепкие зубы [его] пожелтели.
 Три поколения минуя, прожил,
 Третье колено пока проходил [Ак Кан],
 [Из печени выходящего] ребенка у него не было.
 На земле, где ступал (он), друга у него не было.
 Когда тяжелое время подойдет,
 Защитить его некому.
 Если тяжелая пора придет,
 Заступиться за него некому.
 Жена у Ак Кана
 Алтын Арыг была.
 Сидя, старик и старуха
 С питьем еду ели.
 В чашку еду и питье накладывали.
 Нынешнее обратив,
 Прежним сделав, беседовали.
 Былое обратив,
 Нынешним сделав, беседовали.
 Сотню слов пускали в бег,
 Тысячу соединяли.
 По ребенку сильно тосковали:
 «У нас несчастных, ребенка не имеющих,
 Белый скот нами нажитый
 На старости лет в чужие руки попадет» [говоря].
 Слезы из глаз на колени [журча] проливали.
 Сильно рыдая, в плач великий они вступили.
 Жили-жили, — месяц сменялся месяцем, год сменялся годом.

Много ли, мало ли времени прошло, Алтын Арыг, старуха, сказала:
 «О, Ак Кан, муж мой! Шестьдесят заповедных слов у меня есть, их должна
 сказать я тебе. Если я скажу — будешь ли слушать?» Старик Ак Кан
 сказал: «О, жена моя, Алтын Арыг, с которой прожил я с молодых
 лет, мне не сказавши, слова твои кому скажешь? Если слово хорошее
 будет, пусть в ухо проникнет, если худое слово — пусть унесет злой ветер!»
 Старуха Алтын Арыг сказала: «О, Ак Кан, уже прошло сорок лет, как ты
 не поднимался в белую твою тайгу охотиться на птиц и зверей. Как это
 до сих пор ты не охотишься на птиц и зверей!» [сказала]. Это услышав,

pardy. qajde po šenge tönče annap quštap šyqpačan poŭyanzyn!» tedi. — any uqqan aq qan ajtty: «šynap-ta šyn! annap quštap šyqpannan aŭa tyn ūr pōk-pardym. pir toŭus künge annap quštap šyŭyp enejin!» tep. aŭtyn ustaldyn aŭazynan tura pasty. qyryq qatpaš tübüne kire pasty. ispeške turŭan qara šojun qujaŭyn qatap püktep qatandy, sunduq tübünde čatqan odus qat ödügün aŭyp keŭti. aq qan aŭtyn aŭyġ öreken-me ezen menči suražyb aŭyp, aŭtyn örgeden šyŭa pasty. aŭoj atqa čügür-paryp, čügen suqtu, ebir-kelip, ezer saŭdy. aq qan aŭoj adyna čaŭyanat quš-če čapšyndy. aq maŭdy aŭlap šyqty, aŭbatqy čonnu tekšilep šyqty. uŭuġ čurt-tuŭ užuna šyqqanda qydat paryan izenezin qyna tepti. aŭoj attyn pasqan azaq par poŭdu, paryan čeri čoq poŭdu.

aq qan annačan aq tajŭazyna šyŭyp, anan körgeni — qurŭunnuġ quš čaqšy tegri tuŭlap učuqčā; āžyra tuiŭaqtyġ an čaqšy čazy tuŭlap čügürčā. qanattyġ quš aq qannyn oŭu any tegip adaryn pilip, yŭlapča, āžyra tui-ŭaqtyġ an aq qannyn oŭu učup adaryn sezip, syqtapča. aq qan annyn sebizin tālap atty, quštun sebizin-oŭ tālap atty. aŭoj adyna an quš artyb aŭyp, nānmŭza perdi.

aq qan po künü čaryqty ebire körüp nānm odurŭan tužunda aq tajŭa-zynyn pir čanyy užunda aq qyr quŭun-ma aq saryġ quŭun čügürüp pārbys-tyŭar. aq qan nana-nanā kelgenin — sybysqaŭyġ synyna šyqty, sŭaŭajliġ peline tüštü. uŭuġ synnan körüp taŭnap turŭany — maŭy maŭdan ašča, čonu čonnan ašča. uŭuġ synnan pāstyr tüžüp, abazŭynyn čurtuna qamčylap kirdi. an qužunun ortazyn aŭbatqy čonŭa artyza perdi; orta an qužun aŭtyn örgē āl-keldi. aq qan adyn aŭtyn šārcŭyn tözünge poš taštady, aŭtyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perišti; enmen ködür, menči perišti. aŭtyn aŭyġ aŭyan kižizi aš-pa tabaq saŭ čörčā. aŭtyn ustaŭ tübünge pir oŭaq pir qys aš-pa tabaq čipčalar. olaq-pa qysčaq turup ajttyŭar: «ezen-zin-me, aba!» tep, oŭ qoŭŭaryn perdiler. ponu körgen aq qan, oŭ eksijin yzajtyp kelip, oŭ qoŭun perdi. — «pallarym poŭzar, ezenoŭ!» tep. aŭtyn aŭyġ öreken aq qanny qoŭdan qabyp, qoŭtuqtaŭ čölep, aŭtyn ustaldyn aŭazyna, kök ustaldyn kögregi-be odurttu.

pŭŭar törtele ödur-kelip, aš-pa tabaq čip odurŭan tuštarynda odurčut-qan qysčaq erbektep odur. «eze. tunmam, adan čažyna ady šoŭanŭny adatpān,

Ак Кан сказал: «Ведь и правда давно это было, давно я не ходил на охоту. С тех пор, как я не поднимался в тайгу, чтобы охотиться на птиц и зверей, очень много времени прошло. Дай-ка схожу дней на девять на охоту на птиц и зверей!» Из-за золотого стола встал (и) в глубь сорока комнат пошел. Черный чугунный панцырь, висевший на вешалке, взял (и) поверх платья надел. Взял сапоги в тридцать слоев (кожи), лежавшие на дне сундука, и обул. Со старухой Алтын Арыг попрощавшись, Ак Кан из золотого дворца вышел. Подбежал к бело-сивому коню и взнуздal его. Кругом обойдя, оседлал (его). Ак Кан к бело-сивому коню, как летучая мышь [птица], прильнул. Промеж белого скота он проехал. Когда доехал до конца большого стойбища, дернул ногою китайское стремя, крепче на него оперся. За бело-сивым конем лишь следы остались: куда поскакал — неизвестно.

Поднявшись в свою тайгу, где прежде всегда охотился, поглядел Ак Кан: летают крылатые птицы, небо закрывая, бегут звери, имеющие раздвоенные копыта, степь запружая. Крылатые птицы, зная, что их настигнет стрела Ак Кана, плачут; звери с раздвоенными копытами, чувствуя, что их застрелит стрела Ак Кана, рыдают. Жирных зверей выбирая, Ак Кан стрелял. Жирных птиц выбирая, стрелял.

На бело-сивого коня добычу навьючив, обратно поехал. Возвращаясь. Ак Кан кругом посмотрел (и видит) — по одной стороне его белой тайги бело-серый жеребенок и бело-рыжий жеребенок пробежали. Ехал Ак Кан, возвращаясь; поднялся на (ветром) свистящий хребет (и) на гладкую седловину спустился. Глядя с великого хребта, стоял и вглядывался. Скот его переваливает через скот — (так умножается). Народ переваливает через его переваливает через скот — (так умножается). С великого хребта — съехав, (Ак Кан) в отцовский юрт приехал. Половину (убитого) зверя-птицы поданным людям оставил; половину зверя-птицы к золотому дворцу привез. Коня у золотой коновязи оставив, Ак Кан в золотой дворец вошел. Дверь открыл — поздоровался; плечо-руку поднял — приветствовал. Алтын Арыг, жена его, еду и питье приготовляет. У золотого стола [один] юноша и [одна] девица яства едят. Юноша и девица, поднявшись, сказали: «Здравствуй, отец» — правые руки подали. То увидев, Ак Кан правой стороной рта улыбнулся, правую руку подал: «Если вы мои дети будете, здравствуйте тоже!» [говоря]. Алтын Арыг, старуха, Ак Кана за руку схватила, подмышки поддерживая, за золотой стол, у синего стола, усадила.

После того как они, втроем усевшись, с питьем еду ели, [сидящая] девица сказала: «Что же, брат мой, до старости без имени и прозвища, не названным дожить ты хочешь? В нынешний день в белую степь выйди и заставь дать тебе имя, заставь прокричать тебе прозвище!»

То услышав, мать [его] в глубину сорока комнат ушла, в пестро-бледную чашу, такую, какую глупый человек не сможет выпить и опорожнить, айран и кумыс наливши, юноше (ту чашу) поднесла.

Юноша пестро-бледную чашу взявши, [выйдя] в белую степь отправился. Закричал, разрывая на части дно вселенной, закричал, расщепляя

er qaryzy qaryrya etčan-ma. püngü künde aq čazyra šyyp, adyñ adadyp, šolanny qyrtyp kör!» tedi. any uqqan içezi qyryq qatpaš tübüne kirip, alyg kiži ižip tōspas ala qōr šaraŷa ajran qymys urbalyyp, ōlaqqa akkelip tuda perdi.

ōlaq ala qōr šarany tudunmalyyp aq čazyra šyŷa pās-pardy. ūlgen tübün üze qyjyrdy, častyñ tübün čara qyjyrdy. «adym adačan kiži alyma kelzin! adym adabas kiži čayyn paspazyn!» ōlaq tura-tura kelgeni — ūš künge šyŷara turdu. čaqšyŷar adaryŷa egeniščalar, čabalŷar adaryŷa at tabynmān-čalar. ūš künnün pažynda aq talajdy qaštapy, ala qamyš tajanyñ apšij kiži pās-kelča. čol saŷbān kižiniñ čodazyna šāp kelča; čol saŷyan kižiniñ pažyna šāp kelča. apšij kiži kele kele kelgenin — ōlaqtyn qyryjyna kelip, ajtty: «eze, aq qannyñ paŷazy, myndaŷy čyŷyan qalyq čonda sēñ adyñ adačan kiži šyŷyšpānča-ba? uluŷ kiži men adap perzem, ady šabyñ raqqa parŷaj-ne!» — ōlaq ajtty: «ada per, apšij, uluŷ kiži adayan at sijinčik tep, uqčanyñ».

ōlaq ala qōr šarazyn apšijge tuda perdi. apšij syrañaj tyn-ma saŷyp ertisti. saŷaly sarbaja, pūrnū tardaja ezirdi. apšij qyjyrdy: «at poŷza, at poŷzun! at poŷbaza, čel qaqsyn! pūrnay tuŷan kižiniñ pečenin adyn adap-čam. aq qan abaŷyŷ, altyn aryŷ eneliŷ altyn tana poŷzun! altyna münčen ady at šynyŷy aq šarāt poŷzun. aq sar’attyn ūstüne münčen altynyŷy čer t’ūjuq küštüŷ, ūstüngüzü tegri tūjuq küštüŷ altyn tana poŷzun!» tedi.

apšij iŷinčizin ōlaqtyn adyn adapča. «aq qan abaŷyŷ, altyn aryŷ eneliŷ altyna münčen adyñ at šynyŷy aq qyrāt poŷzun! ūstüne münčen külügü altyn tajčy poŷarzyn. aq qyrāt ašpānda ažyŷ-da pütkül qalbazyn, sen, altyn tajčy kešpende kežig-de pütkül qalbazyn!» apšij ajtty: «eze, altyn tajčy paŷam, altyn örgeñi körzeñ, nōnuñ pōzü pōlča!» altyn tajčy ōlaq altyn örgezin körgeñi — pirdā nebe čöyü. alynda turŷan apšijdin turŷan čeri par, parŷan čeri čöyü.

ōlaq altyn örgege pās-enip, altyn šerke qyrabatqa čadyp uzubustu. uzu-uzu kelgeni — sāŷyn-kelip, tañ atty, sāryar-kelip, kūñ šyqty. ōlaq kēril čyžyŷ usqandy. anañ pilinze, — törden tepken azaŷy ežik čanŷa čēt-partyr.

ōlaq tura pazyp, altyn örgeden šyŷa pasty. anañ körüp turŷany — altyn šārčyn tōzünde aq sarāt-pa aq qyrāt turča. ijgi attyn altyn ezer syrt čazaŷtyr, kümüş čügen paš čazaŷtyr. altyn kümüş qujaqtaryñ artyn-

пополам дно преисподней. «Человек, который должен дать мне имя, пусть ко мне придет, (а тот) человек, который не может дать мне имя, пусть близко не подходит!» Юноша стоял-стоял, (простоял) целых три дня. Хорошие назвать не решались, худые (желали назвать, но) имени не находили.

На третий день, шагая по берегу моря, пестрым камышом подпираясь, старик подходит. Тех людей, которые не дают ему дороги, он по ногам ударяет. Тех людей, какие дают (ему) дорогу, он по голове ударяет. Старик подошел; сбоку к юноше приблизившись, сказал: «О, ребенок Ак Кана, разве не нашелся среди собравшихся здесь людей человек, который может назвать тебе имя? Если я, старый человек, назову, — имя-прозвище твое далеко ли пойдет?» [сказал]. Юноша сказал: «Назови — имя дай, старик! Я слышал, что имя, названное старым человеком, устойчивое — нерушимое».

Юноша старику пестро-бледную чашу подал. Старик одним духом ее опорожнил. Так напился старик, что борода его растрепалась, нос раздулся. Старик воскликнул: «Если это хорошее имя, то пусть оно будет! Если это худое имя, то пусть его не будет, пусть унесет ветер! Раньше тебя рожденной, твоей старшей сестре я имя прежде назову: сестра твоя будет по имени — имеющей отца Ак Кана, имеющей мать Алтын Арыг. Конь, на котором она ездит, пусть будет настоящий бело-рыжий конь! На коне сидящая, крепостью с целую [внизу находящуюся] землю, крепостью с целое [вверху находящееся] небо — Алтын Тана да будет (по имени)!» [сказал].

После того старик называет имя юноши: «Имеющий отцом Ак Кана, имеющий матерью Алтын Арыг; [под тобою] конь, на котором ты едешь, настоящий бело-серый конь пусть будет! Едущий на нем — богатырь Алтын Тайчи ты будешь (по имени)! Пусть не останется такого перевала, через который не перевалил бы бело-серый конь! Пусть не останется брода, которого не перешел бы Алтын Тайчи!» Потом старик сказал: «О, Алтын Тайчи, мое дитя, взгляни на золотой дворец — какие там чудеса?» Юноша Алтын Тайчи на золотой дворец взглянул — ничего (там) нет! Стоящего перед ним старика — там, где стоял, остались лишь следы, (а) куда ушел, следов не осталось.

Юноша к золотому дворцу спустился. На золотую кровать улегся и заснул. Спал, спал, опомнился — [сияя] заря загорелась, пожелтев, солнце поднялось. Юноша, потянувшись [вытягиваясь], проснулся. Оказалось, что от переднего угла протянутые ноги его достигают двери.

Юноша встал, из золотого дворца вышел. Когда взглянул, — у золотого столба — коновязи — кони бело-рыжий и бело-серый стоят. Спины обоих коней покрыты золотыми седлами. Серебряные уздечки на их головах; золото-серебряные кольчуги навьючены (на конях) — так стоят. Брат с сестрой в путь снарядились. Железные кольчуги надели, шубы поспешно надели. Твердые панцири сверху надели, в золотой дворец вошли. Усев-

yanče turčalar. ijgi qaryndaš teriglerin terindiler, tebir qujaqtaryn qatandylar. qapčyňaj tonnaryn kestiler. qadyg qujaqtaryn qatandylar, altyn örgege kire pastylar. ödur-kelip, aš-pa tabaq čidiler. odurčutqan šennerinde altyn tana pečezi ajtty: «eze, altyn tajčy tunmam, püngü künde pis ijgele, ijgi atqa münm-alyp, altyn šarčyn tözüne tennep čarylarbys. men altyn-yyzy čer altynan četti čolap, mał qačyrarym; sen, üstüngüzü künü čaryqtan toýus čolap, mał qačyr. toýus künnün pažynda altyn örgege ajlan-kelen!» pýlar ijgele aštān postaryn tosturdular, arynyan postaryn küštendiler. altyn örgeden tennep kelip šyňa pazyštylar. attaryna mündüler. altyn šarčyn tözüne-oq tennep kelip ijgi čaryldylar. altyn tana čer altyna tüštü; altyn tajčy künü čaryq-pa pardy. ol paryan ozuba toýus qannyn tynya čedip, toýus qannyn małyn qačyryp, čeri čurtuna nānmysty. altyn tajčy qačyryp aq małdy ulug synya šyňaryp, ol čany čanynda altyn tana pečezi čer altynan cetti čolap, mał-oq qačyr kirdi. pýlardyn čerde mał turarýa čer četpes połdu, mal ottarýa ot četpes połdu.

ijgi qaryndaš tennep kelip, altyn šarčyn tözüne čettiler. oň qoňlaryn sunužup, ezen menči suraštylar, at pažynan tüžüp, altyn örgē kirdiler. ežik ažyp, ezen suraštylar, enmen kōdür, menči perištiler. aq qan abazy-ba, aryg enezi-be ezeneštiler. altyn ustałdyn qyryna kelip odurdular, aš-pa tabaq čidiler.

pýlar törtele čada-čada kelgennerin — aj połza alyšty, čyl połza, ertišti. altyn tana ajdyp odur: «eze, altyn tajčy tunmam, saňa ajtčan alton tüben sözüm par, ajdyp perzem, uqqaj-pedin?» — altyn tajčy ajtty: «eze, peče, maňa ajtpān sözünkü kemge ajdarzyn! čaqšy sös połza, qułaqqa sijer, čabał sös połza, čel čabały qāq-paryaj!» any uqqan altyn tana ajtčatty: «eze, ajdan čayys altyn tajčy tunmam, adan čažyna kiži alban, er qaryzy qaryrýa etčan-ma! alčan kižin alyp qołuna kirip para čör, sen altyn örgede čystanyp čatčan. mýnan āra čerdin ortazy čerge čatqan aq saýyštyg altyn qannyn pałazy altyn sabaqtny ulug toju połýannan ala pir üš čylýa čede perdi. ol tojýa po künü čaryqtny alyby toza čylp paryan. andaýy čerge kir-parzan, köptün köbü połar, sen čayystyn čayyzoq połar. senen üčün turuš-parčan pirdā kiži čoq połar. parčen kiži sen üstünde połar. eldin čerin ebirip, ezirgenče aš išsen, ertip ölgē pilbessin, ajmaq

пись (во дворце), с питьем еду ели. [В то время] когда сидели, Алтын Тана [сестра] сказала: «О, Алтын Тайчи, брат мой, нынешний день мы вдвоем, усевшись на двух коней, от [основания] золотого столба одновременно разведемся. Я из-под нижней земли, семь раз пройдя этот путь, скот пригоню. Ты же из верхнего солнечного мира, девять раз пройдя этот путь, скот пригони! Через девять дней к золотому дворцу давай (одновременно) вернемся!» Оба они, проголодавшиеся, себя насыщали; оба, исхудавшие, себя подкрепляли. Из золотого дворца одновременно вышли. На коней своих верхом сели. От золотого столба также одновременно в разные стороны разъехались.

Алтын Тана вниз под землю спустилась. Алтын Тайчи по солнечному миру поехал. На своем пути он погубил девять ханов. Скот девяти ханов гоня, на стойбище-землю возвращался. Когда Алтын Тайчи, скот гоня, на великий хребет (его) поднял, с другой стороны его сестра Алтын Тана из-под земли, семь раз пройдя этот путь, скот также пригнала. Для того, чтобы пригнанному ими скоту встать, места на земле нехватало, чтобы скот мог кормиться, травы (на земле) нехватало.

Брат с сестрой одновременно к подножью золотого столба подъехали. Правые руки друг другу протянув, друг с другом поздоровались. С коней сойдя, в золотой дворец вошли. Дверь открыв, поздоровались; плечи подняв, приветствовали. С*отцом и матерью приветствиями обменялись. К краю золотого стола придя, сели, с питьем еду ели.

(Так) вчетвером (они) сидели. Месяцы переменялись, годы проходили. Алтын Тана говорит: «О, мой брат, у меня шестьдесят заповедных слов есть тебе сказать; если скажу, станешь ли слушать?» Алтын Тайчи сказал: «Да, сестра моя, если мне не скажешь, кому же (их) скажешь? Если хорошие слова, пусть проникнут в ухо, если худые слова, пусть злой ветер унесет!»

Это услышав, Алтын Тана сказала: «О, единственный брат мой, разве ты хочешь до старости, не женившись, дожить? Невеста, которую ты должен взять, скоро попадет в чужие руки, а ты в золотом дворце, зябая, живешь! С тех пор, как начался великий пир у Алтын Сабак, дочери Алтын Кана, имеющего чистый, светлый разум, живущего в середине земли, три года исполняется. На тот пир все богатыри из этого солнечного мира собрались. В ту землю когда ты попадешь, большинство заодно (против тебя) будет, а ты один одишеченек будешь. За тебя заступиться некому будет. Все на тебя нападут. Если, объезжая кругом [вокруг] чужой земли, вином станешь напиваться, — не заметишь, как погибнешь. Если, кружа по чужой земле, до бесчувствия водки напьешься — не заметишь, как умрешь! Любимый единственный брат мой, сказанных мною слов ты не переступай». Эти слова слушавшему их Алтын Тайчи были как коню весною пение кукушки.

Алтын Тайчи от золотого стола вставши, в глубину сорока комнат войдя, золотую кольчугу надел. Чтобы не скучать, попрощался,

čerin ajlandyryp, alynčanče aš ißen, ažyp ölgeniñ pilinmessiñ. qajranda mēñ ar čaγys tunmam, meniñ ajtqan sözümñü ałtabanče połγajzyn!» any uqqan altyn tajčy časqy attyn qulaγyna kōk qaqqanče uγuldu.

altyn ustaldyn arγazynañ tura pazyp, qyryq qatpaš tübüne kirip, altyn kümüş qujaγyn qatap püktep kesti. saqtašpasqa ezen surašty, saγynyšpasqa menči surašty. altyn örgeden šyγa pasty. aq qyratqa čaryanat quš šeni čapšyndy. aq maldy arlap šyqty, albatqy čonnu teksilep šyqty. anañ ara qydat paryan izenezin qyna kēl tepti. aq qyrattyn pasqan azaq par poldu paryan čeri čoq poldu.

altyn tajčy para-para kelgenin — po pararγa čer rāγy pōlča. čer ortazyn ertip sałbōdur, sybysqalyğ šynγa šyqty, ezer qojnu pelge tüštü. uluğ synrañ anañ körüp tañnap turγany — šaqpo čerde qarlyγaš quš šeni ałyp qajynčā, qara kebelčik šeni yγyłaštylar. altyn šarčynγa at paγlarγa čer čedišpen, altyn oqtaryn šažyp, oqtaryna paγlap partyrlar. üš qułaqtyğ küler qazannyñ puzu qan tegrige čajylčā, qarlyγaš učuq šyqpas kün pōlča.

altyn tajčy eniš töbere endire kēl pastyrdy. altyn šarčyn tözüne četti. anañ körüp turγany — altyn šarčynγa paγlał-paryan attardyn ortazynda čaryq tüktüğ at paγlał-partyr. ebire turγan attardy pir toluqqa qystap sałtyr. altyn tajčy adyn poš taštap, altyn örgē kire pasty. ežik ažyp ezen surašty, enmen kōdür, menči perišti. altyn örgeni ałty qat ajlandyra ałyp tölleri ōdur-partyrlar, parčazy ezen perištiler.

qyryq qatpaš tübünen altyn qan apšij pazyp šyγyp, altyn tajčyγa oñ qołun sunup, ezen perišti. altyn tajčyny qoldañ qabyp, qołtuqtan čölep, qyryq patpaš tübüne akkirdi. altyn tajčy anañ körgeni — qyryq qatpaš tübünde altyn kümüş kep kesken tajγa šeni ałyp odurup, aš-pa tabaq čipčā. qažyq üstüne qažyq taštalčā. altyn qan altyn tajčyny altyn ustal qažyna, ol ałypqa qošta akkel odurttu.

ałyp tölü ajtty: «eze, künü čaryqtyn aryğ segi altyn tajčy toqtaptur, aš tabaqty tosqanče čibalaajyn, sylałyp ösken synynny toγus čerden syšabarym!» ałyp tölü, aš tabaqty tosqanče čibalałyp, altyn ustaldañ tura pasty. čaralyğ odurčutqan altyn tajčyny čaγa töšten qabaldy, aq čazyγa sörtep šyq-pardy. altyn tajčyny qabalałyp, — šabyzajyn — tep, altyn tajčy šaptyrarγa perbedi, tudunγančoq turdu.

ijgi ałyp anañ qarbažybyza pergenin — qadyğ aγaš qāqšal-qaldy, qara čer sōgül-qaldy. ujałyğ quš ujadañ časty, pałalyğ añ paładañ časty. aq tałajdy šałčyqqa šenep, qarbaštylar, aq tasqyldy tönsełge šenep, tuduštular. qarbaža - qarbaža kelgennerin — pir cetti künge šyγara qarbaštylar.

чтобы не тосковать, распрощался. Из золотого дворца вышел. На коня вскочил и летучей мышью к нему прильнул. Промеж белого скота он проехал. Посреди подданных людей (он) проехал. Украшенное стремя нажимая, ногою упирался. Где бело-серый конь прошел уже, там следы остались; куда (он) пошел, — следа не было.

Алтын Тайчи ехал и ехал. Ему ехать далеко — путь его дальний. Середину земли миновал. На свистящий хребет поднялся, на выемку, подобную углублению седла, спустился. С великого хребта глянув, стоит, удивляясь, — в этой земле кипят богатыри, словно ласточки, как птицы-трясогузки из стороны в сторону покачиваются. У золотого столба места не хватало, чтобы привязать коней. Золотые стрелы в землю воткнув, [к стрелам] коней привязали. Пар от трехухого медного котла поднимается до [хана] неба. Такой день наступил, что ласточка-птица не может взлететь.

Алтын Тайчи вниз по скату спустился. К золотому столбу подъехал. Взглянул: среди коней, привязанных к золотому столбу, конь светло-шерстной масти привязан был. Он сбил в один угол всех других коней и привязал их к столбу. Алтын Тайчи своего коня оставил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствиями обменялся. В золотом дворце богатыри кругом стен в шесть рядов сидели, все поздоровались.

Из глубины сорока комнат Алтын Кан, старик, выйдя, Алтын Тайчи правую руку протянул (и) поздоровался. Алтын Тайчи за руку схватил и, подмышки поддерживая, в глубину сорока комнат ввел. Потом Алтын Тайчи видит: в глубине сорока комнат одетый в золотую и серебряную одежду, как целая тайга, богатырь сидит, с питьем еду ест, ложку за ложкой бросает-опрокидывает (внутрь). Алтын Кан Алтын Тайчи рядом за край золотого стола, рядом с тем богатырем усадил.

Богатырь сказал: «О, Алтын Тайчи, солнечного мира комар, подожди — питьем едой до сыта наемся, тогда твой гладко выросший стан в девяти местах изломаю!»

Богатырь с питьем еду прикончил, наелся, из-за золотого стола встал. Пристойно сидящего Алтын Тайчи за ворот [и грудь] схватил, в белую стену поволок. Схвативши Алтын Тайчи, хотел его бить — Алтын Тайчи ударить себя не дал, схватился с ним.

Два богатыря бороться стали: твердое дерево рассохлось — изломалось, черная земля раскололась. Имеющие гнезда птицы — от гнезд улетели, имеющие детенышей звери — от детей убежали. Белое море, как лужу, расплескали, белый хребет, как пень, истоптали — (так) боролись. Дрались-боролись — целых семь дней сражались.

На седьмой день — великое дерево свалилось, великий богатырь вздохнул и упал. Побелев, месяц умер, пожелтев, солнце умерло. По верху нестрого облака богатырская обувь блеснула и пропала. На белую стену, заполняя (ее), непомерный туман опустился. Из середины черного тумана Алтын Тайчи вышел. На его лбу даже пот не выступил. К его обним

četti künnün pažynda uluḡ ayaš užup ertti, uluḡ küčün östep ašty. aḡar kelip aj öldü, köger kelip kün öldü. aqtyḡ köktyḡ puḡut üstü-be aḡyp ödüḡü čyḡtyrap ašty. aq čazyḡa toldura syp patpas qara tuban tüš-pardy. qara tuban arazynan aḡtyn tajčy pās-šyqty. qabaḡyna ter čappandyr, ijgi qoḡuna qan čuqpāndyr. čaryq tüktüḡ at — čügür-šyḡajyn — tegeri, aḡtyn tajčy quzuruḡ-taḡ qāb-aḡyp, silgibize perdi. qyzyḡ edi qysqyr-kelip, aq čazyḡa ölüp ašty. aḡtyn tajčy-ba qarbašqan aḡyptyḡ ady šolazy čaryq tüktüḡ attyḡ čaryḡyn tajčy poḡyan poḡtur.

aḡtyn tajčyḡ örtten qyzyḡ šyrajy ölgen pārya keptēn-partyr, tostaḡ aq šyrajy qara pārya keptēn-partyr. qara moḡat qyḡyžyn šurup aḡyp, qara tašqa prustady. ara šapty — aḡton aḡyp čyḡyḡdy, pere sapqanda — četton aḡyp čyḡyḡdy. po čerde qosta tabyžy qoḡapča, qoqquj ünü üzülbenča; syračaḡ tabyžy sylaḡpča, syt ünü üzülbenča. aḡtyn tajčy qyra-qyra kelgeni — po čerde öre turar qalḡady, örlēp šabar qalḡady, požada qyryp šyḡardy. at sōḡü, aḡa tajḡa poḡup, östü; er sōḡü, qara tajḡa poḡup, östü. aḡtyn tajčy čaḡysqa-la qalḡtyr.

aḡtyn örgē kire pasty. ežik aḡyp, ezen perdi, enmen ködür menči perišti. aḡtyn qan aḡtyn tajčyḡny qoḡdan qabyp, qoḡtuḡtaḡ čölep, aq ustaḡdyḡ arḡazyna odurttu. aḡtyn tajčy anan körze, aḡtyn qan aq ustaḡa toldura, učuḡar quštun sūdū-le čoq, aš-pa tabaq sāḡtyr. any körgen aḡtyn tajčy aq ustaḡdyḡ arḡazyna odurup, aš-pa tabaq čidi. aḡtyn tajčy aš-pa tabaq čip oduryan šende ajtty: «eze, aḡtyn qān, aḡtyn sabaq qyzynny āšyq. könnüm četse, aḡām, könnüm četpeze, čerliḡ kiži čerinōq qalar!»

any uqqan aḡtyn qān aḡtyn sabaq qyzyn āšyqča. aḡton qožančy-ba, četton parančy-ba, aḡty abaqaj aḡynny edegin čelbip, syqča; četti abaqaj keŋingi edegin čelbip, šyqča. aḡtyn sabaq toḡ torḡyḡa toḡḡaḡ-partyr, suḡ torḡyḡa šuḡḡaḡ-partyr. aḡtyn tajčy anan körgeni — po aḡtyn sabaq toḡar ajdyḡ toḡazoq šeni, šyḡar künnün šynyḡoq šeni. köre kelip, könnü četti, sanap kelip, saḡyžyna kelišti.

aḡtyn qan apšij aḡtyn tajčy-ba aḡtyn sabaq ijgi paštaryn qoštu. aḡlary-nan aj čapsyštyḡar, sōnarynan kün čapsyštyḡar. aḡtyn tajčy saqpo čerde toḡus künge šyḡara toḡlašty. uluḡ aḡdyḡ užu-ba, kičig aḡdyḡ qyryjy-ba cōrūp, ištiler.

рукам даже крови не пристало. Светло-шерстный конь хотел побежать. Алтын Тайчи за хвост коня схватил и стал трясти. Красное мясо завизжало, в белой степи конь издох. Имя-прозвище богатыря, с которым боролся Алтын Тайчи, оказывается, было Чаргын Тайчи, имеющий коня светлой шерсти.

Лицо Алтын Тайчи, краснее пламени, почернело как темная печень, лицо его, белее бересты, потемнело как черная печень. Черный стальной меч вынув, стал точить о черный камень. В одну сторону ударил — шестьдесят богатырей упали, в другую сторону ударил — семьдесят богатырей упали. В этой земле шум лука раздается, не обрывается жалобный голос. Свист стрелы раздается, не кончается рыдающий голос. Алтын Тайчи истреблял-убивал — стоящих на ногах на этой земле не осталось, ударяющих (бойцов) не осталось — всех перебил. Кости коней проросли, в пеструю тайгу обратившись, кости героев-мужей проросли, в черную тайгу превратившись. Алтын Тайчи один только остался.

В золотой дворец (он) вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствиями обменялся. Алтын Кан Алтын Тайчи за руки схватив, подмышками поддерживая, за золотой стол посадил. После того Алтын Тайчи посмотрел: Алтын Кан наполнил белый стол различной едой — кроме молока летающих птиц, все было на том столе. Это увидев, Алтын Тайчи за стол сел, еду ел. В то время, как Алтын Тайчи сидя угощение ел, (он) сказал: «О, Алтын Кан, дочь твою Алтын Сабак приведи! Если мне понравится, в жены возьму, если не понравится, — на какой земле была, на той же земле и останется».

Это услышав, Алтын Кан дочь свою Алтын Сабак выводит: с ней шестьдесят спутниц, семьдесят прислуживающих женщин следуют за нею. Шесть женщин передние полы (одежды ее) колыхают — [она выходит]. Семь женщин задние полы (одежды ее) колыхают — [она выходит]. Алтын Сабак обернута в будто замерзшие шелка, окутана в шелк, подобный водяной волне. Алтын Тайчи взглянул: эта Алтын Сабак была как полнолуние, была она как будто восходящее солнце. Он взглянул и она ему понравилась, он подумал — и припала ему по мысли.

Старик Алтын Кан их головы соединил. Перед ними просверкал месяц, за ними засияло солнце. Алтын Тайчи в этой земле девять дней пировал. По большим селениям из конца в конец с одного края, по малым селениям от края до края ходили и пили.

Алтын Тайчи встал из-за золотого стола. «Хоть и низкая — но своя у меня гора есть, мелкая — своя река у меня есть! [говоря]. На свою землю-стойбище вернусь-ка я!» — сказал. Жену свою Алтын Сабак он, [крутя] оборачивая, в золотой перстень свернул и запрятал. Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался.

Алтын Кан сказал: «Да, правда, мой зять, [из моей печени выпшедшего] ребенка у меня нет, на земле, по которой я ступаю, друга у меня нет! Ты уводишь [уносишь] единственную мою дочь! Время от времени к нам

altyn tajčy altyn ustañdan tura pasty. — «čäbys-tä polza, taŷym par! tep, tajys-tä polza, suŷym par! tep, čeri čurtuma nanyp köräj!» tedir. altyn sabaq aŷan kižizin uŷap tašqap, altyn purba edip, suŷuldu. saqtašpasqa ezen surašty, saŷynyšpasqa menči surašty.

altyn qan ajtty: «eze, altyn tajčy küzem, paŷymnañ šyqqan paŷam čoq, pasqan čerde nančym čoq. qara čaŷys qyzymny apparčañ. qačan pir tušta kelip körüp qajyp odurŷajzyn, čašta kütken aq maŷym ādŷ pašqañ qoŷuna kirip parbazyn!» any uqqan altyn tajčy ajtty: «čök kelbečen polŷan! maŷa kelerge raq čer-pedi!» tep ajtty.

altyn tajčy altyn örgeden šyŷa pasty. aq qyratqa čarŷanat quš šeni čapšyndy. qydat qarŷan izenezin qyna tepti. pasqan azaq par poŷdu, parŷan čeri čoq poŷdu. para-para kelgenin — čer ebidine kirbedi, čer toŷrazyn tartty; suŷ ebidine kirbedi, suŷ toŷrazyn tartty. sybysqaŷyŷ synyna šyqty, sŷaŷajliŷ peline tüštü.

uluŷ synnañ anañ körüp tañnap turŷany, — maŷy maŷdan ašča, čonu connañ ašča. altyn šarčyn tözünde altyn tana pečeziniñ aq sarady čoŷul-oq, aq qan abazynyn aŷoj ady čoŷul-oq. ponu körgen altyn tajčy ištinde sanandy: «uluŷ obaŷ, uluŷ kej! altyn tana pečem, čaš kiži ol čer ebirip parŷyn! aq qan abam, qarān kiži ol qajdiŷ čerge pardy-ne?»

altyn tajčy eniš töbere endire pastyrdy. altyn šarčyn tözüne čedip, at syrtynañ atybysty. adyn poš taštap, altyn örgege kire pasty. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen kōdür, menči perišti.

aq qan abazy-ba altyn aryŷ enezi altyn ustaŷ túbünde aš-pa tabaq čip odurdular. tura kēl pazyžyp, altyn tajčyn mojnuna azyŷdyŷar. «aš-parŷan paŷabys aŷlan-keldi!» teštiler. «ertip parŷan paŷabys ebiril-keldi!» teštiler.

altyn tajčy altyn purbany taštabyŷqany, — altyn sabaq qys šynyq pozu tura pasty. ponu körgen aq qan altyn örgeden šyŷa pasty. qyryq tas qyrbatyp, qyryq maŷta perdi; odus tas qyrbatyp, odus maŷta perdi. qyr asqyrdyn örün qyra soŷup, qyrbany tartyp toj salar, tep, tōr asqyrdyn örün tōza soŷup, toŷrap kēl, toj salār, tep, aq qan qyjŷyrdy. tastar any uqqan sōnda maldyn pažyna maŷta teger kün poŷdu. qyzyraq pejlerdi kištēde akkel soqtular, puŷalardy oñnada akkel soqtular. raq čerde čatqan kižilerdi elči-be čyŷdyrdyŷar, čaŷyn čerde čatqan kižilerdi qyjŷy-ba čyŷdyrŷar altyn

наведывайся затем, чтобы нажитый в моей жизни белый скот не попал в чужие руки?» Это услышав, Алтын Тайчи сказал: «Почему же не притти? Для того чтобы мне приехать, эта земля разве очень далекая!» — [говоря] сказал.

Алтын Тайчи из золотого дворца вышел, к коню своему летучей мышью прильнул. Натянутое стремя ногою прижал — уперся. Там, откуда он выехал, — след остался, куда поехал, — следа не было. Ехал, ехал, вокруг земли не объезжал, — поперек земли прямо ехал. По воде не кружил, а поперек воды переезжал. На свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился.

С великого хребта глядя, стоял и всматривался. Его скот возрастает, его народ умножается. У золотого столба нет коня его сестры, нет коня его отца — Алтын Кана. Это увидев, Алтын Тайчи подумал: «О большое несчастье! О великое горе! Алтын Тана моя сестра — она человек молодой, пускай она землю объезжает! Алтын Кан старый человек — в какую он землю отправился?» Алтын Тайчи вниз по склону спустился. Подножья золотого столба достигнув, со спины коня спрыгнул, коня [освободя] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, приветствовал; плечо подняв, здоровался.

Отец и мать его в глубине у золотого стола, с питьем еду поедая, сидели. Встав из-за стола, на шею Алтын Тайчи оба бросились: «Пропавший наш ребенок вернулся!» — говорили. Потерявшийся-погибший наш ребенок назад приехал!» — сказали.

Алтын Тайчи золотое кольцо бросил. Алтын Сабак явилась в настоящем своем виде. Это увидев, Ак Кан из золотого дворца вышел. Сорок плешивых позвав, сорок топоров им дал, тридцать плешивых позвав, тридцать топоров им дал. Чтобы чалого жеребца табун убить, мяса накрошить, — угощение устроить; чтобы гнедого жеребца табун целиком зарубить-накрошить, угощение устроить — крикнул Ак Кан. То слышали плешивые слуги. Так наступил день, когда топор прошелся по головам скота. Кобылиц ржавших приводили и закалывали; быков мычащих приводили и закалывали. Живущих в далекой земле людей собирали, посылая посла, близко живущих людей собирали, скликая. Алтын Арыг, старуха, девушку в глубину сорока комнат введя, семь разветвлений кос развязала и в две косы заплела. Пировали, пировали — целых семь дней свадьбу справляли, даже не замечали черноты земли; девять дней свадьбу справляли, даже не замечали черноты почвы.

Через девять дней лежащее на бересте мясо окончилось, и весь народ разошелся. Дно казанов загремело, народ разошелся. Лучшие мужчины разошлись, унося кости задних ног, бедные женщины разошлись, червивые желудки унося. Те, которым достались мозговые кости, славословя уходили; те, кому достались хрящевые кости, проклиная возвращались и так говорили: «Свои люди своих же накормили!» Собаки у дверей до того угостились, что и хвостов не осталось, так зажирили — через улицу не могли они лаять

aryg̃ öreken qysty qyryq qatpaš túbüne akkirip, četti tałba sürünmežin qoɣa šabyp, azýra tułuna ördü. tojla-tojla kelgennerin — cetti künge šyɣara tojlap, čer qarazyn pilbediler; toɣus künge šyɣara tojlap, tōbraq qarazyn pilbediler.

toɣus künnün pažynda tōstaɣylary tōzułdu, tōza čonu tarady, qazan túbü qaqtyrady, qalyq čonu tarady. er čaqšylary arɣa sōgü tuduna tarady, epči čabały qurtuɣ qaryn tuduna tarady. čaɣlyg̃ sōk četkenneri ałap kelip nānčalar, kečirtkelig̃ sōk četkenneri qarɣap kelip nānčalar — «čaɣyn čerdin kižileri čan čanɣoq āzyraš-saldylar» tep. ežikten it tojlap, quzuruɣu qalban-oq sebirip, oram kežire ürüp polbas poldular. tündükten quš tojlap, qurɣunu qalban-oq sebirip, oram kežire uçq polbas poldular.

uluɣ tojlary ertken sōnda altyn tajčy surady: «eze, aq qan aba, alɣyña mūngen aɣoj adyn qajdig̃ čerge paryan? altyn tana pečem qajy pułuna, nō kerektep paryan?»

any uqqan aq qan abazy ijgi qarayynyn čažyn ustuq tōbere poš qorłatty. «eze, qajrañda mēn altyn tajčy pałam, altyn tana pečen qaj parzyn! sen pārbysqan sōnda altyn tanany ijgi ałyp ödürerge kēlča — tep, uɣuɣan». any uqqan altyn tana tezerge tep, aq saradyna mūngende-le — uluɣ kičig̃ aq qyrat mūngen čazy paryan čarýnyg̃, tujuq tajɣa-če enmennig̃, qyɣył parar tynnary čoq, qyzaryp aɣar qannary čoq ijgi ałyp altyn šarčyn tōzüne qazała tüšken. anan ara altyn tana ijgi alyptyn ortaɣa kirbaly, ijgi ałyp-pa šabyš parybysqan. altyn tana pečen pārbysqan sōnda pistin čerge kirgen qara qul'at mūngen qara qylyš tep ałyp altyn šarčyn tōzünde turčutqan aɣoj atty ajdan surayy čoq šeciḃaly parybysqan. — po čer tujyunda uluɣ maryyg̃ sałyš-saldym, paš paštañ, tōš tōšteñ, aɣoj at-pa čaryyy ederge — tep, parybysqan,

any uqqan altyn tajčy on nanyn ora šabyndy, soł nanyn sōra šabyndy: «adannyn-oq ačyɣy, enenñin-oq qoqquju! qajzynyn coluna kirčen połɣam! altyn tana pečemnin čoq aɣoj adynyn?!» tep ajtty.

ajtqan erbek ertkenče, kōrgen qaraq nūngenče, altyn qalqy ežik qajra taštałdy. qara terek qaqpazynan qara pyłat čazap tartyp sałyan, qyzył qazyn terezinen qyzył künek čazap kesken, šažy aɣara pergen qurtujaq kızı kire pasty. qurtujaq ežik ažyp, ezen perišti; enmen ködür, menči perišti. qurtujaqty altyn ustał túbüne odurtup, aš tabaq-pa azyradylar.

altyn tajčy surady: «eze, qurtujaq kiži, qajdig̃ čerden keldin? ady šołañ qajzy polčan? raq ajran soqtun-ma, čaɣyn ajran soqtun-ma? qajdig̃ čerge parybodorzun?» — qurtujaq kiži ajtty: «qajdig̃ čerden kelejın! üš krestig̃ altyn tajɣan tōzünde čatqan qolazy qannyn ałyan kižizi poqaj saryg̃

Птицы у дымового отверстия крыши так угостились, что и крыльев у них не осталось, так зажирели — через улицу не могли перелететь.

После того, как окончилась великая свадьба, Алтын Тайчи спросил: «О, отец, тот конь, на котором ты ездил, в какую землю он отправился? Моя сестра Алтын Тана в какой угол земли — на какую отдаленную землю, за каким делом отправилась?»

Это услышав, Ак Кан из обоих глаз своих слезы пролил и пустил журчать: «Да, мое любимое дитя, Алтын Тайчи, твоя сестра вот куда уехала! После того, как ты уехал, был слух о том, что два богатыря едут убивать твою сестру Алтын Тана». Это услышав, Алтын Тана хотела убежать, но только села на коня, показались два богатыря, сидящие верхом на двух бело-серых конях — на большом и малом. У них были широкие лопатки и плечи, как целая тайга. У них были такие души, что не могли погибнуть, у них была такая кровь, что не могла вытечь. К основанию золотого столба примчались. Тогда Алтын Тана попала между двумя богатырями. [Войдя] сражаясь с двумя богатырями, уехала (прочь). После того как уехала твоя сестра Алтын Тана, в нашу землю вошедший богатырь, едущий на черно-вороном коне, по имени Кара Кылыш, стоявшего у основания золотого столба бело-буланого коня без спроса отвязал и увел. Сказавши: «В отдаленной земле [в тупике земли] великий заклад я поставил; голову за голову, грудь за грудь я поставил, чтобы устроить бег с бело-сивым конем!» — уехал.

Это услышав, Алтын Тайчи по правому боку себя хлопнул, по левому боку себя ударил, и так сказал: «Отца твоего жалость, матери твоей горе! По какому пути я должен отправиться: за конем ли, за сестрой ли!» [говоря].

Сказанная речь не успела окончиться, глядящие глаза не успели моргнуть, дверь настежь распахнулась. Повязанная черным платком из коры черного тополя, одетая в красное платье из бересты красной березы, с побелевшими волосами старуха вошла. Старуха, дверь открыв, поздоровалась, плечо подняв, приветствовала. Старуху за стол усадив, пищей-яствами кормили.

Алтын Тайчи спросил: «О, старуха, из какой земли ты пришла? Имя-прозвище твое как будет? Дальний ли айран ты взбивала, близкий ли айран ты взбивала? В какую землю ты ныне отправляешься?» Старуха отвечала: «Из какой земли я (ныне) приехала! Я буду Покай Сарыг — жена Колазы Кана, живущего у подножья золотой трехкрестовой тайги. Чтобы услышать, куда ты ехать собираешься, в вашу землю я пришла!» Старуха сказала: «Отца твоего жалость, матери твоей печаль! Прошло тридцать лет с тех пор, как мой муж Колазы Кан отправился разрушать землю Кан Мергена, имеющего черно-ременный кушак. Если сказать, что жив, — так его самого нет; если сказать, что он умер, — так костей его нет! Вы здесь тоже начали, как видно, из счета выходить, от жизни отделяться также, оказывается, стали!» Старуха спросила: «О, Алтын Тайчи, по чьей

pořarym. sen qajdig čerge parčytqanyň uýarýa slerdin čerge keldim» anan qurtujaq ajtty: «adannyn-oq ačyýy, enennin-oq qoqquju! qolazy qan paryan kižim qara qajyş qurluğ qan mergennin čerin talary a paryanna ała odus čyř ertip pardy. tiriğ teze — pozu čoq, ölgen teze — sōgü čoq. sler mynda pōden pōlünüp, čadan čaryř-oq pārtyrzār!» qurtujaq surady: «eze, ałtyn tajčy, qajzynyn čoluna kirerge sanapčan, aγoj attyn čoluna-ba, čoq ałtyn tana pečenin čoluna-ba?» — ałtyn tajčy ajtty: «qajzynyn čolunan kirčenimni pozum-dā unñabānčam. uluğ kiži sen pilerzin! ajda per, qajzyn sürüş para-jyn». poqaj saryğ öreken ajtty: «men any unñaboqčam. sen aq qyradynny požadyp, pistin čerge ys. üş krestig ałtyn tajyan tōzünde, ałtyn örgen ištinde nō pōlčutqanyň körüp uγup kelzin! aq qyrat kelgen sōnda qajzynyn čoluna kirčeninni ajda perēm»

any uqqan ałtyn örgeden šy a pasty. aq qyradynyn ałtyn ezerin ałbysty, kümüş čügenin pažyna orady. «eze, aq qyrat, mynan ara, üş krestig ałtyn tajyan tōzüne pararzyn, ałtyn örgen ištinde nō pōlčutqanyň uγup körüp kel» tep, požadybysty.

aq qyrat para-para kelgenin — sybysqalyğ syn a šyqty, sřayajlig pelge tūštü. uluğ synnan kōrgenin — üş krestig ałtyn tajyan tōzüne čettir. po čerde tük pilišpes mař čattyr, til pilišpes čon čattyr. aq čazynyn ortada, ałbatqy čonnu ortada, aj a künge sustānče, ałtyn öрге turča.

aq qyrat čimča q pazyt-pa kelip, ałtyn qalqy kōzūnektin alyna turubustu. ałtyn örgenin išt in körüp, turča. anan kōrgeni — ałtyn örgen ištinde pajaqoq poqaj saryğ öreken odurup, sarnap kelip, pa a abyťča. «uzu, uzu, qara purba pa am, tep, uzun pilbes uluğ qanny tölü-zün! ałtyn-yyzy čüs tamnan kiži alyan, ölbes parbas čajalyan qara qan aqalyğ-zyň, ałtynyyzy čüs tamnan šyqqan qara petikej üčelig-zyň, poqtuğ kiriš tajlyğ-zyň, poqaj saryğ ičelig-zyň, qolazy qan abalyğ-zyň!» tep, pajlānča.

any uγubaly p, aq qyrat puruř-kelip, nānmysty. postarynyn čerine četkenin — ałtyn māqyş pažynda pajaqoq poqaj saryğ öreken-me ałtyn tajčy mynda turčalar. any kōrgen aq qyrat qoruqpazy qoruqtu, ürükpezi ürüktü. «uluğ obař, uluğ kej! po poqaj saryğ, anda parzam, andoq; mynda kelzem, myndōq!»

aq qyrat ałtyn šarčyn tōzüne četkende — ałtyn tajčy surady: «nōnu uqtun, nōnu kōrdün? tek tabýraq ajda per!» aq qyrat at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi: «eze, ałtyn tajčy, nonu uγajyn, nonu kōrejin! pōq poqaj saryğ öreken ałtyn örgen ištinde pa a pajlap odurča». nonu kōrgenin tōza ajt-perdi.

дороге пуститься ты хочешь? По следу бело-сивого коня или по пути сестры твоей Алтын Тана?» Алтын Тайчи сказал: «По чьей дороге я пойду, я и сам не знаю! Ты старый человек, ты должна знать! Скажи, за которым из них мне лучше погнаться?» Покай Сарыг сказала: «Я этого тоже не знаю. Ты своего коня отвяжи, [отпусти] и отправь в нашу землю, пусть он придет к подножью трехкрестовой золотой тайги, пусть взглянет, послушает, что делается там в золотом дворце. После того как бело-сивый конь вернется, я тебе скажу, по чьему пути тебе надо следовать».

То услышав, Алтын Тайчи из золотого дворца вышел, с бело-серого коня золотое седло снял, серебряной уздечкой голову ему обернул. «О, бело-серый конь, отсюда к подножью трехкрестовой золотой тайги ты отправишься! Что делается, что происходит внутри золотого дворца, посмотрев и услышав, — назад приходи!» — (так) говоря, (коня) отпустил.

Бело-серый конь шел-шел, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта смотрит: до подножья трехкрестовой золотой тайги дошел, оказывается. В этой земле многошерстный скот лежит, народ живет многоязычный. Посреди белой степи, среди поданных людей, освещенный солнцем и месяцем, блистая, золотой дворец стоит.

Бело-серый конь легкой поступью придя, перед золотым окном встал. Стоит и смотрит внутрь золотого дворца. [Смотрит] внутри золотого дворца давешняя старуха Покай Сарыг сидит и ребенка убаюкивает, поет: «Спи, спи, дитя мое, Кара Пурба. Ты есть нескончаемое поколение великого хана. Ты имеешь деда Черного хана, сотворенного, чтобы никогда не умереть, который взял жену из ста углублений подземного мира. Ты имеешь бабу Кара Петикей, прошедшую через сто слоев подземного мира. Ты имеешь дядю по матери Поктуй Кириш! Ты имеешь мать Покай Сарыг, ты имеешь отца — Колазы Кана!» — (так) говоря, укачивает.

Это услышав, конь поворотил и назад возвратился. Когда он достиг своей земли, видит: наверху золотой лестницы давешняя же старуха вместе с Алтын Тайчи стоят. То увидев, бело-серый конь, бесстрашный, испугался, спокойный, заволновался. «Великое горе, великое несчастье! Эта старуха Покай Сарыг, если в одну сторону пойти, — там стоит, если в другую сторону пойти, — там тоже стоит!»

Когда конь до золотого столба дошел, Алтын Тайчи у него спросил: «Что видел, что слышал, бело-серый конь, скорее рассказывай!» Бело-серый конь лошадиным голосом ржал, человеческим голосом рассказывал. «Вот что я видел и слышал! Эта старуха Покай Сарыг в золотом дворце, укачивая ребенка, сидит!» Все что слышал, все, что видел, все рассказал.

Алтын Тайчи и старуха Покай Сарыг, выслушав его, в золотой дворец вошли. За золотой стол сели. Старуха Покай Сарыг сказала: «Если на самом деле так, то следуй по пути бело-сивого коня, у храброй богатырши, твоей сестры, силы хватит!» То услышав, Алтын Тайчи встал.

altyn tajčy-ba poqaj saryg̃ uyp alyp, altyn örgege kire pazyştylar. altyn ustaıdyñ arıazyna odurdular. poqaj saryg̃ ajtty: «şynap andig̃ poıyanda sen aıoj attıñ çoluna kirerziñ. alyp külük altyn tana peçennıñ aryg̃ küzü aıar». any uqqan altyn tajčy tura pasty. saqtaşpasqa ezen suraşty, saıynyşpasqa mençi suraşty. altyn örgeden şyga pazyp, aq qyratadyna çapşyndy.

qydat parıan izenezin qyna tepti. aq qyratqa qanyq kelip qamçy şapty. para-para kelgenin — sybysqalyg̃ synıa şyqty, slajajlig̃ pelge tüştü. ulug̃ synnan anan körüp tañnap turıanyn, tük pilişpes maı çatty, kebin pilbes çon çatty. aq çazynıñ ortada, ijgi örge turça. altyn şarçyn tözünde ulug̃ kiçig̃ aq qyrat paılaı-partyr.

altyn tajčy eniş töbere endire pastyrdy. altyn şarçyn tözüne çetti. at paıyanan aıybysty, altyn örge kire pasty. eżik aıyp, ezen perdi, enmen ködür, mençi perdi. anan körgeni — altyn ustaı tübünde pir qyıan şaş çoq altyn tas odurça. ponu körgen altyn tajčy qarsııada kel qatqyrıanyn — qara taş çaryıdy, kürslede kel külgenin — küçün taş çaryıdy. «şynap altyn tas mynda odurçatty» tep, altyn örgeden şyga pazybysty.

ijginçi örgesine päs-kirdi. anan körgeni — andig̃-oq paıynda pir qyıan şaş çoq altyn tas odurça. ponu körgen altyn tajčy ulug̃ qatqyzyn qatqyrdy: «men päreçytqan çoluma mendig̃ çabaılar qajdan kelip uçurapça!» tep.

odurçutqan altyn tas tarynmas pozu taryndy, tağ şeni şišti. «sen, altyn tas, qan poızan, pozunıñ aıyña qan-zyñ! pistiñ aıybysqa seni kiži qany tutpān. çaqşy-ba kelgen poızan, sın müzünçe nançy poıar edibis. çabaı-ba kelgende — aryg̃ tynıña çedip saıajyn!» tedi. «sen ulug̃ altyn tas açamny asqajlayañ as poıup, meni asqajlaryoq kirtirziñ!» tep.

altyn tas altyn tajčyny çaya töšten qabaldy, aq çazyga sörtep şypardy. qadyg̃ aıaş qaqşal ertti, qara çer silgil-ertti. uıalyg̃ quş uıadan çasty, paıalyg̃ an paıadan çasty. ege püge pazyştylar, elikıjık şeni orlaştylar, qaçyra püge pazyştylar, toıus qabyrğa pükteştiler. qarbaıa-qarbaıa kelgennerin — ijgi toıus künge çettiler. ijgi toıus künpaıynda aq çazynıñ tübünde ulug̃ aıaş uıup ertti, ulug̃ aıyp östep aşty. qarbaıaş tabyşpas qara tuban arazynan altyn tajčy päs-şyqty. päs şygaıa çöp aıyndy. ulug̃ altyn tas qoluna kir-pardy.

ulug̃ altyn tas qoluna kirip, üş toıus künge şygara qarbaşty. üş toıus künnün paıynda ulug̃ altyn tasty qara çerden türe tuttu, qyryq kökke qyna tuttu. aıar-turıan aj aıyna aıty ebirdi, köger-turıan kün aıyna üş ebirdi.

Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался. Из золотого дворца выйдя, к бело-серому коню прильнул, китайские стремяна ногою нажал и крепче оперся. Рассердясь, коня плетью ударил.

Ехал-ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта [потом] глядя, стоял и присматривался: многошерстный скот лежит, в разнообразных одеждах народ живет. Среди белой степи два дворца стоят. У золотого столба бело-серые кони — большой и малый — привязаны.

Алтын Тайчи вниз по склону горы спустился. Золотой коновязи достиг. С коня соскочил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. Потом посмотрел: за золотым столом Алтын Тас сидит — без единого волоса. Это увидев, Алтын Тайчи, громко смеясь, захохотал — черный камень раскололся; тихим смехом засмеялся — богатый камень раскололся. «Ведь и вправду Алтын Тас здесь сидит!» — [говоря] (сказал и) из золотого дворца вышел.

Во второй дворец вошел, смотрит: там также на голове ни единого волоса неимеющий Алтын Тас — золотой плешивец — сидит. Это увидев, Алтын Тайчи великим смехом захохотал (и сказал): «На моем пути такие паршивцы откуда берутся и мне встречаются!» [говоря].

(Тогда) сидящий Алтын Тас, никогда не сердившийся, ныне рассердился, как гора раздулся. «Ты, Алтын Тайчи, если ты хан, только для самого себя хан! У нас никто тебя ханом не ставил! Если бы ты по-хорошему пришел, как пара рогов [одного марала] двумя друзьями бы мы стали! Когда ты по худому пришел, до чистой души твоей доберусь я! [сказал]. Тебе мало было высмеять Великого Алтын Таса — золотого плешивца — моего старшего брата, так ты еще меня высмеивать пришел!» [говоря].

Алтын Тас Алтын Тайчи за ворот [грудь] схватил и в белую степь потащил. Твердое дерево рассохлось, черная земля всколыхнулась. Имеющие гнезда птицы от гнезд улетели, имеющие детенышей звери от детенышей убежали. Так сгибаясь, наступали (они) друг на друга, подобно пятидесяти диким козам ревели; гоняясь, схватываясь, друг с другом боролись; девяносто ребер друг другу согнули. Боролись-дрались, достигли [срока] дважды девять дней. Через дважды девять дней в глубине белой степи великое дерево свалилось и погибло, великий богатырь вздохнул и умер. Из тумана, в котором шаря друг друга не найти, Алтын Тайчи вышел. Не успел опомниться — в руки старшего Алтын Таса — золотого плешивца — попал.

Попав в руки старшего Алтын Таса, целых девять дней боролся. Через девять дней он старшего Алтын Таса от черной земли приподнял, к сорока небесам прижимал. Перед белеющим месяцем шесть раз повернул, перед желтеющим солнцем три раза повернул, на черный камень бросил — хребет в шести местах переломил (ему). Алтын Тайчи из середины черного тумана

ajlandyr-kelip, qara taştyn üstüne tüžürübüze pergenin — aš ortqazyn ałty čerden ada šaptыр. ałtyn tajčy qara tuban arazynan pās-šyqty. aq qyr adyna čapšyndy. pasqan azaq par połdu, paryan čeri čoq połdu.

para-para kelgenin — sybysqalyg synyoq šyqty, slayajlig peldoq tüštü. ulug synnan anan körüp turany — tük pilišpes mal čatqan, šodun pilbes čon čatqan čerge čettir. ajya künge sustayanče ijgi ałtyn örge turča. ałtyn šarčyn tözünde ulug kičig kök porat turča.

ałtyn tajčy eniš töbere endire pastырды. adyn poš taštap, ałtyn örgege kirdi. ežik ažyp, ezen perdi, enmen ködür, menči perdi. ałtyn tajčy anan körüp turza, ałtyn ustal түбünde tajya šeni aryalıg alyp tölü ödur-kelip ezen perišti. «e, e, e, z, zz, ezenoq!» tep, tal-pardy. kelegej alyp połčan połtur. ponu körgen ałtyn tajčy, ijgi nanyn čara šabyн-kelip, qatqырды: «ulug obał, ulug kej! men paryan čolda enne qalyanyn kelegej alyp ucu-raža perdi». tep, pura šabyldy.

ałtyn örgeden šyяa pastы. ijginči ałtyn örgezine kirdi. ežik ažyp, ezen perišti, enmen ködür, menči perišti. ežik ažyp ezen periškenin — kezek tajya šeni alyp ezen perišti, «ałtyn tajčyny kōrčam!» tep, aly tagdy ažyra kōrča. ponu körgen ałtyn tajčy ulug qatqyzyn qatqырды. «tigi örgezinde kelegej alyp odurča, ponzunda qyјyr qaraqtyg alyp połtur!» tep, qyјырды.

aly tölü ajtty: «eze, ałtyn tajčy, sen kelegej kök qan ačamny asqaj-lazan čoq, am qyјyr kök qanny, meni asqajlapčan! čaqšy-ba kelgen połzan, syn müzünče ijgi nančy połar edibis. čabał-ba kelgeninde aryg tynуңa čet-salajyn!» tep, (ajtty).

ałtyn tajčyny čaya töšten qapty, aq čazyяa sörtedi. kök qan ałtyn tajčyny qabal, šabyzajyn, tep, qapqany — ałtyn tajčy šaptырarяa per-bedi, tudunušqančoq turdu. čabał adaj šeni qabyš-pardyлар, cabał nek šeni süžüş pardылар. es qajyš-če esteštiler, čas qajyš-če tołyaštyлар. on ijgi künge šyяara qarbaštyлар. on ijgi künnün pažynda ałtyn tajčy sürünmes čerden süründü, tajlyqpas čerden tajlyqty. alypty as tudundu, qara čerdi köp tajandy. azaq-pa as pās turdy, aja-ba köp tajandy. qap šeni silgitti, qajyš šeni tolyatty. sörtepčytqan šende qara čer tartyldy, qara talaj čajqaldy. turyan ayaš tura syndy; čatqan ayaš čada syndy. ulug synnyң qyrynаң qara šojun qujaq kesken, tajya šeni qys palazy čügür-kirdi. qys palazy čügür-kelip, ałtyn tajčyny čara tartyp, aq čazyяa küredi. qyјyr qaraqtyg kök qan-ma pōzu qarbažybysty. qarbaža-garbaža kelgennerin —

вышел, к бело-серому коню прильнул. Там, откуда поехал, — след за ним остался; туда, куда поехал, — следа не было.

Ехал, ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину опустился. Стоит и с великого хребта смотрит, — оказывается, он достиг земли, в которой многошерстный скот живет, бессчетный народ живет. Освещенные солнцем и луной два золотые дворца стоят. У подножья золотой коновязи булано-серые кони — большой и малый — стоят.

Алтын Тайчи по склону спустился. Коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. Когда [потом] Алтын Тайчи глядя остановился, — потомок богатырей со спиной широкой, как тайга, сидя (с ним) поздоровался: «Э, э, э, здравствуй» — [говоря] сказал, растерянно запинаясь. То был богатырь заика. Алтын Тайчи себя по бедрам ударил и захохотал: «Великое несчастье, — великое горе! На моем пути под конец заики-богатыри начинают встречаться!» — (так) говоря, назад поворотил.

Из золотого дворца (он) вышел; во второй дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался. Его приветствовал богатырь [величиной] с пол тайги [говоря]: «Я вижу Алтын Тайчи!» — а сам через шесть гор глядит. Это увидев, Алтын Тайчи великим хохотом захохотал. «В том дворце заика-богатырь живет, а в этом, оказывается, косой богатырь находится!» — (так) говоря, хохочет Алтын Тайчи.

(Этот) потомок богатырей сказал: «О, Алтын Тайчи, ты не только осмел заика Көк Кана, моего старшего брата, а и меня, косо́го Көк Кана, теперь тоже высмеиваешь! Если бы ты пришел по-хорошему, мы стали бы с тобой как пара рогов [одного марала] друзьями, если ты по худому пришел, до твоей чистой души доберусь я!»

Алтына Тайчи за грудь [ворот] схватил и в белую степь потащил. Көк Кан поймал Алтына Тайчи и, сказав: «ударю я его» — его схватил. Алтын Тайчи бить себя не дал, [схватывались] борясь, встал (на ноги). Подобно злым собакам, друг друга хватили: подобно злым коровам, друг друга бодали. Сгибали друг друга, как мягкий ремень; скручивали друг друга, как свежий ремень. Двенадцать дней (они) боролись.

Через двенадцать дней Алтын Тайчи на гладкой земле стал спотыкаться, на нескользкой земле стал скользить. Богатыря мало схватывал (слабо держал), на черную землю много опирался. Ногами мало ступал, на ладони много опирался. (Когда тащил богатыря), черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Стоящее дерево, стоя, сломалось; лежавшее дерево, лежа, сломалось. Со склона великого хребта девица, одетая в кольчугу из черного чугуна, [величиной] с тайгу, прибежала.

Прибежав, девица Алтына Тайчи отняла, оттащила (и) в чистую степь отбросила. С косым Көк Каном сама бороться стала. Боролась-сражалась три дня сражалась. Через три дня великое дерево сломалось, великий бога, тырь со стоном погиб. Побелев, месяц умер; пожелтев, солнце закатилось. Из [средины] тумана девица вышла. Лишь только вышла, в далекой земле

üş künge şyğara qarbaşty. üş künnün pažynda uluğ ayaş užup ertti, uluğ küčün östep ašty. ačaryp kelip, aj öldü; kögerip kelip, kün öldü. qara tuban arazynan qys pałazy pās-šyqty. pās-šyğary čöp alyšty. raçy čerde uluğ ayaş užub oq ertti, uluğ küčün östeb oq ašty. aqtyğ köktüğ pułut üstü-be alyp ödügü čylyrap ašty. čerdin tozuny tegri qanğa šyqty. tegrinin pułudu qara čerge tüštü. alyp tüšken čerden qyzył čalyn alyšty, tegri qannan qara çazy alyšty. qara tuban arazynan kelegej kök qan pās-šyqty.

altyn tajčyn ölgen sōgü tağ połtur, tögölgen qany köl połtur. syny-žajy synmān, körge qaraçyn nūnmēn altyn tajčy kelegej kök qannyn qołunan ölüp aštyr. ponu körge qys pałazy ačyçy kelbes pozu ačyçy keldi, ajranyna suğ qožułdu. «adañnyñ-oq ačyçy, enenñin-oq qoquju połzun! körzeñ! köre čadyp, altyn tajčynyn aryğ tynyna čettirbistim!»

qys pałazy čügür-kelip, kelegej kök qanny naq pašqa qajryp ertisti. kelegej kök qan-ma čağa töšteñ qabyštylar, čazy čerge sörteštiler. kelegej kök qan-ma ijgele qysqyr-kelip qarbaštylar. qarbašçytqan tuštarynda kelegej kök qan surady: «eze, altyn tajčydan üçin turuš-čörçitqan qys pałazy, pasqan azayyn šeber połtur, tutqan qołun qadyğ połtur! qajdiğ qannyn pałazy, nō tegen attyğ šołałyğ połdyn-ne?» — qys pałazy ajtty: «eze, kök qan, qajdiğ qannyn pałazy połajyn! qajdiğ attyğ šołałyğ połaj! qołazy qannyn pałazy, poqaj saryğ eneliğ üš krestig altyn tajčan tözünde čatqan qara purba połarym!»

pýlar ijgele as qarbaštylar, köp qarbaštylar. qara purba kök qanny qyran öre qynady, qyr töbere sörteđi. qara čerden türe tuttu, qyryq kökke qyna tuttu. aj alyna alty ebirdi, kün alyna üš ebirdi. qara tašqa tüžübüze pergenin — kelegej kök qannyn aš ortqazyn alty čerden ada šaptыр. qara purba qara tuban arazynan šyçyp, kelegej kök qan-ma qyçyr kök qannyn taš oçuqtaryn tałady, tałaj küllerin šašty. üren čurttaryn uzuttu, kičig čurttaryn kištetti. oçuqtaryn aždardy, qazannaryn tünđerdi.

qara purba altyn tajčynyn čerine pārbysty. altyn tajčynyn čerine četkeni — üren čurt užup qałtyr, kičig čurt kištep qałtyr. mał turğan čerge šačanaq püdüp qałtyr; čon čatqan čerge kök öleñ özüp qałtyr. kök torčuq qačyš qałtyr. altyn šarčyn tegeçine ała sāsқан ođur-sačtyr. aq qan-ma altyn aryğ öreken altyn šarčyn tözüne üze šabył-qałtyrлар. ölgen sōkteri tağ połtur, tögölgen qannary köl połtur. aq mał, albatqy čon uluğ synny ačyçy qačyrył-parčyštыр.

великое дерево также надломилось и упало; великий богатырь также вздохнул и скончался. Поверх пестрого облака богатырская обувь блеснула. Пыль земли поднялась к хану-небу, тучи небес на черную землю упали. С места, куда упал богатырь, красное пламя поднялось. С [хана] неба черная молния спустилась. Из [средины] черного тумана зайка Көк Кан вышел.

Умершие кости Алтына Тайчи горой сделались, пролитая кровь стала озером. [Выросший] стан его не сломился, смотревшие глаза его не сомкнулись; Алтын Тайчи от руки зайки Көк Кана погиб. Это увидев, девица, никогда не огорчавшаяся, ныне огорчилась; к горечи ее еще горечь прибавилась. «Пусть будет отцу твоему горе, матери твоей печаль! Смотрите! Я все это видела и все же допустила погубить душу Алтына Тайчи!»

Девица, подбежав, косого Көк Кана, по щеке ударила. С зайкой Көк Каном за ворот, за грудь друг друга схватились. По степи друг друга волочили. С зайкой Көк Каном вдвоем кричали и боролись. В то время как боролись, зайка Көк Кан спросил: «О, молодая девица, сражающаяся ради Алтына Тайчи, нога, которой ты ступаешь, мягкой оказывается, рука, которой ты схватываешь, твердой оказывается! Какого хана ты дитя, как твое имя-прозвище?» Девица сказала: «О, Көк Кан, какого хана я дитя! Какое имя-прозвище я имею! Я — Кара Пурба, ребенок Колазы Кана, имею мать (старуху) Покай Сарыг, живущую у подножья трехкрестовой золотой тайги!»

Они двое мало ли боролись, много ли боролись, Кара Пурба Көк Кана на гору втащила, по хребту вниз потащила. С черной земли подняла, к сорока небесам прижала. Перед месяцем шесть раз повернула, впереди солнца трижды перевернула. На черный камень богатыря бросила: спина зайки Көк Кана в шести местах переломилась. Кара Пурба из середины черного тумана вышла. Каменные очаги зайки хана и косого Көк Кана разбила, море золы разбросала. Людей на стойбище усыпила, скот стойбища заставила ржать (угоняя). Камни от очага разворотила, казаны опрокинула.

Кара Пурба в землю Алтына Тайчи отправилась. Когда достигла земли Алтына Тайчи — оказывается, люди в стойбище его (все) уснули (умерли), а скот на стойбище ржет (вдали угнанный). На том месте, где стоял скот, крапива выросла; на том месте, где жил народ, зеленая трава выросла. Да кукушка с соловьем поют. На верхушке золотого столба пестрая сорока сидит. Ак Кан и старуха Алтын Арыг у подножья золотого столба лежат убитые и рассеченные (на части). Мертвые кости навалены горой, пролитая кровь стала озером. Белый скот, подданный народ через большой хребет угнаны.

Увидя это, Кара Пурба, не горящая, огорчилась, к огорчению ее горечь прибавилась. «Зачем они угнали скот и народ у этого человека, зная, что он беззащитный! У беззащитного человека скот и народ разве угощают!» — так сказала и пустилась в погоню (по следам скота). Кара Пурба едет и видит: старый скот по дороге уменьшается, старый народ на пути

ponu körgen qara qurba ačyjšy kelbes pozu ačyjšy keldi. ajranyna sug qožułdu: körer qajary čoq kižin mały čonu pede qačyrył-parčan pōłtur-ter. aq małdyn čołuna kirip, qačyryš-pārbysty. qara purba parčāt körb-odurza, mał qaryzy čołya üreptir, čon qaryzy cołyoq üreptir. ałynan paryan mał ot ottap partyr, sōnan paryan mał ottarya ot čedišpēn tōbraq čaļap partyrlar. sürüže-sürüže kelgenin — čer čabyzy čerge čatqan uług kičig qan saryg qystyn čerine četti. sybysqaļyg synya šyqty, sļayajlig pelge tüštü. uług synnan körüp turany — aq qannyn aq mały, albatqy čonu mynda čōrča. po čerde aq maļya ottarya ot četpenča, albatqy čonunya turarya čer četpenča.

qara turan ištinen uług kičig qan saryg qys čügür-šyyp qara purbany čaya paštān qaptylar. pirezi ałynan qapty, pirezi sonan qapty. qara purba ijgi alyptyn qołuna kirip, qarbažybžza perdi. qarbaža-qarbaža kelgenin — kūn-me sanap qarbaštylar, kūn ertisti, -aj-ba sanap tuduštylar, aj ertizer połdu. po čer čer połbady, po sug sug połbady.

as qarbažyp, köp qarbaščytqan šennerinde qara taļaj čajqaldy, qara čer tūbū tartyldy. turan ayaš tura syndy, čatqan ayaš čada syndy. uług tajyan paštaryna užun pilbes uług saļyn kirišti. aq tasqyļa pōrlap kelip, qar čaydy; aq taļajya qyžylaš kelip neg kirdi. po čerdin tujyū čerge tağ toyašsa, tağ tutpānča, sug toyašsa, sug tutpānča, — tojus köstüg syrlyg oq šeni sý qoburaj uług synya qazałdy. sý qoburaj ištinde alyp tēgen kižinin kökseniži uyıłdu. «šaqpō čerge po kūnū čaryqtn aryg sēkteri qarbaščattyr! pýłardan üçün sy qoburajdan tüškem-dā turušpas!» tep. anan ara sý qoburajdyn sļayy po pułun čerge uyuk-qaldy. sý qoburaj paryan sōnda šaqpō čerge tojus köstüg syrlyg oq šeni sýlap kelip-četti punnuğ sý tajaq qazała tüštü. aryaļyg tajya šeni alyp tōlū sý tajaqty tajan-saļtyr. alyp kiži ajdyndy: «adan-oq ačyjšy! qara purba sý qoburaj ištine čōrčūtqan syr olen qys aļcan kižimni sürüş-parčam. any sürüşpēnde połzam, senen üçün pir oq šurup, ada perer edim!» tedi. — any uqqan qara purba sōjledi: «pōden pōlūnčam, čadan čaryłcam! azyrap östürgen abam-oq poł, ebizip östürgen enem-oq połmenen üçün, pir oq šurup, ada pergej-pedin!»

any uqqan alyp kiži cügür-kelip, qara purbany čara tartyp, aq čazyļa küredi. uług kičig qara saryg qystyn qołuna pozu kirip qarbažybysty. alyp tōlū uług kičig qan saryg qysty ūš puruļup, ūš ajlandyrarja čettirbedi. qara čerden türe tuttu. qyryq kökke qyna tuttu. ajlandyr-kelip, qara taštyn

гоже уменьшается. Впереди идущий скот травой питается; сзади идущему скоту нехватает травы, чтобы пастись, — он землю лижет. Во время этой погони она доехала до самой нижней земли, где обитают две девицы, большая и малая Кан Сарыг. На свистящий хребет поднялась, на гладкую седловину спустилась. С высокого хребта смотрит. Ак Кана белый скот, подданный народ здесь ходит. На этой земле травы нехватает пастись и кормиться белому скоту, земли нехватает стоять подданному народу.

Из черного города великая и малая Кан Сарыг девицы выбежали, Кара Пурбу за ворот [за голову] схватили: одна спереди схватила, другая сзади схватила. Кара Пурба, в руки богатырей-девиц попавши, сражаться с ними стала. Дрались-сражались, думали, что день дерутся, — оказывается дни за днями проходили; думали, что месяц прошел, — месяцы проходили. (От этой борьбы) [эта] земля землею перестала быть, [эта] вода водою перестала быть.

В то время, как мало ли боролись, много ли боролись, черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Стоящее дерево, стоя, переломилось; лежащее дерево, лежа, переломилось. По вершинам великих деревьев пронесся нескончаемый ветер, на белый хребет, густо падая, снег выпал, на белом море с сильным шумом передвинулись льды. На этой отдаленной потаенной земле, — если она наедет на гору, — гора ее не удерживает; если наедет на реку, — река ее не удерживает, — (эта) пучка, (быстрая) как имеющая девять глаз окрашенная стрела, воткнулась в высокий хребет. Изнутри этой пучки раздался голос-хрип человека-богатыря. «На этой земле из какого солнечного мира дерутся комары! Из-за них не стоит мне вылезать из пучки!» Этот голос-шум из пучки затем в самом крайнем, отдаленном углу земли слышен был.

После того как пролетела, проехала пучка (дудка борщевника), с семью суставами посох, свистя словно окрашенная стрела с девятью глазами, в землю вонзился. На посох-дудку богатырский потомок, подобный тайге, опирался. Богатырь сам про себя сказал: «Послушай, Кара Пурба, отца твоего жалость! Я догоняю находящуюся внутри пучки девицу Сыр Олен, на которой я должен жениться. Если бы не догонял, в защиту тебя стрелу вынул бы и выстрелил бы!» Это услышав, Кара Пурба сказала: «Я из счета выхожу, от жизни отделяюсь. Ты будь мне отцом, вскормившим и вырастившим меня, стань моей матерью, вырастившей меня, вскормившей молоком. Ради меня одну стрелу (пулю)пусти!»

Это услышав, богатырь подбежал, Кара Пурбу вырвал и в чистую степь (далеко) отбросил. Тогда, попавши в руки великой и малой Кан Сарыг девиц, сам с ними бороться стал. (Этот) потомок богатырей обеих девиц — большую и малую Кан Сарыг — трижды повернул, на третьем повороте с черной земли приподнял, к сорока небесам прижал. (Еще раз) повернул, на черный камень бросил. От обеих девиц мяса не осталось поклевать сороке, костей не осталось погрызть собаке. Он все разломал и (кругом) разбросал.

üstüne tüzürübüze pergenin — uluḡ kičig qan saryḡ qystyn sāsqaṇ qayar et qalbandyr, adaj šaldar sōk qalbandyr, tōza tōstura šabystyr.

qara tuban arazynaṇ alyp tölü pās-šyqqanda — qara purba surady: «eze, alybym, menen üçün turuṣqaṇ, ady šolaṇ qajzy poḷar?» — alyp ajtty: «ady šolaṇ qajzy poḷzun! öskeni körüp özü ačyçaṇ, pašqany körüp paḡry ačyçaṇ, četti punnuḡ sy tajaqtyḡ sybas olaq poḷarym! sy qoburḡaj ištine čörčitqaṇ syr öleṇ qys ałçaṇ kižimni sürüš-parčam» tep, ezen menči surašty. anaṇ ara pasqaṇ azaq par poḷdu, paryan čeri čoq poḷdu.

qara purba anaṇ körgeṇi — alytn tajčyṇ aq qyrady myndoq cōrča. alytn sabaq myndoq turča. mynda enip alytn tajčyṇ alyan kižizi alytn sabaq pir olaqty tūbalytr. olaq paltaṇ-pultaṇ paža pertir. qartyadyḡ araqtyḡ, qan čapšyryan naqtyḡ čadyr.

qara purba alytn sabaq-pa olaqty aq qyratqa mündürüp, čeri čurtuna nandyrbysty. aq maḷdy, albatqy čonnu alytn čajzannar qoluna perip, alytn tajčyṇ čerine nandyrbysty.

qara purba aly čolun alynyp pārbysty. alytn sabaq postarynyṇ čerge čedip, qara qadačy poḷup, kündüs küzeči poḷup, olaqty azýrap čada perdi. poqaj saryḡ öreken myndoq keltir. čada-čada kelgende — olaq kiži šeninge čede pertir. olaq ajtty: «eze, iče, ala qōr šaraḡa aš čazap per. ajaḡymny ködür-tüp, ady šolaṇ adadyp, körejl» tedi. any uqqaṇ ičezi, qyryq qatpaš tūbüne kirip, alyḡ kiži ižip tōspas ala qōr šaraḡa tōldūra aš ašyḡa perdi. olaq ala qōr šarany tudunmalyp, aq cazyḡa šyḡa pasty. ülgen tūbü üze qyjyrdy, častyn tūbün čara qyjyrdy. «adym adaçaṇ alyma kelzin! adym adabas čaḡyn paspazyn!» olaq tura-tura kelgeṇin — alyt künge šyḡara tuttu.

alyt künnün pažynda üš taḷajdy qaštap, ala qamyš tajaq tajanḡan apšij kiži pazyp kēlča. apšijdiṇ qaraḡynyṇ šylbaḡy purnuna kirča. purnunū šimirigi aqsyna kirča. aqsynyṇ šilegeji tōš tōbere qōrlap kelča. alynyy öbürün alyna üze pazypča, keŋingi öbürün keŋine üze pazypča. apšij čol salbān kižiniṇ čodazyna šabyp kelča, čol salḡan kižiniṇ pažyna šāp kēlča. apšij kele-kele kelgeṇin — olaqtyṇ qyryjyna kele perip, ajtty: «eze, erke kenči paḷam, myndaḡy čylyan qalyq čonunda seniṇ adyṇ adap perčeṇ kiži šyḡyšpady-ba! uluḡ kiži men adap perzem, ady šabyṇ raqqa paryaj-ne!» tedi. — olaq ajtty: «eze, apšij, ady šolaṇny adap per! abazy. čoq kižige qaryḡ teriḡ-dā adyčaq poḷza adap per! eldiṇ čerin ebir-čörzem, adanaḡa at kerek» olaq apšijge ala qōr šarazyn tuda perdi.

apšij syraṇaj tyn-ma salyp ertisti. saḡaly sarbaja ezirdi, purnu tardaḡa, aqsy yrbaja ezirdi. apšijdiṇ erbekterge aqsy emen poḷdu. ajdaryḡa sōzün

Когда потомок богатырей вышел из черного тумана, Кара Пурба спросила: «Ты богатырь мой, из-за меня сражавшийся, как будет твое имя-прозвище?» Богатырь сказал: «Мое имя-прозвище такое будет! Глядя на других, огорченный, взглянув на чужих, сожалеющий, с семью-суставным посохом юноша по имени Сыбас я буду! Я хочу догнать девицу Сыр Олен, в пучке [-дудке борщевника] летящую, ибо я должен взять ее в жены!» (Таковыми словами) он поздоровался (с Кара Пурбой). После того по пути, по которому он проехал, след остался, а куда он отправился — следа нет.

Кара Пурба потом посмотрела — бело-серый конь Алтын Тайчи тут же ходит. Алтын Сабак тоже тут. [Сюда] спустившись, Алтын Сабак, жена Алтын Тайчи, [одного] мальчика в то время родила. Мальчик, качаясь из стороны в сторону, начал ступать-ходить. У него были глаза, как у ястреба, щеки румяны, словно сквозь них проступила кровь.

Кара Пурба и Алтын Сабак мальчика на бело-серого коня посадили и на свое стойбище-землю отправили. Белый скот, поданный народ чай-занам в руки отдали (и) в землю Алтын Тайчи отправили.

Кара Пурба продолжала свой путь. Алтын Сабак в свою землю приехала. Мальчика воспитывать стала, ночью непрерывно сторожа, днем постоянно охраняя. Старуха Покай Сарыг сюда же пришла.

[Когда] они [так] жили-жили, мальчик возраста мужа достиг. Тогда мальчик сказал: «Слушай, мать, в пестрой чаше питье приготовь! (Пойду искать человека и) заставлю (его) поднять мою чашу (и) назвать мое имя-прозвище!» [сказал]. Это услышав, мать его в глубину сорока комнат прошла и чашу полную питья вынесла и мальчику дала. Эту чашу глупый человек выпить и опорожнить не может. Мальчик, эту пеструю чашу держа, в чистую степь направился. Там крикнул, разрывая на части дно вселенной, расщепляя пополам дно преисподней. «Пусть тот, кто назовет мое имя, ко мне придет. Тот, кто не назовет мое имя, пусть (близко) не подходит!» Мальчик стоял шесть дней и эту чашу держал.

Через шесть дней, шагая по берегу белого моря, опираясь на пестрый камышевый посох, старик подошел. Слизь, выделяясь из глаз старика, попадает ему в нос, мокрота из носа попадает ему в рот, слюна изо рта, стекая, журчит по груди. На передние полы он [спереди] наступает, задние полы [сзади] топчет. Людей, не дающих ему дорогу, старик по ногам бьет; людей, уступающих дорогу, он ударяет по головам. Старик шел, шел, к юноше сбоку подошел и сказал: «Милое, любимое дитя мое, оказывается, ты до сего времени здесь стоишь! Среди всего народа, здесь собравшегося, разве не оказалось человека, который смог бы дать тебе имя! Если я, старый человек, назову тебе имя, имя-прозвище твое далеко ли пройдет?»

Мальчик сказал: «Да, старик, назови мое имя-прозвище! Человеку, у которого нет отца, дай какое-нибудь имячко! По чужой стороне если ездить стану, чтобы быть называемым — мне имя нужно!» Мальчик старику пеструю чашу протянул.

tabynmas polđu. apşij ülgen түбүн үзе qyjyrdy, častyn түбүн čara qyjyrdy. «at polza, at polzum! at polbaza, čel qaqsyn! alтын tajčy abałyg-zyn, alтын sabaq eneliğ-zin, alтына münčen adyn attan artyq aq qor-at polzum! aq qor-attyn üstüne münčen külüğü čaryq čerge toldura tuyan aba qulaq polzum! aq qor-at ašpanda azyg-da pütkül qalbazyn! sen, aba qulaq kespende keziğ-de pütkül qalbazyn! talaj qaštap čörzen, qan-ma aıys čör, tasqy! töstep čörzen, nin-me aıys čör! alyptyn tynyna čedip, azyğdyn şažyn kezip čörb-odur!» — apşij kiži ajtty: «eze, aba qulaq pałam, aly čanyyny körb-aldym, am kesti čany-ma tur. kesti čanyyny körb-ala!» tedi. oñaq kesti čany-ba turup, aly čany-na ajlanıanyn, — apşij kižin turıan čeri par, parıan čeri čoyuk.

oñaq alтын örgege päs-enip, abazy čatčan alтын šerke qyrabatqa čadyp, uzubustu. uzu-uzu kelgeni, — säyn-kelip, tañ atty, saryar-kelip, kün şyqty oñaq, keril čyzy usqanyp, alтын örgeden şyğa pasty. alтын maqyş pažynañ anañ körüp turıanyn — alтын šarčyn tözünde attan artyq aq qor-at pañal-partyr. alтын ezer syrt čazaıtyr, kümüş qujaıyn artynanče turča. aq qor-at alтын šarčyn pažyn keze kepšep turča; alтын šarčyn tözün ebire taqtap turča.

aba qulaq aq qor-attyn alтына päs-keldi, alтын kümüş qujaıyn qatap püktep qatandy. qoñtuq alty alyg polča, edek pažy šojben polča. aba qulaq erbektendi: «qačan tušta, alyp qoñuna kirip, qarbašsam, enmen pažy epteler, čaryn pažy anda čapşynar. qara mūs čačayın tartqany — түbü tözü qadyş pildirdi» aba qulaq erbektendi: «qadyg šağdy arıap čörüp, qanyq kelip tartsam, epke keler kün polar!»

aba qulaq alтын örgege kirdi, alтын ustaıdyn arıazyna odurdu. aš-patabaq čidi. aba qulaq surady: «eze, poqaj saryg öreken, sen pilbes-te po künü čaryq ištinde nebe čoq! alтын tana pečemniñ čoñuna kirěj-be, čoq aly o attyn čoñuna kirěj-be, — pilgen uqqanny ajda per!» tedi.

poqaj saryg öreken ajtty: «eze, čaqşy čajaıyan aba qulaq pałam, qajzynyn čoluna kirgeniñni men pilbenčam. sen mynañ ara pararzyn. qarıyş četpes qara öreken čerine pararzyn! qara öreken pilbes-te po künü čaryq ištinde nebe čoq. anañ paryp, čaqşy til-be surarzyn. qara öreken pistiq qudaıaj kiži polar. purunı tušta señ aq qan aqañ, meñ qoñazy qan parıan

Старик одним духом выпил. Так напился, что даже борода поднялась, нос раздулся, рот оскалился. Рот старика стал ласковым для разговора, но он [чтобы говорить] не находил слов. Старик закричал, разрывая на части дно вселенной; закричал, расщепляя на-двое дно преисподней: «Если это пригодное имя — пусть твоим именем станет! Если это негодное имя — пусть унесет ветер! Ты будешь по имени — имеющий отца Алтын Тайчи, имеющий мать Алтын Сабак! Конь, на котором ты будешь ездить, пусть будет лучший из коней, бело-коурый конь! Ездящий на бело-коуром коне храбрец, при рождении заполнивший (всю) светлую землю, ты будешь Аба Кулак! Пусть не останется ни одного перевала горы, через которую не перешел бы бело-коурый конь! Пусть не останется ни одного брода реки, который не переехал бы ты, Аба Кулак! Если пойдешь по берегу, пусть реки текут кровью, если пойдешь вдоль подножья хребта, пусть реки текут содержимым кишек! Ходи, губи богатырей, срезай волосы у невинных!» Старик сказал: «Вот, Аба Кулак, переднюю твою сторону я видел, задней стороной твоей теперь повернись. Я хочу посмотреть твою заднюю сторону». Мальчик обернулся спиной, потом обернулся лицом — там, где стоял старик, лишь след остался; куда отправился, и следа не осталось.

Мальчик к золотому дворцу спустился и на кровать лег, на которой обычно спал его отец, (лег) и заснул. Спал, спал. Когда пришел в себя, [сияя] заря загорелась, пожелтев, солнце взошло. Мальчик, потягиваясь, проснулся и из золотого дворца вышел. Когда стоял, глядя с верхушки золотой лестницы, видит: у основания золотого столба лучший из коней, бело-коурый конь привязан. Спина коня прикрыта золотым седлом, голова коня украшена серебряной уздой, золото-серебряная кольчуга на нем навьючена. Бело-коурый конь стоит и вершину золотой коновязи кусает, подножие золотого столба утаптывает.

Аба Кулак спереди к лошади подошел; золото-серебряную кольчугу снял, согнул и надел. Проймы оказались слишком широкими, полы висят и волочатся. Аба Кулак сам себе сказал: «Придет такое время и я в битву вступлю с другим богатырем — тогда плечо мое приноврится, кольчуга прильнет, прижмется к вершине лопатки!» Аба Кулак черный роговой лук натянул — он показался ему твердым; Аба Кулак сам себе сказал: «Когда я вступлю в настоящую жестокую борьбу и в гневе натяну этот лук, он станет мне как раз подходящим по руке!»

Аба Кулак в золотой дворец вошел, за золотой стол сел, с питьем еду ел. Аба Кулак спросил: «Скажи, Покай Сарыг, старуха, нет внутри этого света ничего, чего бы ты не знала. Итти ли мне по пути тетки Алтын Тана или итти по дороге бело-сивого коня? То, что слыхала и знаешь, — о том расскажи!»

Старуха сказала: «Дитя мое, превосходно сотворенный Аба Кулак, по чьей дороге тебе следовать — я не знаю! Ты отсюда поезжай! В землю Черной старухи, до которой не достигает проклятие, отправляйся! Нет ничего на этом свете, чего бы Черная старуха не знала. Приехав к ней,

kižim qara qannyn pařary pořan. qara qan qara petikejdi, qara öreken-niñ qyzyn ařan!»

any uqqan aba quřaq saqtařpasqa ezen surařty, sařynyřpasqa menči surařty. «eliğ čyřdan erte perzem, ertip ölgem polar! četton čyřa čede perzem, čerge čatqam polar!» tep. ařtyn örgeden řyřa pasty. aq qor'adyna čaryanat quř-če čapřyndy. anañ ara pasqan azaq par pořdu, parřan čeri čoq pořdu.

aba quřaq qara öreken čerine čedip, anañ körüp tyňnap turřanyn—aq čazynyn tübünde čüregeř-če ebicek turča, čiliņeř-če tüdunek řyqča.

aba quřaq at pařynañ ätybysty, čüregeř-če ebicekke kire pazyp, anañ körgenin—kül ojmazynyn qyryna tončağ čabynřan öreken kiži čatča. öreken čada-čada kelgenin—üstüne tō püdüp, tōrbas čaba pertir. aba quřaq kirip ezeneřkenin—«po kižiniñ adajy üřčā, tep, qyja-dā körbedi». čadaryn-na čatča. aba quřaq qara örekenni turřuza tartyb'ařyp, tozunun pořada qařybřza-berip, odura řāř-sařdy. aba quřaq ajdyndy: «kōrzen! kōrer qajary čoq kiži pede tozunřa ujbař-paryp čatčytqan-či!»

qara öreken ajtty: «eze, pařa, qajdiğ qannyn pařazy, nō tegen attyğ řořařyğ ařyp pořduñ-ne, mařa ačynyp, mēñ tozunumnu arřapčytqan?»—aba quřaq ajtty: «qajdiğ qannyn pařazy pořajyn! ādā pařqazy sařa kelip, sēñ tozunun arřačañ-pēdi! purunřu tuřta aq qan aqalyğ pořturum. ařtyn tajčyn pařazy, aq qor'attyğ aba quřaq pořarym!» tedi.

any uqqan qarřyř četpes qara öreken oñ eksijin yzajty: «qajrañda mēñ aba quřaq qudam keltir!» tep. qara öreken surady: «eze, aba quřaq qudam, raq ajran soqtuñ-ma, čařyn ajran soqtuñ-ma? qajdiğ čerge paryp odurzuñ?»—aba quřaq ajtty: «raq-ta ajran soqpadym, čařyn-da ajran soqpadym. adap řaptap sēñ čerine keldim! užun pilbes uřuğ qabar surařřa sařa keldim! purunřu tuřta řābyř-parřan ařtyn tana pečemniñ čořuna kirej-be, čoq ař-oj attyn čořuna kirej-be, any surap keldim».

qara öreken ajtty: «ařtyn tana pečem oř sābyř-parřan ořary-ba po čerdiñ ařyp čōrbes pir puřununa kir-partyr. amdařy ijgi ařyp-pa řābyřča. aq qan abannyn ař-oj ady-ba qara qyřyř tořuzon tořus marřyğ řāb'ařyp, tořuzon tořuzunču marřyjyn řābyřča. ař-oj at čügür-kelgen sōnda qara qyřyř ař-oj attyn eñni mojnun eliğ qat kiženge suřup, ařařy mojnun ařton-qat kiženge

по хорошему хорошим языком спросишь. Черная старуха это наша сватья. В прежнее время твой дед Ак Кан и мой муж Колызы Кан были детьми Кара Кана. Кара Кан женился на Кара Петикей—дочери Черной старухи!»

Это услышав, Аба Кулак, чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался. «Если пройдет пятьдесят лет и я не вернусь,— значит, я умер, если пройдет семьдесят лет и я не вернусь,— значит, я лежу (бездыханным) на земле!»—[говоря] сказал. Из золотого дворца вышел. К белокоурому коню летучей мышью прильнул. [Потом] откуда ехал—след за ним остался, куда поехал—следа не осталось.

Аба Кулак доехал до земли Черной старухи [и там] остановился удивленный—видит: в глубине белой степи стоит маленький домик, величиною с сердечко, словно мозг (из кости) дымок поднимается.

Аба Кулак через голову коня спрыгнул. Потом в домик вошел и взглянул—у очага, закрывшись шубенкой, старуха лежит. Эта старуха так долго лежала, что поверх нее пыль накопилась, вырос мох и покрыл (ее). Когда Аба Кулак вошел и поздоровался, (она) сказала: «Какого это человека собака лает!» На него даже косо не взглянула, продолжала себе лежать. Аба Кулак Черную старуху поднял. Всю пыль целиком встряхнув, (ее) усадил. Аба Кулак сам себе сказал: «Смотри-ка, у нее нет человека, который ухаживал бы и присматривал за ней, вот запачканная пылью так и лежит!».

Черная старуха спросила: «Скажи, дитя, какого хана ты ребенок, как твое богатырское имя-прозвище? Ты какой богатырь, пожалевший меня и с меня пыль стряхивающий?» Аба Кулак сказал: «Ты спрашиваешь, какого хана я ребенок буду! Совсем чужой, придя к тебе, разве стал бы чистить твою пыль! В прежнее время у меня был дед Ак Кан; Алтына Тайчи я сын, на бело-коуром коне ездящий!»—сказал.

То услышав, Черная старуха, до которой проклятье не доходит, правой половиной рта усмехнулась. «Сердечный мой Аба Кулак, сват, пришел!»—говоря, Черная старуха спросила: «Скажи, Аба Кулак, сват мой, В далекой ли земле айран ты взбивал, в близкой ли земле айран ты наливал? В какую землю ты направляешься?» Аба Кулак сказал: «В далекой земле айран не взбивал и в близкой земле не взбивал! Называя тебя, прославляя, в твою я землю пришел великого совета просить! Вступить ли мне на путь моей тетки Алтын Тана, некогда, сражаясь с двумя богатырями, уехавшей, или итти по пути бело-сивого коня,—о том спросить я пришел (к тебе)!»

Черная старуха сказала: «Твоя тетка Алтын Тана, с тех пор как они стали сражаться, попала в такую отдаленную землю, по которой даже богатырь этого мира не пройдет. Она до сих пор с двумя богатырями сражается. Богатырь Кара Кылыш у твоего деда бело-сивого коня увел и (при его помощи) девяносто закладов на девяносто бегах выиграл. Девяносто закладов выиграв, теперь уже девяносто девятый раз об заклад бьется. После того как конь (до межи) добегают, Кара Кылыш шею и плечи коня в пятидесяти-

suγup, pir uγun čer qastyq šāp-kel, aγa paγlap sałča. qara qylyš aγoj attyn ijgi qułayyn tōza kezip, čaly quzuruyun tōza qyrbystyr. aγoj at inge közünen kün körča, it ajaγynan aš čipča. qolazy qan qara qajyš qurług qan mergennin čerinde čerden čazyp aštyr. qolazy qannyn pałazy qara purba qara qajyš qurług qan mergen-me qarbašcałar. čaš sałγynnyn tunmazy čaš kōk eski tüktüg erke sar'attyg eres tajčy čerine kir-pārtyr. eres tajčyn čerine kir-paryp, eres tajčy qolūnan požan połbān, enelig čažyglyg kün anda körča. čaš kōk čaš sałγyn ačazyn tappan, no künü čaryqty tōza ebirdi. pozu čaš sałγynym tep, adān čörča, čaš kōk tunmamny tappančam, tep. ajtča. eres tajčy čaš kōk-pe čoq čaš sałγyn-ma — any pil połbān, čaš kōktü požatpānča. čaš kōk šyrajy qysqa čünüg, ān kesken kebi er kižiniji. anan ara tanybāncałar. sγ qoburyaj ištine cōrčutqan syr öleñ qys čaš sałγynnyn sγ qoburyajdyn ištine kire tartyb alyp, pirge ał čörča. sen, aba qułaq, eres tajčyn čerine kirip parzan, čaš kōk tep, eres tajčyγa ajtpańče połajzyn. ajdybyssan, eres tajčy any ał-sałar. čaš kōk slerdin tölge čaračañ kiži. aq sałγynnyn pałazy ałčañ kižin aj sabaq seni tappan, po künü čaryqty tōza ebirča. aj sabaqty ałbān qalzan, čažyn qysqa połar. čajanyn čabys połar. mynan parzan, aj sabaqtny čoluna kirerzin!» tedi.

any uqqan aba qułaq ištinde sanandy: «aj sabaqty, sen-dā ajna ajtpazan, pozum-daγy unnapčam!» tep. qara öreken qānyγyp ajtty: «eze, aba qułaq, po saγžyn pilgen połzam, pirdā nebe ajtpas edim! tedi, amdaγy ajtčañ sözüm köp połza, paza ajtpassym!» tep, ara ajlandyra čadybysty. aba qułaq čüregeš-če ebičekten šyγa pās-pardy. aq qor adyna čapšyndy. aj sabaqtny čoluna kirip, qačyryžybysty.

para-para kelgeni — sybysqałyg synγa šyqty, slayajlig pelge tüštü. uług synnan kōrgeni — til pilišpes mał čatty, šodun pilbes čon čatty. aq čazynyn ortada ałtyn örge turča. aba qułaq sanandy: «uług čurttu taštap pāryγa čarabas» tep, eniš tōbere endire pastyrdy. ałtyn šarčyn tōzüne keldi. at pažynan ātybysty. adyn poš taštady, ałtyn örgē kire pasty. ežik ažyp ezen perišti, enmen kōdür, menči surašty. ałtyn ustał түбünde alyp kiži aš-pa tabaq čipča.

ałyp tura pasty. aba qułaqty qoldañ qapty, qoltuqtan čölep, ałtyn ustał түбüne odurttu. ałyp tölü surady: «ałtynā mūngen adyn attañ artyq

слоиные путы засовывает, спину и шею коня в шестидесятислойные путы засовывает, один конец их к колу в землю вбитому привязывает. Кара Кылыш у бело-сивого коня оба уха целиком отрезал, гриву, хвост целиком вырвал. Бело-сивый конь видит солнце лишь сквозь отверстие иглы, из собачьей чашки еду ест. Колазы Кан в земле Кан Мергена, имеющего черный ремень-пояс, из этого солнечного мира ушел-погиб. Ребенок Колазы Кана Кара Пурба с Кан Мергеном, имеющим черный ременной пояс, борется. Младшая сестра Чаш Салтына, Чаш Көөк в землю Эрес Тайчи, имеющего рыжего коня со старой шерстью, въехала. Въехав в землю Алтын Тайчи, она не может из рук Эрес Тайчи освободиться — там горестные дни видит. Чаш Көөк своего старшего брата Чаш Салтына не может найти. По всему этому свету кругом объехала. Себя самое называя (именем брата) Чаш Салгыном, ходит и говорит: «Не нахожу я младшую сестру свою Чаш Көөк!» Эрес Тайчи не может узнать, то ли это Чаш Көөк, то ли Чаш Салгын, и не отпускает Чаш Көөк (из своей земли). Чаш Көөк лицом на девицу похожа, одежда ею надетая — мужская. Поэтому не узнает. Внутри пучки [дудки борщевника] летящая девица Сыр Олен Чаш Салгына внутри пучки втащила и возит с собою. Если ты, Аба Кулак, в землю Эрес Тайчи попадешь, ты не скажи Эрес Тайчи, что это Чаш Көөк. Если ты скажешь — Эрес Тайчи ее возьмет (в жены). Чаш Көөк для вашего поколения-(тöля) подходящий человек. Дочь Ак Салгына, которую ты должен взять в жены, по имени Ай Сабак, тебя не находя, кругом всего этого солнечного света ездит. Если ты не возьмешь Ай Сабак, твоя жизнь станет короткой, твой рост низким будет! Когда ты отсюда отправишься, на дорогу, на путь Ай Сабак ты вступишь!»

То услышав, Аба Кулак про себя подумал: «Хотя бы ты, айна, и не сказала, про Ай Сабак я и сам знаю!» [говоря]. Тогда Черная старуха, рассердясь, сказала: «Вот, Аба Кулак, если бы я эти твои мысли знала, я бы тебе ничего не сказала, теперь же, хотя много у меня есть слов, чтобы тебе сказать, я больше ничего не скажу!» — (так) говоря, Черная старуха легла, от него отвернувшись. Аба Кулак из домика, величиною с сердечко, вышел. К коню своему прильнул, на путь Ай Сабак вступил (и) пустился в погоню.

[Когда так] ехал-ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда с великого хребта взглянул вниз — разнообразной шерсти скот лежит, счета незнающий народ живет. Аба Кулак про себя думал, что не годится проезжать мимо великого стойбища, не заехав в него. Вниз по склону спустился, к основанию золотой коновязи подъехал. С коня спрыгнул, коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. За золотым столом богатырь с питьем еду ест.

Богатырь встал. Аба Кулака за руки взял, подмышки поддерживая, за золотой стол усадил. Богатырь спросил: «Под тобою идущий конь — лучший из коней, бело-коурый конь, оказывается! Сам ты лучший из всех

aq qor^{at} poltur, pozun erden artyq er polturzun! qajdig qannyn palazy? no tegan attyg solalyg poldun-ne?» — aba qulag ajtty: «qajdig gannyn palazy polaj! qajdig attyg solalyg polaj! altyn tajcy palazy aba qulag polarym!» tedi. aba qulag surady: «sen qajdig attyg solalyg alyp polaryn?» — «qajdig alyp polajyn! aj sabaqtny abazy aq salyn polarym! tedi aj sabaq palam seni tappan, po kunu charyqty toza ajlandyrbzya perdi. am qaja qaja paryanyn altynyyzy ajnaq pilbenca, kunu charyqtny alyptary pilbenca».

aba qulag pir us kunge shyara mynda tojlasty. us kunnun pazynda tura pazyp, aq salyn-ma ezen menchi surazyp, altyn orgeden shyara pazyp, aq qor^{adyna} chapshydy. qanyq kelip, qamcy shapy. aq qor^{at} chugur-parca teze, — tujyag soqsuju pildirbenca; ucuq-parca teze, — quryun soqsuju pildirbenca. mozuk paryan puludu aq^{qor} attyn qabayna poluncha, chabys kelgen puludu saaryzyna poluncha. qazyr salyn qabaq chyalap parca.

para-para kelgenin — cher ebire tushken qara tajyan tozu ne chetti. qara tajyan pir chany chanynda qaraqqa shassa tynmas qara tuban tush-partyr. qara tuban arazynda ijgi tajyan pazy qayyscha tep, korze: ijgi alyp qarbaschatty. pir chanynda qara purba qarbascha, pir chanynda qara qajys qurlug qan mergen qarbascha. pylar ijgele chatsa, turza, ten polcalar. chabal adaj-che qabyshalar, chabal puya sheni suzush-pardylar.

aba qulag anan korup pilip odurza, qan mergen qolazy qanny shapro cherde kodur-kelip, qara tashyn ustune shapqan poltur. qolazy qannyn sol ostu chetti tamya kire shabylyr, on ostu chetti tegrige qynalyan poltur; — qara tajya-ba ten chatca. qolazy qannyn syny saiy synman, korgen qarayyn nunmen, aryg tyny shyyyp oltur. ponu korgen aba qulag tarynmas pozu taryndy, tag sheni shisti. achy kelbes pozu achy keldi. ajranyna sug qozuldu.

aba qulag chugur-paryp, qara purba pechezin chara tartyp, aq chazyra kuredi. qan mergennin qoluna pozu kirip, qarbazybysty. qara purban ezi konnu ertip, ulug sayyzy toza shyqqan poltur. aq chazyda, sayyzy kir polban, odura perdi.

aba qulag qan mergenin qysqyr-kelip, qyr tobere qynady, qyran ore sortedi. on nanya shyara tartty, oq kezinen chastyrdy. sol nanya shyara tartty, soyan koske turystu. qaba-qaba kelgenin — qyryq kokke qyna tuttu. aj alyna alty ebirdi; kun alyna us ebirdi. ajlandyr-kel, qara tashyn ustune tuzurbustu. cherdyy tozunu tegri qanya shyqty. tegrdayy tubany qara cherge tustu. alyp tushken cherden qyzy chalyn alysty, tegri qanna qara chazyn alysty. cherdin kini kininen tajyp, tegri tegeli teginen chasqanche

кужей богатырь! Какого хана ребенок? Как твое имя-прозвище?» Аба Кулак сказал: «Какого хана ребенок я буду! С каким именем-прозвищем буду я! Я — Аба Кулак, ребенок Алтын Тайчи! (А) ты с каким именем-прозвищем богатырь будешь?» [Аба Кулак спросил]. (Богатырь отвечал:) «Ты спрашиваешь, какой богатырь я буду! Я буду отец Ай Сабак, Ак Салгын! Ай Сабак, дитя мое, тебя не находя, весь этот солнечный мир кругом объехала. Теперь куда-куда уехала, и живущие айны внизу не знают того, и все богатыри этого солнечного мира не знают того».

Аба Кулак три дня здесь пировал. Через три дня встал, с Ак Салгином попрощавшись, из золотого дворца вышел и к бело-коуруму коню прильнул. Рассердившись, плетью ударил. Если сказать, что бело-коуры конь бегом бежит, то стука копыт не слышно; если сказать, что летом летит — шума крыльев не слышно. Высоко идущие облака разделяются от лба бело-коуруго коня, низко проходящие облака от его спины разделяются. Сильный ветер его лоб обвеивает.

Когда так ехал-ехал, достиг подножья черной тайги, которая [спустясь] охватила собой всю землю. С одной стороны черной тайги черный туман спустился, такой, что если в глаз ткнуть — не попадешь. Если посмотреть, среди черного тумана будто вершины двух тайг столкнулись — то сражаются два богатыря. По одну сторону Кара Пурба сражается, по другую сторону Кан Мерген дерется. Лягут ли они, встанут ли они — оба они одинаковой силы. Подобно злым собакам они схватываются, подобно злым быкам — бодаются. Аба Кулак поглядев, узнает — Кан Мерген Колазы Кана с этой [же] земли поднял и бросил на черный камень. Левое плечо Колазы Кана в семь отверстий земли вошло, правое плечо семь небес задело. Необъятный, как черная тайга, он лежит. У Колазы Кана душа ушла — умер он, но стан его не переломился, глаза его глядят, не мигая. Это увидев, Аба Кулак, никогда не сердившийся, — ныне рассердился, как гора раздулся, не огорчавшийся — (теперь) огорчился. К горести его еще горечь прибавилась. Аба Кулак подбежал, Кара Пурбу, свою старшую сестру, отнял и в белую степь отбросил. (Тогда) сам в руки Кан Мергена попал и с ним драться стал. У Кара Пурба [хозяин] сердце зашлось — великий разум ее весь ушел. В белой степи, не приходя в сознание, она сидела. Аба Кулак, крикнув [завизжав], Кан Мергена вниз по хребту толкал, вверх по хребту тащил. На правый бок потянул, от пули спасая, на левый бок потянул, под прицел стрелы поставил. Схватил его крепко и к сорока небесам прижал. Перед месяцем трижды повернул, перед солнцем три раза обернул. Так обернув, на черный камень бросил. Пыль с земли к хану-небу поднялась, небесные туманы на черную землю пали. С того места, куда упал богатырь, красное пламя блеснуло, черная молния с [хана] неба просверкала. Заметно стало, как пуговина земли от середины сдвинулась, как темя небес от вершины небес отодвинулось. Заметно стало, как на земле насыпался медный курган. Из черного тумана Аба Кулак выступил. К рукам его кровь не пристала, на лбу его пот не выступил.

pildirdi. qoʻlʻug̃ puttug̃ čes oma čerine uruʻyanče pildirdi. qara tuban arazyňaq aba qulaq pās-šyqty. ijgi qoʻʻa qan čuqṗāndyr, qabaʻyna ter šappāndyr.

aba qulaq anan̄ kör-turza, qan mergennin̄ syny saʻy synmān, körgeṇ qaraʻyn nūnmēn, aryḡ tyny šyʻyp, öltür. qara purba pečezi, uluḡ saʻyzy kirbēn, qan mergenni ködür-kelip šabyšqanda — po čerdiṇ nyzraʻyna, po čerdiṇ-soqsujuna šydabān odurʻan čerine, aryḡ tyny šyʻyp, öltür.

ponu körgeṇ aba qulaq ačyʻy kelbes pozu ačyʻy keldi. «adaṇnyṇ-oq ačyʻy! enen̄nyṇ-oq qoqquju! ödürbezem-dā, qara purba pečemni men ödür-saldym» tep, qaraq körbes uluḡ sýtqa kirbisti. aba qulaq syqta-syqta kelgeṇin—ijgi qaraʻynnyṇ čaʻzy tügeṇip, ūkter poʻldu. anče-minče tem ertken sōnda aba qulaq sýdyn toqtady. aq qorʻadyna čapšynyp, āʻlyṇan̄ ara parar poʻldu.

para-para kelgeṇin — sybysqalyḡ synʻa šyqty, ezer qojnu pelge tüštü. uluḡ synnan̄ körüp turʻany — tük pilišpes maʻ čattyr, šodun pilbes čon čattyr. al̄tyn šarčyn tōzünde pir čanynda eres tajčynnyṇ eski tüktüḡ erke srʻāt payʻaʻl-partyr, pir čanyṇ čanynda čaš köktün̄ čaš quʻady payʻaʻl-partyr. čaš quʻattyn̄ ijgi qulaq arazynda al̄ton āstyḡ qoʻa pyryy poʻltur. čalbaq parʻan saʻrynda četton tilliḡ taʻaj qomus payʻaʻl-partyr.

aba qulaq eniš töbere endire pastyrdy. al̄tyn šarčyn tōzüne čedip, adyn poš tašta, al̄tyn örgē kire pasty. eʻzik aʻzyp, ezen perdi, eṇmen ködür, menči. perišti. al̄tyn ustaʻl túbünde eres tajčy-ba čaš kök ödur-kelip, aš-pa tabaq čipčalar.

eres tajčy tura pazyp, aba qulaqty qoʻdan̄ qabyp, qoʻtuqtaṇ čölep, aq ustaʻldyn̄ arʻazyna, kök ustaʻldyn̄ kögregine odurttu. eres tajčy surady: «eze, al̄yp tölü, müngen adyn̄ attan̄ artyq aq qorʻat poʻltur! pōzun̄ alyptyn̄ artyq al̄yp poʻlturzun̄! qajdiḡ qannyn̄ paʻazy, qajdiḡ attyḡ šoʻalyḡ er pol-duṇ-ne?» aba qulaq ajtty: «qajdiḡ qannyn̄ paʻazy poʻaj! qajdiḡ attyḡ šoʻalyḡ poʻajyn̄! al̄tyn tajčy paʻazy aba qulaq poʻarym!» tedi. eres tajčy ajtty: «sēṇ ady šabyṇ pistiṇ čerge uyʻlyṇ. seni kelčēṇ tep uyup, seni saqtaṇ odur-čutqam, sýn müzünce nančy poʻary!» tep.

aba qulaq surady: «nō tēgen al̄yp sēṇ qyryjynda odurča? qajdiḡ čerge pārcā?» — eres tajčy ajtty: «qajdiḡ kiži poʻlzun̄! po künü čaryqtn̄ qany piži čaš kök tunmaʻyḡ čaš saʻlyṇ ödurča. čaš saʻlyṇ čaš kök tunmazyn tappan, po künü čaryqty tōza ajlandyryp čörča. mēṇ čerime kir-kelgeṇin — men any poʻzatpān, ijgi toʻyus künge šyʻara poʻzatpān tuttum. adaṇmada čaqšy čajaʻlyṇ čaš saʻlyṇ poʻlzun̄! ponu-ʻa körüp oduraryṇ sanapčam! čaš saʻlyṇ ačazy

Потом Аба Кулак видит: Кан Мерген умер — душа его ушла. Но стан его не переломился, глаза его глядели, не мигая. Сестра его Кара Пурба, в сознание не приходя, не в силах выдержать шума и грохота земли, в ту самую минуту раздавшихся, когда Аба Кулак поднял и ударил Кан Мергена, где сидела, там и умерла — душа ее ушла.

Это увидев, Аба Кулак, [никогда] не горевавший, стал горевать. «Отцу твоему горе, матери твоей печаль! Хоть и не хотел убить, сестру мою Кара Пурбу я убил!» — говоря, так зарыдал, что глаза не смотрели. Аба Кулак (долго) рыдал, [рыдал,] слезы его глаз иссякли, тогда завыл. Много ли, мало ли времени прошло, Аба Кулак перестал рыдать. К белокоурому коню прильнул, дальше поехал.

Когда так ехал, [ехал,] на свистящий хребет поднялся, на седловину, подобную углублению седла, спустился. Когда с великого хребта, стоя, взглянул, видит: многообразной шерсти скот лежит, счета незнающий народ живет. У [основания] золотой коновязи с одной стороны привязан Эреса Тайчи рыжий конь, со старой шерстью, с другой стороны — буланый конь (богатырши) Чаш Кёок привязан. У молодого буланого коня между [двумя] ушами — с шестьюдесятью ртами-отверстиями медная труба, на широкой спине привязан комыс величиною с море, о семидесяти языках.

Аба Кулак вниз по склону спустился. До подножья золотой коновязи доехал, коня [освободя] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. За золотым столом Эрес Тайчи и Чаш Кёок сидят и с питьем еду едят.

Эрес Тайчи встал, Аба Кулака за руки схватил и, подмышки поддерживая, за золотой стол, сбоку синего стола посадил. Эрес Тайчи спросил: «О, потомок богатырей, твой конь, на котором ты едешь, белокоурый конь! Ты сам из всех богатырей лучший богатырь! Ты какого хана сын, ты с каким именем-прозвищем богатырь?» Аба Кулак сказал: «(Ты спрашиваешь) какого хана ребенок я буду! С каким именем-прозвищем буду я! Я — Аба Кулак, ребенок Алтына Тайчи!» Эрес Тайчи сказал: «Твое имя-прозвище в нашей земле раздалось. Услышав, что ты придешь, я ждал тебя, чтобы стать с тобою друзьями, как пара рогов [одного марала]!» [говоря].

Аба Кулак спросил: «Как именуется богатырь, сидящий с тобою рядом? В какую он землю едет?» Эрес Тайчи сказал: «Какой человек будет! — Это сидит Чаш Салгын, всего этого солнечного мира хан-начальник, имеющий младшую сестру Чаш Кёок. Чаш Салгын, свою младшую сестру Чаш Кёок не находя, вокруг всего солнечного мира объезжает. Когда в мою землю он приехал, я его (вот уже) девять дней отпускаю — держу. Уж очень красивым сотворен Чаш Салгын! Так бы все сидел и глядел на него! Если уж Чаш Салгын такой красивый, то как же, наверно, прекрасно создана его младшая сестра Чаш Кёок!» У Аба Кулак рот чуть не открылся, чтобы сказать, что это сидит сама Чаш Кёок, а не Чаш Салгын.

mindig̃ aryg̃ silig̃, čaš kōk tunmazy qajdig̃-le cajaŭyan kiži poŭdu-ne!» — aba quŭaq ajdarŭa: «čaš saŭyn ebes, čaš kōk pozu odurča», tep, aqsy qyjbyrap qyjbyrap toqtapča.

eres tajčy ajtty: «eze, čaš saŭyn nančy, šyŭyp, alton āstyg̃ qoŭa pyryny tartyp, četton tillig̃ taŭaj qomuzunnu qaŭyp per! aba quŭaq-pa piske qaŭyp per!»

čaš saŭyn ajtty: «šynap andig̃ kerek poŭyanda — qaŭyp perejin!» tep. altn őrgeden šyŭa pasty. čaš quŭadyna čapšyndy. alton āstyg̃ qoŭa pyryny tartyp, četton taŭaj qomustu qaŭybyza pergenin — qoŭa pyryy-ba taŭaj qomustun ŭnū altn šaŭčaq šabyŭča, alty torčūq šenoq kōglepča. čaryŭa qurup aŭašqa čažar-kelip pūr ōskence pildirdi; kōk ōlen ōspen čerde kōk ōlen ōzūžūp, čaryq ŭnnūg̃ tōrčūq qaŭyšqanče pildirdi. qoŭa pyryy-ba taŭaj qomustun ŭnūne tegri tuŭlap qurŭunnuq quš čaqšy po čerge ŭčyŭuš-kirdiler; āžyra tujŭaqtyg̃ aŭ čaqšy čazy tuŭlap čūgūrūš-kirdiler. aba quŭaq-pa eres tajčy qoŭa pyryy-ba taŭaj qomus ŭnūne šydabān altn māqyš pažyna turup, ŭlūg̃ saŭyštary tōza šyq-partyr. čaš kōk čaš quŭatqa, qānyqkelip, qamčy šapty. pasqan azaq par poŭdu, paryan čeri čoq poŭdu.

čaš kōk paryp, anče-minče tem ertken sōnda aba quŭaq-pa eres tajčy ŭlūg̃ saŭyštary kirip, altn őrgege kirdiler. aba quŭaq ajtty: «eze, eres tajčy, ŭlūg̃ abannyn pažyna, ŭlūg̃ enennin tōžūnōq kire qoŭa pyryy-ba taŭaj qomustu qaqtyr. čaš saŭyn ebes poŭčan, čaš kōk tunmazy pozu poŭčan! ōloq ajdarŭa etčitqamda ŭlūg̃ saŭyžym šyŭyp partyr!»

aba quŭaq-pa eres tajčy altn oqtaryn aŭyštara suŭunup, ergek čaryš, qan ortažyp, sŭn mūžūnče ijgi nančy poŭduŭar. ijgele ajdyštylar: «mynaŭ-oq ijgi čara tīlep pararyŭa. čaš kōk toŭašsa, eres tajčy tuda pēge; aj sabaq toŭašsa, aba quŭaq tuda pererge» attarynŭa mūnūp, altn šarčyn tōžūnen ijgi čaryŭdyŭar.

aba quŭaq para-para kelgenin — erinmes pozu erin-saŭbōdur, kōnnū qaŭbas pozu kōnnū qaŭyp saŭbōdur. ada čurtu saŭyštaŭ šyŭyp, ādŭ pašqa čerine ajlanyšty; ene čurtu esten šyŭyp, eli pašqa čerine ajlanyšty. abazynyn altn őrgezi qajdig̃ čerde turup qaŭyany pōgūjūne kirišpēnca. aba quŭaq, ačyŭy kelip, ŭlgen tūbūn ŭze qyjŭyrdy, čaštn tūbūn čara qyjŭyrdy, aba quŭaqtyn qyjŭyzy po kūnū čaryqqa toŭdura šabyqty.

aba quŭaqtyn qyjŭyzy ertken sōnda šaqpo čerge, toŭus kōstūg̃ syrŭyŭg̃ oq šeni sŭŭap kelip, četti punnuŭ sŭ tajaq qazaŭa tūštū. purunŭu tūšta tynyn (aŭyan sybas ōŭaq četti. sybas ōŭaq ajtty: «eze, aba quŭaq nančy, ŭlūg̃ aban-

Эрес Тайчи говорит: «Пойди, Чаш Салгын, выйди и заиграй на медной трубе, с шестьюдесятью ртами-отверстиями, поиграй на море-комысе, о семидесяти языках! Нам с Аба Кулак поиграй!»

Чаш Салгын (Чаш Кōк) сказал: «Если уж на самом деле так нужно, пожалуй, я поиграю!» — (так) говоря, из золотого дворца вышел, к коню своему прильнул (и) начал играть на медной трубе о шестидесяти ртах-отверстиях, на море-комысе о семидесяти языках. Звуки медной трубы и моря-комыса как золотые колокольцы звенели, как шесть соловьев пели. Можно было видеть, как на высохших, растрескавшихся деревьях, блистая, листья вырастали. На земле, не имевшей травы, зеленые травы друг за другом появлялись; казалось, будто громкоголосый пел соловей. На звук медной трубы и море-комыса сколько ни есть крылатых птиц — все прилетели, совершенно заслоняя небо, сколько ни есть зверей, имеющих раздвоенные копыта, — все прибежали, запружая степь. Аба Кулак и Эрес Тайчи, стоя на верхушке лестницы, от звуков медной трубы и море-комыса сознания лишились. Чаш Кōк, рассердившись, своего коня плетью ударила. Там, где ехала, след за нею остался, куда уехала, там следа не осталось.

Много ли, мало ли времени прошло, после того как уехала Чаш Кōк, Аба Кулак и Эрес Тайчи в сознание пришли, в золотой дворец вошли. Аба Кулак сказал: «Да, Эрес Тайчи, то не Чаш Салгын играл на медной трубе и море-комысе так, что входило в голову твоего отца и в грудь твоей матери, то была сама Чаш Кōк, младшая сестра его! Когда я об этом тебе хотел сказать — я рассудка лишился!»

Аба Кулак и Эрес Тайчи обменялись друг с другом пулями, разрезав большой палец, друг у друга кровь сосали, стали они друзьями, как пара рогов. Один другому говорил: «Отсюда [же], разойдись в разные стороны, надо ехать разыскивать. Если встретится Чаш Кōк, то взять ее Эресу Тайчи, если встретится Ай Сабак, то Аба Кулак возьмет ее (в жены)». На коней своих сели, от подножья золотого столба в разные стороны разъехались.

Аба Кулак ехал, ехал, никогда раньше не скучая, теперь соскучился, никогда не утомляясь, утомился. Отцовское стойбище из ума вышло, в совершенно чужую землю повернул, материнское стойбище из памяти вышло, в чужого народа землю направился. В какой земле золотой дворец отца его стоять остался — даже на ум ему не приходит. Аба Кулак сильно опечалился, крикнул, разрывая на части дно вселенной, закричал, расщепляя на-двое дно преисподней. Крик его раздался по всему солнечному миру, весь мир наполнил собою.

После того, как пролетел крик Аба Кулака, к этому месту, свистя подобно окрашенной стреле с девятью глазами, семисуставный посох (из дудки борщевника) примчался. Юноша Сыбас, который когда-то спас их души, приехал. Юноша Сыбас сказал: «Друг, Аба Кулак, ты так кричал, что вошло в голову деда твоего, [так что] вошло в грудь матери твоей! Я [преследуя] догонял ту, которую я должен взять в жены — девушку

nyñ pažynoq kire qyjyr! ulug enenñiñ töžünoq kire qyjyr! po čerdin pir pułyñu čerge parčytqan sý qoburyaj ištinde čörcütqan syr öleñ qys alcañ kižimni sürüzüp, sēñ ünün uyup, pere kelgenimni pilinmēn qałdym! tedi. ady čitken syr öleñ qysty čet połbān, oylan tušta sürüşken pozum er ortazyna čede perdim!»

any uqqan aba qułaq ajtty: «eze, aščytqan šenimde ajlandyrñan abam-oq ošqaš sybas ołaq, ertčytqan šenimde ebirib alyñan enem-oq ošqaš sybas ołaq! sen, paryp, qaryyš četpes qara örekennen uzun pilbes ulug tlas surap kör! ol pilbes-te po künü čaryq ištinde nebe coq. qajdig-da kerekti saña qara öreken ajda pēr. any uqqan sybas ołaq «alyyš četsin» tep, qara öreken čerine pārbysty.

aba qułaq para-para kelgenin — sāsqañ čyglüg quš četpes saryg šöl-be parča; qusqun čyglüg quš četpes quba šöl-be pārča. aba qułaq anañ körüp uyup pārbodurza, po aq čazyn uzunda nek šeninče qara taštyn töžünde ulug qyrşylyy, ulug qyjy uylča.

nek šeninče qara taštyn töžüne čağynap, körüp odurza, qara taštyn töžünde aq pit-pe qara pit qarbašča. pīrezi ajtty: «aba qułaq kelze, maña połužar!» tep; pīrezi ajtty: «aba qułaq kelze, maña połužar, saña połušpas!» tep. ponu körgen aba qułaq erbektendi: «mynañ parzam, qara tobur qamčym-ma ijgeleleriniñ qamortadañ čara šabyzarym!» tep.

qyryjylaryna kele perip, qara tobur qamčyzyn qan tegrige qyna tuttu, aq pit-pe qara pittı körüp kelip, šabysty. qamčynyn nyrsylyy erlik qannañ ertize, künü čaryqtañ azyra šabyqty. toğus köstüg ałtyn oq čerinen požan-ñan šenoq pildirdi. aq čazynyn tubüne qaraqqa šašsa tabyšpas qara tuban tartył-pardy.

aba qułaq anañ pilinze: enni mojnun eliğ qat kiženge kiirtir, arña mojnuna alton qat alton alyp üspes čaš qajyš orał-partyr. aq pit-pe qara pit połbaçañ połtur: ulug kičig kendir tułunnuğ kenči qys połñan połtur. ulug kičig kenči qys aba qułaqty postarynyn čerge sörtep parybystylar. toğus qaqpattyğ, toğus šuruptuğ čes ysqabirege suyp qaryp kir sałarña — qystar teštiler.

aba qułaqtny aq qorady ałtyn ezerin ök aldy, kümüş čügenin čer sörtep, tener čerge tēnmisti, aba qułaqqa połušçañ alyp tilep.

aq qorāt as-pa, köp-pe pārcytqan šeninde at tibirti taqqa qałdy, at tynyyžy suña qałdy. alyna qabaq pašqa čaš quāt qazała tüštü. čaš quāttny üstüne čaš kōk mün-sałtyr. čaš kōk ajtty: «eze, aq qorāt, aba qułaq külügünñü qajdig čerge ažyr-tajdyr sał keldin?» — aq qorāt at

Сыр Оленг, находящуюся внутри пучки-борщевника, улетевшую на самый далекий конец этой земли, твой крик услышал и не заметил, как сюда пришел! [сказал]. Проклятую девицу Сыр Оленг я не смог догнать в молодые годы, теперь же я достиг зрелого возраста!»

Это услышав, Аба Кулак сказал: «О, юноша Сыбас, вернувший (к жизни) меня, подобно отцу, в то время, когда я погибал, окруживший-спасший меня, подобно матери, когда я умирал! Ты отправляйся к Черной старухе, которая недостижима проклятью, и большого [-нескончаемого] совета (у нее) попроси. Нет ничего внутри этого солнечного мира, чего бы она не знала! Все, что надо, она тебе скажет». Это услышав, юноша Сыбыс, говоря: «Пусть сойдет на тебя благословение!» — в землю Черной старухи отправился.

Аба Кулак ехал, ехал. Он едет сквозь желтую пустыню, куда не долетает птица с перьями сороки, он едет сквозь бледную пустыню, куда не долетает птица с перьями ворона. Потом Аба Кулак видит и слышит: на краю этой чистой степи, у подножья черного камня, подобного черной корове, великий треск раздался, великий крик прозвучал.

К основанию черного камня, подобного черной корове, он приблизился и видит: у подножья черного камня черная вошь сражается с белой вошью. Одна вошь говорит: «Если Аба Кулак придет, мне помогать станет!» Другая вошь говорит: «Если Аба Кулак придет, мне поможет, а тебе помогать не станет!» Это увидев, Аба Кулак сам себе сказал: «Когда отсюда я отправлюсь, черною плетью [обеих] вас пополам рассеку!»

К ним подошел, черной плетью взмахнул, сорок небес задевая. Взглядом примерился — по белой и черной вшам ударил. Треск, свист плети через девять эрликов прошел, через солнечный мир разнесся, — словно вылетела девятиглазая пуля. В глубину белой степи протянулся черный туман такой густой, что, если ткнуть в глаз, не попасть.

Когда потом Аба Кулак опомнился, его плечи и шея заложены были в пятидесятислойные путы. Спина-шея были замотаны шестидесяти-слойным ремнем, который не могли бы разорвать шестьдесят богатырей. Белой вши и черной вши не стало, а оказались две девицы, большая и малая, у них косы из кендира. Две девицы, большая и малая, Аба Кулака в свою землю поволокли. Девицы между собой сговаривались съесть Аба Кулака, [всунув и] поджарив его на медной сковороде, имеющей девять крышек и девять винтов.

Бело-коурый конь Аба Кулака, золотое седло свернув на бок, серебряную узду волоча по земле, блуждал по земле, где богатыри путь теряют, в поисках богатыря, который помог бы Аба Кулаку.

В то время, когда бело-коурый конь много ли, мало ли шел, топот коня на земле раздался, дыхание коня на воду легло. Перед его лбом-головой молодой буланный конь, как вкопанный, остановился. На молодом буланом коне Чаш Кёок ехала. Чаш Кёок сказала: «Аба Кулака — твоего храбреца.

ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi: «qajdig čerge aba qulaqty ažyr-tajdyr sałajyn! ulug kičig kenči qystyn arya mekege kirip, eñni mojnun elig qat kiženge kirip, arazy mojnun alytn qat kiženge suyp, sörtebisken».

čas kök ajtty: «eze, aq qor^{at}, eres tajčy üš tegri sonda meni sürüş-kelča. ol toyašsa, senen surar: „čas kök raqta pārča-ba?“ tep. sen ajdarzyn: «tyñ raqta pārča» tep. čaynda pārča, tezen, — aba qulaqqa požužarya parbas, meni sürüzübüzer!» čas kök čas qul^{adyna}, qanyq^{kelip}, qamčy šapty. pasqan azaq par połdu, paryan čeri čoq połdu.

čas kök paryan sonda eski tüktüg erke sar^{at} qabaq pašqa učurašty. eres tajčy erke sar^{atty}, oñ qolu talza, soł qol-ba šap pārča. soł qolu talza, oñ qol-ba šap pārča. eres tajčy surady: «eze ady čitken aq qor^{at}, aba qulaqty qajdig čerge čaryqtañ častyr-sał keldin?»

aq qor^{at} at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi «aba qulaq ulug kičig kendir tułunnuğ kenči qystyn arya mekezine kirip, eñni moynu elig qat kiženge kirip paryan, arya moynu alytn qat alyp üspes čas qajyšqa oratıryp sałan. ulug kičig kenči qys postarynyn čerge sörtep parbysqannar, tojus qaqpaqtyğ, tojus šuruptuğ čes ysqabirege qaryp čip sałarya».

eres tajčy surady: «čas kök raqta pārča-ba?» tep. — aq qor^{at} ajtty: «po čerdin pir pułun čerdi erče pertir. adañ čažyna sürzen, anda-dā četpessin!» — eres tajčy ajtty: «andig połyanda aba qulaq olčitqan čerge pararym!»

aba qulaqtny čolu-ba para-para kelgenin — aba qulaqty sörtep paryan čer qyryq čylyta ot öspes qyzył tobraq šyq-qaltyr. körge čerge köre četti, uqqan čerge čaba četti.

ulug kičig kenči qys pir alyp, pir tynanyp, ijgi alyp, ijgi tynanyp, aba qulaqty sörtep pārčalar. eres tajčy at pažynañ alybysty. ulug kičig kenči qysty qab^{alyp}, oñ šimelčik ölen-kelip, šertibize pergenin — ulug kičig kenči qystyn čazy qabaqtaryn tała šerttir. qara mołat qylyžyn qaby-nañ šurtup, aba qulaqtny kiženin toza keze šabysty.

ijgi nančy aštān quš-če toyaštylar, arynyan at-če kišteštiler. eres tajčy ajtty: «eze, aba qulaq nančy, alybyn alyp čajaltyrzyn, arya süme unna-bānčan! arya süme unnap-čatsa, ulug kičig kenči qysty, men qajde šerttim, sen edoq serter edin!» ijgi nančy ezen menči suražyb^{alyp}, ijgi čarylyby-stylar.

aba qulaq para-para kelgenin — aj sabaqtny čolun čolap, izin istep, no pułun čerge pārčytqanyn pozu-dayy pilbēča. tüžep, tüš četpes, sanap,

в какой земле погибать ты оставил?» Бело-коурый конь лошадиным голосом заржал, богатырским голосом сказал: «(Ты хочешь знать) в какой земле Аба Кулака погибать я оставил! Обману-хитрости девиц, большой и малой, он поддался, они его потащили, опутав его шею-плечи пятидесятислойными путями, засунув спину-шею в шестидесятислойные пути».

Чаш Кёок сказала: «Послушай, бело-коурый конь, Эрес Тайчи через три неба сзади за мной гонится. Если он тебе повстречается и станет тебя спрашивать — „Чаш Кёок далеко ли едет?“ [говоря] — ты ответишь: „очень далеко едет!“. Если скажешь, что близко едет, он не поедет Аба Кулаку помогать, а меня будет догонять». Чаш Кёок, рассердясь, коня своего плетью ударила. Там, где проехала, — следы за нею остались, куда отправилась, — следов нет.

После того, как Чаш Кёок уехала, рыжий конь со старой шерстью лоб в лоб с ним встретился-столкнулся. Рыжего коня ударяя, Эрес Тайчи едет. Когда правая рука устает, левой рукой ударяет, если левая рука устает, правой рукой (коня) ударяет. Эрес Тайчи спрашивает: «Ты, проклятый бело-коурый конь, Аба Кулака в какой земле погибать ты покинул?».

Бело-коурый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом говорил: «Аба Кулак попался на обман девиц, имеющих из конопли косы; плечи-шею его (они) в пятидесятислойные пути заложили, спину-шею они замотали в шестидесятислойный ремень, который не может разорвать ни один богатырь. Большая и малая девицы Аба Кулака в свою землю потащили, чтобы на медной сковороде о девяти крышках с девятью винтами поджарить и съесть».

Эрес Тайчи спросил: «Далеко ли едет Чаш Кёок?» Бело-коурый конь сказал: «Самый отдаленный угол земли она уже проехала. Если ты всю свою жизнь будешь гнаться за ней, и тогда не догонишь!» Эрес Тайчи сказал: «Если так, то я поеду в ту землю, где умирает Аба Кулак!»

По следам Аба Кулака ехал, ехал. Земля, по которой тащили-волокли Аба Кулака, превратилась в красную глину, на которой в течение сорока лет трава не вырастет. Земли, которую видел, он достиг, до земли, про которую слышал, доехал.

Две девицы, большая и малая, один раз шагнут, один раз отдохнут; два раза шагнут, дважды отдохнут — так Аба Кулака тащат. Эрес Тайчи через голову коня соскочил. Двух девиц, большую и малую, схватил, правый мизинец смочил, щелкнул и чистые лбы девицам, большой и малой, разбил. Черный стальной меч из ножен вынул, пути Аба Кулака [все] разрезал.

Два друга, подобно изголодавшимся птицам, встретились, подобно изнуренным, истосковавшимся коням, заржали. Эрес Тайчи сказал: «О, Аба Кулак друг, ты из всех богатырей богатырем сотворен, а хитрости-колдовства не знаешь! Если бы ты колдовство знал, двух девиц, большую и малую, ты бы так же как я щелкнул!» Они оба друг с другом попрощались, в разные стороны разъехались.

saγyš četpes čer-be pārča. pōlgüzü coq tag āš-parča, pōgūjū čoq sug kēš-parča. sanyn pilbes tag āšča, šodun pilbes sug kēš-parča. čozayy pašqa čon arālap, čoruγu pašqa maļ arālap pārča.

para-para kelgenin — sybysqalyg synya šyqty, slayajlig pelge tüštü. ulug synnan körüp tannap turγany, — qyryq kökke qynaļa ösken kök tajγanyñ tözü pōltur. kök talajdyn qaγy čer pōltur. tük pilišpes maļ turtur, šodun pilbes čon čattyr. aq maļ, albatqy čon kök talajdyn peltirinen pažyna šyγa pertir. kök tajγanyñ tözünde, ajγa künge šaļyanče, alton ajlančyq, četton toļaļčyq altyñ öрге turča. altyñ šarčyn tözünde kök tasqyl-če kök porat turča.

aba quļaq eniš töbere ėndre pastyrdy. adyn poš tašta, altyñ māqyš pažyna šyγyp, qarčyγlan körgenin — pozunū aq qorady kök porattyn čanynda nā töregen qunaγaš-oq šeni körünča. ponu körgen aba quļaqtyn merselbes čürek merselep ertti, mersil qabyryγa tōza systašty. qoruqpas pozu qoruqtu, ürükpes pōzu ürüktü. aba quļaq ištinde sanandy: «pōñ ady mēndig, üstüne mūngen alyby qajdig-le nebe pōldu-ne» tep.

aba quļaq altyñ örgē kire pazyp, ežik ažyp, ezen perišti, eñmen kōdür, menči perdi.

altyñ ustaļ түбіне toļdura alyp oður saļtyr. čarym qaja čarnylyg, t'ūjuq qaja-če eñmenniγ, patloke tegeji tegip, eñčeje oður-saļtyr. alyp kiži — «no kižiniñ adajy ürča, no kižiniñ quļu erbektepča» tep, qyja-da körbedi. aš-pa tabaq čirin-ne čipča. qadyg sōgū alyptyñ aqsynan parča, čimčaγ sōgū purnunan pārča.

alty qučaγ alyšpas, četti kižin qučaγy čedišpes epči kiži aš-pa tabaq saļ čōrča. epči kiži surady: «eze, alyp tōlü, altyña mūngen adyn aq qorāt pōltur! qajdig qannyn palazy, nō tēgen attyg šoļalyg alyp pōldu-ne?» — aba quļaq ajtty: «altyñ tajčy palazy aba quļaq poļarym!» tep. any uqγan öreken kiži ežik čanda turčutqan aba quļaqtu qoļdan qabyp, qoļtuqtañ čölep, aq ustaļdyn arγazyna odurttu. epči kiži ajtty: «eze, čaryq čerge toļdura tuγan kök qartyγa parγan kižim! aba quļaq küzebis pozu kēltir!» tep.

any uqγan kök qartyγa kōņrep kōksep erbektedi: «eze, kök talaj aļγan kižim, ačyglyg qyčyglyg aba quļaqtaryñ po-ba?! šaq-mynan oñ qoļumnu kōdür-kelip, šabyšsam, po šen alyptyñ kezigile šen čajaļγan aba quļaqtaryñ ölüp ašqanyn pilben qalar!» tedi. anan kök qartyγa ajtty: «eze, kök talaj aļγan kižim, čaqšy čajaļγan aj sabaq tuñmanny po šen künü čaryqtyn aryg sēgi čajaļγan aba quļaqqa noγa perčen poļγan! ašyγyp, aba quļaqtyn

Аба Кулак ехал, ехал, следуя по пути Ай Сабак, по ее следам идя. По какой отдаленной земле он едет, и сам даже не знает. Едет такую землю, до которой даже в сновидении не достигнуть, куда и мыслью не донестись. Без счета горы переваливает, без счета переходит через реки. Промеж народов, других, незнакомых обычаев, проезжает, среди скота, иной-чужой поступи, он проходит.

Едет, едет, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину опустился. Глядя с великого хребта, стоит и удивляется: то была [оказывается] земля — подножье синей тайги, выросшей так (высоко), что она прижималась к сорока небесам, то была земля — берег синего моря. Многоразличной шерсти скот там лежал, счета не знающий народ (там) жил. Белый скот и подданный народ от устья синего моря до его вершины поднимаются. У подножья синей тайги, освещенный солнцем и луной, с шестьюдесятью поворотами, с шестьюдесятью изгибами золотой дворец стоит. У основания золотой коновязи голубо-серый конь, с гору (величиной) стоит.

Аба Кулак вниз по склону спустился. Коня отпустил. На верх золотой лестницы поднявшись, оглянулся. Его собственный бело-коурый конь рядом с голубо-серым конем кажется подобным новорожденному жеребенку. Это увидев, никогда горячо не волновавшееся сердце Аба Кулака закипело, никогда не хрустящие ребра — все заныли. Не знавший никогда боязни — утратившись, не знавший возбуждения — пришел в возбуждение. Аба Кулак про себя подумал: «Когда этот конь таков, каков же будет богатырь, сидящий на нем!» [говоря].

Аба Кулак в золотой дворец вошел; дверь отворив, поздоровался, плечо подняв, приветствовал.

За золотым столом, заполняя его целиком, богатырь сидит, имеющий лопатку с полгоры, имеющий плечи с целую гору. Теменем касаясь потолка, сидит богатырь, наклонившись. «Какого это человека собака ворчит, какого это человека раб разговаривает!» — говоря (так), даже косо не посмотрел, знай себе продолжает с питьем еду есть. Твердые кости вылетают через рот, мягкие кости выпадают сквозь нос.

Шестью объятиями ее не охватить, семи человек охвата для нее нехватит — такая женщина, жена его, питье и еду приготовляет.

Женщина спросила: «Скажи, потомок богатырей, под тобою шагает бело-коурый конь, какого хана ты дитя? Как называется твое богатырское имя?» Аба Кулак сказал: «Я буду сын Алтына Тайчи!» [говоря]. То услышав, старуха стоящего у двери Аба Кулака за руки схватила, подмышки поддерживая, за белый стол посадила. Женщина сказала: «О, мой муж, Көк Картыга, рожденный так, что заполняешь собою всю светлую землю, вот Аба Кулак, наш зять, сам (к нам) пришел!»

То услышав, Көк Картыга, захрипев-зашумев, отвечал: «Скажи, жена Көк Талай, это и есть жалеемый вами Аба Кулак!? Вот правую руку [мою] подниму и ударю, — то ваш Аба Кулак, сотворенный величиною лишь с полбогатыря, и сам не заметит, как умрет-погибнет!»

čazy qabağyn tała šertibizejin! tedi, aj sabaq aba qułaqty tappan čörčüt-qanda — ažyra čajağyan aba qułaq poñar, tep, sananğam; anan körzem, po künü čaryqtyn aryğ sėgi aba qułaq poñtur!»

ponu uqqan aba qułaq örtten qyzył šyrağy ölgen parya keptendi, tostan aq šyrağy qara parya keptendi. tağ šeni taryndy, tałaj šeni šišti. aba qułaq kök qartyğany šabarya oñ qoñun ködür-ködür toqtapča. aba qułaq pyrłaš turyanda — altyn örgen išti qoburyaj šeni pyrłašty.

kök tałaj kök qartyğañ ağan kižizi ajtty: «eze, kök qartyğa paryan kižim, sen sananma sen-ne-bim tep, aba qułaq šeneñ šenem alyp ebes. körer körübü kičig-da poñza, ködür-šabary ar poñčan? aba qułaq seni ködür-kel šabyza, altyn ustał tübüne odurup šydabassyn!» tedi. — kök qartyğa ajtty: «eze, kök tałaj ağan kižim, uluğ abanğyn pažyn ajtsañ! uluğ enen-ñin pažyn ajtsañ! po šen aba qułaq qanče-dağy šap-turza, sek tartqanče setlebessim, pit činče pilbessim!» tedi. — kök tałaj ajtty: «aj sabaq tuğmamny aba qułaqqa perben sałzan, čažyn qysqa poñar, čajannyn čabys poñ-qalar!» tedi.

anan kök tałaj ajtty: «eze, aba qułaq, aj sabaq tuğmam po čerge kelip paryannañ ala üš qonuq ert pardy. aj sabaq seni tappan, po künü čaryqty toza ebiribistir. sen any tappan čör-čattyrzyn! purunyu tušta men, kök tałaj-ba aj sabaq aq sağynğyn pañary poñanmys!» tedi. anan kök tałaj ajtty: «eze, kök qartyğa, nonu sanap, nonu pögünčam! aj sabaq piston čerden paryannañ ala üš qonuq ertip pardy. aba qułaq any sürüp četkenče ada sağaly toš čaja per. altyn qalqy köžünekti ažyp, qynnan körzen! tedi, aža sen ünün uñul-parza, aj sabaq po čerge kele-berer!»

any uqqan kök qartyğa ajtty: «eze, kök tałaj ağan kižim, uluğ sağyžyn šyğa pertir. men qynnanmyssam, ačyğlyğ qyčyğlyğ aba qułağyn ölöp ašqanyn pilinmēn qalar!» — kök tałaj ajtty: «orta šen ünün-me qyğyryzan, artyq čajağyan aba qułaq šydar!» tedi. — aba qułaq ajtty: «eze, artyq čajağyan kök qartyğa poñturzun! ede-le qyğyryr poñzan, qyğyryr kör! alyp-tyñ qyğyryzna šydaban kiži pir ölbekten peš qada ölzün! sağa noğa ačyğ poñyan!»

kök qartyğa ajtty: «šynap andig poñyanda orta qyğymny qyğyryr-körejl» tep, altyn qalqy köžünekti qajra taštap, ulgen tübün üze qyğyrdy, čaštyñ tübün čaza qyğyrdy. «eze, aj sabaq, ačyğlyğ qyčyğlyğ aba qułaqtaryñ piston čerde odurča!» — kök qartyğañ qyğyzy erlik qannañ ertize, künä čaryqtan ažyra šabyqty. aba qułaq kök qartyğañ ününe uluğ sağyžy toza šyğyp, ertengi kiži irge tönče sağyš čoq odurdu.

Потом Көк Картыга сказал: «Көк Талай, жена моя! Прекрасно созданную твою сестру Ай Сабак как отдать за Аба Кулака, (он) не больше как комар этого солнечного мира! Вот я щелкну Аба Кулака по чистому лбу, и лоб его разобью! Я думал, поскольку Ай Сабак так долго ходит-ищет и не может найти Аба Кулака, что он [— Аба Кулак —] должен быть сотворенным лучше всех других богатырей, а когда посмотрел — оказывается, Аба Кулак как комар этого солнечного мира!»

Когда Аба Кулак то услышал, лицо его краснее пламени стало как мертвая печень, лицо его блее бересты сделалось как черная печень. Как гора рассердился, как море раздулся. Аба Кулак, чтобы Көк Картыга ударить, размахнулся, правую руку поднял и остановился. Когда Аба Кулак так стоял и трясся, внутренность золотого дворца, подобно пучке [дудке борщевника], содрогалась (с ним вместе).

Көк Талай, жена Көк Картыга, сказала: «О, ты Көк Картыга, мой муж, ты не думай, что ты только один богатырь! Аба Кулак не хуже тебя богатырь! Хотя на вид он и не велик, поднять же и ударить его тяжело! Если Аба Кулак тебя ударит, ты не сможешь усидеть за столом!» — так сказала Көк Талай. Көк Картыга отвечал: «О, Көк Талай, моя жена, скажи про голову отца твоего, про грудь твоей матери! Такой, как Аба Кулак, сильно не ударит, как от укуса комара, я даже не вздрогну, как укуса вши — я даже не замечу!» [сказал]. Көк Талай сказала: «Если ты мою младшую сестру Ай Сабак не отдашь Аба Кулаку, жизнь твоя короткой станет, рост твой низким будет» [сказала].

[Потом] Көк Талай (Аба Кулаку) сказала: «О, Аба Кулак, с тех пор как моя сестра Ай Сабак из этой земли уехала, трое суток прошло. Ай Сабак, тебя не находя, вокруг всего этого солнечного мира кружит, а ты, ее не находя, оказывается, ходишь! В прежнее время я, Көк Талай, и Ай Сабак дочерьми Ай Салгына были». Потом Көк Талай сказала: «Вот о чем я размышляю, вот, что я думаю — с тех пор, как Ай Сабак из нашей земли уехала, трое суток прошло. Пока Аба Кулак [за нею гонясь] ее догонит — у него [отцовская] борода закроет всю грудь. Ты, муж мой, открыв золотое окно, крикни, может быть, услышав голос твой, Ай Сабак сюда в эту землю вернется!»

То услышав, Көк Картыга сказал: «О, жена моя, Көк Талай, великий разум твой вышел, оказывается! Если я закричу, этот жалкий, жалеемый тобою Аба Кулак не заметит, как умрет-погибнет!» Көк Талай сказала: «Ты закричи вполголоса, тогда прекрасно сотворенный Аба Кулак выдержит!» [сказала]. Аба Кулак сказал: «Превосходнейший, лучше других созданный Көк Картыга, если ты так крикнуть можешь, ты попробуй, крикни! Человек, не могущий выдержать крика богатыря, пусть умрет не однажды, а пять раз! Зачем тебе его жалеть!»

Көк Картыга сказал: «Если действительно, на самом деле так, дай-ка попробую крикнуть я в полкрика!» Золотое окно настез растворил и закричал, разрывая на части дно-глубину вселенной, расщепляя на-двое дно-

aba qulaq ulug saýyzy kirkende-kök qartyýa ajtty: «eze, aba qulaq, seni ölüp parar tep, orta qyjymny qyjyrdym. aj sabaq uqtu-ba, uqpady-ba unñabāñcam. uqsa, mēñ čerime keler, uqpaza, adañ čažyna sürzeñ, anda-daýy četpessin!»

aba qulaq, ödur-kelip, ijgi qaraýynny čažyn ustuq töbere pōš qorlatty. użun pilbes ulug sytqa kirdi. «ałyta mūngen aq qor-at attyn artyýy tep, sanaýam, attyn mōñüzü połtur! men aba qulaq alyp artyýy tep, sanaýam, alyptyñ mōñüzü połturum! körzeñ! alyptyñ qyjyzyyna ertengi kiži irge tōñče saýyş čoq odurdum!» tep, qaraq čažyn qan etti, qalpaq suýun poş aýysty.

ödur-kelip, aš-pa tabaq čip odurcutqan šeninde no pułun čerde ałton aštyg qola pyryñ ünü uýuldu. «qajranda kök qartyýa čestemniñ ünü oñ qulaýymnañ kirip, sol qulaýymnañ ötup pardy». ajtqan erbek ertkenče, körgeñ qaraq nūngenče, qola pyryñ ünü ulug synnyñ qyrynda uýuldu. ałtyn qalqy ežik aža šabyldy. aj sabaq kire pasty.

aba qulaq anañ körüp odurýanyn — po aj sabaq šyýar künnün šynyýoq ošqaš, tōlar ajdyn tōlazōq ošqaš, qartyýa-če qaraqtyg, qan čapšyryan šyrajlig ošqaš. aba qulaq, po aj sabaqty ura kör połbāñ, tajdyra kördü. aj sabaq oñ qołun sūn-kelip, aba qulaqqa ezen perišti. «qajranda mēñ aba qulaýym, seni tappāñ po küñü čaryqty tōza čörbüstüm!» tedi..

pýlar üzele tozulbas tojýa kirdiler, tügenmes ašqa kirdiler. kök talaj kök qartyýañ alyan kižizi aba qulaq-pa aj sabaqtyñ ijgi paštaryn qoštu.

as tojlažyp, köp tojlašcytqan šende aba qulaq ałtyn ustałdan tura pasty, — «čabys-ta połza, taýym par; tajys-tā połza, suýum par! tep. adam čurtunañ ałtap šyqqamnañ ala oýlan tušta kelgen pōzum er ortazyna čede pertirim!» tedi. aba qulaq aj sabaqty uýžap tašqap, ałtyn purba edip, suýunmaldy. saqtašpasqa ezen suražyp, saýynyšpasqa menči surašty kök qartyýa-ba, kök talaj-ba. ałtyn örgeden šyýa pasty. aq qradyna čapšyndy. qydat parýan izeneni qyna tepti, aq qorattyn čazy parýan saýryzyn cara šapty. ēñ parýan eksijin üze silgidi.

aba qulaq nana-nana kelgenin — čer ebidire kirbēñča, čer toýrazyn tartty. sug ebidine kirbēñča, sug toýrazyn tartty. eñ pašqa čeri taštyna qalča, ene čurtuna ajlanča; adý pašqa ceri taštyna qalča, ada čurtuna

глубину преисподней. «О, Ай Сабак, жалеемый вами, жалкий Аба Кулак в нашей земле сидит!» Крик Көк Картыга через (землю) Эрлик Кана прошел, через весь солнечный мир раздался. Аба Кулак от крика Көк Картыга лишился сознания и так с утра до вечера без памяти сидел.

Когда к Аба Кулаку великий разум вернулся, Көк Картыга сказал: «Вот, Аба Кулак, я боялся, что ты умрешь, потому в полкрика крикнул. Ай Сабак то ли слышала, то ли нет, — я не знаю! Если услышала, в мою землю придет, если не услышала — то ты, если всю жизнь будешь за нею гнаться, и тогда даже ее не догонишь».

Аба Кулак, сидя, слезы из обоих глаз вниз по колену проливал, давая им журчать. Он вступил в бесконечный плач. «Я думал, что конь, на котором я езжу, лучше других коней, оказывается он из (всех) коней самый слабый! Я считал себя, Аба Кулака, сильнейшим из богатырей, оказался я самым ничтожным из богатырей! Смотри: от крика богатыря с утра до вечера без сознания сидел!» — (так) говоря, слезы глаз в кровь обратил, воду век проливал.

В то время, когда, усевшись, с питьем еду ели, в каком-то отдаленном углу земли звук трубы из желтой меди о шестидесяти ртах-отверстиях раздался. «Любимого моего зятя голос, войдя в правое мое ухо, через левое ухо сквозь прошел». Не успел [сказанный] разговор окончиться, смотрящие глаза не успели мигнуть, звук трубы из желтой меди на самом краю великого хребта раздался. Золотая дверь настеж распахнулась, Ай Сабак вошла.

[Потом] когда Аба Кулак посмотрел, [эта] Ай Сабак превосходит даже восходящее солнце, подобна полноте полного месяца. Глаза ее как глаза ястреба, к лицу ее кровь приливает. Аба Кулак на Ай Сабак прямо смотреть не мог, наискось смотрел. Ай Сабак, протянув правую руку, с Аба Кулаком поздоровалась: «Любимый мой Аба Кулак, тебя не находя, кругом всего этого солнечного мира я объехала!» — сказала.

Они вчетвером в непрекращающееся пишество вступили, в неистощающееся угощение вошли. Көк Талай, жена Көк Картыга, [две] головы Аба Кулака и Ай Сабак [вместе] соединила.

В то время, когда они мало ли пировали, много ли пировали, Аба Кулак из-за золотого стола встал. «Хоть и низкая, но своя у меня гора есть, хоть и мелкая, но своя у меня река есть [говоря]; с тех пор, как я перешагнул стойбище-жилье отца, в молодом возрасте пришедший, я достиг (потом) уже зрелого возраста» — сказал. Аба Кулак Ай Сабак покрутил-повертел, в золотой перстень превратив, засунул себе (в карман). Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался с Көк Картыгом и Көк Талай. Из золотого дворца вышел, к бело-коурому коню своему прильнул. Натянутые китайские стремяна ногой нажал (и) крепче оперся. По раскинувшейся, как степь, широкой спине коня ударил, разрывая широкие губы (его), дернул (узду).

Аба Кулак возвращался [возвращался], кружным путем по земле не ехал, а по прямому направлению ехал, по изгибам рек не ехал, а напрямик (попе-

ajlanča. aba qulaq sybysqalyg synyna šyqty, slajajlig peline tüštü. ulug synnan körüp tannap turyanyn — mały małdan ašča, čonu čonna ašča. üren čurtu, aq mały üna turča. aq małdy arlap kirdi, albatqy čonnu tekšilep kirdi. altyn šarčyn tözüne čedip, adyn poš tašta, altyn örgege kirdi. ežik ažyp, ezen perišti enmen ködür, menči perišti.

altyn sabaq ičezi-be poqaj saryg öreken čügür-kelip, aba qulaqtyn mojnuna azyldylar. «ažyp pardy, tep sanayanbyys, aba qulaq ajlanyp keldi!» teštiler. ertip pardy, tep sanayanbyys, ebirip keldi!» teštiler.

aba qulaq aj sabaq alyan kižizin taštabyssqanyn — šygar kün-če šyqty, teđer aj šenoq tegdi. poqaj saryg öreken ajtty: «eze, aba qulaq pałam, akkelzen-dä čaqšyny akkeltirziñ! tolar ajdyn tolazoq, šygar künnün suzoq šeni čajalyan aj sabaq poltur! po künü čaryqta po aj sabaq šeni čajalyan qys tolünge az-oq polar».

poqaj saryg öreken altyn örgeden šyga pasty. qyryq tasty qyryp alyp, qyryq małta perdi, odus tasty qyrbalyp, odus małta šele-berdi. čaryny čarylap perdi — qyr asqyrdyn örün qyra soğup, toğrap kelip, toj sałar, tep, tör asqyrdyn örün toza soğup qyrbat tartyp, toj sałar tep. talajya šenep aš püdürär, tasqylyya šenep et toğrałar, tep, qyğyrdy. tastar ya uqqanče poldu, — toğus čyl törebän toğ qyzyraq pejlerdi kištede akkel soqtular, puğalardy onnada akkel šoqtular. raq čerdayy čatqan kižilerdi, ijgi kiži yzyp, čyğdyrdylar; čaryn čerdä tuğannaryn, pir kiži yzyp, čyğdyrdylar. tastar talajya šenep aš püdürdüler, tasqylyya šenep et pyğyrdylar. altyn sabaq ičezi aj sabaqty qyryq qatpaš tübüne akkirip, četti talba sürünmežin qoğa šabyp, azyra tuğun ördü.

tojla tojla kelgennerin — četti künge šygara tojlap, čer qarazyn pilbediler; toğus künge šygara tojlap, toğraq qarazyn pilbediler. toğus künnün pağynda tostayylary tozułdu, toza čonu tarady, qazan tübü qayğdyrady, qalyq čonu tarady. at čügürtüp, alynan kelgen attar ya aj-oğug aq torçu pylat pağadylar. er kürežin taštap paryan kižige ustug sögü perdiler körne-körkeni tekši ülediler. artyq tep, artyq perbediler, četpes tep, četpes perbediler. mynda čylyan qalyq toza alyap kelip nandyılar. «mendiğ toju kem körgen, mendiğ toju kem čigen!» teštiler.

ulug tojlary ertken sonda aba qulaq surady: «eze, poqaj saryg öreken, purunyu tušta šabyš-paryan altyn tana pečemniñ čoluna kirěj-me, čoq ağoj attyn čoluna kirěj-be?» tedi. — poqaj saryg öreken ajtty: «eze, aba qulaq, ağoj atty qara qylyš apparyanna ała toğuzon toğus marğyğ šap alyp, toğuzon toğus marğyğdy šabyp šyq-pardy. sybas oğaq nančyn qara örekennen uzun pilbes ulug qabar surap alyp, paza sy qoburğaj ištine

рек) ехал. Земля чужого народа вне его пределов остается, к материнскому стойбищу он поворачивает. Совершенно чужая земля далеко за пределами остается, в отцовское стойбище он поворачивает. Аба Кулак на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда, с великого хребта глядя, стоял, удивлялся: скот через скот переваливает — так умножается, народ через народ переваливает — так увеличивается. Жилое стойбище (население) и белый скот благополучно стоит. Промеж белого скота проехал, посреди подданного народа проехал. До подножья золотой коновязи доехал, коня [освободив] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался. Плечо подняв, приветствовал.

Мать его Алтын Сабак и старуха Покай Сарыг прибежали, на шею Аба Кулака бросились. «Аба Кулак, которого мы считали погибшим, вернулся, — сказали, которого мы считали умершим, назад приехал!» [говорили].

Аба Кулак (свою жену) Ай Сабак [взятого им человека] (из кармана) выбросил (в виде перстня). Она засияла ярче солнца, засверкала сильнее месяца. Старуха Покай Сарыг сказала: «О, Аба Кулак, дитя мое, [если ты привез так уж] какую хорошую девицу ты привез! Как свет в полнолунии [месяца], как лучи восходящего солнца Ай Сабак ведь сотворена! На этом солнечном свете подобных Ай Сабак [созданных девиц] мало!»

Старуха Покай Сарыг из золотого дворца вышла, сорок плешивых окрикнула, сорок топоров им дала. Чтобы чалого жеребца табун перебили-зарубили и, искрошив, приготовили; чтобы гнедого жеребца табун перебили-зарубили и, изрезавши, пир устроили — приказ отдала. Чтобы приготовили питья с море, чтобы накрошили мяса с гору — (им) крикнула. Как только плешивые слышали, ржущих, не жеребившихся девять лет кобылиц привели и зарезали; быков, мычащих, привели и закололи. В далекой земле живущих людей собрали, послав двух вестников, в близкой земле живущих родственников собрали, послав одного человека. Плешивые море питья приготовили, гору мяса наварили. Алтын Сабак мать его (Аба Кулака) (его жену) Ай Сабак в глубину сорока [складок] комнат ввела, семь разветлений кос расплетала и в две косы заплетала.

Пировали, пировали — семь дней свадьбу справляя, даже не видели черноты земли; девять дней угощались, не замечали черноты почвы. Через девять дней (мясо), лежащее на бересте, истощилось — весь народ разошелся, дно казанов зазвенело — народ разошелся. Коней пускали бегать — бега устраивали, вперед пришедшему коню белый шелковый платок, переливчатый как свет месяца, навязывали. Мужчин заставляли бороться — борьбу устраивали, поборовшему человеку бедренную кость давали. Свадебные подарки поровну всем делили. Не было, чтобы кому-нибудь лишнее дали, не было, чтобы кому-нибудь не додали. Весь народ, здесь собравшийся, хваля, прославляя, домой возвращался. Такую [подобную этой] свадьбу кто видел? Такое угощение кто ел?

После того, как прошла великая свадьба, Аба Кулак спросил: «О, Покай Сарыг старуха, отправиться ли мне по пути моей тетки Алтын

212
čörčütqan syr öleñ qysty sürüşpēn sałyan, syr öleñ qys aq sałyynğa paryp sałyannañ ara. üš aq qannyn pałazy qyrğan qylyš qyzył čėgren at-pa aγoj atty čügürterge uług maryyg sałyš-sałyān, üš aq qannyn čerine čügürterge maryyg sałyš-sałyān. qanattyg quš üš uja čazap, üš pała pāzyp, čeder čerde, tyrbaqtyg añ peš pała törep, pałlaryn östürüp čeder čerde üš aq qan anda čattyr. üš aq qannyn čerine użun pilbes uług maryyg pōlčütqan čerine sen pararzyn. sybas ołaq nančyn maryyšqan paš paštañ, tōš tōšten aq małdan albatqy čonnañ. aγoj at ałdyr-sałza, sybas ołaq aq małyn sürüne kelip, üš aq qannyn oylunyn qyrğan qylyštyn małyn qadararğa. qyzył čėgren at ałdyr-sałza, üš aq qannyn oylu qyrğan qylyš ała małyn arğa čonun sürüne kelip, sybas ołaqtny małyn qadararğa. üš aq qannyn čerinde sybas ołaq andōq połar, eres tajčy nančyn, čaš kōk andōq połar. sy qoburyaj ištine čörčütqan syr öleñ qys qyrğan qylyštyn čany połar. anda čylyan qałyq tōza łardyn čany połar. parčazy slerdin üstünde połarlar. aq qorat ara čügür-parğan par połar, paза nančany čoq połar! sen, aba qułaq, ara parğanyn par połar, paза nančany čoq połar! tep. poqaj aryg öreken, ijgi qaraqtyn čažyn pōš qorladyp, syqtady: «pirdā kiži qoryuštug ebes, ady čitken syr öleñ qys parčalarynny pir ojmaqqa syğa šabar. syr öleñ qystyn ölerge tyny čoq, tögülerge qany čoq. sen mynañ parğan oñ-ma kōk qartyğan čerine čedip, kōk qartyğan aryyš čölekke ajdynarzyn. kōk qartyğa parybyssa, parčen čaqšy połar edi!» poqaj saryg öreken uług sydyn syqtapča: «sen, aba qułaq, paryp ölip ažyp parzañ, señ čurtuñ tek čazyq čadyp qalar!»

any uqqan aba qułaq ezen prašaj surašty. «eliğ čyłdan ertip parzam, ertip ölgem pałar; alton čyłdan aža tüşsem, ažyp ölgem połar!» tep. aba qułaq altyn örgeden šyğa pasty. aq qoradyna čapšyndy. alynañ ara pardy.

poqaj saryg öreken, altyn maqyš pažyna turup, użun pilbes uług sytqa kirip qałdy. «aq qorat altyn šarčyn tözünen srañaj pārbysty. paза aylan-kelčen čołu čoq połar! aba qułaq paза po čerge aylan-kelčen čołu čoq połar!» tep, syqtap qałdy. «ijgi qannyn čurtu tek čazyqqa čadyp qałdy». tep, syqtapča.

aba qułaq para-para kelgenin — po pararğa čer rāyy pōlča. sybys-qałyg synğa šyqty, słaγajliğ pelge tüştü. uług synnan kōrüp turğanyn —

213
Тана, в [прежнее] давнее время сражаясь-борясь уехавшей, или следовать мне по пути бело-сивого коня?» [спросил]. Старуха ответила: «Да, Аба Кулак, после того, как Кара Кылыш бело-сивого коня увел, он в девяносто девяти бегах участвовал, девяносто девять закладов выиграл. Юноша Сыбас, твой друг, после того как у Черной старухи великого совета просил, не стал больше догонять девицу Сыр Олен, летящую внутри пучки, потому что Сыр Олен девица вышла замуж за Чаш Салгына. Кырган Кылыш, сын Белых ханов, большие бега устроил, большой заклад поставил, заставлял красно-игренивого коня и бело-сивого коня добежать до земли трех Белых ханов. Прежде чем туда долетит имеющая крылья птица, она три раза успеет гнездо свить и трижды вывести птенцов, прежде чем туда добежит имеющий когти зверь, он успеет пять детенышей родить и их вырастить, — [там] в той земле живут три Белых хана. В землю трех Белых ханов, в ту землю, где происходят [бесконечные] великие бега, ты отправишься. Юноша Сыбас — твой друг — поставил заклад: голову за голову, грудь за грудь — белый скот (и) подданный народ. Если проиграет бело-сивый конь, то юноша Сыбас после того, как угонят его белый скот и подданный народ, должен будет (еще) пасти скот сына Белых ханов — Кырган Кылыша. Если проиграет красно-игренивый конь, то Кырган Кылышу, сыну Белых ханов, — после того, как отгонят его пестрый скот и подданный народ, — придется пасти скот юноши Сыбаса. В земле трех Белых ханов юноша Сыбас тоже будет (участвовать). Эрес Тайчи, твой друг, Чаш Кōк там же будут. Внутри пучки ходящая Сыр Олен девица на стороне Кырган Кылыша будет. Весь там собравшийся народ на их стороне будет. Все будут иметь верх над вами. Бело-коурый конь туда отправится, а возврата ему не будет. Ты, Аба Кулак, туда отправишься, а назад не вернешься!» (Так) говоря, Покай старуха из обоих глаз слезы проливала, [заставляя их журчать] — рыдала. «С проклятым именем девица Сыр Олен, которой никто не страшен, всех в одну яму втолкнет и погубит. У Сыр Олен девицы нет души, которая могла бы умереть, нет крови, которая могла бы пролиться. После того как ты отсюда поедешь и до земли Кōк Картыга доедешь, ты проси (у него) дружеской поддержки-помощи. Если Кōк Картыга поедет, — все хорошо будет!» Покай Сарыг старуха великим плачем рыдает: «Ты Аба Кулак, если, отправясь, умрешь-погибнешь, твое стойбище заброшенным останется!»

То услышав, Аба Кулак попрощался. «Если пройдет пятьдесят лет и я не вернусь, значит я умер; если шестьдесят лет минует и я не вернусь, значит я погиб!» — (так) говоря, Аба Кулак из золотого дворца вышел, к бело-коуруму коню прильнул, вперед поехал.

Покай Сарыг старуха, стоя на верху золотой лестницы, бесконечным, великим рыданием рыдала. «Бело-коурый конь от основания золотой коновязи совсем отошел, назад возвращаться ему пути-дороги нет! Аба Кулаку назад в эту землю вернуться пути нет! [говоря, рыдать осталась]. Двух ханов стойбище заброшенным осталось!» — так говоря, рыдает (Покай Сарыг).

kök qartyğa čerine čettir. ałtyn šarčyn tözünde kök porat turča. pirdä čerge parbandyr.

eniš töbere endire pastyrdy. ałtyn šarčyn tözüne četti. at pažynañ ätybysty. ałtyn örgege kirdi. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen ködür, menči perišti. kök qartyğa ałtyn ustał tübüne odurup, paš kekkip, ezen sałdy. kök talaj oñ qoñun sunup, ezen perišti. — «aba qulaq čestem keldi!» tep. kök talaj aba qulaqty qoldan qabyp, qoñtuqtañ čölep, ałtyn ustał tübüne odurttu. kök qartyğa-ba aba qulaqqa, ajaqtap kel, aš perdi. pýlar üzele uñun pilbes uluğ ašqa kirdiler.

kök talaj surady: «eze, aba qulaq küze, aq qoradyna ter šaptyryp, qajdiğ čerge parčan?» tep, surady. — aba qulaq ajtty: «aq qoratqa ter šaptyryp, qajdiğ čerge parajyn! üš aq qannyn čerine parčam. qurýunnuğ quš üš uja sałyp, üš pała pazyp, pałlaryn östürüp čeder čerge, azyra tuj-yaqtyğ an peš pała törep, pałlaryn östürüp čeder čerge, aya pārcham». tedi. anañ aba qulaq ajtty: «čayyš ayaš čelden qortuq, čayys alyp alyptañ qortuq! artyq čajalğan kök qartyğa, aryš čölek połaj-ne, tep, any suraryğa kelgem!»

any uqqan kök qartyğa qyryq tižinen ün šyarbady, tündere körgen qarayyn öre körbēn, aš-pa tabaqty čirin-ne čipča. čimča q söğü aqsynañ pārchā, qadyğ söğü purnunañ pārchā. aba qulaq-pa kök talaj kök qartyğany alton sös-pe ajlandyrčalar, eliğ sös-pe ebirčalar. kök qartyğanny ajlandyr połbān üš qonuqqa čede perdiler.

üš künnün pažynda kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj ałğan kižim, ar čayys kök qartyğany ede köp körčan-ma? šynap andiğ köp körzeñ, par-dayy körejini!» anañ kök qartyğa ajtty: «ara parğanybys par połar, paza pere nančanybys čoq połar! men qoruqčan pirdä čer čoq. ady čitken syr öleñ qys andağy čyłğan qalyqty pir ojmaqqa terer. syr öleñ qysqa aryg küžüm alaryn pilinmēčam!»

kök qartyğa-ba aba qulaq aštān postaryn tosturdukar, arynğan postaryn küštendiler. egrejgen čerlerine et tołdura čidiler, pügrejgen čerlerine mün tołdura ištiler. ałtyn ustałdan tura pazyžyp, kök talaj-ba ezen prašaj suražyp, ałtyn örgeden pazyštýlar. attaryna čaryanat quš-če čapšyndýlar. kök talaj ajtty: «eze, kök qartyğam, alynañ ara pār-čatsar, tağ paštary olaš-čatsa, alty tağ azyra, alty čulat kežire čoldan kedere parajazar!» any uqqan kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj, any sen-dā ajtpazañ, pozum-dayy pilčam!» ijgi atqa, qānyqkelip, qamčy šaptylar. ijgi attyn pasqan azaq par połdu, parğan čerleri čoq połdu.

Аба Кулак ехал, ехал, — ехать ему путь далекий был. На свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта глядит — оказывается, он до земли Көк Картыга доехал. У подножья золотой коновязи голубо-серый конь стоит. Никуда (он) не уходил.

(Аба Кулак) по склону вниз спустился, подножья золотой коновязи достиг. С коня соскочил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, плечо подняв, приветствовал. Көк Картыга, сидя за золотым столом, кивнув головой, (его) приветствовал. Көк Талай, правую руку подав, с ним поздоровалась. «Аба Кулак зять наш пришел» [говоря] (сказала). Көк Талай Аба Кулака за руку схватив, под мышки поддерживая, за золотой стол усадила, Көк Картыгу и Аба Кулака угощая, питье подала. Они втроем без конца угощаться стали.

Көк Талай спросила: «О, Аба Кулак, зять, твоего бело-коурого коня в пот вогнав, в какую землю ты отправляешься?» [говоря, спросила]. Аба Кулак ответил: «Вот в какую землю я отправляюсь, вогнав в пот моего бело-коурого коня! Я еду в землю трех Белых ханов. В землю, до которой прежде чем долетит, имеющая крылья птица успеет трижды свить гнездо и, трижды выведя птенцов, их вырастить, в землю, до которой прежде чем добежит, зверь с раздвоенными копытами успеет пять детенышей родить и вырастить, — в ту землю я еду!» — сказал. Потом Аба Кулак сказал: «Одинокое дерево боится ветра, одинокий богатырь боится богатырей! Могущественнее других созданный Көк Картыга товарищескою подержкою станешь ли (мне)? — О том просить-спрашивать я приехал!»

То слушавший Көк Картыга вверх глазами не смотрит; смотря вниз, еду с питьем продолжает есть. Мягкие кости через рот выпадают, твердые кости через нос выпадают. Көк Талай и Аба Кулак Көк Картыгу шестью-десятью словами поворачивают, пятьюдесятью словами ворочают — уговаривают. Уже до трех дней доходит, а Көк Картыгу уговорить не могут.

На третий день Көк Картыга сказал: «О, жена моя, Көк Талай, разве ты меня, совсем одинокого Көк Картыгу, так высоко ценишь? Если на самом деле так высоко ценишь [так за много меня рассматриваешь] — тогда, пожалуй, поеду!» Потом Көк Картыга сказал: «Путь, по которому мы поедем туда, будет, назад сюда возвращаться пути не будет. Нет ничего, чего бы я боялся. Проклятая Сыр Олен девица туда съехавшийся народ в одну яму соберет. Хватит ли у меня силы для Сыр Олен девицы — я не знаю!»

Көк Картыга и Аба Кулак, изголодавшиеся, себя насыщали, исхудавшие, себя подкрепляли. Пустые места мясом заполняя, ели; впалые места наваром наполняя, ели. Из-за золотого стола вместе встали, с Көк Талай попрощались. Из золотого дворца вместе вышли. К коням, как летучие мыши [птицы], прильнули. Көк Талай сказала: «О, мой муж, Көк Картыга, когда отсюда вперед поедете, если вершины гор будут греметь — через шесть гор переваливая, через шесть рек переезжая, в сторону от пути поезжайте!» То услышав, Көк Картыга сказал: «О, Көк Талай, если бы ты

pýlar ijgöle as köp paryp oduryan tuštarynda ulug̃ tajya paštary ulug̃ saıyn kirišti. tağ-ba suğduñ paštary pirge olaža perdi. pýlar alty tağdy aždyra pardylar; četti čulat kežire paryp, qara qajaya kölep turbustular. turarłary čöp alyšty. šaq-po pýlar pārcytqan čol-ba četti punnuğ sý qobur-
yaj čabys tağdy čaba čap, mōžük tağdy üze šap-kel pārbysty. kök qartyja ajtty: «eze, aba qulaq, ulug̃ čol-ba paryan polzabys, po sý qoburyaj pisti orta pelden üze šap parbyzār edi!»

pýlar ijgele sāsqañ užup četpes saryğ čazy-ba parčalar, qusqun quš užup četpes quba šol-be parčalar. quba šöldün užunda aq qonaq-pa qyzył qonaq učuq-kelča. aq qonaq-pa qyzył qonaqqa kele-kele čaıynap, anañ matap körgennerin—aq qonaq-pa qyzył qonaq ebes poltur, aq qannyn aıoj ady-ba qyryñ qylyš qyzył čegren at čügür-kelčalar.

aıoj at qyryjy-ba ertčytqanda—aba qulaq oñ qoıun sunubustu. aıoj attyn tiskinnen qāb-aıyp, pura tartyp aıdy. aıoj at at ünü-be kištedi, aıyp ünü-be erbektedi: «eze, aıyp, tölü, meni pura tartqan qajdiğ qannyn pałazy polarzyn?» — aba qulaq ajtty: «qajdiğ qannyn pałazy polajyn! ady paš-
qazy seni kelip tutčañ-pedi! aq qannyn tölü altyn tajčyn pałazy, aba qulaq polarym».

any uqqañ aıoj at ajtty: «eze, aba qulaq, qara qylyš meni apparıan-
nañ ala toıuzon toıus marıyğ šapty. toıuzon toıus marıyğdy taıap šyq-
pardy. am čüzünčü marıyjyn čügürčäm. köñnüm qalbas aıoj at köñnüm qaldy. qyzył čegiren atqa aldyr-salarıa men pārcytqam. aq qannyn tölü kelgende—pary čoq küžüm pašqa tartyp čügürčej! qyzył čegiren atqa nōya aldyrčañ polıam!»

anañ aıoj at ajtty: «po čügür-paryñ čolumda añ četpes, quš četpes čerge, po čerdiñ tujıyuna paryanmys. andayy čerde qaraq šašsa tynmas qara tubanny ertkenmis. qara tuban arazynañ altyn tanāñ aq sarady kelip, piske qošta toıus künük čer čügür-pardy. aq sarattyn quıun edi tüžüp, quruğ sōğü qaltyr. qalyn edi tüžüp, qadyğ-la sōğü qaltyr. qarayy orajyp, qabayy tōñnej-qaltyr. aj-ba kün ötüre šalyžar šenge čede pertir. aq sarāt menen surayan: „aq qannyn tölünen artyq tegen aıyp čajał-öskeni par-ba?“ tep. men ajtqam: „aq qannyn tölünen aıyp čajałyanyn qurıun-
nuğ-da quštañ uqpadym, künü čaryq alybynañ uqpadym!“ tep. any uıub-

даже того и не сказала, я и сам хорошо знаю». Рассердясь, обоих коней плетью ударили. Там, где прошли кони, — след остался, в какую землю пошли, — следа нет.

Много ли, мало ли они вдвоем ехали — в вершинах великой тайги ветер пронесся, вершины гор и рек (все вместе) шуметь начали. Они вдвоем, через шесть гор переваливая, уехали, через семь рек переехав, за черную скалу скрылись. Как только они там встали, той же дорогой, которой они ехали, пучка-борщевник, имеющая семь суставов, низкие горы покрывая, высокие горы снося-разрывая, прилетела. Көк Картыга сказал: «О, Аба Кулак, если бы мы по большой дороге поехали, эта пучка через нас, разорвав нас по поясу, переехала бы!»

Они вдвоем желтой степью, до которой не может долетать даже и сорока, едут; бледной пустыней, до которой черный ворон, летая, не достигает, едут. В конце бледной пустыни белая бабочка с красной бабочкой летают. Они к белой и красной бабочкам подъехали. Потом, когда пристально взгляделись, — оказывается то не красная и белая бабочки, а бело-сивый конь Ак Кана и красно-игрневый конь Кырган Кылыша бегут.

Когда бело-сивый конь мимо них пробежал, Аба Кулак правую руку вытянул и за повод бело-сивого коня схватил. Бело-сивый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом говорил: «О, потомок богатырей, меня повернувший, какого хана ребенок, с каким именем-прозвищем ты будешь?» — «Какого хана ребенок буду [ка] я! Совершенно чужой тебе разве схватил бы так? Из поколения Ак Кана, сын Алтын Тайчи я буду!»

То услышав, бело-сивый конь сказал: «О, Аба Кула, с тех пор как меня Кара Калыш увел, — он девяносто девять бегов устроил. Девяносто девять бегов все выиграл. Теперь сотый бег — я бегу. Никогда не устающий бело-сивый конь — я начал уставать. [Я отправился в бег] (и) я собирался в этом бегу проиграть красно-игрневному коню. Теперь же, когда потомок Ак Кана приехал, что есть силы у меня, — в голову стянув, — я побегу! Зачем стану проигрывать красно-игрневному коню!»

(Потом) бело-сивый конь сказал: «По дороге, по которой я бежал, мы пришли в землю, куда не доходит зверь и не долетает птица, в тупик этой земли! В той земле мы прошли сквозь такой густой туман, что глазом невозможно проникнуть. Из середины тумана бело-рыжий конь Алтын Таны, выйдя, с нами рядом на расстоянии девяти дней бега бежал. У бело-рыжего коня мясо [жеребенка] спало, сухие кости остались; толстое мясо исхудало — твердые (лишь) кости остались. Глаза впалыми стали, лоб выпуклый стал. До такого состояния дошел, что лучи солнца и месяца сквозь него просвечивают. Бело-рыжий конь спросил у меня, [говоря]: „Есть ли из поколения (тöля) Ак Кана лучшим из лучших сотворенный, возросший богатырь?“ Я отвечал: „Про сотворенного богатыря из поколения (тöля) Ак Кана ни от крылатых птиц я не слышал, ни от богатырей этого солнечного мира я не слышал“» [говоря].

ałyp, aq sarġāt ijgi qaraq ĉažyn poš qorladyp, ajdyp pardy: «adannyn-oq ačyjšy, enennin-oq qoqquju! pis ĉabalđyn ałyna turuščan aq qannyn tölünen artyq tegen ałyp ĉajał öskeni ĉoçoq połyan-č! pisten üçün turužup, pir oq šurup ada perčen po künü ĉaryqta ałyp ĉajał öskeni ĉoçoq połtur!» tep, aq sarġāt pārbysty.

aγoj at atty: «aq qannyn ĉerinen paryanna ała ijgi tölge ĉedip pardym. ĉüzünčü marıyjn ĉügürčam. inge köžünen kün kördüm, it ajağyna aš ištım. uluğ marıyğdan ĉügür-kelgen sōmda qara qylyš enni mojnuma eliğ qat kižen suğup, arğa mojnuma alton qat kižen suğup, pir užun ĉer qastyqqa pağlap kelip ĉateryp odurdu».

aba qułaq aγoj atty körgenin — qyzył edi tüzüp, quruğ sōğü qałtır; qałyn edi toza qağylyp, qadyğ-la sōğü qałtır. aγoj at aj-ba kün ötüre šalyžar šenge ĉede pērtir. qara qylyš aγoj attyn ijgi qułağyn tözünen kestir, quzuruyu ĉałyn tōza kestir. pýlar mynda turup erbekteškenče — qyzył ĉegiren at üš qannyn taštyna ĉede pertir. aba qułaq oñ qołun tegri qanğa ködürüp, aγoj attyn ĉalbaq paryan sağryzyna šabysqanyn — aγoj at et ačyjšyna šydap połbān, qyzył attyn quzuruy paza ĉügür-pardy.

pýlar ijgele para-para kelgennerin — sybysqałyğ synğa šyqtylar, slağajliğ pelge tüštüler. uluğ synnan körup turannary — üš aq qannyn ĉerine ĉettirler. myndağy ĉerde qarłyğas quš seni ałyp qajynča, qara kebelčik šeni yğyłaščalar. altn šarčyn at pağlara ĉedišpēn, altn oqtaryn šažyp, pağlap partyrlar. altn örgege ałyp odurarya ĉer ĉedišpēn, aq ĉazyğa pazyš-čörčalar. myndağy ĉerde sý tajaqtyğ sybas ołaq połtur. eres tajčy myndōq połtur, ĉaš kōk myndōq połtur.

üš aq qannyn šaqpo ĉerde aj alyžyp, čył ertižip odurğan tušta mynda čyłan alyptar qyjšyryštylar: «at ĉaqšyłary ajlanča. ajmaq ĉerge tüsse, pir at körünča, qyrağ ĉerge šyqsa, ijgi at körünča», tep, qyjšyryštylar. uluğ synnyn qyrına altn ĉibek tarttylar. ałynan kelgen at altnča öt-parza, aldyr-sağyan połzun! teštiler. sōnan kelgen at üstünča ažyp parza, ałyp paryan połzun!» teštiler.

aba qułaq körgenin — aγoj at-pa qyzył ĉegren at suğluqtañ suğluqqa, pirēzi qyjbān, tēnep ĉügür-kelčalar. ponu körgen aba qułaq ülgen түбүн üze qyjšyrdy, ĉastyn түбүн ĉara qyjšyrdy. «eze, aγoj at, toğuzon toğus

То услышав, бело-рыжий конь, слезы из глаз своих проливая, заставляя их журчать, шел и говорил: «Отца твоего горе, матери твоей несчастье! — Из поколения (тöля) Ак Кана создавшегося, возросшего богатыря, из богатырей лучшего, чтобы за нас несчастных заступиться, оказывается нет! На этом солнечном свете [созданного] возросшего богатыря, который, заступаясь за нас, вынул бы стрелы, выстрелил бы, оказывается нет!» (Так говоря) ушел бело-рыжий конь! Бело-сивый конь сказал: «С тех пор как я ушел из земли Ак Кана, минуло уже два поколения. Сотый бег я бегаю. Через игольное отверстие свет я видел, из собачьей чашки пищу я ел. После того как прибежал я домой после великого состязания-бега, Кара Кылыш на плечи-шею мою пятидесятислойные путы надевал, спину-шею мою в шестидесятислойные путы вкладывал, один конец к земляному колу привязывал».

Аба Кулак на бело-сивого коня посмотрел: мясо [жеребенка] совсем исчезло, сухие кости остались; толстое мясо совсем опало, твердые лишь кости остались. Дошел бело-сивый конь до такого состояния, что солнце и месяц сквозь него просвечивают. Кара Кылыш оба уха бело-сивого коня до основания отрезал, хвост, гриву всю отрезал. Пока они там стояли и разговаривали, уже красно-игреневый конь за пределы трех ханов переходить стал. Аба Кулак, правую руку к [хану] небу поднял, по широко раскинувшейся спине бело-сивого коня ударил. Бело-сивый конь, не в силах выдержать боли [мяса], напирая-наступая на хвост красно-рыжего коня, побегал.

Они двое ехали, ехали — на свистящий хребет поднялись, на гладкую седловину спустились. Когда с великого хребта глядели — видят, что достигли земли трех Белых ханов. В этой земле богатыри, подобно ласточкам-птицам, с места на место перебегают, подобно птицам трясогузкам, из стороны в сторону покачиваются. У золотой коновязи не хватало места, чтобы коней привязать. Золотые стрелы воткнули и коней привязали. В золотом дворце чтобы сидеть богатырям, места не хватало, — в белую степь направились. В здешней земле юноша Сыбас был. Эрес Тайчи здесь же, Чаш Кок тут же оказывается была.

В этой [вот] земле трех Белых ханов, в то время как менялись месяцы и проходили годы, [здесь] собравшиеся богатыри все вместе закричали: «Лучшие кони возвращаются! Когда в долину пускаются, кажется, будто это один конь, когда на кособор поднимаются, видны два коня!» Так кричали. По вершине великого хребта протянули золотой шелк (шелковую нить). «Если вперед пришедший конь под (этой шелковой нитью) пройдет, — то проиграет — сказали. Если сзади пришедший конь над (этой нитью) пробежит, — то будет считаться, что выиграл!» — (так) говорили друг другу.

Когда Аба Кулак взглянул, с бело-сивым конем красно-игреневый конь вровень бегут, железные удила за железными удилами, — ни один не обгоняет, ни один не отстает. Это увидев, Аба Кулак закричал, разрывая на двое дно вселенной, расщепляя на части дно преисподней: «О, бело-сивый конь,

maryya cügür aldyrbān, pozun cüzünčü maryya aldyr-salarzyn-ma? qalyanyn cügürčütqan ayoj at, pary čoq küzün pažyna tartyp cügür! tep, qyjyrdy.

any uqqan ayoj at kezingi tigezi-be keze širēn, pary-čoq küzün pašqa tartyp cügürdü. altyn čibekti aščytqanda ayoj at suyluq qyja alynan ašty. qara qylyš ayoj attyn tiskinnen qabaltyr. ponu körge abaqulaq uštug paštug paj terek-če qolun tegri qanya ködür-šyyp, ajlandyr-kelip, qara qylyšty šabysqany — ašaqannyn tabyžy erlik qanna ertize, küni čaryqtan ažyra šabyqty. tojus köstug altyn oq čerinen požanyan šeni pildirdi.

qara qylyš alty tagdy ažyra partyr, četti čulatty kežire partyr. tojus ojmaqqa toyalan-partyr. onunču ojmaqqa ojda kēl tüzüp, qara qan-ma pürgürčā, aqsyna pałyš tyqtanmystyr. aba qulaq cügür-kelip, ayoj atty, kümüş čügenin pažynan šurup, sažry-zajyn sijbap kelip, požatty. «süttug kölden sug iš! sübür taydan ot ottal» tep.

ayoj at at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi. «čazy polza, uzaq polzun! čurtun polza, mönnü polzun!» tep. ayoj attyn pasqan azaq par poldu, paryan čeri čoq poldu.

qara qylyš, et ačyjyna šydap polbān, aq cazyra qara čadyq šeni aňnandy. qara qylyš aq čazyra qara čadyq šeni aňnančytqanda aba qulaq cügür-paryp, qara qylyšty čaya paštan qapty; čazy čerge sörtdi. qadyg ayaš qaqšal-ertti, qara čer sögül-ertti. ujałyg quš ujadān časty, pałalyg aň paładan časty. ege puge pažyšqannarda — eligkijik šeni orlaštylar; qazyra puge pažyšqannarda — tojus qabyryaŋ peginen qalyštylar. qara qaja šeni qaqtyyštylar, pustug qaja šeni pustuyuštylar.

sybas olaq-pa čaš sałyn qarbažybystylar. čaš kōk čaš sałyn ačazyntoqtat polbān, elig sös-pe eptepčā; alton sös-pe ajlandyrčā. ajlandyr toqtat polbān sałyp, alyb-oq qoluna kir-pardy. eres tajčy alyb-oq qoluna kirip partyr. kok qartyra ijgi edegin qajra sał-sałyp, ijgi pilegin syqsyp sałyp, aq čazyra pazyp čörčā.

uzun tajra paštaryna ulug sałyn kirišti, čabys tajra paštary čaba šabył-ertišti. turan ayaš tura syndy, čatqan ayaš čada syndy. myndaŋy čylyan qalyq čon, ulug sałynna šydabān, pir ojmaqqa syra šabyldylar. šaqpo čerge ulug synnyn qyryna četti punnug sy qoburyaj qazałdy. sy qoburyaj ištinen syr olen qys paš-šyqty. syr olen qys ajtty: «mōs mynda mōrūlup, mołat mynda synyščattyr! men, čabał, ponu pilbēn küni čaryqty ebir-čattyrym!» tep, cügür-kelip, kōk qartyra čaya tōšten qapty. kōk qartyra-ba syr olen qys qarbyžabyza pergennerin — po čer čer polbady,

девяносто девять раз непроигравший, разве сотый раз проиграешь! В последний раз бегущий бело-сивый конь, собрав сколько ни есть силы к голове твоей, беги!» [говоря закричал].

То услышав, бело-сивый конь, задние копыта врезая в землю, все силы к голове стянув, побежал. Когда проходил-переваливал через золотую шелковую нить, бело-сивый конь прошел, удилами чуть не задев нить; — чуть-чуть опередив другого коня. Кара Кылыш за повод бело-сивого коня поймал. Это увидев, Аба Кулак руку, длинную как тополь, к хану-небу поднял, размахнулся и ударил Кара Кылыша, так что звук от удара ладони через царство Эрлик Кана прошел и разнесся по всему солнечному миру. Казалось, как будто выпустили девятиглазую золотую стрелу.

Кара Кылыш через шесть гор перевалил; через семь рек перелетел, в девяти котловинах валялся, в десятую котловину на спину упав, черной кровью харкает, в рот его грязь набилась. Аба Кулак подбежал, с головы бело-сивого коня серебряную уздечку снял, по спине погладил и отпустил, говоря: «В молочном озере воду пей, на горе Сюбюр пасись!» Бело-сивый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом разговаривал: «Жизнь твоя пусть долгая будет! Юрт твой пусть вечным будет, Аба Кулак!» [говоря]. Где ступал бело-сивый конь, — там следы от него были; куда отправился, — следов не было.

Когда Кара Кылыш, не вынеся боли [мяса], в белой степи, как черная колода валялся, перекашивался, — Аба Кулак подбежал, Кара Кылыша за ворот [голову] схватил, по пустынной земле потащил. Твердое дерево закрипело, черная земля задрожала. Имеющие гнезда птицы от гнезд улетели, имеющие детенышей звери от детенышей убежали. Когда они друг на друга наступали, сгибая и выгибая один другого, как полсотни диких коз вместе орали. Когда закручивая друг друга, друг на друга наступали, оставались живыми только благодаря крепости девяти ребер. Как черные скалы друг о друга ударились, как ледяные горы сшибались.

Чаш Салгын с юношей Сыбас сражаться стали. Чаш Кёок своего старшего брата Чаш Салгына остановить не могла. Пятьюдесятью словами уговаривала, шестьюдесятью словами поворачивала. Не в силах остановить его, с богатырем также стала сражаться. Эрес Тайчи также с богатырем сражаться стал. Кёк Картыга [две] полы завернул, [два] рукава засучил, по белой степи выступает.

В вершины высокой тайги великий ветер ворвался, вершины низкой тайги пригибая, — прошел. Стоячие деревья, стоя, сломались; лежащие деревья, лежа, сломались. Здесь собравшиеся люди, не в силах великий ветер выдержать, в одну яму сбились. В эту-то землю на край великого хребта имеющая семь суставов пучка [борщевник] воткнулась. Изнутри пучки девица Сыр Олен вышла. Девица Сыр Олен сказала: «Храбрые богатыри здесь погибают, сталь здесь ломается! Я, глупая, этого не зная, вокруг света кружу!» Она подбежала, за ворот [грудь] Кара Картыга схватила. Девица Сыр Олен с Кара Картыгой сражаться стала. [Эта] земля землею

po suḡ suḡ poǭbady. aryndaǭyp aqqan aq taǭajdy šaǭčyqqa šenep, qarba-
štylar. turupčutqan aq tasqyǭdy tönzelge šenep, tuduštylar.

üš aq qannyn čerinde čozayy pašqa qarbaš poǭča, čoruyn pašqa tuduš
poǭča. qosta tabyžy qolap turýanda—qoqquj ünü üzülbenča. syrača q tabyžy
syǭap turýanda—sýt ünü üzülbenča. aǭyp ažyšča po čerde. myndaay čerde
külük ašpanče kün ertpēnča, aǭyp ašpanče aj ertpēnča. aq čazynyn түбünde
uǭuḡ ayaš užup ertti, uǭuḡ küčün östep ašty. qara tuban arazynan čaš
saǭyn pazyp šyqty. sybas oǭlaqtyn ölgen sōgü taḡ poǭtur, tögölgen qany
köl poǭtur.

ponu körgen eres tajčy qarbašcytqan aǭybyn qara čerden türe tuttu,
qan tegrige kōdūr-kelip, qara taštyñ üstüne tüžürdü. čerdin tozunu tegri
qanya šyqty. tegriniñ tubany qara čerge tüštü. eres tajčy qara tuban
arazynan pazyp šyyp, čaš saǭynnyñ qoluna kirdi. as qarbažyp, kör
qarbašcytqan tuštarda aqtyḡ köktüḡ puǭut üstü-be aǭyp ödüḡü čyǭtyrap
ašty. aǭar- kelip aj öldü, köger- kelip, kün öldü. qara tuban arazynan
čaš saǭyn pazyp šyqty. qabaayna ter qaqpāndyr, ijgi qoluna qan čuqpān-
dyr. — eres tajčyn aryḡ tynya čedib-oq saǭtyr.

ponu körgen aba qulāq tarynmas pōzu taryndy. örtten qyzyǭ šyrajy
ölüḡ pārya keptendi, tostan aq šyrajy qara pārya keptendi. aba qulāq
qara qyǭšty qysqyr kelip, qyr töbere qynady, qyran öre sōrtedi. oñ nanya
šyara tartty, oq kezinen častyrdy; sol nanya šyara tartty, soyan keske
turýustu. qaba-qaba kelgenin — tegri qanya kōdūr-šyyp, ajlandyr-kelip
šabysqanyn — qara qyǭštyñ syny saǭy synmān körgen qaraq nūnmēn, aryḡ
tyny šyyp, öldü.

aba qulāq tuban arazynan pazyp šyary čöp aǭyšty. čaš saǭynnyñ
qoluna kirip partyr. parbaža-parbaža kelgenerde — uǭuḡ ayaš užup čyǭyǭdy
uǭuḡ küčün östep ašty. tuban arazynan aba qulāq pās-šyqty. čaš saǭynnyñ
syny saǭy synmān, körgen qarayn nūnmēn, aryḡ tyny šyyp, öltür.

čaš kōk aq čazyda aǭypty aǭyp-pa šabyštyrča, külüktü külük-pe šabyštyr
qyrča. aba qulāq aq čazyda aǭypty aǭyp-pa šabyštyr pardy. külüktü külük-pe
šabyštyr qyryp pardy. qyra-qyra kelgennerin, — üš aq qannyn čerinde öre
turar qalḡbady, örlep šabar qalḡbady. purnu-ba tynar qalḡbady, pudu-ba širener
qalḡbady, požada qyryp šyyardylar. aq čazynyn түбünde kōk qartyya-ba syr
öleñ qys ijgele-le qarbaš-qalḡtyrlar. čaš kōk čaš qulādyna mūnmāǭyp,
čeri čurtuna nānmysty.

aba qulāq čügür-kelip, kōk qartyany čara tartty, pozu qarbažary
tep, ijgi aǭyptyñ araya kirbisti. aba qulāq kōk qartyany čara tartyp
poǭbān, üš künge čede perdi. aba qulāq ajtty: «eze, kōk qartyya nančy,

не стала, [эта] вода — водою не стала. Они сражались, текучее белое море
за лужу считая, они боролись, стоячие белые хребты за пни принимая.

В земле трех Белых ханов идет битва особым обычаем, борьба проис-
ходит особою поступью. Когда звон лука, гремя, раздавался, — жалост-
ный стон не прерывался; когда свист стрелы, звеня раздавался, — рыдаю-
щий голос не прерывался; — (так) умер богатырь на этой земле. В здешней
земле дня не проходит, чтобы богатырь не погиб, месяца не проходит,
чтобы храбрец не умер. В глубине чистой степи великое дерево свали-
лось, богатырь вздохнул и умер. Из черного тумана Чаш Салгын вышел.
Умершие кости юноши Сыбас горой стали, пролившаяся кровь озером
стала.

Это увидев, Эрес Тайчи богатыря с ним борющегося, с черной земли
сдернув, к хану-небу поднял — на черный камень бросил. Пыль земли
поднялась к хану-небу, туманы неба пали на землю. Эрес Тайчи из черного
тумана вышел, с Чаш Салгыном сражаться стал. В то время, когда
много ли, мало ли боролись, по верху нестрого облака богатырская обувь
сверкнула и пропала. Побелев, месяц умер; посинев, солнце умерло. Из чер-
ного тумана Чаш Салгын вышел. На лбу его даже пот не проступил,
к [двум] рукам кровь не прилипла, чистую душу Эрес Тайчи (он) [также]
погубил. Это увидев, Аба Кулак, не гневавшийся, ныне разгневался, краснее
пламени лицо его стало как мертвая печень, белее бересты лицо его стало
как черная печень. Аба Кулак закричал, завизжал, вниз по хребту Кара
Кылыша толкал, вверх по хребту волочил. К правому боку притягивая,
на правое бедро поднимал. Хватая-хватая, к [хану] небу поднял, повертев,
(об землю) ударил; стан Кара Кылыша не переломился, открытые глаза
не мигнули. (Но) чистая душа его ушла — (он) умер.

Как только Аба Кулак из черного тумана выступил, — в руки Чаш
Салгына попал. Когда они так боролись-сражались, великое дерево снова
упало, великий богатырь застонал и погиб. Из черного тумана Аба Кулак
вышел. Стан Чаш Салгына не переломился, открытые глаза его не моргнули,
чистая душа его ушла — он умер.

Чаш Кōк в чистой степи богатыря за богатырем побеждает, храбреца
за храбрецом губит. Аба Кулак в белой степи богатыря за богатырем
побеждать стал, храбреца за храбрецом губить стал. Убивал, убивал, —
побеждать стал, храбреца за храбрецом губить стал. Убивал, убивал, —
в земле трех Белых ханов стоящих на ногах (богатырей) не осталось, ни
одного, кого бы, размахнувшись, ударить, — не осталось. Кто бы носом дышать
мог, никого (из противников) не осталось; кто бы мог ногой (о землю) опи-
раться — не осталось. Всех уничтожили. В глубине чистой степи девица
Сыр Олен с Кōк Картыгом только двое сражаться остались. Чаш Кōк
на молодого буланого коня села, в свое стойбище-землю возвратилась.

Аба Кулак подбежал, Кōк Картыгу в сторону стал тащить, чтобы
самому драться (с его противником). Между двумя богатырями (он) всту-
пил. Аба Кулак Кōк Картыгу оттащить не мог. Стало уже проходить
около трех дней. Аба Кулак сказал: «Ведь, Кōк Картыга друг, я же не

adý pašqazy ebessim, aba qulaq nančyn, men tärtčam. oñ qolunnu poş sała per!» tep, ajtty. any uqqan kök qartyğa ijgi qoñun poş sałyna pergen. aba qulaq kök qartyğanı čara tartyp, aq čazyğa küredi. syr öleñ qys-pa pōzu qarbažybysty. kök qartyğa aq čazyğa odurup, üškür kelip tyn alyndy, syyyr kelip, saıyş alyndy.

aba qulaq-pa syr öleñ qys qarbaşqannañ ala pir četti kün ert-pardy. četti künnün pažynda uluğ ayaş užup ertti, uluğ kücün östep ašty. aıaryp kelip aj öldü, kögerip kelip kün öldü. alyp tüşken čerden qyzył čalyn šyqty, tegri qannañ qara čažyn tüštü. qoñluğ puttug čes oma čerinen urul tüşken šeni pildirdi. qara tuban arazynañ qabağyna ter šappan, ijgi qoñğa qan čuqpān syr öleñ qys pazyp šyqty. aba qulaqtyn syny saıy synmān, körgen qaragyn nūnmēn, aryğ tyny šyğyp, öltür. altyn kümüş qujağynyn suzu po künü čaryqty ötüre sustap čatča.

ponu körgen kök qartyğa ačyğy kelbes pozu ačyğy keldi, ajranyna suğ qožułdu. čügür paryp, syr öleñ-me pozu qarbaža perdi. pýlar ijgele qarbaş-qannañ ala aj alyžyp, čyl ertiže pertir.

qarbašcytqan tušta kök qartyğan toğus topčunun pir topčuzu aq čazyğa šačyrap pārbysty. kök qartyğa sürünmes čerden süründü, tajlyqpas čerden tajlyqty. alypty as tudunup, qara čerdi köp tudundu. qar šeni silgitti, qajyş šeni tolyatty. syr öleñ qys qujun šeni qujburča, sałğyn šeni sabyryłča. qanče-le qarbašsa, anče sebirča. kök qartyğa sörtetcytqan tušta qara talaj čajqał-ertti, qara čer tartyl-ertti. no puñun čerde attyn mołat tujyaq tabyžy uyułdu. uluğ sałğyn kiriš-turğanda — pýlar ijgele čelge qaptyryp, özere šireniš-turdułar.

pýlar qarbašcytqan čerge qołazy qannyn qyr qorčady qazala tüštü. qyr qorčattyn üstüne ezer pažyna-na möžük oñaq mūn-sałtyr. oñaq erbek-tendi: «eze, kök qartyğa-ba syr öleñ, po šen čajałyan postaryñ-ma künü čaryqtyn qany qajde pōl-čatqanar?! mynañ uluğ sałğyn połza, sałğynğa qāptyr-pararzar!» oñaq at üstüne oduryanče kök qartyğanı čara tartyp, aq čazyğa küredi. syr öleñ qysty ezer pažyna šyğara sörtep alyp, tegri qanğa kōdür-šyqty. ajlandyr-kelip, ezer pažyna šabysqanyn — syr öleñ qystyn aš ortqazyn alty čerden ada šaptyr.

kök qartyğa kök porčadyna mūnup alyp, čeri čurtuna nānmystyr. kök qartyğanyn sydy no puñun čerge uyuł-qaldy. uluğ ačyğyn ačyp, uluğ sydyn syqtap pardy: «kūn kelgende kečigi tuğan keš pała šeni połban-oq qał-dym!» tep.

po oñaq aba qulaqtyn pałazy połtur. ady šołazyn adatqalaq. oñaq üš aq qannyn altyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen kōdür, menči

чужой! Это я — Аба Кулак, твой друг, (тебя) тану, правую руку ослабь — отпусти!» [говоря сказал]. То услышав, Көк Картыга обе руки свободно отпустил. Аба Кулак Көк Картыгу оттащил и в белую степь бросил. Сам с девицей Сыр Олен сражаться стал. Көк Картыга, сидя в чистой степи, глубоко вздохнул, душу назад себе взял (в себя пришел), засвистал, разум назад взял (в сознание пришел).

С тех пор как Аба Кулак с девицей Сыр Олен драться стали, семь дней прошло. Через семь дней великое дерево свалилось — великий богатырь со стоном погиб. Побелев, месяц умер, посинев, солнце умерло. С того места, куда упал богатырь, красное пламя поднялось, с хана-неба черная молния спустилась. Казалось, будто медный курган с отрогами и ущельями, разрушаясь-осыпаясь, упал. Из середины черного тумана Сыр Олен девица вышла — на лбу ее пот не проступил, к рукам кровь не прилипла. Стан Аба Кулака не передомился, глаза его не моргнули, (но) чистая душа его ушла, (он) умер. Лучи его золото-серебряного панциря, сквозь этот солнечный мир проходя, сияют — так (он) лежит.

Видя это, Көк Картыга, (никогда) не огорчавшийся, (теперь) огорчился, к огорчению его еще горечи прибавилось. Подбежав, сам с девицей Сыр Олен стал снова сражаться. После того как они двое стали драться, месяц сменялся месяцем, год проходил за годом.

В то время как они боролись, у Көк Картыга из девяти пуговиц одна отскочила и упала, Көк Картыга на месте, где не спотыкаются, — споткнулся, на месте, где не скользят, — поскользнулся. Богатыря (противника) слабо хватал, за черную землю стал много держаться. (Сыр Олен) как мешок его трясла, как ремень его скручивала. Девица Сыр Олен как вихрь мечется, как ветер бушует. Чем больше они борются, тем крепче [жирнее] она становится. В то время, когда она Көк Картыгу по земле волочила, черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Далеко в углу этой земли стук стальных копыт коня раздался. Великий ветер ворвался и пронесся. Они двое, подхваченные ветром, друг в друга упираясь, стояли.

К тому месту, где они сражались, серо-коурый конь Колазы Кана примчался. На серо-коуром коне мальчик, чуть-чуть выше луки седла, подъехал. Юноша про себя говорил: «Да, Көк Картыга и Сыр Олен, когда вы такими (слабыми) созданы, как могли быть вы ханами в этом солнечном мире! Если бы сильнее был ветер, он вас совсем унес бы!» Юноша, сидя верхом на коне, Көк Картыгу оттащил, в белую степь отбросил. Сыр Олен девицу на луку седла втащил, к хану-небу поднял. Повертел и о край седла ударил. Хребет девицы Сыр Олен в шести местах переломил.

Көк Картыга [верхом] на голубо-серого коня сел и в землю-стойбище свое возвратился. Рыданье Көк Картыга до самого отдаленного угла земли слышалось. Великой жалостью жалея, великим плачем рыдая, он ехал. «Настал день, когда я не стал даже равным по силе вчера рожденному малому ребенку!» [говоря].

surašty. ūš aq qan aq ustaıdyń arǵazynda qažyq taštaš oınapčalar. ǵlaq ūš aq qan-ma odurup, qažyq taštaš ojna perdi. ǵlaq oınapčat, anan pilinze, enni mojnu eliǵ qat kiženge, arǵazy mojnu alton qat kiženge kirip partyr.

ūš aq qannyn oǵlu qyrǵan qylyš qyryq qatpaš túbünen pás-šyqty, ǵlaqty qab alyp, altyn örgeden pás-šyqty. aq talajdyn ortazyna zapor edip turys-saldy. qyrǵan qylyš ajtty: «eze, ǵlaq, adan čažyna mynan požan polbassyn. tura-tura kelzen, aq talajdyn ortaya zapor polup ölerzin!» tep, altyn örge pás-kirdi.

qolazy qannyn qyr qor at altyn ezerin ök alyp, kümüş čügenin čer sörtep, aba qulaq čerine nānmysty. qyr qor at aba qulaq čerine četkenin — poqaj saryǵ öreken altyn maqyš pažynda turup saqtapča. poqaj saryǵ öreken surapča: «eze, ady čitken qyr qor at, aba qulaqtny palazyn qajdiǵ čerge ödür-sal keldin?» — qyr qor at at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi. «aba qulaq palazy qajdiǵ čerge ölzün! ūš aq qannyn palazy qyrǵan qylyštny arya mekē kirip, aq talajdyn ortazynda sapor polup tur-qaldy». any uqqan poqaj saryǵ ijgi qaraqtny čažyn qara torǵu pýlat-pa tōyra tartyp čozundu. «adannyn-oq ačyly, enennin-oq qoqquju! ijgi qannyn čurtu tek čazyqqa čadyp qaltyr!» tep. poqaj saryǵ erbektendi: «purunyu tušta ölbes parbas čajalyan poqtug kiriš ačalyǵ polyam. an čerine par-körēj!» tep. qyr qor atqa čapšynyp, qanyq kelip qamčy šapty. poqtug kiriš čerine parbysty.

para-para kelgenin — uluǵ kičig aq tajǵan tōzüne četti. uluǵ kiciǵ aq tajǵa-ba pardy. segizon ašqymnyǵ saryǵ tajǵan tōzüne četti, anan segizon ašqymnyǵ saryǵ tajǵa-ča paryp, sybysqalyǵ synya šyqty, slayajlig pelge tüštü. uluǵ synnan körgenin — poqtug kiriš čerine čettir. poqtug kirištny aq mały aq talajdyn peltirinen pažyna šyǵa pertir. poqaj saryǵ eniš tōbere endire pastyrdy. qū pōrū šeni ulup kirdi. adyn poš taštap, altyn örge kire pasty. pōrū šeni ulup, ežik ažyp, ezen perdi, enmen kōdür, menči perdi.

poqtug kiriš aq ustaıdyń arǵazynda odurup, aš-pa tabaq čipča. poqaj saryǵ örekenni qoldan. qapty, qoltuqtan čölep, altyn ustaı túbüne odurttu. «eze, poqaj saryǵ peče, po čer üstünde sen ylyaçan čer par-oq-pa?! noya pede qu pōrū šeni ulup keldin?» — poqaj saryǵ ajtty: «noya pede qu pōrū šeni ulup kirēj! čadan čarylcam, pōden pōlünčam! ijgi qannyn čurtu tek

Этот приехавший мальчик был сыном Аба Кулака. Имя-прозвище ему еще не было названо. Мальчик во дворец трех великих ханов вошел; дверь открыв, поздоровался; руку подняв, приветствовал. Три Белых хана, сидя за столом, ладыжки бросая, играют. Три Белых хана сказали: «О, мальчик, с нами, севши, ладыжки бросая, не поиграешь ли?» [говоря]. Мальчик с тремя Белыми ханами сел, ладыжки бросая, стал играть. Когда опомнился, плечи (и) шея его в пятидесятислойные путы задвинутыми оказались, спина (и) шея в шестидесятислойные путы попали.

Кырган Кылыш, сын Белых ханов, из глубины сорока комнат выйдя, мальчика схватил и из золотого дворца (вместе с ним) вышел. В середине белого моря закол сделал — (мальчика) перегородкой поставил. Кырган Кылыш сказал: «О, мальчик, во всю твою жизнь ты отсюда освободиться не сможешь! Стоя [и стоя] в середине белого моря заколом — умрешь!» [говоря]. В золотой дворец назад вошел.

Серо-коурый конь Колазы Кана, золотое седло на бок свернув, сея брянную узду волоча по земле, в землю Аба Кулака вернулся. Когда до земли Аба Кулака дошел, — Покай Сарыг старуха, стоя на верхушке лестницы, ждет. Покай Сарыг старуха спрашивает: «О, потерявший имя серо-коурый конь, в какой земле ребенка Аба Кулака, дав его убить, оставил?» Серо-коурый конь лошадиным голосом заржал, богатырским голосом стал говорить: «Ребенок Аба Кулака вот в какой земле умер: подавшись на обман-хитрость Кырган Кылыша, сына Белых ханов, на середине белого моря, превращенным в закол, стоять остался». То услышав, Покай Сарыг слезы из обоих глаз, черным шелковым платком смахнув, вытерла. «Горе отца твоего, несчастье матери твоей! Двух ханов стойбище совершенно заброшенным осталось!» [говоря]. Покай Сарыг сама с собой говорила: «В прежнее время у меня был брат Поктуг Кириш, сотворенный неумирающим и непогибающим. В его землю я отправляюсь!» — (так) говоря, к серо-коурому коню прильнула и, рассердясь, плетью ударила.

Ехала-ехала — подножья тайги, большой и малой, достигла. Потом по белой тайге, большой и малой, поехала. Подножья желтой тайги, имеющей семьдесят перевалов, достигла. По желтой тайге с семьюдесятью перевалами проехала, на свистящий хребет поднялась, на гладкую седловину спустилась. Когда смотрела с великого хребта — оказывается, достигла земли Поктуг Кириша. Белый скот от устья белого моря до его вершин доходит. Покай Сарыг старуха вниз по склону шагом спустилась, завывала как волк и (в землю Поктуг Кириша) въехала. Коня отпустив, в золотой дворец вошла, завывая по-волчьи. Дверь открыв, поздоровалась, плечо подняв, приветствовала.

Поктуг Кириш, сидя за белым столом, с питьем еду ест. Покай Сарыг старуху за руки схватил, подмышками поддерживая, за золотой стол усадил. «О, Покай Сарыг сестра, разве на [поверхности] этой земле есть что-нибудь, из-за чего ты бы плакать стала? Почему, завывая, вой как волк, пришла (ко мне)?» Покай Сарыг старуха сказала: «Вот почему я пришла, вой

čazyqqa čadyp qaldy. ar čaγys aba qulaq pałazy üš aq qannyn čerinde, aq tałajdyn ortazynda sapor polup turča. anan üçün turužup pir oq šurup ada perčen po künü čaryqta pirda kiži čoyul. saγa synyn keldim — aba qulaq palazynan üçün pir oq šurup ada pergej-pedin?»

any uqqan poqtuğ kiriš ajtty: «eze, qara čaγys qara purba pałan qajdig čerge parγan?» — poqaj saryğ ajtty: «qara purba pałam qajdig čerge parzyn! aba qulaq qara qajyš qurłuğ qan mergenni ködür šapqanda po čerdin soqsu-γuna šydaban, aryğ tyny šyγyp, ölgen. ödürbeze-dā, aba qulaq ödürgen-oq ošqaš!» — poqtuğ kiriš ajtty: «üš künnün pažynda pararym aba qulaq pałazyn požadaryal»

any uqqan poqaj saryğ öreken ezen menči suražyp, altyn örgeden šyγa pasty. qyr qoradyna münmalyyp, aba qulaq čerine nānmysty. aba qulaq čerine čedip, altyn örgē kire pazyp odurary čöp alyšty, — nō pulun čerde po tegrinin üstü-be uluğ kičig qan qyjylyq quš kōglep pārbystylar. uluğ kičig qyjylyq quštun ünü altyn šaγ-če šabyłča, qola pyryγ šeni tartyl-qaldy.

as polup, köp tem ertken sōnda qara tałaj čajqaldy, qara čer tartyl-dy. eski tonnuğ apšijler emge kire čügürdüler, čabał tonnuğ qurtujaqtar čabyğ altyna kirdiler. uluğ synnyn qyryna qyr qorat qazała tüštü. qyr qorattyn üstüne aba qulaq pałazy mün-saltyr. eniš töbere endire pastyr-dy, altyn örgē kire pasty, ežik ažyp, ezen perdi, pozaγa altap, menči perdi. aj sabaq ičezi-be poqaj saryğ öreken olaqtyn mojnuna azyldylar. «ažyp parγan aba qulaq pałazy aylan-keldi!» teštiler. «ertip parγan aba qulaq pałazy ebiril-keldi!» teštiler.

olaq altyn ustał түбүне ödur, aš-pa tabaq čidi. olaq ajtty: «üš aq qan-nyn üren čurttaryn uzuttum, kičig čurttaryn kištettim! taš očuqtaryn tała-dym, tałaj küllerin šaštym!» olaq ajtty: «eze, iče, ala qōr šaraγa aš čaza per! ajayymny ködürüp, ady šolamny adadajyn! kiži attyğ polčan, kijik tüktüğ polčan!»

aj sabaq qyryq qatpaš түбүне kirip, alton kiži izip tospas ala qōr saraγa aš tudup šyγyp, olaqqa perdi. olaq qabalyyp, aq čazyγa šyγa pasty. ölgen түбүн üze qyjyrdy, častyn түбүн čara qyjyrdy. «adym adačan kiži alyma kelzin! adym adabas kiži čaγyn paspazyn! adym adap pergen kiži čarny mōzük at mündürēm, čaγazy silig kep kezerim!»

apšij kiži kelip, olaqtyn adyn adapča. «aba qulaq abalyğ-zyn, aj sabaq eneliğ-zin! qolaγy qannyn qyr qoradyn münüp čörerzin! qyr qorattyn üstüne münčen čaš pilek polarzyn! tep, adady. «sen, čaš pilek, čaγalyγa tutturba, čarynyγa pastyrba. ergektige attyrba, ernilige qoptatpa! čer altynan

подобно волку! От жизни отрываюсь, от счета отделяюсь! Единственный ребенок Аба Кулака в земле трех Белых ханов, на середине белого моря, сделавшись заколом, стоит. Заступиться за него — одну стрелу вынуть и выстрелить — на этом солнечном свете никого не осталось. У тебя искать помощи пришла я! Ради ребенка Аба Кулака, одну стрелу [пулю] вынув, не выстрелишь ли ты?»

Это услышав, Поктуг Кириш сказал: «Единственное дитя твое, Кара Пурба, в какую землю отправилось?» Покай Сарыг старуха сказала: «Мое дитя Кара Пурба вот в какую землю отправилось! Когда Аба Кулак Кан Мергена приподнял и ударил, оно не могло выдержать шума этой земли, чистая душа его ушла — (оно) умерло. Хотя и не убил его Аба Кулак, все равно, что убил!» Поктуг Кириш сказал: «Через три дня поеду я — дитя Аба Кулака освобождать!»

То услышав, старуха Покай Сарыг попрощалась и из золотого дворца вышла. На серо-коурого коня [верхом] села и в землю Аба Кулака вернулась. До земли Аба Кулака доехала; лишь только успела в золотой дворец войти, в самом отдаленном углу земли, на верху этого неба великая и малая птицы кыйгылык запели. Голоса птиц, великой и малой, как золотые колокола звенели, как трубы из желтой меди звучали.

Много ли, мало времени после того прошло, — черное море всколыхнулось, черная земля содрогнулась. Одетые в старые шубы старики в дом вошли, одетые в худые шубы старухи под навес вошли. На край великого хребта серо-коурый конь примчался. Верхом на серо-коуром коне ребенок Аба Кулака едет. Вниз по склону спустился, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог переступив, приветствовал. Ай Сабак мать его и старуха Покай Сарыг на шею мальчика бросились и обе вместе говорить стали: «Погибший ребенок Аба Кулака вернулся, потерявшийся ребенок Аба Кулака возвратился!»

Мальчик за стол сел и с питьем еду ел. Мальчик сказал: «Жилое стойбище трех Белых ханов я усыпил, малое стойбище (коней угнал и) ржать заставил. Каменные очаги его я изломал, море-золу разбросал». [Мальчик сказал]: «Мать, в пестро-бледной чаше питье приготовь (и мне) дай! Я найду себе имя-название! Человек (обычно) с именем бывает, дикая коза (всегда) бывает с шерстью!»

Ай Сабак в глубину сорока комнат вошла, пестро-бледную чашу, которую шестьдесят человек выпить, опорожнить не в силах, наполнила и, выйдя, сыну подала. Мальчик (чашу) взял и в белую степь вышел. Закричал, разрывая на двое дно вселенной, закричал, расщепляя на части дно преисподней. «Человек, который назовет мое имя-прозвище — пусть подойдет! Человек который не даст мне имени, близко пусть не подходит! Человека, который назовет мне имя, я посажу на рослого коня, с украшенным воротом одежду я на него надену!»

Старик пришел, имя мальчику дал: «Ты будешь имеющий отца Аба Кулака, имеющий мать Ай Сабак! [Под тобою] конь, на котором ты ста-

şyqqan üş qaraqtyğ qara soyan seni ödüre şap parbazyn! künü çaryqtan kelgen toýus köstüg altyň oq seni ötüre ojlap parbazyn! altyň tana peçeň qaj şen çajalyň, sen olöq şeni küştüg polarzyn!» tep ajtty. ölaq adyn adadyp alyp, altyň örgē pazyp kirip, uzubustu. poqaj saryğ ölaqty, ebire pazyp-čörüp, körča. ölaqtyň qabyrya tübüneň qastal-parçaň çeri çöyü. ortqa tübüneň ojuł-parçaň çeri çöyü. suň mołat, suň šojun šen-oq ölaq çajal-partyr.

säyyn-kelip taň atqanda, saryar-kelip kün şyqqanda — ölaq keril çyžył usqandy. čaš pilek altyň örgeden šyğa pazyp körgeňin — altyň šarčyn tözünde qyr qorçat turča. altyň ezer syrt čazałtyr, kümüş cügen paš čazałtyr. qat qujağyn artynyančöq turča.

čaš pilek qadyl pügül qat qujağyn qatanmysty. altyň örgē kire pazyp, aš-pa tabaq čidi. čaš pilek ajtty: «eze, poqaj saryğ, aj sabaq iče, purunyu tušta paryň altyň tana pečemniň čoluna üžünčü tölde men kirip körejini!» — poqaj saryğ ajtty: «sen, čaš pilek, po paryň čolunda nān-čatsaň, čaš sağyñnyň tunmazy čaš köktü alyp kelerziñ! čaš kök sēñ alčaň kižiñ polar!»

čaš pilek tura pazyp, ezen prašaj suražyp, altyň örgeden šyğa pazyp, qyr qorçatqa münmčalyp, altyň ara pardy. para-para kelgeňin — sybysgağyğ synğa šyqty, słağajlig, pelge tüštü. ulug synnaň-körgeňin — čaš köktün čerine čettir. čaš köktün mały małdan ašča, čonu čonnaň ašča. čaš pilek eniš töbere endire pastyrdy. altyň örgē kirc pasty. ežik ažyp, ezen surašty, erken ałtap, menči surašty.

čaš kök ustał tübünde odurup, ojuğ ojup, pyžyğ pyščā. tikčitqan nebezin častyq altyň suqtu. čaš pilekti qoldan qabyp, qoltuqtan čölep, altyň ustał tübüne odurttu. čaš kök surady: «eze, alyp tölü, adyn attan artyq qyr qorçat poltur! qajdig qannyn pałazy, nō tegen attyğ šolağyğ polduň-ne?» — čaš pilek ajtty: «qajdig qannyn pałazy polajyn! aba qułaq pałazy čaš pilek polarym!» — pýlar ijgele amdyğyny purup alyp, purunyu edip, erbekteštiler. purunyu purup alyp, amdyğy edip, erbekteštiler.

čaš pilek tura pasty. «parčytqan čer rāq čer!» tep, ezen prašaj suražyp, altyň örgeden šyqty. qyr qorčadyna münmčalyp, altyň ara qamčyłap pardy. para-para kelgeňin — pölgüzü čoq tağ aš-parča; pögüjü čoq sug kēš-pārča. čozağy pašqa čon arłapča, čoruğy pašqa mał arłapča. tüžep, tüš četpes, sanap, sağyš četpes čerge četti. myndağy čerde qaraqqa šašsa tynmas

нешь ездить, — серо-коурый конь Колазы Кана. Ездящий на серо-коуром коне Чаш Пилек по имени ты будешь! — [говоря] назвал. Чаш Пилек, ты не позволяй имеющему ворот хватать тебя, не давай наступать на тебя имеющему лопатки, не давай стрелять в тебя имеющему большой палец, не давай клеветать на тебя имеющему губы [рот]. Из земли выходящая черная стрела, имеющая три глаза, тебя пусть не прострелит! От солнечного мира пришедшая девятиглазая золотая пуля тебя пусть не пронизет! Ты будешь сотворен таким же сильным, как [сотворена была] твоя тетка Алтын Тана!» — сказал.

Мальчик после того, как ему имя дали, в золотой дворец вошел и, улегшись, заснул. Покай Сарыг старуха, кругом мальчика обходя, смотрит. У основания ребер [мальчика], где их разделить, нет места, чтобы в хребте его сделать отверстие, — нет места. Как чистая сталь, как сплошной чугун мальчик сотворился.

Когда, сияя, заря загорелась, когда, позолотившись, солнце взошло, мальчик потянулся и проснулся. Чаш Пилек из золотого дворца вышел и взглянул — у основания золотой коновязи серо-коурый конь стоит. Спина его прикрыта золотым седлом, голова его украшена серебряной уздой. Многослойная кольчуга на коне том навьючена [стоит].

Чаш Пилек многослойную кольчугу поверх одежды надел, в золотой дворец вошел, с питьем еду ел. Чаш Пилек сказал: «О, Покай Сарыг старуха и мать моя Ай Сабак! За моей теткой, в давние годы уехавшей, через три поколения по ее пути я попытаюсь последовать!» [Эта] старуха Покай Сарыг сказала: «Когда ты, Чаш Пилек, по дороге, по которой поедешь, назад станешь возвращаться, младшую сестру Чаш Салгына Чаш Кёок привезешь. [Тогда] Чаш Кёок твоей женой будет!»

Чаш Пилек встал и, попрощавшись, из золотого дворца вышел, [верхом] на серо-коурого коня сел, вперед поехал. Ехал, ехал — на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда с великого хребта посмотрел — оказывается, он земли Чаш Кёок достиг. У Чаш Кёок скот через скот переваливает — так умножается, народ через народ переваливает — так увеличивается. Чаш Пилек вниз по склону спустился, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог перешагнув, приветствовал.

Чаш Кёок, за золотым столом в глубине сидя, выкраивала-вырезывала. Те вещи, которые шила, под подушку спрятала. Чаш Пилека за руки схватила, подмышками поддерживая, за золотой стол усадила. Чаш Кёок спросила: «О, потомок богатырей, твой конь — лучший из коней! Какого хана дитя, с каким именем-прозвищем ты сам будешь?» Чаш Пилек сказал: «Вот какого хана дитя я буду! Я буду Чаш Пилек, сын Аба Кулака!» Они вдвоем, нынешнее поворотив, за прежнее считая, разговаривали. Прежнее повернув, за нынешнее считая, разговаривали.

Чаш Пилек встал (и сказал) [говоря]: «Мой путь далекий путь!» Попрощавшись, из золотого дворца вышел. На серо-коурого коня сел, ударяя плетью, вперед поехал. Ехал, ехал, неузнаваемые горы переваливает,

qara tuban tartyl-partyr. qara tuban arazynda üş alyp qarbasqançe-tuduş-qançe, aryg tynnary şyyp, öltürler. altyn tana ijgi alypty qap-saltyr. ijgi alyp altyn tanany qap-saltyrlar.

ponu körgen čas pilek ijgi qaraynan çazyn ustug töbere qorlatty. «adanyn açy, enenyn qoquju! körzen! körer qajary çoq altyn tana peçem ede ölçen poştur!» tep, qaraq körbes ulug sytqa kirdi. čas pilek syqta-syqta kelgenin — üş künge çede perdi. «çajalza-dä çaqsoq çajalyan altyn tana peçem poştur! ijgi alyp-pa üş tölge çetre qarbasqan poştur!» üş kün-nün pažynda syqtapçytqan sydyn toqtady. ulug ayaştyn ijgi paštaryn pirge paýlap alyp, altyn tana peçezinin ölgen sögün aya sal-saldy. qyr qoradyna münüp, çeri çurtuna nānmysty.

para-para kelgenin — čas köktün çerine çetti. čas köktün çerine çedip. adyn poş tašta, altyn örgē kire pasty. čas pilek ajtty: «eze, čas kök, ulug söske ujat çoq! tilim quda polzun! tizem küze polzun! taya çörzen, tajaýyn polaj! suya çörzen, çölegin polaj! idibissen, ežiktayy idin polaj! çyşqyrbyssa, közen polaj! adap şaptap seni alary keldim. čas kök, men, čas pilekke paraj-pedin?» — čas kök ajtty: «sen, čas pilekke parbanda qajdig kižige parçan poljam!» tedi.

čas pilek-pe čas kök ijgi paštary qožuldu. čas kök qaryg terig nebecек-терин qara qapqa kire tepti. pýlar ijgele altyn örgeden şyja pazyžyp, attaryna münmaly, çeri çurtuna nānmystylar. čas pilektin qyr qorady-ba čas köktün čas qulady tennep çügür-parçalar. pirs pirsinen qyjbān parçalar. para-para kelgennerin — çer ebidine kirbēñalar, çer tōyrazyn tartçalar; sug ebidine kirbēñalar, sug toýrazyn tartçalar. ādā pašqa çeri tastyna qaldy, ādā çurtuna ajlandylar; eli pašqa çeri taštyna qaldy, ene çurtuna ajlan-kirdiler.

sybysqalyg synja şyqtylar, ezer qojnu pelge tüštüler. ulug synnan körgenneri — čas pilektin çerine çettirler. eniš töbere endire pastyrdylar, altyn örgē kirdiler. ežik aža, ezen suraştylar, enmen ködür, mēñci suraştylar. poqaj saryg-ba aj sabaq čas köktü qyryq qatpaş túbüne ākērip, çetti talba sürünmežin qoya šabyp, azyra tułunnar ördüler. čas pilek pir çetti künge şyja uzun pilbes ulug toj tojlady.

незапоминаемые реки переезжает. Едет между народом с чужим обычаем, едет промеж скота с особой поспешностью, доехал он до земли, до которой [во сне] даже сонная греза не достигает, [в раздумье] мысль не доходит. В здешней земле такой черный туман простерся — глазом не проникнуть. В середине тумана три богатыря, борясь-сражаясь, умерли, чистые души у них ушли. Алтын Тана двух богатырей держала. Два богатыря Алтын Тану держали.

Это увидев, Чаш Пилек из обоих глаз слезы вниз по колену пролил. «Горе отца твоего, печаль матери твоей! Смотри! Моя тетка Алтын Тана, за которую некому было заступиться, вот как должна была умереть!» [говоря]. В такой великий плач вошел, что глаза видеть перестали. Чаш Пилек рыдал-рыдал, три дня проходить стали. «Все же хорошо сотворена была моя тетка Алтын Тана, — с двумя богатырями в течение трех поколений боролась!» (сказал). Через три дня рыдающий плач он прервал. Две вершины великих деревьев вместе связал, умершие кости тетки Алтын Тана (там) положил. На серо-коуруго коня верхом сел, в землю-стойбище свое возвращался.

Ехал-ехал, в землю Чаш Кёок доехал. Земли Чаш Кёок достигнув, коня отпустил, в золотой дворец вошел. Чаш Пилек сказал: «О, Чаш Кёок, в великом слове — стыда нет, язык мой сватом пусть будет, колено мое зятем пусть будет! Если на гору пойдешь, твоим посохом буду я! Если в воду пойдешь, твоей опорой буду я! Если вытолкнешь, у двери собакой я стану! Если выбросишь, ожегом да буду я! Хваля-прославляя, я пришел взять тебя (в жены). Пойдешь ли ты, Чаш Кёок, за меня, Чаш Пилека?» Чаш Кёок сказала: «Когда за тебя, Чаш Пилек, не пойду, — за какого же человека мне и выходить!» [сказала].

Чаш Пилек и Чаш Кёок две головы соединили. Чаш Кёок нужные и ненужные вещи в черный мешок записала. Они двое из золотого дворца вышли, на коней своих сели, в землю-стойбище свою вернулись. С серо-коуругом конем Чаш Пилека молодой буланый конь Чаш Кёок вровень бегут, ни один вперед не забегает, ни один не отстает. Ехали-ехали, по окраинам земли не едут — не кружат, поперек земли едут, по извилинам реки не едут, а поперек — напрямик едут. Совершенно чужая земля за гранью — вне их — осталась, в отцовское стойбище вернулись; чужого народа земля позади их осталась, в материнское стойбище свернув, въехали.

На свистящий хребет поднялись, в долину, подобную пазухе седла, спустились. С великого хребта смотрят: в землю Чаш Пилека приехали. Вниз по склону спустились. В золотой дворец вошли. Дверь открыв, поздоровались; плечо подняв, приветствовали. Старуха Покай Сарыг и мать Ай Сабак Чаш Кёок в глубину сорока комнат увели, семь разветвлений кос расплели, в две косы заплели. Чаш Пилек семь дней нескончаемую свадьбу справлял.

После того как великий пир окончился, Чаш Пилек и Чаш Кёок из золотого дворца вместе вышли, кругом великого стойбища трехрядный

uluḡ tojlary ertken sōnda čaš pilek-pe čaš kōk ałtyn örgeden šyḡa pazyžyp, uluḡ čurttu üš ebire at ašpas tebir šeden püdürdüler; ałbatqy čonnu ałty ebire ałyp ašpas tebir šeden püdürdüler. emnik tajḡa ezer saıyp, eldin čerin ebirbeske — teštiler. ałtyn sarčyn tözündaḡy turčutqan ijgi attyn toḡus qolaḡ nandyryp, ałtyn ezerlerin ałyp ałdy. taḡ šeni üḡdüler. ijgi attyn saḡry-sajlaryn sijbap kelip, poḡattylar «saryḡ kölden suḡ ižar, sübür taḡdan ot ottalar!» tep.

čaš pilek-pe čaš kōk qyryq qatpaš tübüne kirip, üstülerine kesken ałtyn kümüş qujaqtaryn šurup, ispeškege astylar. qara šojun sapökterin šurup, šojun sunduqqa suqtular. čel qaqpasqa syqsyndylar; tan šappasqa pekten-diler. pılardyn čerge, qynap kelip, šaḡ kirbedi, qyjḡyr-kelip, er kirbedi. tört tujuḡnuḡ at čügür-kirbedi, tuḡy müstig er kirbedi. qannaḡ uluḡ qan poıduıar, pegden uluḡ peg poıduıar. ešten-kelip, pajlap čattylar.

mēḡ alybym anda čada qaldy,
men teze pere nān-keldim.
uzun tep kelip, uzartpadym;
qysqa tep kelip, qysqartpadym
uqqan körgen šenim poıdu.
po qannyn qastayyn čyḡdym,
aq qozanḡa čüktedim.
aq qozanḡa čük-tartyp,
aq čazyḡa poḡattym.
odurup uqqan kižilerge
tūjuq ülüš četsin!
čadyp uqqan kižilerge
čardyq ülüš četsin!

железный забор, через который конь не перевалит, построили. Вокруг подданного народа шестирядный железный забор, через который богатырь не перейдет, построили. На необъезженных коней седла положивши, кругом чужой земли (больше) не ездить друг с другом уговаривались. С двух коней, стоящих у [основания] золотой коновязи, распустив девять подруг, золотые седла сняли; как гору их сложили. По спинам двух коней погладили и их отпустили, сказавши: «Пейте воду из желтого озера, кормитесь травой с горы Сюбюр!»

Чаш Пилек и Чаш Кёёк внутри сорока комнат вошли, надетые поверх их одежд золото-серебряные панцири на вешалку повесили. Из черного чугуна сапоги сняли, в чугунный сундук положили. Чтобы ветер не дул, заслонились, чтобы холод не проник, загородились. В их землю, притесняя-разоряя, война не входила; крича, богатырь не въезжал. С четырьмя копытами конь не прибежал, с непомерной силой богатырь не входил. Сильнее всех ханов ханами были, из всех начальников самыми великими начальниками были. В покое, богатея, жили.

Мой богатырь там [жить] остался.
Я же сюда вернулся.
Длинное говоря, не удлинял,
Короткое говоря, не укорачивал,
Сколько видел и слышал, столько и есть.
Хана счастье-удачу собрал,
На белого зайца навьючил.
На белого зайца навьючив,
В белую степь выпустил.
Слушавшим сидя людям
Целая доля пусть достанется!
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется!

III. nybaq

15

čayys ol

purun purur poltyr; pir čayysla ol poltyr. qarala čayysqan čurtaḡodyrtyr. aya deze üš kiži bałyq annap čörčätyrlar. pałyq annap čörüp, üš kəži pirle šortan ödürtürler. pajegi üš kiži pajegi annap alyan šortannaryn čayys olğa sadarğa aparyannar. pajegi šortanny čayysla qojğa ornaşqannar. ol čayys ol, ornaşcat, ajtqan: «čayysla tört azaqtyn malymny qajdedip pər-saļajyn!» anan čayys ol arā pērē pās-čöröp, ajtqan: «ornašta perēin!» tep.

anan pajegi suñ qažyndağy pałyqqa tebe pirge engenner. anan enip, pajegi pałyqty qapqa suğub aly aşyqqan. anan pajegi qap-pa aşyqçyğan pałyq qapty taļa šap, čerge tüš-parğan. anan qapty taļa šap čerge tüšken pałyqty qadoq taš-pəla ödəre šap-šap, pazoq suğub alyan. iğinčizin pazoq taļa šap tüš-parğanda — pazoq taš-pyla šap, suğub alyan, anan pazoq üžünčizin öbünge čettir-para-čör, pazoq, qabyn taļa šaptyr, tüžürbiskən. anan pazoq törtünčizin taļa šap tüš-parğanda — any aşyqpān, taļajğa alenip, taštabyşqan. taštabyşqan sonda öbinge şyğyp, qona-bergen.

qon-şyqtōq, erten erte aya pər kiži kire saļan. pajegi kire saļan kəži ol čayys olğa ajtqan: «tek tabyraq, seni suñ ezi aldyrtypča!» anan čayys olğa ajtqan: «suñ qažynğa enen!» čayys ol ajtqan; «čē, parān!» anan čayys ol ajtqan (qažynğa enip): «men pō sūğa čayysqan qajdedip kirem?» tēn. anan pajegi čayys olğa şyqqan kəži ajtqan: «mağa čüktenib aly!» tēn. anan ol čayys ol dy čükteb aly, sūğa kire atybsqan.

sūğa kire atybsqanda — ol čayys olğa sū-dā čuqpān qalyan. anan ary teze pōq künniñ čaryğy oşqaş čer-če paryb odyğyannar.

anan ol paryb odurčätqanda — čayys olğa şyqqan kəži ajtqan: «suñ ezənin oğly sūğa čörege şyğyp, pałyq annap čörčyğan kižilerdin čoryğ-

III. Сказка

15

Одинокий парень

Давным давно это было. Одинокий парень был. Совсем одиноко жил. Там же три человека рыбу ловили. Рыбача, три человека одну только щуку поймали. Давешние три человека [давешнюю] пойманную щуку Одинокому парню продавать понесли. Давешнюю щуку (они) на единственную (его) овцу меняли. Тот Одинокий парень, меняя, говорил: «Единственную четырехногую скотину мою как отдам я!» Потом Одинокий парень, взад-вперед похаживая, говорил: «Меняя, отдам-ка я, пожалуй!»

Потом [по направлению] к давешней рыбе, находившейся на берегу реки, [вместе] они спускались. [Потом] парень (к берегу) спустясь, давешнюю рыбу в мешок засунув, (ее) в гору понес. Потом давешняя рыба, в мешке на гору поднимаемая, мешок прорвала и на землю упала. [Потом] рыбу, разорвавшую мешок и упавшую на землю, (он) [опять] камнем ударяя-ударяя, снова (в мешок) засунул. Когда рыба, вторично разорвав (мешок), упала, он опять камнем ее ударил и (в мешок) засунул. Потом снова в третий раз, когда (он) почти дошел и донес рыбу уже до дома, опять рыба прорвала мешок, и он ее уронил. [Потом] когда в четвертый раз (она), опять прорвав (мешок), упала, он (ее) не потащил в гору, а принес к морю и (туда) бросил. После того, как он бросил рыбу, он домой пришел [поднялся] и ночевать стал.

Только он переночевал, утром рано к нему один человек зашел. [Давешний] вошедший человек тому Одинокому парню сказал: «Скорее-скорее! Тебя хозяин воды требует!» [Потом] Одинокому парню сказал: «К берегу воды, давай-ка, спустимся!» Одинокий парень отвечал: «Хорошо, пойдем». Потом Одинокий парень, спустившись (к берегу), говорил: «В эту воду я каким образом один войду?» [говорил.] Потом, поднявшийся к Одинокому парню, давешний человек говорил: «Вьючсья ко мне на спину!» [говорил]. Потом, посадив того Одинокого парня себе на плечи, в воду бросился. Когда он в воду прыгнул, тот Одинокий парень даже не вымок. Дальше, [если говорить] — они шли по земле, подобной (этому) солнечному миру.

[Потом,] когда они шли, человек, поднявшийся к Одинокому парню, ему говорил: «Когда сын хозяина воды по воде плавал, он в сети ловящих

qār-paryp, aqqa şyğara tartyrtyp alyan. suñ ezəniñ oylunyn tynyn sen aı-qalyanzyn; sağa çaqşy alynyp, suñ ezi anan seni aldyrtypça».

suñ eziniñ çatçıyan çerine çetken sonda po çayys oldy üdare qar, saltym ertazynğa odyrtyp, ebere tavarlar üp sala-berip, suñ ezi ajtqan: «nony alyarzyn? men sağa kölengen-ne nebeni pererim. pony alyarzyn-ma?» ten. çayys ol: «albassym!» ten. ol tavydy çybəza-berip, olöq şen qat aqça üp salyan. çayys oldan suran: «pö aqçany alyarzyn-ma?» «albassym-öq!» tegan.

anan ol aqçany çybyzoq pergende — çayys ol ajtqan: «pö ömnün istindegi çabal tüktün adajayynny perzen, any alarym!» ten. suñ ezi arā körüp ylyan, peri körüp külgen. «ol adajayymny al!» ten. pony pajegi çayys oldy alengen kəzi ürgetken: «paza nebe alban, ol-la adajaqty alaryn!» ten. ol suñ ezi pajegi adajagyn pözənyñ qolý-ba tudup pergen. «mā» tep, ajdyp, pergen. ol suñ ezi çayys olğa adajaq ede sijlap pergen.

ol suñ ezəniñ oylý, şortan polyp çörçat, tutturb-alyyp, pažyn taş-pa şaptyr-salyyp, am kebege üstünde çatçıyan. pažynğa aq pylat tartynyp çatçıyan.

anan sijlap-alyyp, çayys oldyn çurtynğa aşyqtyrарға çayys oldoq ākelgen kižini aldyrtyp-alyyp, ajtqan: «çayys oldyn çurtynğa edöq süğa çuqtyrbān aşyq-sal!» ten. adajaq-pəla qarçyra aşyq-salyan.

am çayys ol öbinge iirde tabaq edip, çib-alyyp, anan pözoq čigen čiš-čəlep tabaq edip-alyyp, adajayyn āzərap qondyrған. erten qön-şyyp, čüzü, qolyn čunub-alyyp, anan öbünin istindegi nebenin körgeni — ajaq qažyуу altyn-ma kümüş pol-partyrlar. iğinci künde pazöq tabaq et čib-alyyp, pözy qajde et čin, edoq edib-alyyp adajayyn āzyran.

ijgi qonyqty uzurda — adajayyn azayynyn çanğa uzutqan. erten turkelze, öbəniñ istindegi qançe-le tudun-qābynçen nebeleri, parčazy altyn-məla kümüş-pe syrла-парыannar.

üşünči kününin tañ alynda adajayyn qojnynğa suyunup uzuyan. çayys ol usčadyp, anan uqsa — kebegezəniñ istinde ot tazyrap köjčitqan. usqan-kelip, tjuqan çābynğan tonyn ažyp, anan körze, kebegeziniñ alynda pər šāžy qola oşqāš abaqaj turčyan. anan-na çayys ol tura sərkip, ol abaqajdy qarqan. pajegi qys ajtqan: «ekkej, tən, noğa meni šayam tuttyñ? am erten qoçajyn oylý poğa kirer!»

erten pajegi qystyn ajtqany-bəla qoçajyn oylý kire salyan. qoçajyn oylý kir-kelgeni — çayys oldyn öbəniñ istindegi nebeleri parčazy altyn-myla kümüş-pe syrла-парыannar. qoçajyn oylý tjuqana şyyp-alyyp, öbünge nānybsqan. öbinge kirele, abazynğa ajtqan: «sen, aba, tən, po çayys ol

рыбу людей попал и на берег вытащен был. Ты душу сына хозяина воды спас. Будучи тобою доволен, хозяин воды поэтому тебя требует».

После того как они достигли земли, обитавшей хозяином воды, им навстречу выйдя, хозяин воды [этого] Одинокого парня взял и посредине пола усадил. Кругом товар разложил. Хозяин воды говорил: «Что возьмешь? Я любую вещь, какая тебе понравится, дам! Это возьмешь ли?» [говорил]. Одинокый парень «не возьму!» отвечал. [Тот] товар собрав, хозяин столько же бумажных денег выложил. Хозяин воды Одинокого парня спрашивал: «Эти деньги возьмешь ли ты?» «Тоже не возьму!» — отвечал.

Потом, когда (хозяин) деньги также убрал, Одинокый парень сказал: «Если ты дашь твою собачонку с худой шерстью, находящуюся внутри этого дома, ее я возьму!» [говорил]. Хозяин воды, туда взглянув, плакал, сюда смотря, смеялся. «Ты мою собачонку возьми!» — говорил. Этому учил давешний человек, который спустил Одинокого парня к берегу воды: «Ничего не бери, ту только собачонку возьми!» — говорил. [Тот] хозяин воды [давешнюю] собачонку [его], в своих руках держа, дал. «Возьми!» сказавши, дал. Так [тот] хозяин воды (Одинокому парню) собачонку подарил.

Когда сын хозяина воды, будучи шукой, плавал, он был пойман и голова его камнем побита. Теперь (он) на [верху] печи лежал. С повязанным на голове белым платком лежал.

Потом (хозяин воды) Одинокого парня угостил; чтобы Одинокого парня в стойбище отвести, того же человека, который Одинокого парня привел, он позвал и ему сказал: «В стойбище Одинокого парня так же, чтобы вода его не вымочила, отведи!» [говорил]. [Тот] вместе с ним и с собачонкой (его) поднялся на гору.

[Теперь] Одинокый парень вечером дома пищу приготовил, поел. Потом такую же пищу, какую сам ел, собачонке приготовил, накормил и спать (ее) уложил. Переночевав, утром лицо, руки вымыл. Когда потом на вещи, находящиеся внутри дома, взглянул — (увидел, что) чашки и ложки его превратились в золото и серебро. На второй день он опять пищу приготовил, поел и, как сам себе пищу готовил, также приготовив, собачонку кормил.

Когда вторую ночь собирался ночевать, собачонку уложил спать в ногах. Когда утром встал, сколько ни было в юрте утвари — вся она золотом и серебром украсилась.

На третий день перед зарей собачонку за пазуху засунул и (так) спал. Просыпаясь, Одинокый парень слышал, что внутри печи огонь, потрескивая, горит. Проснувшись, тихонько шубу, которой он покрывался, открыл, видит: перед печью красавица с волосами, как медь, стоит. Одинокый парень сразу же вскочил и ту красавицу схватил. Давешняя девица сказала: «Экой ты, [говорила] зачем меня сейчас схватил? Теперь завтра сын хозяина сюда приедет».

Утром, как и говорила давешняя девица, сын хозяина пришел. Когда сын хозяина вошел, вещи, находящиеся в юрте Одинокого парня, все золотом-серебром украшены были. Сын хозяина (из юрты) потихоньку

alğan qysty mağa alyp perbezen, aba çannañ sen şyq, ol çannañ men şyğajyn!» ten. qoçajyn oğlınğa ajtqan: «enip, çayys ol-bəla çazynyžyp ojnağyła!» tən.

anañ qoçajyn oğly enip, çayys olğa ajtqan: «çayys ol, çazynyžyp meren sağyžan!» çayys ol ajtqan: «çazınarğa qynçyğan kəži, sen çazynzan!»

qoçajyn oğly çazınarğa pərbysqan. çayys ol öbüngöq odyrçyğan. pajegi qys ajtqan: «paryp čök təlebənçen?» tən. çayys ol ajtqan: «qajā-qajā çazyndy, qajdan tabarğa!» tən. anañ pajegi qys ajtqan: «po suñ qaštap paryb odyrzan, uluñ şulan poñar; ol şulannyn iştinğe kərip pararzyn, tən, şulannyn iştinde üşəle-le quçalar çäçyğan poñar» anañ pajegi qys ajtqan: «quçalardyn arazynğa kərip cörzin, parçalary turğyñlap seni azyn-čəlep sürerler. ol quçalardyn arazynda üş äzəra tabyraña öşken müstün quça poñar, tən, ol quçanyñ müzənen ajaban tudarzyn, tən. anañ ol quçanyñ müzünen tudub alyp kestin zary toğarzyn. anañ qoçajynyn oğly „ebej, moğtyryğym-ej!“ tər».

anañ çayys ol öbənən şyğyp, suñ qazynğa enip, ol şulanğa kirgen. şulanğa kərip, ol quçanyñ müsten tudub alyp toğady. anañ çayys ol cügürük-pəle öbünge kelgen. kelip kirele, tura pergen.

pajegoq qys ajtqan: «čök çazynmānçan?» tən. «qajā çazynajyn?» tən. pajegi qys şazyn taranyp odyrğanda — qoçajyn kır-kele-čürde, erin tarğaq edip, taran odyra-bergen.

am qoçajyn oğly kirele, ustolğa odyr-sağyp, knigezin aza taštap, qyrğan. čerge öşken ottyn tabyry qalban-oq qyryb odyrğan, suñ sağy qalban-oq qyryb odyrğan. suñ pağy qalban oq qyryb odyrğan. tegriniñ çyğtyzy qalban oq qyryb odyrğan. qoçajyn oğly qyr-qyryp, çayys ol dy tappan sağyan. pajegi qys tarğayyn čimçaq čerge sağbysqan. sağbysqanda — çayys ol «mynda-bym!» tep, tura tüş-kelgen.

am pajegi qoçajyn oğly ikinçizin çazınarğa pərbysqan. anañ qys ajtqan «čök paryp təlebənçen? qoçajyn oğly tärnčädyr!» tən. çayys ol: «qajdan təlep tabajyn!» tən. qys ajtqan: «pö çalañ-zarā şyğarzyn. şyğyb odyrzan, tazynnar čörçyğan poñar. ol tazynnarğa orta şyğyp odyrarzyn. şyğyb odyrzan, tazynnar seni körb alyp oqtaža-öqtaža sürerler. ten. sen ağa qoryqpān, şyğyb odyr! seni čedib alyp ajlandəra turup abğlap pararlar; ajlandyra turup, öqtažarlar, ağa-dā qoryqpa! ten. qoryqpazan, seni süspester. anda pər tirinsoq pōnda tazyn poñar. ol tazynnyn müzü sandige öze-bergen poñar. ten. ol tazynnyn müzənen ajaban tudyb alyp kestin- zary toğarzyn — ten. qoçajyn oğly — ebej-ol moğnym-ej! — tep ajdar».

вышел и домой вернулся. Лишь только (он) в дом вошел, отцу своему сказал: «Ты отец [говорил], если взятую этим Одиноким парнем девуцу [взяв] мне не отдашь, из отцов моих выходи, из сыновей — выйду я!» [говорил]. Хозяин сыну [его] отвечал: «Спустишься (по склону), с Одиноким парнем в прятки играйте!» [говорил].

[Потом] сын хозяина [спустясь] пришел и Одинокому парню сказал: «Одинокий парень, давай [на заклад] в прятки играть!» [говорил]. Одинокий парень отвечал: «Ты — желающий играть в прятки человек, — ты и прячься!»

Сын хозяина прятаться отправился. Одинокий парень в юрте своей продолжал сидеть. Давешняя девица говорила: «Почему ты не идешь искать?» [говорила]. Одинокий парень отвечал: «Куда, куда спрятался он, где его найти?» [говорил]. Потом давшая девица сказала: «Если ты пойдешь по берегу реки, большой загон для скота (там) будет: внутри того двора ты войдешь [говорила]. Внутри двора только три барана будут лежать». Потом давшая девица говорила: «Если [войдя] промеж баранов ты будешь ходить, все они один за другим встанут и за тобой, подобно медведям, будут гнаться. Среди тех баранов — баран с раздвоенными, закрученными рогами будет [говорила]. Того барана за рога ты крепко держи [говорила]. Потом, когда ты того барана возьмешь за рога и в обратную сторону будешь крутить — сын хозяина: „Больно, ой моя шея!“ скажет».

[Потом] Одинокий парень, из дома выйдя, на берег реки спустился и в тот загон вошел. Войдя в загон, он того барана за рога схватил и закрутил. Потом Одинокий парень домой [бегом] прибежал. Лишь только стала в юрту вошел, встал там и стоял.

Давешняя девица сказала: «Почему ты не прячешься?» [говорила]. «Куда спрячусь я?» — отвечал. Давешняя девица сидела и расчесывала волосы; когда сын хозяина входил, (она) обратив мужа [ее] в гребень, причесываться.

[Теперь] сын хозяина лишь только вошел, сразу же за стол уселся и, раскрыв книгу, читать стал. Корня травы, на этой земле выросшей, и то не осталось — (обо всем) читал; в воде гальки и то не осталось, (обо всем) читал, в воде рыбы и то не осталось, (обо всем) читал, на небе звезды и то не осталось — все вычитал. Сын хозяина книгу прочитал, а Одинокого парня найти не смог. Давешняя девица осторожно на землю гребень [ее] положила. Когда она гребень положила, Одинокий парень: «Я здесь!» — сказавши, вскочил.

Теперь давший сын хозяина отправился вторично прятаться. Потом девица сказала: «Почему ты не идешь и не ищешь? Сын хозяина сердится» [говорила]. Одинокий парень: «Где я его найду?» — отвечал. Девица сказала: «В направлении этой степи ты пойдешь. Когда (ты туда) выйдешь, там будут ходить быки. Ты направишься прямо к этим быкам. Если ты поднимешься к ним, те быки, тебя завидя, будут с ревом за тобою гнаться. Ты не бойся их и продолжай идти! [говорила]. (Они) догнав (тебя), нападут на тебя; окружив (тебя), будут реветь, и тогда (ты их) не бойся! [говорила]. Если

anah çayys ol çalaŋga şyyp, qystyn ajtqany-bəla edip, öbinge kelgen: öbinge kir-kelze, qaty çik tigib-odyrçyan. kirdoq, qaty — çazyn! — tep ajtqan. çayys ol: «qajaya çazynajyn!» ten. anah qoçajyn oğly kir kelgende — erin qurcu et, çik tigib-odyrçyan.

anah qoçajyn oğly kir-kelip, knigezin azoq taştap, qyryb-odura-bergen. po çer üstyndegi qançe-le ösken ayaştyn sänyn sänap, qyryb-odyrçyan, sun iştinde qançe-le tüp ösken paşyqtn adyn adap qyryp odyrçyan. taj-yan iştinde qançe-le tüb-ösken an-quštardyn adyn adap qyryp, çayys oldy tappan-oq saşyan. tegriniñ qojnyndaşy parý-çoq çylyzyn parçen ajdyp qyryp odyryp, tappan-oq saşyan. qyra-qyra kelgende — saşyžynça paza nebe kirben saşyan. anah tap polban -oq saşyp, «tura tüş!» tegen. ol ede ajtqanda — çayys oldyn qaty pajegi erin qurçy edip tigib-odyrçyan qurçuny tüjuqan ed-oq, pildirben saşybysqanda — çayys ol «mynda-bym!» tep, tura tüşken.

pajegi qoçajyn oğly çazynarçyq parəbysqan. pajeyoq qys ajtqan: «paryp çök tilebençen?» tep. ede ajtqanda — «qaja-qaja paryp kir parçan kižini qajdan tabarym!» tep ajtqan. qys ajtqan: «po taşajdy qazynçe parýb-odyr. parəb-odyrzan, çon taş arazy polar. anah taş arazyn ertip parýb-odyrzan, qybyr saj polar! ten. qybyr sajdyn arazynda pašqa pašqa quştar polar. ol quštardy aralap çörəb-odyrzan, pir çalaşanyñ quş polar. ol quştyn pažynan tudyb-aşyp, mojnynan tudyb-aşyp, ajaban tolyarzyn. anah — ebej-ol! — tep ajdar».

çayys ol parbysqan. qoçajyn oğly tab-aşyp, öbinge çügərekrəq kelgen: anah kirdoq, pajegi qys ajtqan: «çök çazynmānčān?» tep. «qajaya çazynajyn!» tep ajtqan. ol qys çayys oldy inge edip, tavar tigib-odyrçyan.

qoçajyn oğly kelip kirele, knigezin ustolça ojdoq taştap, qyryb-odyrçyan. qyra-qyra, po çerdiñ üstinge çajaşyan tynylardyn ady şolazyn adap qyryb-odyrçyan. po çerdiñ üstinge ar pütken nebeni qyryp tappan-oq saşyan. anah tappan saşyp, «tura tüş!» tep ajtqan. çayys oldyn qaty ingezin tjuq-qan pol arazynça tüşürbiskende — çayys ol: «mynda-bym!» tep, tura tüş kelgen.

am qoçajyn oğly öbinge nān-şyq-pardy. anah öbinge şyqqanda — abazy surady: «qajdyn merej saşyştar?» tep surady. anah ol qoçajyn oğly ajtqan: «qattan üs qadap qyryp, üş qada çazynçanyñ tappan saşdym. çayys ol üş qadap çazynçamny üželezi-bile tab-aş-odyrды. anah qoçajyn oğlynça ajtqan:

не будешь бояться, они тебя не будут бодать. Там один огромный бык будет. У того быка рога стоймя выросшими будут [говорила]. Схватив того быка крепко за рога, ты крути их в обратную сторону [говорила]. Сын хозяина: „Ой больно, ой моя шея“ [говоря] скажет!» — говорила.

Потом Одинокый парень в степь вышел, по-сказанному девицей сделал (и) домой пришел. Когда (он) в дом вошел, жена его сидела там и шила. Когда он входил: «Прячься» — жена его [говоря] сказала. Одинокый парень: «Куда я спрячусь?» — сказал. [Потом] когда сын хозяина собирался войти (в дом), девица, превратив мужа в наперсток, продолжала так сидеть и шить.

[Потом] сын хозяина опять пришел, книгу открыл и стал читать. Сколько ни было на поверхности этой земли выросших деревьев, все пересчитав, читал. Сколько ни было в глубине воды родившихся и выросших рыб, называя всех по имени, читал. Сколько ни было в тайге зверей и птиц, всех, называя по имени, читал. Но Одинокого парня опять не нашел. Каких только ни было в пазухе неба звезд, всех их переименовав, читал — опять [Одинокого парня] не нашел. Когда так читал-читал, на ум ему больше ничего не приходило. [Потом] когда найти не мог, сказал: «Появись!» Когда он так сказал, жена Одинокого парня, которая мужа своего в [ее] наперсток превратила и тут сидела и шила, наперсток незаметно опять положила. Одинокый парень: «Здесь я!» — говоря, вскочил.

Давешний сын хозяина опять прятаться отправился. Давешняя же девица мужа спросила: «Ты почему не идешь и не ищешь?» [говоря]. Когда так сказала — «Неизвестно куда отправившегося и спрятавшегося человека где найду?» [говоря] ответил. Девица сказала: «Иди берегом этого моря. Когда пойдешь, (там) крупные камни будут. Потом, когда пройдешь эти камни, совсем мелкая галька будет [говорила]. Среди мелкой гальки различные птицы будут. Если будешь промеж этих птиц ходить, (там) одна имеющая гребень птица будет. Ту птицу за голову схвати и, держа за шею, сильно ее покрути. Потом: „ой больно!“ [говоря] (она) скажет».

Одинокый парень пошел. Найдя сына хозяина (обратившегося птицей), домой опять прибежал. Когда [потом опять] он вошел, — давшая девица сказала: «Почему ты не прячешься?» [говоря]. — «Куда я спрячусь!» [говоря], сказал. Девица, превратив Одинокого парня в иглу, [товар] продолжала шить.

Сын хозяина [придя], лишь только вошел, книгу на стол, раскрывая, бросил (и) стал читать. Читал-читал: имена-прозвища живых существ, на поверхности этой земли создавшихся, всех называя, читал. Обо всем созданном на этой земле прочитав, опять Одинокого парня не нашел. [Потом] его не найдя: «Появись!» — [говоря] сказал. Когда жена Одинокого парня иглу тихонько на пол опустила, Одинокый парень сказавши: «Я здесь!» — встал.

Теперь сын хозяина обратно (домой) отправился. [Потом] когда он домой пришел, отец его спросил: «Об какой заклад бились?» [говоря, спросил]. [Потом] сын того хозяина ответил: «Трижды (он прятался и) я, вычи-

«sen tañda enip, çayys olğa ajt. — mýnan̄ äry nō-nō çerge altyn ustał par, tēp ajdyłçar. ol altyn ustałdy çayys ol pōzy ady-ba paryp tēlep tapsyn. äyyıla-berze, pō qysty çayys ol̄oq alyp qonar.» — tēn.

anan̄ qoçajyn oğly erteninde enip, çayys olğa çōqtap perdi. «mynan̄ äry no-no çerde altyn ustał tep ajdyłçar. ten. any paryp tēlep tāp, äyyıla perzen̄, qysty senoq ał qonarzyn!» tep ajtqan. anan̄ ol çayys ol ajtqan: «ol altyn ustałdy sağa qajdan̄ tāp pererim!» anan̄ ol qoçajyn oğly ede ajt-salyr, šyryb~alyp nānybysqan.

çayys ol̄dyn qaty çōqtap perdi. «men sağa azyq ištep perejin!» tedi. ol ağa azyq ištep perdi. en̄ne pararda adyn ezerlep parçen nebezin matpasqa alynyb~al̄dy. en̄ne pararda pēr knigeček pāzyp, eringe perdi. pazoq türgek çibiček perdi. «pō türgek çibiček sēn̄ alyñ-byıla tōğalanyb~odyrar, sen ān̄ sōnan̄ taštābān sürüb~odyrarzyn. ol çibiček qajaya paryp toqtaza, sen ağoq qonyb~al~odyr».

ertendā künde adyn ezerlep minib~al̄doq, ol çibiček pōzy çayys ol̄dyn aly-ba edoq tōğalanyb~odyr̄dy. ikinçi kününde pazoq paryp, pazoq çip türgegi at ałdynan̄ tōğlanyb~oduryan. irge çetere paryan. en̄ çerge qon̄yan.

üzinçi küninde pazoq pāryb~odyryan, çip türgegi aly-boq tōğlanyp paryp odyryan. anan̄ paryb~odyrza, qōnar temge çetkende — pir ulūñ ōm turçat-qan, ol ōmnūñ kōzēneginen̄ pēr abaqaj qys kōrūngen. ol çibiček ağa paryp, ol ōmge toqtap paryan.

çayys ol attan̄ tüzüp, adyn pağap sağyp, ağa kirgen. kirgeni — ōm ištinde üš qys çōrçitqannar. ol qystardan̄ surān: «mağa slerde qōnyb~al̄arğa çararba?» tep surān. qystar: «qon, qon» tenner.

erten anda qōn-šyryp, tañ çarynda çüzü, qoğyn çunyp çatsa, ağa pir tirin̄sōq qulaqtary keçimner-çilaboq sałbaqtan ōreken kiži kirgen. an̄ ady svendej qurt'jaq poğyan. «çayys ol̄dy tabyrağ çirgēçem» tep ajdyn̄yan. pō tūstyn̄ et qajdan̄ kele berdi?» tep ajtqan.

çayys ol ānē-la kōrēb~alyp, uyub~alyp, qōryybyysqan. sebindegi qaty pās pergen knigeçegin septen̄ alyb~alyp, qyrçyanda — «paj-paj, tēn, ōçy küzeçegim qajdan̄ keldin?» ede ajdyp, çayys ol̄dyn qoğenan̄ çedinib~alyp, pōzēnyñ ōbinge appārbysqan. anan̄ any sijlap qondyryan. türgek çibiçegi-biķe çayys ol̄dyn ady ağa çāt-qal̄yan. anan̄ äry ol ağa endin̄ōq šynyq aj qar'āt pergen. ol anan̄ erteninde pararğa etçyanda — pajegi qurt'jaq ajtqan:

тивая из книги, не нашел (его); когда я три раза прятался, он меня все три раза находил». Потом хозяин сыну [его] сказал: «Ты завтра (спустясь) пойди и скажи Одинокому парню: — Отсюда дальше в какой-то земле, говорят, есть золотой стол. Пусть Одинокий парень, отправясь на коне, тот золотой стол [ищет и] найдет. Если он (золотой стол) привезет, эту девицу Одинокий парень возьмет, и с нею жить станет!» — говорил.

[Потом] на другой день сын хозяина, сойдя под гору, с Одиноким парнем разговор завел: «Отсюда дальше в какой то земле, слышно, есть золотой стол [говорил]. Если, (туда) отправясь, [ища] его найдешь (и) привезешь, девицу ты возьмешь, жить (с нею) будешь!» — [говоря] сказал. Тот парень сказал: «Где я тебе золотой стол найду и дам?» [Потом тот] Сын хозяина, так сказавши, вышел и домой возвратился.

Жена Одинокого парня речь держала: «Тебе запас, приготовив, дам я» — говорила. Она приготовила запас и ему дала. Прежде чем отправиться, он лошадь оседлал и взял с собою все вещи, чтобы не нуждаться (в пути). Перед самым отъездом девица, одну книжечку написав, мужу дала, еще клубок ниток дала: «Этот клубок ниток впереди тебя будет катиться. Ты за ним сзади, не отставая, следовать будешь! Куда отправится (и где) остановится тот клубок ниток, ты там и ночуй!»

На другой день, когда он, оседлав лошадь, верхом сел, — тот клубок ниток сам впереди Одинокого парня так и покатился. На второй день опять, когда он отправился, клубок ниток впереди лошади покатился. До вечера ехал, в необитаемой земле ночевал.

На третий день опять поехал. Клубок впереди него опять катился; когда наступило время ночевать, (увидел, что там) [один] большой дом стоял. Из окна того дома белолицая девица показалась. [Тот] клубок, туда направясь, у того дома остановился.

Одинокий парень с лошади соскочил, лошадь привязал (и) туда вошел. Когда он вошел, внутри дома три девицы ходили. (Он) у тех девиц спрашивал: «Мне у вас ночевать годится ли?» [говоря, спрашивал]. Девицы: «Ночуй, ночуй!» — отвечали.

Там переночевал; утром, на заре, когда (он) лицо (и) руки мыл, к нему старуха [человек] с огромными ушами, висящими-болтающимися, подобно кечиму, вошла. Ее имя было старуха Свендей. «Я хочу Одинокого парня поскорее съесть! — [говоря] говорила. Это соленое мясо откуда пришло?» — [говоря] спрашивала.

Одинокий парень, как только ее увидел и (то) услышал, испугался. Находящуюся в кармане, написанную его женою, книжечку из кармана вынул (и стал читать); когда он читал, старуха, сказавши — «Пай, пай, младший мой зятек, откуда ты приехал?» — Одинокого парня за руку взяла и в свой дом отвела. Потом она его угостила (и) ночевать оставила. Клубок ниток и конь Одинокого парня там (же) остались. Потом она ему [истинно] карего коня дала. Когда он [потом] на другой день собирался ехать, давешняя старуха сказала: «[Отсюда дальше] если долгое время ты ставешь

«anan̄ āry para-para, mēn̄ pēcemniñ uñuñ čurtqa kirerziñ. mēn̄ uñuñ qam pečem ałtyn stoldu pilze pilbeze, oł-ła piler!»

anan̄ oł parybysqan. anan̄ pajegi ajtqan čeringe čedib̄odyrza, pər ałtyn ɣy üstüñgi öm turčytqan. ān̄ üstündegi közənegineñ üš qys körčiyān. pō oł ömge qonarɣa sānap, kirgen. anan̄ kirgeni—oł ömde üš qys čorčiyannar. oł üš qystañ surān: «meni poɣa qondyrarzar-ba?» tep surān. qystar parčazy: qon-qon!» tep ajtqannar.

aɣa qonyb̄aɣyp, erteninde tözekteñ turała, tonanyb̄aɣyp, čüzü, qoɣyn čunɣalaɣoq, pır kəži ežikke synmān kirčiyān. tirin̄sōq čaby qulaqtyn̄ kiži kir-kelip, «paj, paj, tep, tūstun̄ et qajdañ kele-berdi? tēn. tek tavəraq čip saɣadyɣym!» tep ajdyn̄yan. pajegi čaɣys oł knigezin sebineñ aɣyb̄aɣyp, pajegi kižige tuda pergen. any oł kəži qyrała — «paj, paj, öčy küzečegim qajdañ kele-berdi?» tēn.

ede ajdała, caɣys ołdyn̄ qoɣənan̄ čedinib̄aɣyp, öbin-zary āparbysqan. anan̄ any aš tabaq-pəła sıjlap, čöqtaža-čöqtažā — «qajdyn̄ kerekke čördiñ?» tep ajtqan. čaɣys oł ajtqan: ałtyn ustał tep ajdyłčar, any təlep pərčam. tēn. ałtyn ustał qajdyn̄ čerde poɣar-ne, sen pilčan̄-ma, egeči?» tēn. egečeži ajtqan: «irde qamnap synap pilerim!» anan̄ tañ āzyra qamnap ser-kelip, čöqtān: «men saɣa ałty azaqtyn̄ aj qar'at pererim. sēñ min-kelgen adyn̄ poɣa qalar!» tēn.

erteninde ałty azaqtyn̄ qar'adyn̄ ezerlep pergen. eñ pararda — ajtqan: «po tegri-sary kör, tep, po kezek qara pułut paryb̄odyrar. qara pułutty köröp paryb̄odyrarzyn̄! tēn. para-para kelzeñ, kenetki oł qara pułut čoq pōł-parar. tēn. čoq pōł-parza, adyn̄ny paštandyr-saɣyp, qamčy-ba šabarya pelēn turarzyn̄ — ustał qajdañ qajdañ kelip, syn̄dyq san̄dyq qajynyp teriñe paɣaɣ-parar. sen anan̄ aj qar'atqa matap ödyryb̄aɣyp qačyrarzyn̄. oł ustał syn̄dyq san̄dyq qajyndōq, adyn̄ny učuqtyr šyɣarzyn̄. anan̄ paryb̄odyrzan̄, sōnan̄ qam sürüzib̄ōdurar. pər cerde taš ustol̄ba poɣar. aɣa četkenče adyn̄nyñ saɣryzyn̄ tała šap qačyrarzyn̄! tēn.

čöptegen čöp-pe čedip, adyn̄ nandəra paštandyr-saɣ, qamčyzyn̄ öre kōdür saɣ odyrčiyanda — ałtyn ustał kel teriñe paɣaɣbyza-ła pergende — ałty azaqtyn̄ aj qar'atqa qamčy šapqan. kele-kele, taš ustałbadan̄ čaɣys oł ertibisken. sōnan̄ sürgen qam ačyɣlanyp qaɣyan. «ox, tēn, adamnyñ ačyɣy poɣzyn̄! qajran ülgēn, ałtyn ustałdy ałdyrybystybys!» tēn.

ехать, ты въедешь в великое стойбище моей старшей сестры. Моя старшая сестра — шаман [если знает, если не знает], она одна только и может знать про золотой стол».

[Потом] он поехал. [Потом] когда (он) доехал до давешней земли, про которую она говорила, (видит) [один] двухэтажный дом стоит. Из окошка, вверху находящегося, три девицы смотрели. [Этот] (Одинокий парень), намереваясь в том доме ночевать, (туда) вошел. [Потом] когда (он) вошел, в том доме три девицы ходили. Он трех девиц спросил: «Мне здесь почевать разрешите ли вы?» [говоря спрашивал]. Девицы все: «Ночуй, ночуй!» — [говоря] отвечали.

[Там] переночевав, на другой день лишь только встал с постели, (он) оделся, и не успел еще вымыть лицо (и) руки, (как уже) [один] человек, в дверь непомогающийся, (к нему) входил. Имеющий громадные отвислые уши (этот) человек, входя, говорил: «Пай, пай, [говоря] соленое мясо откуда (это) пришло? [говоря.] Похоже, что скоро я его съем!» [сам себе говорил]. Давешний Одинокий парень, книжечку из кармана вынув, давешнему человеку подал. Тот человек лишь только ее прочел: «Пай, пай, младший зятек мой, откуда приехал!» — сказал.

Как только так сказала, Одинокого парня за руки взяла и к дому его повела. [Потом] вином-едой угостила; [разговаривая (с ним) разговаривая]: «По какому делу едешь?» — [говоря] спросила. Одинокий парень отвечал: «За таким-то таким делом я хожу! [говоря]. Говорят, (что) есть золотой стол. Его отыскивая, езжу! [говоря]. Золотой стол в какой земле может находиться, знаешь ли ты, моя невестка?» [говоря]. Невестка [его] сказала: «Вечером камлая-ворожа, (я) узнаю!» [Потом] (она) камлала всю ночь до утра. Утихнув, перестав камлать, речь держала: «Я тебе карего коня, имеющего шесть ног, дам. Твой конь, на котором ты приехал, здесь останется» — говорила.

На завтрашний день (она) шестиногого черного коня оседлала и (ему) дала. Прежде чем ему отправиться, она сказала: «Смотри на [это] небо! Этот клочок черного облака будет двигаться (вперед), ты поедешь (вслед), следя за черным облаком [говоря]. Когда (так) ехать будешь — вдруг то черное облако исчезнет. Если оно исчезнет, (ты) направишь вперед твоего коня по направлению, по которому едешь, (и) приготовься ударить (его) плетью. Стол откуда-то вдруг появится; застучав и загредев, (он сам) в тороки увяжется. Потом ты на карего коня плотно усевшись, гони (его). Когда тот стол загремит и застучит, тыпустишь твоего коня, так чтобы он взлетел. [Потом] когда ты поедешь, вслед за тобою будет гнаться шаман. В одном месте каменный столб будет [говоря]. Когда ты к нему станешь приближаться, твоего коня по крупу ударь и погоняй его» [говоря].

По сказанному случилось: Одинокий парень, поворачив коня [его], взмахнул плетью; как только золотой стол [придя] в его тороки увязался, он шестиногого карего коня плетью ударил. Ехал-ехал, Одинокий парень каменный столб проехал. Гнавшийся за ним сзади шаман (позади) остался

am çayys ol qoryqpān nānyb-odyrzan. pər tōyra çol-çe nānyb-odyrza, pir çerde qara-la çayys om turçıyan. çayys ol aştabyşqan. ol ömge çet-kelip, kirgen. kirele, çiş çirge sananān. adyn kölek çerge paıyap saıyp, kirgen. anañ kirgeni — ömde pır-dā nebe çoq poıyan, qara çayys pırle syrıyn ustaı turçıyan. çayys ol aştap par, ajtqan: «aştabyştym» tēn. anañ kiži erbek-tenibisken: «paj, paj! tēn, aştabyşqan poıyanda — seni āzyrajyn!» tēn. ede erbektenip ertōq, pajegi ustaıya artyq çajaıyan paşqa tabaqtar çajyıl-parıyan. çayys ol ol tabaqtan çirge pār odyrēvyza-berip, ajtqan: «ēzi qol saıwānda — qajde çiçen!» tēgen. ol ustaıdan pazoq erbektengen: «adanmoq çaqşy kiži poı. ten, po çayymya qançe qalyqty āzyrap, sendin çaqşy kižini āzyrān körbedim!» tēn.

ōzare körünüşpēn, ol ustaıya iğele odyryb āzyranıannar. çib-aıyp, çayys ol aıyş ajtqan. ēzi uıamna çaqşy aıynıan. anañ pararda — «ezen poızyn» tep ajdyb-aıyp, şyq-parıyan. anañ adynya minib-aıyp nanıyb-odyrza, pajegi pōzyn āzyran kēzi sōnda erbektençıyan: «çayys ol, ten, men myndazymoq, sen-me pırge-bim!» tēn. anañ iğele çōqtaıyp parıyb-odyrıannar.

anañ pajegi uıun qamya çedip kirgenner. uıun qam po küzezi çetkende — sıjlān. pajegi qam ajtqan: «mynda pər uıun qoçajyn çatça, tedi, pır-dā iştebençe, poıa çapsyq etti çiçe.» tep.

ol pelenni çipçıyan qoçajyn ol çayyş olıya pər qəzyıl çalaıaıyn quş sıjlap pergen. āny perçadyp ajtqan: «sen pelenōq çi, men pelenoq çipçam!» tēn. anañ pajeyoq egeçizinge kelgenner. anañ pajegi aıty azaqtyn aj qār'atty ēzingoq pər-saıyp, pōzynyn ady-ba nanēbysqan.

anañ nānyp, pajegoq üş qysqa qonıan çerge kelgen. anda pazoq edoq peleni çipçıyan pər qoçajyn poıyan. ol qoçajyn pō çayys olıya pər qyzyıl çalaıaıyn quş sıjlap pergen. anañ aıya qōnyb-aıyp, ol adyn qarçy pergen. pōzenyn adyn ezerleb-āl, nanyb-odyrzan. pajegi çibiçek edoq tēgelenib odyrды. anañ ēn çerge qonyb aıyp, erteninde pazoq pardy.

anañ paryp, orta tünge çayyn aıyanda — öbinge çetti. öbenin ežigi aıynya pās-kelze, öbinin ežigi közinegi çoq, tujuq stene pōı turçıyan. öbin üş qada ajlandyr-kelip, qyjıyrıany — aqçama steneden ežikter, köznekte körünışkelgen. an qaty ömnen-oq qyjıyrıan: «nō kiži-zin?» tep surayan. çayys ol: «men-min!» tep ajdyp, qyjıyrıan. anañ qaty üdere şyyp, körəp qarçı kirparıyan. çayys ol aıtyn ustaıdy ākırıp saıym ortazynya turıus-saıyan. anañ qaty — qajde çör-kelgenin — surab-odyrzan. eri, teze, çōqtap perib-odyrzan. am çōqtaıyb-aıyp, uzu-bergenner.

erten tura-la pajegi qoçajynyn oıly kiroq saıyan.

огорченный. «Ох, [говорил] отца моего огорчение пусть будет! Любезный Ульгень, золотой стол от нас отняли!» — говорил.

Теперь Одинокый парень, ничего больше не страшась, (домой) возвращался. Когда он по прямому пути возвращался, в одном месте единственный дом стоял. Одинокый перень проголодался. Доехав до того дома, (он туда) вошел. Лишь только вошел, сразу же намеревался поест. Коня в тени привязав, он вошел. [Потом,] когда он вошел, в доме ничего не было, только один окрашенный стол стоял. Одинокый парень есть захотел и сказал: «Я хочу есть!» [говорил]. [Потом] (какой то) человек заговорил: «Пай, пай! [говорил] Если (тебе) есть хочется, накормлю я тебя!» [говорил]. Как только проговорил, сразу же на давешний стол различные кушанья, превосходно приготовленные, расставляться стали. Одинокый парень, намереваясь ту еду есть, сказал: «Если хозяин руку не приложит, как без него есть!» [говорил]. Из-за того стола снова (кто-то) заговорил. «Какой ты хороший человек, [говорил] в моей жизни сколько народу я кормил, (такого) подобного тебе хорошего человека не кормил и не видел» [говорил.] (Они) друг другу не показываясь, за тот стол вдвоем сели (и) угощались. Поев, Одинокый парень поблагодарил, — хозяин еще больше этим доволен остался. Потом перед тем как ехать, (Одинокый парень) сказавши «Прощай», вышел. [Потом] когда он сел на коня и назад возвращался, давешний, кормивший его [самого] человек позади него разговаривал: «Одинокый парень, [говорил] я здесь же с тобою вместе!» — говорил. Потом вдвоем, (так) разговаривая, поехали.

[Потом] доехали до давешней великой шаманки. Великая шаманка, когда приехал [этот] зять [ее], (его) угощала. Давешняя шаманка сказала: «Здесь один большой хозяин живет, [сказала] ничего не работает, (а) вкусное (мясо) ест» [говоря].

Тот хозяин, который все готовое ест, тому Одинокому парню [одну] птицу с красным гребнем подарил. Ее давая, (он) сказал: «Ты готовое также ешь, как и я готовое ем!» [говорил]. Потом к давешней невестке приехали. [Потом] давешнего шестиногого карего коня хозяину он отдал, (а сам) на своем собственном коне возвращался.

[Потом] возвращаясь, в землю, где ночевал у давешних [же] трех девиц, приехал. Там опять [один] хозяин был, также (все) готовое евший. Тот хозяин [этому] Одинокому парню [одну] с красным гребнем птицу подарил. [Потом] там переночевав, того коня назад отдал. Оседлав своего коня, (он) возвращался. Давешний клубок ниток также катился.

[Потом] переночевав в пустынном месте, на другой день опять поехал. [Потом поехав,] когда время к полночи близилось, (он) до дому доехал. Когда (он) направился к двери дома, (оказалось, что) нет ни дверей, ни окон, сплошная стена стояла. Три раза дом [его] кругом обойдя, (он) крикнул, — откуда ни возмись, в стене двери (и) окна — одни за другими — видимыми стали. Его жена из дому закричала: «Что ты за человек?» — [говоря] спрашивала. Одинокый парень: «Это я!» — ей в ответ крикнул. Потом его жена ему

anan kirele, surady: «altyn ustaldy akeldin-bol?» čaγys ol ajtty: «qara-γyn sol parγan-ma, pō ustaldy kōrčadyp!» tedi. anan qočajyn oγly matap ačyγy kelip, šyγybysty. šyγyp, abazynγa ajtty: «čaγys oldy sen olčen čerge ysqanzyn, am čaγys ol altyn ustaldy tāboq ākeltir», tedi. am pōny qajder-bister!» anan qočajyn sałdardy čybaldy, čaγys oγly šaγlabyzarγa. anan sałdattar kelip ōbin ajlandera turubysqannar.

anan čaγys ol qočajynnér pergen qazył čalabany quštardy kōzānekteγ šyγara požadybysqan. anan ol quštar pajegi qaγyqty qyrybysqannar. anan ol quštar ol qočajynγ parčen nebelerin tügezoq tāzybalyannar čaγys olγa.

čaγys ol ułamna pajlap, ōbi altyn-ma kümüş-pēle syrłatyp, altyn ustaldyn oq połyp, čada pergenner.

навстречу вышла, посмотрела и назад вошла. Одинокий парень, внеся золотой стол, поставил (его) посреди пола. Потом жена его спросила: «Как съездил?» Муж ее рассказал. [Теперь] поговорив друг с другом, уснули.

Утром лишь только встали, давешний сын хозяина опять пришел. Как только вошел, спросил: «Золотой стол привез ли?» [сказал]. Одинокий парень сказал: «Твои глаза ослепли что ли, ведь ты видишь золотой стол!» [сказал]. [Потом] сын хозяина, сильно огорчась, вышел. Поднявшись на (гору, он) сказал отцу [его]: «Ты послал Одинокого парня в землю, где (люди) умирают. А Одинокий парень, оказывается, тот золотой стол нашел и привез! [сказал]. Теперь что будем делать!»

[Потом] хозяин собрал солдат, чтобы послать их воевать с Одиноким парнем. [Потом] солдаты, придя, вокруг дома встали. [Потом] Одинокий парень птиц с красными гребнями выпустил через окно. [Потом] те птицы давешний народ уничтожили. [Потом те птицы] все вещи того хозяина перетасили к Одинокому парню.

Одинокий парень, все больше богатея, жить стал. Дом его украсился золотом и серебром. Они жили, владея [также и] золотым столом.

IV. purunyu čooq.

16

pādəyan tag, ēzəniŋ očy oğly bolʻyan. olar iğele pašqa tajgaga qys qudaʻlap~parʻannar. ol dag̃dyn ēzi larʻa aragaʻlyg̃, ajaq pergen. oğly ol ajaqty aʻlb~aʻlyp, abazʻnan purnada ižibskən. anan abazy gānəgyp, paʻazyn šāpqaŋ. šapqaŋ ožyba tegein oja šābysqaŋ. an gany gōlčaq pōl aqqaŋ. pō gōlčaq sōl prasqa kırčār.

17

časqyda agašqa pūr šyqālaqta, čerge ot öskelekte tag̃dyn ēši anda qyjgyrčā. pazōq küskəde, ot qurup tūš pāryanda, agaštyn pūrū qurup enđeril~parʻanda tag̃dyn guʻaʻyy küsküde čaryq pōl~pārčā, — anda qyjgyrčā.

18

abʻyan pāzynda qāzyryŋ ačqa čörčitqamda tag̃, ēzi qyrčā: «pērē gel, tep, nō gižə~zin?» tēdir. men qyryšpān pārbysqam. qyryžybsqanda kižəniŋ qudun aʻl~paryp, tag̃, ʻa pektebiščē. ol gəži ede aʻlynyp, — ol~parar.

19

abāyanāŋ šyqqaŋ qajlozy tep sug̃dyn pāšynda qāzyryŋ tep tāssyʻ. anda ačyqtaŋ čörčitābys. aga ačyqtaŋ čörčitābysta tiŋ qadarčitqam. abij teze anan āry tiŋ kōr pārsqaŋ.

anan tiŋ qadar turčitāmda kəži pər qaḍā qoʻrān, iği qyrān. üžünčüde qyʻryššam. «mikit kel!» tep ajtčār. men aјčām: «čē, parām!» tepčām. pārb~odu~rāmda anda kəži čoq poʻlyan. abije tōyaš~pardym: «nōrek~keldin?» tēdir.

men aјčām: «sen qyrčynan āry kelgem.» anan kōrže, tajga ēzi qyrtyr.

IV. Рассказы и легенды

16

У хозяина горы Падыган младший сын был. Они вдвоем в другую тайгу девицу сватать пошли. Той горы хозяин им чашку с водкой подал. Сын его (хозяина горы Падыган), ту чашку взяв, прежде отца выпил. Потом отец его, рассердясь, ребенка [его] ударил. Как ударил, темя его пробил. Его кровь, ручейком сделавшись, потекла. Этот ручеек впадает в Соль Мрассу.

17

Весною, пока еще на дереве не распустились листья, пока еще на земле не выросла трава, — тогда хозяин горы кричит. Также и осенью, когда трава, засохнув, клонится, когда листья деревьев, засохнув, опадают. Уши горы осенью начинают лучше слышать. Тогда (снова) кричит.

18

В верховьях Абакана на Казыргане, на промысел когда я ходил, хозяин горы позвал: «Сюда иди!» [говоря] «Что ты за человек?» — говорит. Я не откликнулся, — ушел. Если откликнуться, (хозяин) душу человека уносит. Внутри горы и запирает. (Тогда) тот человек, [так] сойдя с ума, умрет.

19

В верховьях реки, называемой Кайлозы, стекающей с (хребта) Абакана, есть таскыл по имени Казырган. Там мы охотились. Когда туда на промысел мы ходили, я белку подстерегал. Отец же ушел [оттуда] дальше, белку выслеживая.

Потом, когда белку я подстерегал, (какой-то) человек один раз позвал, два раза позвал. Когда в третий раз я откликнулся: «Микит, иди!» — говорит. [Я говорю] «Хорошо приду!» — говорю. Когда пошел, там никого не было. Отца я повстречал. «Зачем пришел?» — говорит. Я говорю: «Я пришел, потому что ты меня звал!»

Оказалось — то хозяин горы кричал.

aṇṇap pārčadyp, kōrgem: šet arazynče qōrum tūš-pārtыр. oḷ γōrum orta-zynda tūndūk-čyḷaboq qar oյyk-partyr. oḷ oյuqtaṇ tūtūn šyγyb-odurčā. aga čet-paryp, kūrček-pəle qar suzūb-aḷyp, anāry urubystym.

urubəza bərıp, pārbystym. paryb-ōdurzam, sōmda kəži qyṛčā: «pōrügünⁿi perbezeṇ, iliginⁿi per!» tedir. men pirdā nebe perbēn pārbystym. pārčadyp, sōm-zāry kōrgenim — pajagy oյuqtaṇ kəži goḷūn šyγaryp kōdūsčā. oḷ ūš qada surān «pōrügünⁿi perbezeṇ, iliginⁿi per!» tep. men pōrügümni-dā, eligimni-dā perbēn pārbystym.

aṇ zōnda ačyqtaṇ kelgende aγry^m; qam qamnatqam. oḷ γam mēṇ gudumny rāq tajgadaṇ ākele bərđi. po taγdyṇ ēzi mēṇ qudumny āparbysqan bōḷtyr. men oḷ tūšterde pōrügümni ebeze iligimni peribisken bōlzam, men agōq ōl-pār edim. qam ājčā: āby^aγan tajgazynaṇ pēr taγdyṇ ēzi kelgen bōḷtyr toḷa-žarya. ōlar igēle tōḷaš-odurčātqanda men aga orta qar tūžürübiskemde oḷ qar ābyγan taγynṇ ēzenin garagynṇa orta tūš-paryan pōḷtyr. āṇ sōnda menēṇ nebe surān pōḷtūr.

21

qyšqəda qyžas-sāry pārčətqan poḷyam. taḡ ēzi mīnə qyjgyḷān. in uqqam: «qariton» qyryan. men in perbām. aṇ zōnda ibide abem ajtqan: «čəaqšy in perbēnin, anāry čabaḷ poḷar edə, aḷayar ēdin», tepčār.

22

qāsyр tep tajgada aṇnar qaḷyn poḷyan: aḷbḡga, tijin, qāṇdus, tūlgū, qōḷənaq, pašqa-pašqa aṇnardy ōdūrgenner. qōrumda kōp aḷbḡgaḷar aṇnyqqa qarqannar.

kūskū kelgende qar tūš-pardy. šanaḷaryn tāγrap, āsyq aḷyp, sōrtke-lerin tartyṇganče, oḷ tajgaga paryannar. oḷ tajgaga kelip, oḷaḡ turγuṣup, šāčyngannar. anaṇ aṇnā-pergenner.

aṇṇap čörüp, aṇnardy ōdür poḷbānčəḷar. pər ačyqčy kīši kūn toza aṇṇap čörüp, aga pirdā aṇ toγašpān, pirdā nebe ōtūrbēn. qāryšq^y poḷa pergende oḷaγyna nāndəra kelčitqan. qačān ōḷaγyna tebe kelčitqanda sandige qajā kele-pergen. qajāṇ ežigi ačyḷyḡ poḷyan. oḷ aṇčy giši aga kērgen.

oḷ γajaṇ išti oḷaḡ ištine čünūḡ poḷyan. anda araga ašyḷčətyr. kōp kišələr qart oյnapčətyrḷar. iյgiši taḷašyb-oturčətyrḷar. pirši-piršin sōḡūb-oturčətyr. pirši ajtčā: «mēṇ tajgamda aḷynda kōp aṇ poḷyan. kišələr mēṇ aṇna-

Охотясь, я увидел: среди густого хвойного леса россыпи камня упали. Между тех россыпей снег растаял, (и получилось) будто дымовое отверстие. Из того углубления дым выходит. Туда дойдя, кайком снег черпнув, туда насыпал.

Насыпав, ушел. Когда шел, сзади за мной человек кричит: «Если шапку твою не дашь, то хоть рукавицы дай!» — говорит. Я ничего не дал, ушел. Ид^я, я оглянулся — из давешнего углубления человек руку высунул. Он трижды просил: «Если шапку твою не дашь, [твои] рукавицы дай!» — говоря. Я ни шапки, ни рукавиц не дал, — ушел.

После, когда с промысла пришел, заболел. Шамана заставил камлать. Тот шаман мою душу из далекой тайги принес. Оказывается, этой горы хозяин мою душу унес. Если бы я в то время [мою] шапку или рукавицы отдал, я бы там же умер. Шаман сказал: «В то время из Абаканской тайги один хозяин горы пришел (с другим) рассчитаться. Когда они вдвоем рассчитываясь сидели, я [в то время] снегу туда сбросил. Тот (ком) снега хозяину горы Абакана прямо в глаз попал. После этого он стал просить у меня вещи».

21

Зимой к реке Кызас я шел. Хозяин горы меня позвал. Голос я услышал: «Каритон!» — кричал (он). Я не откликнулся. После этого, дома отец сказал: «Хорошо, что ты голоса не подал, иначе худо бы было: ты б сошел с ума».

22

В тайге по имени Казыр много зверей было. (Там) соболя, белку, выдру, лисицу, колонка, различных зверей убивали. В россынях много соболей в сеть попадало.

Когда осень пришла, снег выпал, (люди) лыжи починили, запас взяли, волокушу за собой волоча, в ту тайгу пошли. В ту тайгу придя и балаган поставя, моление совершили. После того стали промыслять.

Охотясь, зверей убить не могут. Один охотник [-человек] целый день [охотясь] ходил, — ему ни один зверь не попался. (Он) ничего не убил. Когда темнота наступила, (он) к балагану направился. Направляясь к балагану, к отвесной горе подошел. Дверь этой скалы открытой была. Тот охотник [-человек] туда вошел.

[Той] скалы внутреннее устройство на юрту было похоже. Там гнали водку. Много людей сидело и играло в карты. Двое ссорились. Друг друга бранили. Первый из них сказал: «В моей тайге прежде много зверя было. Люди моего зверя много убивали, тем сыты были. Ты меня обыграл, скот

maǵlarymny poşunnuñ tajgañğa köçürbüstün, am teze, kişilerim aňnap çörüp, pirdä nebe ödür poǵbāñçalar. aştā pererler». köp kişi qyjgyryşçytqannary uyuǵdu: «paşoq ojnaryǵa kerek», tep, qartaryn šelībistiler. ijginči kişisi qatqyryp ajtty: «oǵ nō saǵar! aň guş çoq!» paştapqəşy ajtty (oǵ ǵasyr tajgañ ēzi). «qystarymny saǵyp, pōşumnu emdegimni kōşūbe saǵarym!» anañ paşoq ojnāberdiler.

qāşyr tajgañ ēzi udub~aǵ, qatqyrbyşa per, qartaryn šeləbisti: «am, tedi, sēñ tajgadagy aň guşunnu nāndra kōčür-kör!» aň qātqysəna tajgada saǵyn saǵynap, čaš agaštar pōgüldüler, čōñ agaštar myčýraš-turduǵar. oǵ qatqyǵa aňçy kəşi qoruqqan oşuba oǵ tajgañ ištinen šyqty. odaǵana kəlep, oǵ kerekti ajdaryǵa qoruqqan. erten aňçyǵar aňnap~parýannarda ǵaryǵa paşqa-paşqa aňnar toǵaşqannar. köp aňnar ödüre pergenner.

qačān aňnap kelgenerde-pər apšij kəşi ajtty: «po tagdyn ēleri qart ojnagannar. qart ojnāp kelip, aňçy kişige aň-guş ysa pərčālar».

23

luqa āčqa parýanda teren şuǵ-ba tomnuñ iǵi arada pər ǵajada quj poǵtur. oǵ oǵ qujga kirēge tapyt kezib~aǵyp, tōstan ödus pyşqy edib~aǵyp kirgen.

oǵ yujče (quj išti-be) para-para, aň pyşqyzy četpēn ǵaǵyan — tōzyǵparýan. oǵ yuj ištinde, qym üstünde uǵuǵ kičig čōǵ pildirgen. čyǵazaq azaqtar sarbaštary čōǵu kōrungen. oǵ čōǵlardan arý myndyn-oq čaryq čer kōrünčatqan. tynda rāq ebes anañ arý kirip, anañ kōrgenin — nā qazan āzyp, araga tigip, anyñ izigi-be ēzip ezirgəlep, uǵuǵ-kičig kižəler serkiškilepčy~tqannar. anda kičig šaraǵar, kičig stakenner, uǵuǵ yşqaptar poǵtyr.

oǵ anañ arý kirege etkeni—pər šaň oşqaş taş āzyǵyp qyjberāñ turčūyan. any kōrb~aǵyp, mynañ arý paržam, po taş sōm šaǵa tūžup tuǵlabəzar, tep, parbān. anañ qarčy nān-şyq-kelgen.

24

kōbes tajgaga āčqa pardym. qarā usčādyp, orta tūn sār~parýanda usqan kəl, kōrgenim — odaǵ, ežiginde pər ǵys, pər oǵ tura-heritirler-. oǵu aq poǵda pōrük kēs~saǵtyr, qəzy aq pǵat tartyn-saǵtyr. anañ aby~mny usqādyp, işpēn abyrtqadan ilgende — čoq poǵ parýannar.

tagdyn ēzi er-le ǵižəniñ ǵudun aǵčā. təži ǵižiniñin aǵbāñčā. tag, ezi pərezi er, pərezi epči poǵčā. epčiži er ǵəžiniñ ǵudun qāpče qoža er edinerge.

мой в твою собственную тайгу перегнал; теперь же мои люди на промысел ходят, ничего убить не могут — (они) голодать будут!» Слышно было, как много людей закричало: «Снова играть надо!» (Так крикнув) карты швырнули. Второй (из споривших) человек захохотал и сказал: «Что ставить он будет? Зверья-птицы нет у него!» Первый из них (из спорящих), хозяин тайги Казыра, сказал: «Дочерей моих поставлю, себя самого с женой [моей] вместе поставлю!» Потом опять стали играть.

Хозяин тайги Казыра выиграл, засмеялся, бросил карты и сказал: «Теперь [сказал] из твоей тайги [находящихся] птицу-зверя обратно гони-ка!» От его смеха в тайге ветер подул — молодые деревья пригнулись, толстые деревья затрепали. Этого смеха охотник сильно испугался. Из глубины чащи тайги вышел, к охотничьему стану пришел, об этом рассказать боялся. Утром, когда охотники отправились промыслить, им разные звери попадались. Много зверей убили.

Когда с промысла вернулись (и стали рассказывать), один старик [человек] сказал: «Это хозяева гор в карты играли. В карты играя, охотнику- [человеку] зверя-птиц посылают».

23

Когда Лука на промысел пошел, при слиянии реки Терен-су с рекою Томь в скале одна пещера оказалась. Чтобы в ту пещеру войти, он ступеньки вырубил, из бересты тридцать факелов сделал и вошел (внутри).

Внутри той пещеры шел-шел, факелов его нехватило — все сгорели. Внутри той пещеры на неске [большая-малая] трона показалась. Следы пальцев [ног] видны были. Дальше за этими следами светлая земля показалась, такая же, как наша здешняя. Немного подальше он увидел: новый котел был подвешен, там водку гнали: ее [теплоты] напившись, (люди) опьянели; старые и малые (люди) плясали. Там маленькие чаши, небольшие стаканы, большие шкафы были.

Он хотел пройти еще дальше, (но увидел) — один подвешенный камень качался как колокол. То увидев, не пошел, говоря: «Если отсюда дальше пойду, этот камень меня пропустит, сзади меня упадет и дорогу загородит». Дальше не пошел. [Потом] обратно вернулся и вышел (наружу).

24

На промысел в тайгу Кобес я отправился. Ночью, когда спал (и) когда миновала уже полночь, у двери шалаша одна девица, один парень появились. На парне была надета белая огромная шапка, у девицы белый платок повязан был. [Потом] (тогда) отца разбудил (и) свежей абырткой, из которой никто не испил, покровили кругом, — они исчезли.

Хозяин горы женщина душу только мужчины берет, женскую душу не берет. Одни из хозяев гор — мужчины, другие — женщины бывают. Женщина душу мужчины ловит, чтобы мужем (его) сделать.

tört kiži qān tēgri-zarý annap-parýannar. oł gižilerdin pērēzi pōstan kēži połyān. āčyqtañ nānčādyp, mātyr peltēri altyna ĩgi perste połar čerde ābyyanñ arýzynda qongannar. ĩrde ōdurčētqanynda pēr ýys kēži kelip surān: «mynda pōstan kiži par-ba?» tep. pēr arýštary ajdybýsqan: «pōstan giži par!» tep. ede ajtčýtqanda pir arýštary oł ajčyñan kizēniñ aqsyn čār-šýra tuđa manñanmān gałyān. anañ oł ýys postañ ōldy kelip, qołēnāñ čēdinib-ałyp, appārbysqan. qałyān arýštary čolyn kōrgenneri — sug gāžyn-ya-ła kire partyrılar. anañ āry čolıaryñ tappan gałyannar. anañ-na ūžele ūglerēne nāñbysqannar.

tag, ēzi qýryanda pilčyñan kēži qýryšpānča. pilbēnčyñan kižiler qýryšybýsqanda tag, ēzi āparbysčā. oł gižini ajttyrbān, aqsyn čāpšēra tudubsqan połza, oł pōstan ōldy apparbas ēdi. oł ōldy aqtap tappān šałyannar.

tag, ēziñ emčēgi ulug. oł ýaran ēr edinerge kižige kelip qojnaš-čāča. pilčyñan giželēr ĩgi emčēginēñ tudub-ałyp, āñ-oq pāžynāñ āžra šelibsčālar. ede etkende: «sen mēñ erim połbāndyrzyn!» tep, pārbysčā. kēži abyrtqa-ba šāčynmānda, emčēgin ede etpēnde oł tag, ēzi gudun qāp apārbysčā. āñ zōnda oł gēži ałynyp, qāmnap, sarnā-berdi. ede połyp, anañ čōre-cōrē ōl pārcā. pazōq ajčā: men tag, ya čōrčām. čiš čibēnča. ēde ōl-pārcā.

pir kiži annap čōrgen. ĩrde (ĩr čēt keldi) odun ałb-ałyp, odunnu kezib-ałyp, odağ, ya tašyñan. tajgaga kiži ūktep šyqty. pir tiži kiži aga keleben. oł gēži čyłaš połyān.

aga kelgende epči kiži ojnap kelip, oł kižini qyłčyγaštady. ančy qoruqqan. anañ šōnda ot ištep sałyp, qazan ašyłb-āl, tabaq čib-ałyp, ančy ottun pēr čanga ōdur-sałyān, oł epči kiži teze ōtēre ottāñ āšēra ōdur-sałyān. ušurya teze ančy qōruqqan. anañ oł nō-ła połza, oł połzun tep, — myłtygyn ałb-ałyp, oł epči kižiniñ emček arasyn kōr-kelip, ādybsqan. oł epči kiži čoq pōlbusqan.

āñ šōnda ančy tajgaga paryp kōrze, qarda qan gałtyr. pō epči kiži tag, ya paryanda, anañ oł tag, dyñ ištinde qystary syqtašqannar: «qanče-qanče

Четыре человека к хребту Хая-Тегри охотиться пошли. Один из тех людей был холостой человек. Возвращаясь с промысла, (они) заночевали на острове на реке Абакане, двумя верстами ниже того места, где с ней сливается р. Матур.

Когда они вечером сидели, какая-то девица-[человек] подошла и спросила: «Здесь холостой человек есть ли?» Один из товарищей сказал: «Есть холостой человек!» И когда (он) так говорил, ни один из товарищей не успел зажать рот тому говорящему человеку. Потом та девица [придя] холостого парня за руку взяв, увела. Когда оставшиеся товарищи посмотрели, — (эти) следы доходили только до берега реки. Дальше следов не нашли. Тотчас же втроем домой вернулись.

Когда хозяйка горы зовет, знающий человек не откликается. Если же незнающие люди откликнутся, хозяйка горы (их) уводит. Если бы тому человеку не дали говорить, и если бы ему закрыли рукой рот, (она) того холостого парня не увела бы. Того парня совсем не нашли.

У хозяйки горы Сольшие груди. Она ночью, когда к человеку приходит, чтобы сделать его своим мужем, обнявшись, с ним ложится; знающие люди, обе груди ее подхватывают и через ее же голову их перекидывают. Когда так сделают: «Ты моим мужем не станешь!» — говоря, уходит (прочь). Когда (так не поступят и потом) абырткой не покропят [и с грудью так не делают], та хозяйка горы, душу схватив, уносит. После того тот человек схолают, та хозяйка горы, душу схватив, уносит. После того тот человек схолают с ума, начинает камлать и петь. Ходит и ходит (кругом) и потом умирает. Еще говорит: «Я ухожу внутрь горы!» Пищу не ест (и) так умирает.

Один человек охотился. Вечером дрова собирал; дров тех нарубив, к шалану таскал. В тайге (кто-то) крикнул. Тогда какая-то женщина [-человек] к нему пришла. [Тот человек] то была голая женщина.

К нему придя, женщина [-человек] стала играть с охотником и щекотать его. Охотник испугался. После этого развел огонь, повесил котел, еду поел; охотник сел по одну сторону огня, а та женщина [-человек] напротив, по ту сторону огня села. Заснуть же охотник побоялся. После того он сказал: «Будь, что будет!» — [говоря] ружье взяв, в ту женщину, между грудей прицелясь, выстрелил. Та женщина исчезла.

Когда после этого охотник в тайгу пошел и посмотрел, (он увидел) на снегу кровь осталась. Когда эта женщина [-человек] ушла (внутри) горы, [потом внутри] в той горе девицы рыдали: «Сколько-сколько охотников мужьями сделав, разве ты не насытилась? К этому охотнику зачем пошла,

añçylar er edinip tōspanzyn-ma! oñ adyg-çyğa nō paryanzyn, am ättyp-saldyn. tagdan sugdan tēlep čörčütqannardy ödürerge etkenzin. parba, parba tep ajtqanmys. am attyp-saldyn!» añçy qarçyğajla teşibisken. teşip, ėmine nān-kelgen.

28

pēr qātap āčqa paryanda ābyyan pāžynda qāzyryanda čörčädyp qōn-çyğanbys. qōnčädyp, qarā körb-ağam odağ, taštynda pēr çys turçyğanyn. oñ çys iği çyğlaš emčigi sarbajp, pāžynda aq plattyğ, turçyğan. āny körib-ağyp «po nō gēži kele-berdi?» tep ajttym. ede ajtqanym — oñ çys t'juqa sōrsup yğab-al čörbisken. any körib-ağyp, abymny usqattym. usqadyb-ağ, ajttym: «po nō gēži kele-berdi?» tep. ābym turup, išpēn abyrtqadan ilibisken. anañ oñ çys paza körünmēn paryan.

čurtunga nān-kelgende pēr apšij kiži piske ajtqan: oñ çyğlaš çys kiži edele annap čörgen giželerge kelçen. kelip-le añçylardy qyğyğaştap-al čörbisçen, añ pāžynda yğardy qoğdurb-ağyp apār čödür-zağçen. ölgen paštarynda erlençen. tag kižizi časqyda ağaş tekperi tūš-paryanda körünča.

29

postanaš pašsik (kalōda) qataryan. ertēn turup šyq-paryany — kalōdanyñ qyryjynda tiži kiži turčutqan. qeşyğ plattyğ, uşun šaštyğ, qağat čoq, kūnjekče-le. postanaš, qyjgyryan: «qudayaj, pērə kelip, šaj iš». tēgen. oñ postanaš kedere körüp, qātēnap körgenin — tiži giži turyan čerinde cōğyğ anañ postanaš qōrūyubūzā-bergen. paštap sanayan kēši dep, anañ sanayan po tag, ēši pōłtyr.

30

añ şorujunda mojtakop apšij añ qataryan. anañ qōnaryğ kelgende kiži sygyryan. oñ erten nangan şōnan paşoq kēši sygyryan. anañ oñ erbektengen: «oñ kiži-be, čoq ajna-βa?» surayan şōnda ajtqan: «men tag, ēši gysy-myn; men saga pararyğ sanapčam». apšij qōruq-kel, anañ ajtqan: «sen maga körün. tag, ēši men qajde ağarym!»

anañ oñ çys körünge: kōk čaşyğ torçu kūnneginin keşegi, aşagynyñ čany taş potinkeliğ. «sen meni ağ» tep, paşoq ajtqan: apšij tyn qōrūyubūşa perip, tesken. oñ ijgi perste paryan şōnda tag, ēši paşoq ajtqan: «sen meni ağ» meni ağzan, paj pōłarzyn. ijgi oñ, ijgi çys tuğarbys; alyş-sağzabys, čoğ

теперь ты застрелена! Охотников, промысляющих в горах и на воде, ты (вновь) убивать хотела! Не ходи, не ходи! говорили мы. Теперь ты застрелена!» Охотник поскорее убежал. Убежав, обратно домой пришел.

28

Когда однажды на промысел (мы) отправились, в верховьях Абакана, на горе Казырган ходя, мы заночевали. [Ночуя] ночью я увидел — снаружи балагана [одна] девица стояла. У той девицы торчали две голые груди; голова была повязана платком, (так) стояла. Ее увидя: «Это что за человек пришел?» — [говоря] я сказал. Когда я так сказал, та девица стала тихонько всхлипывать. То увидя, моего отца я разбудил. Разбудив, я сказал: «Это что за человек пришел?» [говоря]. Отец мой встал и покропил непочатой абырткой. После того та девица, вновь не показываясь, ушла.

Когда в стойбище вернулись, один старик[-человек] нам сказал: «Эта голая женщина обычно так к охотящимся людям приходит. Лишь только придет — щекотать начинает, после того заставляет за нею следовать. Уведя — убивает. После того, как они умрут, делает их своими мужьями». Хозяева горы являются людям (и) весною, когда лежащий на ветвях деревьев снег начинает опадать.

29

Постанаш на пасеке колоды сторожил. Когда утром, встав, вышел, — у одной колоды женщина стояла. В красном платке с распущенными волосами, без халата, в одном только платье. Постанаш крикнул: «Сватья, сюда приходи чай пить!» [сказал]. (После того) [тот Постанаш] глянул в сторону [еще раз посмотрел]: женщины на том месте, где она стояла, не было. Потом Постанаш испугался. Сначала думал, что то была женщина, потом понял, что то была хозяйка горы.

30

На солонце, где подстерегают оленей, старик Мойтаков (сидел и) зверя сторожил. Потом, когда пошел (в балаган) ночевать, (кто-то) свистнул. После того, как он утром стал возвращаться домой, опять кто-то свистнул. Потом он сам с собой разговаривал: «То человек ли или айна?» Когда это выговорил, (дух) ответил: «Я хозяйка горы дочь! Я за тебя замуж выйти хочу!» Старик испугался, сказал: «Ты мне покажись! Хозяйку горы как мне брать (в жены)!»

Потом девица показала: половина тела в зеленом переливчатом платье, ноги в каменных сапожках. «Ты меня возьми!» — [говоря] снова сказала. Старик сильно испугался (и) побежал (прочь). После того как он отбежал две

čörüp moʻabassyn, men seni aşyrarım, ten, meni alʼbassan, ölerziñ. meni alʼzan, ölbessin, tirig qalarşyn; uluġ. paj poʼlarşyn!» tēn. apşıjdyñ četton čas poʼltur. apşıj ajtqan: «men seni alʼyp, qajde qonarım» tep. anan apşıj ajtqan: «sen maga kōrün tʼjuynma».

oʼl ġys anan kōrungen, abaqaj ġys poʼlan. andyġ-oq kişi şyraklyġ. mātap kōrze: qoʼlu tyrbaqtyġ. anan mātap čāġyn kel kōrgeni — tişi qoza-nyjy — qōzan uşqaş. anan oʼl paskotine čēt, iştine kir kelgende oʼl ġys syqta-syqtā nana-bergen.

31

pər ġəzi annap čörčāt, irde odana kele-bērıp, qajlap odurčyğan. agaş arāžənan pər ġys paʼazy şyq-kel, an ot qāžyna ođur-saʼlan. oʼl ġys paʼazy mātap tynnap kēl, nybaq uyub-ođurčyğanda agaş arāžynan şyġyp, iġi kəzi kele-bergenner. kele-bēr, ʼardyn pīrēzi pō ġys paʼazyn matapla qāny-bergen: sen mynda nybaq uyub-ođurčen, mēñ deze aq tujgaqtyġ-asqyrym pistiñ sānan şyq-partyr.

ertendā ġün ančyn čolū čolalʼan: aq tujyaqtyñ syn ođurb-aʼlan.

32

oʼl ġiži purunda ačqa čörġen. čörġen pažynda alʼbaġa ođur-poʼbānčaʼlan. pər alʼbaġa qōrumya tūš-paryanda, aga čip ebere saʼb-aʼyp, qadarčattār. odanaş ēt-saʼyp, qaran ođurʼan. anan kōze alʼb-aʼyp, qāġyp qajlap ođurʼan. qāġyp ođurčādyp, ēzik taštyn-zārý kōrze, ođun pažynda pər ġys odurčattār. «men, sēñ ġājynġa kōlenip, uġarya keldim!» anan ajtqan: «sen alʼbaġa annap-poʼbān-čyğanda, ērten cibini kōrzen, cibinʼin pažynda alaş qāp-paryan poʼlar. oʼl alaş qāp-parza, anyn pažančyzy oʼl poʼlar, tēn, anan ačqa čör kōrzen — pilerziñ!»

ērten čibin pār kōrgenin — čibiniñ pažynda pir alaş qāp-paryan. āġa turčuza, alʼbaġa qōrumnan şyġyp, čibine oraʼ-paryanda ođurb-aʼlan. an zōnan ala ačqa čörze-le, alʼbaġa ođurčyʼan.

версты, хозяйка горы снова появилась и сказала: «Меня возьми! Если меня возьмешь, богатым станешь! Два сына, две дочери мы народим! Если мы поженимся, ты не будешь на промысле мучиться, я тебя кормить стану! Если ты меня не возьмешь, то умрешь! Если меня возьмешь, ты не умрешь, живым останешься! Великим богачом будешь!» — говорила. Старику было семьдесят лет. Старик сказал: «Тебя взяв, как я ночевать стану?» [говоря]. Потом старик сказал: «Ты мне покажись вся целиком!»

Та девица потом (снова) показалась: была она красивая девица. Лицо у нее было как у человека. Поглядел поближе — руки ее с когтями; [потом] когда ближе подошел и посмотрел — зубы были похожи на заячьи. (Тогда он ушел и) добрался до изгороди. Когда внутрь (изгороди) вошел, та девица зарыдала и стала возвращаться назад.

31

Один человек охотился; вечером (он) пришел к балагану, уселся и стал играть на комысе. Из чащи деревьев вышла одна девица и уселась у его огня. Та девица слушала внимательно пение и сказку. (После того) из чащи деревьев вышли (еще) два человека. Придя, один из них эту девицу стал сильно бранить: «Ты здесь сидишь и слушаешь сказку, а мой белокопытый жеребец из нашего счета вышел!»

На следующий день охотнику удача была: марала убил с белым копытом.

32

В старину тот человек на промысел ходил. Долгое время промышляя ходил — соболя убить не мог. Когда один собо́ль в россыпи спрятался, (охотник) на том месте сеть расставил и сторожил. Сделал маленький балаган и засел. Ночью сидел и подстерегал зверя. [После] взяв ожег, играл (на нем), напевая.

Когда сидя (и) напевая сказку, поглядел из двери, на (его) дровах [одна] девица сидела. «Мне твоя игра понравилась, пришла послушать!» — (говорит). После сказала: «Ты соболя убить не мог, утром сеть твою по-смотри; — в твоей сети дятел пойманным будет! [сказала]. Тот дятел, когда попадетсЯ, он будет первым из (пойманных) зверей! [сказала]. [После] когда на охоту пойдешь — узнаешь!»

Утром отправясь, сеть смотрел — (он увидел, что) в сеть [один] дятел попался. В то время, когда он (охотник) стоял, собо́ль вышел из россыпей (и) запутался в сеть; он (его) убил. После этого, как только на промысел выходил, (всегда) соболя убивал.

p̄ir giži kemčik tajgā āčyqqa paryanda tük nebe òdūr-bołbānčıtqan, qaran ođana òdyrčādyr, quzuqtañ qaj gobys edib~ālyr, nārpaq' qajlap sał òduryan. òdyn~an giži čyłaboq edib~ālyr, pōžynan òdre tik-sałyр, kültüştin čerine četkende — edoq kül-sał-òdyryan, qunanyştyn čerine četkende — qunansał-òdyryan.

ede qajlab-òdyrza, p̄ir sār'attyn gəži odağ ēžigine kelip, aдын toqtat, tüşken. tüş-kelp, ajtqan (er gəži bołyan): «sen nārpaqčy gajčy gəži bołtyrzyn!» teb~ajtqan. ede ajdyb~ālyr «tañda bazoq nārpaq sałdərara gələm!» tep ajdyb~ālyr, pārbysqan.

İginči gününde-pazoq' oloq sar'ady-ba kelgen. kelip pararda «pazoq üžünčü gününde kelerim», tep ajdyb~ālyr, pārbysqan. üžünčü gününde bazoq oloq sar'ady-ba kelgen.

kelib ajtqan: «pis içem-bəle čöpteščābys, sen tağdan nebe tār połbān iştin qarylčātır». içezi oł oylun čöqtađara yscātır. oł oylu kelip čöqta-berčātır: «sen tañda, köze ałb~ālyr, tasqylıa šyq. anda tañ ēžigi połar. oł tağdyn ēžigine sapoqtyn gižəler čörgenner połar!» tep ajtqan. «sen oł ēžiktin ary (iškere) kirbessin. anda turča~tsan, oł ežik-če ałba~gałar šyqla čadarlar. sen oł közen-me oł ałbağalardan pōžyn čügüne-ženə šab~ałarzyn!» tēn.

erten oł gižinin ajtqan~byla közezin ałb~ālyr, tasqylıa žyyp, tañ ežigənen alynda turčytqany — ałbağalar šyqla čātqannar. oł gəži köze-be čününge četərə šāb~ālyr, ođana ēn-paryan. anan oł giži čurtunıa gelip, oł ałbağalyardy sadyp, čurtaр pajlap čada-bergen.

pər giži kemčik tajgazynıa āčqa pārtır. āčqa pāryp, nebe tār~połbān-čātır. nebe tār~połbān oł gəži muqančātır. anan quzuqtañ qagłajənan qobys edib~ālyr. anan irde ołur-kelip qajlapčātār.

anan qajlap~òduryanda pər γys tağdan keltir. «sen mātap mā~qan-čatırzyn! teptir. anan oł γys ajttır: «sen tañda erten po tağıa šyγarzyn. oł tağdyn ēžik połar. teptir, aga kėrerzin. men anda òdyrčyn połarym!» oł γys anan pārybystır.

oł yonuqty qonub~ālyr, oł tağ-zarý šyqtyr. anan oł tağdyn ēžigin šyyp körze, ežik azylyğ. połtyr. anan ğirip körze, oł γys anda òdyrčyan połtyr: «sen mēni ałarzyn-ma? teptir «pistig kiži tağdan qysty qajdet ałčen!» oł γys ajttır: «ał, mēni ałzan, myndig qomaj qonuqty körbessin, tep, üš čyly

Когда один человек на Кемчик, в тайгу на промысел пошел, (ни одного) пушного зверя убить не мог. Ночью в балагане сидел; сделав из кедра комыс, играл-напевал и рассказывал сказки. Из дров [похожего на человека] деревянного человека сделал и поставил напротив. Когда до смешного места в сказке доходил, смеялся, когда в сказке было печальное — печалился.

Когда он так играл, к двери балагана [один] человек на рыжем коне приехал; коня остановил (и с коня) слез. Мужчина — человек был. Сойдя с коня, сказал: «Ты, оказывается, сказочник! Завтра снова заставить тебя рассказывать сказку приду!» Так сказал (и) ушел.

На второй день опять приехал тот же на рыжей лошади. [Придя] перед тем как уехать (сказал): «Снова на третий день опять приеду я!» — сказавши так, уехал. На третий день опять он же на рыжей лошади приехал.

Приехал (и) сказал: «Мы с матерью [моей] разговаривали: ты из горы пушнины не мог добыть, оттого печалишься». Его мать (хозяйка горы) сына [ее] к охотнику послала разговаривать. Тот сын ее, придя, говорил: «Ты завтра ожег возьми (и) поднимись на хребет горы. Там будет дверь в горе. У той двери горы следы людей, обутых в сапоги, видны будут [говоря сказал]. Ты за дверь дальше [внутри] не ходи. Если там будешь стоять, через ту дверь соболя непрерывно выходить будут. Ты той палкой [из] тех соболей убей, сколько [сам] сможешь унести!» — сказал.

Утром, как было сказано тем человеком, (охотник) взял ожег, поднялся на хребет и стал перед дверью в горе. Соболя непрерывно один за другим выходили. Тот человек (охотник) набил палкой соболей, сколько мог на себе унести. К охотничьему стану спустился.

Потом [тот] человек к своему стойбищу придя, тех соболей продал, жить-богатеть стал.

Один человек в тайгу Кемчик на промысел пошел. Промышляя, бродя (по тайге), он пушнины добыть не мог. Пушнины найти не мог, (оттого) тот человек печалился. Потом из верхнего слоя кедра комыс сделал. Затем вечером, сидя, играл.

Когда (так) играя сидел, одна девица из горы пришла. «Ты очень сильно печалишься!» — говорила. Потом та девица сказала: «Ты завтра утром на эту гору поднимаешься. У той горы дверь будет, [говорила] туда ты войдешь, я сидеть там буду!» [говорила]. Та девица [потом] ушла.

Он одну ночь переночевал, вышел, направляясь к той горе. Когда под-нявшись на дверь горы взглянул, дверь открытой была. Потом, когда вошел и поглядел — там та девица сидела. «Ты меня (в жены) возьмешь ли?» — спросила. «Человек, подобный нам, из горы девицу как может взять!» (охотник ответил). Та девица сказала: «Возьми! Если ты меня возьмешь, такой скуд-

şygara kızıge ajtpas polzan, parām!» teptir. anan «ajtpessim» tep, ol ançı ajtqan. anan iğele tagdan şygyb~alyp, pārtırlar. pārcādyp, ol şys ol giženiñ garagyna körinçattır. paža giženiñ garagynğa körünmēñcattır. ol gižiniñ çurtunğa qade keltirler. anan qonub~odursāler. ol giži annap čörze, nō-da annardy tāptyr.

ol kiži pajlāptyr. anan kiželer suraptyrlar: «sen qajde ede pajlāpčāzyn?» ol giži ajtpāndyr. üš çyłğa čet-parā čörgende pēr toj poltyr. ol tojga paryp, ēzir-pārtır. kiželer āny sōkaleptirler: «sen, ālyg, qajde ede pajlāpčāzyn?» ol ançy ajttır: «sler men-čālep tagdan kiži aldār-ba?» teptir.

anan çurtunğa kelze, epčizi ajttır: «sen nō tep čōqtadyn?» teptir. — «čōq, men nebe čōqtabedim!» teptir. — «čōq sen čōqtadyn!» tep. «sen am, ālynda qajde qonγāzyn, edōq qonarzyn! men qajdan kelgem, anarōq nanarym. sen ajtpān polzan, po čaşqa paj qonar ēdin. am men parčem!» anan-na ol čōq polbysqan. anan sōnda pēr čārym çył qonγanda ol nebeleri tōzyłyp — ürep~parγan.

35

pēr artel pādın tajgazında annap čörgen. irde ançyılar odaga ēn-kelip, apşijdy nybaq ystyrdyrlar. anan uzū-berdiler. tünde odaga tižig~şişi keldi. apşijdy qyra-berdi. apşij ün perbedi. otqa oduñ şaıyp, tünü-be oður şyq~pardy.

erten odagdan şyqty. myłtygyn aşynγanče şygyp, ānnap guştap pārsty. qōrumğa četti. qōrumda tündük uşquş qōl poltur. qyryγında qar ēr-partır. tündükten ijgi albyga şyq-keldiler. taşqa kīrip čāzynmystylar. ançy kişi čayñnap kelip, tündükten kōrgenin — tag, iştinde tižig~gāzi odurčattır. ān gyjynda albygaılar kōp poltur. āny kōrgen apşij ol tagdan odagyna pārbysty.

tag, ēşi albygaıardy oštürüp, ançyılarğa ystyrčā. kōlengen ançyılarγyna kōp pērčā. tündügüñen albygaıardy şygarčā. āçyqqa parar ālynda epči-be qonγanda tag, ēşi albyga perbenčā.

36

ālynda ulūg, tag-tajga polγan. ol tajgada an-guş kōp polγan. tijin, albyga, paşqa-dā annar kōp ođurb~oduryannar.

četti kēzi tajgada annap čörgenner. odagdan şygyp-la, kōp, paşqa-paşqa annar ođurb~oduryannar. ançyılardyn araşēnan pīreşiniñ čolu čōlaıbān. anan āra an işti gōm-pōla pergen. odagyna erte ēn-kelip, ulūg, ot et-şaıyp,

ной жизни не увидишь, если в течение трех лет никому не скажешь, я за тебя выйду!» — сказала. «Не скажу» — охотник сказал. [Потом] они втроем из горы вышли (и) пошли. Когда они шли, та девица глазам охотника видимой была, для глаз других людей невидимой осталась. В стойбище того человека вместе пришли. После того как они переночевали, тот человек как охотиться пойдет — любых зверей наловит.

Тот человек богател. Потом люди спрашивали: «Как это ты так богатеешь?» Тот человек не говорил. Когда три года к концу доходили, одно пиршество было. (Он) на то пиршество отправившись, напился. Люди над ним издевались: «Ты, дурак, каким образом так богатеешь!» Тот человек сказал: «Вы разве, подобно мне, из тайги девицу брали?» [сказал].

Потом, когда в свое стойбище пришел, его жена сказала: «Ты о чем [говоря] сказывал?» «Нет, я ничего не рассказывал!» — сказал. «Нет, ты рассказал. Ты теперь, как прежде жил, опять жить станешь. Я откуда пришла — туда же возвращусь. Если бы ты не сказал, всю жизнь богато жил бы. Теперь я ухожу!» Потом сразу же она исчезла. Когда затем полгода прожил, [те] вещи все пропали — тот человек обеднел.

35

Одна артель в тайге Падын охотилась. Вечером охотники к балагану спустились; старика сказку рассказывать заставили. Потом уснули. Ночью к балагану женщина пришла. Старика звать стала. Старик не откликнулся. В огонь дров положил, всю ночь напролет просидел.

Утром из балагана вышел. Выйдя с ружьем, отправился охотиться на зверей и птиц. К россыням пришел. В россынях подобное тундюку отверстие — пустота была. По краям снег оттаял. Из тундюка два соболя вышли. В камни войдя, спрятались. Охотник, подойдя ближе, через тундюк поглядел — внутри горы женщина сидела. Около нее соболей много было. Увидя это, старик от той горы к балагану своему направился.

Хозяйка горы, соболей выращивая, охотникам посылает. Охотникам, которые ей понравятся, много дает. Через тундюк соболей выпускает. Если перед тем как на промысел отправиться с женщиной снят, хозяйка горы соболей не дает.

36

Прежде большая гора-тайга была. Зверей и птиц в той тайге было много. Белку, соболя, а также других зверей много убивали.

Семь человек охотились. Как только из балагана выйдут, много разных зверей убивали. Один из охотников не имел удачи, [поэтому] он горевать стал. Обратившись к балагану рано спустился, большой огонь развел и, с тоски, играть на комысе стал. В полночь по тайге ветер пронесся. В то время

qunan-kēl qajlap ođura-pergen. orta tūn tuşunda tajgada ulūg, saļyn kirişken. ol tušta aga pīr kīši kele-pergen. ol kīši ot qāşyna ođur-saļyp, čōqtanyan: «nybaqty qajlap ysčatyrşyn, men ođurup ugajyn?» qajčy kīši, qoruqsa-dā, nybagyn uşuna tōnce apparān. ol kīši elēde ođurup uγub~aļ, ajtqan: «aŋ-guş ođūr-polbān, iştin qomnančatyr. maga parān, pajlarşyn!»

ol aŋčy kīši myļtygyn aļb~aļyp, aŋ-ma perge parān. parān pāžynda tag.γā čēt, tegejine šyqqanda tag.dyn ežikteri aşylyg, polyanar. anan ijgile iştine kēre-pergenner. aŋčy tag.dyn iştine kēr-pār, anan körze, tag. işt magat-la čaşadaq polyan. ol tag.dyn işt kīši ēbi uşquş polyan. čardyq čanda aŋ tereleri aşylyg, turyanar; ijginči čardygynda ulūg, čyłtaraq taştar čatqannar. ortazynda teze qara gazan turčytqan. ol yazanda araga aşy~čytqan. qyr akkelgen ēzi ol ēşiğ aragadan aļb~aļyp, aŋčyny aļyp kelip sijlayan. sijlayan sōnda ēzi kīši aŋčyga qapqa čyłtraq taştar ūr-kel pergen: «mēn syjym abyr qaşyqtyg, attyg, šaptyg, ulūg, syj polşun!

aŋčy aŋ terelerin körüp, iştinde sananyan: «tag, gorumu taştar pergenčē, po tūk nebelerin perşe, pajlar ēdim. taştar tajgada köp. mēni ēzerik tep, asqajlapčytqan polbaşyn!» tag, ēzi ijginči qabyn aļb~aļyp, aļyp kelip, aŋčyga pergen: «po tūk maļ sēn polşun! qapq~a tyq~tap čeri-curtuŋga appar!» aŋčy qāpq~a qanče-da tyqtaşa, qyčynyn tūk maļy qorabānčy~tqan. qāpqa tōldēra tyqtap kel, tize paļlab~aļyan sōnda ēzi surady: «po ar qaptardy aparb~aļarsyn~ma?» aŋčy pōgün-pōgün ajtty: «po er poşum~ma pō ijgi qapty qajde appar polbassym, apparbyşarym!» iştinde sanangan: tagdan~na šygyp, čoluma kirzem, taştyg gabyn taştabyşarym. qačen tagdan šygyp, čoluna kirb~aļyanda taştyg qapty taştabysty. taştagan sōnda sanandy: «po taştardy āparyp, pajlap paradrym~ma! tūk maļymny čerime čētirčen polşam, qajdēr ēdim. maga nōre taştar?! tajgada taştar köp! taştan kīši pajlabānča. aŋ tereşin sādyp, pajlap~pārām!»

qačen cerine ajlan ākelgen tūk nebezin čaratqan sōnda aŋčynyn gonu~yu ködürüle-pergen, sadyşa-pergen. ākelgen tūk~maļyn qajde tapqanyn, aŋ~ma ākelčāt taştabyşqan taştaryn pirdā kīši ajtpān. ol taştar tebir tapčān taştar polyan. tag ezi tarynmýza-perip, taştaryn tag.γa suq-saļyan.

par čoq kīši čatqan. tajgada annap čōrčāt, ol taştardy tār~aļyan. emge ākelip, ēbre čatqan čonga körgüskēn. ĩar pilb~aļyannar: tebirliğ taştar polyan. aŋ sōnda ol taştardy tilep, tagdy qaşa pergenner. qaşaryγa küş polyan. ol tag.dyn ēzi taştardy terenge suq-saļyp, saļyn~ma kīşilerdi ūbürtken. qaşa-gazā, tebir tār~aļyannar. mašina ākelgen, zavotty pūdūre-pergenner. ol tag, ēzi po kīşilerdin küştüglērin čaqşy pilb~aļyp, aŋ-guşun čygb~aļyp, pašqa tajgā pārbyşqan.

к нему один человек пришел. Тот человек сел у огня (и) сказал: «Ты играй (и) рассказывай сказку, я посижу и послушаю!» Сказочник [человек], хоть и испугался, но сказку до конца рассказал. Тот (пришедший) человек не-много посидел и послушал, (потом) сказал: «Зверя-птицу ты не смог убить, (оттого) печалишься; пойдѐм ко мне — богатым будешь!»

Тот человек взял ружье и пошел за прищельцем [с ним вместе отпра-вился]. Отправившись, (они) дошли до горы, взойшли на вершину — двери горы были открыты. [После] они вдвоем вошли внутрь горы. Охотник во внутрь горы войдя, [потом когда] поглядел, — внутри гора была очень украшена. Внутренность той горы была подобна дому человека. На одной половине были развешены звериные шкуры, во второй половине [ее] лежали большие сверкающие камни. Если же говорить о середине, (то) там стоял черный котел. В том котле перегоняли водку. Позвавший [приведший] охот-ника хозяин набрал той горячей водки и угощал охотника с добрыми поже-ланиями. Угостив (его), человеку-охотнику в мешок сверкающие камни насыпал. «Этот мой подарок пусть даст тебе благополучие и славу!» (сказал).

Охотник на звериные шкуры взглянул (и) подумал: «Чем эти камни [россыпи] давать, лучше бы пушнину дал, (тогда) бы я разбогател! Камней в тайге много! Не насмехается ли он, считая меня пьяным!» Хозяин горы, взяв второй мешок и благословив, охотнику дал. «Этот шерстистый скот твой пусть будет! Набей мешок и в землю-стойбище твое неси!» (сказал). Охотник в мешок сколько ни напихивал, у пригласившего (его хозяина) пушнина не убавлялась. Когда мешок до верху набил и завязал, хозяин спро-сил: «Эти тяжелые мешки унесешь ли?» — «Ведь я же мужчина! Эти два мешка как не смогу унести! — Унесу!» (отвечал). Про себя подумал: «Как только из горы выйду и попаду на дорогу, мешок с камнями брошу!»

Когда из горы вышел и вступил на дорогу, мешок с камнями бросил. Бросил и подумал: «Эти камни унеся, разбогатеешь разве? Только бы мне донести пушнину до моей земли! На что мне камни? В тайге камней много! От камней человек не богатеет! Звериные шкуры продав, богатеть стану!»

Когда в землю свою возвратился (и пушнину) принес, [после того как] пушнину употребил, жизнь-хозяйство охотника стали улучшаться, торговать стал. Где взял принесенную пушнину и (также) про камни [с нею принесен-ные] брошенные (на дороге) никому не сказал.

Те камни — рождавшими железо камнями были. Хозяин горы, рассер-дившись, камни обратно запрятал в гору.

Один бедный человек жил. Ходил охотясь по тайге и нашел эти камни. Домой принес (и) показал кругом живущему народу. Они узнали, что это камни, дающие железо. После того пошли и стали рыть гору, ища те камни. Рыть трудно было. Тот хозяин горы камни запрятал в глубину и ветром людей сдувал (вниз). Разрывая-разрывая, железо нашли. Машины привезли, завод строить стали.

Тот хозяин горы силу этих людей хорошо узнал; зверей и птиц своих собрал и в другую тайгу отправился.

am mynda aň ačyýy čoq. aň guštary rāq tajgařaryna pārybysqannar, mynda tura uşquş čer pōl-parýan. mařinařardy kiřiler pōstary iřteb~ařannar, zavotty kiřiler postary iřteb~ařannar. ařynda as qalyqtyg, pistiň čer qalyq-pa urýa-perdi. čadary a nīk poła-perdi. pajlar čoq pōl-pardy.

tagdyn ēzi teze tarynča-ba čoq tarynmānča-ba, men any unnařānčam. am mynda oľ čoq. pařqa tajgaga aň-guřu kōřūbe pārebyřqan pořar, anda čatčy~tqan pōřar. pis am tag, ēzene pūtpēnčabys, řačyġ, řačynmānčabys. po tag, tebir-tag, tep adaľčā.

37

sugduň ēzi pāryp tag, řa kir-pārtыр. araga ēčip, ēzērip čyġyła-bērtir. annaň sug, parbān tura-bērtir. aga qam kērip kōřūnmes qymysqāzyn sug, duň ēzēniň pařyna ura pērtir. anaň qam nanyp řygary a etkende aň kērgen ēziġi pektelip pārtыр.

qam āřyp čōre-bergen. rāq paryp, čerdiň tūndūġūneň pařqa čerden řygyp pārtыр. qam po čerge řyq-kelgen sōnda ajttыр: «men qamnap sergenče, turýan sug pōřap āřyp parar» tep ajttыр. «men tagdaň řygarda sug, duň ēzi qyjberānyp qalyan» tep ajttыр. anaň qam sergenče, pōřu toqtařanče, sug, pāryza-bergen.

ařtyng~aľda (sēbirgede) qam pōľtur. aň ādy qam řajramař poľyan.

38

purun purun pōľtыр. amdyġynyn ařynda, purungynyn sōnda. sug, pu-
zuľtыр. sug, ānaň turtыр. kuřtep řiřtir. ajmaqtardy pās-pārtыр. amystar qudajga pař qojtыр. anaň qam qamnaptыр. tagdyn ēziġe kirtir. kērgeni — sug, duň ēzi aragy ēžip, ēzērik čyġyła bērtir. qam ānaň, qymystařyn čyb~ařyp, sug, ēzēniň řyrtynġa urubystыр. sug, duň ēzi tura-ľa řygyb~aľ, sūřa tebe ene-bergen. anaň-na qōgařar anda mynda-ľa řābyľ enē-bergenner. sug, sēn parýan.

39

purun řurun bōľtыр. amdyġenyn ařynda, purungynyn sōnda per oľaq čāsqađa sug, puřuľčytqan tūřta mūs ūřtūne ōdūrup sāryġ, řāřtyġ, qys řāřyn tārančitqan kōřūb~ařyan. anaň oľ oľaq «no-ľa poľza, oľ pōľzyn!» tep, myľtyġyn aľb~aľ, kōřtep kelip, qysty mūs ūřtēneň aňdara ādybysqan. oľ řys mūs ūřtūneň āř-parýan. sug, aľtyna aňdaryľ-pāryp, ačyjynaň qyjġyrýan: «qačen-gačen tem řelze, men sendiġ qal oľařařty tajys-ľa čuľadaqta tārtyb~ařarym».

Теперь здесь звериного промысла нет. Звери и птицы ушли в далекие таежные места. Здесь земля стала подобной городу. Люди сами машины сделали. Люди завод сами поставили. Прежде мало населенная, наша земля народом наполняться стала. Жить легко стало. Богачей не стало.

Что же касается хозяина горы, сердится он или не сердится — я этого не знаю. Здесь теперь его нет. В другую тайгу со зверем-птицей вместе, повидимому, отправился. Там, видимо, и живет. Мы теперь в хозяина горы не верим. Моление (духам) не устраиваем. Гора эта называется Темир-тау.

37

Хозяин воды [отправясь] вошел (внутрь) горы. (Там) напившись водки, опьянев, свалился. [После] вода не пошла, (ледоход) остановился. (Тогда) шаман вошел туда и хозяину воды на голову духов-муравьев насыпал. Когда шаман, возвращаясь, оттуда выходить хотел, дверь, через которую он вошел, была заперта.

Шаман стал блуждать (в горе). Ушел далеко; через тундую земли из иной земли вышел. После того как шаман на эту землю вышел, говорит: «Пока еще не кончу камлать — и вода и ледоход, которые остановились, опять двинутся! [говоря сказал]. Когда я из горы выходил, хозяин воды (уже) шевелился» [говоря сказал]. [После] шаман еще не пришел в себя, не кончил камлать, вода уже двинулась.

В Верхнем улусе (в Сибирге) большой шаман был. Его имя было — Шаман Байраман.

38

Давно-давно было. Теперешнего раньше, прежнего после. Река вскры-
валась. Вода [после] остановилась, (река) сильно вздулась и поднялась. Улус затопила. Священники (русскому) богу молились. После того как шаман стал камлать, (он) вошел к хозяину горы. Войдя, увидел сваливше-
гося пьяного хозяина воды. [После] шаман, набрав муравьев, на спину хозяина воды насыпал. Хозяин воды вскочил, к реке спустился. После того [сразу же] лед стал разбиваться [туда-сюда ударяя] (и) тронулся (вперед). Вода спала и река вошла в свои берега.

39

Давным-давно было. Нынешнего прежде, прежнего после. Один юноша увидел весною, в то время, когда вскрывается река, как на льдине девица, сидя, рыжие волосы расчесывала. [После] тот юноша: «Что будет, то будет!» говоря, ружье взял, прицелился (и) выстрелил, сваливая со льда девицу. Та девица с льдины упала. Под воду сваясь, с досады закричала: «Когда-нибудь придет время — я такого, как ты, грубого юношу утяну хотя бы и в мелкую речонку!».

an zōnda sug ēzi ede erbektēn-saŷany uqqanda oŷ ōlaq tyŷ gorūyy-
bysqan. qōrəyup, ajmaq-sāry tagŷap paryan.

oŷ čazyn sugŷa qōšta pararya qōrygyb-ōdyryan. elēde tem poŷyanda
ōlaq sug, ēziniŷ ōčegin undudybəza-berip, at-pa paryp, čulat kešken. oŷ
čulat ty keščādyp, sug, ēzi āny tartyb-aŷyan.

40

sug, pārčygan tūšterde sug, ēzi mūstūg qara an-čylaboq kōrūnče. aga
čagyn ŷurza, tygyn-ma qōža gelip, kiženi tartyb-aŷča. ačyqtaŷ nānčādyp,
raqtaŷ kōrūngende — ajaqqa suŷurup, talqan edib-aŷyp, oŷ sugŷa šōk-
tendetartpānča.

sug, ēzi kiženiŷ gudun sug, aŷtynča āparyp, tag, tōziŷe pektep saŷča.
sug, ēzi mōstūg poŷča.

41

sug, ēzi uzun aŷtyn šaštyg, aŷtyn tarāq'tyg, čylaš təziŷ, gəzi poŷup kižige
gōrūnča.

sug, ēzi kūsūde sug, tudar aŷtynda gižige kōrūngende ebəze qōga
ōdurb-aŷyp yqča, ebəze teze qōlpaq ūstūne ōdur-saŷyp pōzenun čajzaŷ aŷtyn
uzun šāčyn | taranča. sug, ēzeniŷ tarāgy qaraqqa kōrūnze-dā, qoŷ-ba
aŷbaza — čaqšy poŷčan. qoŷ-ba tudubəza-bergende, oŷ tarāq kiženiŷ qoŷun-
dōq čoq pōl-pārča. pōžə-ba pirge oŷ tutqan giženiŷ gudun ēzəne ākəre-
pərča. an yt'juqqa kelip čeksindirbəze-bergende aŷtyn taragyn ōštūnen ažyra
šəlbəze-berip, sūya kəre attybysča.

purunda pər ōlaqqa sug, ēzi tarāgy kōrūngen. oŷ ōlaq pilbēn qoŷ-ba
tudubəsqan. tarāq qoŷundōq čoq pōl-paryan. anan-na oŷ ōlaq matapŷa
qōryubusqan. sug, ēzeniŷ gōruyup, sūya čagyn parbān paryan.

oŷ tem ertken šonda pər qātnap oŷ ōlaŷaš atqa mūnm-aŷyp paryp ōdur-
yanda — ady šaŷcaqqa kire pāzybysqan. anan-na ōlaq ādy-ba pirge šōgūb-aŷ
čörəbüsken. qyjgyrarya sānaza, ünü šyqpānčitqan. ede sug, ēzine tar-
tyrb-aŷyan.

42

apšaqtyŷ annapčytqany

pər ančy giži annyn inin tāpqanda any ēbre ajlandyrča. emge nān-
kelip, parčyn gaŷyqqa ajtča: «men apšjdyŷ, tajōldun inin ajlandyrdym».
tep ajtča. pər-da kiži pō apšaqty annabānča.

После, когда услышал сказанное хозяйкой воды, тот юноша очень испу-
гался. Испугавшись, [по направлению] к селению своему по горам поехал.

Этой весной он близко к воде подходить боялся. Спустя некоторое
время, тот юноша позабыл злобу хозяина воды, на лошади [ехав] перепра-
влялся через реку. Когда он переезжал ту реку, хозяйка воды его заты-
нула (в реку).

40

В то время, когда идет лед на реке, хозяина воды видят похожим на
рогатого черного зверя. Если стать близко к реке, он, с ледоходом вместе
придя, человека утягивает. Когда идущему с промысла хозяин воды издалека
покажется, талканом, с водою разбавив в чашке, кропление совершают,
тогда (его) не утаскивает.

Хозяин воды, неся человеческую душу под водою, у подножья горы
(ее) запирает. Хозяин воды бывает с рогами.

41

Хозяйка воды человеку показывается голой женщиной с длинными
золотыми волосами, с золотым гребнем.

Когда осенью, прежде чем замерзнет, встанет река, хозяйка воды
человеку показывается; (ее видят) или на льду плывущей, или же видят,
как она, усевшись на подмытом берегу, чешет свои [собственные] краси-
вые золотые длинные волосы. Гребень хозяйки воды, хотя для глаз
и видим бывает, лучше [его] не брать в руки. Если взять его руками, тот
гребень и в руке человека исчезнет. Вместе с собой душу того человека,
который (его) держал, к своему хозяину уносит. Когда тихонько придя,
ее (хозяйку воды) вдруг испугать, (она) золотой гребень через плечо швыр-
нув, в воду бросается.

Прежде, встарину один юноша гребень хозяйки увидел. Тот юноша
того не знал и в руки гребень взял. Гребень в руке его исчез. Потом тот
юноша сильно испугался. Испугавшись хозяина воды, близко к воде не стал
подходить.

[После того, как] прошло (некоторое) время, тот юноша ехал верхом,
лошадь его в лужу ступила. Сразу же тот юноша вместе с лошадью стал
все глубже и глубже погружаться (в нее). Когда хотел кричать, голоса
у него не стало. Так он хозяйкой воды был утянут.

42

Когда охотник [-человек] берлогу зверя найдет, (он) ее кругом обходит.
Домой вернувшись, [всему] народу говорит: «Я медведя-дяди берлогу
обошел!» [говорит]. (Тогда уже) никто на этого медведя не охотится.

küsküde ačyqa paryanda pir ajdan, pər aj čarymnan pōlčalar. qar ulug, čaganda, ulug, čer ebir-šalyanda, qanče-ganče künneñ pere tilepčalaʼr. pər-pirde tappān sālčalaʼr.

qačān apšaq inin tāb-ałyanarynda, any ebribiščalar, šygyp pārbysqan pōlbazyn tēp. inin ebirsken šonda, apšaq šyqpān polyanda agaš kēzb-ałyp inin aqsyn tuylabysčalaʼr. anny tāb-ałyanda ežikterge quruğ, agaštañ kezip, inin aqsyn pektepčalaʼr. pər kiši inge uşun agaš sugup, apšaqty — taj-ōldu — qanyqtyrča. ōske kişiler innin ūš čānyña tur-şalyyp, myłtyq-pa gadarčalyr. inin ešiktebiže-berip, anañ aram et-salyyp, atčalar. apšaq ōl-paryanda pər kēši ininge kir-pāryp, pağ-ba pałyah-ałyp, anañ šygara sörteb-ałčalar.

yš-pa ýstarda, ininge yš sugubūza perip, anañ aqsyn pektebēze-perčalaʼr. yšqa purlugup, oł inin aqsy-šara kele-pērča. anañ aňçylar myłtyq-pola atčalar. yšty tarađybysa-perip, pir kiši kīrip, edōq pağ-ba pałyah-ałyp, šygara sörteb-ałčalar. šygara sörteb-ałyanda annyn tišterin syndyrčalar.

anāñ terezin sojčalaʼr. aňnyñ terezin sojub-ałyanda pər kēši edin tazyr ya-ba sōjčā. sojčādyp, oł giži ajtca: «qyš polza, ałym kes; čaj polza sōm kes-čōr!» tēp sōjčalaʼr. terezin sojčytqan tužunda ōdürgeñ aryyštary-aňçylar parčāsy yłapčalar. «pistiñ ulug, tajybys ōl-pardy» tēp, ajtčalaʼr. anañ aň ištindagy tartqyşyn alyb-ałyp, pyşyryb-ałyp, aryyštardyn pirēzi apšij-čilep ōstep kel, čipcādyp ajtca: «qōbraqtyğ, tağdy tāsyrada pās-čōrgen pojumaj. tabyłyalyğ tğdy tazyrada pās-čōrgen pojumaj! pijdin gałanyn tōlepčam» tēp, ajtca.

aň šonda pašyn kezib-ałyp, edin šyldyrbysa-perip, aqsyn yrbyša perip, ōtqa ōrteb-ałyp, pər kiši ajtca: «małtyryannyğ, čer-be čōrüp, małtyrym tala attyrdym. qōbraqtyğ čer-be čōrüp, qoramga tūštüm. tabyłyalyğ, čer-be čōrüp, qołamčy ałdym. qōbraqtyğ, čer-be čōrüp, qaragym četpēn qārlyp čyryldym, — öldüm. ulug, čardan ašyp öldüm. čestek čip, taštyğ, qajadan ašyp öldüm. qarangat čip, sastañ sasqa pādyp, öldüm. quşuq čip, quzuqtañ až-öldüm, — tēp ajtca.

anāñ pāžyn epte sałbān, oł giži aryyštaryñnan surapča: «pede bol?» tēp. oł giželer ajtčalaʼr: «čōq, ēde ebeš!» tēp ajtčalar. anāñ paşoq iğinčizin pažyn epte sałbān, aryyštaryñnan surapča: «pede bol?» oł aňçylar ajčalar: «čōq, ēde ebeš-ōl!» tēp. anāñ paşoq ūşünčüzin pažyn epte sałbyša-berip, aryyštaryñnan surapča: «ēde bol?» tēp. oł aryyštary: «e, e, e, ēde pōłtyr-ōl!» tēp, ajčalaʼr. paštyñ sōkterin pirge sał-şalyyp, ajtčalaʼr: «ulug, kēši agaštañ ažyp, pažy sābył-partyr. ulug, tajy pletke tōrum čirge pāgyp, agaštañ āš-partyr, pažy sābył-partyr!» ēde pažyn epteb-ałyp, āny aparyp, āsyra nybyrtqa qystap sałčalaʼr. pər-pir aňçylar annyn pašyn čadyq altyna.

Когда осенью на промысел отправятся, по месяцу, по полтора мееяца промышляют. Когда большой снег выпадет, (и) когда окружают «великую землю», — (то) в течение нескольких дней (вход) ищут. Иногда не находят.

Когда найдут берлогу медведя, (они) ее окружают, чтобы (медведь) не вышел и не ушел. После того как обойдут берлогу, — а медведь из нее не ушел, — они рубят деревья и заваливают отверстие берлоги. Когда найдут зверя, (то), чтобы заделать вход в берлогу, они срубают сухие деревья (и) отверстие берлоги запирают. Один человек, засунув в берлогу длинную жердь, медведя-дядю приводит в ярость. Другие люди, встав с ружьями с трех сторон берлоги, сторожат. Берлогу [его] закрыв, [после] проход сделав, стреляют. Когда медведь умрет, один человек в берлогу его войдя, веревкой привязав, (медведя) оттуда вытаскивает.

Когда дымят, в берлогу [его] дым пустив, [после] вход начинают запираť. Задыхаясь в дыму, он (медведь) по направлению к отверстию — входу берлоги приходит. Потом охотники из ружей стреляют. Дым рассеяв, один человек входит; [также] веревкой привязывает и (убитого медведя) выволакивает. Когда вытащат, зубы зверя обламывают, после шкуру его сдирают.

Когда шкуру зверя сдирают, один человек по мясу его прутьями ударяет. Ударяя, тот человек говорит: «Зимою — передо мной проходи; если летом — позади меня проходя, ходи!» (Так) говоря, стегают.

В то время когда сдирают шкуру [его], убившие товарищи-охотники все плачут. «Наш великий дядя умер!» — говорят. После, находящиеся внутри зверя сало взяв, (на огне) поджаривают; один из товарищей, рыча как медведь, поедая, говорит: «По горам, на которых растут пучки, утаптывающая, производя треск, я сам ходил; через гору, на которой растет таволжник, с шумом ходил я сам. Начальника подать я плачу!» [говорит].

После этого, голову его (медведя) отрезав, мясо его срезав, рот оторвав, на огне опалив, один человек говорит: «По земле, покрытой борщевником, ходил, икры ног моих пробили. По земле, покрытой таволгой, я ходил, пулю получил. По земле, покрытой пучками, я ходил, в беду попал. По земле, покрытой дягилем, я ходил, глаза мои ослепли, споткнувшись, упал — умер я!.. Упав с высокого берега, я умер. Малину поедая, с каменной скалы упал, я умер! Черную смородину поедая, из болота в болото (ходя), увязнув, умер я! Орех поедая, с кедра упав, умер я! Скажи!»

После, голову его (медведя) правильно не приставляя, тот человек у товарищей своих спрашивает: «Так ли?» [говоря]. Те люди отвечают: «Нет, не так!» [говорят]. После, снова, вторично, голову его (медведя) правильно не приложив, товарищей спрашивает: «Так ли?» [говоря]. Те охотники отвечают: «Нет, не так!» [говоря]. После, снова, в третий раз, голову [его] как следует приложив, у товарищей спрашивает: «Так ли?» [говоря]. Те товарищи его: «Э, э, э, так будет!» отвечают. Кости головы вместе сложив, говорят: «Великий человек с дерева упал, голова его разломалась. Великий дядя на молодой кедр влезая, чтобы шишки есть, с дерева упал — голова его разломалась!»

suq-sačalar. paşyn sał-şaly, ajtčalar: «časqy künde čadyŋa čatsyn, küskü künde kürendiginde čat! qyşqy künde kürendigine päs-čörejini! tagdan ułuġ, tajym, sen piske tärinma. mynda qał!» an şonda ançylar myltyq atčalar.

an şonda irde ođaqyna kelgende-şanalarŋyn çoluna agaş tōyra taştap-čalar; ođaqdy ebre ajlandyrčalar, apşij kelbeşin tep. kelgen çolaryna tebe myltyq atčalar, apşij kelbeşin tep. ol tušta ajtčalar: «pistiñ çol-ba kelbe, uçuq-če tynyn üstübüs, tuş tuşunda sāgyşyna kirbe, tün tuşunda tūžume kirbe!» ebe ajtčalar.

43

apş'jaq tişi kiži aparyan. anan olar iġele čatqannar. ininge čatqannar. ūr čatqannar. apş'jaq qałoda ākelgen. anan ol qat mōt čigen.

qančē-gančē tem sonda ol epči qarynyn pōl-paran. ol yat qōruqqan. ol epči tугan apşaq palazy. palazyñyn ālyndegi kezigi giži poľan. sōnda kezigi — apş'jaq poľan. anan apş'jaq, šygyb-ālyp parybysqan.

apş'jaq ininen šygyb-ālb, parybsqanda — ol yat pōjynyn čatqan čurtunya gelgen. apş'jaq ol epčizñin sūrgen. qaryndaštary āny čarb-ālyannar, āny apşaqtan tuđub-ālyannar. ol yat apş'jaq-pa čarlyşqan sōnda pała tūb-ālyan. anan an palazy uluñ ōsken. ičezi āzrayan. ol aga kałoda ākelb-ōduryan. tajylaryna apş'jaqtar tuđub-ālb ākelb-ōduryan. ičezi anyñ qōlynya tebir palyan, — ol parybsqan. apş'jaq-palazy paza kelbedi.

anan pir čyldyn pažynda ičezi qyraga čāgysqan šyqqan. čolya šyqčādyp aqčāma čerden apş'jaq tur-kelgen. any kōrip, pō qōrugūbysqan. ol čōr-poľbān, čolda ičeziñ qadarcāqtan. apş'jaq-palazy ičeziñe toġažyp, pīlegin kōzōtken. pōlegindē tebirin kōrip, ičezi palazyn tanyb-ālyan. anan pārb, māłta-bōła teberin āła-bergen. tebir palazynyn pīlegine pāt-paran pōltur. anan palazy tajgā parybsqan.

44

epči kiži pes qāz-čōrčādyp, ēn čerde apşaqqa tōġaš-paran. toġaš-pār-kelip, qūčaqtāb-āł, tajgaga apāryp, qujga akkirip, keŋinge taştap saľan. pōzy ālynda čatqan.

časqyda epči usqan-kelip, ol apşaqtnyñ üstünün sijbap kōr, ažyb-ālyan. ažyb-āł, quj ištinen šyqčōtqanda ol aľ šaq^x pīrbēde ġuľayyn čyľbajtyp, pīrbide setkidip ōduryan. ol epči šygyb-ālyp, ūġūziñe nangan.

Так голову его как следует сложив, отнеся, в раздвоенный сук черемухи всунув, кладут. Некоторые охотники голову зверя (медведя) под колодину засовывают. Голову его положив, говорят: «В весенний день на месте твоего лежания лежи, в осенний день — у входа берлоги лежи! В зимний день да буду я ходить по твоему предберложью! Более великий чем гора, мой дядя, ты на нас не сердись! Здесь оставайся!» Потом охотники из ружья стреляют.

[После этого] когда вечером охотники к балагану придут, (они) на следы от их лыж дерево поперек бросают — «Медведь пусть не придет!», говоря. Кругом балагана обходят, чтобы не пришел медведь. В направлении, откуда пришли, из ружья стреляют. В это время говорят: «По нашему пути не приходи, как нитку душу твою оборвали мы! В полдень в мой ум не приходи! В полночь в сон мой не входи!» Так говорят.

43

Медведь женщину унес. Потом они вдвоем жили. В берлоге жили. Долго жили. Медведь колоды приносил. [Потом та] женщина мед ела.

Через некоторое время та женщина беременной стала. [Та] женщина испугалась. Та женщина родила медведя-ребенка. Спереди ребенок человеком был, сзади — медведем был. Потом медведь вышел и ушел.

Когда медведь из берлоги [его выйдя] ушел, та женщина в стойбище, в котором сама (она) жила, пришла. Медведь ту женщину преследовал. Братья [ее] от медведя отняли. Та женщина после того, как (она) от медведя ушла, ребенка родила. Потом ребенок зверя большим вырос. Мать [свою] кормил. Он ей колоды приносил. Дядям своим медведей приводил. Мать [его] к его руке железо привязала. Он ушел. Медвежий ребенок обратно не пришел.

[Потом] спустя год мать его на пашню одна поднималась. Когда она по дороге поднималась, внезапно с земли медведь встал. Его увидев, она испугалась. Он не имея возможности ходить, на дороге мать [свою] поджидал. Тот медведь-ребенок, встретив мать, руку ей показал. Увидев находящееся на руке железо, мать ребенка узнала. [Потом] подойдя, топором железо сняла. Железо в руку ребенка врезалось. Потом ребенок медведя в тайгу ушел.

44

Женщина [-человек] кандык выкапывая [ходила], в пустынном месте медведя повстречала. Когда (медведя) встретила, (он) захватив ее в оханку, в тайгу унес; в пещеру внеся, позади себя свалил. Сам впереди нее (улегся и так) лежал.

Весною женщина проснулась; того медведя [поверху] глядя, перевалилась через него. Когда перекатившись (через него), из берлоги выходила, [тот] медведь ухо свое то опускал, то настораживал. [Та] женщина выйдя, домой возвратилась.

anan çüçe çatqanda ajlyg, polyan. ol anan tub-alany — tüktüg kiži-de ebes, an-dā ebes. anan āzerānda ösken. özüb-alanda ol any qyjdyrt-polbān. odunla ysqanda — agaš mahta pērb-oduryan. ol an-ma keskende — sŷn-pār-cŷtqan. anan teze goł-ba synderyp quçaqtap akelb-oduryan. an şonda sugya endergende — aga elek per endirib-oduryan. sug'susqanda — suyu aq-parçetqan. ede sug, ašyx polbān, ylyab-ylyap tajgaga tēzbisken.

45

pēr emēzi kiži čestek tüzünde čestek sāg-čörcütqanda pēr apšaq agahertir. any quçaqtap-al apārbystyr. apārb šalybysqan. pašqa annar ol epčini čirge kelgenerde perbenčattyr. annar kelgenerde-ol annardy tarada sürüp, epcizin pōzyba al-cörgen.

cöre-cöre, küsküde qar čana'r temge čet-kelgener. apšax in qāščadyp, šygyp körīb-oduryan, ol epči pārbyspazyn dep. inin qazyb-alyp, qōgba or tažyp, ol epčini tör čanga čattyr-šalyan. pōzy qar čančanče innin aqsynga çatqan. qar čagan şonda ol epčiniñ gyryjynga čat-šalyan. epčini āzrān aštahasqa.

ol epči čačadyp pēr gađap annyn tūgüneñ tärt körgeni — an qyjbrančygan, iğinčizin tärt körgeni — olžen gyibýranmānčygan. ūžünčizin tärt körgeni — aqtap qyjbyranmančetqan. apšax pamnašesqan. ūžünčizin tärt körüp qujbyranmānčyganda — t'juqanan šygyb-alyp nangan. alya ölbēne četken. epčiniñ ton-azagy požada agašqa tałal-pāryan polyan. aldagy gžilerge ajtqanda — an garýndaštary pāryb annab-alýannar. ol epčiden pała tугan. kezēgi — giži, kezēgi — an.

46

pēr tiši giži saryaj gāz-čörcädyp, pīr apšaqqa tōgāš-paryan. apšaqtañ gōrügup tezibizerge etkeni — apšaq any qāb-alyan, inine ākelgen. küsküde qar čagałaqta, inine toršas olen-me sał-šalyb, čada-bergenner. ūr poldu-ba, as poldu-ba, epčizi pēr pała tub-alyan. pałazynnyñ čüzü čany — giži polyan, köksü čany — apšaq polyan. apšaqtny pałazy ösken şonda ičeziniñ emčekterin tyrbaqtap, kaloda ākelip, čestek čip, ede çatqan. anan ičeziniñ tугan alyna, ičezin garyndaštaryna gelgen.

anda ča'tqan gižiler pōnu görüp qōrūqqannar. an şonda ol apšaqtny pałazý ajtqan: «tajý-tajý, men sā čadarya keldim! mēni al!» an şonda anda çatqan: tajlaryna apšaqtar sürüb-al akele-berčytqan. far köp apšaqtar ödurb-oduryanar. anan tajgaga tēzibisken.

Когда потом немного пожила, беременной стала. Она потом родила шерстистого — не то человека, не то зверя. Потом, когда (его) кормила, он вырастал. Когда вырос, она его (никуда) отправить не могла. Когда за дровами посылала, деревянный топор давала. Когда он им (топором) рубил, топор сломался. Потом сломав деревья рукою, в охапку захватив, приносил. [После этого] когда (она) за водой (его) посылала, дав ему сито, заставляла (к реке) спускаться. Когда (он) воду черпал, вода вытекала. Так (он) воду принести (и) не мог. Плача, плача, в тайгу убежал.

45

В пору, когда поспевают ягоды, [одна] женщина, ягоды собирая, ходила, — [один] медведь к ней пришел. Ее в охапку схватив, унес. Унеся, положил. Когда другие звери приходили, ту женщину съесть не давал. Когда звери приходили, он зверей разгонял; жену с собой взяв, ходил.

Осенью ходили-ходили, — до поры, когда должен выпасть снег, дожили. Медведь, берлогу роя, выходил (и) смотрел, чтобы та женщина не ушла. Берлогу [его] вырыв, старой травы нарвав, притаскивал; ту женщину в передний угол положил. Сам до снега у входа берлоги [его] лежал. После того как выпал снег, сбоку около той женщины лег. Чтобы не голодала, женщину кормил.

Та женщина, лежа, один раз зверя за шерсть потянув, посмотрела — зверь шевелился. Вторично попробовала потянуть — также шевелился. Когда в третий раз потянула, (он) совсем не шевелился. Медведь в спячке был. В третий раз, когда попробовала потянуть и он не шевелился, потихоньку вышла и (домой) возвратилась. В улус еле живая дошла. Одежда женщины совершенно о деревья разорвалась. Когда живущим в улусе людям рассказала, ее братья, отправясь, (на медведя) охотились. У той женщины ребенок родился: половина — человек, половина — зверь.

46

Одна женщина, сарану выкапывая, медведя встретила. Когда она, испугавшись медведя, хотела бежать, медведь ее схватил (и) в берлогу принес. Осенью, пока еще не выпал снег, в берлоге мох и траву подстилал, (так) жить стали. Долго ли [было], коротко ли [было], женщина ребенка родила. С лица ребенок [ее] человеком был, со спины — медведем был. После того как медвежий ребенок вырос, (он) груди матери [его] цапал, колоды (медовые) приносил, ягоды поедая, (так) жил. После в улус, в котором родилась мать [его], к братьям матери [его] пришел.

Там живущие люди, (медвежьего ребенка) увидев, испугались. После того тот ребенок медведя сказал: «Дядя, дядя, я к тебе жить пришел! Меня возьми!» Потом там жил. Дядям медведей пригонял. Они много убивали медведей. После в тайгу убежал.

47

epci kızı peş qās-čörcätqanda aga apş'jax kele-bergen. kēlib oł epčini quçaqtab-ałyp, inine aparybsqan. anañ ininde qađa ałty aj čatqannar. anañ oł epči časqyda usqan gelze, apşagy čögył, pözy pała túb-ałyan. čamdygy čyłaş, čamdygy-tüktüg połyan. anañ epči ininen şyq-körze, taştynda čajekter ös-partyr.

anañ ösken tügan čerine nānbysqan. oł hałazyn teze ołoq inine apş'jaq abazyna ārtys-sała-bergen.

48

oł yuz zuğya — čułatqa — paryan. pir apşaq' aga kele-berdir. āny quçaqtab ūnge apparyan. ūne aparyp, pozynyn keştige tašta'p sałyan. pöjy alynga čat-sałyan. ān şonda gar gajylyanda oł an şyq-kelgen. ān zōnañ oł yys şygybōq kelgen. körgeñi — peş pažy şygyp, öleñ ös-paryan połyan. ūnnen şygyb-ałb, igēle cōrgenner.

oł yys apşaqtyñ gołynañ požab-ałyp, qaryndaštarynya paryb ajtqan: «ēniş enerde čylybŕān ēnm-ōdurŕam; tagya şyğarda čarban şygyb-ōdurŕam. eniş enerde apşaq parčen üstümge paq-enčätyr, tag şygarda čałyap şyqqan».

apşaqtañ požab-ałyanda, tēzip čögüre-čögüre abazy-ičeziniñ ežiginge kirerde apşaq čaza gāb-ałyan.

oł yaryndaštary oł yysty postaryna ałb-ałyannar. apşaqty ödürerge paryanar. oł annañ oł yys, qaryn bōlyp, pała tügan: keziginiñ töbergizi tüktüg połyan, öregizi kızı öş połyan. oł pała ūş qōnyan şonda čōqtanyan. «apşaq kele-berčen pōlza, qābyş körer ēdim» ān şonda ičeziniñ qaryndaštarynğa gelip, ajtqan: «syj ałarya keldim.» tep. anañ ałdegi mał-yuš tyrbaqtap ödürgeñ. ān şonda özüb-ałyp, tajgaga pārbysqan. oł paryan özyba qarčy ajlanmān.

49

qačān apşaq tuştap-paryanda, čirgētkende «tajy-tajy, nan, paşqa čerge čōłun ałyp-par!» tep suranyanda, an purułb-ałyp pārbysča.

50

an guş pōstarōnyñ ēlerine tōlu perčenner. quştar čügler perčenner, annar tük perčenner. časqeda parčm an guş tülečenner. — tükterin alyştırčannar. časqyda annardyn tükteri tüşčenner; tagdyn suğdyn ežinge ałban perčenner. čerdagy an guştar tag eşine tōlečenner; suğdagy an guştar suğ ežene tōlečenner.

47

Когда женщина кандык копала, к ней медведь подошел. Придя, ту женщину схватил (и) в берлогу [его] унес. Потом они в берлоге вместе шесть месяцев жили. После, когда та женщина весною проснулась, медведя [ее] нет; [сама] она ребенка родила: половина его (ребенка) — голая, половина [его] — с шерстью [была]. Потом, когда та женщина из берлоги вышла (и) взглянула — (видит): цветы выросли.

После в землю, в которой она выросла (и) родилась, возвратилась. Если же говорить о ребенке ее, она его в той же берлоге медведю — отцу его — оставила.

48

[Та] девица к реке за водой пошла. [Один] медведь к ней пришел. Ее схватив, в берлогу унес. В берлогу унеся, позади себя повалил. Сам впереди ее лег. [После того] когда снег растаял, тот зверь вышел. За ним сзади та девица тоже вышла. Посмотрела: головки кандыка показались, трава выросла. Из берлоги выйдя, вдвоем ходили.

Та девица, из лап медведя освободясь, к братьям [ее] пошла и сказала: «Когда по склону спускалась, скользила; на гору когда поднималась, карабкалась. Когда по склону спускалась — медведь, все время на меня налезая, спускался; когда на гору поднималась, меня облизывая, поднимался».

Когда, убежав от медведя, (она) освободилась, бегом (бежала). Когда в дверь отца матери [ее] входила, медведь чуть ее не схватил.

[Те] братья ту девицу к себе взяли. Убивать медведя отправились. От того зверя та девица беременной стала, ребенка родила: нижняя половина шерстистой была, верхняя половина как у человека была. Тот ребенок, трижды переночевав, сам с собою разговаривал: «Если бы медведь пришел, я бы с ним бороться попробовал!» После того, к братьям матери пришел, (он) сказал: «Подарок взять пришел я!» [говоря]. Потом находящийся в улусе скот, задирая, когтями убивал. После, выросши, в тайгу ушел. С тех пор как ушел, назад не вернулся.

49

Если медведь встретится и захочет съесть — «Дядя, дядя, вернись! В другую землю, путь взяв, отправляйся!» — [говоря] (его так) управляют; (тогда) зверь, повернувшись, уходит.

50

Звери-птицы своим собственным хозяевам выкуп дают. Птицы перья дают; звери шерсть дают. Весною все звери-птицы меняют покров. Весною звери линяют — хозяину горы и воды албан платят. Находящиеся на земле звери-птицы хозяину горы платят, живущие в воде звери-птицы хозяину воды платят.

qāndus tyn ċabaġ aŋ: sugduŋ ēšine-dā, taġdyŋ ēzəne-dā aġban saġbaċaŋ.
qāndus tūgūn ornaštyrbaċaŋ: taġ sug ēlerəne aġban saġbaċaŋ. taġ ēši sura-
yanda: «qajda ċatċaŋ?» tep. — qāndus ajtċaŋ: «sugda ċatċam!» tep. sug ēši
surayanda: «sen qajda ċatċətqan aŋ-zyŋ?» tep. — qāndus ajtċaŋ: «taġda
ċaċam!» tep. taġ ēši suraganda: «kemge aġban saġċaŋ?» tep, — qāndus ajċaŋ:
«sugduŋ ēšinge». sug, ēši suraganda, qāndus — «taġdyŋ ēzəne tölöpċam»
tep ajtċaŋ. anan āra aġban tölöpċa, ċasqəda tük aġšpānċa.

51

purun purun ħōltur. pər gātənap küskü tužunda tajga ārazynda quštar-
dyŋ pır ċylyg, poġyan ħōltur. pašqa ċerge uċugarya tem saġyžarya ċylyan-
nar ħōlturġar.

parċin quštar ċylyga kelgen ħōltur. pırle selej guš ċylyga parbān ħōltur.
erten turaġa, quštar ċylyg, poġċaŋ ċerge uċuq-paryan pōlturġar. ċylyšqan
ċerden ara ċylyg, ċanarya uċuq-pārbysqannar. selej ċeze sōq tajgada qaġyan
pōltur. anan ol āċyly kelip, yġabəzā-bergen. mātap yġap sŷqtaŋan pōltur.
qaraq ċažy sug, poġup aqqan pōltur. anan-na selejdiŋ qaragy qəzyġ pōġ-par-
yan ħōltur.

52

pər kəži tajgada ċörüp at təlegen. ol temde ol qyġgəlyq quštun ünün
uqqan. tyn küštep yġagan. qaraq ċažy-ba eminge kelgen. āŋ sōnda ūr ċat-
pān öl-paryan.

apšijġar ajtċaġar: kem ol yuštun ünün ugar, ol gəži ūr ċažabānċa. qān
qyġgylyq quš qarā uċuqqanda ċüġleri pāġtynnapċa. qaċen sarnaganda, kem
sarnaganyn uqqanda yġapċa.

53

qān ergek tep ċylytys par. purungy tüšte pır aġyp pōġtyr. aŋ ady šōġa
aq pas'attyn qān ergek pōġtyr. pər gādap ol aġyp aq pos'adŷ-ba, pər ulu
müstun pəlan sūrūšken. ūš qāda ċerin ēbərə ċügürġen. aŋ-məġa tōyus adaj
poġyannar. kenetki pəlan tegri-žary sekribsken. aŋ sōnan qān ergek at-
pəġa, ūš adaj kōzəbe segribəskenner.

tegride qān ergek pažōq pyġan sūrūže-bergen. sūrūže-sūrūžē, aq pos'at
noj-baryan. qan ergek ādyn pōš taštābsqan. ol požattyryan aq pos'at pər
ċylytys pōġ-paryan. anan qan ergek qanəyybəza-bərip, sōgan-ma pəlan
atybsqan. anan-na ol pyġan, ċylytys pōġyp, teŷride ċāda-bergen. qan ergek pōzy
ūš adaj-bəġa, sōgany-ba ċylytystar-ōq pōġ-paryannar. emde teze anda ċatċaġar.

Выдра очень плохой зверь: она ни водяному хозяину, ни горному хозя-
ину албан не платит. Выдра не меняет шерсть: горному и водяному хозяевам
албан не кладет. Когда хозяин горы спрашивает [говоря]: «Где ты жи-
вешь?» — выдра отвечает [говоря]: «В воде живу!» Хозяин воды, когда
спрашивает [говоря]: «Где ты зверь живешь?» — выдра отвечает [говоря]:
«На горе живу!» Когда хозяин горы спрашивает [говоря]: «Кому албан
платишь?» — выдра говорит: «Хозяину воды». Когда хозяин воды спрашивает,
выдра: «Хозяину горы плачу!» — [говоря] отвечает. — Поэтому албан
не платит, весною шерсть не меняет.

51

Давно-давно было. Однажды в осеннее время в тайге у птиц собрание
было. Они собрались, чтобы назначить время, когда лететь в чужую землю.

Все птицы на собрание пришли, один только глухарь [-птица] на собра-
ние не отправился. Утром лишь только встали, все птицы полетели на место
собрания. От того места, на котором собрались, в теплые страны улетели.
Если же говорить о глухаре, он в холодной тайге остался. Потом, опеча-
лившись, плакать стал. Сильно плача, рыдал. Слезы глаз, сделавшись рекой,
потекли. После этого сразу же глаза глухаря стали красными.

52

Один человек, ходя по тайге, лошадь искал. В это время он услышал
голос птицы кыйгылык. (Тот человек) очень сильно плакал. Со слезами
на глазах домой пришел. После того долго не жил — умер.

Старики говорят: «Кто голос той птицы услышит, тот [человек] долго
не живет!» Когда птица кан-кыйгылык ночью летает — перья ее сверкают,
когда она поет, кто пение ее слышит — плачет.

53

Есть звезда, называемая Кан-Ергек. В прежнее время был один
богатырь. Его имя-прозвище — Кан-Ергек, имеющий бело-сивого коня,
было. Однажды тот богатырь на своей бело-сивой лошади гнался за лосем,
имеющим большие рога. (Богатырь) три раза землю кругом обежал. С ним
вместе девять собак были. Вдруг тот лось [по направлению] к небу прыгнул.
За ним [сзади] Кан-Ергек с лошадью, с тремя собаками [вместе] прыгнули.

На небе Кан-Ергек снова лося гнать стал. Гоня-гоня [зверя], бело-
сивый конь устал. Кан Ергек коня [его] отпустил. Тот отпущенный село-
сивый конь в звезду превратился. Потом Кан-Ергек, рассердясь, пристре-
лил лося стрелой. Тот лось [потом сразу же], превратившись в звезду,
на небе лежать остался. Кан-Ергек сам, три его собаки и его стрела также
звездами сделались. И теперь там находятся [живут].

purun burun bołtır. qudaj tañ suñ çajagan, aň guş pütken, kəzi pütken. po kižilerdiñ ot čoq pōłtır. ýlar quštardan surānar larğa ot telerge pōłý-žarğa. turna guş, kižiǵe ačānyp, ülgenge kelip, ajtqan: «sēñ çajagan kəşiler sōqqa toñyǵlapčālar, aştan qarbaqčālyr, ýlarğa ot per!» ülgēn qanyqqan. qānəgyp ot perbēn. anan ülgēn uzu-bergen pōłtır. uzu-bergende turna quş tūjuqan ülgēnniñ čurtuna kərip, ottuñ šōgun ülgēnnēñ ōrlap, kižilerge āyǵla-bergen pōłtır.

čer çajalğan sōnda, ar tynnyǵ, nebeler pütken sōnda kižilerge ülgēn ot perbēn bołtır. aň guş tajgada čaqşy čatčıtqan pōłtur; quštaryǵa ujalarynda čılyǵ pōłtur: quštardyn čügler par pōłtur. añnaryǵa edōq innerinde čılyyōq pōłtur: añnar tūktūǵ pōłtur. čiš par pōłtur. čaqşy čatqan pōłtur. kəzi čyłaş pōłtur. odagynda ot čoq, et čiš pyžeraryǵa ot čoq, sōq połğan pōłtur.

anan kižiler quštardan ot surayannar: «sler parčen čer-ča ebəre uçuǵup čörčüzār, teýri-şarā uçuqčəzār, tałaj āžəra, tag āžyra uçuqčüzār. połza poł-baza, sler-le piske ottu pererzār».

quštar paşqa-başqa čerge uçuubustular. ot tabardy pilbēnner. ot-quş-čayy čat-qalyp, ajtqan: «qāzynǵa meške čoq-pa, qajada taş čoq-pa, kižide mōlat čoq-pa! İgi taş alyp qāgyştırza, ot połar!» tedi. anan pērē kižiler ot šagaryǵa ürgenm-alıannar.

alında alıaj čerinde pyşlaq čōrgen. anan alıajga kelip tūščitqanda — İgi kiži kečim tuda-bergenner. anan ol pyşlaq čōqtangan: «mynda mał özer!» tep. anan čyşqa kelgen. aga gelgende, tōstan tikken tūzek tuda-bergennerde — ol pyşyłaq tojzакty tała tūş-parıan. anan ajtqan: «mynda mał öspes!» tep; anan qāş-sāry parıan. aga parıanda — kečim-oq tuda-bergenner. ol tała šāp tūşpēn. anan pyşlaq ajtqan «mynda mał özer!» tep. anan āry qāšta, alıajda mał öscā. čyšta tojzакty tała pās tūş-parıannan āry mał öspēnča. čyšta kečim-oq tuda-bergenner połza, edōq mał özer edi.

tajgada qādyǵ, čył połdy, čāsqa da tabaq tūgendi (tōzuldy). sarıaj öskelek połğan. tižig giželer pes qās, pałlaryn āzerayannar. čyštār (čyş kəžileri) čazyga tūstiler. pər apşij (tajasta čatqan) čazyga parbān sałğan. «čāzəda nō

Давно-давно было. Кудай гору-воду создал, зверя-птицу создал, человека создал. У этих людей огня не было. Они птиц просили помочь им искать огонь. Журавль[-птица], пожалев людей, к Ульгеню придя, сказал: «Тобою созданные люди на морозе замерзают, от голода погибают, им огонь дай!» Ульгень рассердился. Рассердясь, огня не дал. Потом Ульгень заснул. Когда заснул, журавль[-птица], войдя потихоньку в жилище Ульгеня, уголь с огнем украл и людям принес.

После того как сотворилась земля, после того как Ульгень сотворил все существа, имеющие душу, (он) людям огня не дал. Звери-птицы в тайге хорошо жили. Птицам в их гнездах тепло было: у птиц перья были. Зверям тоже в их берлогах тепло было: звери с шерстью были. Еда была, хорошо жили. Человек голым был. В юрте его огня нет, мясо-пищу жарить — огня нет. Холодно было. Потом люди у птиц огонь попросили: «Вы кругом всей земли летаете, [по направлению] к небу (поднимаясь) летаете, через моря (пролетаете), через горы [переваливая] летаете, только вы и можете нам огонь дать».

Птицы в разные земли полетели. Огонь найти не сумели. Птица огня, оставшись, сказала: «Нет разве на березе гриба, нет разве в скале камня, нет разве у человека стали? Если два камня взяв, друг о друга ударить, огонь будет!» С тех пор люди огонь высекать научились.

Прежде по Алтайской земле сыр ходил. [Потом] когда, придя на Алтай, он упал, двое людей (ему) чапрак подставили. Потом сыр сам себе говорил: «Здесь скот будет расти!» Оттуда (он) в тайгу пришел. Когда туда пришел, и когда (ему) подставили сшитый из бересты кузов, тот сыр, разорвав берестяной кузов, упал. Потом сказал [говоря]: «Здесь скот не будет водиться!» Оттуда в Качинскую землю направился. Когда туда отправился, [там ему] также чапрак подставили. Он [его] не разорвал (и потому) не упал. Потом сыр сказал [говоря]: «Здесь скот будет расти!» Оттого у качинцев и на Алтае скот водится. Из-за того, что сыр в тайге, берестяной кузов порвал, упал, скот (там) не водится. Если бы в тайге чапрак ему также протянули, скот также бы водился.

В тайге тяжелый год был. В тайге голод был. Весною хлеб кончился. Сарана еще не выросла. Женщины, кандык выкапывая, детей кормили. Таяжные люди в степь спускались. Один старик — на Таясе жил — в степь

čadyġ, tep, tajgada tūgan kəžinŋ ölgen sŋgü tajgadŋq qalzyn!» tep. oġlu-ba keli ajttylar: «mynda čadyp aştanŋ qarbayarŋa-ba! pəs qasčanŋ čer tügenm-oq pardy!» keli qārynnyġ, pŋlŋan «pałamny poga nŋ-ba āzērām?. magat ār künner kele-herdi!» čazyga tüzübəstiler. apšij ajtty. «pałamny tūp, anŋ guštynŋ edi-be āzərap ōstir! ančy pŋlar! sūt-pe purluqtyrba! tajga kizizəne sūt čiš polŋan-ma!» oġ kiziler mātyrda, pŋ synnynŋ oġ čanda čatčalŋr. apšij ōl-parŋan.

altaj çerinde kök buga östur. ol teze çurtuna testir. anañ İzi sürüştür. anañ sūr-kelip, qyrqystyn çazyzynga myltyq-pýla at-saıyan. anyn mūzū amda par poıoar. mołtyrǵy^a çōn poıyon, mūzū edōq çōn poıyon. mātyr çolun oı buga tāp-kelgen. purungu apşaxtar oı buganyñ systap kelgenin sarnaçanner.

purun burun bōlʻyan. ijgi puga šor tajgazə-ba paryannar. ɫar ābəgan čazyšynan altaj-sarā nāntyrlar. ol pugalardyn ösken sōkteri tyn uluġ, polʻyan polʻtur. mūsteri uluġ, polʻyan polʻtur. ɫarya tȳda tartpas tajga-ba pararya kuš keldi. mūsteri agašqa qāp, pār polʻbadyɫar. tujgaqtary agaš čyltyzəna qāp-oduryan. ušqan čadyqtar čollaryn tȳɫap-oduryannar. qačen sās-pa paryannarda — azaqtary sasqa šögüb-oduryannar.

не пошел, говоря: «В степи что за жизнь! Умершие кости человека, в тайге родившегося, в тайге же пусть и останутся!» [говоря]. Сын и невестка говорили: «Здесь с голоду что ли умирать! Кандык и тот кончился!» Невестка беременной была. «Чем ребенка в тайге кормить буду? Совсем тяжелые дни пришли!» — говорили. В степь спустились. Старик сказал: «Ребенка твоего, [родив] мясом зверей и птиц кормя, расти! Охотником будет. Молоком не души! Таежному человеку молоко пища разве?» Те люди на Матуре живут, по ту сторону этого хребта. Тот старик умер.

На Алтае дымчатый бык вырос. Он [же] в свою землю бежал. [Потом] его хозяин догонял. Догнав, в киргизской степи из ружья застрелил. Рога того быка и теперь пожалуй там [будут]. Шейный позвонок огромный был, рога тоже большие были. Матурскую дорогу найдя, тот бык пришел. Прежние старики про мычание того быка поют.

Давным-давно (это) было. По шорской тайге два быка шли. Они возвращались из Абаканской степи на Алтай. [Выросшие] кости тех быков очень большими были, рога огромными были. По непроходимой тайге им итти тяжело было. Рога за деревья зацеплялись, итти не давали. Конь-таи за корни деревьев задевали. Упавшие колодины дорогу (им) преграждали. Когда по болоту шли, ноги их в болоте увязали.

e-e-e, ēžəbis ōsken tūgan čerənen nōre yzybystyn! tūgan ōsken čerəbisten nōre pārbystybys. ōre turyan ulug, qudaj čök pisti taštabystry! e-de ajdyp, ulyaštylar. ulya-ulya ulug, sytqa kirdiler.

ol temde pir ančy āčəqa čörčəttir. kijek qadarb-ōdurtur. kijek qadarb-ōdurčədy, yraq tajgada ulug, š'jūq ugułup, agaš-taš māčərap kelčətyr. any uqqan ačyqčy qōruqpas iōzu qōruqtur. ištinde sənəptir. «pō tag, ēzi araga ičib-ałyp, agaš taš ātčitqan polbāzyn!» anan gōrgeni — tərigsōq mūstüg puga-lar kelčətyr-lar. mūsteri-be agaštardy syndyr kelčətyr-lar, tujgaqtarə-ba čer qās kelčətyr-lar. any kōrgen pō ančy gəži adadan-eneden tuganan ala andig. pōyda puga-lardy kōrbəndir; andig, ulug, mūsterdi čəžyna-dā kōrbəndir. any kōrgen ančy gəži tyñ sōłuntir: «abū qajdig pōg, da sōktüg aṇnar pisti čerge kīr-kelgenner. mūsteri tərigsōq, qaraqtary qannyg, ot-čəlep ojnəpčəlyr. qajdig čerden kelgen pōłdu-lar-nem mēndig aṇnar? ajna čerənen kelgen polbāzyn!»

ol buğalar tag, -ba kēlb-ōdurup, čerlerin sənəp, qunān, sārın mūkter, sarnəp kēlb-ōdurənnar. pō ančy kižige ol šaryn kōnnūne tyñ kirtir. ol ančy pō šaryny ūr uqtur. anan quzuqtan qōmus ištəp, at quzurugunan qył žnib-ałyp, qoməzuna urub-ałtyr. anan ol yomuzu-ba qəgyp, ol saryny sarnə-bergen. pō ijgi pugaṇ saryny alynm-ałyp, ačyqtan ebine kelip, qəgyp sarnə-ōdurtur.

anan ajtqany — an sōnda ol ančy kəži ulug, qajčy pōł-pārtyr. tūnde qajlabysqanda (nybaq) — tēžrige turyan čylytystar čerge čəgynəptir-lar. tēžride turyan aj čerge qynəlyr, tajgada sałynān sałyn parčən tūžünčən pōłtur. an guš pałlaryn taštəp, tag, dan šyqčən pōłtur. apšijlar yłyačən pōłtur-lar.

60

purun purun pōlyan pōłtur. tag, dyñ tōžünde, suğ, duñ gəžynda ođan turys sałyp, ičeliğ pałalyg, čəqtan pōłtur. an guštun edin otqa šištep, tōs qazanga qar ezildərip, āžəranyp čəqtan pōłtur. ol qurtujaqtyn oylu raq tajgada pā-čörüp, an guš aṇnačən. ol an guštu ođana sōrter əkel-sačən. olaq qarašqy tūnde tajga šygyp, qarašqōq tūnde tajgada enip čörčən. qūryunnug quš tojus pažyn učugup etkenčə, an sogany any čedip ałb-ōdur-čən. andig adyğčy kiži pōlyan pōłtur! ol yurtujaq ođanənan rəq ebes cerde pēs saryaj qās-čörčən. men ajdaryə qəpčəyaj pōłdu, pəlar čadaryə ūr pōłdu.

ičeliğ pałalyg ūr čəqtan pōlyan pōłtur. ulug, sałyn kir kelip sabyrəłdy. ođan tālap użurdu. ođan ištinde ođun ūžurbüstü. pazōq ulug, sałyn saby-rylyp kirdi. aṇ-ōj at qajdan-qajdan kelip čügürdü. ol aṇ-ōj atlyñ sōnda ol olaq čügürdü. ol olaq sogan šurdu. «atpa!» tep, at qyjgyrды. ol olaq any uqpān adaryə tep, čəčəq alyb-ałdy. «atpa!» tep, qurt'jaq qyjgyrды. olaq sogan čəčəq-pyła taštabysty. atty ödürbən sałdy. ol atty ałyp, ylar tajga-dan šygyp, pajlap čurtəp čada-perdiler.

почему нас бросил (ты)?» — Так говоря, плакали оба. Плача-плача, в великое рыдание вступили.

В то время один охотник в тайге промышлял. Диких коз подстерегал. В то время, как он диких коз подстерегал, в далекой тайге сильный треск раздался: трещали деревья (и) камни. То услышав, охотник, не боявшийся до сего времени, испугался. Сам про себя подумал: «Уж не хозяева ли гор, водки напившись, камнями, деревьями швыряются!» Потом, когда взглянул, (увидел): с огромными рогами быки идут. Рогами деревья ломают, копытами землю разрывая, приближаются. Видя то, [этот] охотник еще пуще прежнего испугался. Тот охотник, с тех пор, как [от отца и матери] родился, таких громадных быков не видел, таких больших рогов во всю жизнь не видел. Глядя, охотник очень удивлялся: «Абу! С какими огромными рогами звери в нашу землю вошли! Рога их огромные, глаза их кровавые, подобно огню сверкают! Из какой же это земли пришли такие звери? Как бы не из земли айна они пришли!»

Те быки по горам шли, вспоминая о своей земле, скучали, песню мыча, пели. [Этому] охотнику та песня в сердце [его] крепко запала. Тот охотник эту песню долго слушал. Потом сделал из кедрового комыса, вырвал из хвоста коня волос (и) натянул на комыс [его]. Потом, на [том] комысе играя, ту песню стал петь. (Он) песню тех двух быков запомнил; придя (с промысла) домой, (он) на том комысе играл (и) пел.

[Потом] говорят, что потом тот охотник стал великим сказочником. Когда он ночью играл на комысе и сказку рассказывал, стоящие на небе звезды к земле приближались, стоящий на небе месяц к земле приникал. Бушующий в тайге ветер затихал. Звери (и) птицы, бросив детенышей, из тайги выходили. Старики плакали.

60

Давным-давно тому назад было. У подножья тайги, на берегу воды, юрту поставив, мать и ребенок жили. Мясо зверей и птиц на огне жаря, в берестяном казане снег оттаивая, (так) питаясь жили. Сын той старухи, бродя по дальней тайге, на зверя (и) птицу охотился. [Того] зверя и птицу к балагану притаскивал. Юноша темной ночью в тайгу (промышлять) поднимался, темною же ночью из тайги возвращался. Крылатые птицы не успевали пролететь девять вершин деревьев, как их настигала его стрела. Такой он стрелок был! [Та] старуха [в земле], недалеко от юрты, кандык (и) сарану выкапывала. Мне рассказывать скоро [было], им жить долго [было].

Мать с сыном долго жили. Поднялся большой ветер — забушевал. (Ветер) юрту разрушил и свалил. Огонь в юрте задул. Сильный ветер, забушевав, снова ворвался. Бело-сивый конь откуда-то прибежал. Вслед за тем бело-сивым конем тот юноша прибежал. Тот юноша стрелу вынул. «Не стреляй!» — крикнул конь. Тот юноша, его не слушая, лук взял, чтобы выстрелить. «Не стреляй!» — старуха крикнула. Мальчик стрелу и лук бросил. Коня не убил. Взяв того коня (и) из тайги выйдя, они, богатея, жить стали.

adazyn pilbēn, ičežin unnabān tunmałyg, pečeliḡ čatqan pōltyr. pečezi pēs sarıaj qās-čōrūp, ede āzyrangan. tunmazy uług tajgada aṅ guš ōdōrūp čōrgen. aja turıus-saıyp, qyı urup saıyp, aṅnap čōrūp, ede āzyrangan. ede catqan pōltyrılar.

tajgada aṅ guš kōp poıyan, tajgada pes sarıaj kōp poıyan. tajgada aṅ guš ās pōı-pardy, tajgada pes sarıaj as pōı-pardy. «aštaṅ qyryı ōlerbis-pe? parān!» tajgadan enip, taḡ, tōstep pardyılar. uług, synga šygyp, kōrūp taṅnap turduılar. maı taıaj-šeni čajyıča, čon čyš-šeni turča. čōzagy paška čon čātča, čōrugy paška maı turča. sūt išeṅ qalyq čātča, ajranga qoıyn čunčan čon čātča. pōıar čazyga enip, čada-berdiler.

časqyda qalyq-čon čylyžyp, čōptežib-aıyp, anan ızyx etčāıyr. qam qamnady, aṅ sōnda ızyıa sūbirek paııapčāıyr. ızyxa tutčıtqan at izinen šyqčār. anan qalyq čylyžyb-aıyp, tāxa parčāıyr. pōzo urup qamnatčāıar. atty andōq paııap turıusčāıar. anan ary abyrtqıynı sūmezin išečāıar. oı ert-parıan sōnda atty übüge ākelip saıybysčāıar.

anan maııar-ba čōrčēr. aṅ-mōıa qāda čōrgende maı ōsčēr. epči kizige oı atqa minerge tudarııa čarabānčer. izi pōzu-ıa minčer. oı atty soıarııa čarabānče.

purun purun bōıtur. pēr uług, qam poıtur. oı ıam uług, paj ḡeži bōıtur. aṅ ōıary ḡiži aıyanda oı baıa-zaja pēr paška ōdaḡ, turıusqan bōıtur. aṅ gelinerāne oı ıam pōšōnuṅ ōdaıyna kirerge perbēn, pōzunı pōzagaıyn aııtap paıarııa čarabān bōıtur. anan ārtyn aṅ kelāneri aṅ ōdaıyna kirben-čēnper.

kičig kelōni teze tyṅ učuqqan poıtur. qačēn qāstyzy adaıynda čōq poıyanda qastyzenı adaıyna kir kōrerge šānap, odayəna kir-paryp, pōzaga aııtap nāndəra šyqqanče, kōrūnmes qoı kelōniṅ tuıujun qāb-aı kezəbiskēn. anan qōruqqan ōzəba ēzik kestine saıyzy šygyp kel tūšken. anan saıyzy kir-gelip, oı gelin qōruqqan oıuba ōdaıynan šygyp, čügərük-pe nānbysqan.

oı qam kelgen zōnda ijgi tuıun ēzik tōzünde tāb-aıyp kōrgen. qānəıyp ōıaryn qyıḡeryp suragan: «kemniṅ epčizi mēṅ ōdaıyma kirgen?» tep ajtqan. oı ōıary pirdā sōs ajtpān pildirbēn bōıturılar. anan pār kōrgenner: kičig ke-

Отца не знающие, матери не знающие брат и сестра жили. Старшая сестра кандык (и) сарану выкапывала — [так] питалась. Младший брат в великой тайге зверей (и) птиц убивал; ставя самострелы, расставляя петли, охотился (и) так питался. Так они жили.

В тайге зверя-птицы много было. В тайге кандыка и сараны много было. В тайге зверя-птицы мало стало, кандыка и сараны мало стало. «С голода что ли умрем, пойдем-ка мы!» — (сказали они). Из тайги спустились, по подножью горы пошли. Поднявшись на великий хребет, глядели (и) удивлялись. Скот, словно море, разливается, народ, словно тайга, стоит. Другого обычая народ живет, иной поступи скот стоит. Молоко пьющий народ живет, в айране руки моющий народ живет. Спустился в степь, они (там) жить стали.

Весною народ, собравшись, сговаривается (и) посвящает 'ызыка'. Заставляет шамана камлать. После этого камлания на 'ызыка' навязывают лоскутки. Лошадь, которая предназначена к посвящению, берется от хозяина [ее]. Потом народ, собравшись, отправляется к горе. [Народ] брагу налив, камлать (шамана) заставляет, лошадь там же, привязав, ставят. После этого навар абыртки пьют. После чего приводят лошадь домой (и) отпускают.

Потом (она вместе) со скотом ходит. Когда она ходит [вместе] со скотом, — скот не переводится. Женщине запрещается ездить на той (посвященной) лошади. Только сам хозяин ездит. Ту (посвященную) лошадь колоть нельзя.

Давно-давно (это) было. Один великий шаман был. Тот шаман большой богач [человек] был. Когда его сыновья женились, — он каждому отдельную юрту ставил. Тот шаман невесткам [его] в свою юрту входить не разрешал. Переступать порог запрещал, поэтому невестки [его] в юрту его не входили.

Младшая невестка его очень бойкой была. Когда свекра [ее] в юрте [его] не было, она в юрту свекра (вошла), думая посмотреть; войдя в юрту (свекра), порог переступила (и) назад еще не успела выйти, (как чья то) невидимая рука ее за косы схватила (и их) отрезала. Потом, испугавшись, (она) у двери без памяти упала. Когда потом в себя пришла, [та невестка] испугалась, из юрты [его] вышла и (домой) побежала.

После того как пришел [тот] шаман, (он) две косы у [основания] двери нашел. Рассердившись, сыновей [его] кликнул и спросил: «Чья жена в мою юрту входила?» [говорил]. [Те] сыновья, ни [одного] слова не говоря, не признавались. Потом, пойдя, увидели: у младшей невестки [его] кос нет.

lani tułun çoq, tułujun kestir-şalyr, odayynda odurup ylyapçatqan. anan adazy ołary aytqan: «pō ežik eži (pōzağa eži) aň tułujun kezab-alyan. oł tyn qānabysqan bołza, pāžyn-dā kēzibəzer ēdi!»

aň zōnda kelēner aň odayyna kirerge qoruyqannar; odayyna çagynary a qoruyqannar. edōq qāstyzēna qōšta kelerge qoruyqannar.

64

pər qam gəži połyan połtyr. rāq tajgada çatqan połtur. ol ɣam ištebēn aňnabān çatqan połtyr. «men tōsterim meni āzyrarlar, sler aňnagylalar!» aňçylary aytqan. ol qamnyň kelēneri tajgaga šygyp, qāryg-terig aň guš aňnap sōrtep ākelgen. pazōq qam ajtty: «tajgā šygyp aňnagēla!» ol gelineri aňan tēzibskenner. qam qānyq-kelip tōsterin yzyp, ol tōsteri ol kēlinerin çolğa çedip, çibiskenner.

65

«pistin çōrcūtqan tajgaga çōrbelār! pašqa sōk kēšilerge ajtēannar; çōrzār, pisten kürçek kōrerzār, çirzār.» pašqa kēšini pistin tajgaga aňnary a poša-tpānčabys. «sler çōrzār, aňny otūrb-ālarzār, pistin tajgada aň guš as połar» ajtēannar.

qačan aňny otūrb-alyanda čārānyň čāra šappačanar, agaš tōzünge tajgada suq-şalyčanar. aňnyň sōgün keskende aň toylbačan. am teze, aňnyň sōkterin sōkteš-pe čāra šāp kesčalyr, larsyq čilin alary. qačan āčēqa čōrgende, selej ulug, quštu otūrb-alyanda — ulug, selejdin sōgün-qanattaryn perē ākelčēnner, tajgadan emge ākelčēnner. ālynda aňçy kēšiler selej sōgū qurynun pirge āpar-čōrcēnner, tajga kōp aň-guš tōylzun, tep.

66

purungu orbun ālynda čātčy aň kižiler eski čurtta kelgen połturlar. eski čurtqa anda čātqan połtur (anda čāttyrlar). amdygy čātčy aň aldan tōrt perste tōbare. anan čabał agryg, šyq-kelip, qalyq-čon kōšup pārbystyrlar. pariš qam čabał nebe — ajna ākelēp tūšürtür.

ol tem küsküde połtur. aňçy kēšiler — er kišiler emde çoq połtur. āčēqa pāryan šen połtur. anan āçyqtaň ajlan-kelgenneri — emdagy kišileri parčāzy ol-partyrlar. qajsy pašqa ajmaqtary pārebystyrlar. anan āra nā čerge kelip, čāda-bertirler, qajsy čonu uluk tep čerge pārcatlyrlar. amdy ol ajmaqtyn saryg, kol tep ady polča. qajsy kišiler örey'al tep ajmaqqa kōšup pārbysty-lar, predek tep ajmaqqa čāttylar. kōbēzü con orbun tep ajmaqqa čāčalar.

Сидя с отрезанными косами в юрте [ее], (она) плакала. После отец сыновьям [его] сказал: «Это хозяин двери [порога] ее косы отрезал; он, если бы очень рассердился, и голову бы [ее] отрезал!»

После того невестки в его юрту входить боялись, к юрте его приближаться боялись, (а) также близко к свекру подходить боялись.

64

Один шаман был. (Он) жил в далекой тайге. Тот шаман не работал (и) не охотился, (так) жил. «Мои духи меня прокормят, вы промышляйте!» — [людям] охотникам он говорил. Его невестки, поднявшись в тайгу, на мелких зверей и птиц охотились, (добычу) волоча-приносили. Снова шаман сказал: «Ступайте в тайгу и охотьтесь!» Те невестки оттуда убежали. Шаман, рассердившись, духов (вслед) отправил. Те духи, догнав невесток на пути, (их) съели.

65

«По тайге, в которой мы промышляем, вы не ходите!» — так людям другого рода говорили (обычно). «Если станете ходить, от нас кайок (от лыж) увидите — попробуете! Людям другого рода в нашей тайге охотиться (мы) не разрешаем. Если вы станете (по нашей тайге) ходить (и) если будете убивать (в ней) зверя, в нашей тайге зверя мало будет!» — говорили.

Когда убьют зверя, лопатки его не разламывают, у корня дерева в тайге закапывают. Если кости зверей разрубает, зверь перестает водиться. Теперь же кости зверей разрубает топором, чтобы мозг вынуть. Если во время промысла убьют глухаря [большую птицу], (его) кости и крылья [глухаря] приносят (домой).

Из тайги (их) [сюда] домой приносят. Прежде охотники кости и крылья [глухаря] с собою на промысел брали, чтобы тайгу множество зверей и птиц наполняло.

66

Люди, живущие в (улусе) Сыркаше, в прежнее время из Старого стойбища пришли. Они жили на Старом стойбище, находящемся в четырех верстах ниже улуса Сыркаша, в котором они ныне обитают. Народ оттуда перекочевал из-за того, что худая болезнь [вышла] появилась. Шаман Борис привел злых духов и наслал (их на людей).

То [время] было осенью. Охотников [мужчин] дома не было. [Было время, когда] они ушли на промысел. Потом, когда с промысла (они) пришли, оказалось, что находящиеся дома люди все умерли. Некоторые ушли в другие поселки. [Поэтому] они в 'Новую землю' пришли (и там) стали жить. Некоторые (люди) в местность, называемую 'Юлюк' ушли. Теперь имя того поселка 'Сагыг Коль'. Некоторые люди перекочевали в поселок, называ-

eski čurtqa čatqan čon ōrbun tēp ajmaqta čatčalār. ĭgi sōk čon — pēr sōgū čelej tēp sōk, ĭginčizi četəβer tēp sōk. apšij kəžiler eski čurt tēp ajmaqqa čatqanyn unnapčalār. parčm sōk kəžiler ōšalynan čatqan pōlturłar.

čegirbe pēr čylda kōšūp pārebystylar. ōrbun kəšileri qādyg, čyldan arŷ (aš un čoqtan ara) sagaj čeringe kōš-parŷannar.

anda čiš par pōlŷan (sagaj čerinde). ōrbun ālda čāt-qalŷan on ĭki kōš kəši čāt-qalŷan (on ĭki emner). anda istegenner, anŷagannar, pałyqtagannar. qājy kəšiler kepterin, małłaryn ōrnažyp čigenner. kišige ištep kelip čatqannar łar anda čegirbe ūš čyłŷa, tōrt čyłŷa tōnčū čatqannar. anan pistin-dā aš un čarabysqan pergen, anan qanče-le kōšken čon nandəra kele-bergen.

67

ālynda ančylar pirge qātyš-čōrcūtqanda mendig čōzaq połčan: āčqa pararda pēlnen čepsen-sāl, aŷrybysqanda-ba, ēbəze anan-dā pašqa arāltaq pōl-parŷanda — ančy tēbel tazyŷn, oq-tāryn, azygyn čol čōr kelze ōrta ūležerge pōžənuŷ orduna pir qātyš-pa (artel-be) pir-pēr tūgan kəši ysčan. andig kerek «ten ūleš» adalčan.

68

ālyndā temde qačen ančylar anŷap nānčətqanda, pir-be kəši tōgaš-parŷanda ančylar anŷap quštāp tāpqaŷ nebelerəneŷ ol gižige päre nebe perčenner. ol kižige perbēn sałza, tag, ēzi pazagy čylda an-ma guštu as perer. perbēnčətqan ančylarŷa tag, ēzi tārynchā.

69

ĭgi garyndaš aq kiikti qačyrŷannar. (purungu temde aq kiikter pistin čurt qyjrynga kelčənnar, izig kūnnerde sug, izerge kelčənnar). qačyr-qačəryp turŷuza, qačyr-kēl kūrček-pe ōdūrb-alŷannar. ōdūr-kel, terezin soj-kēl, edin terege šulŷap kēl, čurtuna sōrtep ākelgen. čurtuna nānčətqanda — pir ulūg synnyg, šor kəši ūšqaš kəši, qar-ba čügür-kelgen. čāgyn čügür-kelip, suragan: «pir ūlūš pereziŷ-me?» (pererziŷ-me) ol ĭgi garyndaš qaram kəšiler połŷannar. tāpqaŷ etke āčənyŷ, perbēn sałŷannar. pir-dā sōs ajtqan qāpčə-

емый 'Верхний улус'. (Они) в поселке, называемом 'Проток', живут. Большинство народа живет в поселке, называемом 'Сыркаш'.

Тот народ, который прежде жил в Старом стойбище, теперь живет в поселке [называемом] Сыркаш. Два рода (там) живут; один род называется Челей, второй [род] — Четибер. Старики еще помнят, как они жили в поселке, называемом Старое стойбище. Люди разных родов по отдельности жили.

В двадцать первом году откочевали. Люди, живущие в Сыркаше, из-за того, что наступил тяжелый год — потому что не стало хлеба и муки — перекочевали в землю Сагаев.

Там в земле Сагаев хлеб был. В Сыркаше остались жить двенадцать семей. Там в земле Сагаев они работали, охотились, рыбачили. Некоторые люди обменивали одежду и скот — и так питались; батраками работали, (так) жили. Они так жили до двадцать третьего и до двадцать четвертого года. Потом, когда и у нас хлеба и муки стало достаточно, сколько туда откочевало народу, — назад оттуда все вернулись.

67

Прежде, когда охотники, объединившись (в артели), ходили на промысел, у них такой обычай был: когда человек, приготовившийся и собравшийся идти на охоту, заболел, или случалось какое-либо другое препятствие, то он огнеприпасы, пули, порох, запас давал родственнику, которого и посылал вместо себя с артелью с тем, чтобы, когда тот вернется с промысла, поровну (добычу) делить. Такой обычай назывался: «ровная доля».

68

В прежнее время, когда охотники, возвращаясь с промысла, кого-либо встречали, [охотники] они из промышленной добычи тому человеку что-нибудь давали. Если тому (встреченному) человеку не дать, хозяин гор в следующем году зверей и птиц мало даст. На тех охотников, которые добычей не делятся, хозяин гор сердится.

69

Два брата гоняли оленя. — В прежнее время олень к краю нашего поселка Томазака приходили; приходили, чтобы в жаркие дни воды напиться. — Загнав зверя, они его кайками убили. Убив, шкуру содрав, мясо в шкуру обернули и к поселку поволокли. Когда возвращались к поселку, один человек огромного роста — на шорца похожий — по снегу бежал. Подбежав, спрашивал: «Дашь ли одну долю?» Те два брата были скупые люди. Промышленную добычу пожалели, и не дали. Ничего не ска- зали, скорее лишь на лыжах ушли. Тот человек на них не глядя, в сторону

gaj-le čana-ba pārbysqannar. ol kəši lar̄ya kōrbēn tōγra kōrūp, pirdā nebe ajtpān tajgā-sāra pārbysqan. emde abal̄ary ajtqan: «čaqšy poľbas!»

olōq čylda ol ijgi garyndaš qāndus čolun kōrb-al̄yp, para urarȳa (tur̄yuzarȳa) par̄yannar. qāčen para ur̄yanarda, ačazy suḡ, al̄tynda kir-par̄yan. suḡ, ēzi āny tartyb-al̄yan — tep ajtčalar.

70

añčılar pel suḡda aṇnagannar. čoruq on̄ poľup, añčılar kōp tük nebe tār̄qannar. ol añčilardyn̄ pērēzi qara al̄buga qōrumnan̄ tudub-al̄yp, odaγa akkeldi. odaγa akkelip, ar̄γyštārēnan̄ čāžerȳp, suq-sal̄dy (pirdā nebe ajtpān).

as aṇnady-ba, kōp aṇnady-ba, — ol añči ar̄ybūsqan. čazarȳa qam čoq poľyan. čazarȳa kəži čoq poľyan. aqtap öler šēnīne čēt-pārdy. añčılar aṇnap engenerde ol añčilarȳa ajtty: «men qara al̄bugany tudub-al̄yp, suq-sal̄yam, slerge ajtpān!»

tünde ol tajganȳ ēši kelip, ol ar̄ryḡ, aṇčyny qānyqqan poľtur «mēṇ asqyrymny čōk añčilardan̄ čāžyrdyn̄? mēṇ gara asqyremny per! tep. men pergen aṇ-guṣumnu añčılar-ba üleşpezen̄, tynynny al̄b-al̄yp, tagyma pektep sal̄arym. anda öl-pārzyṇ!» qānyq-kel, ede ajtqan poľtur. añčılar sūq-sal̄yan qara al̄bugan̄ terezin̄ tāb-al̄yannar. tāb-al̄yp, pirdā nebe ajtpān t̄juqqa hol̄yannar. anan̄ āčyqtan̄ emge kelgennerde ap̄sijlar any ugub-al̄yp, ol aṇčy gəžini ujattyryannar.

pistin̄ andiḡ čōzaḡ, par: ar̄ryštārēnan̄ pirdā tijiṇ quzēruγu čāžyrȳan kiži — ol čaqšy giži ebes! ol mayatla ujat. andiḡ kižini pašqa artel al̄bazōq. pirdā añčılar postary-ba āčyqa apparbastar. «piske andiḡ kiži kerek čoq!» tep ajdarlar.

71

qān tužunda sadyḡčȳlar tajgā sātys̄-čōrčēṇner. aṇčȳlarȳa parčim tažar-lar amnatqa perčēṇner. čoq aṇčȳlar aṇnap pār̄ya sadyḡčȳlardan̄ tāry, drop ānan̄-dā neβeler al̄čāṇner. pajlar aṇčȳlarȳa parčēn aṇnačāṇ nebeler perčēṇ, larōq myľtyq satčēṇner. küsküde āčqa paryp, tiṇ, saras, al̄byga atčāṇnar. üjge nan̄yannarynda sadyḡčȳ andōq poľčēṇ. tük nebeni amnatqa kire al̄dȳlar aṇčȳlardy aragy ežirtip, tük nebeni al̄čāṇnar. ānan̄ tük nebe sadyp, pojlar̄y pajlačāṇner. olōq pajlar čoq tajgadegi šorlarȳa quzuqqa čiš-pe tažarlar perčēṇner. anan̄ guzuqtu al̄čēṇner. turaga āparčāṇnar, ol quzuqty turā ākelip sadyščāṇnar.

смотря, ничего не сказал и ушел по направлению к тайге. Дома их отец сказал: «Хорошо не будет!»

В тот же год те два брата, выследив выдру, сеть ставить пошли. Когда они сеть ставили, старший брат под воду ушел. Хозяин воды его утянул; — так говорят.

70

Охотники в тайге Бельсу охотились. Промысел был удачен. Они много пушнины добыли. Один из тех охотников, в россыпях камней черного соболя поймав, к охотничьему стану принес (его). Принес к стану, (он его) утаив от товарищей, спрятал, ничего не сказал.

Мало ли охотился, много ли охотился, — тот охотник [-человек] заболел. Чтобы его лечить, шамана не было. Никого не было, чтобы его лечить. Умирать совсем время пришло. Когда охотники с промысла (к охотничьему стану) вернулись, тот охотник им сказал: «Я черного соболя поймал и спрятал, вам (ничего) не сказал!»

Оказывается, хозяин той тайги, придя ночью, того больного охотника ругал. «Моего жеребца от охотников зачем спрятал? Моего черного жеребца отдай! Зверем-птицей, мною данными, если с товарищами не поделишься, я душу твою возьму (и) в горе запру! Тогда умрешь!» — рассердясь, так говорил, оказывается.

Охотники запрятанную шкуру черного соболя нашли. Найдя, ничего не говорили, молчали. Потом, когда с промысла домой пришли, старики, о том услышав, того охотника [-человека] стыдили.

У нас такой обычай есть: человек, который от товарищей хоть один хвост белки утаит, — нехороший человек! Это большой стыд. Такого человека другая артель не возьмет. Охотники с собой на промысел не возьмут. «Нам такого человека не надо!» — (они) скажут.

71

В царское время торговцы в тайге торговали. (Они) охотникам разные товары в долг давали. Бедные охотники, чтобы идти охотиться, от торговцев брали порох, дробь и другие вещи. Богач охотникам всякие охотничьи принадлежности давал. Они же (богачи) ружья продавали. Охотники, отправляясь осенью на охоту, белку, колонка, соболя стреляли. Когда возвращались домой, торговцы там же уже были: пушнину за долг брали. Спаивая охотников водкой, пушнину (от них) отбирали. Потом, продав пушнину, [сами] богатели. Те же богачи бедным таежным шорцам под орех хлеб и товар давали. Потом орех отбирали (и) в город возили. Привезя тот орех в город, орех продавали.

qān tužunda tajgadā šorlar časqəda aštaçannar: časqyda tajgada qādyg künner poļçañ. čiš tajgada četpeçeñ. oyanar čirge suraçannar. aņcy pajga pāryp, abanatqa čiš suraçañ. paj aga čiš, šaj, taqpy anañ-dā ōske nebeler perçeñ. emdegizi-be oyanarýna künekke tavar aļarýa ajtçañ. küsküde qaçān aņcy ačyqtañ kelgende paj aga kelçeñ. kēlip, abanattyn üçün tük nebe aļçañ. čoq aņcy pāzoq amnatqa t'uščeñ, emdagylaryn āzyrarya.

ālynda šordun pajlary qajde pajlannar. andyg, čoсах-ра. nebe unnaβas qaļyqqa qudajlar paşoq čüstükter sadaryā aparçannar. anañ qaçān kišige kirgende qudajdy saļa-berçeñ «sēñ gudajyn kičəgeš pōltur. kičig qudaj kəšige tyn ačynmāñčā. po gudajdy men saga turýuša pērčam!» — «meñ šagam tōlerge neβe čoq!» — «qaçān aqča tāpsañ, tōlersiñ!» anañ ol ārtəša pērča.

qaçān añ guš annapčāyan šende kelča, ol paj kəši pergen qudajýnan üçün tōletrerge ajtča: «ol yudajdan üçün tōlersiñ pər peš tijiñ eβəze iği goļū-naq». anañ ol čoq kəši ajtča: «ol šen köp poļar!» anañ ol paj kəši ajtča: «qudajdy sadyšaryā čoq!» anañ ol čoq kəši tük nebe pērča.

qaçān paj kəši tajgada čatčāyan čoq kišige kirgende, qannyn sōbu kartinkenē kōrb-ālyanda ēšineñ č'juqqanañ ol kartinkenē qannyn čüşün piš-pe ōtre šāš-saļča. anañ ol kišige ajtča: «sen pōñ čüşün qaragyn piš-pe ōtre šāš-saļtyrşyn, men qānya uguşarym.» anañ ol čoq kəši čaļyanča: «sen ajtpa, men saga nō-ļa surān neβe perēm» anañ aqčasy čoqta aga iš-pe ertize pērča eβəze tük nebe pērča.

pistiñ orbāñ sovediniñ ištinde pər paj kəši poļyan. ōregi ālyā čatqan. qaçān čoq kəši aga neβe aļarýa paryanda abanatqa perçeñ. qaçān perčāyanda ajtča: «pāşy ol šenke turča». anañ ol gəši ālb-āļča. qaçān tōlerge paryanda paj kəši ajtča: «ol neβe pāşy ol šenke turča». pāštapqy aļyan pāşēnañ uš tōrt celkovyj artyq surapča. čoq kəši tōlanča «ede tōlep perbešem, sōnda maýa neβe saqtaryā perbes» anañ tük nebe-be tōlep pērča.

Во времена царя таежные шорцы весною обычно голодали. Весною в тайге тяжелые дни наступали. Еды в тайге нехватало. Дети просили есть. Охотник, отправившись к богачу, просил в долг хлеб. Богач ему хлеб, чай, табак и, кроме того, другие вещи давал. На платья жене и детям товар предлагал взять. Осенью, когда охотник с охоты приходил, богач к нему приходил. Придя, за долг пушнину брал. Бедный охотник снова в долг попадал, чтобы домашних (жен и детей) прокормить.

В прежнее время шорские богачи как богатели?! — Вот так: ничего не знающему народу привозили продавать иконы и колечки. [Потом] когда (торговец) к (этому) человеку входил, (он) икону ставил (говоря): «Твой куда-й (-твоя икона) — маленький! Маленький куда-й человека очень не жалеет! Я тебе этого куда-й поставлю!» — «У меня заплатить нечем!» — бедняк возражает. «Когда деньги найдешь, заплатишь!» — (торговец говорит и) оставляет (икону).

Когда наступает время промысла [на зверей и птиц], тот богатый человек заставляет платить за данную икону (и) говорит: «За ту икону ты заплатишь пять белок или два колонка!» [Потом] тот бедняк говорит: «Уж очень много будет!» [Потом тот] богатый человек говорит: «Торговаться за икону нельзя!» Потом тот бедный человек пушнину отдает.

Когда богач к живущему в тайге бедному человеку входил и изображение царя на картинке видел, он потихоньку от хозяина изображение царя на той картинке шилом прокалывал. Потом тому человеку говорил: «Ты этого (царя) лицо, глаза шилом насквозь, оказывается, проткнул! Я царю донесу!» [Потом] тот бедный человек умоляет: «Ты не говори, я тебе, что ты ни запросишь, все дам!» Бедный человек потом, если (у него) нет денег, ему (богачу) отработывает или дает пушнину.

В нашем Сыркашенском сельсовете один богатый человек был. Он жил в Чульджане. Когда бедный человек к нему отправлялся [чтобы что-нибудь взять], он обычно в долг давал. Когда (богач) дает, он говорит: «Цена такая-то будет!» Потом тот бедный человек берет. Когда идет платить, богатый человек говорит: «Этой вещи цена такая-то!» На три-четыре рубля больше, чем первый раз назначал, просит. Бедный человек рассуждает: «Если так не заплачу, после мне в долг ничего не даст!» Потом уплачивает пушниной.

maga časqyda ödük alaryňa kerek polýan. ol paj kişige parýam. maga pergen, ajtýan. «sëgis celkovyjýa turça!» qačan tölerge parýamda ol paj kəşi ajtça: «ol ödük on iki celkovyjýa turýan. qačan men küsküde açqa pärkelgemde tölerge pardym, ajtça «tük neşe äkeldin-ma? ol ödük ol iki celkovyjýa turýan». men toňanyam: ede tölep perbezem, sonda ma päşa neşe perbes. anan men çegirbe tijn, üši qolənaq tölep perdım. oloq šende tijn çegirbe peş aqçadan, qolənaq iki celkovyj sëgəşon aqçadan turýan.

qačan açyqqa çepsenerge açça surap parýanda ol paj kəşi aqça pərça. on celkovyj perze, qačan tük nebe-be tölepçan, ol on peş çalkovyj surapçan. paryşy peş celkovyj.

76

tomasagtyn pajlary tänyş kişilerge, tугan kəşilerge sadyşaryňa aqça pərçenner. peş çüs celkovyjden, üş çüs celkovyjden tijn, albyga, qolənaq alaryňa pərçenner. ol gişilerdi sagajýa — sagaj çeringe tük maľ alaryňa ysçannar. qošta çerlerde pōstary pajlar çörəp çygçannar. ol kişilerge tijn-me albyganyn päşyn palap pərçenner. çegirbe peş aqçadan tijn, qolənaq celkovyj sëgəşon peş aqçadan, albyga peş celkovyjdan şygara on peş celkovajga. qara albygān päşy pašqa.

anan ol ysqan paryan kişiler tük nebeni ol pä-ba alçannar, anan ol alçaryan kişiler qalyançy ajmaqqa ançylaryňa üdöre parçannar anda çädyp, ançylardyň nanarlaryň saqtaçannar. ançylardy saqtap alyp, tük nebelerin anda sadyş-kelip-alçalar. prede pol-parça: alçan kişiler sadygçylar köp pol-parýanda — tijnⁿⁱ pər igi aqçadan qoş-kelip sadyh-alçalar. anan ol kişiler pōstarənyň çeringe nānçalar, tük nebe-be nānçala'r.

Igi üş künnün päžynda aqça alýan pajga araga-ba, çygan tük nebezi-be pərçalar. ol ede tomasaqqa aparçalar. anan kərip, ol paj kişige päştap-la toyaşyp alyp, araga pərça. anan ol paj kəşi surapça: «qančaden tük nebeni çydyň?» pō çygan kəşi ajt-pərça: «çypčaryan kişiler tyn köp poldu. Igi aqçadan tijn qolənaqqa qoşup alđym. pōşqa nānmastan arý alđym». po paj kəşi päžyn çajqapça, erbektepça: «slerdin solarynda tom turadan, irbitten telegram alđym: tijn qolənaq päşy tüş-pardy. men olžen qyjmatty al polbassym, nodan arā teze telegram men alyp alýam. sen tük nebelerinⁿⁱ satçen çer polza, sadybyza perer edin». ol any pəlerge erbektepça. ol tük nebe çygan kəşi erik çoqta anan pašqa çerge pərçen çoyul, aqça teze anyjy, pašqa çerge sadaryňa çoq, aqçazy četpes-tā polza, çigan tük nebezin aga, paj kəşige, pərça. anan pō kişiniň aqça četpənça, abanat pol-parça. abanatqa kire, mūnčagan adyn, sarpçagan çagys negin ol paj kəşige abanattan üçün pərça.

Мне нужно было взять весною сапоги, я пошел к тому богачу. (Он) мне (их) дал и сказал: «Стоят восемь рублей». Когда платить я пришел, тот богатый человек говорит: «Те сапоги стоили двенадцать рублей». Когда я осенью сходил на промысел и вернулся, я пошел платить. (Богач) спросил: «Пушнину принес ли ты? Те сапоги стоили двенадцать рублей». Я подумал, [так] если не заплачу, после мне ничего больше не даст. Потом я отдал двадцать белок, три колонка. В то время белка стоила по двадцать пять копеек, колонок по два рубля восемьдесят копеек.

Когда идут просить деньги в долг, чтобы на промысел снарядиться, тот богатый человек дает. Если десять рублей даст, когда пушниной ему уплачивают, он требует пятнадцать рублей. Пять рублей барыша.

76

Мысковские богачи давали деньги знакомым и родственникам, чтобы торговать. По пятьсот рублей, по триста рублей давали, чтобы скупать белку, соболя и колонка. Тех людей (богачи) посылали в Сагаи скупать пушнину. В близко расположенных землях богачи сами [обходя] (пушнину) собирали. Цену белки и соболя тем людям (они) назначали: белка по двадцать пять копеек, колонок по рублю восемьдесят пять копеек, соболь — начиная от пяти рублей до пятнадцати рублей, цена черного соболя — особо.

Потом те посланные [отправившиеся] люди пушнину по этой цене брали. [Потом] те скупающие люди отправлялись в самые отдаленные поселки (наиболее близкие к месту промысла) навстречу промышленникам. Живя там, (они) ждут возвращения охотников. Дождавшись охотников, они скупают там пушнину. Иногда случается, когда скупающих людей, торговцев много съедется, они покупают белку, набавив по одной-две копейке. Потом те люди в свои места возвращаются. С пушниной возвращаются.

Через два-три дня они едут с водкой, с собранной пушниной к богачу, от которого взяли деньги. Они так (пушнину) в Томазак везут. Войдя (скупщик) встречает богача (и) прежде всего водку ему подает. Потом тот богатый человек спрашивает: «Почем пушнину ты собирал?» Этот скупавший человек говорит: «Скупавших людей очень много было. По две копейки на белку и на колонка набавляя, купил. Купил, чтобы назад пустым не возвращаться!» Этот богатый человек головой качает — разговаривает: «После вас телеграмму я получил из Томска и Ирбита: цена на белку и колонка упала. Я по этой цене (пушнину) взять не могу, потому что я телеграмму получил. Ты пушнину продал бы, если у тебя есть место, где ты можешь ее продать!» Он нарочно так говорит. Скупщику в другом месте продать негде, деньги же — его (богача). И хоть с убытком, (он) собранную пушнину богатому человеку отдает. Потом, если у этого человека денег нехватает, он впадает в долг. Попад в долг, тому богатому человеку коня, на котором ездит, единственную дойную корову отдает.

oĭ kerek-pe oĭ paj kəšiler qaĭyan aĭy-ba negin küš-pe aĭb-aĭyp oĭdurĭannar. maĭy čoq pōlza, čaĭya čattıryb-oĭdurĭannar, prēde poĭčan paĭa-ryn čaĭya aĭčanar. pēr čyĭdan čattırcānna, ĭgi čyĭdan čādyp, tōlečenner.

77

purungu qyrĭystar sagaj čāna kōbūr zug, ištınče kōškenner. tajas peltrē aĭtynčā tura-zāry ħaryannar. pır gabaq-čā entirler (tūštürler). anaĭ saga-če pārtırlar. ũüstagy ħajanyĭ čolun oĭlar enne paštap saĭyp, anary šyqqannar. oĭ ħyrgystar parēm maĭ ħuštary ħōzobe kōškenner. oĭ čol aramnada čācy-gan ħiželer oĭ čājyn ajdanna et-pe (et čip) čātqannar. oĭ qyrĭystardyn maĭ ħuštary qačyrĭanarda — oĭlardyn maĭ ħuštary čolĭya qaĭčen bōltur.

pō ħajany qyrĭystar šyqqan čabaĭ ħaja dep adapčalar. pō ħaja zagadaĭ endre enne prāstyn ħāžynda bōlčā. qysqyda oĭ čol-če šanaqtyn at-pōla šygaryā ār. tyn mōzūk. ār šanaq-pa teze šyq-poĭbānčalar.

78

purunda qyrĭystar āqystaĭ endre čātqannar. enne paštap čer čajyĭyanda, agaštār nāĭa čerdēn šyq-ōšcitqanarynda — qyrĭystar oĭ agaštardaĭ qōrēyup pašqa čerge teziḡskinner. eĭ ħyrgystar mātyr-če pāryb-oĭdurĭanarda — pāžy mātyr ħāžynda bōĭyon, ũžu čāzy čul ħeltrinde bōĭyon. ũšu-ħāžy čēgirbe beš perste šenē bōĭyan.

79.

qyrĭystar pōga čōrgennerde, mynda čācyĭyan ħižiler tābaq čipcyĭyanyn pilb-aĭyannarynda oĭ ħižilerdin tabaqtaryn taptıryp, tazyryā-ba šymaqtačān bōlturlar. oĭ ħēžiler tabaqtaryn ēn čerge čāžyryp, čer qāžyp, aga ũĭan turĭyuzup, tabaqty aga ũrup, čičēn bōlturlar. oĭ ħyrgystar tabaq tāb-aĭyanda sagaj-zāry apparčen bōlturlar. tabaqtaryn qyrĭystar āparbsqanda — čir nebe-leri čoq, šejne ħāžy tōžün qās, qartopqa čyĭab-oq oraĭačen poĭturlar. qajēzy maĭtyryān tōžün qāžyp oraĭačān bōlturlar. maĭtyryān dōžü qarčēyāj čiš parča. maĭtyryān tōžü oraĭānnary maĭtyryān tōžü čys paryānda — qarbaq-čaĭ poĭtur. šejne tōžün oraĭānnary tirin qaĭčen poĭturlar.

pēr ħādap qyrĭystar mynda kelgennerinde pēr ōmge kirtirler. ōm ēlerī tābaq čib-oĭdurčātırlar. oĭlardyn ħir kičin oĭyan poĭtur. oĭ ħaĭa ajttır: «pō čulĭyūš qyrĭystar pāzoq tabaq ōrlap āpararyā keltirler». tep ajttır. oĭ ħaĭa ede ajtqanda — pō qyrĭystar oĭ ħaĭany oĭdürerge ettirler. ičezi paĭazyn oĭdür-bēn ārtıyā-ħererge yĭyap kēl čaĭyantır. oĭ ħyrgystar ũstōldyn pır čānga

Таким образом те богатые люди последнюю лошадь и корову насильно забирали. Если же не было скота, (должников) работать на себя заставляли. Иногда случалось, что за долг детей брали. По одному, по два года в работниках живя, (таким путем долг) уплачивали.

77

(Однажды) в старину киргизы откочевывали из Сагайской (степи) и шли по течению реки Кобырсу, ниже устья реки Таяс. Они направлялись к [городу] Кузнецку. Они спустились по склону (горы), оттуда через улус Сага ехали. По горе, расположенной у улуса, впервые прокладывая путь, они [туда] поднимались. Те киргизы кочевали вместе со всем своим скотом. Люди, живущие на [том] пути, все лето мясом питались. Когда [те] киргизы скот гнали, их скот на дороге оставался (погибал).

Эту гору называют: «Скверная гора, по которой поднимались киргизы». Эта гора находится у самого берега реки Мрассу, внизу улуса Сага. Зимой по этой дороге подниматься с лошастью, запряженной в сани, тяжело. Очень высоко. С тяжелыми саниями подниматься не могут.

78

Прежде киргизы жили вниз по р. Аскыс. В самом начале, когда земля сотворилась, когда деревья только-что начали вырастать [выходя из земли], киргизы, испугавшись тех деревьев, в другую землю убежали. Когда те киргизы ехали через Матур, головной конец их каравана в вершине Матура был, другой конец — в устье Чазы-чула был. Между двумя концами было около двадцати пяти верст.

79

Когда киргизы сюда приходили, (и) [когда] узнали, что здесь живущие люди хлеб едят, (они) тех людей прутьями стегали, требуя от них хлеба. Те люди хлеб [их] в пустынной местности скрывали. Выкопав землю, берег-стяной чан поставив, хлеб туда насыпали, — так питались. Когда те киргизы хлеб находили, они увозили его по направлению к Сагайской степи. Когда киргизы увозили хлеб, (то) никакой еды не оставалось. Выкопав корни пиона, закапывали (их) подобно картофелю; некоторые [из них] корни борщевника, выкопав, (тоже) закапывали. Корни борщевника быстро сгнивают. Те, которые закапывали корни борщевника, — когда корни борщевника сгнивали, — голодали. Те, которые корни пиона закапывали, в живых оставались.

Однажды, когда киргизы сюда пришли, (они) в один дом вошли. Хозяева дома сидели и хлеб ели. У них один маленький мальчик был. Тот ребенок сказал: «Эти воры киргизы опять хлеб ограбить и увести пришли!» [говоря, сказал.] Когда тот ребенок так сказал, [эти] киргизы того ребенка убить хотели. Мать его, плача, упрашивала, чтобы ребенка ее оставили

čag, sałtyrılar. ol bala qal bolza, sogdy tudar tep, saıyştyn pölza — čagdy čir tep. anan ol bala sogdy tudup, qolyn örtep, ıııaptyr. anan ol qyrıystar ol pałany qal-böltyr dep, ödürbenner.

80

alında po čer paštap čajalynda agaš čoq, aq čazy bolıan. aqys pel-teri tüsterinde, tō beltirinde qyrıystar čatqannar. pir qys qan ol ıys-tardy mekeleptir «čerden müster ösçe tep. sler pašqa čerge köš-parār. anarā pōya čatšār, ol čerden ösčöyan müster slerdi parčalarynıy mälaryn közibe qyrybzār» tep. ol sösti šynapta körzeler, čerden müster šyqqyapčā. any qyrıystar körip, pō šyn bolar tep, qajazy pašqa čerge köškenner, qajzy ügü-lerin piła-ban kezip, üglerine pastyrıannar. qajaya-dā parza ölčenbis, tep, sanab-alyıp, postaroq ülgeringe pastyrıannar.

ol qyrıystarğa paštap er qan kelip ajtqan: «pašqa čerge parār. pōya pašqa čon čadar» tep. ol qyrıystar unabān saııannar: «pis qajaya-dā čat-sabys, saıya pašqa ebes-pe?» tep. ān zōnan qys qan gelip qyrıystardy meke-lebsken. ol ıys qan hilgen mynda pašqa čon čadarğa, anaara qyrıystar küštüg, kiželer ol čonny qırtārılar, tep (abijde edérler, tep).

ol čerden müs ösçe-tep ajtqany — pō čerden aıašy ösčätqan bōltur.

81

purunda qobyjdan qāš tūmynga pārtırlar. tūm pōlep erbektežip, pər söske geltirler — qālyqty üležerge. qajde üležerin onnaš połbān. čan čan-ma küreškenner. kem taštabzar, ol giženi čanga köp kiži bōl-pararğa. qobyj gižzi taštabstır. olar aga kelišpēdirler. tigeler aga čöpsynmentir-ler. anan pər gēzi ajttır: «qur tārtyš-köreñner, kemni čanga köp üzül-parar, qālyq ānyjı bolar!» anan tārtyšqanarynda — qāš čanga köp üzül-parıan. qālyq ıarğa anan āry köp kēr-parıan. pēstiñ pō čanga anan āry as qālyq qalıan.

82

tō čannan kelgen iğı paštyq čaqyp čaropej-be iğeleleri küštüg kiželer bolıannar. tō dōbere tō-be taštyp arazēnda üšemček tep tag, połıan. ol tagğa tāx tājyna čon čylčān. čaqyp paštyq połıan. qobyj zōk kižiler anda bolıannar. anda qobyj šōk kiželer čylčānnar. čazyndaıy qobyjlar čazy čan-

и не убивали. Те киргизы на одну сторону стола уголь с огнем положили, на другую сторону — сало положили, говоря: «Если тот ребенок глухой — уголь возьмет, если умный, — сало есть станет!» Тот ребенок схватил уголь, руку [его] обжег, плакал. Потом киргизы, сочтя того ребенка глухим, его не убили.

80

Прежде, когда эта земля впервые сотворилась, без деревьев чистая степь была. На реке Аскысе, у устья реки Тöö, киргизы жили. Одна девица-царь тех киргизов обманула, говоря: «Из земли рога растут, вы в другую землю перекочуйте, иначе, если здесь будете жить, из [той] земли выросшие рога вас всех с вашим скотом вместе уничтожат!» Приняв те слова за истину, [когда] посмотрели: из земли рога выходят. Киргизы, то увидев, подумали, что это, пожалуй, правда. Некоторые в другую землю перекочевали, некоторые, дома свои пилою подпилив, дали себя придавить. «Куда бы мы ни отправились — все равно умрем» — [говоря] (так) подумав, своим собственным домам дали себя задавить.

К тем киргизам вначале мужчина царь пришел и сказал: «В другую землю отправляйтесь, здесь другой народ жить станет!» Те киргизы не согласились. «Где бы мы ни жили, тебе не все ли равно!» — говорили. После того, девица-царь, придя, киргизов обманула. Та девица знала, что здесь другой народ жить будет; так как киргизы сильные люди — они тот народ притеснять [обиды делать] станут.

Говорили, что из земли вырастают рога, — оказывается, то вырастали деревья.

81

Встарину из рода Кобый к Качинцам на собрание думы ездили. Когда дума происходила, промеж собой говорили, к одному мнению пришли — народ разделить. Каким образом делить — не знали. Сторона со стороной боролись. Кто поборет, на стороне того человека больше народа будет. Человек рода Кобый верх взял.

Они (качинцы) не согласились. Они этим недовольны были. Потом один человек сказал: «Пояс тянуть станем-ка мы! На чью сторону больше оборвется — больше тому человеку народу будет!» Потом, когда (пояс) друг у друга перетягивали, на сторону качинцев больше оборвалось. Народ к ним поэтому в большем количестве отошел. На нашей — на этой стороне, поэтому, народа мало осталось.

82

Пришедшие с реки Тöö два паштыка Яков и Ерофей, оба были сильные люди. Вниз по реке Тöö, между р. Тöö и Таштыном, стоит гора, называемая Ушемчек. К той горе народ обычно собирался на горное жертвоприношение. Яков был паштыком. [Люди рода Кобый там были.] Там

nan çylçannar, çyştayy qobyjlär çyş çannan çylçannar. mynan qobyjlär pałyq-pa peş apparçenner. çazyndaıy qobyjlar maı ākelçen boıturlar.

čazy qobyjlary çyş qobyjlary pałyq ākelgennerde — tiriji-be čök ākelbedār dep, sojčannar boıtyr. eski bałyq ākelgende — çyzyıan pałyq ākeltirzar dep, sojčannar boıturlar. peş-pe zaryaj ākelgennerde — čystyx çyzyx saryaj peş ākeltirzar, tep sojčanner boıturlar. çaqyp-pəla čaropej küştep tarynyp čapčan boıturlar: «çyzyx pałyq, āq peş saryaj ākelčizar» dep. anan pēre çyştayy gobyjlar tō čanga tax tājəna pāza barbačan boıturlar.

83

qazaq turadan tajgaga paryp, peı suğda anda šaglaşqannar. sagajdan ojrot qan kelgen; anan ojrot qanny ödür saıyannar. anyn gany šačyl-qalın — qəzyl yaja püdül-yalın. po čer ojrot tüşşen qolug, čer tep adalın. orbunnan čegirbe peş perste öre čerde.

84

aıgutik aıyp pōıtur. qondumya çatqan. ol qazan qāny-ba šaglaşqan oqča tuşunda oqča-ba. küşü aıban qalın, any tutul-alıyannar. qazan čerinde ol qāryp paryan. at qatačyzy polın. nek qatačysy andıyoq paşqa čerdən kelgen gys kəşi polın. kök qaja paşynda oturup syqtap čörgen. tōıus quqqaj at paşy qyryjəna oturčer, syqtapčār. aıgutik any iki kün kör-gen. üşüncü künde paryan. po tegen kəşi pōıbas, aıyp tölü kişi pōılar.

anan tōyaş, erbekteşken «po tōıus taş üstüne, po toıus paş qyryjna oturup, nōya yııapčan?» — «pō toıus taş, po tōıus paş aıyp pōırtıy paş-tary polčan!» tegen. «ol tōıus pōırtat qajdan kelgen polın?» ol gys anan ajtqan: «menin toıus qāryndaşymnyı attarənyı paşy polča. aıyndaıy tušta čalaşqan polıyannar, āryg, küşübüs aıban qalın. toıus qaryndaşym ödürtüp saıyannar. anan men kelgem, küşüm aıban-oq saıyan». — «sēn adyn nō qys-syn?» aıgutik ajtqan. «men šor qys polčam! sen nō kəşi polčan-syn, qaryp paryan apşij kəşi?» — «men qondum suğdan kelgen aıgutik tep apşij kişi-min, qazan qānə-ba šaılaşyp, küşüm aıban saıyan. pis pede iki qadačy aıyş-salaı!» aıyş-saıyannar, lar tıjuqqa aıyş-saıyannar.

aıyşqan sonda üş çyldyn paşynda aıgutik apşij ölüp-pāryan. šor qurtu-jaq qursaqtyg, qalın «men apşyjymnyı palazyn paşqa čerde tuıpassym,

собирались обычно люди рода Кобый. Кобыйцы, живущие в степи, со стороны степи собирались. Кобыйцы, живущие в тайге, со стороны тайги собирались. Отсюда кобыйцы возили рыбу и кандык. Степные кобыйцы привозили скот.

Когда таежные кобыйцы привозили рыбу, степные кобыйцы стегали их, говоря: «Почему не привезли живых рыб?» Когда старую рыбу привозили, стегали, говоря: «Вы привезли гнилую рыбу!» Когда привозили кандык и сарану, стегали (их), говоря: «Вонючий, гнилой кандык и сарану вы привезли!» Яков и Ерофей, сильно сердясь, (их) били, говоря: «Гнилую рыбу, мелкий кандык и сарану вы привезли!» С тех пор, живущие в тайге больше к реке Тöö на горное жертвоприношение не стали ездить.

83

Русские, отправясь из Кузнецка в тайгу, на реке Бельсу [там] воевали. Из Сагая хан Ойрот пришел; потом (русские) убили ойротского хана. Его кровь разбрызгалась — красная скала создалась. Это место называется: «Имеющая ущелье земля, по которой спустился Ойрот». Выше Сыркаша в двадцати верстах (оно) находится.

84

Алгутик богатырь был. На (реке) Кондоме жил. Он с казанским ханом воевал; в то время были луки и стрелы. В казанской земле он состарился. Он был пастухом лошадей. Пастухом коров была девица [человек], также пришедшая из чужой земли. Сидя на вершине Синей скалы, (она) плакала. Около голов погибших лошадей сидит (она) и плачет. Два дня смотрел на нее Алгутик. На третий день к ней пошел. «Это не простой человек — она из богатырского поколения человек будет!» (подумал).

Потом, встретясь, (они) между собой разговаривали: «На этих девяти камнях, около этих девяти голов сидя, почему ты плачешь?» (он спрашивал). «Эти девять камней, эти девять голов — головы девяти богатырских серых лошадей!» — она отвечала. — «Те девять серых лошадей откуда пришли?» — Та девица на это сказала: «Это головы лошадей моих девяти братьев. В прежнее время они воевали, чистой силы нашей нехватило, девять братьев моих убили. Потом я пришла. У меня тоже силы нехватило». — «Как твое имя?» — Алгутик спросил. «Я шорская девица. Ты что за человек будешь, состарившийся [старик] человек?» — «Я старик по имени Алгутик, пришедший с реки Кондомы. Когда я с казанским ханом воевал, у меня силы нехватило. Мы [так] два пастуха давай-ка поженимся!» [Поженились] они потихоньку поженились.

Через три года после того как они поженились, старик Алгутик умер. Шорская старуха осталась беременной. «Ребенка моего мужа в чужой земле я не стану родить. В землю его [найдя ее] отправлюсь (и там)

čerine, tabyp, paryp, tūyarym. qazan čerinde tuł pōr'attyn pālazy par. āny tutub~ālzam, tešerim» anan tutub~ālzan, anan tesken. anan kelip, qom-dumya tūyan. anan šyğara pistin kišini šor čonu tep adap sałyan.

85

šot čon tajgā šaɣlažarya kelgenner. qyj šōk kəžiler-be saɣlašqannar, qyzaj šōk kəžiler-be saɣlašqannar, pašqa-dā šōk-pe (šōk kižiler-be) šaɣlašqannar. ol šağda kōp kišni ödürgenner. qalyq tajgaga tēzip, qōrum arazəna čažynyannar. šaɣlaža-žaɣlaža kelgenneri—soyan čačaqтары parčēn synār kūn połdu. šot čon qada-gāda kelip, qalyqty ödərüp, qałan čyb~oduryannar. tük nebe, tebir ałčanar. šot čon kелgende — tēzig kižiler pałlarə-ba qaraq čaštaryn tōkčēnner, yɣaščannar. er kišileri nā čačaq ištep, qurug, taramnan kəriš tārčanar.

küskü kelip, qar tüzüp, sōq pōla-berdi. ańcyłar ācəqa pārya čepseneberdiler. epči kižileri āzyq pelnediler. čol pararda araga ižip, tajgā šačyg, šaštylar. ol temde pazoq šot čon keldi. ɣardy kōrüp, emdagylary pāłaryn alynganče, taš arazəna čažyndylar. ɣardy kōrəp, tajgada ań gus parčēn gōruyp, annar innerin taštap, quštar ujałaryn taštap testiler.

tajgā qalygy mūstağdyn tōzüne čylyštylar. pōs pōženun sōgüne pōlnüp ijgi čānap tur-kel, sōt čonun attylar. šōk-saja pōstarənyń alyptar ałənan šygyp attylar. pō alyptardyn atqan sōgannary pułut üstü-be uçugup, tagdyn qyryn āžəra uçugub~odurdylar. agaštyn pāžyn keze šāp pārb~oduryannar. šot čonun abałābystylar. po šot čonun parar čeri čoq połdu. ara parza, tajaš čonu atča, perē kelze, qyj čonu atča. alynan āra parajyn teze, qobyj kəžileri tur-paryan, kestine tebe parajyn teze, qyzaj kižileri tur-paryan. togus künge šyğara šaɣlaštylar. togus künnün pāžynda toqtadylar. qyjrynda čulattar qan-ma āq~qałdylar. šot con qōrəyp tajgada testiler., čaražyp ajttylar: «tajgada čaqšy čadār, pis paza šaɣlašpaspys, pāza qalyqty ödürbespis, ałban paza čyğbaspys» ēde ajdyp tajgada pārbystylar.

86

purunda ūš qāryndaš prasqa čattyrlar. ūš qāryndaš čādyp, qū qanadyn tałāš-ūleškenner. ūš qaryndaš qū qanadyn ūleš-polbān šaɣlašqannar. özəre šaɣlaš-šaɣlažyb~alyt čārəlyšqannar. ūš qāryndaš čāra paryannar. pərēzi sug, qaryazy połup, pərēzi tag, qaryazy połup, pərēzi sajyn qaryazy połup, čāda-bergenner.

рожу. В казанской земле есть жеребенок от серого коня. Если его поймаю, убегу!» Потом она (жеребенка) поймала и [потом] убежала. [Потом] придя на реку Кондому, (она) родила. Поэтому наших людей называли шорским народом.

85

Народ Шот воевать в тайгу приходил. С людьми рода Кый воевали, с людьми рода Кызай воевали, и с другими родами — с людьми других родов — воевали. В той войне много людей убивали. Народ, убежав в тайгу, в каменных россынях прятался. Долго [так] воевали, наступил день, когда [все] стрелы, луки поломались. Народ Шот снова и снова приходил, народ убивал и дань собирал. Пушнину (и) железо брал. Когда народ Шот приходил, женщины и дети слезы из глаз проливали. Мужчины, сделав новые луки, тетиву натягивали из сухожилий.

Осень пришла, снег выпал, стало холодно. Охотники стали готовиться, отправляться на промысел. Женщины запас приготавливали. Прежде чем отправиться в дорогу, водку пили; тайге кропление совершали. В то время [снова] опять народ Шот пришел. Их увидев, женщины детей забрали и среди камней прятались. Их увидев, [все] находящиеся в тайге птицы испугались; птицы, гнезда бросив, (улетели), звери, берлоги побросав, убежали.

Таетый народ к подножью горы Пустаг собрался. Разделившись по родам (сбōкам), с двух сторон встали и стреляли в народ Шот. В каждом роду свои [собственные] богатыри, вперед выйдя, стреляли. Стрелы, которыми стреляли эти богатыри, выше облаков летали, через горные хребты перелетали, вершины деревьев отсекали. Народ Шот окружили. У этого народа Шот не осталось места, куда бы они могли уйти: туда, если пойдут, народ Таяш стреляет, сюда, если придут, народ Кый стреляет. Если вперед пойти, то люди Кобый стоят, если назад пойти, то люди Кызай стоят. В продолжение девяти дней воевали. Через девять дней перестали. Близ текущие реки кровью потекли. Люди Шот, испугавшись, из тайги побежали; мирясь (они) сказали: «В тайге хорошо живите. Мы больше не будем воевать, больше народ убивать не будем; больше дань собирать не станем!» Так говоря, из тайги (они) ушли.

86

Прежде три брата на реке Мрассу жили. Три брата (там) живя, крылья лебедя делили. Крылья лебедя не могли разделить, спорили. Между собою поссорясь, разошлись. Три брата на три стороны разошлись. Один из них — водяной Карга, один из них — горный Карга, один из них — Сайын Карга. [Так] жить стали.

qarʻaʻalar suǵduŋ pir zarynče inčetirler, sajynnar pazōq pər sarynče. oʻlar ede inčadyp, tüstirler. sajynnar kirirge kizi tappān-čattyrlar. anan qarʻaʻalardan suraptyrlar oʻlaryʻa kirirge. anan qarʻaʻalar čōqtaptyrlar. qamčy kübezəneŋ šimilcikke il-kilip, ajttyrlar: «po kübeni üze adəbyśār, anan kirir-zēr» anan zājynnar üzē attyrlar. anan qarʻaʻalaryʻa kīr-parʻtyrlar. anan ary sajynnar qarʻaʻalar tēp adaʻa-parʻannar.

qobyjdyn eŋ adaʻary aʻaś paraś poʻʻyan. oʻl ikiden qājzy oʻʻlu poʻʻyan, qājzy ebezi poʻʻyan onnabānčam. qajā čatqannar uqqan ebes, ordo taǵdan šyqty, tēp ajtčannar.

aʻaʻabey čīʻaś suǵyʻa šomʻyan. qalʻtaʻa tēp kōnūde šomarda tebir qujaʻyn šūr saʻʻyan. tatar kižiler any čāʻaryʻa kelgenner. ān tebir qujaqtaryn parčēn tudub-aʻʻyannar. sōnda adyn āʻb-oq aʻʻyannar. tebir qujaʻyn adynōq artyb-aʻʻyannar. soʻʻyan oqčazyn artyb-oq aʻʻyannar. oʻl aʻaʻabeydi pōzuŋ-oq čurtunga ašyqqannar. oʻl ajtqan: meni ödürbegəle, edōq slerdin qolʻarynda-zym.

aʻaʻabeydin epčizi arayʻa tikken, am oʻlaryʻa arāyʻa pērča. oʻlar ēzir-parʻyan tušta aʻaʻabey oqčazyn soʻʻyanyn aʻʻyp, tebir qujaʻyn parčēn kēs-saʻʻyan. maʻʻlyn aʻʻyb-oq aʻʻyan. anan tatarʻardy usqadyp aʻʻyp, ajtqan: «men qada čajaldym», tēp. ān sōnda ajtqan: «men qada čajalyp aldim, sler am nanʻəʻa. men slerge pir-le oq adarym» tēp, ajtqan. oʻlar prastyn qyryjynča pārcyʻyannarda — pir soʻʻyan-ma toʻʻus kižini ödere attyr. paza atpāndyr.

aʻaʻabey epčizi-bəle, qanče kižiler kelgen, ol čurtunda čōq poʻʻʻyan, ölgeni čōq, tā tayā kir-parʻyan, any paza pilbēnčalar. ān čoldy padyra pās-parʻyanynnan körgenneri: kūn tüzün-zary parʻyannar. sojen čeri-zary. aʻaʻabey ölbēn pārebysqan. ölgen sōgün körbēnner.

aʻaʻabey īgi tyrʻayyn šayyštyryanda — ottuǵ šayyn šyʻyʻb-odurʻyan. ot anan čajalʻyan.

aʻʻlynda-purunda pras ištinde kōbūr suǵ. pēltərində šōrdun qany šulʻbaj čatqan pōltur. šulʻbajdyn toʻʻus oʻl pōltur. enne ulug, oʻʻʻlynun ady aʻʻ-ōʻ pōltur, enne kiciǵ oʻʻʻlynun ady āʻa-bej pōltur. šulʻbajdyn aʻʻyan kižizi tyn ūrde ölgen pōltur. oʻl qaty ölgenneŋ aʻa šulʻbaj pašqa qāt albānčatty. šulʻbaj, pōzu tyn uluǵ, čaštyǵ, kōži pōltur. kirbes šyqpaś šeninge četere aary-čertir.

Каргинцы с одного берега реки спустились, а саинцы с другого берега (тоже) спустились. (Туда) [так] спустившись, они дневали. Саинцы не находили людей, к которым они могли бы присоединиться. Потом они просили (разрешения) у каргинцев к ним присоединиться. [После того] каргинцы между собою переговаривали. Они повесили на мизинец за колечко плеть и сказали: «Если это колечко прострелите, тогда (к нам) присоединитесь!» Потом саинцы (плеть) прострелили. Поэтому саинцы стали называться каргинцами.

Предками рода Кобый были Алаш и Параш. Кто из них [двоих] был отец, кто сын, — я не знаю. Где они жили, — не слышал. Говорят, что они вышли из горы Ордо.

Алабей [голым] в воде купался. Прежде чем в реке, называемой Калтал, купаться, он снял железный панцырь. Татары [-люди] пришли с ним воевать. Они отобрали все его железные кольчуги. После того взяли также его лошадь. Железную кольчугу на его лошадь навьючили. Стрелы и лук тоже навьючили. [Того] Алабея к его же стойбищу они повели (вверх, в гору). Он сказал: «Меня не убивайте, я и так в ваших руках!»

Жена Алабея гнала водку, теперь она им водку подает. [В то время] когда они опьянели, Алабей взял стрелы и лук и надел [все] железные кольчуги. Он также взял и скот [его]. Потом татар разбудил (и) сказал: «Я вновь сотворился!» [говоря]. После того сказал: «Теперь, когда я вновь сотворился, вы [назад] возвращайтесь. Я в вас одну стрелу пушу!» [говоря, сказал]. Когда они пошли по берегу реки Мрассу, он одной стрелой прострелил девять человек. Больше не стрелял.

Потом, когда люди приходили (к Алабею), на том стойбище Алабея не было. То ли умер, то ли в гору вошел, про это не знают. Его путь, по глубоко вдавленным в земле следам, разглядели — следы шли по направлению к югу, по направлению к Саянской земле. Алабей не умер, (а) ушел; умерших костей его не видали.

Алабей, ударяя двумя ногами друг о друга, высекал огонь. Оттого огонь сотворился.

Прежде, встарину, на реке Мрассе у устья реки Кобырсу шорский хан Шулбай жил. У Шулбая было девять сыновей. Имя самого старшего сына было Ак-ол. самого младшего сына имя было Ала-бей. Жена Шулбая очень рано умерла. После того как умерла его жена, Шулбай другой жены не брал. Шулбай [сам] был сильно старый человек. Он состарился и дошел до такого состояния, что не мог ни войти, ни выйти.

plar as-pa köp-pe çädyb-ötürätqan šenerinde çajy şende poľčan pöltur. pör gün anan körgenerin — çetti attyg, ijgi kəzi pöstarəny çergə kələ. çetti attyn qajy attaryna çük tartıyp saıtır, qajy attary poşqa kələlar. ijgi adyna postary mün-saıtır. ol çetti attyg, ijgi gızı parata ezigine çetke-nerde — şulbajdyn ollary «ajmaqçılar keldi!» tep, üdərə çügürüp şyqıylar tōyus ol ijgi kiženi qolap çölep, attan tüzərüp, emnerine akirdiler. şulbaj. qar-parıan uluğ, kəzi kyrabatqa-la ödürča.

şulbajdyn ollary alçı kelgende çügürük-pe çörüp, maı soyubustular. alçılaryn, et pyžıyp, azyrapçalar, araya-ba sıjlapçılar. alçılardan surap-çalar: «qajdiğ çerden kelgen kəzi-zar? qajaya parçyzar? raq pardar-ba, çayın parçyzar-ba? ady şolaıaryn kem pöľčan? po çetti atqa nō nebeleri çük tartyp saıyanzar?» pör kižizi ajtty: «eze, qajdiğ kəzi poľan! men çazy çānyyn qany poıarym, po gəzi maya pöluşätqan kiži pölar. qançe-le şor qannarynan alban çyyp pis çörçabys. şulbaj kirbes şyqpasšenine çetərə qar-pardy. qanga turčan šeninen erte-berir. qalyqtyn užu pažyn alp-poıbas; am slerdin çerdin qāny men-oq poıarym. qançe-le çyğan albannarynny maya çy pažynda töle-ödurarzar. parcin çy pažynda men slerge elçi, qajy şende kelçenibisti ajdyp, yzyb-odurarym. sler men kelgençe mēn alıma postarəny qalyqtarynna albannaryn çyp pelnep saıb-ödurarzar. men gelip, pelēn nebeni al-parb-odurām!» tep, po peğ kəzi ajtča. şulbajdyn ollary ajttylar: «pis pözəbustun qalyybystan alban pirdā albānčabys!» tep. çazy çānenyn qāny ajtty: «mēn slerge «alban albānčabys» pererim! qajde qajde men kelgençe, mēn alıma albān çyban şalzār, menen qamčyny mātap čirzar! albanna-rynny çaqşy çyp saıyp, meni sāqta-odurzar, men anda çaqşy-ba kelip aparbyza perib-odurarym!»

şulbajdyn ollary pō ijgi kižini sıjla sıjla-kelgenerin — ūş künge çede-beriler. ūş künnün paştarına çazy çānyan piži şala ezire-berir. ezire-per-gen şende peğ kəzi ajtty: «albannaryn am tölep körār! qançe-le qalyqtan çyğan tük nebelerinni tōza akere-perār! toza akere-perzar, çaqşy, tōza akir-bezar, men slerdin qamčy-ba paıryıarynny etterinni syrtyıarynğa ajlan-dara şabarym; syrtyıarynny etterinni paıryıarynğa ajlandyra şabarym! tep ajtty. şulbajdyn ollary ajttylar: «pis pözəbustun qalyybystan alban albān-čabys, slerge ançe albany qajdan aıyp perēbis?» peğ kəzi ajtty: «albana-rynny akirār! tōza akirbezār, menen qamčy čirzar!» şulbajdyn ollary ajtty-lar: «pisten nō andig alban qöpçazy! pözəbustun qalyybystun alban alcatsa-bys, pērdayy qaryşpān akere perer edibis. piste pirdā alban çoql!» teştiler.

peğ kiži pir suradoq, ijgi şurady, ūžünçüzinde taşqara şyğa pās-parıan. ezer pažyna aşalğan tebir qamčyzyn şeşib-alıyp akirdi. purnapla uluju,

[В то время] когда они много ли, мало ли жили, как-то летней порой [то было], они из окна глядели и увидели едущих в их землю двух людей с семьёю лошадьми. На некоторых [из семи] лошадей вьюки навью-чены, некоторые лошади свободными, ненавьюченными идут, на двух конях сами люди верхом едут. Когда те двое людей, имеющие семь лошадей, достигли ворот, сыновья [говоря] со словами «гости приехали!» выбежали им навстречу. Девять сыновей обоих людей за руки взяли; поддерживая, спустили с коней (и) в дом [их] ввели. Шулбай, состарившийся человек, на кровати сидит.

Когда гости пришли, сыновья Шулбая бегом побежали и закололи скот. Сварив мясо, они гостей кормят (и) водкой угощают. У гостей спрашивают: «Вы что за люди, из какой земли приехали? Куда вы едете — далеко ли ехали, близко ли вы отправляетесь? Какое имя ваше? На этих семи лоша-дях, что за вещи вы навьючили?» Один человек (из приехавших) сказал: «Вот какие люди мы будем! Я хан из степи, а этот человек мой помощник. Мы ходим и со всех шорских ханов собираем албан. Шулбай состарился до того, что не в состоянии ни войти, ни выйти. Он уже миновал то время, когда мог быть ханом, он не может больше править своим народом. Теперь ханом вашей земли я стану. Сколько ни соберете албана, мне будете платить по прошествии каждого года. [Через] каждый год я буду присылать к вам посла, чтобы он сообщал вам о времени моего приезда. Вы — до меня — пока я не приехал, собрав с вашего [собственного] народа албан, для меня приготовляйте. Я буду приезжать и увозить пригото-вленную вами пушнину!» — (так) [говоря], этот (приехавший) начальник [человек] говорил. Сыновья Шулбая сказали: «Ведь мы с нашего [собственного] народа албан никогда не берем!» [говоря]. Хан из степи сказал: «Я вам задам за ваши слова: „Мы албана не берем!“ Если только не соберете до моего приезда албана, моей плети здорово испробуете! Если меня будете ждать, [хорошо] собрав (и приготовив) ваш албан, я тогда по хорошему [придя] стану увозить!»

Сыновья Шулбая этих [двух] людей угощали-угощали, и так прошло три дня. На третий день хан [из степи] стал немножко хмелеть. В то время, когда [начальник-человек] стал пьянеть, он сказал: «Ваш албан теперь платите-ка! Сколько собрали с вашего народа пушнины, всю прине-сите. Если всю принесете — хорошо; если всю не принесете, то мясо с ваших боков переверну на ваши спины — так плетью бить вас стану. Стану бить вас, перевертывая мясо с вашей спины вам на грудь!» [сказал]. Сыновья Шулбая сказали: «Мы с нашего народа дани не берем. Откуда мы вам столько албана возьмем и дадим!» Начальник сказал: «Ваш албан несите! Если дань сполна не внесете, моей плети испробуете!» Сыновья Шулбая сказали: «Ты от нас какую это дань требуешь! Если бы мы собирали дань от нашего народа, то совершенно не спорили бы с вами и, не противореча, дань внесли бы. Никакого албана у нас нет!» [гово-рили].

aγ-ōldu čalkezinen qab-aldy. šaγanan kelip, tebir qamčy-ba soj-čada-pardy. aγ-ōldu pārynyn edin syrtyna ajlandyrdy; syrtynyn edin paγryna ajlandyra šapča. aγ-ōldu üstüne kesken kebin tōza tāla šapty. aγ-ōl qanče-dā šaptyrza, pir-daγy üdöre tuđunmān šaptyrča. pajayy peg kōži uluju aγ-ōldu-na pāžap šapqan, qanče-le ołlardy požada sojbustur. kičiji ala-bejdi edōq sojdu. ala-bej qanče-daγy sojdurza, pir-daγy üdüre tuđunmānča. üstüne kesken kebin tōza tȳda šaptyrdy. šulbaj pōzu qyrabatqa ođurup kōrča. peg kōži šulbajya qādyłbady.

tōγus oł parčazy sojdurbysqanda emnen čügürüş-šyγyp, tük nebelerin ākirip, sałtym ortazəna ūγup sała-bertirler. peg kōži tük nebenni kōrüp, assynmysty, ajtty: «slerdin qajde pōla šen tük nebe polčan; qanče-le paryn tōza ākırar!» tedi.

Iginčizin pajgōq qamčyzyn ałb-alyp, aγ-ōldan-oq pāžap sojup čadā-hardy. toγus ołdu toza sojbustu. kičiji ala-bejdi sojbuzoq pērdi. parčazy qanče-da sojdursalar, pir-daγy üdüre tuđunmađylar. tōγus oł iğinčizin sojdurb-alγan sōnda pazōq čügürüzup šyqtylar. qanče-le par tük nebelerin tōza ākēre perdiler. pajayy qān gōži kōrüp, tük nebenni assynmyzoq perdi «sler pār-da polza, toza akirbēnčizar» tep, užunčüzün toγus ołdu pazōq sojbustu. toγus oł užunčüzün sojdurb-alγan sōnda ajttylar: «eze, čazy gannyn pegi, — ödürejin tezen, ödür-sal! paža-la ākirčen nebebis qalbadyl!» teštiler.

any uqqan peg kōži pamošnegi-be ijge-le tük nebenni čyb-alyp āšyγyp, attaryna artybystylar. pararynda ajtty: «men qonđum ištiniñ qānəna āñ ałbany ałarğa parčam. ežengi čylda pazōq kelerim. men kelgenče, ałbany qalyγynnan mātap čyp sałarzyn; pazōq po šēni as polza, menen šabyšty pedōq čirār! tep, pōzu qonđum ištine pārbysty.

peg pārbysqan sōnda toγus oł parčazy ürgünüştüler «qyjałdan pōžadybys!» tep. šulbaj qyrabatqa ođur-kelip, ajtty: «eze, toγus oγlum, po šen pegčekke qajde küšterin ałbān pēde sojdurčuzar? men-šulbaj purunγu šenimde polzam, po žen pegčekti syrañaj šerterge četpezōq edi. pāzazənyñ küžü ałbazyn! sen, aγ-ōl pałamny sanaγam men šulbaj-oq šeni čajałdy, tep, qajde üdüre tuđunup kōrbenčan! qajde sēñ küžün ałbačan polγan, aγ-ōl pałam! men šulbaj slerdī šapčitqan kōrüp tur-kelip šabaryā sananγam. syrañaj ödüre šab-albasym tep, qōruγup toqtap-pārdym». toγus oł pir-daγy nebe ajtpān pazōžyp čōrčalar.

płar čada čada kelgennerde čył čayynazyp ođur. pajagy pegleriniñ keler šenī čedižip ođur. toγus oł pazōq saγyšyražyp čōre-perdiler, pazōq oł qyjałya qajde šaptyrčan polγan, tep. pajayy peg płarğa el'i ystyr. šaγoł temde, andig künde kōbūr šuğ. peltirine čederim. men četkenče, ał annaryñy tōza

Начальник [человек] один раз спросил, дважды спросил, в третий раз (когда спросил) на улицу вышел. Отвязал привязанную к луке седла железную плеть и внес (ее). Сначала старшего, Ак-ол'а, за чолку схватил и начал железной плетью бить. Мясо с бока Ак-ол'а на спину сворачивал, мясо со спины на бок сворачивал, — (так) бьет. Разрывая одежду, надетую на Ак-ол'е, он его бьет. Ак-ол, сколько (тот) его ни бьет, никак не сопротивляется, дает себя бить. Давешний начальник [человек] начал с Ак-ол'а и всех до одного сыновей избил. Младшего, Ала-бея, также бил. Ала-бей, сколько его тот ни бил, нисколько не сопротивляется. Надетую на нем одежду начальник всю в клочья растрепал — так бил. Шулбай, [сам] сидя на постели, глядит: начальник [человек] Шулбая не тронул.

Когда он всех девять сыновей побил, они [из дома] выбежали, внесли пушнину и на середину пола стали ее складывать. Начальник [человек], взглянув на пушнину, нашел, что мало. Он сказал: «Неужели у вас и есть всего столько пушнины! Сколько есть, — всю принесите!» [сказал].

Вторично взял давшнюю плеть и, начиная опять с Ак-ол'а, принялся бить (всех по очереди). Всех девять сыновей избил. Младшего, Ала-бея, тоже бить стал. [Все] как их ни били, (они) нисколько не сопротивлялись. Девять сыновей после того, как их в третий раз побили, опять (из дома) [бегом] выбежали. Сколько ни было у них пушнины, всю вносить стали. Давешний хан [человек] посмотрел (и) опять нашел, что мало пушнины. «Хотя у вас и есть пушнина, вы не всю приносите!» — говоря, в третий раз девять сыновей опять избил. Девять сыновей, когда их в третий раз побили, сказали: «Так, начальник степной стороны, если хочешь убить — убей! Чтобы еще принести, у нас больше ничего не осталось!» [говорили].

То услышав, начальник [человек] вместе [вдвоем] с помощником пушнину собрали, вынесли и на лошадей навьючили. Прежде чем уехать, начальник сказал: «Я еду к хану, живущему по реке Кондоме, чтобы взять (с него) дань. На следующий год я опять приеду. До тех пор, пока я не приеду, вы с вашего народа албан как следует [хорошо] соберите. Если опять так же мало будет, от меня побой опять получите!» — (так) говоря, он отправился [сам] на реку Кондому.

Когда начальник уехал, девять сыновей [все] обрадовались и сказали [говоря]: «От большой беды избавились!» Шулбай, сидя на кровати, сказал: «Итак, мои девять сыновей, как (это) у вас нехватило силы и вы дали себя бить такому незначительному начальничшке! Если бы я, Шулбай, был в прежнем моем состоянии, одного моего щелчка и то было бы много для такого ничтожного начальничшки! Ну, пусть у других, у остальных нехватает силы! Про тебя, дитя мое, Ак-ол, я думал, что ты сотворен таким же, как я Шулбай! Почему тебе не попробовать сопротивляться? Неужели у тебя силы нехватит, дитя мое, Ак-ол? Когда я, Шулбай, смотрел, как (они) вас плетью бьют, то хотел встать, чтобы (их) ударить, но не решился, побоялся, что одним взмахом не смогу их уничтожить!» Девять сыновей, ничего не отвечая, взад-вперед прохаживаются.

čyyp pelēn saqtab-odurār, tep ajtтыrtыр. toγus ol postarynyn qalyγynan pirdā alban čyγbadylar. postaryn-na aṇnap tapqan köḥ ebes tük nebe poḥyan. pegdin keler šeni čedib-odurγanda — pḥar maḥ soγup, araγa šybar, pelnenip saḍdylar.

pär gün körzeler, pajagy peḡ pamošnegi-be ijgäle četti at-pa kēlčalar. četti attyn qajzynda čük tartыryp saḥtyr, qajy attary pošqa kelčalyr. pōnu körb-alyр, toγus ol üḍäre šyγa čügürdüler. peglerin attan qōlap čölep tüžärüp, emge ākirdiler. ākәrip, ustaldyn түbüне odurtup, aš-pa tabaq saḥyp azyrapčalar. araγa perip sijlapčalar.

sijla-sijla kelgenerin — üš künge čedōq perdiler. üš künnün pažynda peḡ pamošnegi-be eziriže-berdiler. peḡ ajtty: «čyγan albanaryn'y, qanče-le paryn tōza ākәrip körār!» toγus ol ajtтыlar: «pis qalyγybystan alban alban-čabys. pazoq saγa nō alban tōlečen poḥyanmys». any uqqa peḡ šyyp pajā-γoq tebir qamčyzyn ākirdi. uḥuju aγ-ōldan pažap, sōj čada-bardy. toγus olḍu požada sojbustu. ala-pejdi sojbuzoq perdi. olḥar qanče-da sojdursalar, pirәzi-dā üḍäre tuḍunmānčalar. peḡ kәzi šulbajγa qadyḥbady. šulbaj pḥardy körüp, qyrabatqa-la oḍurča, pīr-da nebe ajtpānča. olḥar parčazy sojduḥub-alynda šyγa čügürüštüler. qanče-le aṇnap tapqan tük nebelerin tōza ākәre-berdiler. qan pōnu körüp assynmyzoq perdi. iḡinčizin toγus olḍu požadoq sojbustu. «qajde tük nebelerin poḥa šen poḥcan poḥyan, tōza akkırār!» tep. olḥar ajtтыlar: «kerek oḍüre šap-šaḥ, paža alkırčen nebebis čoq!» teštiler. peḡ pamošnegi-be tük nebени čyb-alyр ašyq, attaryna artybystylar. peḡ pararynda ajtty: «ezengi tōnče čaqšy albanny čyp saḥyp saqtabazār, menen šabyšty menan tyn-oq körerzār!».

peḡ pamošnegi-be attarәna münm-alyр, qondum ištiniḡ ḡanәna alban alary paḥbystylar. peḡ paḥbysqan sōnda olḥar pazoq ürgünüžüp čöre-perdiler. šulbaj ajtty: «eze, aγ-ol paḥam, qajde pede üḍüre tuḍunmān sojduḥcan. men sanaγam seni menoq šen čajalyan poḥar, tep, qajde sen küžün albačan poḥyan! men šulbaj alynda šenimde poḥzam, pō žen peḡčeki syraṇaj šer-terge četpezoq edi. tur-ḡelip šabazary aḡi pär sanap, toqtadym, syraṇaj šap küžüm alban qalar tep, toqtabystym». toγus ol pirdā ün šyγarban čör-čylar. čada-čada kelgenerde čyl čedoq perdi. čyl cedib-odurγan tuštarda pazoq saγyšyrazyp čöre-berdiler. peḡ pazoq elči ystyr: ol šende čeder-oq-pus, albannaryn čaqšy čyyp saqtazynnar! tep, ajtтыrtыр. any uqqa arda pazoq araγa šybar, maḥ soγup, aš-pa tabaq pēnep saḥyp, qaḍaroq perdiler. šaqpo keler alḥary poḥa pergende, šulbaj ajtty: «eze, aγ-ol-paḥam, sen čoqtag. šabary par!» tedi. abazy ajtqanda aγ-ol čoqtag. šabary sug. ḡažyna paḥbysty. aγ-ol čoqtag. šabary parḍoq, pajayy peḡleri četti at-pa čettiler.

Они жили-жили, год к концу приближается. Настает время, когда давешний начальник приехать должен.

Девять сыновей в раздумьи похаживать начинают, думая, как этот проклятый опять их бить будет. Давешний начальник опять к ним посла прислал: «В такое-то время, в такой-то день приеду к устью реки Кобур-су. До тех пор, пока я приеду, вы соберите, приготовьте ваш албан (и меня) ждите!» — [говоря] так сказать наказывал. Девять сыновей со своего народа никакого албана не собрали. У них была только пушнина, ими самими на промысле добытая. Когда стал приближаться срок приезда начальника, они закололи скот, выгнали водку и приготовились к встрече.

Однажды [когда посмотрели] (они) увидели, давешний начальник вместе с помощником, с семьёю лошадьми едут. На одних [из семи] лошадей выюки навьючены, другие лошади порожними — ненавьюченными — идут. Это увидев, девять сыновей навстречу (им) выбежали. Они взяли начальников за руки, поддерживая, спустили их с коней и в дом ввели. Введя, усадили их за стол, еду-питьё поставя, (их) кормят. Подавая водку, угощают.

Угощали-угощали, стало проходить уже три дня. На третий день начальник с помощником пьянеть стали. Начальник сказал: «Собранный вами албан, сколько ни есть, весь внесите-ка!» Девять сыновей сказали: «Мы с нашего народа албана не берём! Какой албан ещё платить должны опять тебе!» То услышав, начальник вышел, давешнюю железную плеть внес. Начиная со старшего, с Ак-ол'а, опять принялся (их) избивать. Всех девять сыновей избил. Ала-бея тоже бить стал. Сыновья, сколько их ни били, не сопротивлялись. Начальник [человек] Шулбая не тронул. Шулбай, на них глядя, на кровати сидит, ничего не говорит. Сыновья, после того как их поколотили, выбежали. Сколько ими промышлено было пушнины, всю взяли и внесли. Хан взглянул на нее (и) опять нашел, что мало. Во второй раз сыновей всех до одного избил. — «Сколько есть у вас пушнины, всю принесите!» — говорит. Сыновья сказали: «Хоть до смерти убей, нет у нас пушнины, чтобы ещё (тебе) принести!» [говорили]. Начальник с помощником пушнину собрали и, вынеся, на лошадей навьючили. Перед отъездом начальник сказал: «Если и в следующий год хорошего албана не соберете и не будете меня ждать, от меня побой ещё сильнее теперешних увидите!»

Начальник с помощником на лошадей сели [верхом], к хану на реку Кондому, чтобы взять дань, отправились. После того как уехал начальник, сыновья опять обрадовались. Шулбай сказал: «Так, мое дитя, Ак-ол, как это ты дал себя бить, не сопротивляясь! Я думал, ты [будешь] сотворен таким же, как и я. Как может у тебя не хватить силы. Если бы я, Шулбай, был в прежнем моем состоянии, для такого ничтожного начальника много было бы даже моего щелчка! Хотел было я встать и побить (их), но один раз — два раза подумал и остановился. Я остановился, считая, что у меня не хватит силы, сразу убить!» Девять сыновей ни [одного] звука не проронили.

põnu körüp, sēgiz ol üdare šyʔa čügürüp, qolap, čölep, attan tüzürüp, emge akirip, ustaıdyń tübüne odurtular, arayy peroq perdiler. peg ajtty: «tük nebelerinni tabýraq akirär, men pararʔa manzyrapčam, tep, segiz oldu pazoq soj-čada pardy. segiz ol čügürüzüp šyqtylar. qanče-le par annap tapqan tük nebelerin toza akere-perdiler. peg ajtty: «qajde polʔa šen polcan, tep, ijginčizin pazoq soj-šyqty. peg ijginčizin sojup, paza-la nebe akirbennerde tük nebelerdi čib-alyt ašyyp, attarʔna artybysty.

peg attarʔna münm-alyt, pararda surady: «aʔ-ol qajara parʔan», tep. olar ajttylar: «aʔ-ol qajara parʔyn! čoqtaḡ šabarʔa suḡ, qazyna en-parʔan» any uqqan peg tarynmysty «ol parnaq qajdan tapqan men elči ysqan üstüne meni toban, meni saqtaban čoqtaḡ šabarʔa qajde enčen polʔan!» men any toyašsa, aqtap požadā sojbuzarym, tep, taryn-kelip, pārbysty. peg köbür zuḡ, öre pastyryp šyqyb-odurʔanyń — aʔ-ol čoqtaḡ šabyp nančattyr. peg qabaq pašqa üdare ucurap-pardy. peg põnu körüp, ajtty: «sen taban, qajdan tapqanzyn, meni toban, meni saqtaban čoqtaḡ šabarʔa pararʔa? men elči ysqan üstüne men gelerimni pilbedin-či!» peg attan tüşpedi. aʔ-olduń čalkezonen qab-alyt, ezer pažyna šyʔara tartyp-alyt, tebir qamčyzy-ba soj-čada pardy.

aʔ-ol šaba-šaba kelgenin — aʔ-olduń pēr ünü čerde polča, pēr ünü teʔride polča. aʔ-ol anan körünmüskenin — qamčy tegen čerinen kezektig etter tozušča. any-la körb-alyt, aʔ-ol tarynmyza-berdi. «šynapta polza, men üdüre tudunmān, nōya pede šaptyrčan polʔam!» pegdin qamčyzynyn pīlegin üze tartyb-aldy. aʔ-ol pegdi qab-alyt, at pāzenan andara tartyb-aldy. čerge tündere sāsałyp, pegdi soj-čada-perdi. peg aʔ-oldu, tudunājn, teze, tudunup polbānča; qabynājn, teze, qabynyp polbānča.

põnu körüp, pegdin pamošnegi čügärüp keldi. aʔ-oldu qapty. aʔ-ol pamošnegin qab-alyt, peg qošta sał-kelip, mün-sałyp, ijgilezin soj-čada-pardy. aʔ-ol plardy soja-zoja kelgenin — ünneri šyšqan šeni šijiqtaža-perdiler. peg, šišqan šeni šijiqtap ajtty: «eze, aʔ-ol čüče-le požada per, ajtčan erbegimni ajda-perejin!» aʔ-ol čüče požada-perdi. ijgilezinge orta müne odur-sałdy. peg ajtty: «eze, aʔ-ol, po žen küštüjün» pilbedim. sen alyna men žen gəzi qan ebes polturum! po četti atqa art-sałyan tük nebebisti attary-ba peren! piston tynybysty-la artəza-per. paza sen čoluna men paspajyn! men čoluma sen paspa!» aʔ-ol ajtty: «toqta, peg, us čył šapqan ödüštü nandyrbyzajyn! tep, šaboq šyqty.

aʔ-ol šaba-šabā kelgenin — ijgilezenin ünnerin üze šabysty, üle tüzüş pardylar. aʔ-ol ijgil ezinpožada šabyza-berip, taštap sałdy. ol arada qannary mał soqqan šenoq čajył-yałdy. pōzu pēr adyna münm-alyt, öske attaryn čedekke alyt, nānmysty.

Жили-жили, срок опять стал подходить. Когда настало время, и год прошел, опять, раздумывая, ходить стали. Начальник снова посла послал и велел сказать: «В такое-то время мы приедем, пускай албан [хорошо] соберут (и нас) ждут!» Когда сыновья о том услышали, снова водку выгнали, скот закололи и [опять] стали ждать. Когда подошло время их приезда, Шулбай сказал: «Так, дитя мое, Ак-ол, ты иди ловить рыбу!» [сказал.] Когда отец его так сказал, Ак-ол пошел к берегу реки ставить загол. После того как ушел Ак-ол, давешний начальник с семьёю лошадьми приехал.

Его увидев, восемь сыновей навстречу выбежали, за руки схватили, поддерживая, с лошади спустили; введя в дом, за стол усадили. Стали водку подавать. Начальник сказал: «Живо пушнину принесите! Я тороплюсь ехать!» Он опять принялся восемь сыновей бить. Восемь сыновей [бегом] выбежали. Они стали вносить всю пушнину, добытую ими на промысле. Начальник сказал: «Неужели у вас столько и есть!» — (так) говоря, вторично бить начал. Когда начальник вторично их бил, и когда они все же не стали больше приносить пушнину, он собрал принесенную ими пушнину и на лошадей ее навьючил.

Начальник, перед тем как уехать, спросил: «Ак-ол куда ушел!» [говоря]. Сыновья ответили: «Вот куда ушел Ак-ол! Он спустился на берег реки, чтобы рыбу ловить». Услышав о том, начальник рассердился и сказал: «Как тот негодяй посмел, несмотря на то, что я прислал посла, меня не дожидаться? Как он посмел спуститься (к реке) ловить рыбу! Если я его встречу, я его вконец изобью!» [говоря]; рассердившись, (он) уехал. Когда он вверх по реке Кобур-су поднимался, Ак-ол поставил загол и назад возвращался. Он встретился с начальником лоб в лоб. Начальник, увидев его, сказал: «Ах, ты, как ты смел, со мною не считаясь, меня не ожидая, отправиться ставить загол! Несмотря на то, что я прислал посла, о моем приезде не знал что ли?» Начальник с коня не слез, Ак-ол'а за чолку схватил, на луку седла втащил и железной плетью бить стал.

Когда бил-бил Ак-ол'а, один крик Ак-ол'а на земле, другой крик Ак-ол'а на небе. Когда Ак-ол взглянул на себя — с тех мест, которых коснулась плеть, мясо кусками отваливается. Лишь только это увидел, [Ак-ол] рассердился. «На самом деле, зачем, не сопротивляясь, даю себя так бить!» Плеть начальника схватил и рукоятку плети вырвал. Схватив начальника, Ак-ол его через голову коня свалил и потащил. Положа на землю вниз лицом, принялся начальника стегать. Начальник хотел Ак-ол'а схватить, но схватить не может, удержать хотел — удержать не в состоянии.

Это увидев, помощник начальника подбежал и Ак-ол'а схватил. Ак-ол помощника схватил и рядом с начальником бросил; сев на них верхом, обоих стегать принялся. Ак-ол [их] стегал-стегал. Они стали визжать, словно мыши. Начальник, завизжав как мышь, сказал: «Так, Ак-ол, чуть освободи-отпусти, слова мои, которые я должен тебе сказать, скажу я!» Ак-ол чуть-чуть (его) освободил. [Прямо] на них обоих верхом

şulbaj közenekten körgenin — pajaŷy çeti at nandəra kelb-odur. şulbaj sanandy: peġ pazəq kelčā, tep. anan ġörgenin — aŷ-ol paŷazy pər adyna mün-saŷtyr, öske attaryn čedekke al-saŷtyr.

şulbaj pönü körüp, qatqəra-perdi. «mənə körzār, olŷarym, men ajtqam — aŷ-olduŷ küzü aŷar-la, tep. aŷ-ol četti atty po akelčitqanyn körzen!» aŷ-ol emge kirgende-şulbaj qatqyrarın-na qatqyrča: «aŷ-olduŷ küštüjün aŷyndəq pilgem» tərča. ır-zara paryp, körgennerin: peġ-be pamošnegi čatqan čerleri par, paryan čerleri çöyüŷ.

pŷar abyrya kīrip čada-berdiler. pir-dā ġəzi alban kelip surabānča, pirdā kiži kelip plardy sojbānča.

şulbajdyŷ sėġiz oŷlu kiži aŷyan poltur. şulbaj segis kēlīnniġ poltur. kičiji ala-pej kiži alban pōstan poltur. čada-čadā kelgennerde — qanče-qanče çyŷ ertken zōnda şulbaj qaryp öler šeni čede-berdir. şulbaj aŷry-berdir. şulbaj pər ġün ajtty: «eze, tōyuz oŷlum, segis kelim, meni ēbərə odurār; ölgemče, ajčan erbegimni ajdyp perejin!» toŷus oŷlu, segis kelinī şulbajdy ēbire odurbustuŷar. şulbaj ajtty: «eze, tōyuz oŷlum, segis kelim, men şulbaj ol-parzam, sler parčalaryŷ mynda čatpassar. mynda čadybyssār, mēŷ şulbaj adym pir-le čerde polyp qaŷar. men slerdi tōyus suġduŷ ġāžyna, tōyus tasqyl tōzüne taradarya ētčam. sler toŷus suġduŷ ġāžyna, toŷus tasqyl tōzüne tarap-parzar, mēŷ şulbaj adym parčin čerde polar!» tedi. tōyus oŷlu, segis kelinī-čarar!-teštiler.

şulbaj uŷuju aŷ-oldu šobut tep čulattyn ġāžyna ysty. tebir tyttyn tōzüne čadarya ysty. kičig oŷlu ala-pejdi pozu-ba kōbūr-suġ, peltirinde artysty. anan öske četti oŷlun, četti kelinin, paşqōq čerler ajda-perip, četti čara uzybysty. ala-pej-be şulbaj iġēle-le ġaldyŷar. tyn-dā ŷr čatpadyŷar. şulbaj aŷryp ölbüstü. şulbaj abazy ölbüskende — ala-pej şulbajdy čazap çyp saŷdy.

ala-bej čaŷysqa čat-qaŷdy. as čatty, kōp čatty, pər šende odur-kelip sanandy: «men po čerge čaŷysqa qaŷyp, nōya čadarym! po čer ŷstünün qanče-le qannaryn tōza olčaya aŷyp, toza albannaryn çyŷajyn! čaqşy-ba kelişken qannardyn tynnaryn artyzyb-odurarym; čabaŷya paryan qannardy ödür-saŷyp pārb-odurarym. purnap öş pergen ödüştüjümnü tab-çalyp, any pažap qyryp pararym, tep, ala-bej emneŷ şyŷa pazyp pārbysty.

kōbūr-zuġ, peltiri qaraqtan ŷzüle pergen sōnda ala-pej turup sanandy: po men emniŷ iştin qajde mātap tōza kōrbēn pārcām. aža ajta abam şulbaj qān polyan kižiniŷ pəre nebe par polar, tep, sanandy. ala-bej ede sananyp, ebine nāndəroq kele-berdi. emniŷ iştin anan körüp čörgenin — pər

сел. Начальник сказал: «Так, Ак-ол, я не знал, что ты настолько силен! Для тебя такой человек, как я, не хан! Нашу пушнину, навьюченную на этих семи лошадях, вместе с лошадьми отдадим мы тебе! Наши души ты пощади! Больше на твой путь не ступлю я! На мой путь ты не вступай Ак-ол!» Ак-ол сказал: «Подожди, начальник, верну я тебе долг, отомщу я прежде тебе за то, что ты меня три года бил!» — (так) говоря, опять бить принялся.

Ак-ол бил их до того, что их голоса прервались, до того, что они, обессилив, свалились. Ак-ол обоих их совсем избил и бросил. На том месте столько крови осталось, словно скот резали. Он сам на одну лошадь верхом сел, других лошадей за повод взял и домой возвратился.

Когда Шулбай из окна глянул, увидел — давшие семь лошадей возвращаются. Шулбай сам про себя подумал: то начальник опять приезжает.

Снова, когда взглянул, — его сын Ак-ол на одной лошади верхом едет, других лошадей за повод держит. Шулбай, то увидев, расхохотался: «Вот, мои сыновья, смотрите. Я говорил, что у Ак-ол'а уж силы хватит. Смотри! Ак-ол семь лошадей приводит!» Когда Ак-ол в дом вошел, Шулбай продолжал хохотать: «Я заранее знал, что Ак-ол сильный!» К вечеру, [когда] пошли смотреть — следы, где лежали начальник и (его) помощник, есть, куда отправились (они) — следов (от них) нет.

Они спокойно жить стали. Никто не приходит у них албан требовать, никто не приходит и не стегает их.

Семь сыновей Шулбая женились. Стало у Шулбая семь невесток. Младший из его сыновей, Ала-бей, не женился, холостым был. После того как они так жили-жили, [как] прошло много лет, наступило время Шулбаю [состарясь] умирать. Стал Шулбай болеть. Однажды Шулбай сказал: «Так, девять сыновей моих, семь невесток моих, кругом меня сядьте! Пока не умер я, слова мои, которые я должен сказать, да скажу я!» Девять сыновей и семь невесток вокруг Шулбая сели. Шулбай сказал: «Так, девять сыновей, семь невесток, когда я, Шулбай, умру, вы все здесь не живите. Если вы все здесь жить станете, мое, Шулбая, имя только в одном месте останется. Я вас хочу расселить по берегам девяти рек, по подножьям девяти хребтов. Если вы по берегам девяти рек, по подножьям девяти хребтов разойдетесь — мое, Шулбая, имя повсюду будет!» — сказал. Девять сыновей, семь невесток: «Хорошо», разом все ответили.

Шулбай старшего, Ак-ол'а, отправил жить на берег реки, называемой Шобут, к основанию железной листовницы. Младшего сына, Ала-бея, у себя оставил при устье реки Кобур-су. Других семь сыновей, семь невесток, указав им различные земли, на семь сторон отослал. Ала-бей и Шулбай вдвоем лишь остались. Не так долго они прожили. Шулбай заболел и умер. Когда отец [его], Шулбай, умер, Ала-бей его похоронил.

eski irikte-hergen qara sunduq çatça; qara sunduqtun kiliži çoyuq. ala-pej anan teler çörgenin — abazenyn tözeginin altynan qara sunduqtun kiližin tapy.

qara sunduqtu anan azybysqanyn — üstünde abazenyn qyzyq qujaq çatça. qazyq qujaqy alb-alyp sa-saldy. anan pazoq körgegin — aq qujaq çatça. aq qujaqy alb-alyp, salboq saldy. pazoq kör-körgegin — pörük-pe sapök çatça-lar. anardy alb-alyp, salboq saldy. ala-bej abazenyn sapögün kesti, iştime qazyq qujaqyn kesti, üstüne aq qujaqyn kesti. pörük keziboq aldy. ala-bej ajty: «pede mindig kepter kes-salyamda — po çer üstünde kör qan, kör pij polbazyn, toza pazybyzajyn? çayys ala-pej men-ne polajyn!»

anan ara ala-bej emnen şyryb-alyp parbysty. anan parçadyp, çimçaq çerdi şögüre pazyp parça. ala-pej para-para kelgegin — şobutqa çetti. aq-ol açazyna keldi. aq-ol açazy tebir tyttyn tözüne çatçy*qtan poltur. ala-bej çetkende aq-ol açazy üdare çügür-şyryp, qoldan qabyr, qoltuqtan çölep, ebine akirça. «tunmam keldi!», tep, aq-ol tunmazyn ustolğa odurtup azyrapça; araya perip sijlapça.

ijgi garyndaş iže-iže kelgennerde — aq-ol ajty: «eze, ala-bej tunmam, abam sulbajdyn qazyq qujaqyn men kesçen polgam. alary aundut-salyr kelbi-stirim. körzen! any sen kezip keltirzin!» any uqqan ala-bej ajty: «eze, aça, şynap ede qazyq qujaqy kezerge sanayanda — şurup perejin! edoq ijgi qujaq maya ar! maya çörrerge aq qujaqy-da polar!» aq-ol ajty: «eze, ala-bej tunmam, pir-lee mnen kezip kelerge undudup salyamda — amdy sen kes-salyr-zyn. sen kes-salyan nebeni enniñnen şurb-alary çarabas! qazyq qujaq sendoq polzun!»

aq-ol surady: «ala-bej tunmam, qajdig çerge parb-odurzun? raq parçan-ma? çayyn çerge parçan-ma?» ala-bej ajty: «eze, açam, qajdig çerge parajyn! po çer üstünde kör qan, kör pij polbazyn tep, qançe-le qannardy toza pazary parçam. qançe-le qannardy toza pazyp, albannaryn alary parçam. çaqşy-ba albanyn pergen qannyn tynyn artyzyp parb-odurarym; çabağa paryan qannardyn tynaryna çedip parb-oduram!» pönü uqqan aq-ol aqsyn çaba tudundu: «uğ oba! tunmam, qajde pede qudajdyn alyna çaba ajttyn! pede parar polzan, ara paryan çolun par polar, paža nançan çolun çoq polar!»

ala-bej açazy-ba ezen-mençi suraşy-alyp, emnen şyğara pazybysty. aq-ol açazy tuda şaba mannanman galdy. «eze, tunmam, nödürge andig uğ erbekti ajt-salyr parçarzyn? ara-la paryan çolun polar, paža nançan çolun çoq polar!» ala-bej açazenyn ajtqan sözün uqpan saldy. alenan ara parbysty.

Ала-бей одиноким жить остался. Мало ли жил, много ли жил, однажды он встал (и) сам про себя думал: «Зачем я один в здешней земле жить буду! Всех ханов, на этой земле живущих, в плен возьму и от всех (них) албан стану собирать. Души тех ханов, которые мне будут повиноваться, я буду пачать, тех ханов, которые против меня пойдут, — убивать стану. Сначала причинившего мне зло должника моего найду, его прежде всего я погублю!» — [так говоря] Ала-бей из дома вышел и пошел.

Когда устье Кобур-су стало из глаз его скрываться, еле видно было уже, Ала-бей, стоя, сам про себя подумал: «Почему внутри дома я все хорошо не поглядел. Как это я ухажу, все в доме хорошенько не пере-смотрев! Может быть у моего отца Шулбая, так как он был ханом, что-нибудь и есть!» — [говоря] так, сам про себя подумал. Поразмыслив так, Ала-бей снова назад домой пришел. Когда он ходил и все внутри дома рассматри-вал, он увидел: один старый, начавший уже гнить, черный сундук лежит. У черного сундука ключа нет. Когда Ала-бей продолжал искать, он нашел под постелью отца ключи от сундука.

Когда он потом открыл черный сундук, — сверху отцовская красная кольчуга лежит. Красную кольчугу вынул. Когда [потом] снова взглянул — белая кольчуга лежит. Белую кольчугу взяв, также положил. Опять погля-дел — шапка и сапоги лежат. Их взяв, тоже положил. Ала-бей отцовские сапоги обул. Подниз [внутри] красную кольчугу надел; сверху белую кольчугу надел. Шапку тоже надел. Ала-бей сказал: «Поскольку я такую одежду надел, да покорю я всех ханов; на поверхности этой земли много ханов пусть не будет, пусть буду только один я, Ала-бей!»

Потом Ала-бей вышел из дому и пошел. Идет он и, ступая, про-давливает мягкую землю. Когда Ала-бей так шел-шел, дошел до реки Шобут, к старшему брату своему, Ак-ол'у, пришел. Его старший брат Ак-ол у основания железной листовницы жил. Когда Ала-бей при-шел, Ак-ол, старший его брат, навстречу ему выбежал, за руки схватил, и, под руки поддерживая, в дом ввел. «Мой младший брат пришел!» — [говоря] сказал. Ак-ол младшего брата, за стол усадив, кормит, подавая водку, угощает.

Два брата пили-пили. Ак-ол сказал: «Так, Ала-бей, мой младший брат, отца моего Шулбая красную кольчугу я должен был надеть, однако взять я ее забыл. Смотри, ты ее, оказывается, надел!» То услышав, Ала-бей сказал: «Так, старший брат, если на самом деле ты ее надеть хотел, то я, сняв ее, тебе отдам! Да и две кольчуги мне тяжелы! Чтобы ходить, то я, сняв ее, тебе отдам!» Ак-ол сказал: «Итак, Ала-бей, мой млад-мне и одной кольчуги хватит!» Ак-ол сказал: «Итак, Ала-бей, мой млад-ший брат, раз я забыл, уходя из дома, ее надеть, теперь, раз сейчас ты ее уже надел, мне надеть тобою вещь с твоих плеч снимать не пола-гается! Красная кольчуга твоей также пусть будет!»

Ак-ол спросил: «Ала-бей, мой младший брат, в какую землю ты отправляешься? Далеко ли едешь? В близкую ли землю едешь?» Ала-бей сказал: «Так, мой старший брат, вот в какую землю я еду! На этой земле

ala-bej para-para kelgenin — purunyu sojduryan peglerin parcin surastyryp parca. ala-bej surastyryp čöre-čöre kelgende postaryn sojyan pegdin čerin tabyp četti. pegdin ebine kir-paryanyn — peg üdüre qapty, «ala-bej nančym keldi» tep. ustaıdyn tübüne ala-pejdi sörtepča. ala-bej ajtty: «toqta, nančy, sen azy tabayynny čirge kelbedim! öš pergen ödüštüg, nan pergen nanyštyg, purunyu öštü senen alarya keldim!» ala-bej pajaıy peg-be kör erbektešpedi. čaıa tözünen qab alyp, taşqara sörtep şyq-pardy. pegdi qab alyp, syranaj-la ödüre šabysty.

ala-bej iğinčizin emge kire čügürgende — pegdin qaty, pözun ödürerge kirdi, tep, saıyzy şyq-pardy, ala-bej ajtty: «eze, epči gäzi, sende qyjał čoql po erin üš čylıa şyğara sojyan ödüštü alčam. erin čoqta erinni ornuna sen qan poıarzyn. parcin čyl bazynda qalyynny albanyn čyb alyp, men čerime čettirip perb odurarzyn!» pegdin qaty ala-bejdiñ sözönen şyqpady. myna-na qarčy erbekteze, pözun ödürboq saıyadyg.

ala-bej ezen-menči surazy aıdy. şyğa pazyp, alynan ara pārbysty. ala-bej čaqşy-ba albannaryn čettirerge ajtqan qannardyn tynaryn artyzyp pārcā; čabaıa paryşqan qannardy ödur-saly, qattaryn qāıa tudup, pārcā. ala-bej čörē-čörē kelgenin — čazy ištinde tört qanny pasty.

anaı ara ala-bej qazaq qannaryn arıap pardy. qazaq qanaryn qanče-qanče qanny pāzybysqan sonda qazaq qannary özere qat čörgüzüzüp, šerig čepsep, qanče-le küstüg kižilerdi toza čyğbysqannar. ala-bejdi ebere qanče-qanče qat šerig turıyubusturlar. ala-bej šerigdi qyra-qyra gelgenin oqča-ba atqan oqtary ala-bejge syryla kelgenin: ala-bej ködürüp čörüp poıbas šenge čede-bergen. pözu izige köjüp para čör. ala-bej izige šydabasta-la, šerigdi taştap, tezip čügür-şyqqan.

ala-bej ol čügürüp paryan özəba ulug čulat qāzyna četken. kelele, čulatqa kire attybysty. ala-bej, čulatqa čädyp serenenm alyp, pazoq qyr-şyqty. qəra-qəra kelgenin — qanče-qanče tem ertken sonda ala-bej pazoq izige terlep şyqqan. oqča-ba atqan oqtar syryla-syryla kelgenin — pazoq ködürüp čör-poıbas šenge čede pergen.

ala-bej anaı körgenin — ebere-le qara tuban tartyk-partyr. pir-dā nebe körünmēnča. ala-bej qara tybanny arıap tezip čügür-şyqqan. qajdig čer-be pārcitqanyn pözu-dā pilbēnča. anaı pilgenin — mözük tağıa şyq-paryan oşqaş. ijgi čanap körgenin — čapsaı oşqaş čabys tüze pertir. paza tubanıa pir-

много ханов, начальников пусть не будет! [говоря]. Сколько ни есть ханов, всех покорить я еду! Чтобы, одолев всех ханов, дань с них брать я еду! Души тех ханов, которые по-хорошему дань будут давать, я щадить стану, души сопротивляющихся ханов губить стану!» То услышав, Ак-ол рот рукой ему закрыл: «Великое несчастье! Младший мой брат, как это ты так худо [перед Кудаем] сказал! Если ты так (с таким намерением) отиравинься, твой путь, по которому ты туда поедешь, будет, обратного пути не будет!»

Ала-бей, попрощавшись с братом, из дома вышел. Ак-ол, старший брат его, не сумел его задержать. «Так, младший брат мой, зачем ты, такое великое слово сказав, уходишь? Лишь туда ведущий путь тебе будет, обратного пути тебе не будет!» Ала-бей [его] старшим братом сказанных слов не послушался, дальше продолжал свой путь.

Он идет, расспрашивая о начальнике, который его некогда бил. Когда Ала-бей так шел, расспрашивая, землю начальника, который их [самих] бил, нашел (и до нее) доехал. Когда он в дом начальника вошел, начальник навстречу ему вышел и приветливо его принял. «Ала-бей, друг мой, пришел!» — говоря, к столу Ала-бея тащит. Ала-бей сказал: «Подожди, друг, я не пришел твою еду-угощение есть! Вражда-зло возвращается, зло отомщается! Отомстить я тебе пришел!» Ала-бей с давешним начальником много не разговаривал. Схватил его за ворот-грудь, наружу (на двор) выволок. Начальника схватив, (он) ударил (и) одним взмахом убил.

Когда Ала-бей вторично в дом вбежал, жена начальника сознания лишилась, — она подумала, что он пришел ее убить. Ала-бей сказал: «Так, женщина, на тебе греха нет! Твоему мужу я отомстил за то, что он в продолжение трех лет меня бил. Раз нет твоего мужа, ты вместо мужа ханом будешь. Каждый год, собрав с твоего народа дань, в мою землю (эту дань) доставлять станешь!» Жена начальника не противоречила Ала-бею. Если бы чуть против сказала, ее [самое] также он бы убил.

Ала-бей распрощался. Выйдя (из дома), дальше отправился. Ала-бей едет, оставляя в живых тех ханов, которые обещают доставлять ему дань. Он едет, убивая сопротивляющихся ханов и ставя ханами их жен. Ала-бей шел-шел, в степи четырех ханов он покорил.

[Оттуда] дальше Ала-бей промеж русских ханов пошел. После того как он одолел несколько русских ханов, русские ханы промеж себя бумагу передавать стали, приготовили войско и, сколько ни было, всех сильных людей собрали. Вокруг Ала-бея в несколько рядов войско (они) выстроили. Ала-бей войско уничтожал-уничтожал. Луком выпущенные стрелы до Ала-бея долетали и в него вонзались. Ала-бей доходить стал до такого состояния, что не мог больше выдержать. Сам совсем от жары сгорает. Ала-бей не в силах жару вынести, войско бросил и побежал.

Когда Ала-бей побежал, он до берега большой реки добрался. Как только дошел, сразу в реку прыгнул. Ала-бей, лежа в реке, охладился и снова войско истреблять начал. Истреблял-истреблял. Прошло немного

daγy nebe körünmēnča. ała-bej anan körgenin — pōzu turčutqan čerdin qyryjynda čalbaq taš čātča. po čalbaq taš kiži ođurčan taš ošqaš.

ała-bej pās-kelip, oł čalbaq tašqa ođurbustu. tyn izige terlep pārtыр. serenenerge pāžyndaγy pōrügün qabaγynan öre qazыр sałyp, tynanyp ođura herdi. ała-bej pōrügün kōdūr-sałyp, tynanyb ođurčutqan šende nō-nō čerden aqča-ba adybysty. atqan oq ala-bejdin qabaγyna teγip, qabaγyn tała šāp-pardy. ała-bej čalbaq taštyn üstüne sas ojda kēl-tūžup, aγa ol-pardy.

ała bej kiži alban čörgen, anan töl šyqpān galdy. šulbajdyn segiz oγłunan töl čajalyžyp, šulbajdyn tölleri čajalyžyp, šulbajev tep töl anan šyqqan pōltur.

91

qam aptistin gyzy pēr čūs tōγəzon on četti čylda qarčytqa alāp kelgen. oturgaševa kētajne šulbaeva kristinany aqčazyn alty solqoj alton aqča orlab-alγan. oł qys pārypsqan sōnda al giži oł qysty abāzy kōzübe altyr-dyb alāp q'stannār — «pałan alγan aqčāny pāłannan al-per!» — tep. aptis ajtča: «mēn qəzym alban; kəzi nebezin tenmečen». tep ajča. qysta-qysta kelgebiste — anan ajda-herdi: «aqčāny garya šašqan šana ornynğa suqqam». ede ajda-bergende — pis aqčāny anan alab-alγābys.

anan aptisti čātqan al pinabatqa, sāləp, kirsanov mikerdi sojary tutqannar. miker qālyq tutqanda — qam aptisti qamčy-ba mātap sojgan. qam aptis miker pōzyn sojdu tep, mikerdi čipčā. aptis sojdyrb-alγan sōnda ajča: «meni sojgan gižini untupāsym, uzaq-pəla ürgedib-alām», tep ajtqan. ānoq ajtqan tili-bəle miker ārybysty. azaqtarənan, pelənen, pügərekterənen ārdap-pardy. am āčqa-dā čürbənče, iš-ta ištep połbančā, āqtap ārdap-pardy. qam aptis mikerdin guđun alb-alyp, pōzəny tōsteringe čirtipče. pašqa qamnary qamnatqanda — quttu al połbančālar, čās połbančālar. pašqa qamnar qamnān tertigende pər nedəle-če miker čaqšy pōl-pārčā. anan-na pāžōq aγrypsčā.

am mikerdi -ō-gāmy aptis qamnap čāspančā, pašqa qamnar čās połbas. oł γamy časpaša, oł gəži (miker) edōq öler. miker oł qamγa aqča herəp

времени, и Ала-бей опять от жары потеть стал. Из лука выпущенные стрелы вонзались, вонзались; опять он до такого состояния дошел, что не мог больше двигаться.

Ала-бей [потом] посмотрел — кругом него лишь черный туман расстилается. Ничего не видно. Ала-бей среди черного тумана побежал. Через какую землю проходил, он и сам не знает. Потом, когда он опомнился, похоже, что он на вершину горы поднялся. В обе стороны посмотрел, оказывается, он в низину, похожую на склон горы, спустился. В тумане опять ничего не видно. Потом, когда Ала-бей взглянул, около того места, где он [сам] стоит, широкий камень лежит. Этот плоский камень словно для сиденья человека.

Подойдя, Ала-бей на этот плоский камень сел. Он сильно на жаре вспотел. Чтобы охладиться, надетую на голову [его] шапку со лба вверх загнул и стал отдыхать. В то время, когда Ала-бей, приподняв шапку, сидел и отдыхал, откуда-то из лука выстрелили. — Стрела в лоб Ала-бея попала и лоб его пробила. Ала-бей на плоский камень навзничь упал и тут же умер.

Ала-бей не был женат, оттого у него потомства не осталось. От семи сыновей Шулбая потомство произошло [потомки Шулбая сотворились]. По имени Шулбая — töl Шулбаевых стал.

91

Дочь шамана Аптиса в 1917 году в (улус) Карчит в гости пришла. Эта дочь, Отургашева Кетайне, украла у Шулбаевой Кристины ее деньги, шесть рублей шестьдесят копеек. После того как та девица ушла, люди улуса (Карчита), призвав ту девицу и отца ее Аптиса [вместе], принуждали (их) сознаться, говоря: «Деньги, взятые твоим ребенком, возьми от твоего ребенка и (нам) отдай!». Аптис сказал: «Моя дочь (деньги) не взяла, ничьих вещей она никогда не трогает» [говоря, говорит]. Когда упорно его принуждали сознаться, он [потом] сказал: «Деньги в то место, где лыжи в снег воткнуты, я засунул!» [говоря]. Когда так ответил, мы деньги оттуда взяли.

После, жители улуса признали Аптиса виноватым и назначили Кирсанова Микера его стегать. Когда народ его назначил, Микер шамана Аптиса сильно плетью стегал. Кам Аптис за то, что Микер его стегал Микера ест. После того как его отстегали, Кам Аптис сказал: «Человека меня стегавшего, я не забуду; современем я его проучу!» — [говоря] сказал. После того как (так) сказал [языком], Микер заболел. От болезни ног, поясницы, печени совсем изнемог. Теперь он и на промысел не ходит и работы делать не может, совсем истомился. Кам Аптис, взяв душу Микера, дал (ее) съесть своим духам. Когда (Микер) других шаманов заставляет камлать, они душу его (Микера) взять не могут и исцелить не могут. В то время, когда другие шаманы камлают, около недели Микеру легче становится. Потом опять хворает.

čāḷyan polbāncā. «meni qamnap čaqšy čās-saḷ» tep. aptis qamnārḡa-dā čāsarḡa-da ynabāncē.

čatqan āḷ surapčā — vyššy orḡan andyḡ čabaḷ sāḡyštyn qamny ūrget-siner tep.

īgi arḡyš āčqa čōrčattḡrḷar. āčqa čōr-kelip, oḡa gelip, tabaq čib-āḷp, tūžek sāḷ-saḷep, pēr arḡyžy uzu ḡertir. pirēzi ōdurčattār. ananḡ kōrīb-ōdur-ḡany — arḡyžynḡ qaraḡenanḡ īgi čyḷtyžaq šyḡyḡ-āḷyp pārbysqannar. ananḡ oḷ usčuyān giži settleštir, ananḡ teze pazōq qyḡḷānḡan. ananḡ oḷ gēzi kōrīb-ōdur-ḡany — pajāyī īgi čyḷtēžaq kelip, qaraḡynḡōq kir-pārḡannar. oḷ kiži usqan ebiš kelgen. usqan kelgende — oḷ arḡyžynḡa «ede tūžedim» tep. ajtqan. pazōq uzū-ḡertēr. uzu-ḡergende pajēyī gižōniḡ qaraqtaryanḡ īgi čyḷtyžaq šyḡyḡ-āḷyp pārbysqan. «qaj polčenebiš» tep, aḡa qaraqtarynḡa čarḡyčāq tū tik-saḷa-ḡergen. ananḡ ōdur-čātsa, pajēyī īgi čyḷtyžaq kelgenner. kīrge čer tappān saḷyannar. ananḡ pajāyī čartyčāqty āḷbysqan. ananḡ pazōq pajāyī īgi čyḷtyžaq kēlōp kir-pārḡannar. ananḡ arḡyžy usqan kēltir.

aḡnap čōrūp nānyḡ-ōdurḡam. āḷynda ōlgen kižilerdiḡ kēzi čatpāncḡyḡan eski ōmner polḡannar. pārḡyḡ-ōturzam, ot kōjčā. oḷ otqa ēbēre kižēlir qoḷḷa-rḡyn qājzy ajazynčē, qajzy syrtynčē čyḷdyḡ-ōdurčāḷār. tujqāny paryp: «nō ēt ōdurčyzar!», tep, kurček-bēle čāpšēra šapqanym. šāpqaḡ sōnda pāza pilbēn pārḡerym. saḡyzym kēr-kelip, tur-kelgenim — meni elede sōrtep appar-saḷtyrḷar. šanam, pōrūgūm, iligim qajda-gajda čerge čāt-qalḡtyr. meni aḡa čētēre sōrtep-pārḡan čōḷy ḡar, oḷ ot qazynḡa ōdurḡan kižilerdiḡ čōḷḡary čōḷuḷ. men ananḡ-oq aḡryp, ōmge nasile čettim. ananḡ qam qamnadyp, ūzūtterdeḡ quḡumny āḷḡeryp, čāzyḷdym.

men ēn čerge čōrgemde ūzūtterge toḡaščam. paštāp sōq saḷḡyn kēr-kelče. ananḡ qōburaqtar myčyr-mačyr qājyn-kēlče. oḷ saḷḡyn kižige tōḡašqanda kižōniḡ čūregānenḡ ōt-parča. pōrūktū tyḡ kespezeḡ, oḷ saḷḡyn qār-parar. oḷ

Теперь Микера [тот самый] шаман Аптис [не камляет и] не исцеляет, другие шаманы излечить его не могут. Если тот шаман (Аптис) не исцелит, тот человек (Микер) так и умрет. Микер тому шаману деньги дает, (но) упросить его не может. «Покамлав, меня [хорошенько] исцели!» — [говоря] просит. Аптис ни камлат, ни излечить (его) не соглашается.

Живущий улус просит, чтобы высшая организация подобного, имеющего злые мысли, шамана проучила.

Два товарища на промысел ходили. Промышляя, (они) пришли к балагану. Поели [пищи], постели устроили себе, один товарищ заснул, а другой сидел (и не ложился). Когда он так сидел и глядел, из глаз его товарища две звездочки вышли и ушли. Потом заснувший человек зашевелился, после [же, еще] застонал. Когда потом [тот] человек продолжал глядеть, [те] упомянутые две звездочки, придя, в глаза [его] (спящего) снова вошли. Тот человек снова проснулся. Когда он проснулся, [тому] товарищу сказал: «[Так] я видел сон!» [говоря].

Снова заснул. Когда заснул, из глаз того упомянутого человека две звездочки вышли и ушли. «Каково то будет?» — говоря, ему (товарищ) на глаза дощечки [загораживая] положил. Потом, когда сидел, те упомянутые две звездочки вернулись. Чтобы войти, места (они) не нашли. Потом те упомянутые дощечки он убрал. [После] снова те упомянутые две звездочки, придя, вошли. После товарищ проснулся.

Охотясь, домой я возвращался. (На пути) были необитаемые старые дома умерших людей. Когда я подходил, (увидел) — огонь горит. Кругом того огня люди сидят, руки отогревают. Некоторые [из них] вниз ладоньями, некоторые вверх ладоньями (руки держат). Тихонько подойдя, — «Что вы здесь делаете?» я спросил. Сказавши, кайком ударил.

После того как я ударил, без сознания остался. Когда я в себя пришел, встал. Меня на большое расстояние оттащили. Мои лыжи, шапка, рукавицы находились от меня далеко. Следы от того, как меня тащили до этого места, есть, а следов людей, сидевших у костра, нет. Я после сразу же заболел, домой насилу дошел. После, кама заставляя камлат, с его помощью от узютов душу получил (и) выздоровел.

Когда я в пустынном месте шел, повстречался узют. Сначала холодный ветер подул. После шум-треск борщевника послышался. Когда тот ветер налетит на человека, он через сердце его насквозь проходит. Если шапка плотно

şaŭyn yltam ölbes kiženiñ oñ čaŋge pārcādyp, soŭ čān-zarŭ ajlanyžybysčā.
üzütter čōqtažyp qynyr-qanğyr pōŭ, ert-pārcālar.

95

ölgen kižiniñ sürünezi anōq čin ajnazy-ba qožylb~alyp čōrcālar. čōrgen
pāžynda tirin kižige tōyaš-pāryanda ezineščālyr. ede ezineškende ol ölgen
kiženiñ ajnazy tērin kižini ačrytča. qajdyn ačryg~dan ačryp ölgen kižiniñ
sürünezi urunar, oŭoq ačryg~dan kiži ačryp ölčā.

96

kiži ačrybysqanda qamnatčālar. qam ačryg~ kiženiñ quđun tēlep, pōžē-
nuñ tōsteri-be pārcā. pāštap qajdiğ ajna ačryg~ kiženiñ quđun apparŭanyn
synap kōr pilb~ālčā. synap pārcitqanda pašqa pašqa ajnaŭar čōlda tōyaščālyr.
qarañ gurañ qajynčytqannar. pēr pērde ajnaŭar özere čōčēžizip qajdiğ ajna
ol quđun alb~alŭanyn, qajā, qajdiğ čerge āparbysqanyn qamŭa ajda-perčālyr.
qāčān ajna qut apparčytqanda qam sūrēžüp, ŭrāq yspān tuđub~alŭanda—
ačryg~ kēži qāpčēlaj čāžyl-pārcā. ačrybēsqan sōnda ŭr poŭup qamnatqanda
anče ajna kiženiñ quđun raq āparbysčā, čer āltyna erlikke ākēr perčā. anda
quttu ajlandērarŭa šedik pōlčā.

qam qamnap pāryp, erlik čeringe kirip, ajnaŭar qazanga kišniñ edi pyšēryp
čipčitqannaryn kōrüp, ajlan-kel, ājtča: «qamnatčētqan kēžim tyñ ačryg~».
qāčān ajnaŭar qazannañ alyp, etterin šāldabēža-berip, sōkter taštāpčitqannaryn
kōrgende—ajlan-kelip ājča: «ačryg~ kižige qamnaža-dā tep-tek poŭar,—ōler».

erlik čerine qamnap pār-kelerge qamga tyñ šedik anda ajnaŭar qamŭa
šābylčālar. qam ŭar-ba qābyštērarŭa pōžēnuñ tōsterin ysčā. ŭar-ba pērge
ādygčy tōžün ysčā. erlik čerinde ajnaŭar, qary üžütter nā kelgen quttu āpararŭa
qamŭa perbēnčālyr. qam anda čerge čōrgende ajnaŭarŭa, erlikke čüzün kōrgūs-
pēnčā. erlikke čüzün kōrgüzübskende qam öl-pārcā. qāčān qam ajnaŭardan
tuđub~alŭyp, erlik čerēneñ quttu ākkelip, ačryg~ kižiniñ gulaŭēnyñ kire suŭa
pēr čā.

pir pirde qamnar manžerāg~ čōqta quttu erlik čerindā ajnaŭardan
tuđub~al šyŭyp, süttüg kōlge āpar čunm~alyp, ŭlgen ežik ālynda pāraq
pāštyg~ paj gazyn āltyna.

не надета, тот ветер подхватывает ее и уносит. Человека, который скоро
не умрет, тот ветер с правой стороны обходит и с левой возвращается.
Разговаривая между собой, уюты с шумом-шумуканьем проходят.

95

Душа умершего человека вместе с айна, съевшим ее, ходит. Когда
они во время своего хождения живому человеку повстречаются, они с ним
здороваются. Когда они так поздороваются, айна и душа умершего чело-
века живого человека хворать заставляют. От какой болезни умер человек,
душа которого напала на живого, от той же болезни заболит и умрет (этот)
человек.

96

Когда болеет человек, заставляют шамана камлать. Шаман, ища душу
заболевшего человека, со своими [собственными] духами (в поиски) отпра-
вляется. [Сначала] совершив первое камлание, (он) узнает, какой айна душу
заболевшего человека унес. Когда он совершает это камлание, (он) по
дороге встречает различных айна. (Они) мелькают, разбегаются в разные
стороны. Иногда айна, мстя друг другу, говорят шаману, какой именно
айна взял душу и куда, в какую землю унес. Когда айна душу несет,
и кам гонится за ним, он далеко не дает унести душу, он выхватывает
ее — тогда заболевший человек скоро поправляется. Если после того как
человек заболит, долго не камлают, айна человеческую душу далеко отно-
сит, под землю, к Эрлику уносит. Тогда душу возвратит трудно.

Когда шаман, камлая, отправляется в землю Эрлика и (там) видит, что
айна, сварив в казане мясо человека, (это мясо) едят, он (шаман), вернув-
шись, говорит: «Человек, из-за которого я камлал, очень болен». Когда
(шаман) видит, что айна, взяв из казана мясо и обглодав кости, (их) выбра-
сывают, (он), вернувшись, говорит: «[Заболевшему человеку] если даже
и камлать, то все равно [напрасно] он умрет».

В землю Эрлика итти, камлая, шаману очень трудно. Там к шаману
пристают айна. Кам посылает своих [собственных] духов, чтобы с ними
сражаться. С ними вместо духа стрелка посылает. В земле Эрлика айна,
старые уюты, не дают шаману унести новопришедшую душу. Когда кам
по той земле ходит, (он) айна (и) Эрлику не показывает своего лица. Если
(шаман) Эрлику свое лицо покажет, то [шаман] умрет. Когда шаман, отняв
от айна душу, ее из земли Эрлика принесет, (он ее) больному [человеку]
через ухо вкладывает.

Иногда шаман, когда он не торопится, отняв душу от айна, находя-
щихся в земле Эрлика, [поднявшись] к молочному озеру приносит; вымыв,
перед дверью Ульгения, под развесистой березой, в богатую колыбель кладет
и укачивает до тех пор, пока (она) не наберется сил. После, принеся душу,
заболевшему человеку через ухо всовывает. (В то время, когда шаман

paž pežikke sałyp, čajqap, küžün kirb~alyp, anañ ākelip aγryg, kišiniñ qułayynañ suq-sālča — «andig kiženiñ qudu ajlandy, ēzonen ara-pere parbažyn!» tep. ol kiženiñ gyryjynda tōs ārtys-sālča. «oł quduñ qadařzyn!» tep. anañ oł qamγa aqčā pērčālar.

• 97

qam ölgen kiženiñ sürünezin sürčyγanda qarā qamnapčā. sürüne — üzüt qančul čaščul čulat kēšre sürürülčā. ölgen gižiniñ öbine qałγan kižilerdin garaqtarēnan čaš āqčā: oñ garaqtarēnan āqčyγan suñnan qančul, soł garaqtarēnan āqčyγany čaščul, — oł üzütterdin sū bar pōlčā.

kižilerdin üzütteri (kiži ölgen šonda) para-bēla pālyq añnapčālar. para suq-sałγanda örtēkter aγa kērčālar. üzütter oł čerde edoq añnap, añnar sürüs čālar. özere ālaščālar. qam arpa abyrtqa qamnap, aγa āparγanda üzütter ižib~alyp, sarnaščālar, qajlyščālar, urušqōlapčālar. qam arāγa āparbānda üzütter kižige urunčālar, anañ kiži aγrypčā. kēži aγrybsqanda ālastapčālar.

üzüt čerēne nānybsqanda qam āny mālytyγanan ištēn sał-ba nāndēra apārčā. üzüt qārčy kelgende qamnar uzun qōbēraqtan sał edib~al apārčālar. üzüt kelgen čōldy 'qara čol' tep, adapčālar. üzütin kelgen čerine kelgen-oq čōlē-ba apparčālar. anañ üzüt urungan gēži aγry~berčā. kēži aγrybsqanda ālastapčālar. 'ałym-býla' tepčālar.

98

uług, kiži ölüp, qyryq kün ertkēnde qam qamnatčālar. oł qam sürünege čōl körgüs uzat-pārčā. uzat āpararda sürūneni emge čāγyn kirib~ālčā. pārda sürüne tuγannary~ba ezen menči pēriščā. qam qamnap üzüttü uzađarγa, üzüttün tuγannary qam-ma pirge qamnađarγa āl tāštyna kün qōnužu čāγa pārčālar. kiži-šaja pēr ajaqtan-na aš tabaq āparčālar. ijgi ajaq appārya čarabānčā. āl tāštyna šyγyp, aš-tābaqtaryn čerge sałčālyr.

qam qamnar āldynda ākelgen aš tabaqtaryn pir uług, aγaš šarāγa sałčālar. ol aγaš šarāñ qāžyn čirbisčālar. anañ oł šara qyryjyna ot edip, tabaq soł qol-ba taštapčālyr. taštapčāt, ajtčālyr: «erte parγan sürüne, mýnan iš, mynan či! qałγanyñ pistēñ čip parzan! pāza piske kēl qātyšpasyn, syrañaj parγan šēn pōlar!» tiži gēži ölgēnde qam öžup-pa qamnapčā, er. kiži ölgēnde małta-ba qamnapčā. oł sürēne qol ālyžyp ezeneščā. oł γam aγa qol örduna ožup, małta pērčā. oł qam oł sürüne ajtčā: «mynan üzüt čerēne par!» oł sürüne enne pārda ajtčā: ertpes künü ert-pardym., pālam künnüg kižilerde

дает душу, он говорит): «Такого-то человека душа вернулась, от хозяина (туда-сюда) пусть не уходит» — (так) говоря, кладет. Шаман около того человека оставляет духа, говоря: «Пусть ту душу (он) охраняет!» Потом тому шаману дают деньги.

97

Когда шаман гонит душу умершего человека, он совершает камлание ночью. Душу, сюрюне — юзют, гонят через реки Канчул и Чашчул. Из глаз людей, оставшихся в доме умершего [человека], слезы текут. Из слез [воды], текущих из правого глаза, — река Канчул, из (слез) левого глаза [текущих] — река Чашчул, — реки юзютов становятся.

Юзюты (после смерти человека) ловят рыбу при помощи 'пара'. Когда 'пара' поставят, туда заходят утки. Юзюты [также], в той земле охотясь, зверей гонят. В гости друг к другу ходят. Когда шаман, камлая, приносит абыртку, юзюты, напившись, поют, камлают, дерутся. Когда шаман не приносит водки, юзюты на человека набрасываются, и [потом] человек заболевает. Когда болеет, совершают 'алас'.

Когда юзют на (эту) землю возвращается, кам его обратно отвозит на плоту, сделанном из стеблей борщевника. Когда юзюты приходят обратно, шаманы отвозят (их) на плоту, сделанном из стеблей дягиля. Дорогу, по которой приходит юзют, называют: 'черный путь'. Юзюта возвращают туда же, откуда он пришел, тем же путем, которым он пришел. [После] человек, на которого напал юзют, заболевает. Когда человек болеет, совершают (обряд) 'алым-была'.

98

Когда умрет взрослый человек, то через сорок дней заставляют шамана камлать. Тот шаман, показывая душе дорогу, (душу) провожает. Перед тем как провожать душу, он ее ближе к дому призывает. Прежде чем отпавиться, душа прощается с родственниками. Родственники умершего идут вместе с шаманом за улус к западу [в сторону захода солнца], чтобы (там) заставить шамана камлать и провожать душу. Каждый человек несет только по одной чашке. Две чашки нести не годится. Выйдя за улус, пицу кладут на землю.

Прежде чем камлать, кам кладет принесенную пицу в большую чашку. Край той чашки отламывают. Потом, разведя около той чашки огонь, бросают левой рукой (в огонь) пицу. Бросая, говорят: «Рано ушедшая душа, отсюда ешь, отсюда пей! Последний раз поешь у нас и уходи, больше притти к нам и соединиться с нами тебе не придется, ты уйдешь отсюда навсегда!»

Шаман камлат с озупом, когда умерла женщина, и с топором, когда умер мужчина. Та душа рукопожатием обменивается — прощается. [Тот]

qaldy. čardyq künge süs-pardym, erik čoqta ölgem. ašpaš künneñ aža-berdim» qam sürünēžone ajda pērča. «qajder! qujun polup qujoq per!».

üzüt čerēne parčan čolda ijgi čulat par: qančul, čaščul-üzütterdin čulattar. ol čulattardy sürünēzni qam ākeščā. qam ol čulattardy kežere mosta čoqta čylannar pağlaštyr kešre sałča. qəzył čylannar-ba čaščul āžəra sałča, qara čylan-ma qančul āžəra sałča. ol čulattarğa čedip, qam ākežerde sürüne kežerge qōruqča. qōrəyup, nanarğa sanapča. anañ qamnan suranğan: «meni nāndəra appar!» tep. anañ ajtčā: «mēñ tebime četpən parγam!» qam teze qarčy sös ajtčā: «am pır pōł-parγan nebeni qajder, pō čulattardy kežer kerek! kesčēñ tēbiñ čēt-keldi». sürüne pazōq čoqtancā: «pō mostalar-ba kežerge sugγa tüş-pārym tep, qōruqčam!».

anañ qam üzüttü mosta-ba ākešpən, kebeleri-be ākeščā. qančuldu tōstan tikken qyjyš kebe-be, qančuldu — tōstan tikken nandyq kebe-be ākeščā. ākesčitqanda qam ōzup, małta-ba ežinča. qačan qam uzat-sāl-kelgende małta-ba ozup-tu kün gonužu-sāra taštapča. pāza ölgēñ kižiniñ ödügün aγoq taštapča. ot köjüp üžüb-öduryanda emnerəne tārapčalar. tarar aldy-larynda azaq-pa tepsep ottu üčürčalar. üčürčāt erbektenčalar: «taš očoγyñ adarym, tałγan külün taštarym!»

pede qam qamnatčitqan kerek «sürüne čyγarğa» ebeze «sürüne köčüg köčürerge» tep adałča.

99

ulug, kiži ölgende āñ sürünēži qanče qanče künge šyγara čatqan ebəneñ čarył polbān ebəre čörča. kəži ölgēñ šonda ol emde četti künge šyγara qarayzyn ot köjčā. pər pirde qāry kiželer čylyš-kel, qajčy qajlatčalar. qara kündüs ölgēñ kižiniñ tuγannary maqanyš erbekteškennerde—sürüne ol erbekterdi tōza uqča. pər pirde qarā emde ot köjčütqanda köžunekten kēl kōrča, ežik tēgin qaγdyratča. kesken ton-azaqtaryn silgipča.

añ šonda ajlanmazyn pilgende tağ, ārazə-ba qūqtaḡ-ała, sug, išti-be syqtaḡ-ała, raqqa-raqqa pārbysčā. ünü üzülüp, čolu taqtał-qalča. qačan sürüne ajlanmazyn pilip, parγan pās-pararda tuγannaryna qaraq čažy köp tōgerge čarabānčā. köp tökkende: čulattar taščalar. sürəne pararğa šedik pēłča. čulattar kēš-polbān qaštap čör, qunanyp, yłγap-syqtap ārā čoq, pērē čoq pōla pērča.

шаман ей вместо руки дает озун (или) топор. [Тот] шаман той душе говорит: «Отсюда в землю юзютов отправляйся!» Перед тем как отправиться, [та] душа говорит: «Непрожитый день я прошел! Мой ребенок у людей солнечного света остался. К полумесячному дню я пошел, против воли умер. Я ушел от непрошедшего дня!» Шаман душе говорит: «Как же быть! Вихрем став, беги!»

На пути, ведущем в землю юзютов, две реки есть: Канчул и Чашчул — реки юзютов. Через те реки шаман душу перевозит. Если нет моста, он связывает змей (и их) через те реки кладет: красную змею — через реку Чашчул, черную змею — через реку Канчул кладет. Когда (он), достигнув тех рек, собирается перевести душу, — душа переходить боится. Боясь, она хочет возвратиться назад. [Потом] (она) шамана умоляет: «Меня назад уведи!» [говоря]. После говорит: «Преждевременно я ушел!». Кам в ответ [слово] говорит: «Раз так случилось, ничего не поделаешь! Эти реки перейти надо. Наступило время через них переправиться!». Душа снова говорит: «Я боюсь, что, переходя, упаду!»

Потом шаман не переводит юзюта по мосту, а перевозит на лодке. Через реку Канчул на половинчатой лодке, сшитой из бересты, а через реку Чашчул на однобокой, кривой лодке, сшитой из бересты, перевозит. Когда шаман перевозит, он гребет озуном (или) топором. Когда шаман, проведив душу, вернется, он озун, топор по направлению к западу бросает. Еще сапоги умершего человека туда же бросает. Когда [тот] огонь [сгорев] гаснет, (все) по домам расходятся. Перед тем как разойтись, огонь гасят, затоптав его ногами. Гася, говорят: «Я разрушу твой каменный треножник, талкан — золу твою — разбросаю!» Такое камлание шамана называется: «хоронить юзюта» или «кочевание души».

99

Когда умрет взрослый человек, его душа в продолжение нескольких дней ходит кругом дома, где этот человек жил, не в силах отойти (оттуда). После того как умрет человек, в его доме в течение семи дней ночью горит огонь. Иногда старые люди, собравшись, заставляют сказочника рассказывать сказки. Когда днем и ночью родственники умершего человека об умершем говорят, сожалея, горюя о нем, душа весь тот разговор слышит. Иногда ночью, когда в доме горит огонь, (душа) придя, через окно смотрит, крючок двери шевелит. Одежду, которую носил, шевелит.

Когда душа узнает о том, что она больше в этот дом не вернется, она среди гор перекликаясь сама с собой, по воде рыдал, далеко-далеко отправляется. Голос ее прерывается, а следы исчезают. Когда узнают, что душа (умершего) уже не вернется, когда она уже ушла безвозвратно, не годится, чтобы родственники проливали много слез. Если (они) много слез проливают, реки выходят из берегов. Душе (тогда) итти становится трудно. Она не может переправиться через реки. Она ходит по берегу, тоскуя, плача-рыдая, и не может попасть ни туда, ни сюда.

ölgen kiženiñ qomdazəna parəin nebelerin sałčalar. İgi sary ödügün sałčalar. čardyq ajlyñ čerinde čörrge čedišča. pəçaq sałaryə čarabāñče. qam aγryñ kižiniñ quduñ ałaryə kelgende üzüt pyčaq-pa qamny sürče. uñdubəza perip qomdaya pörügün salbān qałyan kižiler tüžep körgenner — ölgen gəži ol čerde pörük čoq čörcä; ömdegi kižilerine taryñča. ödükterəne ozayət salbān qałyanda anañ tüžep körgen — qolıtajaq ödük-pe qāgdaγyp čörcä.

ölgen kižiniñ tuγannary čylyn-saja qoburaqtan sał edib-ałyp, ol sałčaq üstüne ot edib-ałyp, qara sug, išti-be pōžadybysčannar. ol sał-ba ölgen kižiniñ sürünezi āqčā. üzütter ol sałčaqqa ödurbałyp, talajga tönče tüşčalar. ol özuba talajdy keščalar. sał üstünde kōjčutqan odu «üzüt odu» tep adałčalar.

purungy tüşte ölgen kižilerdi aγaşqa aščannar. aγa sałčannar (aγaşqa). peğler, ābystar ajtčānner: «aγyłbazyn! tep. aγaşqa ölgen kižilerdi aspayγıla!» tep, aγaşqa sałaryə čarabas!» anañ perə teze kičig pālardy-la, tōsqa orab-ał, aγaşqa āsčalar.

В гроб умершего человека кладут различные вещи. Две пары сапог кладут, чтобы в земле, освещенной половинчатым месяцем, ходить хватило. Нож класть не годится. Когда шаман придет брать душу заболевшего человека, юзют ножом шамана отгоняет. Когда однажды родственники забыли положить умершему в гроб шапку, они видели во сне, как умерший человек в той земле без шапки ходит, на домашних людей сердится. Когда в сапоги озагат не положили, после во сне видели: (умерший) без обмоток в сапогах шлепает-ходит.

Родственники умершего человека делают каждый год из стеблей борщевника плот и, разложив на том плотике огонь, пускают его ночью по реке. На том плоту душа умершего человека плывет. Юзюты, сев на тот плотик, до моря спускаются и переправляются через море. Горящий на плоту огонь называется: «огонь юзюта».

В прежнее время умерших людей на дерево клали (вешали на дерево). Начальники и миссионеры говорили: «Пускай не висят! [говорят]. На дерево умерших людей не вешайте! На дерево класть нельзя». С того времени лишь маленьких детей вешали, завернув (их) в бересту.

103

aq tajga-ba til alyş,
 agyn suḡ-ba goł alyş,
 aq tajgaga aňnap şyqsam,
 aň guşqa tōyaştyr!
 aq tajgaga aňnap paržam,
 ýrystyq çol per!
 oň poľčan myltyq-per!
 aňnyq šergejge aň guşuň kelsin!
 agyn suḡda kečig per!
 aq tajgada ašyḡ per!
 attyḡ, šaptyḡ, qajan̄ny aš!
 aň guşuň pošađa-per.
 aňnap tēlepčīyan kışin̄e
 ašyq pōlip per!

104

šōk, šōk, šōk!
 ene bōł emisken,
 ada bōł āzyrajan
 ułuḡ, taḡ, enebis!
 ałty āzera tāzylyḡ,
 ałtyn pūrlūḡ paj gazyn,
 čył bažy ajlandy,
 čyłan bažy sōjledi
 agyn suḡ, šałady,
 arsył tajga sōgūldi,
 ułuḡ, agaš pūrū sałbaqtandy.
 šałap aqqan agyn suḡ,
 ałtyn čabyḡdy ezildirdi,
 ałtyn kōktūn aryḡ, ünū

103

С белой тайгой разговаривая,
 С текущей водой за руки берясь, —
 Если в белую тайгу охотиться поднимусь,
 Со зверем-птицей встретиться дай!
 Если в белую тайгу, охотясь, отправлюсь,
 Счастливый путь дай!
 Удачное ружье дай!
 В сеть, ловушку, зверь-птица твоя пусть приходит!
 На быстро текущей воде переправу дай!
 В белой тайге перевал дай!
 Славную скалу твою открой,
 Зверя-птицу твоих выпусти!
 Охотясь — ищущего человека твоего
 Добычей надели!

104

Шоок, шоок, шоок!
 Кормившей матерью будучи,
 Питавшим отцом будучи,
 Великая гора-мать наша!
 С золотыми листьями золотая береза,
 Имеющая шесть разветвлений корней,
 Начало года повернулось,
 Голова змеи загнулась.
 Текущая вода зашумела,
 Могучая тайга заревела,
 Листья великого дерева свесились.
 Шумя, текущая вода
 Золотое покрывало свое оттаяла,

aq tasqylda čajyldy,
 aq tasqyldyn
 ałtyn martqazy šečildi.
 ałtyn tagdyn
 ałty ežigi ażyldy
 aj paży ajlandy,
 čył paży čylyšty!
 eski čył šyqty
 nā čył kirdi!
 qoł kōdürzem, šāčyḡ pōlčā,
 qołtuq aššam, ilig pōlčā!
 suqsuylaryn qānzyn
 suḡattaryn četsin!
 agyn suḡ šāladı,
 šabał paży čimčady.
 aq šāčyḡ, šāščabys,
 čył pažyn kōdürčabys,
 oñ qaragyn-ma kōrüp-odur,
 oñ gołun-ma perəb-odur!
 oñ gułagyn ugup tur,
 oñ ałqyžyn perip tur!
 usqan turyan tag, suḡ.ḡa čāčyḡ, połzyn!

105

ałas, ałas, ałas!
 ođus tištiḡ ot enem!
 qyryq tištiḡ ot ene!
 qyjra-bəla, qylyš-pəla
 tag, āžyra sür,
 suḡ, kēžəre sür!
 qaragyzyn qadačy pōl!
 kündüsküzün küzəci pōl!
 pałamny qādarb-odur!

106

qōbraq pāžyn qāčərada tajnačān,
 małtyryan pāžyn māčərada tajnačəñ,
 čajgy günde sōm ała čör,

Чистый голос золотой кукушки
 По белому таскылу разнесся,
 Белого таскыла
 Золотые пуговицы расстегнулись,
 Золотой горы
 Шесть дверей открылись,
 Вершина месяца повернулась,
 Вершина года скользнула-сдвинулась,
 Старый год ушел,
 Новый год вошел.
 Если подниму руку — моление будет,
 Если открою подмышку — брызганье будет!
 Жажда ваша пусть утолится!
 Желание пить пусть пройдет!
 Текущая вода зашумела,
 Вершины хвойных деревьев смягчились.
 Чистое кропление мы совершаем;
 Голову года мы поднимаем, —
 Правым глазом смотри,
 Правой рукой давай!
 Правым ухом услышь,
 Правое благословение дай!
 Проснувшимся горе и воде кропление да будет!

105

Алас, алас, алас!
 Имеющая тридцать зубов, мать-огонь моя,
 Имеющая сорок зубов, мать-огонь!
 Лезвием, мечом
 Через гору гони,
 Через реку гони!
 Ночью — караулящей будь!
 Днем — охраняющей будь!
 Ребенка моего карауль!

106

Верхушки дягиля, производя треск, ты жуешь,
 Верхушки борщевника, производя шум, ты жуешь.
 В летние дни позади меня ходи!

küskü künde obünniñ gürendiginge
päs-čörejini!
małtyrannyn tańda
myčyrada päs-čörib-odyr
täbyłalyñ tańda
täžerada päs-čör!
adałarynga paryp qatyš!
małtyrannyn tańda mačyrada,
qöbraqtyn tańda gäčyrada
čajgyda sömny keze čör,
oıyan užaqty qorıyspa,
tigı pönı čystaštyrba!
tağdan šyqqan ulı tajym
adałarynga paryp qatyš!

107

ałym-myła, ałym-myła! qannyğ üzüt, qara čeksin-me? tölüq-sajä tolıal-
dyn-ma? tajga-žaja ajlandyn-ma? qujun bölüp qujburdyn-ma, sałyn poıup
sabyryldyn-ma. edek-ple ebirildin-me? azaq-pyła ajlandyn-ma? aš tabaqqa
čaba tüšcan. küniğ čerdin ažyna küzep čördün-me? čatqan čerine čağlyğ.
töbraynğa aılan! fu, fajt! er ałyna saptyn-ma, at ałyna šaptyn-ma? edekterin
sérbejišča, ernilerin kezilišča. tölüq-saja synyščyzar, sybyq sabyq qajynyš-
čazar. čaqšy etkenin cazyq poıdu. čide etkenin čabał poıdu. ulığ, tajgany
ažyp keldin-me? agyn sugdu kezip keldin-me? ady-čoıun ajda-ber! tišin-me
qyčaratpa! tiñin poš salb-odur! čažynnyğ, otqa qystarym. čyda-ba enđererim,
qylyš-pəla qyjarym, oqca-bəla adarym, qəzył tebirge qystarym. qapcyajga
qabyryp odur, qapcyajlan par! ady-tölün ajdynyp odur! kesken agažynğa
par. ałyp paryan ajna-ba kedre šyq. ał-paryan albačynğa par. čip paryan
čibekčine par. en ežikten kedre šyq! tar ešikten tašqara šyq! fu, fajt! ady-
čoıun ajda ber! qapcyajlan par-šyq! čaqšy ajtqanym cazyq uqtun-ma! fu, fajt!

108

ałym-była, ałym-była! čip paryan ajnan oł pöldy-ba? qara üzüt poıdyn-
ma? qadyn pašty negitpe! čip paryan ajnanny qojduña suynb-ał parä-ber.
saj zögünge ajlana-ber. toñ čürekti toıutpa! kire päsqa azagyn am šyga

В осенний день к снежному сугробу твоего дома да приду я!
По горе, на которой растет борщевник,
Шумя-треща, ходи!
По горе, на которой растет таволжник,
Шумя-треща, ходи!
К отцам твоим, отправясь, присоединись!
На горе, покрытой борщевником, шумя,
На горе, покрытой дигилем, треща.
Летом позади меня пересекай (мой путь)!
Молодежь не пугай!
Что попало не нюхай!
Мой дядя, из горы вышедший,
Отправясь, к твоим отцам присоединись!

107

Алым-мыла, Алым-мыла! Кровавый ли ты юзют, злой ли ты дух?
В каждом углу что ли ты кривлялся? Каждую тайгу что ли ты обходил?
Будучи вихрем, бешено крутился ли, будучи ветром, бушевал-метался ли ты?
Ухватившись за полы, покрутился ли ты? Ногами что ли возвратился ты?
Набрасываясь жадно, пишу ты ешь! По пище солнечного мира соскучив-
шись, пришел что ли? В обитаемую тобой землю, в жирную глину возвра-
тись! Фу файт! Впереди коня что ли разузнавал, впереди мужчины что ли
разведывал? Ваши полы истрепались; ваши губы растрескались. В каждом
углу спасаетесь, шушукаясь, шлаетесь! Хорошее, сделанное тобой, оказа-
лось неудобным! Принесенное тобою — вместо пользы оказалось злом!
Перевалив великую гору, пришел ли ты? Быстро текущую воду перейдя,
пришел ли ты? Назови имя и путь твой! Зубами не скрежечи! Язык твой
свободнее держи! К огню с искрами придавлю! Штыком поражу, мечом
разрежу, стрелой застрелю! К красному железу прижму! Торопясь,
отправляйся! Назови имя твое и поколение! К срубленному гробу-дереву
твоему иди! С взявшим тебя нечистым духом прочь уходи! К взявшему,
тебя берущему, иди! К съевшему тебя пожирателю иди! Уходи прочь от
широкой двери! Через узкие двери наружу выходи! Имя и путь твой
называй! Торопись, уходи! По добру сказанное мною превратно не
понял ли ты? Фу файт!

108

Алым-была, Алым-была! Съевший ли (тебя) [твой] айна [то был]?
Черный юзют ли ты? Твердую голову не качай! Съевшего тебя айну
за пазуху сунь и будь добр уходи! К рассыпавшимся, как галька, твоим

paza-berzin. sybyq sahyq qajynma. üzüt pōl qāryšpa! ajna bōl šančyŭba.
ežik-sajy elgišpe, tündük-sajy tünešpe. čardyq ajlın poldun-ba, čardyq
kūnnūn poldun-ba. qaraŋ-quraŋ qajnyšpa! qaryšqy čerge cōrb-odur! üzüt
sensin-me? apanas üzütü sensin-me? čaryq čerdin ažyna čāpsyp čördün-me?
kūnnūn erdin ažyna küzep čördün-me? ertčen temin ertken. čatqan čerin'e
ajlanyš-pār! čağ-lyŋ tobragyna ajlanyš-kir!

109

uŭg, kičig qara soŋma!
uŭg, kičig oq čyŭan!
uluŭ, kičig syr čyŭan!
aŭty puttug, paj paga!
uŭg, kičig, qān ajas qannyn oŭŭany,
tebir qānyn čēnēzi!
qazyr tag, ya turug, aŭyan!
uluŭ, kirbi qānym
qannyg, tag, ya čadyg aŭyan!
tili četpes kelegej!
qoŭu četpes soŭagaj!
lenniŭ synga turug, aŭyan.
adam pustag, elči qan!
uŭu-gan,
mūstagda turug aŭyan!
sūttūg kölge turug, aŭyan!
uŭg, kičig kedej gān.
pras pažy ūš ežiktiŭ yzyq tag!
pras pažynda pēra tajga turug, aŭyan.
uŭg, kičig čyŭaš pōrū
uŭg, kičig aŭaš quš
aŭtyn tajgada turug, aŭyan.
uluŭ, kičig qara azyg,
qam semonnun qazyr tugu!
čyŭtys qannyn oŭŭany!
orba ēzi sāryg, qān!
tili četpes pilgēči kelegej,
qolu četpes soŭagaj
enem kōnetki uluŭ tagym!

костям возвратись! Крепкое сердце не надрывай! Вступившая в юрту твоя
нога ныне пусть выступит обратно! Шушукайся, не шляйся! Сделавшись
юзютом, не привязывайся! Сделавшись айна, не треплись! У каждой двери
не топчись! На каждом тюндюке досуг свой не проводи! С полумесяцем
стал ли ты? С полусолнцем стал ли ты что ли? Взад-вперед не шатайся,
мелькая то там, то сям! В темной земле ходи! Ты ли юзют? Апанаса
ты ли юзют? Соскучившись о пище светлой земли, прибыл что ли? Жажда
угощения солнечной земли, прибыл что ли? Твое время, срок твой
прошел! Возвращайся в землю, где ты обитаешь! Возвратившись, войди
в твою жирную глину!

109

Великий и малый крахаль!
Великий и малый уж!
Великая и малая медянка!
С шестью ногами богатая лягушка!
Большой и малый великий хан, ясного хана сын,
Железного хана племянник,
На свирепой тайге имеющий стойбище!
Великий Кирби кан мой,
На кровавой горе имеющий место своего обитания!
Зайка, которому языка нехватает,
Левша, которому руки нехватает,
На хребте Лених-сын имеющий стоянку!
Посланец отца моего Пустага!
Великий хан,
Имеющий стоянку на горе Пустак!
На молочном озере имеющий стоянку,
Вершина Мрассы с тремя дверьми гора ызык!
Великий и малый кедей хан!
В вершине реки Мрассу, в тайге Пыра имеющий стоянку,
Великий-малый голый волк!
Великий-малый дятел,
В золотой тайге имеющий стоянку!
Великий и малый черный медведь!
Шамана Семена сильное знамя!
Хана звезд сын!
Хозяин колотушки рыжий хан.
Все знающий зайка, которому языка нехватает,
Левша, которому руки нехватает!

ʔodus tābyr ot enem,
 qyryq tištiḡ qys enem,
 aq ūlgennin oču qyzy, oču sāryḡ.
 toγus azyq terezi
 tonʔa četpes qan oγʔu,
 četti azyq terezi
 nige četpes qan oγʔu,
 aʔty azyḡ terezi
 čaʔa četpes qan oγʔu!
 čerge synmas kögüstüḡ,
 čazy parʔan saʔryʔyḡ,
 qazannan ūluḡ, āstyḡ qan!
 toγus qaryš kirbiktig
 ūluḡ, kičig eʔik qan
 taḡ, eʔik turuḡ, aʔʔan!
 qam semonnun qazyr tuʔu!
 ūluḡ, kičig ker šortan!
 ūluḡ kičig munčuq qan
 aq adamʔa turuḡ, aʔʔan!
 ūluḡ, kičig tebir kiriš qan
 tajčynada turuḡ aʔʔan!
 til tartynmas kelegej,
 tiskin tartpas soʔagaj!
 ūluḡ kičig ker omazy qan
 aʔton qulaš qanattyḡ,
 tyn poʔrazy aq pōs at!

Мать моя Кенетки, великая моя гора!
 С тридцатью жилами мать-огонь моя!
 С сорока зубами девица-мать моя!
 Белого Ульгена младшая девица, младшая рыжая!
 Сын хана, которому на шубу
 Девять медвежьих шкур нехватает,
 Сын хана, которому на рукава
 Семи медвежьих шкур нехватает,
 Сын хана, которому на ворот
 Шести медвежьих шкур нехватает!
 Имеющий грудь, что не уместится на земле,
 Имеющий круп, раскинувшийся как степь,
 Имеющий рот больше казана (котла)!
 Имеющий ресницы в девять четвертей,
 Великий-малый хан дверей,
 У двери горы устроивший стоянку!
 Шамана Семена могучее знамя!
 Великая и малая чудовище-щука!
 Великий и малый Мунчук хан,
 У белого отца моего, имеющий стоянку!
 Великий и малый хан, железная тетива,
 У горы Тайчына имеющий стоянку!
 Заика, не могущий говорить,
 Левша, не могущий натягивать повод!
 Великий и малый чудовище-хан Омазы!
 Имеющий крылья в шестьдесят сажень,
 Бело-сивый конь, душа-конь!

V. kep söster, ülger söster

110

1. kemniň myltyq, aň-oq tük nebe.
2. kem paj, oň-oq pij.
3. paj kižiniň mały öleň ottapça, čoq kižiniň mały töbäraq çalýarça.
4. şalçaqqa passañ, çol poňar; pajya parzaň, maň poňar
5. sōq-pōla qaqşalyžarýa — quľayy čoq, pij-bōle qaqşalyžarýa — pažy čoq.
6. qabyrýa čerge qar čuqpas, qalaryň (qalar čonga) maň öspes.
7. čoq kižiniň iži — paj kižiniň kütkeni.
8. āčyqta ödürgen kijik edi — parčyn čonnun čizi poňar;
emde soqqan qojdun edi — ezoq perze, čiš poňar.
9. at kišteš tanyžar, kiži erbekteš tanyžar.
10. čayys aýaş saľynnan qortuq, čayys kiži kižiden qortuq.
11. saľynnyg künde ārcy čoq, saľyš sanaýanda ujyu čoq.
12. tuýar tuýbas paľaya pežik čepsep saľba.
13. čaryqqa qajde-dā čağ sürtsen, oľoq čaryyy poňar, čabaľya qajde-da
čaqšy etsen, oľoq čabaľy poňar.
14. at požanyānyn tudarzyn, ās požanyānyn tutpassyn.
15. pilerge pir sōs, pilbeske mun sōs.
16. qyjbyranzaň, qyr ažarzyn, odurzaň, oraýa tüžerziň.
17. čortsa-čortsa, čol poňar, čobaľyp össe, er poňar.
18. ištegen kiži tištēr (čir), oduryān kiži ojda ažar.

V. Поговорки

110

1. Чье ружье, того и пушнина.
2. Кто богат, тот и начальник.
3. Скот богатого человека траву есть, скот бедного человека землю лижет.
4. Если в лужу ступить, — след будет; за богача замуж выйдешь, со скотом будешь.
5. Спорить с холодом — не будет ушей, спорить с начальником — не будет головы.
6. На склоне горы снег не держится, у рода Калар скот не водится.
7. Работа бедняка — нажива богача.
8. Мясо убитой на промысле дикой козы — нища всего народа.
Мясо заколотой дома овцы — только, если хозяин даст, пищей будет.
9. Коня узнают друг друга по ржанию, люди знакомятся, разговаривая друг с другом.
10. Одинокое дерево ветра боится, одинокий человек людей страшится.
11. В ветреный день росы нет, в раздумьи сна нет.
12. Ребенка, который то ли родится, то ли нет, в колыбель [колыбель приготовив] не клади.
13. На светлое сколько ни намажешь сала, также свет будет, дурному сколько добра ни сделаешь, такой же дурной будет.
14. Если вырвется конь — ты его поймаешь, если с уст слово сорвется — ты его не поймаешь.
15. Знающему достаточно одного слова, незнающему тысячу слов надо.
16. Если будешь двигаться, через хребет (горы) перевалишь, если будешь сидеть, в рывину [яму] скатишься.
17. Если будет ездить [-ездить] — дорога будет, если вырастет трудясь, — мужчиной будет.
18. Работающий человек есть будет, сидящий человек навзничь поважится.

VI. tāptyrčaŋ nybaqtary

111

1. taġya šyqsa, tālbas, suya kirze, suqsabas.
(šana)
2. qys syqta syqta odun tōrča.
(ałaš, ała tas)
3. em üstünde čardyq itpek čātča.
(aj)
4. qaja sō qylytyr-qalytyr, qājyš čügen čylytyr-čalytyr
(qam tūrū)
5. pōzu — pēr tudām, ünü — pēr künük.
(torčuq)
6. ōdurzam-ojmaq, tepsem-tebir.
(ezer)
7. pārzam, parzam, čolu čoq, kessem, kessem, qany čoq.
(keve)
8. enčik ayašqa sug čuqpas.
(nēk mūzū)
9. qān ežigi qalpaqtyġ, aya pararya taqpaqtyġ
(apšaŋ inī)
10. šabynča šabynča, učuq poľbānča.
(terben)
11. čel, čel čettirbes, čerge kirze, taptyrbas, iġi naŋy qaraľyġ, čārny
purnu sarŋamdyq.
(erlen)
12. čyšta apšaŋ pōnmustur.
(tana)

VI. Загадки

111

1. На гору если поднимется — не устанет, в воду если войдет, не за-
хочет пить.
(Лыжи).
2. Девуца рыдая-рыдая дрова рубит.
(Дятел).
3. Наверху дома половинчатая лепешка лежит.
(Месяц).
4. Зад скалы дрожит-трепещет, ременная узда светится-блестит.
(Бубен шамана).
5. Сам с горсть (маленький), голос его слышен на расстоянии ходьбы
одного дня.
(Соловей).
6. Если я сяду — то углубление, если упрусь ногою — железо.
(Седло).
7. Еду, еду — дороги нет, режу, режу — крови нет.
(Лодка).
8. На кривом дереве вода не держится.
(Рога коровы).
9. Дверь хана с прикрытием, туда итти надо с присказкой.
(Берлога медведя).
10. Бьется, бьется, — взлететь не может.
(Мельница).
11. Ветру не даст себя догнать, если в землю войдет, не даст себя
найти. Две щеки ее с чернотой, плечи-лопатки ее желтоватые.
(Крыса).
12. В тайге медведь задавился.
(Плоская пуговица).

13. āra taq, pere taq, ortazynda tebir taq.
(pozaya)
14. qarya šōkpes ayaš adym.
(šana)
15. taš azaqtyg̃, ayaš pörüktüg̃.
(ag̃)
16. syrlyg̃ sunduğaštyñ ištinde qalaš.
(quzuq)
17. sēñ qarayyñ qara-ba, mēñ qarayym qara-ba.
(qarañat)
18. qoqqa qan urup, qōl kežere taštadym.
(qyzylyat)
19. tepsem, tep-tegelegeš; ālb~aizam, appayaš.
(pes)
20. altyn ayaš pažynda altyn kōk čajylča.
(torum)
21. tegriden tüšken tekperi tört azağy mojryq.
(qozan)
22. yryaj yryaj yryajaq, yryajaqtyñ pažyna qar čuqras.
(mūs)
23. suğya kirze, muñ; taqqa syqsa, pir.
(attyñ quzuruyy)
24. alty azaqtyg̃ ala puğa. —
(taraqan)
25. toğus qāt torγulug̃, sastağy saryg̃ qys.
(sarğaj)
26. sēñ tižin aq-pa, mēñ tižim aq-pa.
(čyłañ baš)
27. igi qaryndaš suğya somarğa enčařar.
(perde)
28. paraq paštyg̃ qysčayaš emni ebere čügür-čörča.
(sijbaš)

13. Туда истоптанное место, сюда — истоптанное место, посредине —
словно железо, гладкое место. (Порог).
14. В снег не погружающийся деревянный мой конь. (Лыжи).
15. С каменными ногами, с деревянными шапками. (Сеть).
16. Внутри раскрашенного сундучка хлеб. (Кедровый орех).
17. Твои глаза черные, мои глаза черные. (Черная смородина).
18. В пузырь кровь налив, через ручей перебросил. (Красная смородина).
19. Если (ногой) пну — совсем круглый, если (в руки) возьму — совершенно белый. (Кандык).
20. На вершине золотого дерева золотая кукушка, распустив крылья, сидит. (Кедровая шишка).
21. С неба упавший, нависший на дереве снег, все четыре лапы кривые. (Заяц).
22. На вершине кривой жимолости снег не держится. (Рога коровы).
23. Если в воду войдет, — тысяча; если на сушу выйдет, — один. (Хвост коня).
24. Шестиногий пестрый бык. (Таракан).
25. На болоте выросшая, в девятислойный шелк одетая девица. (Сарана).
26. Белы ли твои зубы, белы ли мои зубы? (Раковина каури).
27. Два брата к реке купаться пошли. (Ведро).
28. Девочка с растрепанными волосами в доме кругом бегаёт. (Веник).

29. pir qysčayaš em ištinde čügüre-čügüre kelgeni — qursaqtyġ pōl-partyr.

(iik)

30. aqqamnyñ ünü aq ajasta uylča.

(parata)

31. ĩgi qusqun ěk alyšča.

(qypty)

32. em ewäre törtegeš.

(šurlaq)

33. apšaq qūrt'jaq kebege üstüne pāq polbānča.

(kumašne)

34. tañ alynda syrlyġ taqčayažym čit-partyr.

(qys erge parybysty)

35. qazyñ arazynda qarabadyġ čol.

(aj čaryyy)

36. azayy čoq, qolu čoq qarny-ba pārča.

(čyłan)

37. kök pūsqa puɣdaj čajybystym.

(čyldys)

38. ojym cerde odus ĩgi qadyġ sarɣaj.

(tiš)

39. pir neže üš ajlān čatča.

(adaj)

40. pirezi: parāñ, pirezi: čadāñ, pirezi: turāñ.

(taš cōqtady: čadāñ, sug čōqtady: parāñ, köbük čōqtady: turāñ)

41. čoldañ šyqpas čoltaqqaj (šanaq)

42. pitig, pitig pitineš, pir ayaštan pir ayašqa pitineš

(tijiñ)

29. Девочка внутри дома бегала-бегала, беременной стала.

(Веретено).

30. В ясном, морозном воздухе голос моего деда слышен.

(Ворота).

31. Два ворона клювами друг друга хватают.

(Ножницы).

32. Кругом дома лепешки.

(Капли дождя, стекающие с крыши).

33. Старик и старуха вверх на печь влезть не могут.

(Квашня).

34. Перед зарей красная скамеечка пропала.

(Девушку украли).

35. Среди берез светящийся путь.

(Свет луны).

36. Без ног, без рук, на животе ползет.

(Змея).

37. На синий лед пшеницу разбросал.

(Звезды).

38. В углублении тридцать две твердые сараны.

(Зубы).

39. Одна вещь, в три раза согнувшись, лежит.

(Собака).

40. Один (сказал): «Пойдем!», один (сказал): «Давай встанем!», один же сказал: «Будем лежать!»

(Вода сказала: «Пойдем!», пена сказала: «Давай встанем!», камень сказал: «Будем лежать!»)

41. С дороги не сходит, все время (взад вперед) ходит.

(Сани).

42. Быстрая, с дерева на дерево перепрыгивающая.

(Белка).

VII. sarynnar

112

aq pačattyn nōzu artyq? —
aq čalaŋa pütken aq maly artyq.
aj qara čyštyn nōzu artyq? —
ały tyjyaqtyg̃ qara albyyazy artyq.

113

qartyya quštun nozy artyq? —
ijgi qanadōnyñ čügü artyq
qatčy kižin nōzy artyq? —
ijgi qarayynyn ody artyq.

114

qabyrya čerge čortarya
qalbaq tujyaqtyg̃ at kerek.
qalyq arazōna čöerge
artyq sayyštyn er kerek.

115

aq qōr bej tuyanče,
aq qor'at tuyan polza-či!
ały sürünmeštig̃ qys tuyanče,
ergek pažynče er tuyan polza-či.

116

šarlap, šarlap sug̃ aqty,
šamdar attyn suyu;
kürlep, kürlep sug̃ aqty,
küreñ attyn suyu.

VII. Песня

112

Что лучше всего у белых Бачат?
В стени разводимый белый скот лучше всего.
Что лучше всего в исчерна-черной тайге?
Имеющий шесть когтей черный соболь лучше всего.

113

Что есть лучшего у птицы-ястреба?
Перья двух крыльев самое лучшее (у него).
Что есть самого лучшего у грамотного человека?
Огонь [двух] его глаз — самое лучшее (у него).

114

По кособору чтобы ездить,
С широкими копытами конь нужен.
Промеж народа чтобы ходить,
Большого ума человек нужен.

115

Чем родиться бело-серой кобыле,
Лучше бы бело-серый конь родился!
Чем родиться девочке с шестью косами,
Лучше пускай бы родился мальчик ростом с ковчик пальца.

116

Шумя, шумя вода течет —
Моего игреневого коня вода;
Шурша, шурша вода течет —
Моего бурого коня вода!

117

časqy kögeş köglende
parçen ayaşqa pür şyqça.
kölengen qysty körgende
parçen saγys çarypça

118

artyg̃ çerде азыг̃, çоq,
ajttyrγan qystaγ artyq çоq;
kōnū çerде keçig̃ çоq,
kölengen qystaγ artyq çоq.

119

ałtyn taγdyn tōzünde
ałtyn pūrlūg̃ paj qajyγ.
ajttyrγan meniγ qys pałam
ałtynnaγ artyq kōrūndi.

* * *

kūmūš taγdyn tōzünde
kūmūš pūrlūg̃ paj qajyγ
kölengen meniγ qys pałam
kūmūšteγ artyq kōrūndi.

120

aj gara çyšta nō qyjmat?
tōrt tujgaqtyg̃ aγ qyjmat.
el-be çōnda nō artyq?
erelēn ösken er artyq.

121

qançe ayaš men kestim
quzuqtaγ qadyg̃dy kespedim;
qançe qystar men kōrdim,
senenγ artyqty kōrbedim.

117

Весенняя кукушечка когда кукует,
На всех деревьях листья распускаются.
Любимую девицу когда увидишь,
Все мысли просветляются.

118

Через порог реки — перехода нет,
Лучше высватанной девицы нет,
На плесе — брода нет.
Лучше любимой — девицы нет.

119

У подножья золотой тайги
С золотыми листьями ветвистая береза,
Высватанная мною девушка —
Лучше золота выглядит.

* * *

У подножья серебряной тайги
С серебряными листьями развесистая береза.
Любимая мною девица
Лучше серебра выглядит.

120

В заросшей кустами темной тайге что самое ценное?
Самое ценное — (это) имеющий четыре копыта зверь.
Среди народа что самое лучшее?
Самое лучшее — (это) в суровой доле выросший человек.

121

Сколько деревьев я ни срубал,
Тверже кедра не рубил.
На скольких девиц я ни смотрел,
Лучше тебя я не видел.

122

sāsqa ösken qazynaşty
sāstañ kərip qyjyβ~aľaj!
men kölengen qysçaqty
eməne kərip körb~aľaj!

123

synda, synda synmaçaq'
synnan nēmiš tapy-ba?
men kölengen qysçaγaš
menen artyq'ty tapy-ba?

124

ālymda turγan aq tajγanyñ
agažynda tekper čoq.
men kölengen qysçaq'tyñ
šyrajynda sekpil čoq.

125

köl qažynda köbürgenni
čibes-tā polzam, ūzb~aľaj;
men kölengen qysçaγašty,
aľbas-tā polzam, kör-čörēj.

126

turna quštun ujazy
uğun saštyn ortada;
men kölengen qysçaγaš
uľuğ aľdyn ortada.

* * *

qartyγa quštun ujazy
qadyğ qajāñ pāγrynda
men kölengen qysçaγaš
qadyğ enēñ qoľunda.

122

На болоте выросшую березку
Подрежу-ка я, да возьму из болота!
На мою любимую девицу
Взгляну-ка я, да войду в ее дом.

123

На хребте, хребте, рябчик,
На хребте корм нашел ли?
Моя любимая девица
Лучше меня (милого) нашла ли?

124

На деревьях белой тайги,
Стоящей передо мной, снега на ветвях нет.
У моей любимой девицы
Родинки на лице нет.

125

На берегу растущий дикий лук
Если и не съем — то сорву!
На мою любимую девицу —
Если и не возьму ее (в жены) — то хоть взгляну.

126

Гнездо птицы-журавля —
Среди далеко протянувшегося [длинного] болота.
Моя любимая девушка
В большом улусе.

* * *

Гнездо ястреба-птицы —
На склоне крепкой скалы.
Моя любимая девица
В руках жестокой матери.

127

synya saľyan puďdajsmny
 künge kōjip parbazyn!
 men kölengen qysčayašty
 sajgaq' čabaľ čibezin!

128

sāxpo qajdyg̃ kölčegeš
 tilbizek qušča q sōmčətqan;
 šaxpo qajdyg̃ quščayaš
 mēn kōñnūme kērčətqan.

129

qumaqqa ösken quba taľ
 qubarbānče össün-me!
 kēžiden tuγan er-paľa
 qunanmānče össün-me!
 sasqa ösken saryg̃ taľ
 saryarbānče össün-me!
 kēžēden tuγan er-paľa
 sananmānče čörsün-me!

130

sajrap aqqan sajlyg̃ sug̃, sajlyg̃ sug̃,
 at kešpes sug̃ pede, sug̃ pede.
 el ajmaqta qys polza, qys polza,
 pojdanabas qys pede qys pede.
 čer salyjē pir čoqta, pər čoqta
 aqqan sug̃ qajdan čajalčan, čajalčan
 tört tujyaqtyg̃ maľ čoqta, maľ čoqta
 čoľym qajdan šyqčan, ol šyqčan.
 el ajmaqta qys čoqta, qys čoqta,
 ajmaq qajdan tanyščan, tanyščan!

131

tabyľa turbas tağ par ba?
 tarynyš qōnbas čon par-ba?
 terek turbas tajga par-ba?
 pōgün-qōnbas čon par-ba?
 pľan čörtpan tajga par-ba?
 puľaľ-qōnbas čon par-ba?

127

На хребте посеянная моя пшеница
 Пусть на солнце не сгорит!
 Моей любимой девицы
 Пусть скверная сплетня не коснется!

128

Вот какое озерко,
 В котором птичка кулик купается.
 Вот это какая девушка,
 Которая мне понравилась.

129

На песке выросший бледный тал,
 Разве не побледнев вырастет?
 От человека рожденный юноша
 Разве не печалась проживет?
 На болоте выросший желтый тал,
 Разве будет расти не желтея?
 От человека рожденный юноша
 Разве будет жить [ходить] не тоскуя?

130

Мелкая [с галькой] река, с галькой река.
 Разве не для перехода коня река, (эта) река?
 В поселении чужого народа девица если есть, девица если есть,
 Нежемавная девица разве есть, разве есть!
 Ската земли когда нет, когда нет,
 Текущая река откуда появится-сотворится?
 Четырехкопытного коня когда нет, когда нет,
 Моя дорога-след откуда появится?
 В чужом селении девицы если нет, если нет,
 Как это селение узнаешь, как с ним познакомишься!

131

Есть ли тайга, где не рос бы тал?
 Есть ли народ, который жил бы, не ссорясь?
 Есть ли тайга, в которой не стоял бы тополь?
 Есть ли народ, который жил бы, не раздумывая?
 Есть ли тайга, в которой не бегал бы, сохатый?
 Есть ли народ, который не сбивался бы с пути?

132

kümüş menin üstüm
 künge ajya şalyaj;
 kölengen menin qyzymya
 kümüş aralap çaş öskej.

* * *

altyn menin üstüm
 ajya künge çaltýrayaj;
 alçen menin qyzymya
 altyn aralap şaş öskej.

133

pulut pažy purulçaq,
 mēn saγžym qarylçaq.
 quzuqtañ ištegen qoməzum —
 čelge tartsam — tälaryaj,
 meñ čabalədyñ ünüm —
 čerde čätsam — šym pölaj.

134

qara tajyanyn pärynda
 qara tülğücek čölu par.
 āny-ıa sürüp čederge
 ašqa-ıa tutqan at kerek.
 kök tajyanyn pärynda
 saryğ tülğücek čölu par.
 āny-ıa sürüp čederge
 sułaya tutqan at kerek.

135

tagdan aqqan qara suğ,
 qančē töljal aqčyr-nē.
 men čabalədyñ saγžy,
 qančē qaryl ösür-nē!
 iki menin qulaγym
 nōnu uqrān čörčür-nē.
 iki menin qaraγym
 nōnu körbēn ösür-nē!

132

Серебряное мое колечко
 При солнце, при месяце пусть сверкает.
 У любимой моей девицы,
 Серебром переплетаясь, волоса пусть растут.

* * *

Золотое мое колечко
 При месяце, солнце пусть блестит.
 У девицы, которую я в жены возьму,
 Золотом переплетаясь, волоса пусть растут

133

[Голова] направление облака изменчиво,
 Разум мой склонен к печали.
 Из кедра сделанный мой комыс,
 Если на ветру заиграю, — разломается,
 У меня несчастной голос,
 Если в землю лягу, — утихнет.

134

На склоне черной тайги
 Есть дорога черной лисички.
 Чтобы ее догнать,
 Нужен конь, стоявший на одном хлебе.
 На склоне синей горы
 Рыжей лисички след,
 Чтобы [преследуя] ее догнать —
 На овсе стоявший конь нужен.

135

Текущий с горы ручей [черная вода, ключ],
 Сколько раз поворачивая, течет.
 У меня несчастного разум
 Сколькими горестями омрачается!
 Моя оба уха
 Чего только ни наслушаются!
 Мои оба глаза
 Чего только ни навидятся!

saryg̃ saryg̃ saɣaɣym, saɣaɣym.
 sarbajɣanče qalaɣyn, qalaɣyn!
 aqqan suum saɣ-byɣa, saɣ-bəɣa.
 aq tuɣanym čöp-pile, čöp-pəle.
 saryg̃ kiik paɣazy paɣazy
 sug̃ kešpenče čol albas, čol albas.
 aq kiiktiŋ paɣazy, paɣazy
 taɣ ašpānče čol albas, čol albas.
 kölge öškeŋ qoɣa ot qurulbas, qurulbas.
 men tuɣanym tärɣnmas, tärɣnmas.
 türna quštyn̄ tabyžy, tabyšy.
 sas čerinde uɣula qaldy-ba.
 men čabalɣyn̄ saryny, saryny
 qyzajlarda uɣula qaldy-ba.
 qoɣa qan̄za qoɣymda, qoɣymda
 tere nančig̃ nānymda, nānymda.
 qartyɣāŋ quštyn̄ ujazy, ujazy
 alty aɣaš āzra, āzra
 men čabalɣyn̄ tuɣany, tuɣany
 alty ajmaɣaš āzra, āzra!

altyna mūngen aq sar'at
 para-para kištedi;
 paɣa parɣan qys paɣa
 čada-čada syqtady.

köl ɣažynda kök čäčik
 közənek āɣynda poɣza-čē;
 men kölengen qysčaɣaš
 men čurtumda poɣza-čē.

synda, synda synmačaq
 adyɣčy ōldun̄ azyɣy;
 aq šyrajɣyɣ̃ qysčaɣaš
 čaqsy ōldun̄ alčany.

Рыжая, рыжая борода моя,
 Распушив ее, останусь ка-я, останусь-ка я!
 Текущую [мою] воду при помощи плота, плота (переплыву).
 С родственником договариваясь-договариваясь, уговорюсь.
 Дикой козы детеныш, детеныш,
 Пока реки не перебредет — пути не найдет, пути не найдет.
 Олений детеныш, детеныш, пока гору не перейдет, пути не найдет, пути не найдет.

На озере выросший камыш-трава не засохнет, не засохнет,
 Мой родной не станет сердиться, не станет сердиться.

Журавля-птицы шум, шум
 На болоте [земле] слышен ли был.
 Песня, [песня] которую я, несчастный, не,
 У Кызаев слышна ли была?
 Медная трубка в моей руке, в моей руке,
 Кожаный кисет на моем боку, на моем боку.
 У ястреба-птицы гнездо, гнездо
 За шестью деревьями, шестью деревьями.
 У меня у несчастного родня, родня
 За шестью деревушками, шестью деревушками.

Светлорыжий конь, на котором верхом еду,
 Идя-идя, ржал.
 За богача вышедшая замуж девица-ребенок,
 Живя-живя, рыдала.

Выросший на берегу озера синий цветок —
 Если бы он рос перед моим окном!
 Любимая мною девица —
 Если бы она была в моем поселке!

На хребте горы рябчик —
 Охотника-юноши добыча;
 Белоликая девица
 Хорошему юноше жена.

140

po terginin köp çylyts,
čarytčytqan pir çylyts;
el-be čonda köp qys,
kölengen pir qys.

141

aqqyp paryan apšayaš
čerin sanān qunantyr;
alty čaštyg aq sar'at
tebezin sanap qunantyr

142

arał qaštap men parzam,
ezer ayažyn qajt tappassym;
el-be čonnu ebirzem,
pozumnun šenimni qajt tappassym.

143

men kessen ayaš
uluğ synnyn tegejinde;
men kölengen qyščaγas
uluğ tomnyn qažynda.

144

čayar čaγbas nañmürge
kečim altyna paš suqpa;
parar parbas qysčaqqa
at čepsep parba.

145

čardyq kebē kergemči,
čar qaštap čöreın!
čabał kəzā alyamči,
čalañ postañ čöreın!

140

На [этом] небе много звезд,
(Ярко) сверкает одна лишь звезда;
В народе много девиц,
Любимая одна лишь девица.

141

Поседевший старик,
О своей земле вспоминая, тоскует.
Шестилетний серый конь,
О пастбище вспоминая, ржет.

142

Если около кустов я пойду,
Дерева для седла как не найду!
Если промеж народа буду ездить-кружить,
Себе равную девицу как не найду!

143

Дерево, которое я срублю, —
На вершине высокого хребта;
Девица, которую я люблю,
На берегу широкой Томи.

144

От едва идущего дождя
Голову под кечим не прячь;
Ради девицы, которая то ли пойдет за тебя, то ли нет,
Лошадь не седлай и не езд.

145

В расколотую лодку чем мне войти,
По берегу пойду-ка я.
Чем жениться мне на плохом человеке,
Лучше одиноким, холостым буду я ходить.

146

qyrya ösken şübeček
saıyynnan qörtuq poıdy;
qān tužunda čoq qalyq
pajlardan qörtuq poıdy.
qyrya ösken tigen
sałazy pāraq poıyan-či;
čoq kiženiñ saıyžy
ötkün parıan poıyan-či

147

eski čadyg erelig poıyan
iš-pe qonıan qalyqqa;
eski cadyg eštiğ poıyan
tōspas qaryn pajlarya

148

tajıya čörčen er čaqsyzy
aı gōıunıa kirbešin;
meñen ösken čaš-pāıa
mēñ čoıumıa kirbešin!

* * *

aıton čašqa četere
aınap čördüm tajıada;
aınap-pāsyıp tajıa čörüp;
kül ojmaşenān şıxpadyı.

* * *

emdegi ösken er čaqşysy
eski čäpsyp čörbešin,
čörgen čōıu čaıbaq-taq poışun,
ösken mīşı tōłtara-keñ poışun!

149

tajıa čörčen er paıa
aı goıuna kirbezin,
mēñ čažaān čažymny
mēñen tuıan körbezin.

146

На хребте выросшая пихточка
При ветре боязливой была,
В царское время бедный народ
Перед богатыми пугливым был.
На хребте выросшей ели ветви
Развесистыми были.
Бедного человека разум
Дальновидным был.

147

Старая жизнь мучительна была
Для трудом живущего народа;
Старая жизнь удобна была
Для жадных, ненасытных богачей.

148

По тайге ходящий удалец
В лапы зверя пусть не попадается,
Мною рожденное малое дитя
На мой путь пусть не вступает.

* * *

До шестидесяти лет
Я промышлял в тайге.
Охотясь, бродя по тайге,
От очага [охотничьего стана] не отступал.

* * *

Теперь выросший удалец
Старого пусть не придерживается!
Путь, по которому он идет, широкий, протоптанный!
Кругозор его широкий.

149

В тайге ходящий удалец
В лапы зверя пусть не попадется;
Жизнь, подобную моей,
От меня рожденный пусть не увидит.

enəl çažyp çažadym
kün qarayyn körbedim;
eliğ çašty ert-pardym,
kül ojmazynan, šyqpadym.

* * *

emdi ösken er pallary
eski čol-ba parbastar,
pirigiš qonuq čepsep,
nā čaryq čol-ba pararlar.

150

čardıyq kebē kirgenčē,
čarlap qaštap čörerger;
pō pajlardy körgenčē,
komsomolardy körerger.

151

synga ösken qaragaj
syn āžra čylystyg;
tajga ösken komsomol
čer ebre aryyštyg.

152

anda-šanda sajaq öleñ
töstēn özer połyan-či;
öšälynan qonıan galyq
pirigiš qonyq tutqan-či.
kün şuzu četpes quzam čerde
čačik čajlyp ösken-či
pistiñ čerde pilbēn neme.
traktor küzärep turıan-či.

153

tom qažynda күн күзеzi
adañma čarān parıan-či;
promyšlenost' šor tajyazynda
öleñ-čölep öšcytqan-či.

В муках жизнь я прожила,
Светлого дня не видала;
Пятьдесят лет я прожила,
От пепла очага не отступала.

* * *

Теперь растущая молодежь
Прежним путем не пойдет;
Колхозную жизнь создав,
Новым, светлым путем пойдет.

150

В расколовшуюся лодку чем войти,
Лучше по крутому яру — берегом идти.
Чем на этих богачей смотреть,
Лучше на комсомольцев смотреть.

151

Сосна, на горном хребте выросшая,
Корнями оба склона горы оплетает;
Комсомол, в тайге выросший,
Друзей на земле всюду имеет.

152

Там и сям редко росшая трава
Теперь густо поросла;
Разрозненно живущий народ,
Сплотившись, новую жизнь утвердил.
В сумрачной земле, для лучей солнца недоступной,
Цветы распустились и зацвели;
В нашей земле невиданный прежде
Трактор (ныне), громыхая, стучит.

153

На берегу Томи огоньки-цветы
Пышно распустились;
Промышленность в шорской тайге
Как трава вырастает.

šor taɣɫary — pijik taɣɫar —
 adaŋma keen körünzin;
 partiya-ba sovetter čöbünge
 adaŋma qalyq čöpsünzin!

154

čažār turɣan taɣɫarɣa
 čažyɫ čeltrek öleŋ čajyɫdy;
 čaryq körbēn tum qara tajyabysqa
 čaryq cadyg̃ kir-keldi.

155

aq qarda čakijek öspes
 aɣyn sugɫar teskere aqpas;
 pistiŋ čeribiste
 pajlar qamnar paza poɫbas!

156

erēlen čatqan qalyq čoq!
 tospas qaryn pajlar čoq!
 qat pilbes qalyq pistiŋ čoq!
 paj yrystyg̃ koɫxos pistiŋ par!

157

kögerip turɣan tajyada
 quzuq aɣaš sōlapča,
 kēn parɣan čazyda
 kögerip ösken kök čāčik čajyɫča
 pistiŋ koɫxozybys pajlap čurtaɣ
 ürgünüštüg sarɣyn sarnapča.

Шорские горы — высокие горы!
 Как они бесконечны и прекрасны!
 Партии и советскому строю
 Как сильно предан народ!

154

На зеленеющих горах
 Многоцветные травы зацвели;
 В глухую, сумрачную тайгу нашу
 Светлая жизнь пришла.

155

На белом снегу цветам не цвести,
 Быстрым рекам вспять не течь!
 В нашей земле
 Богачам и шаманам больше не быть!

156

Угнетенного народа (теперь) нет!
 Ненасытных богачей (теперь) нет!
 Неграмотного народа у нас нет!
 Богатый, счастливый колхоз у нас есть!

157

В синеющих тайгах
 Дерево кедр шумит,
 В широко раскинувшейся степи,
 Синяя, цветы цветут;
 Колхозы наши, богатея,
 Радостные песни поют.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты 1—3

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tasqul — скалистая, высокая гора, голец, горы, покрытые снегом [Вербицкий, Словарь, 338: гора (островерхая), сопка].

түс — букв. прямой, ровный.

Текст 4

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирги)

Тексты 5—6

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 7

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Текст 8

(Записан от молодого шорского поэта Ф. С. Чисникова; улус Кузедеево)

Текст 9

(Род Шор, р. Шалым, верховье р. Кондомы)

Стр. 8. qartyqa pergen — имя богатыря; qartyqa — ястреб, pergen || mergen — искусный стрелок. См. Катанов, Алф. указ., стр. 17, 22, 53, 54.

purunyu || purunyu. Ср. ниже: poltur || poltur, čonnuq || čonnuq, šug-dyn || šugdyn, quštyq || quštyq, pony || pony, qolun || qolun, tüšti || tüšti.

Для кондомского диалекта характерна ослабленная губная гармония гласных, для мрасского же (низовье р. Мрассу), положенного в основу литературного языка, — более устойчивая (в отношении узких гласных). См., напр., героические поэмы «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» и «Ак Кан».

albattyg (чаще albatqy) — платящий дань, подданный, от alban — дань. Забыв настоящее значение этого термина, некоторые сказители пытаются увязать его с abaŋatqy — репейник и толкуют следующим образом: как репейник зацепляет все кругом и притягивает к себе, так и народ, который в поэме называется albatqy (от abaŋatqy), группируется вокруг хана и его дворца. Об албане, который платили шорцы, см., напр., Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, стр. 88—90, 96; Риттер, Дополнения, стр. 486; Вербицкий, Зап. за 1865 г., стр. 74 и др.

čonnuq ražun pilgen — букв. знающий головы своего народа, т. е. управляющий народом. Глагол bil в значении управлять, править встречается уже в орхонских надписях и уйгурских текстах. См. С. Е. Малов, Словарь уйгурского языка, стр. 268.

roju ~ roju соответствует рози в диалекте шорцев р. Мрассу. См. ниже: kij в. kes, qojan в. qozan и т. д.; (z || j, s || j).

öre turğan qudaj — вверху стоящий, вверху живущий, эпитет небесного духа. Ср. Катанов, Алф. указ., стр. 42, эпитеты üstügü čatqan, čoŋar turğan. qajdur и qajdı. Ср. мрасское qajde.

perbēñir ~ perbēñer. Ср. нижне-мрасское perbēñä и верхне-мрасское perbēñar и perbēñe.

kütken maŋ имеет также значение: нажитый, приобретенный скот. mingen, мрасск. mingen.

агууу, мрасск. мајууу.

аңу, мрасск. аңу (винит. пад.) См. дальше: qandy || qanny, adymdy ||

adymny (nd || nñ, nd || nñ, md || mn).

üj, мрасск. em, верхне-мрасск. öm.

Стр. 10. četre || čet-tir-e.

pedre, мрасск. tile, tum.-čiq || tunčiq.

peri, мрасск. pere. См. ниже: агу || ага, tašqary || tašqara, kederi || kedere;

(i || e). qaga mōkō — букв. черный герой, силач, боец, имя богатыря.

üš toŋuzon tegri — три по девяносто небес.

Представление о множественности небес или небесных слоев заимствовано, вероятно, из шаманской космогонии.

Стр. 12. adymdy adap per (md || mn) — имя мое, назвав, дай.

Необходимость дать богатырю во всеуслышание определенное имя перед тем, как он приступит к совершению своих богатырских подвигов, связана с представлением о роли и значении имени в первобытном обществе.

ене, мрасск. iče.

ič || iš (č || š).

аңуиққап — букв. то слышавший.

Стр. 14. ај quŋyš — букв. месяц меч, имя богатыря.

Стр. 16. čuŋuŋan || čuŋuŋan. Ср. ниже: šügül || šül.

Стр. 18. aqqaq taŋaju aq aŋan-та uŋuŋan poltur — образ обилия молока, характерен для развитого скотоводства.

kün-čiler, aj-cūlar, mрасск. aj-čiler.

Стр. 22. soġ merikten čajaġan — чудесное рождение богатыря; altyn merik — букв. золотая ступня (ладонь), имя богатыря (Вербицкий, Словарь, 202: merik — раковина под копытом).

Стр. 24. tükürbüstü, altyn som čajaġdy — любопытное анимистическое представление: из слюны богатыря создается его образ (изображение), его двойник.

Как в этой записи, так и в ниже помещенных записях героических поэм не отмечено озвончение согласных при сочетании нескольких слов типа ežig-ažur (ežik ažur), tereg-ağažu (terek ağažu), tuġ-aġan (tuġ aġan), purun ħurun ħoġtur (purun purun poġtur), qara-quš (qara-quš). ġig-bġlegi (ġig pilegi), tajġa-ženi (tajġa-šeni).

Текст 10

(Род Таяш, р. Кондома, ул. Осинники)

Стр. 24. «qamuš-ra suġ pölgen temde» — сказители часто переводят эту строку следующим образом: «В то время, когда камышом вода разделялась» (qamuš — камыш, тростник). Но по аналогии с предыдущей строкой: «qalaq-ra taġ pölgen — когда мешалкой гора делилась» можно думать, что более правильным будет следующий перевод: «В то время, когда ковшом делилась вода».

В пользу нашего предположения говорят и зачины других записанных нами героических поэм, где на месте старого слова qamuš стоит susqu (susquš), современное название для ковша:

amduġunyn aġynda,
purunynyn sōnda,
susqu-ba suġ pōler tušta,
qalaq-ra taġ pōler tušta,
čer čaryġyp öleġ özer temde,
ağaš čaryġyp pūr šyġar tušta,
toptaj kelip taġ özer temde,
toġaj kelip suġ aġar tušta,
aġty qyġyġ aq sar'attyġ,
aġty čaštaġ ertpes,
altyn ergek poġan poġtyr,
quġyġ parar tynu čoq,
quzar aġar qany čoq,
aġty čaštaġ ertpes,
altyn ergek poġan poġtyr.

Настоящего раньше,
Прежнего позже,

В то время, как ковшом делилась вода,
В то время, как лопаткой делилась гора,
В то время, как раскалывалась земля и появлялась трава,
В то время, как расщеплялись деревья и показывались листья,
В то время, когда, нагромождаясь, вырастали горы,
В то время, когда, разливаясь, текли воды,
Имеющий бело-рыжего коня с шестью волосками,
Еще шести лет не проживший,
Алтын-Ергек жил-был.
У Алтын-Ергека нет души, которая могла бы быть обрезана,
Нет крови, которая могла бы краснее течь,
Шести лет не миновавший,
Алтын-Ергек жил-был.

qazan qamuš и qazan qabuš — вся посуда (ложки, чашки, казан и т. д.). См. Вербицкий, Словарь, 114.

aq taġaj aqqa — белое море текло. «Текучее» — обычный эпитет моря в героических поэмах. Море течет и, как река, имеет вершину и устье.

Стр. 26. aġty azaqtyġ — имеющий шесть ног.

azuġan abazyn pilbedi, tuġyp emisken enezin pilbedi — герой не знает ни отца, ни матери. Этим, повидимому, подчеркивается неестественное, чудесное рождение богатыря.

užur kelgen — прилетев пришла. Героини эпоса часто имеют одежду с крыльями, напр. платье у Alten Arġa — с орлиными крыльями. Надев крылатое платье, она вылетает из юрты и, своими крыльями рассекая воздух, поднимает сильный вихрь, ломающий деревья в лесу и срывающий крыши домов (койбалы); у младшей дочери богатыря Kattai qan'a одежда с лебедиными крыльями (Катанов, Алф. указ. ко второму тому, стр. 17, 46, 82).

čaġa pašqa tartynarġa
čapsyq martqa tabar kerek;
qoġtuq töške tartynarġa
qōs martqa tabar kerek —

такими словами иносказательно выражается намерение богатыря отправиться искать себе невесту.

Стр. 28. aq qān — букв. белый хан, имя богатыря.

aġa šara — пестрая чаша. Пестрая чаша встречается также часто и в монгольском эпосе (Владимирцов. Монголо-ойратский эпос, стр. 14).

aġran — питье из кислого молока.

raqtaġ aġcy... ср. «таq aġcy soqtuġ-та — далеко ли росу (ногами) сбивал», и «таq aġran soqtuġ-та — далеко ли айран сбивал». Все эти выражения имеют значение вопроса 'откуда богатырь приехал', издалека ли едет и далеко ли направляется?

kijik ~ kijk ~ kiik — козуля (*Capreolus pygargus* Pall.), наиболее распространенный в горной Шории представитель семейства оленей. Приемы охоты на козулю были различны: охотились на солонцах, гоном, путем подманивания при помощи особой берестяной свистульки 'ediski' (весной), загородами. Коллективно устраивали загороди на правом берегу р. Мрассу на местах перехода козуль, когда они осенью перекочевывают в менее снежные районы верхнего Абакана. В проходах перегородок, поставленных перпендикулярно к загородам, ставили петли, в которых и застревали бегущие козули, спасающиеся от пуль охотников. Загороди (без петель) устраивались меньшими коллективами охотников и даже одиночками. Шорцы, в частности сказители, переводят kijik — дикая коза.

qyzyl kijik tuštaza,
kečige qyzur adarça;
qys pałazy tuštaza
söske qyzur ałarça —

обычное выражение, указывающее, что герой приехал сватать девуцу.

Стр. 30. torsuq — мех для жидкости, сшитый из кожи, снятой с ног животного.

qarbałašša ~ qarbałašsa (šš || šs).

ijgi pašty pirge qožur — имеет значение: поженили.

ałur qolunça roju kirdi — сам в руки богатыря вошел; с богатырем сражаться стал.

ačyuy kelip || ačyju.

Стр. 32. ałtyn čüstük edip — превратив, сделав золотым перстнем. В эпосе герой обычно увозит невесту, превратив ее в какой-либо мелкий предмет, серьгу, перстень, пуговицу и т. п.

qaңna (qaңaj) — лыжи, не подшитые шкуркой, на таких лыжах ходят по насту, чтобы не содрать мех.

čekse ~ jekse — иметь позыв на необыкновенную пищу (Верб., Слов., 87).

qačyglıy ton kijgenneri
qaңna-ba čyuyldy;
torçu ton kijgenneri
tör at-pa čyuyldy —

яркое выражение имущественного неравенства и назревших классовых противоречий в развитом скотоводческом обществе.

tösqa sałıany — положенное на бересту вареное мясо. Во время свадьбы, так же как и во время жертвоприношения, свареное мясо вынималось из котла и складывалось на полосы бересты.

qazança sałıany qaıuyur, ср. qazan qaıuyur jadur (аб.) — котел опро-
стали (все съели).

Стр. 34. qujuı pağar tynpaу čoq — чтобы отрезать, душ у них нет. Представление о том, что при смерти душа человека обрывается, рвется, отмечено у всех алтайских тюрков (см. Анохин. Материалы стр. 20). По

рассказам шаманов душа представлялась соединенной особой нитью с тем божеством, которое ее создало. Обрывание этой нити означало смерть человека. Ср. у Вербицкого (Словарь, 311): «арыг тыны ак жібек полуп кун-чүлөп сусталын тігірге сыгара тартынтыр — чистая душа (богатыря) сияла как солнце и в виде белой нитки тянулась к небу.

čon, qalıy čon — народ; см. прим. к № 86: čon — волюсть.

qat qujaуу — см. прим. к № 89.

pağaq paštyğ paј sadaq — с широкой верхушкой богатый колчан.

sadaq — колчан со всеми принадлежностями. См. у Радлова, IV, 383: Садак (Kir) — лук со всеми принадлежностями; (Tel Alt) — лук и футляр для лука; Sag, Koib, Ktsch — колчан. Сказители часто переводят sadaq как пояс, напр. выражение «kök pörüktüg, tös sadaqtyğ połtur — юноша был имеющим синюю шапку и берестяной колчан», сказители переводят: «юноша был имеющим синюю шапку и берестяной кушак» (стр. 64). Интересно, что у тувинцев sadak понимается как охотничий пояс со всеми принадлежностями для ружья [перенесение названия с одного предмета на другой по функциональной значимости: колчан (для стрел и лука) — охотничий пояс с охотничьими принадлежностями для ружья].

Стр. 36. čardyq aјsałıan, čardyq kün sałıan čer — земля, освещенная половинчатым солнцем и половинчатой луной, т. е. подземный мир. Подземный мир в общем подобен земному, только он освещается половинчатыми светилами (ср. тексты 98, 100, 108).

qara tałaj aqqan čer połtur — в подземном мире протекает черное море, море мертвых (ср. тексты 98, 101).

pilbēčarım ~ pilbēčadım. Ср. мрасское pilbēnsa ~ pilbēnše.

töbertin — снизу.

Стр. 40. čazyğ ~ čazag.

asqan tosqan — букв. блуждающий, сбившийся с пути.

aјрану qoјutqan — айран сгустился; должно обозначать, что богатырь сильно огорчился и рассердился (ср. aјрану qıgırça — зло меня берет). Ср. на стр. 205 aјрану qırudu — я сильно рассердился.

Стр. 42. qu-qys — букв. девица лебедь. Иногда в сказках имеет то же значение, что и qu-qat — ведьма (Вербицкий, Словарь, 148; Катанов, Образцы, 248).

Стр. 44. qujuı iğ — букв. красный вечер, т. е. время перед закатом солнца, когда краснеет заря.

pilbēčadybys ~ pilbēčābys.

pirezi ölčēni čoq, pirezi qałčēni čoq — букв. ни один из них не умирал, ни один в (живых) не оставался. Ср. ниже: pirezi ölür, pirezi qałar čoq.

sałıun oјnar kirdi 'поднялся ветер'; ср. Вербицкий, Словарь: куйун ойнап жадыр 'поднялся вихрь' (стр. 217).

Стр. 46. pazynaуа azaq perbedi, tudunaуа qoı perbedi — букв. ступать — ноги не дал, хватать — руки не дал.

Стр. 48. sā-saldy ~ sał-saldy ~ saıyp saıdy.

pijik, мрасск. mōzük.

tüktüg čürek — косматое сердце, в значении бесстрашного сердца.

arunyan saýžyn

taradyp turaylar — букв. утомленные мысли рассеивали, распускали, разбрасывали, расточали.

Стр. 56. üzülbes tynyn üze šarty — нервующую душу его он оборвал (см. прим. 45).

pilčarzyn ~ pilčan.

Стр. 58. polbānčebis ~ polbančabys. Ср. polčēn ~ polčan, ajtsēn ~ ajtsan.

Стр. 60. kelgeneri ~ kelgenneri.

Стр. 62. perbesketin ~ perbeske ettin.

parčārys ~ parčarybys ~ parčabys.

šebeldej — имя сверхъестественных существ, обычно женщин.

Текст 11

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 72. tajčy ~ tajčy — имя богатыря. О слове tajčy см. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 96.

čatča → čadyp-čat; turča → turup-čat.

kök purba — синее кольцо, имя богатырши.

kök qān — синий хан.

Стр. 76. čarjanat quš — летучая мышь-птица. Летучая мышь в эпосе часто называется птицей.

širge ~ širke ~ šerke (ср. šige) — престол хана, место во дворце, где лежит или сидит хан, синоним постели хана («širke-kýrabat»).

qurug qatraš — сорок складок, сорок комнат. Комнаты дворца называются складками. Вероятно, этот образ основан на складках оболочки шатра.

müsten puṇpaq iḡi paṇčy — букв. легче рога двумя друзьями стали.

oqtar — стрелы. В настоящее время термин oq имеет значение пули: перенесение названия по функциональной значимости со стрелы на пулю; обычное название для стрелы — soṇan. В сказках и шаманских заклинаниях сохранился старый термин.

Стр. 78. aḡar-oq-um ~ aḡar-oq-rum (rum).

Бурхан — ruḡqan, роḡhan — идол, изображение Будды.

uḡug aḡaš uḡur ašča,

uḡug küčün öster ašča —

Великое дерево падает,

Великий богатырь со стоном погибает.

Обычный образ в героическом эпосе, отражает широко распространенное представление о связи жизни героя с деревом. Ср. в поэме Кюк Кан: «Из костей богатыря выросла великая гора, из плеча богатыря выросло великое дерево».

Стр. 80. quš qurt — птица-червяк. Это выражение имеет обычно значение: насекомые, все живые существа на земле (вплоть до мельчайших насекомых).

Сказка Алтын Тайджи не имеет обычной концовки, потому что сказитель передал ее не полностью.

Текст 12

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 80. qān mergen — хан меткий стрелок, имя богатыря.

qan argo (argū) — хан чистая, светлая, имя богатырши, жен и невест ханов.

Стр. 84. aḡtyn qaḡqa (qaḡqu) kōzēnek — золотое окно, дверь; понимается сказителями как окно в особой золотой раме. Смысл этого слова утрачен. См. Радлов, I, 250: qaḡqa — дверцы хлева, калитка, дверь в сказках.

čon — народ, волость (административное деление).

azūga ruḡun aḡtar kelip — букв. раздвоенными ногами не перешагивал.

čonnuḡ uḡunda — букв. в конце народа.

aḡsy tilin aḡyš — букв. рот-язык друг у друга беря.

Стр. 88. kümüš qān — серебряный хан, имя хана.

Стр. 90. quzyḡ edi qysḡga raḡur — букв. красное тело (мясо) завизжав.

čajanuḡ mōzük roḡzun — это выражение одними сказителями переводится: творец твой высоко (высоким) пусть будет; (čaja — творить, čajačy, čajan — творец; ср. čaḡys čajan čaḡymdy seṇ-me pirge qoḡur saldy u seni čajayan čajačyḡ čaḡyḡ uzaq etsin). У шорцев существовало следующее представление: чем выше на небесах живет, чем отдаленнее от земли дух-творец, сотворивший героя, тем славнее и знаменитее дела и подвиги этого героя. Таким образом это выражение означало пожелание герою счастливой и славной судьбы. Другие сказители переводили это выражение: «пусть гроб твой высокий будет» и понимали как пожелание герою славной, героической смерти или «да будет твой гроб далек (высок) от тебя», т. е. — да будет жизнь твоя долгой, да проживешь ты долго; (čajan — гроб). И, наконец, некоторые сказители это выражение переводят: «да будет рост твой высокий» и толкуют как пожелание герою могущества и силы. Ср. Вербицкий, Словарь, 68: јайан, јайаан — гроб, природа, создание, рост, телосложение; јайанын пōзүк ползун — да будет рост твой возвышен; Катанов, Образцы, IX, 222: Очазын узак ползын, чајанын мүзүк ползын — возраст твой да будет долгим, природа твоя да будет высокой.

Стр. 92. qaḡa mükü — черный храбрец, силач.

Стр. 96. abaṇnuḡ raḡyn ajtsan! eneṇniḡ raḡyn ajtsan! — скажи (про) голову твоего отца, (про) грудь твоей матери, — ругательное выражение. Ср. К. О. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб. 1880.

«Кто какого-нибудь человека, едущего пристойно, будет бранить, произнося „голова отца и матери“ и подшучивать над ним, говоря „такой сякой“, с того взять лошадь» (стр. 40).

Стр. 96. *toγuzon uzančy (uspačy)*. Ср. в легенде об утесе Ак-гая, приводимой Вербицким: «богатырь ковал раскаленное железо одними своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота» (Зап. мисс. за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 17).

Стр. 99. Из их спины ремень... выдирали; ср. «...ясачного татарина Чеоктона поймав, у живого глаза велел выколоть, и ремня из спины вырезали, и повесили на дерево» (речь идет о жестокостях князя Бай-горока, посланного джунгарским ханом за сбором алмана в 1710 г.). Памятники Сибирской истории, кн. II, стр. 310.

Стр. 100. *tabanyn čalyarčalar* — букв. лизали подошвы, в эпосе вместо *sijbarčalar* — гладить.

Стр. 102. *ała maңnyq* — пестрая вышитая одежда. Понимается как «кое-какая одежда», как одежда, в которой хан-герой спит или возлежит у себя во дворце, как шелковая нарядная одежда и как алая шелковая одежда. Ср. Вербицкий, Словарь, 199; *мандык* — вышитая одежда, канфа.

Стр. 106. *tulγu mīstīg er* — в значении: хитрый, коварный богатырь; ср. стр. 234: *tulγu mīstüg* — богатырь, имеющий рога, в значении: крепко-лобый, с особой силой богатырь.

ajranyna suğ qožuıdy — букв. в айран вода прибавилась. Ср. *ajranym qojudy* (стр. 40).

Стр. 108. *parbysabys ~ parybyssabys*.

qołu közegir — рука онемела, стала как камень, ср. *köze* — каменный столб, надмогильная плита (Вербицкий, Словарь, 181).

qary — часть руки от пясти до локтя.

Стр. 110. *pütken aγazy*... — едет землею, на которой созданное дерево — выросший черный шиповник, созданная трава — растущая осока, т. е. из всех деревьев растет лишь черный шиповник, из всех трав осока одна выросла.

odu qujaq — острая, режущая трава.

toγus köstüg syrlyğ oq šeni syrlyp kelip — свистя, как девятиглазая окрашенная стрела. Свистящие стрелы известны были, согласно китайским летописям, у древнего населения Алтая. В могильниках Алтая находили наконечники подобных стрел. («Все наконечники стрел имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко; при некоторых из них встречаются полые костяные шарики с прорезями, издающие при полете стрелы свистящий звук». С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудургэ на Алтае. Материалы по этнографии Г. Р. музея, 1927, т. III, вып. 2, стр. 45). Шорцы встарину употребляли свистящие стрелы при охоте на зверя. Роговой наконечник подобных стрел окрашивался в красный цвет (*syrlyğ oq*) и имел три или иногда девять отверстий (*üš köstüg oq, toγus-köstüg oq*). При полете такая стрела производила особый свист

(*syuyrtqyş oq* — свистящая стрела). В. В. Радлов такого типа стрелу видел у бачатских телеутов. «Между древком и наконечником одной стрелы был укреплен полый роговой шарик с несколькими отверстиями» (Aus Sibirien, т. I, стр. 336). Окрашенные стрелы известны были и абаканским тюркам. Ср. Вербицкий, Словарь, стр. 151: сыр *jобонны курлугуннан каан алчык* — вынул из колчана крашеную стрелу. См. также: *сырлап etken сыр жебе керекпе* — не угодно ли вам разукрашенной стрелы (в значении угрозы), Вербицкий, Словарь, стр. 321.

Стр. 112. *požadyşqan ~ pozadybysqan*.

qara qylyş — черный меч.

ortqam — позвоночный столб, хребет.

Стр. 122. *qara saıγyn* — черный ветер.

oşken tügü teskere poıtur — выросшая шерсть обратной была; *teskere tüktüg* — шерсть обратную имеющий (конь). Ср. Катанов, Образцы, стр. 218: «*teskär tüktüg* — (конь) имеет обратную шерсть».

Стр. 124. *tüben* — в прошлом множество, десять тысяч (*tüben ~ tümen* — десять тысяч, очень много, отряд в десять тысяч человек, округ, область, которая может поставить десять тысяч воинов, Радлов, III, стр. 1103). Ср. монгольское *tümen* и русское «тьма». В настоящее время смысл этого слова утерян, и сказители толкуют его или как «заповедный, тайный, скрытый, никому не сказанный», или, реже как «великое множество». *aıton tüben*, букв. шестьдесят по десять тысяч.

tartynmaldy ~ tartynyp aldy; (ynyp || nı || non).

Стр. 126. *küler* — сказители переводят как медный и как чугунный; ср. *qara küler* — чугуны (*şojun*).

Стр. 128. *söğün tudar* — букв. кости держать; (хоронить — *söğün çyγar*).

qalaq qoqqıj — возглас огорчения.

altyn oq — золотая пуля (→ стрела).

Стр. 132. *čer altynañ şyqqan üş qaraqtyğ qara soγan, küñü čaryqtañ kelgen toγus köstüg oq* — из-под земли вышедшая трехглазая стрела, из солнечного мира пришедшая девятиглазая пуля. Обычно, когда в эпосе говорится о выстреле в солнечном мире, то подразумевается пуля, когда о выстреле в подземном мире — то стрела. Орудия, вышедшие из употребления, переживают в фольклоре: стрела, которую сменила пуля, продолжает существовать в подземном мире.

Стр. 134. *čegen tübü tartylyşty* — букв. дно чегеня растянулось, зашевелилось, стянулось;

Стр. 136. *cederge ~ čatrym ~ čederge et cattyrym*.

Стр. 138. *ıjgi qaraqu pažyna patpān qaldy* — два глаза на голове не уменьшались.

Стр. 150. *taγa čörzeñ, tajaγyñ połaj, suγa čörzeñ, čölegiñ połaj! idibisseñ, ežiktaγy idiñ połaj*... Обычная формула сватовства у шорцев. Ср. совершенно тождественное обращение жениха или сватов к родителям невесты у абаканских тюрков (Катанов, Образцы, IX, стр. 260) и у алтайцев

(Никифоров. Аносский сборник, Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, т. XXXVII, 1915, стр. 24).

šajyyn mergen synu saju synmān... возможный перевод: «Шайгын Мерген — а стан его не ломался и глаза его не мигали, (вдруг) чистая душа его ушла, и он умер». См. также стр. 222.

Стр. 154. kōrne — свадебный подарок; ср. suj — подарок вообще.

Текст 13

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Стр. 154. aq öleñ — белая трава, имя богатыря.

qur öleñ — серая трава, имя богатыря.

qujyuyuq — чудесная птица (см. примечание к тексту № 52).

qulyg ~ qulyug.

Текст Ак өленг и Кыр өленг приводится как образец пересказа героической поэмы. Полный текст этой героической поэмы-сказки войдет во II том настоящего издания.

Текст 14

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 158. aq qān — белый хан.

rijel — маленькая чашечка для вина и чаю. Возможно туркестанская пияла.

Стр. 162. qudat — Китай, китайские, в настоящее время означает: «изящные, искусно сделанные». См. у Малова: «кыдатың келгән кымамны кырк чыл тайнап тоспады — чүгәнең сулугы — пришедший из Китая (т. е. лошадь) сорок лет жевал мое кушанье = сычуг и не насытился» (Отчет о командировке, стр. 44).

Стр. 164. qumys — питье, приготовленное из кобыльею молока.

sijinčik — букв. впитывающийся.

saūyn kelip — сказитель переводит: «заскучав, заря занялась» (saūyn — тосковать, думать, размышлять); ср. saquū — блеск, сияние, мираж. С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, VI—VII, стр. 264.

terig — букв. тороки. Ср. шорские же qančyūa. terin || tergen — собрать, снарядить (Вербицкий, Словарь, 350).

ülgen түбүн үзе qujyurdu, čas түбүн сара qujyurdu. Сказители переводят: закричал, разрывая дно, глубину Ульгеня (небесного духа), т. е. небеса, на которых обитает Ульген, разрывая дно, глубину подземного мира, где обитает дух нижнего мира (čas, čer čas — властитель подземного мира); ср. «ülgenni үзе qujyurduylar, časty čara qujyurdu yar»; «ülgen түбүн үзе qujyurduylar, čazy түбүн үзе qujyurduylar». В последнем случае сказители переводят: «разрывая простор степи» (т. е. средний мир).

Стр. 170. ton torγo — крепкая шелковая материя, плотный, хороший шелк.

suñ torγo — хорошая плотная, гладкая шелковая материя (suñ || su — здоровый, трезвый, Вербицкий, Словарь, стр. 307); ср. sum.

Стр. 172. quzyraq rejlerdi kišteže, ručalardy oñ nada — букв. заставляя кобылиц ржать..., заставляя быков мычать.

Стр. 174. altyn tana — золотая пуговица.

qurtug ~ qurttug — с червями, имеющий червей.

raq ajran soqtuñ-ma... Айран скотоводы держали в кожаных больших мешках или деревянных кадках и время от времени его сбивали специальной палкой-мешалкой. Это выражение должно означать: из близкой ли или из далекой земли приехал богатырь.

Стр. 178. elikkijik — возможно надо понимать не «пятьдесят коз», как переводят сказители, а как двойное слово 'козы'. Ср. алтайское elik — дикая коза.

para para kelgenin — по причине того, что он [ехал, ехал] (и) приехал...

Стр. 182. tałaj kül — море-зола, т. е. много золы.

taš oñqtaryn tałady,
tałaj küllerin šašty —

начальная аллитерация.

Стр. 184. sū qoburyaj, ср. алт. sū paltyrγan борщевник (Heracleum) и sū в значении: разрывать, срубать, разрывать, напр. sū pazyp syndyrbysty.

Стр. 198. tałaj qomys, в других поэмах tał qomys — комыс из тала.

qola pyryū-ba tałaj qomustun ünü... отражение представления о музыке и пении как о чем-то сверхъестественном, чудодейственном и чудесном. Ср. отношение к песне енисейских тюрков: «Hierzu können wir noch die Bemerkung hinzufügen, dass auch nach der Vorstellung der Tataren der Gesang der höchste Ausdruck der Weisheit ist. Es giebt kein Wesen in der Natur, welches der Macht des Gesanges zu widerstehen vermöchte. Ich habe Tataren mit andachtsvollen Gefühlen erzählen hören, wie die sieben Kudai auf einer Wolken spitze sitzen und schönen, von den Tönen der Harfe begleiteten gesängen bauschen. Selbst Aina soll sich bis zur Brust aus der Erde erheben um die Töne der Harfe und des Gesanges anzuhören, welche auch die Vögel der Luft, die Fische des Wassers und die Thiere des Feldes, ja sogar Felsen und Berge umreißen» (M. Alexander Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, стр. 316).

Также у алтайских тюрков: «onun qožonđoyon qožonypa qaq ayaštañ bür jaryldy, qatū jerden kök tomuldy — от пропетый им песни на сухих деревьях распустились листья, из твердой, высохшей земли показалась зеленая трава» (из героического эпоса).

Стр. 200. ök — живот, брюхо животных. tobur qamčy — короткая, тупая плеть.

perge ~ pererge. Ср. pēr ~ perer; mündürēm ~ mündürerim.

Стр. 216. künnük — расстояние одного дня пути.

Стр. 214. *egrejgen čerlerine...* Ср. перевод у Катанова: «когда кривизна его наполнилась мясом, когда горб его наполнился супом» (стр. 183).

Стр. 228. *üren čurt* — поколение-стойбище, семья-стойбище, т. е. население ханского стойбища. Ср. у Вербицкого: *ürennen ürenge* — из рода в род (стр. 413).

kičig čurt — малое стойбище, т. е. скот на ханском стойбище.

očuqtaryn aṇdardy, qazannaryn tunderdi — разрушить очаг значит уничтожить юрту, разрушить стойбище.

Стр. 232. *uḡ ayaštyn iḡi paštaryn pačlar alyp, altyn tana pečeziniñ ölgen sögün aya saı saıdy*. Отражение в героических поэмах древнего обычая погребения на деревьях (ср. текст № 102). О погребении на дереве см. также Радлов, Образцы, т. I, стр. 348, перевод 372: «Ак Кан старик умер. После того как три дня после его смерти прожила, на четвертый день умерла старуха. Кости старика и старухи поднял он вместе на вершину лиственницы. Золотой гроб он сделал, положил туда кости старика и старухи и поставил на вершину лиственницы».

Стр. 234. *tan* — холодный, северный ветер.

Текст 15

(Род Карга, ул. Усть-Анзас, р. Анзас)

Стр. 236. *suṇezi ~ suḡ ezi* — хозяин воды. См. легенды о хозяине воды — тексты 37, 38.

künnüñ čaruḡa ošqaš čer — земля и жилище хозяина воды подобны здешней земле и жилищу человека. Ср. пол в жилище хозяина воды (стр. 238).

čorug — сеть на крупную рыбу. Рыбачили сетью коллективно (7—10 чел.). О рыболовстве см. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году Зап. РГО по общей географии, XI, 1889 г., стр. 320, 322—323; Вербицкий, ук. соч., стр. 214; Миротворцев, ук. соч., стр. 26, и др.; W. Radloff, Reise durch den Altai, Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, 1865, Bd. XXXIII, стр. 223.

oı suḡ eziniñ oḡlu šortan počup čörčadyp tutturup alyp, pažyn taš-ra šaptyr saıyp, am kebege üstünde čatčatqan. — Сын хозяина воды может принимать то антропоморфный, то зооморфный образ. Он плавает, обратясь шукой, и лежит на печи как человек. Его голова перевязана из-за побоев, которые он получил, когда попал (в образе шуки) в сеть рыбаков.

qočajyn (от русского: хозяин) — название купца, торговца. Так шорцы называли тех богачей — *paј*, которые имели лавки.

svendeј — от русского свинья.

pir-da ištebēnča, poča čapsyq etti čirča — этой фразой дана яркая характеристика торговца и выражено отношение к нему бедного шорца-промышленника.

Текст 16

(Род Кый, верховье р. Мрассу)

albályp ~ alyp alyp.

purnada ~ purunda — прежде, сперва; '*purun ~ mugun*' нос, морда. *purunda* — букв. у его носа, на его носу.

ižibskēn ~ ižibiskēn ~ ižip-isken

tegeј — темя, верхушка головы, холм. Вершина горы, согласно антропоморфным представлениям шорцев, считалась ее теменем. Ср. *tagdyṇ pažy* — вершина, голова горы, *tagdyṇ qojnu* — ложбина, пазуха горы и т. д.

šābysqan ~ šabbysqan ~ šabybysqan ~ šabyp-ysqan

poč ~ počup.

pras — *pras-sug* — р. Мрассу, впадает в р. Томь. *söl pras* — один из истоков р. Мрассу.

Представления о горах как о живых существах *sui generis* и представления о них как о вместилищах духов-хозяев (*ēzi*) теснейшим образом переплетались и подчас совершенно сливались. Поэтому в легендах очень часто трудно бывает определить, идет ли речь о самой горе или об ее хозяине, является ли сама гора живой и действующей или же действие относится к хозяину, в ней обитающему.

По старому представлению шорцев, горы и их хозяева живут подобно людям. Они могут передвигаться, переходить из одного района в другой. Они состоят в родственных отношениях друг с другом. Более низкие горы подчинены высоким или чем-либо замечательным горам. Горы воюют между собою, вступают в брак и т. д. Каждый род имел свою родовую гору-тайгу, являвшуюся обычно местом промысла этого рода.

Ср. у скотоводов: «алтаец поклоняется той горе, откуда бегут воды, орошающие долины, на которых пасутся его стада. Шаманист, получая свое богатство, жизнь и другие блага, сознает, что эти блага идут из какого-то рога изобилия, но рог этот гора, где он имеет свои кочевья. Каждый *söök* (род) имеет свой алтай» (Приложение к отчету Алтайской духовной миссии 1911 г., стр. 91).

Жертвоприношения горам носили ярко выраженный родовой характер. Существовали определенные запреты для женщин, как чужеродок, по отношению к родовым горам, — запреты, аналогичные запретам по отношению к старшим родственникам мужа. Им запрещалось проходить мимо родовых гор с непокрытой головой, босыми и т. д. Им запрещалось также подниматься на эти горы.

В многочисленных легендах отразились представления о горах как о живых некогда богатырях. Ср. В. И. Вербицкий, Алтайские горы по легендам инородцев (Мировоззрение и народное творчество сибирских инородческих племен. Литературный сборник. СПб., 1885, стр. 335—352): «Алтайские горы, замечательные или своей высотой, или очертаниями, были

до потопа богатырями. Некоторые из этих богатырей еще до потопа же были превращены в горы. Из допотопной жизни богатырей в народных преданиях особенно обращено внимание на свадьбы и войны их» (стр. 340).

Текст 17

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Мыски-Томазак)

šyqǎlaqta ~ šyqqaŋaŋta.

tagduŋ qulaŋu — уши горы. Представление о горе (и ее хозяине) как о живом существе.

Текст 18

(Род Таяш, ул. Чилису-Анзас)

šylyg sug — букв. теплая вода.

abyŋan ražynda — в вершине Абакана, на голове Абакана. Ср. Л. Я. Штернберг, Материалы для изучения гиялцкого языка и фольклора, т. I, СПб., 1908, стр. 17: «На краю головы этой земли».

qazyg-qān — сильный, свирепый хан — название горы. Любопытно, что возникшие с разложением рода новые социально-экономические отношения сказались и на названиях гор. Вместо «отца горы», «матери горы» появилось название «хан горы».

āčqa ~ ačyqqa.

qyŋča ~ qyjuŋča ~ qyjuŋča.

qygyšpān paŋybysqan — букв.: не откликнувшись ушел. В тайге опасно откликаться, так как зовущим может быть хозяин горы. По существовавшим представлениям, последний, завладев «голосом» человека, тем самым завладевает его душой, и человек неминуемо умирает. Старик-шорцы даже боялись закричать ночью на собаку, лающую около дома, — это дух, подстерегающий человека, мог начать лаять по-собачьи и таким образом обмануть человека и похитить его душу.

aŋypur — деенпричастие от aŋup, букв. взять для себя, быть кем-то взятым, сходить с ума, дичать, дуреть. Причиной сумасшествия считался захват души человека духом. Особенно часто овладевают душой охотника хозяева гор — женщины, которым этот охотник понравится.

Текст 19

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Кыйзас)

abaŋanaŋ ~ abaŋannaŋ; aba-qan — отец-хан. Ср. объяснение названия р. Абакана как «медвежья кровь»: некогда охотник застрелил медведя, когда тот переплывал эту реку, и от крови убитого медведя река стала совершенно красной. Отчет Алтайской миссии за 1912 г., стр. 39.

tassyŋ ~ tasqyŋ (sq || ss) — гора, хребет.

čörčyttabys ~ čörčätqanybys ~ čörčätqanmys.

ačyqtap čörčytqanmys — букв. охотясь мы ходили.

aŋa — туда (dativus locativus).

abij (aba) teze — если же говорить об отце, то он...

tijin kōr paŋybysqan — букв. белку глядя пошел. Шорцы охотились на белку (ради шкурки) всю зиму. Охотились по преимуществу с ружьем (кремневая малокалиберная винтовка). Мясом белки питались во время промысла (ели тушки белки вместе с внутренностями), копченые тушки привозили домашним. Беличьи шкурки на ряду с другой пушниной («голубые белки и соболя») с древнейших времен служили предметом меновой торговли и шли в уплату дани киргизским князьям, монгольскому Алтынхану, затем джунгарскому Кон-тайше и, наконец, русскому царю. Привыкать выслеживать белку шорец начинал еще мальчиком. На промысел брали мальчиков лет 12—11, часто и моложе. Приведенный текст является рассказом такого мальчика (13 лет), промышлявшего вместе с отцом (1925 г.).

pārsqan ~ paŋyp-ysqan ~ pārbysqan.

qōgyššam ~ qygyššam (šš || šs).

ajčam ~ ajtčam.

paŋām ~ paŋayum.

parbodurāmda ~ paŋyp oduramda ~ paŋyp oduryamda.

qyŋčynaŋ ~ qyjuŋyp čatqannaŋ ~ qyŋyp čatqannaŋ ~ qyŋ čatqannaŋ
qyŋčytqannaŋ ~ qyŋčyŋannaŋ ~ qyŋčynnaŋ.

Текст 20

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

aŋnap paŋčadyr aŋnap paŋyp čadyr ~ paŋčadyr — охотясь ходя.

Охота была основным видом хозяйственной деятельности шорцев. Об этом говорят как казачьи отписки, грамоты воевод и т. д., так и все путешественники. Так, Георги в 1799 г. писало верхне-томских татарах (родах шорцев, живущих в верховьях р. Томи): «Питаются они по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Подушный оклад платят в Кузнецке мягкой рухлядью» (Описание всех обитающих в российском государстве народов, стр. 163—164). То же подтверждал В. Вербицкий в 1859 г.: «Главное их занятие зверопромышленность, рыболовство» (Выписка из журнала мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, № 4, ч. I, стр. 553). В Записках за 1861 г. он же писал: «В инородцах в высшей степени развит инстинкт звероловства; при покупках и продажах они простодушно поддаются всякому обману и не в состоянии различить лжи от истины, а в лесной их сфере проявляется в них необыкновенная сметливость: на быстром беге, при множестве сле-

дов зверя, охотник читает по ним, как по грамоте» (стр. 4); (см. также: Кузнецкие инородцы. Томские губ. вед., 1858, № 9; Журнал мин. внутр. дел, 1858, кн. V, стр. 15; А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общей геогр., т. XI, 1888, стр. 177, 199, 320; Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1883 г. Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, кн. VIII, в. II, 1888, стр. 101; Кузнецкий край. Живописн. Россия, т. XI, 1884, стр. 292; Н. Ядринцев. Об алтайских и черневых татарах. Изв. РГО, 1881, т. XVII, стр. 237; В. Вербицкий. Алтайские инородцы, 1893, стр. 17—23, W. Radloff. Aus Sibirien, 1893, Bd. I, стр. 343; Землеведение Азии Карла Риттера, т. IV, Дополнение к т. III, сост. П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, 1877, стр. 503—505). К. Н. Миротворцев в своем отчете о поездке в 1910 г. для обследования бассейнов рр. Абакана, Кондомы и Мрассу пишет: «Начиная с осени до весны все мужское население Мрассу и верховьев р. Кондомы отправляется на охоту» (Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа, стр. 23). Об охоте, как ведущей отрасли производства у шорцев, говорит и А. Аравийский, работавший в Горно-Шорском районе в 1925 г.: «Пушной промысел — основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое состояние семьи..., быт шорца» (Шория и шорцы. Труды Томского краев. музея, 1927, т. I, стр. 129 и др.).

qogun — каменная россыпь, образовавшаяся от обрушившейся скалы. Среди камней соболя устраивают свои норы. Придя в тайгу, артель располагалась станом во вновь сооруженном или в старом, оставшемся от прежних лет, шалаше. Охотники обычно брали с собой собак. Выследив, куда прячется соболя, охотники растягивали на этом месте на палках особую сеть — *аппуq* (до 120 м длины), прятались где-нибудь поблизости и ждали, когда соболя выйдет и запутается в сеть. Иногда приходилось ждать всю ночь напролет. Чтобы в темноте узнать, когда выйдет соболя, и чтобы не упустить ценную добычу (*albäyannu tajdyrba* — не дай соболю уйти, ускользнуть; *albäya аппуqтаңа tajybystyr*), к сети привязывали колокольчики. Соболя, выйдя из россыпи, начинал бегать вдоль сети и, ища выхода, запутывался в сеть. По звону колокольчика охотники узнавали о добыче. Обычно соболя выкуривали из камней дымом. Попавшего в сеть соболя убивали кайком от лыж или же душили, положив его на лыжу и придавив ногой. Этот осенний промысел (сетью *аппуq*) на соболя, продолжавшийся до декабря, имел коллективный характер («соболя ловят обыкновенно сетями, которые расставляют на вершинах гор, в камнях, где зверь особенно любит рыскать; чем больше сеть, тем больше шансов на успех добычи, поэтому сеть ставится артелью человек в шесть, подобно тому, как это делается на артельных рыбалках неводами». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320). Во время зимнего промысла (в январе) в период гонки соболя охотник уходил от стана обычно один. Выследив соболя, он с большой осторожностью, предварительно прорыв проход под снегом, ставил под следами соболя капканы. Добытый индивидуально соболя шел также к рас-

поряжение артели. В том случае, когда собака загоняла соболя на дерево, охотник убивал его из ружья. Соболя прячутся также под корнями деревьев и в дуплах, где их и выслеживают с собакой. Шкурки соболя шли в уплату дани и были предметом обмена, позднее — торговли. Охота на соболя, — одного из самых ценных зверей, — была связана с особенно многочисленными запретами и сложным ритуалом. (См., напр., у Д. Ярославцева: «При добыче соболя шкурку сдирают, а тушку уродуют, переплетая и запутывая лапки, и прячут куда-нибудь под колодину» По горной Шории. Сиб. огни, 1926, № 3, стр. 180).

tündük — дымовое отверстие в юрте. Юрты шорцев имели чувал, расположенный у стены налево от входа. Чувал носит название 'kebege'. Навес в форме рыболовной морды над очагом, сплетенный из прутьев, называется *sügen* (рыболовная морда). *Sügen* своим верхним, суживающимся краем выходил сквозь крышу юрты. Этот выход *sügen'* и называется *tündük*. В домах, где имеются русские печи, *tündük'*ом называется дымовое отверстие.

kürçek — лыжная лопатка. Как от лыж имеет вид узкой деревянной лопатки на длинной палке. Этой палкой-лопаткой охотник регулирует направление своего пути особенно при спуске с гор. Этой же лопаткой он нередко выкапывал яму в снегу для ночлега во время промысла в тайге. Она нередко служила охотнику и чашкой. При переходах через реки он пробивал ею лед и, зачерпнув воды, замешивал в ней талкан. Этим напитком он утолял свой голод.

rörgünni perbezen, iliginni per. — По широко распространенным прежде представлениям, вместе с вещами, принадлежащими человеку, можно завладеть его душой. Вот почему в этой легенде хозяин горы, рассердясь на охотника, просит его шапку или рукавицы.

körtüsča ~ körgüsča — показывает.

tölaš odurčatqanda ~ tolaşyp odurčatqanda — друг с другом они расчитывались. Хозяева гор очень любят играть в карты, причем проигравший обычно отдает выигравшему свой скот, — зверей своей тайги, — который и перегоняется в другую тайгу. Этим шорцы в прежнее время объясняли случаи уменьшения зверя в тех или иных районах.

tagdyñ eziniñ qaraunça — в глаз хозяину горы. Ср. уши горы.

oñ qar — букв. тот снег.

Текст 21

(Род Шор, верхний Матур)

parčytqan ročam — я отправившимся был.

qujgyłan ~ qujgyłayan.

in (ün) perbēm — голоса не дал.

perbeniñ — твое недавание.

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qāzuy — сильный, могучий.

qōlōnaq ~ quḷunaq — колонок (*Mustela Sibirica*). Еще иначе это животное называется sagas ~ sāg'as (ās ~ aγ-as — горноста́й) — рыжий, желтый горноста́й. Возможно, что слово quḷunaq означает «маленький жеребенок» (от quḷun жеребенок и aq — уменьшит. суффикс) и является, таким образом, иносказательным названием зверя на промысле. Ср. название для соболя на промысле — asqut или asqut aḡ или aḡ, для горностая — qaqa quzguq — черный хвост, оленя — taš tuḡaqtuḡ — каменно-копытный, волка — uziḡ quzguq — длинный хвост и т. д. Особенно много таких названий имел медведь (aršujaq, aba, ulda, adaḷuq и др.). Охотники считали, что как хозяин горы, так и сами звери слышат все то, что говорят о них, и, чтобы звери не успели скрыться, а хозяин горы — запрятать свой «скот», они избегали называть зверей их обычными именами и называли их иносказательно. Запрещалось во время промысла также называть обычными именами домашних животных, людей, дом, утварь и т. д. Так, напр., лошадь (at) называли tūktūḡ qaḇaq — шерстистый лоб, дом — tört toluq — (toluqtuḡ) — четыре угла (четыреугольный), изгородь (šeden) — kešig — брод, водку (aḡaḡu) — qaqa suḡ — ключевая вода и т. д. (ср. Вербицкий, Словарь). Этот охотничий промысловый язык носил название tūjuq sös, т. е. скрытое, тайное, запретное слово. См. еще об описательных терминах на промысле у В. И. Вербицкого, Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г., Томские губ. вед., 1875, № 22.

aḡnuq — специальная сеть на соболя. Шкурки пушных зверей издавна служили предметом обмена и торговли, поэтому охотники всеми средствами старались сохранить ценную шкурку не попорченной, что лучше всего достигалось применением на охоте сетей.

Об охоте шорцев сетями, aḡnuq, сообщает еще Паллас в 1770 г.: «Около Таштына кочуют татары Каинского и Кобынского поколения (Tataren vom Kainzischen und Kobinzischen Stamm), первых насчитывается 25 чел. взрослых (Schatzbare Köpfe, т. е. платящих ясак), а Шарбского (der Schorskische Stamm) поколения, которое живет по Мразе (Mrasa), кладут 50 чел. Они живут в неприступных своих укромых еще до сих пор в не пошевеленном язычестве. Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то чтобы заплатить ясак походят они в леса по ту сторону Енисея. Однако, койбалы, кои по некакому праву присваивают сии места себе, им ловить тут мешками (mit Stellnetzen) не дают, а коли поймают, то отняв добычу или снасть (das Jagdzeug) и поколотив, домой отпускают». Pallas. «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches», ч. III, половина I, стр. 367, пер. 515. См. также: Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320, и Кузнецкий край, стр. 292.

küskü — букв. осенний, в значении: «осеннее время», «осенняя пора», «осенний период», осень.

šana — лыжи, необходимое средство передвижения шорцев. Без лыж шорец называл себя «пешим» (Вербицкий, Алтайские инородцы, стр. 18). Глубокие снега позволяли шорцу промысливать только на лыжах. Лыжи делаются из березы, талины или черемухи (последние предпочитаются) и подбиваются с помощью деревянных или металлических гвоздиков конской, маральей или оленьей шкурой, снятой с ног животных (rušqaq ~ rušqaḡ). Более примитивный способ подбивки лыж — вкладывание лыжи в сшитый кусок шкуры. Последний зашнуровывается бечевкой или ремнем на верхней поверхности лыжи. Встарину, по рассказам стариков, лыжи подшивались камусами диких копытных животных и даже шкурой выдры. Для ходьбы по насту служат лыжи из сосны, не подшитые шкурой — qalbraq или qaḡḡa. Ср. Вербицкий, Словарь, 126: qaḡḡa; в Зап. за 1861 г.: «лыжи употребляются непременно с подволоками 'кыс', которые делаются из кожи оленя, взятой с коленей этого животного... за неимением оленьих 'кыс', подкладывают лошадиные, но непременно подкладывают, так что простые лыжи называются не лыжами, а 'голицами'. На голицах только ходят по насту (намерзший весною на снегу ледяной покров, по-алтайски 'чарым')» (стр. 3, также: Алтайские инородцы, стр. 17—18).

azyq — запас. Задолго до отправления мужчин на промысел женщины начинали готовить для них запас. Неделями они растирали ручными жерновами ячмень, предварительно поджаренный в плоских котлах qoḡuḡ, и готовили для охотников талкан. Охотники брали с собой также на промысел крупу поджаренную, пшеничную, солод, мясо (обычно конское), сушеную рыбу, чай (кирпичный), соль. Запас пищи обычно каждый брал себе отдельно, так же каждый обычно на промысле имел свой котелок.

sörtke ~ sūrtke ~ sürke — волокуша из конской шкуры. Сложенный в эту шкуру «запас», охотничьи припасы, капканы, ловушки и необходимая утварь (котелок, чашки и т. д.) зашнуровываются веревкой. Охотник тащил sörtke за собою по снегу при помощи лямок. Ср. sürte — тащить (волоком), волочить. (Вербицкий, Словарь, 314).

По рассказам, встарину sörtke делались из шкур диких зверей. По всей вероятности, некогда охотник завертывал добычу в шкуру убитого им зверя и волочил по снегу к своему стойбищу. На ряду с sörtke охотники перевозили запас и добычу на нартах (šanaḡaš). На более близкое расстояние охотники тащили ношу за плечами.

odaḡ ~ odaḡ — охотничий стан, балаган, шалаш. (Балаган — местное русское название для промыслового шалаша.) Уходя на звероловный промысел на 50—200 км и более от улуса, артель охотников останавливалась станом в старом шалаше, предварительно восстановленном, или делала новый из молодых пихт, поставленных в круг наклонно к ветвистому дереву и заваленных ветвями (odaḡ || odaḡ), или из колотых сухостойных деревьев

(ауус). Плахи ставили наклонно, упирая их в ствол развесистого дерева, и заваливали пихтовыми ветвями и снегом. Прежде чем соорудить шалаш, разрывали и разгребали снег. («Зимою снег в окрестной тайге, на горах, выпадает на глубину до 9 арш., так что, когда промышленники разгребут его (а разгрести необходимо до почвы) и поставят свой балаган, то сидят, как на дне глубокой ямы, из которой ничего не видать». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 101; Ярославцев, ук. соч., стр. 180). Просушив землю устилали «пол» пихтовыми ветвями. Посредине раскладывали огонь, который старались поддерживать в течение всего промысла и к которому относились особо осторожно и с большим уважением. Шалаш ставился где-нибудь у развесистого дерева, по возможности поблизости от воды. Иногда для покрышки шалаша служила береста (каждый охотник привозил на нартах кусок сухой бересты). В сооружении шалаша участвовал весь коллектив охотников. В шалаше все охотники жили вместе в течение промысла. Промышлял обычно каждый охотник отдельно. Утром охотники уходили от шалаша поодиночке или вдвоем и к вечеру приносили свою добычу к охотничьему стану. Иногда шли сообща (напр. при охоте на соболя с сетью). Порядок размещения членов артели внутри шалаша был строго регламентирован, также были строго распределены обязанности каждого члена артели. Питался каждый отдельно или вместе с ближайшим родственником. Иногда вся артель питалась сообща («встарину так всегда бывало»). — «Скоро проходит день, скоро начинает темнеть в лесу. Мало-помалу вся артель собирается к месту стоянки с добычей и весело располагается на отдых. Среди темнозеленых кедров и пихт, опутивших свои ветви под тяжестью снега, копошится эта таежная семья; один разгребает глубокий снег до земли кривой лопаткой, которая в то же время служит тормозом при скатывании с гор на лыжах; другой принес сучьев и валежника и разложил между старым колодником жаркий костер, третий устанавливает к огню котел со снегом, чтоб варить чай. Яркое пламя костра освещает соседние деревья, увешанные винтовками, мешечками и разным лохмотьем, скользит между стволами деревьев, колеблясь и исчезая в непроглядной тьме, в глубине немого леса; оно заливают своим светом группу людей, расположившихся перед костром, в разнообразных позах. Немой и угрюмый лес оживился; одни из таежников распивают горячий чай с толканом, другие закусывают мясом зажаренной белки или тетери, ведут веселую беседу каждый о своих странствованиях по тайге, живописуя ее рассказом о похождениях какого-нибудь зверька, сложившего свою голову под пулей, о его проделках и изворотливости, о стремлении обмануть охотника и скрыться от преследования. Долго, долго тянется эта беседа, длинная как зимний вечер. Не один котелок чаю опорожнится, много трубок выкурится, прежде чем каждый успеет рассказать о проведенном дне и подвести итоги своей охоты. Кончились рассказы; таежники покуривают трубки, впившись глазами в огонь и поминутно сплевывая; вечеру не видится конца, надо его коротать. Устада жизни ивородца, неразлучный

гомз — с ним, в тайге; сняв инструмент с сучка, он строит его и заводит сказку про богатыря, и вечер летит незаметно. Товарищи тихо и молча сидят, поправляя костер, и с жадностью слушают, одни обдирая убитую белку, другие — нанизывая тушки на длинные прутья и поджаривая на огне. Льются глухие, протяжные звуки голоса сказочника под тихое гудение гомза, льются далеко за полночь и наконец смолкают. Утомление и сон смыкают очи лесных детей и скоро кругом замирают малейшие звуки, скоро воцаряется немая тишина. Костер уже тихо потрескивает, слабо вспыхивает, разливая тусклый свет, и постепенно прогорая, потухает совсем». (Адрианов, Кузнецкий край, стр. 293.)

šačyḡ šačyḡannar — кропление совершали, от šač ~ šač — кропить, брызгать, делать возлияние, разбрасывать. Особый вид жертвоприношения духам заключался в кроплении абырткой — брагой из ячменя — или вином. Обычно такое кропление устраивали перед отправлением на промысел, во время самого промысла и после окончания его. Главное родовое кропление хозяевам гор и воды — šačyḡ — устраивалось весной сразу же после вскрытия рек.

aḡnar čörür — охотясь ходя.

qajāḡ ~ qajānyḡ

ačyḡyḡ ~ ačyḡyḡ; č || š.

qajāḡ išti — внутренность горы.

araḡa ačyḡčattyr ~ ačyḡyḡ čattyr — водка была подвешена. Ср. qazaḡ as — подвесь котел, т. е. сварил пищу.

qujyryščatqannary uḡıdu — их взаимное перекликанье слышно было.

emdeḡi ~ emdaḡy — находящаяся дома, домашняя.

aḡ-quš — зверь-птица. Это выражение имеет значение и охотничьей добычи вообще.

oḡ qatquḡa — к его смеху, по отношению к его смеху.

tajānyḡ ištineḡ — изнутри горы.

aḡnar kelgennerde — когда они охотясь вернулись. Возвращающимся с промысла охотникам устраивали встречу-угощение saq (saq — чуткость, осторожность, трезвость, ожидание; saqta — ожидать, хранить).

Охотники ходили по очереди по домам участников промысла, начиная с дома самого старшего, где их поили вином. Всех приходящих охотники угощали мясом убитых животных. Собравшиеся на угощение не только ели сами, но и уносили куски мяса своим домашним.

Игра в карты хозяев тайги и гор, проигрывание ими зверей и птиц — один из распространенных мотивов. Ср. аналогичные рассказы у абаканских тюрков. Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, СПб., 1907.

Текст 23

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

kirege ~ kirerge

tereq su — глубокая вода.

pyşqy — факел, расщепленная палка с воткнутой в нее берестой, употребляется при лучении рыбы; pyşqy употреблялась иногда и при камлании.

edibaşyр ~ edip aşyр

şyлазақ — босиком, şyлаş aзақ — голая нога. Ср. Вербицкий. Словарь, 108:

jyлаş aзақ-рула

turşyуан ~ turşyуан ~ turşytqan ~ turşatqan ~ turup şatqan.

körbaşyр ~ körüp aşyр

Горы — место обитания хозяев — мыслились наподобие жилищ человека.

Текст 24

(Род Таяш, р. Ойныг)

usqan-kel — usqan kelip ~ usqanyp kelip

körgenim — мое смотрение.

işrep abırtqa — та абыртка, из которой не пил человек. Для кропления духам необходима именно неиспитая абыртка, чистая, не оскверненная прикосновением человека. Если кто-либо отведаст этой абыртки, хозяева гор не станут ее пить. Абыртка — напиток из ячменя, встарину также из кандыка. См. Вербицкого Словарь, стр. 3; см. также: Адрианов, Путеш., 1881 г. стр. 310—311; Вербицкий, Зап. за 1861 г., стр. 12.

er edinerge — «сделать мужем». Мотив о сексуальных связях охотников с хозяевами гор, женщинами, — обычный мотив охотничьих рассказов. Ср. рассказы абаканских тюрков — Катанов, Образцы, т. IX.

Текст 25

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасс. авт. область)

qan tegri — хан-небо — название хребта в верховье р. Томи.

aşyуан ~ ajtşyуан ~ ajtşajtqan

Текст 26

(Род Таяш, р. Ойныг)

şaşa ~ şatşa

tağyа ёёгсам — я иду в гору, к гор.

Текст 27

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

aşyр ёёрген — охотясь ходил. Звероловный промысел шорцев был «пеший». Зимой охотники шли на лыжах, летом уходили обычно пешком. («Покачиваясь из стороны в сторону, инородец на лыжах легко пробегает от 70 до 80 верст в весенний день, а в самый короткий зимний обыкновенным бегом от 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить зверя, т. е. пересечь линию бега, заметив его направление, то он пробегает от 100 до 150 верст в день» — Вербицкий, Зап. за 1861 г., стр. 3; также: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 320). Лошадь как средство передвижения имела небольшое значение (по преимуществу в северной части района). На лошадях осенью отвозили иногда в тайгу продовольствие артели (складывали на специальных срубках, помостах tastaq), на лошадях же отвозили в отдельных случаях охотников до последнего (наиболее близкого к району промысла) улуса и ездили туда встречать их.

qazan azyşyр aşyр — повесил котел, т. е. варя пищу.

adybsqan ~ adyb-ysqan.

oş nō-la poşza, oş poşzun ter — «что бы ни было, пусть то будет!» говоря.

tilep ёёрşütqannardy — ища ходящих, т. е. тех, кто ходит, ища (зверей).

attyр saşdyn — ты застрелена, ты дала, допустила себя застрелить.

nān-kelgen ~ nanyp kelgen.

Текст 28

(Род Таяш, ул. Чилису-Анзас)

qonşyуаныbys ~ qonşatqanmys.

turşyуанyp ~ tuşatqanyp ~ ee стояния.

emşegi sarbaşyр — груди ее растопырившись (растопырились).

paşynda aq plattyg — имеющая на голове белый платок.

ajtqanym — мое сказывание (ср. ajtqam).

Текст 29

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

passik qadaşyуан — пасеку сторожил.

Пчелование, т. е. добыча меда диких пчел (агу), с давних пор известна у шорцев. См. у Вербицкого: «кроме пчеловодства занимаются еще пчелованием, т. е. отыскиванием блуждающих пчел. Кому посчастливится в течение весны, тот находит колод до 20 этих блуждающих пчел», Алтайские инородцы, стр. 24; см. также Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 183, 323; Radloff, Aus Sibirien, стр. 368. На ряду с пчелованием

существовало и пчеловодство (по данным экспедиции Швецова 1900 г., 27.8% хозяйств имели пасеки, 16.9% — по р. Мрассу и 44.9% — по р. Кондоме. («У некоторых инородцев (зажиточных шорцев) количество ульев доходит до 1000» — Вербицкий, ук. соч., 24; см. также у Миротворцева, ук. соч., стр. 26.). Мед и воск имели большое значение в обмене и торговле шорцев с соседними племенами. Названия *passik*, *koloda*, *möt* взяты из русского языка. Для обозначения дикого меда употребляется слово *pał*.

Текст 30

(Род Четибер, р. Томь, ул. Сыркаш)

añ soguñu ~ soguñu (γ || j) — солонец. Охотники подстерегали маралов, оленей и козюль на солонцах. Солонцы (*soguñ*) они устраивали в озерах и на болотцах на местах, где водились эти животные. На дереве (с подветренной стороны) сооружали особые помосты, укрытые со всех сторон ветвями (*tastaq*). Оттуда охотник стрелял в приближающихся животных. Охотились в одиночку или вдвоем. Женщинам в прежнее время запрещалось подходить к солонцу, равно как запрещалось им присутствовать вообще на местах промысла, прикасаться к орудиям охотничьего промысла, пересекать путь охотникам и т. д.

añva — злой дух.

men seni azugaγum — я тебя кормить стану. Бессильный в борьбе с природой, задавленный вечной нуждой; не находя выхода из вечного долга скупщику-танышу, шорец-охотник создал нереальный мир хозяев и хозяек гор, наделяющих, якобы, промышленника богатством. Но полуголодный охотник мечтал далеко не о богатстве. Его мечты были гораздо более скромны: он мечтал о сытой жизни.

Текст 31

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qajla — напевать былинку, аккомпанируя себе на комысе. Ср. Радлов, II, 3, 27.

azqur ~ ajuur — жеребец. Иносказательное название для марала на промысле. Обычное название марала — *sün*. На марала шорцы охотились не только из-за мяса и шкуры, но и из-за рогов (весенняя охота, май — июнь). Били марала из ружья на солонцах. Зимой гнали по глубокому снегу или насту. Осенью приманивали при помощи дудки (*ruguu*). Встарину устраивали осенью во время перекочевки маралов у маральных бродов загороди (*šeden*), летом загороди с настороженными самострелами ставили на маральных тропах. Этот вид охоты имел ярко выраженный коллективный характер.

šolu šolaγan — путь охотника удался.

pistiñ šannañ šuq-partyr — из нашего счета вышел, т. е. убит, — иносказательное выражение.

ijgi kiži kele pergenner — два человека взяли и пришли. По старому представлению шорцев, хозяева гор очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без внимания свой «скот» — зверей своей тайги, и последние становятся добычей охотника. Считали также, что хозяева, когда им понравится сказка, одарят за это охотников зверем. Поэтому обычно брали с собой на промысел сказочника, который и получал равную долю из общей добычи.

Текст 32

(Род Карга, р. Мрассу, ул. Анзас)

köze ~ küze — ожег (местное название для кочерги), палка, которой мешают дрова. *küze* называют также плохое, изношенное ружье — иносказательное название для ружья (*myłtyq*) на промысле. Ср. *küzej* — старинное кремневое ружье.

čibiñniñ pažu — букв. голова сети.

alaš — дятел, название соболя на промысле. *alaš* — также название оленя (*aq kijik*) на промысле. См. Вербицкий, Словарь, 17.

turčuza ~ turčatsa.*čibiñe ~ čibinge* (ŋ || ng).

Текст 33

(Род Кой, р. Кубансу, верховье р. Мрассу)

kelēm ~ kelerim.*nartraq sałdyraγa* — букв. заставить положить сказку.

ištiñ qaryłčattyr — твоя внутренность жарится — печалится. Ср. также: *künñi qāryłča, oł qāryłča*.

tag ežiγi — дверь горы.

По существовавшему встарину представлению у шорцев, горы имеют двери, через которые хозяева выпускают своих зверей. Через эти двери шаман во время камлания входит с жертвой к хозяину горы. См. А. В. Анохин, Материалы по шаманству алтайцев. Сб. МАЭ, т. IV, 2, 1924, стр. 17 (*jetti ežiγtū jerim sum* — земля и вода мои, имеющие семь дверей).

odaña enir paγan — к шалашу спускался. Обычно охотничий шалаш ставится в защищенном месте, ниже той территории, где артель охотится. Поэтому идти к шалашу передается глаголом «en» — спускаться, идти вниз по склону горы.

šuqła ~ šuqqula.

Текст 34

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

odurčyn pořarym ~ odurčatqan pořarym — я сидящий буду.
 qaraγyña → qaraγynγa, также: čirtuña → čirtunγa.
 čōqtabedim ~ čōqtabadym.
 parām ~ pararym.
 qonγazyñ ~ qonγanzyn.

Текст 35

(Род Калар, низовье р. Мрассу)

ēn-kelip ~ enip kelip — спускаясь под гору.
 myřtyγyn azynγanče — повесить себе, на себя ружье.
 parsty ~ parbysty ~ paryb-ysty ~ paryp-ysty.
 añ qujynda aľbyγaľar kōr pořtur — по существовавшим представлениям, хозяева гор держат «свой скот» — зверей около себя в своей юрте, т. е. в горе. Они выпускают его через дверь или через тюндюк юрты — горы.

Среди многочисленных охотничьих запретов существовал запрет иметь половое общение с женщиной перед отправлением на промысел.

Текст 36

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

čōľu čōľaľbān — путь не удавался (čōľa ~ соľа — идти по следам, прокладывать дорогу).

qara qazan — черный котел, задымленный от частого употребления.
 tük nebe — букв. шерсть-вещь (существо).

četirčeq ~ čettirčeq.

ködürüle pergen — подниматься, возноситься стала.

küřtüg — имеющий силу, заключающий в себе силу.

temir (tebir) tağ — железная гора. Название горы Темир таг, железной горой, горой железа, так же как и названия других подобных мест в тайге, лишний раз свидетельствует о том, что не только населению р. Томи, но и шорцам системы р. Кондомы с древнейших времен были известны как местонахождения железной руды, так и способы добычи из нее железа. См. Риттер, Дополнения, стр. 486 (по рукописи Плаутина 1745 г.: «Жители Каларской волости (по Мандыбашу) и Шорской (по Кондоме) выделяли котлы, таганы, топоры, ножи, обывы (абылы) и другие вещи и ими платили алман в Джунгарию и вели торговлю с теленгутами, которые приезжали к ним через Кумандинские волости, у них брали железные вещи и козлины, а им давали лошадей, соболей и волчьи шкуры, шубы и лосины»); также Гмелин (стр. 280). Это знакомство с кузнечным делом дало повод

сибирским летописям называть население р. Томи «кузнецами» и закрепило имя «кузнецкие татары» за населением этих районов. См. у Миллера: «Живут они в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецами, потому что они железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащее к звериному промыслу орудие» (стр. 334—335; о том же Фишер, Сибирская История, П., 1774, стр. 271, 213; Gmelin, Reise, стр. 294). Железные изделия шли в уплату дани и служили предметом обмена с соседними племенами («Шли (калмыки) из тех канских зенгорских волостей в ясашные в кондомские волости для смены тулупов и войлоков на кожи и железные абылы, чем землю копают». Рапорт 1745 г. Материалы для истории Сибири. Чтение в Общ. истории и древностей российских, 1866, кн. 4, стр. 85). Колониальная политика царизма вызвала окончательное исчезновение этой отрасли производства у шорцев.

Эта легенда представляет большой интерес, так как она показывает, каким путем в представлениях шорцев преломляется новое социалистическое строительство. Построенная по типу обычных охотничьих легенд, она вместе с тем таит в себе глубокий социальный смысл. Богач-торговец отвергает камни, которые должны в будущем уничтожить его благополучие. За камнями отправляются бедняки, трудовой народ. Их усилиями создаются новые формы хозяйства и строятся новые формы жизни. Интересно, что хозяин горы тоже противится новому строительству: он прячет камни глубоко внутрь горы. Так старая религиозная консервативная идеология борется с нарождающейся новой социалистической идеологией.

Текст 37

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

suğduñ ezi — хозяин воды.

Хозяева воды мыслились обычно в антропоморфном виде. Все реки и реченки тайги считались распределенными между этими хозяевами, которые рассматривались подателями и распределителями рыбы. Значение того или иного хозяина зависело от значения той реки, властителем которой он считался. Самый могучий, сильный хозяин, кому подчинены были все прочие хозяева, мыслился в образе женщины очень большого роста, с длинными волосами, с большими грудями и большим животом. По рассказам стариков, эта хозяйка воды отличалась большой чувственностью. Рыбаки, отправляясь на рыбный промысел, считали необходимым рассказывать на рыбалке самого непристойного содержания истории и в песнях и рассказах восхвалять хозяйку. За это они надеялись получить от хозяйки, которой очень нравятся подобные рассказы, обильный улов.

Особенно опасными считались хозяева весною во время ледохода. В это время хозяин, рассердясь, мог затопить улус. Именно гневом хозяев старики объясняли разливы рек и связанные с ними бедствия. В 1927 г., когда

в низовье Мрассу, в улусе Акколь, во время ледохода обычно затопляемом водой, молодежь стала возражать против устройства *šāṣuḡ* — жертвоприношения хозяину воды, старик-шорец сердито заявил своему сыну: «а ты отвечать за убытки станешь, когда он (т. е. хозяин воды) рассердится?»

köḡünmes — невидимый. Ср. Вербицкий, 186; Радлов, III, 1267; Анохин. Материалы по шаманству, стр. 6; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы тюркских племен к I тому. СПб., 1888, стр. 15.

šerdiṅ tündük — земля, по представлению шорцев, имеет отверстие — тундук; через это отверстие шаман спускается внутрь земли к духам подземного мира.

Текст 38

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

Текст 39

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

öšegin ~ öžün.

Текст 40

(Род Таяш, р. Ойныг)

müstüg qara aṅ šuḷaboq — зооморфный образ хозяина воды.

См. объяснение ледохода шорцами у Вербицкого: «Когда остановилась вода, инородцы объяснили, что су-ээзи, трудившийся своими зубами взломать лед, на своих же шайтанских плечах и попер его вниз» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., ч. неофиц., 1859, № 30, стр. 242).

töziṅe || tözüṅe.

Текст 41

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tižig kiži (tiži kiži) roḷur — женщиной будучи.

pir öḷaḡqa köḡüngen — одному юноше увиделся, показался.

münmaḷur ~ münür aḷur.

ede suḡ ēzine tarturur aḷan — он дал себя утянуть хозяйке горы.

Текст 42

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

aršaqtuṅ aṅparša'tqanu — охота на медведя. В медвежьей охоте с особенной яркостью отражены старые религиозно-магические охотничьи представления. Начиная от сборов на охоту и кончая поеданием мяса,

все действия охотников сопровождались определенными обрядами, которые должны были, по существовавшим воззрениям, обеспечить удачный исход охоты — с одной стороны и способствовать умножению зверя в будущем — с другой.

Ритуал, связанный с медвежьей охотой, очень глубокой древности и, как мы уже говорили в предисловии, восходит, вероятно, ко временам материнского рода. В этой связи интересно отметить то, что медведь очень часто называется *taj*, т. е. дядя со стороны матери. Медведь считается, таким образом, не просто сородичем, а именно членом рода матери.

aṅnuṅ ini — берлога зверя, т. е. медведя.

aṅ — зверь, название медведя на промысле.

Я берлогу обошел. — Найдя берлогу, шорец обходил ее кругом и делал на ближайших деревьях зарубки топором, закрепляя таким образом свое право на находящегося в ней зверя. Придя в улус, он оповещал своих соседей, говоря: «жилище великого зверя я окружил». Это означало, что он объявил свои права на найденного им зверя и что соседи не должны слишком близко от берлоги стрелять, чтобы медведь ее не покинул. Когда выпадал снег, охотник звал несколько человек родственников (своего рода), а если таковых не находилось, то соседей, и шел убивать медведя.

taj ~ tajū — дядя по линии матери, название медведя на промысле. Интересно отметить, что свое название тай, которое, как мы говорили выше, восходит к материнскому роду, сохранилось за медведем вплоть до настоящего времени. См. рассказ «Железная дорога» (*Tebir col*) в шорском учебнике «*Qyrgaṅ kniga*». Cisrijakov и Kusurgashev, 1934 г., Ogiz, стр. 33 (Книга для чтения. Числяков и Кусургашев): «*Parovozqa aršaḡ usıḡaṣ parza, tajū-öl qaj-la roḷqaj edi?* — если встретится с паровозом медведь, что станет делать дядюшка?

uḷuḡ šer — великая земля, великая местность, название для берлоги медведя на языке охотников.

tappaṅ qalḡannaḡ — они ненашедшими остались.

aḷanarında ~ aḷannaḡında.

šuyur .parıbysqan roḷbazyn ter — букв. «выйдя, ушедшим пусть не будет», говоря.

uzun aḡaš — букв. длинное дерево.

raḷḡa ~ paḷḡa. İḡ || ḡİ.

pür parḡanda ~ purḷuḡ parḡanda.

tišterin syndırcaḡar — обычай обламывать зубы убитому медведю объясняется, вероятно, боязнью его мести.

aršij-čelep östep kelip — рычание по-медвежьи во время медвежьего ритуала восходит к широко применявшемуся в первобытном обществе подражанию зверю во время промысла.

maḷturḡannuḡ ~ paḷturḡannuḡ — имеющая борщевник, с борщевником (*Heracleum*).

maḷtur ~ paḷtur — икры ног.

čestek ~ aγaš čestegi — малина.

qoŋamčy — подарок невесте со стороны жениха и его родных; в переносном значении — пуля медведю; улда каламчын ал пар (Вербицкий, Словарь, 140).

quzuqtaŋ aγur öldüm — чтобы избежать мести медведя, охотники стараются доказать свою непричастность к его убийству.

paštaγuŋ sōkterin pirge saγur saγur — обычай тщательно сохранять кости и особенно голову медведя, вызван желанием, чтобы медведь мог опять воскреснуть.

muŋtuq-ра ātcaŋar — то, что охотники после совершения обряда погребения медведя стреляли из ружья, имело целью отогнать душу убитого медведя, чтобы она не вздумала мстить за совершенное убийство.

šanaŋarunū čoluna aγaš toγra taštaŋar — это делалось для того, чтобы душа убитого медведя не нашла охотников по их следам. У шорцев существовал обряд запутывания следов после погребения сородичей.

uŋuq-če tyn — как нить душа. — Ср. такое же представление о душе человека, в частности о душе богатырей, в героическом эпосе. См. также у Вербицкого (Зап. за 1866 г., стр. 8): «тын тибектый — душа как щолчинка. Суеверные алтайцы будто бы слышат, как тын перерывается у умирающего, и потому у них есть бранное ругательство — тын тырс этсин — твоя душа пусть сделает щелчок, т. е. порвется и щелкнет».

Текст 43

(Род Кобый, верховье р. Мрассу, р. Кобырсу)

aršijaq — букв. старичок (от aršij — старик); более обычное название для медведя aršaq.

tiži-kiži ~ tižig kiži — букв. самка-человек.

qarunnuγ (от qarun) — беременная.

(qyγaγa) šuqqaŋ — поднималась, шла в гору. Крошечные пашни шорцев (в южной части района) располагались по склонам гор. Итти на пашню — букв. подниматься на пашню. «Их небольшие пашни подняты высоко в горы, чтобы летние засухи и ночные морозы не погубили посева» (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). О незначительных размерах пашен у шорцев см. Георги: «Землепашество их (абинцев) не знатное, мало кто в оном упражняется и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами и потому они вместо сохи употребляют заступы» (Описание, стр. 162); у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются весьма мало по недостаточности удобных земель» (Вып. из журн. мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, ч. I, № 4, стр. 553); у Адрианова: «Пашня, по обыкновению всех черневых, ничтожных размеров, здесь хотя и ведется, но нередко оставляет жителей совсем без хлеба»; «По логу Шудуна сплошь идут микроскопические пашни инородцев» (Путеш., 1883 г., стр. 101, 109).

po — указат. местоим. в значении личного.
ičezine toγaγur — матери повстречавшись.

Текст 44

(Род Таяш, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

pes — *Erythronium dens canis*. Май-месяц носит название pes aγ — месяц кандыка. В этом месяце женщины выкапывали корни кандыка. Кандык варили, а также запасали на зиму. Связки нанизанного кандыка выменивали у степняков на молочные продукты и на овец. Ср. Паллас, назв. соч., стр. 514, 489.

qāz-čōrčadyp ~ qazur čōgūr čadyp — выкапывая ходя.

suγγa endir — заставляя спуститься к воде.

suγ ašyq (ašyq ~ aγur šyq) — подними воду; взяв, пойдй в гору. Шорские улусы расположены по крутым берегам рек; приносить воду поэтому значит поднимать ее в гору.

Текст 45

(Род Карга, р. Анзас, ул. верхний Анзас)

emezi ~ em ēzi — букв. хозяин дома, женщина.

tōr — передний почетный угол в юрте.

kelgenerde ~ kelgennerde.

azrān ~ azyraγan.

čačadyp ~ čatčadyp ~ čadyp čadyp.

ōlbēn-ne četken — едва не умершей дошла.

ton azaγy — общее название для одежды, включая обувь и шапку.

Текст 46

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

saγaγaj — *Lilium martagon*. Женщины выкапывали луковицы этого растения с помощью особых копалок — ozur.

ponu — этого.

Текст 47

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасск. авт. обл.).

iniŋe || ininge; ср. также čerŋe || čeringe.

Текст 48

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. Кечен)

ōleŋ özūr paγaγan poŋaγan — трава выросшей была.

enmodurγan ~ enip odurγan.

Текст 49

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

čirgetkende ~ čirge etkende — когда намеревался, когда хотел съесть.

Текст 50

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

sen qajda čatčytqan aң-zuң — букв. где живущий зверь ты есть.

Выдра очень осторожный, «хитрый» зверь, охота на нее требовала от охотников большой ловкости.

Текст 51

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

čanaγa || čannaγa.

Текст 52

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

qujguγuq — чудесная птица. Одни шорцы считают, что это лебедь, другие — что это орел или павлин. У Вербицкого, Словарь, 157: кыйгылык (k) — орел.

Чудесная птица фигурирует часто в верованиях и в фольклоре алтайских и абаканских тюрков. См. Радлов, Образцы, т. I, 265; Катанов, Образцы, т. IX, 232.

Текст 53

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

šoŋa — имя, прозвание, имя подставное, употребляемое теми лицами, которым нельзя произносить настоящего имени. См. Вербицкий, Словарь, 449.

ergek — самец, большой палец, также курок у ружья.

ruŋan ~ ruŋan ~ rŋan — сохатый лось (*Cervus Alces*).

čyŋtystar-oq roŋur paγannaγ — речь идет о звездах Орион и Альдобаран.

Текст 54

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qudaγ — добрый дух, божество, икона. См. Радлов, Словарь, II, 14; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы, к I и II тт. СПб., 1888, стр. 12; Анохин, Материалы, стр. 12, 18.

taγ-suγ — гора, вода; подразумевается вся неорганическая природа.

ülgen — имя доброго небесного духа. Культ Ульгена возник, вероятно, в развитом отцовском роде. Этот культ отличается большой сложностью. Жертвоприношение Ульгеню мог совершать только шаман. Шаманке-женщине не разрешалось камлать Ульгеню. См. Катанов, Алф. указ., стр. 21, 30; Анохин, Материалы, стр. 9—12.

Текст 55

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

ot qušcaγu — птица огня. Этой птице шорцы приписывали появление у них первого огня. Между прочим, в этой роли иногда выступают журавль, орел, ворон.

Текст 56

(Род Кый, ул. Палыкташ, юго-зап. часть Хакасской авт. области)

pyšlaq ~ pyžulaq — сыр из творога.

tojzaq ~ tozujaq (tūzek) — берестяной кузов, берестяная корзинка.

qaš — качинец.

maŋ ösprēnce — скот не вырастает. Эта фраза характеризует состояние скотоводства у шорцев в дореволюционный период. По данным 1900 г., в системе р. Мрассу 13. 6% хозяйств не имели скота, 37. 3% не имели крупного рогатого скота (Миротворцев, Южн. часть..., стр. 21). Шорцам неизвестно было приготовление таких молочных продуктов, как кумыс, чегень, пыштак или пышлак и др. (Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 309, Radloff. Reise durch den Altai. Archiv f. w. Kunde, Bd. XIII, H. 1, стр. 228). Хотя шорцы и заготавливали сено, но скот кормили, подгоняя его к стогам («скот кормят подпуском...» Адрианов, Кузнецкий край, стр. 288. Путеш. 1887 г., стр. 317; «кони, по обычаю инородцев, питались в загородке у стога сена целую зиму, заедая жажду свою снегом». Вербицкий, Зап. за 1866 г., Прав. обозр., стр. 166). Особенно мало развито было скотоводство в южной части района. См. у Вербицкого: «Скотоводство и птицеводство — в жалком положении», Зап. за 1861 г., стр. 28.

Текст 57

(Род Кобый, верховье р. Кобырсу)

qadyγ čyŋ — тяжелый, жесткий год. В тяжелые годы, в годы неудачного промысла и неурожая хлеба, таежные шорцы перекочевывали в соседние притаежные и степные районы. Некоторые старики-шорцы на рр. Матуре и Таштыпе помнят, как их отцы и деды перебрались в степь в тяжелый год.

Текст 58

(Род Кый, р. Палыкташ, юго-зап. часть Хакассии)

qyγyys čazy — кыргызская степь. В других вариантах этой легенды говорится о сагайской степи.

Текст 59

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

mindig aṇnar qajdig čerden — из какой это земли пришли такие звери? — Удивление охотника при виде быков подтверждает рассказы стариков об отсутствии встарину скота у шорцев и о появлении сначала лошадей, позднее рогатого скота, прежде всего в сев. части района, а затем и в тайге. (Согласно описанию, сделанному Плаутиным в 1845 г., «из скота кондомские инородцы держали одних только лошадей». Риттер, Землеведение, стр. 486; ср. у Вербицкого, Зап. за 1861 г., стр. 28; Адрианов, Путеш. 1883 г., стр. 108.) Лошадь использовалась богатыми шорцами сев. части района для завоза товаров в тайгу, а также для обработки своих земель. Условия южн. части района (тайга, зимой глубокие снега) затрудняли передвижение на лошади. Лошади на убой (soγum, от soq- 'убивать животное, колоть' — лошадь, обычно старая, предназначенная на убой) были предметом обмена с соседними племенами, а позднее завозились русскими торговцами. (См. материалы для истории Сибири. Чтение, 1866, кн. 4; стр. 73, Рапорт 1747 г.; Гр. Спасский, Сиб. Вестн., 1819, ч. VII, стр. 141; Риттер, Дополнение, стр. 486; см. также: Зап. за 1862 г. Вербицкого, Прав. обозр., 1863, стр. 144.) См. у Адрианова: «Мясо употребляется редко и чуть ли не исключительно во время каких-либо народных пиршеств, напр., по случаю свадьбы, сбора ясака, принесения жертвы и пр. В таких случаях за счет артели, рода, покупается корова или лошадь и торжественно убивается» (Путеш. 1881 г., стр. 308).

saγuny || saγunpu.

Текст 60

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

аккол || ақ көл — букв. белое озеро; озеро в безлесном чистом месте; (ақ — безлесное место).

Текст 61

(Род Челеп, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

aja tuγuzur — ставя самострел. Шорцы устраивали в летнее время на оленьих, маральих тропах коллективно загороди (šeden); около пустот, оставленных для прохода животных, настораживали самострелы. «Для лоса,

олена (Cervus pygargus) и марала (C. Elernas) делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляются от 200 до 300 луков... Это промысел летний» (Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 20). Осенью, когда козы из Кузнецкой тайги переходят в менее снежные районы, за Абаканский хребет, охотники на местах перехода через реки устраивали городьбу и в отверстиях ее настораживали луки и ставили петли.

quɣ saɭ или quɣ ur — ставить петли. Петлями шорцы обычно ловили глухарей (selej), рябчиков (synma), зайцев и т. д. (ср. Вербицкий, Зап. за 1863 г., Прав. обозр., стр. 165). Петли ставили и на маралов и коз. См. у Вербицкого: «Хозяин нашей юрты много лет ловит лосей зимой, делая для них загороди с воротами, в которых наставлены самострелы, а летом петлями, которые ставятся вблизи озер, куда лоси любят скрываться от комаров в воде, и с удовольствием питаются здесь сочными корнями кувшинника (Nymphaea alba)». В прежние годы охота загородами с настороженными петлями (осенью, на местах маральих, лосиных и козлиных бродов) имела коллективный характер. В сооружении загородей участвовал коллектив (обычно родственник по отцовской линии) охотников. По окончании постройки загороди и по возвращении в улус коллектив охотников выполнял работы в хозяйствах охотников, оставшихся караулить у загородей животных. После промысла добычу делили поровну. Наделяли мясом всех присутствовавших сородичей.

Текст 62

(Род Шор, верховье р. Матур, Хакасс. авт. обл.)

uzuq — животное, посвященное духам. Оленеводы посвящали духам оленей, скотоводы — чаще всего коней, но могли быть посвящаемы также овцы и рогатый скот. Ср. у абаканских тюрков узуқ (узух), у алт. и кирг. ујуқ, у тофа и тувинцев удуқ, у якутов утуқ, у желтых уйгуров јузуқ (от глаг. ут || уs || уј — посылать, отправлять, отпускать) (Вербицкий. Словарь, стр. 457; Радлов, Словарь; 1359, Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1866, стр. 387).

У абаканских тюрков каждому духу посвящали узуқ особой масти. Коня обычно посвящали на родовом жертвоприношении горам — tag tajug.

узуха tutčütqan — лошадь, которая ставится ызыком (узуқ tut, узуқ saɭ и спец. глагол ујуқта ~ удуқта — делать ызыком, посвящать коня).

pozo — брага, пивной затоп.

minerge ~ münerge (ü || i) — с посвященными животными связан был ряд запретов. Особенно строги были эти запреты в отношении женщин: женщине запрещалось ездить на посвященном коне, не разрешалось даже дотрагиваться до седла, переступать через седло, держать и поить коня и т. д.

soyaḡa čarabanča. — Запрещалось закалывать посвященных коней. Иногда этот строгий запрет смягчался, ызыка закалывали, но прежде избирали на его место другого молодого коня. Кости заколотого или умершего ызыка не ломали, а складывали вместе и сохраняли — погребали.

В языке шорцев, живущих в юго-зап. части Хакассии, имеются некоторые отличия, напр. *iži* вм. *eži* (*i* || *e*), *kizi* вм. *kiži* (*z* || *ž*), *süberek* вм. *šüberek* (*s* || *š*), *uzux* вм. *uzuq* (*x* || *q*) и т. д. (Ср. хакасский яз., в частности язык сагайцев, соседей шорцев.)

Текст 63

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

odaḡ turḡusqan poḡtur — юрту ставящим был. Шорцы обычно ставили для женатых сыновей отдельные юрты.

pozaḡazup aḡtar paḡaḡa čaraban poḡtur — порог перешагнув, вступать запрещено было. Настоящая легенда отражает существовавший у шорцев институт «избегания». Обычай избегания между свекром и невесткой выражался в запретах называть свекра по имени, брать что-либо из его рук, показываться свекру с обнаженными руками и ногами, с непокрытой головой, входить в его юрту и т. д. См. у Вербицкого: «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта и жена его, если за чем-либо и придет в юрту отца мужа, то далее порога никогда не ступает, тем более сесть, хотя бы и у двери, никогда себе не позволит» (Зап. за 1862 г., Прав. обозр., 1863, стр. 158); у Адрианова: «Женщина не может называть по имени ни брата (старшего) мужа, ни свекра...» (Путеш. 1881 г., стр. 328). Сноха, особенно после смерти мужа, была в полной зависимости от свекра. См. у Вербицкого: «Сноха после смерти мужа остается при одном ячмене и вечной невольницей своего свекра, купившего ее как вещь, и который копейки не сбавит с нового покупателя, если бы таковой выискался». Зап. за 1864 г., Прав. обозр., 1865, № 2, 3; о том же: Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 357.

tuluḡ ~ tuluḡ — женская коса. Заплетание волос во время свадебного ритуала связано с существующим у многих народов обычаем обязательной перемены прически для женщин при переходе ее в дом и в род мужа. Ср.: косы девиц — *sürüñmeš* (см. Зап. за 1867 г., стр. 10; Вербицкий, Словарь, 314).

õḡary ~ õḡary.

kelineri ~ kelinneri.

ežik eži или *pozaḡa eži* — хозяин двери или хозяин порога. В настоящей легенде ярко выражена императивность института избегания: невестка нарушила веками существовавший запрет — входить в юрту своего свекра, и хозяин порога — дух предок, родовой дух, который охраняет старые порядки, ее наказывает. Очень возможно, что хозяин отрезал не-

вестке косы, потому что невестка явилась к свекру с непокрытой головой.

К хозяину порога обращается шаман во время своего камлания, охотники приносят ему жертву перед отправлением на промысел. О хозяине порога (*pozoḡo*) у алтайских тюрков см. также: А. Е. Ефимова. Телеутская свадьба. Материалы по свадьбе и семейно-родовому быту у народов СССР. Л. 1926, Сб. I; Анохин. Материалы, Сб. МАЭ, т. IV, 1924, стр. 9.

Текст 64

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. верхний Кечен)

ištebēn annaban čatqan poḡtur — не работающим, не охотящимся [живущим] был. Этот рассказ отражает заключительный период шаманства, когда шаманство уже является профессией и когда шаман сам в производстве уже не участвует, а живет за счет общества («его кормят духи»).

tajḡaḡa šugur, qarug teriḡ aḡ quš annar akelgen — его невестки поднявшись в тайгу, на мелких (каких попало) зверей охотясь, (их домой) приносили. Очень возможно, что это является воспоминанием о том времени, когда женщины участвовали в охотничьем промысле наряду с мужчинами, помогая мужчинам выслеживать и загонять зверя. Как правило, у шорцев женщина не участвовала в охотничьем промысле. Больше того, существовали строгие запреты для женщины в отношении промысловой территории, охотничьих орудий и промысловых зверей.

tösteri čibiskenner — духи съели. По существовавшим представлениям, духи могут съесть, загрызть человека. Шорская женщина из рода Кобый на реке Кобырсу в 1925 г. на мой вопрос, сколько у нее детей, ответила: «*aḡty paḡa poḡan, ol aḡty paḡadaḡ iḡini-le azyrandym, törtün ajna čir saḡdy* — было шесть человек детей, из шести детей только двоих вырастила, четверых айна съел». Семьи, в которых умирали дети, переезжали много раз с места на место, с тем чтобы укрыться от айна. В прежнее время, когда хотели сказать, что человек умер, говорили: *ajna čir saḡdy* — айна съел.

Текст 65

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

pašqa kižini pistiḡ tajḡaḡa annaḡa poḡatpānčabys — других людей не пускаем охотиться в нашу тайгу. Охотничьи угодья являлись коллективной собственностью. Старик рода Кобый рассказывал: «Встарину, еще при дедах наших, тайга будто была общая, каждый где хотел, там и промыслял, мы же промысляли каждый в своей (т. е. родовой, принадлежащей роду) тайге; это же говорили старики рода Четибер, Кый и Карга.

У каждого рода (внутри рода у төл'я) были свои охотничьи угодья. Адрианов в 1881 г. писал: «У каждого рода есть своя тайга» (Путеш.

стр. 325; См. у него же: «Тайга в вершинах Кондомы принадлежит шорам (роду шор)» Путеш., стр. 199, 317; Кузнецкий край, стр. 292. О том же Вербицкий, Зап. за 1867 г., стр. 5). Из-за нарушения границ этих угодий происходили ссоры между отдельными родами и драки между охотничьими артелями. Дела о нарушении границ родовых территорий передавались даже паптыку (родовой суд). Ср. у А. Янушевича: «Куда ходили деды, отцы, туда и новое поколение, постепенно закрепляя за собой определенные охотничьи угодья. Если в эти места приходил „чужой“, то его выгоняли или отбирали добытую пушнину и отправляли в свой улус на суд стариков» («Обследование охотн. промысла Горной Шории». Материалы по изуч. Сибири, Томск, 1931, т. III, стр. 93; о том же: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 317; Кузнецкий край, стр. 292). В чужую тайгу разрешалось идти только в годы невыхода зверя в своей тайге и то с разрешения того рода, которому эти угодья принадлежали (обычно это был род, откуда брали жен). О наличии границ охотничьих угодий см. у Миротворцева: «У инородцев не существует между собою разграничения прав на те или иные районы охоты. В одних и тех же местах можно встретить охотников с Мрассы, Кондомы и Абакана. Однако все же можно установить в общих чертах распределение охотничьих районов, к которым тяготеет население тех или иных мест» (ук. соч., стр. 24). В низовьях р. Мрассу, напр. улусе Томазак, населенном представителями различных родов, артели, составленные из представителей различных родов, промыслили в тайгах своего улуса (а не рода или төл'я).

pisteñ küğçek ğırzār — палки (кайок) поедите, т. е. мы вас побьем.

Запрет ломать кости убитых на охоте зверей вызван тем представлением, что для возрождения зверя необходимо требуется, чтобы в целостности сохранился его костяк. Несоблюдение этого обычая влекло, по представлению стариков, неудачу на промысле, уменьшение и даже полное исчезновение зверя. По этой же, вероятно, причине оставляли в тайге головы убитого сохатого (sūn) и козла (kijik), повесив их на дерево.

selej — глухарь. Кость глухаря обычно бралась с собой на охоту, чтобы обеспечить удачу. Перья глухаря часто прикреплялись к изображению охотничьих духов: ucyap qan — летающий хан или qanattyğ — крылатый.

toyułzun || toołzun — пусть заполняет, наполняет (тайгу).

Текст 66

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

orbuñ ał — шорское название улуса Сыркаш. Этот улус получил свое название от имени шорца Сыркаша, предка төл'я Сыркашевых, рода Четибер. Шорцы, особенно в южной части тайги, селились обычно маленькими поселками, состоявшими из нескольких юрт близких родственников. (См. у Вербицкого: «По обеим сторонам реки находятся не в далеком расстоянии

один от другого небольшие аилы от 3 до 5 юрт». Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). Такие поселки (аї), расположенные по берегам рек и ключей, состоявшие из членов одного рода или подразделения рода (төл'я) носили как правило имя старшего, обычно первого здесь обосновавшегося. («Несколько юрт, принадлежащих членам одного семейства, называются аилом; название аилу дается по имени старшего в роде». Риттер. Дополнения, стр. 487.) На ряду с такими крошечными поселками были селения в несколько десятков юрт (и домов), состоявшие из представителей двух или нескольких родов (по преимуществу в сев. части района). Эти поселки обычно получали название от названия местности. «На правом берегу р. Мрассы, при впадении р. Анзас находится улус Анзас Дальне-Каргинской вол. из 20 домов». Вербицкий, Зап. за 1862 г., стр. 157. Вербицкий в Зап. за 1863 г. (Прав. обзор., 1864, стр. 151) писал: «Название аилов зависит от старшего члена в роде. Если же несколько разных родов живут в одном месте, такое селение называется уже не аилом, а улусом. Улусы большею частью носят название реки, при которой они расположены, или зависят от некоторых особенных признаков, которыми отличается местность». О характере поселений, названиях, количестве юрт и т. д. см. у него же: «Кочевья инородцев Кузнецкого округа по рр. Томи, Мрассе и Кондоме», Пам. книжка Томск. губ. за 1871 г.; Зап. за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1874 гг.; у Адрианова: Путеш. 1881 г., стр. 176—195; 1883 г. стр. 100, 103, 113.

šabał aγyγ — худая, скверная болезнь. Так шорцы называли инфекционные заболевания.

šabał nebe ajna akkelip tüžürtür — шаман скверную вещь, злого духа айну, приведя, спустил. Всякая болезнь приписывалась действию злых духов, в особенности инфекционные заболевания. Шаман, рассердившись на своих соседей, мог наслать на них злых духов (айна).

emde šoq połtur. — Осенью, как только выпадет снег (šap или šapγayy || šap qayy) и замерзнут реки, мужчины отправлялись на промысел. Во многих улусах оставались лишь женщины, дети и старики. Мальчики 12—14 лет, а иногда и еще моложе, уходили на охоту со взрослыми.

emdayy || emdegi — находящиеся дома женщины, дети; более узкое значение: женщина, жена.

qajyzy parybystyġar — некоторые из них ушли. Многие переселения шорцев происходили вследствие заболевания и смерти того или другого члена семьи. Во многих местах тайги можно было встретить брошенные нежилые юрты, а иногда и дома: их хозяева откочевали после смерти кого-нибудь из близких, и никто другой не решался в них поселиться. Около таких заброшенных поселений, якобы, бродит айна, съевший умершего, он наверно съест и других здесь оставшихся или вновь поселившихся. Тут же бродят и юзюты — души умерших родичей, возвращающиеся и навещающие живых сородичей. Такие переселения были крайне разорительны.

для шорцев. (См. о бросании улусов у Адрианова, Путеш. 1881 г., стр. 186, 329, у Вербицкого, Зап. за 1863 г., стр. 13.)

pā šer — Новая земля, название улуса в верховье р. Томи.

saγuḡ kōl — Желтое озеро, название улуса на р. Томи (Косой порог).

ōregi āl — Верхний улус, название улуса Чульджан в верховье р. Томи.

Название этого улуса происходит от имени шорца Чульджана, предка Чульджановых, рода Челей.

qaduḡ šuḡ — в значении голодный год. Во время гражданской войны в Сибири некоторые из шорцев из-за недостатка хлеба перекочевывали в Хакассию (обычные переселения шорцев «за хлебом» в степь). Многие переселенцы жили в работниках у богатых хакасов. Большинство перекочевавших шорцев позднее, в восстановительный период, вернулись обратно.

Текст 67

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

piḡge qattuḡur — вместе соединившись, объединившись.

Отправляясь на промысел, охотники объединялись в артели. От охотничьего же стана они расходились промысливать обычно поодиночке или парами. Наиболее опытный охотник (*ciḡḡ kīzi*) считался *raḡaḡšy* — руководителем, и все члены артели беспрекословно ему подчинялись. Артель состояла из родственников по отцовской линии (охотились в родовой тайге). С раснадом родовых отношений принцип родственный (сохранявшийся значительно дольше в южн. части тайги) уступил в известной мере свое место принципу территориальному. (См. у Адрианова: «Когда выпадет снег и установится зима, начинается промысел за зверем. На этот промысел всегда ходят небольшими компаниями или отец с сыновьями или лица из одного улуса, состоящие в дружеских отношениях», Путеш. 1881 г., стр. 320.) Личные качества охотника при комплектовании артели во многих случаях имели решающее значение. Возрастной состав артели бывал различный, от подростков, только что начинающих промысливать, до глубоких стариков. Во время промысла члены артели жили в одном шалаше, занимая каждый свое определенное место. Часто артель сообща закупала огнеприпасы. Добыча делилась поровну между всеми.

См. об охотничьих артелях у алтайцев С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, Барнаул, 1900, т. I, стр. 99: «Повсеместным явлением, характеризующим как промысловую охоту, так и добычу зверя на личные надобности у алтайских инородцев, нужно считать применяемое ими артельное начало. Правда, некоторые виды звероловного промысла не могут производиться без участия двух или нескольких лиц (охота «гонами»), но и там, где охота в одиночку, повидимому, не представляет потери, и там инородцы стремятся соединиться в артели из 5—10 и более человек. Объясняется это, конечно, самыми условиями данного промысла, затруднениями и опасностями, заставляющими промы-

шленников соединяться по нескольку вместе и гарантировать себя от возможных случайностей. Неодинаковый состав артели в значительной степени зависит от чисто местных условий промысла, больших или меньших буранов, метелей, трудностей в передвижении. Местожителство промышленников не имеет никакого значения при составлении артели, т. е. в одну и ту же артель часто входят жители различных айлов, а жители одного айла в разные артели».

teḡ üleš — равная доля. Этот обычай, который восходит своими корнями ко времени первобытно-общинного строя, стал использоваться позднее шорскими богачами для эксплуатации своих бедных сородичей. Сохранились только название и форма этого института, его же социальное содержание коренным образом изменилось. Бедный охотник, не имея с чем идти на промысел, отправлялся к богачу, и тот снабжал его огнеприпасами (иногда даже ружьем и капканами), запасом продовольствия, иногда и средствами передвижения, с тем чтобы по окончании промысла получить от промышленника половину добычи (*orta pölüş*). Другую половину охотник обычно также отдавал тому же богачу по назначенной этим богачом цене. Иногда богач сам просил тех или других искусных охотников пойти на промысел на условиях *orta pölüş*, снабжал их необходимым снаряжением и забирал половину пушнины. См., напр., у Юхнева, назв. соч., стр. 102: «Богатые инородцы не идут на звероловный промысел сами, а посылают от себя опытных и хороших охотников, которых снабжают всяким необходимым припасом: порохом, свинцом, талканом, курутом, солью, маслом, а если случится нужда, то и одеждой. Им дают лыжи, хорошее ружье, также одну или двух лошадей под съезд, т. е. на время промысла... По окончании охоты происходит дележ продуктов на 2 части, между богатым инородцем — хозяином и собственно промышленником».

Текст 68

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

Обычай выделять часть добычи даже тому, кто просто оказался на месте промысла или встретился в пути, широко был распространен у охотников шорцев и несомненно является пережитком господствовавших раньше первобытно-общинных отношений. Встарину случайно присутствовавший при коллективной охоте или подошедший человек наделялся мясом. Охотник, шедший с добычей, повстречав в тайге неудачливого охотника, делился с ним своей добычей. Если двое охотников нападали на след зверя и если шедший сзади настигал первого, когда тот еще не убил зверя, добыча делилась пополам; если охотник встречал другого до того, как он выстрелил в зверя, убитый зверь делился пополам. Ср. обычай *uḡam reḡ* — мою долю дай, у тубаларов (*uḡa* — букв. спина, бедро; в культе — лучшая часть жертвенного животного, Вербицкий, 407; *uḡa* — мясо дичи, которое получает человек, встречающий охотника, застрелившего животное, но еще

не снявшего с него кожу [если животное не съедобное, тогда он получает даже шкуру], Радлов, Опыт словаря, 1722) и обычай «южа» — у тувинцев. «Находка, убитая добыча, кроме пушнины, добыча воровского промысла, пишет Яковлев, составляет (у тувинцев) принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет „южа“, то добыча поступает целиком или значительной частью в пользование этого случайного встречного... И со словом „южа“ первый встречный волен отобрать добычу, за которой другой гнался несколько дней. Преступивший сказанный обычай подвергается определенному наказанию по суду 40—60 ударов палками» (Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины реки Енисея, Минусинск, 1900, стр. 66—67. См. также Ф. Кон, Собр. соч., т. V).

• tag ēzi tarunča — хозяин горы сердится. См. такое же воззрение у тувинцев: «Все земное находится, по старому представлению тувинцев, под особым покровительством духа неба и земли — ‘оран телегей’. Звери в лесах, рыба в водах, все это скот ‘оран телегей’, поскольку он допускает того или другого человека к убиению из своего стада, постольку он покровительствует этому человеку... И так, на промысле за дикими произведениями природы: зверем, рыбою, кореньями..., трудовому началу не отводится значительной роли, руководящая роль принадлежит случаю, а следовательно благоволению божества: „тебе оран дает, а ты почему не даешь; сегодня тебе дал, завтра мне даст!“» (Яковлев, назв. соч., стр. 67).

Текст 69

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qasuganar. — Гоним охотились на марала, оленя, козулю и лося. Животное гнали на лыжах по глубокому снегу или по насту до тех пор, пока оно не падало в изнеможении на снег, и убивали палкой от лыж или закалывали ножом. Лося старались убить из ружья. В прежние годы дикие козы подходили к самому улусу Томазак; коз гнали или на лошадях, когда снег не был очень глубоким, или на лыжах. Точно так же, заметив след козули в тайге, охотник гнался за нею до тех пор, пока она, обессилев, не падала. Охотник убивал замученное животное палкой (kürçek, kürek). Гоняли на лыжах по рыхлому снегу лисицу, гоним охотились на росомаху и рысь.

edin terege şıŋar kel — в шкуру обернув. Прообраз волокуши — sörtke, в которую охотники завертывали добычу, а также везли на промысел продовольствие и охотничье снаряжение.

tarqan et — букв. найденное мясо.

paŋa imi sajur — сеть на выдру. На выдру охотились в тайге и зимой и летом. Ее убивали из ружья, подкараулив у прорубей, в полыньях рек (зимой). Напав на след выдры, ставили самострелы и капканы (летом).

Коллективно в осенний период охотились на выдру сетью ‘paŋa’. Выследив с собаками выдру, ставили на речке две загородки. Одна загородка была сплошной, в другую, которую устраивали ниже первой по течению реки, помещали сеть-рукав (paŋa). Один из группы охотников вставал около сети, другой (с ружьем) у верхней перегородки, остальные двигались по берегу, ударяя по воде палками. Выдра бросалась вниз по течению и попадала в сеть; если она плыла вверх, то ее убивал охотник у верхней перегородки; если же она выходила на берег, ее хватили собаки или убивали идущие по берегу. С сетью охотились на выдру и вдвоем.

Текст 70

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Бельсу — приток р. Томи в ее верховье; pel suŋ — таймень-вода, таймень-река, т. е. река, в которой водятся таймени.

engenerde ~ engennerde; см. также urŋanarŋa ~ urŋannarŋa.

Человек, который хоть один хвост белки от товарищей утаит, нехороший человек. — Утаить пушнину, добытую при артельной охоте, считалось позорным поступком для шорца. Этот рассказ отражает обычай шорцев, связанный с первобытно-общинными отношениями в охотничьих артелях, а именно равный дележ добычи, независимо от выполняемой работы. См. о том же у алтайских тюрков: «По окончании промысла артель производит раздел добычи, т. е. шкурок, поровну на каждого участника артели, вообще на каждое ружье, и в этом отношении инородцы, отправляясь на промысел лет с одиннадцати, сразу же получают полный пай. На вычные лошади, вывозящие продукты из тайги, никакого пая не идет. В раздел идет сама пушнина добытого зверя, или предварительно продают пушнину и затем делают деньги» (Швецов, назв. соч., т. I, стр. 98).

Текст 71

(Род Шор, р. Кондыма, ул. Осинники)

satyş-čörseŋner — торгуня ходили. Торговля была основана на местном посредничестве. Шорские торговцы получали кредит у русских купцов и им же сдавали выколачиваемую самым хищническим способом (обвешиванием, спаиванием и т. д.) у своих сородичей пушнину и орех. Ядринцев пишет: «Около Кузнецка есть весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдаленными и более чуждыми инородцами лесов» (Сибирские инородцы, стр. 93). См. у Адрианова: «Инородцы жители Осинников, богатство которых исчислялось десятками тысяч, уже не промышляют, а скупают пушнину через своих агентов, разбросанных в разных пунктах черни» (стр. 318—319) и у Вербицкого:

«Между инородцами, как и везде, есть богатые и бедные. Последние одолжены первым и находятся у них в качестве приказчиков. Все, что добудет бедный инородец, сбывает своему богатому собрату, весьма за умеренную цену, а этот уже доставляет своему танышу — приятелю из купцов также с небольшой пользой». (Алтайские инородцы, стр. 17). Также у Швецова: «Вообще в эту горячую пору (во время добычи ореха) происходит усиленная деятельность как среди самих орехопромышленников, так и среди скупщиков продуктов промысла — многих мелких и крупных торговцев. Последним приходится готовиться к промыслу, пожалуй, даже энергичнее, так как для них период орехового промысла является самым серьезным моментом коммерческих операций: им представляется собрать долг с должников, проехать всю чернь вдоль и поперек, и прежде всего заготовить для промышленников весь необходимый для него товар, и действительно в чернь свозятся громадные запасы товаров, начиная с мелочных предметов, ножей, обуви и проч. и кончая партиями живого рогатого скота, пригнанного на убой» (стр. 24).

tavaḡ — от русского слова товар. Товаром шорцы обычно называли покупную материю.

amnat ~ abanat. О долгах см. у Юхнева: «В черневой части (у северных алтайцев) белку берут больше „подрядную“, т. е. когда на год под будущую добычу промышленник берет деньги и товар. Наезжие торговцы появляются в ноябре месяце и задают промышленнику все необходимое... Нужно не забывать, что такой торговец, по его собственному показанию, должен в то время, когда рассчитывается за старый долг, и что такое дело идет из года в год» (стр. 109, 33).

quzuq alšepner ~ alšapnar. Ореховым промыслом по данным 1900 г. было занято 31.5% хозяйств на р. Мрассу и 28.2% — на р. Кондоме. (Миротворцев, ук. соч., стр. 25; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 319). Орех попадал в руки скупщиков и вывозился из тайги в большом количестве. Он шел почти целиком в уплату долга. «Мед и орехи при всех обилии в иной год не служат для инородца пищевыми средствами — они составляют собственность кулаков скупщиков из своих же инородцев или русских, которые вперед зададут товар или деньги под орех, мед и воск и потом уже их взыскивают» (Адрианов, там же, стр. 309). «Звериные шкуры и орехи кочевые инородцы, по заведенному издавна порядку, сдают своим зажиточным собратям по обоюдному условию, а те привозят и продают уже торговцам в Кузнецк» (Журн. МВД, 1858, V, стр. 16; см. также Адрианов, стр. 318).

sadyḡsū — речь идет о торговце Н. Куртугеше в улусе Осинники. «Эту деревню, т. е. Осинники, знает вся чернь, потому что находится у нее, т. е. у торговцев этой деревни, в кабале; из года в год чернь работает и промышленляет на осиновских богачей, которые задают своим крещеным и некрещеным сородичам деньги под будущий урожай ореха по 60—80 коп. за пуд с тем, чтобы за каждый недоставленный пуд орехов в срок в будущем году доставить два; чаще всего и охотнее всего дают в долг не деньги,

а такой ходкий у инородцев товар как водка, табак, порох и пр., разумеется по баснословной цене... Подобно орехам покупают мед, воск, белку и вообще звериные шкурки и с такой же неустойкой» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 174).

Адрианов следующими словами характеризовал шорских баев — торговцев: «Теперь он забыл об интересах, общих его роду, и знает только свой интерес, свое богатство, основанное на обирании своих собратьев... Сбывать в тайге низкопробную водку, задавать товар под орех, пушнину, мед и воск и скупать их за бесценок или брать двойные неустойки, промышленлять хищническим золотом — сделалось любимой его профессией. Он так сдружился с русским торговцем, что составляет с ним компанию, союз для обирания сородичей, служит ему переводчиком, помощником и самым надежным посредником, знающим обычаи страны. В крещении он нашел средство избежать кары за преступление, — он крестится, когда это выгодно ему» (Кузнецкий край, стр. 299—300).

Текст 72

(Род Четибер, низовье р. Мрассу)

aštašapnar — голодают. Особенно тяжелым был для таежного шорца период весны, когда жалкие запасы хлеба, полученного с крошечных пашен, а в большинстве взятого в долг от скупщика под пушнину и орех, истощались и когда кандык и другие дикорастущие растения еще не появились. См. у Вербицкого: «У многих инородцев к весне не остается ни муки, ни ячменя и они питаются тогда единственно только корнями полевых лилий кандыка и сараны» (Зап. за 1863 г., Прав. обзор., 1864, стр. 148).

raḡ aḡa kelšep. — Скупщики старались приехать сами или прислать своих приказчиков как раз к моменту возвращения промышленников с добычей из тайги, чтобы захватить пушнину. См. Юхнев, Горный Алтай, стр. 35: «Ему (промышленнику в тайге) не нужно везти продукт домой, потому что легче и удобнее сбыть его здесь же на месте промысла. А если ему понадобится даба, хлеб, свинец, все это доставит тут же более предусмотрительный человек, который задолго до выезда в чернь объедет все аулы и селения и снабдит инородца необходимыми продуктами. Под будущий урожай он даст ему денег, а если инородец откажется, будет предлагать и навязывать до тех пор, пока тот не соблазнится всеми выгодами этой простой операции. А затем он приобретает над ним те громадные права, которые навсегда закабаляют его в руки этого всемогущего царя глухой тайги».

amnatqa čüššep ~ tüššep — в долг попадал. См. у Миротворцева: «Благосостояние первых, торговцев низовья р. Мрассу, всецело создано эксплуатацией последних, охотников верховья этой реки. Первые — торговцы-кулаки, вторые — вечные должники-покупатели» (Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 26).

Текст 73

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

rajlanar ~ rajlaṭanar. — См. у Ядринцева, назв. соч., стр. 94: «В торговлю кинулись зажиточные крестьяне и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатства. В Кузнецком округе эти торговцы татары, крещенные и некрещенные, заменяют русских торговцев, не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам».

Текст 74

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

čatčayan ~ čatčatqan.

aṭa iṣ-re. — Задолжавшие охотники, будучи не в силах расплатиться с богачом, должны были отрабатывать долги. Они работали в хозяйстве богача, на ряду с его батраками.

Текст 75

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

ragys — русск. барыш. Как правило, торговцы за данную охотнику в долг вещь получали значительно дороже ее стоимости. Кроме того, богачи давали деньги под ростовщические проценты. Особенно часто охотники прибегали к займам в наиболее трудную минуту — уплаты ясака. Были богачи, которые уплачивали ясак за всю волость и таким образом закабляли охотников, присваивая ежегодно их труд. Вербицкий следующими словами характеризовал этих торговцев: «Общий их порок — лихоимство, без больших процентов не ссудят бедного» (Христ. чтение, 1862, стр. 553).

Текст 76

(Род Четибер, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

tomazaqtuṇ rajlaru — богачи ул. Томазак, т. е. Мысков. В этом улусе, как и в соседнем улусе Красный Яр (qyzuṭ čar), было несколько очень крупных богачей (напр. Тодышевы). Об этих богачах Радлов писал (Aus Sibirien, Leipzig, 1884, стр. 348): «Большая часть жителей Красного Яра занимается торговлей. Эти торговцы ведут торговлю скотом и товарами в верховьях реки Мрассу, богатство этих селений свидетельствует о том, что торговля эта выгодна».

tom-azaq — букв. нога Томи; azaq — место, где что-либо кончается; ср. artyuṭ-azaṭṭ 'конец переката и начала плёса на реке'.

tanyš kižilerge — приятелям, знакомым людям. Торговцы (купцы) гор. Кузнецка (реже Томска) сами не ездили в глубь тайги. Они имели в ближайших к Кузнецку шорских селах (прежде всего в Абинцах) приятелей-танышей. Они давали этим своим танышам товары, которые те, проникая в самые отдаленные углы тайги, и обменивали на пушнину и орех. Затем, когда эти таныши сами наживались на этих торгово-посреднических операциях, обосновывались в своих селениях как 'баи' или даже как 'кожайын', они продолжали свою ростовщическую торговлю уже при помощи своих танышей или работников. Каждый богач обыкновенно имел в тайге свой определенный район, где он скупал пушнину у шорцев или сам или при посредстве своих родственников или приятелей-приказчиков. См. у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 17: «Обороты (торговые) происходят следующим образом: осенью таныши являются к своим купцам с боченком вина и после благожеланий с обеих сторон распивают его, без чего никаких операций торговых здесь не бывает и быть не может. По угощению купец ведет танышей своих с их женами и детьми в свою лавку. Таныши набирают товар, какой поглянется, каждый от 100—300 рублей серебром, укладывают во вьюки, заходят опять в дом к купцу, справляются с боченком, и на прощанье, кроме товара, еще получают денег по 50 рублей и более, смотря по состоянию, для собственных оборотов. Чем проще купец держит себя в обращении с инородцами, тем более у него танышей, а чем более последних, тем успешнее идет его торговля. Таныши, возвратясь в свои кочевья с деньгами и товарами, раздают и то и другое своим приказчикам в долг же. Между тем время идет, вот высыпает и снег, шубка на каждом звере делается пушистее и ценится дороже...» Многие шорские торговцы уже не довольствовались торговыми связями с Кузнецком и Томском и сбывали скупленную пушнину на ярмарках в Ирбите.

tük maṭ — букв. пушистый или шерстистый скот.

qalṭanu ajmaq — последний улус, т. е. улус наиболее близкий к месту промысла. До последнего улуса охотников и их припасы часто довозили на лошадях, туда же обычно ездили встречать охотников. Там же собирались скупщики, чтобы во-время захватить охотника с пушниной, спонить его и забрать у него на месте за бесценок пушнину. Нажившиеся торговцы собирали сами пушнину обычно только из ближних районов. Они рассылали по тайге своих работников, которые за нищенскую оплату должны были рыскать по тайге и перехватывать охотников на таежных тропах, чтобы успеть забрать за долг их пушнину прежде чем те попытаются сдать ее «чужому» богачу. Богачи посылали также собирать пушнину приказчиков (на процентах), своих танышей, которых снабжали деньгами и товарами. Такие пустившиеся в посредническую торговлю шорцы часто разорялись предприимчивым и ловким баем, который при их возвращении сбавлял цену, назначенную при их отправке. Из числа этих же посредников вырастали новые эксплуататоры.

Текст 77

(Род Карга, ул. Сага, р. Мрассу)

qurğustar — киргизы.

С киргизами с давних пор приходилось сталкиваться шорцам. Киргизы считали шорцев своими данниками-киштымами. «А киргисские же князьцы, говорится в акте от 1643 г., сказали кузнецким служилым людям, что мрасские и кондомские ясашные люди — киштыми их киргизские... и пришли де к ним кормиться» (Ивн. Кузнецов. Исторические акты XVII столетия. Материалы для изучения Сибири, 1890, стр. 8). И, действительно, шорцы принуждены были уплачивать киргизам албан — дань и терпели от них жестокие притеснения. Так, Миллер в 1750 г. писал: «Кузнецкие татары не знали еще над собой никакой чужой власти и жили в природной своей вольности, кроме что иногда киргизы, яко хищный народ к их жилищам подъезжали и тогда сие татары откупались у них подарками... для освобождения себя от полону или от горшего еще злоключения» (Описание Сибирского царства, СПб., 1750, стр. 417). Но у киргизов и шорцев был общий враг — царское правительство, против которого они объединялись. Так, отрядам казаков, отправляемым за сбором ясака к кузнецким татарам, приказывали: «Учините крепость, чтоб кузнецкие люди, с киргизскими людьми соединясь, служилых людей не побили» (1610). Исторические известия неоднократно упоминают о совместных действиях кузнецких татар-шорцев и киргизов, заинтересованных в судьбе своих данников, против русского правительства. В донесениях 1610 г. говорится: «И велели де, государь, им (кузнецким татарам), киргизские люди о том весть учинить себе, как твои государевы служилые люди придут в кузнецкие волости для твоего государева ясаку, а киргизские де хотят быть с ними по вестем в кузнецы и, с кузнецкими людьми соединясь, хотят побить заодно твоих государевым служилых людей» (Миллер, стр. 421—428). Эти совместные оборонительные действия часто переходили в открытые нападения на русские крепости. Так, «государевы изменники, киргизские и ясашные люди... и кузнецкие люди приходили войной на Томск в 1614 г.» (Миллер, стр. 451).

sağaj şanpaç — из страны Сагая. Имеет значение: сагайцы и сагайская степь.

köbür suğ — букв. уголь-река, угольная река.

tajas ~ tajys — букв. мелкая (река), приток р. Кобырсу.

tura — изба, город, tura; aba tura — называли шорцы в прежнее время город Кузнецк (Сталинск).

Sağa — улус на берегу р. Мрассу выше устья Анзаса (sağa — широкая площадь берега, которую огибает река, косогор).

mał-quş — скот-птица, в значении: весь домашний скот. Ср. aq quş — зверь-птица, промысловые звери, добыча.

qurğustar şuqqan şabal qaja. Названия некоторых местностей в горной Шории связаны с пребыванием там или с набегом туда киргизов. Так, в верховье Томи есть болотистое место, которое местные шорцы называют qurğustar ködrezi — болото киргизов. По р. Кобырсу, недалеко от ее впадения в р. Мрассу, шорцы рода Кобый, указывая на тропинку между горами, называют ее qurğys şuqqan şol — путь, по которому шли, поднимались в гору киргизы.

Текст 78

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасск. авт. обл.)

aqğys ~ aqsys ~ asqys — название реки, впадающей в р. Абакан.

Текст 79

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

Этот рассказ указывает на давность земледелия в тайге. Упоминания о земледелии имеются и в исторических актах. См., напр., донесения 1622 г.: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и Бр... се (Мрассе) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие есашные люди камень..., а живут они в горах, а на горах растет всякий лес и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю» (Сборник Хилкова, СПб., 1879, стр. 191). О земледелии у шорцев см. у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются мало и допотопным образом: роют землю абылом, вроде закругленной мотыги; сеют пшеницу и ячмень. Уборка этих хлебов производится так же, как и льна: растение выдергивается с корнем. Собранный хлеб связывается у колосьев в небольшие пучки...» (Зап. за 1861 г., стр. 27); см. также Риттер, Дополнения, стр. 486—487; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 194, 195, 316; A. Radloff, Aus Sibirien, стр. 300; Миротворцев, Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 18—20 и др. Земли (склоны гор), годные для пашни, принадлежали всему роду, пользовались же ими отдельные төл'и этих родов и позднее индивидуальные семьи. См. у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания» (Зап. за 1864 г., Прав. обзор. за 1865 г., стр. 155; о том же Radloff. Aus Sibirien, стр. 357).

taptur — заставляя найти (хлеб). См. исторический акт, относящийся к 1675 году: «Были во всех волостях на Кондоме реке... белые калмыки и из ясашных людей имали на себя алманы ячменем и соболями и всяким зверем и железом и кожами красными» (Дополнение к актам историческим, т. VII, стр. 332); также шорское предание, согласно которому живший около горы Каракуш князец Аржан, владевший двенадцатью волостями,

платил джунгарскому или ойротскому хану ман железом и толокном ячменным (Вербицкий. Зап. за 1865 г., Пр. обозр., 1866, стр. 74).

чан — берестяной чан, куда складывают хлеб на зиму. Шорцы часто оставляли на зиму зерно на пашнях, сжигая его в берестяные чаны, поставленные на деревянных помостах.

šejne ~ šendi bažu ~ šeņe ~ šeņme ~ šegene — пион (*Paeonia anomala*).

małtyrγan || pałtyrγan — борщевник (*Hieracleum*).

Между прочим, эти растения употреблялись в пищу вплоть до Октябрьской революции бедными шорцами. См. также у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 15: «Люди бедные в летнее время питаются одними только кореньями и травами, кандыком, сараной, корнем *Paeonia anomala*, борщевником *Hieracleum*, травой кежуне (вроде дягиля) и колбою (*Allium ursinum*)».

Текст 80

(Род Кобый, ул. Анжуль, Хакасск. авт. обл.)

Легенды об уходе киргизов в связи с появлением деревьев существуют в большом количестве и у абаканских тюрков. (Ср. Катанов, Алф. указ., стр. 6, 26.)

Текст 81

(Род Кобый, р. Кобырсу)

qobuydañ. — Кобый является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой. Род Кобый, как и другие роды южной части Горно-Шорского района, где сохранилось значительно больше пережитков родового строя, был расселен в основном на одной определенной родовой территории, по реке Кобырсу. Ср. у Адрианова: «Каждый род занимает какой-либо район, и если занимает место обитания другого рода, то только отдельными семьями» (Путеш. 1881 г., стр. 325) и у Георги: «Каждое колено живет особо и в своих собственных рубежах» (о кузнецких татарах в 1799 г.; ук. соч., стр. 141). Часть этого рода живет и в Таптыпском районе, в юго-западной Хакасии. Между прочим, среди сагайцев имеется также род Кобый. Управа, позднее волость, в ведении которой находились члены рода Кобый, сохраняла родовое название Кобыйская.

tuñ — русское слово дума. Рассказы об общих «думах» шорцев и абаканских тюрков являются воспоминанием о былых тесных взаимоотношениях между населением тайги и их соседями — степняками.

Текст 82

(Род Кобый, ул. Анжул, Хакасск. авт. обл.)

töö — приток реки Абакана.

paštyq от paš — голова; pašta — руководить, начинать, предводительствовать. Должность паштыка, бывшая некогда выборной, ко времени русского завоевания стала уже наследственной (с 1880 г. стала вновь выборной). Некогда весь род (все взрослые члены) выбирал паштыка, руководствуясь его личными качествами: умом, ловкостью в звероловном промысле, опытом, красноречием и т. д. Паштык был «защитником интересов и кровных нужд рода». Некоторые подробности выборов паштыка, сохранявшиеся еще в конце XIX и нач. XX века (Кобыйский šon), указывают на былую свободу выборов, на избрание всеми наиболее опытного и уважаемого сородича. Выбирать, назначать паштыка — paštyq tudarγa букв. означало: хватать, держать паштыка. На собрании всего šon'a (в данном случае рода Кобый) называлось имя кандидата. Кандидат должен был долго и настойчиво отказываться и называть имена более достойных кандидатов. Если же собрание настаивало, он должен был бежать. Все бросались за ним, догоняли. Каждый должен был ухватиться за него. Тогда кандидат опять долго отказывался. Толпа кричала и не выпускала избранника. Тогда избранный, видя, что «все держатся за паштыка», кланялся и говорил: «še, andig roγanda šonniñ uñun ištejin! — ладно, коли так, то послужу я за народ!» Царское правительство постаралось сделать из паштыков своих чиновников. Им были поручены сбор ясака и разбор мелких судебных дел. Паштыки, с тех пор «родовые только по названию» (Миротворцев, 13), наживались на сборе ясака, на судебных взятках и т. д. Освобожденные от уплаты ясака, обслуживаемые даровым трудом своего šon'a, они сомкнулись как с русскими чиновниками, так и со своими торговцами, стали эксплуататорами своих сородичей. (См. царскую грамоту Кузнецкому воеводе Федору Баскакову, о пожаловании мрасского улуса татар Кунестея Изерекова князем, а Карачая Ишлычакова ясаулом, за их службу. Акты исторические 1842, кн. IV, стр. 148.) О паштыках этого периода, эксплуататорах и угнетателях своего народа, писал Адрианов в 1881 г.: «Башлык потерял прежние прерогативы и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты, не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа» (Кузнецкий край, стр. 294). Когда миссионеры стали распространять свое влияние на Кузнецкую тайгу, паштыки оказывали на первых порах им упорное сопротивление. (См. у Вербицкого: «Старшины просят от крещения народ их освободить», Зап. за 1869 г., Душепол. чтение, 1871, № 7.) Миссионеры добились отмены наследствен-

ного права паштыков (1880). Должность паштыка стала выборной (на 3 года). Затем они добились распоряжения о назначении паштыков лишь из крещеных шорцев (1897) («О. Макарий всегда настаивал перед начальством, чтобы новокрещенные инородцы управлялись башлыками крещенными же», Зап. за 1860 г., стр. 8). Паштыки сомкнулись и с миссионерами и способствовали христианизации своих сородичей (см. у Вербицкого: «Все лучшие люди, напр. башлыки и другие, непременно крестятся», Зап. за 1874 г.). В 1912 г. вместо родовых соп'ов, несмотря на сопротивление и недовольство шорцев, были образованы волостные управления, а паштыки заменены старшинами.

uš-emček — название горы в Хакасской авт. обл., букв. три соска (груди).

tag tajug — родовое жертвоприношение горам. См. Катанов, Образцы, т. IX.

čazydayu qobujlar — кобийцы, находящиеся в степи.

čyštayy qobujlar — кобийцы, находящиеся в тайге.

На родовое жертвоприношение сходились вместе таежные и степные кобийцы, и здесь же они обменивались своими продуктами. Духу горы таежные кобийцы приносили в жертву рыбу и кандык, а степные — продукты скотоводческого хозяйства. Это предание указывает на зачатки натурального обмена у шорцев. Исторические источники XVII—XVIII вв. говорят о развитом обмене между шорцами и соседними племенами, от которых шорцы получали продукты их скотоводческого хозяйства (лошадей, коров и овец, тулупы и войлоки) в обмен на железные изделия (панцири, бехтерцы, котлы и абылы). Это же подтверждают путешественники XVIII в. Так, Паласс сообщает о том, что шорцы связи корней кандыка меняют на молочные продукты (ук. соч., 489). И значительно позднее шорцы ездили «в степь» обменивать мед, воск, орех на хлеб, овчины и согумов. Русская торговля, развивавшаяся в половине XVIII в., имела также, особенно на первых порах, характер обмена. Шорец на пушнину выменивал завозимые в тайгу товары.

Текст 83

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

qazaq — синоним русского. Первые русские, с которыми встретились шорцы, были казаки.

ojrot qan — очень возможно, что эта легенда является отголоском сражения русских с калмыками, которые, так же как и киргизы, совершали набеги на шорскую тайгу. См. у Миллера: «Некоторые же (кузнецкие татары), упорствовавшие в своей покорности и заплатившие ясак (русским), были жестоко наказаны калмыками, которые увели их женщин и детей, а частью попленили их самих, частью же наложили на них вторую дань,

потребованную готовым железом... и всякого рода мехами». Sammlung, т. VIII, 162, 295; о том же см. Акты исторические, кн. IV, стр. 59. Ср. легенду о нападении ойротов у Вербицкого (Зап. за 1867 г., Прав. обозр., 1868, стр. 4).

tüşšen ~ түшкен.

qolug ~ qollug.

Текст 84

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

oqsa — лук. Исторические известия и путешественники XVII—XVIII вв. неоднократно упоминают о луках и стрелах у шорцев. По количеству луков определялась даже численность родов. Так, Паллас (Путешествие, 1786 г., ч. III, стр. 508) указывал, что «кобийское поколение состоит из 53 луков, а каргинское — из 40» (имея в виду часть рода Кобый и Карга, живущих в юго-западной части Хакасии). Георги (Описание, стр. 162) писал об абинцах: «Они разделяются на несколько аймаков или колен; но все вообще платят подать только с небольшим за сто луков или душ». Г. Миллер (Описание сибирского царства, 1750, стр. 417) сообщал о кузнецких татарах, «что иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали и тогда сии татары откупались от них подарками, давали им своей работы котлы, таганы, стрельы». Луки же брали от кузнецких татар и русские завоеватели в ясак «в соболей место» (Акты исторические, т. III, стр. 374). Луки с сайдаками и стрелами упоминаются в отписках и рапортах (см., напр., Потанин, Материалы для истории Сибири, стр. 81, 89, 99—100). Ружья, фитильные и кремневые, сменили лук и стрелы, но они употреблялись до последних лет, при охоте на мелких зверей и для стрельбы в рыбу (см. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. РГО по общ. геогр., т. XI, СПб., 1888). Лук и стрелы сохранились в детских играх и в культе. О луке на могиле умершего охотника см. Вербицкий, Зап. за 1863 г., стр. 7.

Текст 85

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

mystag ~ pustag — лед = гора, ледяная гора, одна из наиболее высоких и наиболее почитаемых гор.

qaluyq tajyaya-tezip — убежав в тайгу. О случаях бегства данников от сборщиков ясака и албана имеется ряд исторических известий. Так, в историческом акте от 1675 г. говорится, что «из Кондомских и из Мрасских волостей, не хотя великому государю ясаку платить, от ясажного сбора бегали» (Дополнение к актам историческим, т. VII, № 72, стр. 335). В донесении от 1752 г. указывается, что «Мрасской волости башлык

(паштык) Ебога со своей волости алману за 7 не отдавал, и бегают от них (калмыков) со своей волостью» (Г. И. Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 67, 86, также в рапорте 1745 г., стр. 86).

tebir (temir) — железо. Исторические известия и остатки рудных разработок говорят о добыче и обработке руды, широко практиковавшихся в прошлом в кузнецкой тайге. Так, в сибирских летописях, в актах и донесениях XVII и XVIII вв. указывается: «Вверх Томи же реки острог Кузнецкий, тамо варят железо, железо же земли тоя добро» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1769, стр. 403). «Пленный поляк, возвращенный из Кузнецов, поведаши ми чудеса об обилии железа доброго у оных людей, кои постоянно и искони недаром добыли себе это имя и зовутся Кузнецы. Он рассказывал, яко тамо живут некие пугливые и странные люди народа татарского, Кондобская и иные некие орды. Копают железо и куют железные горны, котлы, меденики, малые и великие. Како коли кто запросит, хотя бы по величине самую большую кадь, а куют за малу цену: дай ему ячменя мех и он тебе даст железен горн или меденник. А железо оно есть предне добро» (Русское государство в половине XVII в., рукопись времен царя Алексея Михайловича, открыл и издал Бессонов, М., 1860, стр. 60).

Железо с кузнецкого Алатау шло в уплату дани киргизам и калмыкам: «а теми кузнецкими людьми всеми, говорится в донесении, владеют колмацкие люди, ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным» (Сборник Хилкова, стр. 191).

Посланцы русского царя также забирали в ясак железные изделия. В донесениях сообщается: «На 148 год кузнецкого уезду с ясачных людей взято за двадцать за девять соболей лук телеской, шапка, да двадцать один таган железный и оставлены в кузнецком остроге» (Акты исторические, т. III, № 216, стр. 374).

Способ выплавки руды был и оставался до конца XVII и половины XVIII в., времени полного прекращения добычи железа, крайне примитивным: «кузнецы же словут, потому что ясачные люди государственные тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек, трех терсий камней берут и жгут, плавят железо и куют вместо наковальни на камени ж, а железо то кузнецкое и уклад велми добр и мягко железо аки свинец». (А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 76, также: Сибирские летописи. Описание Сибири. Изд. Арх. Комиссии, 1907, № 382). См. о примитивном способе обработки железа: (на р. Кондоме) — Gmelin, Reise durch Sibirien. Göttingen, 1751, т. I, стр. 286; (на р. Томи) — Георги (1799), ук. соч., стр. 163. Кузнечество существовало у шорцев наряду с охотой и мотыжным земледелием. См. Георги: «Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве» (стр. 162); Риттер: «Главный промысел их был звероловство и плавка железа» (по рук. Плаутина, 1745 г., стр. 486).

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

Крылья делили. Легенды о дележе перьев орла или беркута известны и у других шорских родов. Спор при дележе орлиных перьев отмечен также в sögüş — насмешках над отдельными родами. См. также Вербицкий, Словарь, стр. 158, о роде: Кый «qujqcyn sügüzün talažur, qujlar kešim alytyn ға kirgen — споривши об орлиных перьях, кыйцы забились под кичим». (Ср. песню тувинцев: «Как на макушке гнилой лиственницы осталась твоя стрела, снабженная орлиными перьями». Катанов, Образцы, IX, стр. 16.) Фишер упоминает об орлиных перьях, как составной части албана, взимаемого чжунгарами: «Контайша... в 1841 г. (на барабинцев) наложил несносную дань, ибо с каждой семьи требовал... и по несколько орлиных перьев на опушку стрел»; в рапорте 1745 г. доносится: «А того де алману платят они повсягодно с каждого человека по одной лисице, а буде лисицы нет, по одному речному бобру или по полкожи красных, а буде и того не имеется, то по 20 стрел без перьев и к ним для опушки по 5 крылов орлиных». (Потанин. Материалы для истории Сибири, стр. 64, и Сибирская история, СПб., 1774, стр. 441; ср. также Томские губ. вед., 1859, № 13); ср. легенды сагайцев. — Катанов, ук. соч., стр. 581, 585.

qarğa — букв. ворона, тотемное название рода. Род Карга живет в основном в Усть-Анзасском сельсовете по реке Мрассу и ее притоку Анзас. Карга является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой, и названием волости. Волости, образованные при административном делении Кузнецкого округа, в большинстве своем совпадали с родовыми делениями (к волости приписывался род со своим паштыком или, реже, часть рода). Были волости, состоящие из двух родов, и волости, образованные из частей родов. См. у Адрианова: «Некоторые волости совпали с родовым делением... Другие волости раздробили поколения инородцев и составились из частей нескольких родов». (Кузнецкий край. Живописн. Россия, XI, 294; Путеш. 1881 г., стр. 336.) «Все черневые волости Кузнецкого округа, — пишет Вербицкий, — носят два названия, официальное и народное, напр. Итиберско-Шерогашевская — Каларская (род Калар), Карачерская-Шорская (род Кара-шор), Мрасско-Изушерская — Таяжская или Тажаская (род Таяш)». (Зап. за 1862 г. Прав. обозр., 1863, стр. 149, 157 и др.). Ыон (на р. Мрассу, на р. Кондоме — qalan) — волость управлялась паштыком. Дела Ыон'а (выборы паштыка и есаулов, споры и тяжбы, раскладка ясака и т. д.) решались на собрании Ыон'а (čylyg), устраиваемом летом (июль), на котором присутствовали лишь мужчины, члены рода или родов, входящих в состав Ыон'а. (О собраниях Ыон'а по поводу сбора ясака см. Адрианов, Путеш., 1881 г., стр. 337; Вербицкий, Записки миссионера за 1867 г., стр. 9.) Принадлежность к Ыон'у определялась не местожительством лица, а принадлежностью к роду, входящему в состав Ыон'а (подчинением паштыку). Ыон'ы существовали до 1912 года и были

заменены волостными управлениями, которые объединяли несколько прежних родовых *šop'ov*.

saıuñ qarǵazy polup čada, bergenner — букв. став водяными Карга, жить стали.

Три брата на три стороны расселились — в этой легенде отражен процесс почкования и деления родов.

Текст 87

(Род Карга, р. Тöö, Хакасс. авт. обл.)

См. подобные легенды у абаканских тюрков (Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Зап. по отд. этнографии РГО, 1909, XXXIV).

Текст 88

(Род Кобый, ул. Анджул, Хакасс. авт. обл.)

ordo taǵdañ šyqtylar — вышли из горы Ордо. По шорским легендам, предки некоторых родов произошли от гор. В некоторых легендах говорится, что эти предки росли в медных колыбелях, находящихся в горах. В этой связи интересно отметить, что многие шорские предания описывают смерть родовых предков и знаменитых богатырей как уход в горы.

Текст 89

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Ałabej — по одним рассказам был предком рода Кобый, по другим — предком рода Кызай.

qalıtal — плёс на р. Мрассу ниже ул. Сага.

tebir qıjaq — железный панцырь, кольчуга. Как в легендах, так и в героическом эпосе, постоянно упоминается *tebir qıjaq*. О куюках же говорится и во многих исторических памятниках XVII и XVIII вв. Так, томские казаки в 1700 г. сообщали начальству: «Араптана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки нападают на Томский уезд человек тысячи по 3 и болши и менши с ружьем, с пищальми, с коньми и с сайдаки и с сабли, в пансырях и куюках и иных воинских доспехах» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. V, 1882, стр. 2). О том, что коренное население северного Алтая умело выделывать оружие из железа и являлось поставщиком этого оружия, имеется ряд указаний. Еще на рубеже XVI—XVII вв. (1604 г.) томский князец указывал московскому царю на то, что «в Томской вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железа стрельные и котлы выковывают» (Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. III, стр. 214). Кузнецкие люди были при-

нуждены снабжать киргизов и калмыков некоторыми видами оружия, в том числе и куюками. Так, в акте от 1714 г. говорится: «В прошлом в 1713 г. во всех ясашных волостях с ясачных татар велел он Манзу готовить на контайшу алман всякому человеку по 30 полиц куюшных да по 30 стрельных железков, по 2 горшка железных по наковалну, по 2 молота, да по клещам» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 319). Русское правительство прекрасно учитывало всю опасность такого снабжения, с другой стороны оно не прочь было само воспользоваться подобного рода оружием. Из Кузнецкого острога сообщали начальству: «Колмацкие люди опричь кузнецкие земли никакого оружия купити не добыть негде» (Сборник Хилкова, стр. 192). А в наказе воеводе Евдокиму Баскакову 1662 г. предписывалось: «Кузнецких и ясачных людей всех привести под государеву царскую руку и ясак имати на государя соболями и всякую мягкую рухлядь, и шеломами и рогатинами и саблями, кому чем мочно ясак государю давать; а колмацким бы людям отнюдь ясаку давать не велеть и с колмацкими людьми торговати им опричь соболей, железом, шеломами и панцырями и рогатинами и саблями не велети» (Сборник Хилкова, стр. 194).

ałabej ijgi tyrǵaıyn šaıyštırǵanda, ottuǵ šaıyn šyır cduıǵan. Интересно, что получение огня связано с предком. Этот мотив несомненно генетически связан с легендой о получении огня от птицы (см. № 54, 55), вероятно, тотемного предка. Между прочим, роды Кызай и Кобый приписывали своему предку и появление ячменя. В одной из легенд рода Кобый по этому поводу говорится, что у их предка Тебир Кириш'а (букв. 'железная тетива') из пупа вырос колос ячменя и отсюда их род впервые получил зерно. Легенды также рассказывают о том, как люди родов Кызай и Кобый дали своим соседям (живущим выше по течению р. Мрассы) зерна ячменя и научили их высекать огонь. До того люди Кый питались сараной, кандыком и сырым мясом диких животных.

Текст 90

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Другой вариант этой легенды записан у рода Кобый, төл'я Шулбаевых, в верховье р. Кобырсу.

šulbaı — с именем Шулбая связана фамилия төл'я Шулбаевых, принадлежащих к роду Кобый.

uqanarda ~ uqqannarda.

šenerinde ~ šennerinde.

kelgenerin ~ kelgennerin.

perebis ~ pererbis.

paıruıarınun etterinni syrtılarınǵa ajlandyra šabarım — буду бить, сворачивая мясо с вашей печени на ваши спины. См. о жестокости, которую проявляли киргизы и калмыки при сборе дани, следующие места в донесе-

ниях XVIII в.: «В прошлом в 1713 году контайшина владения князец Манзу с калмыками в порубежные и подгородные волости для сбора алмана на контайшу приезжал... ясачным людям (шорам) угрожали: буде вышеупомянутого алману всего не изготовят и за что их ясачных хотели перевешать и хлебы их пожечь и о том в Кузнецку от них ясачных иноземцев есть многие избыты, а именно кондомских 3 человека» (Памятники сибирской истории XVII в., кн. II, стр. 319).

kelgebiste ~ kelgenbiste.

aŋabys ~ aŋanbys ~ aŋanmys.

undutpasym ~ undutpassym.

čoqtağ šabarya || soŋarya (от čoqta) — ловить рыбу, перегораживать реку во время хода рыбы. Ср. balyq soqtarča — рыба идет по реке (Вербицкий, Словарь, стр. 431: чоқтаг — рыболовная морда, чоқта — против воды следовать, итти кверху по реке, чоқта — стадо, руно мелкой рыбы). В легендах часто упоминается о том, как богатыри делают «заездки для рыбной ловли в извилинах реки». (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обозр., 1863, стр. 157).

alam ~ alarym.

töl — подразделение рода, большая патриархальная семья, фамилия.

Род состоял из нескольких төл'ей; так, напр., одним из төл'ей рода Кобый были Шулбаевы. Төл охватывал группу сородичей (старший в төл'е, его сыновья, и сыновья сыновей), которая жила в одном месте и вела общее хозяйство. — «Обыкновенно селятся улусом, т. е. по несколько семей в одном месте родственников или близких людей из одного рода» (Адрианов, 1881 г. стр. 326; см. у Вербицкого: «Санабай живет со своими сыновьями патриархально в 4-х юртах при р. Паспачак», Зап. за 1866 г., стр. 168; у него же упоминание об аиле Якуша, где жил он сам и три его брата с семьями на р. Мундыбашеве, Зап. за 1862 г., стр. 149; у Адрианова упоминание об аиле Сатлая, состоящем из 4 юрт, где жили его родичи. Путеш., стр. 182). Төл имел свои охотничьи угодья в родовой тайге, и мужчины, члены төл'я, обычно вместе промышляли. Добытая пушнина шла в общий доход, мясо зверей составляло общий запас. Значительно позднее часть добытой пушнины стала поступать в собственность женатых сыновей, и только неженатые сыновья отдавали свою добычу отцу. Члены төл'я, мужчины, женщины и дети, совместно обрабатывали землю. Полученный урожай первоначально делили между отдельными семьями төл'я; позже каждый женатый член төл'я стал пользоваться отдельным участком для посева (см. у Радлова: «Каждому женатому сыну дается участок земли для посева ячменя, которым и питается семья, но зато отец берет себе все доходы сына от охоты и проч.», Aus Sibirien, стр. 357; также у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания, но только в этом он и полновластен, прочие же доходы от промысла и другие все отдаются главе семьи». Зап. за

1864 г., Прав. обозр., 1865, стр. 155). Управлял старший, который, при участии всех членов, делил доходы, раздавал собранный урожай, позднее — наделял участками земли, выделял женатых и т. д. Женатые сыновья жили отдельно. Каждому женившемуся ставили сообща отдельную юрту. (См. у Вербицкого: «Юрта, которую жених, по неизменному обычаю, для сожителства с молодою женою должен выстроить новую, стоит еще без чувала. Работа кипит в руках молодежи: кто носит глину в берестяных корзинках, кто убивает ее, скоро и чувал — заключение юрты — поспел», Зап. за 1864 г., Прав. обозр., 1865, стр. 154; «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта», Зап. за 1862 г., стр. 158.) Төл в героическом эпосе встречается в следующих значениях: 1. потомство, напр.: aq qannuñ tölüneñ aŋur čajaŋ öskeni par-ba; čaš köök slerdin tölge čaraçañ kiži; kümüş qan adañ tölü polyan-ma; mēñ tölümneñ töl šyqpady, aŋtyn qannuñ tölüneñ töl šyqty, ter uŋur keldim; 2. потомок, напр.: aq qannuñ tölü olaŋaš tup aldy; qajdiğ aŋyrtuñ tölü poldu-ne; kök qannuñ töl čajalyp po čerge kēlča; 3. поколение, колено (отца, сына и его сына), напр.: üš tölge šyŋara čügürzebis, tappassybys; aŋty tölge šyŋara čattyrlar, aŋty tölge šyŋara čadyp, paŋa čoq polyan; üš tölden ertize, üs tölden saptıra čažap, aq qan čurtaŋa; aq qannuñ čerineñ paryannañ ala ijgi tölge čedip pardym; amduŋuñ töldüñ alında polča, puruñu töldün sonda polča.

Текст 91

(Этот текст является заявлением, поданным в 1925 г. некоторыми жителями улуса Карчит, род Карга, Усть-Анзасского сельсовета на имя Комитета Севера. Улус Карчит был одним из самых глухих пунктов района.)

kelgebiste || kelgenbiste || kelgenmiste; ср. aŋabys.

alam || alarym.

ürgetsiner || ürgetsinner.

čatqan aŋ — живущий улус.

pinabat — от русского слова виноват.

qam mikerdi čirča — шаман Микера ест. По господствовавшим некогда представлениям, шаман, если рассердится на кого-нибудь, может его съесть, т. е. наслать духов, которые и съедят человека. Шаманы всячески старались поддерживать в населении веру в эту их силу, что было им крайне выгодно. Шаману боялись в чем-либо отказать и избегали ссоры с ним.

Текст 92

(Род Карга, ул. Верхн. Анзас, р. Анзас)

ijgi čuŋtyzaq šyŋur aŋur — две звездочки выйдя.

Это выражение основано на том представлении, что душа во время сна отделяется от тела и отправляется странствовать. Ср. легенды абаканских тюрков, где душа выходит из человека в виде двух маленьких свечек (Катанов, Образцы, т. IX).

Текст 93

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

kızı çatpāncatqan eski ömner — старые дома, в которых не живут люди. Шорцы часто бросали юрты после смерти кого-нибудь из членов семьи.
ot köjça — огонь горит. Огни, которые будто бы видят на заброшенных стойбищах, называют üzüt odu — огонь юзюта. Полагали, что места брошенных юрт посещаются юзютами, т. е. душами умерших, а также айна, т. е. злыми духам, съевшими эти души.

Текст 94

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит),

Текст 95

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит)

sürünezi ~ süne ~ sünezi — одна из душ человека. Ср. sür — образ, изображение, привидение (Вербицкий, Словарь, 314, 313). Представления шорцев о душе, смерти и жизни души в загробном мире очень сходны с представлениями их соседей, алтайских и абаканских тюрков. См. С. Майнагашев, Представление о загробном мире у турецких племен Минусинского края. Живая старина 1915; А. В. Анохин, Душа и ее свойства по представлению телеут. Сб. МАЭ, VIII, 1929; С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеут». Сб. МАЭ, VIII, 1929.

Текст 96

(Низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Erlük şeri — подземный мир, куда отправляются души умерших.

Причину болезни шорцы объясняли либо уходом на время души, либо вселением злого духа. В тех случаях, когда причиной заболевания, по определению шамана, был уход души, непременно требовался шаман, который должен был предпринять во время обряда камлания далекое и опасное путешествие в мир айна и, с риском для жизни, отнять похищенную ими душу. Если шаман не подоспеет во-время, душа остается у айна, и человек умирает.

Erlük — злое божество, властелин подземного мира (Анохин. Материалы, стр. 1—8).

Текст 97

(Род Карга, ул. Анзас, р. Анзас)

qan şul — кровь-река, кровяная река, река крови.

şaş şul — слезы-река, река слез. Ср. сагайское şul — река (Радлов, Словарь, III, 2175), шорское şulat. Ср. также в героическом эпосе: «слезы глаз, став рекой, текут», «слезы глаз озером стали», «пролившаяся кровь рекой становится».

рага — рыболовный рукав, сплетенный из ниток. Осенью на маленьких речках устраивают городьбу углом. В вершину угла и ставят рага.

raıuq aıparşalağ — ловят рыбу. По существовавшим представлениям, души умерших людей в загробном мире продолжают жизнь, подобную их земной жизни: они охотятся, ловят рыбу, пьют водку, ходят в гости друг к другу и т. д.

aıastapça — от слова aıas, возглас при окурировании больного огнем, а также при очищении огнем посуды, при окурировании шаманского бубна перед камланием и т. д.

maıtuğanañ || maıtuğannañ.

Текст 98

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

aparağa || aparağa.

qatyşpasuñ ~ qattyspassuñ.

pārda ~ parağda.

Текст 99

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 100

(Род Карга, р. Анзас, ул. Анзас)

ozoğat — осока (*Нemerocallis flava*), которую высушивают и запасают на зиму специально для того, чтобы вкладывать в чирки; заменяет онучи.

Текст 101

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

В связи с представлением о необходимости переправы души через рр. Чашчул и Канчул и через море юзютов существовал обычай изготовления для души плота. Еще недавно, в 1925 г., можно было наблюдать по ночам плавно плывущие, тихо покачивающиеся огоньки на р. Мрассу — огонь юзютов. То были плоты, на которых сородичи отправляли души.

своих умерших родственников в последний путь. Отправлять их надо поздно вечером, когда в улусах перестанут лаять собаки, так как лай собак может спугнуть души. Плот делался из дудок борщевника.

Текст 102

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу)

Обычай погребения на деревьях отмечен как у шорцев, так и у других алтайских и абаканских тюрков. См. С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, т. I, стр. 80—81. На этот обычай в свое время указывали и миссионеры. См. Записки миссионера Вербицкого за 1863 г. Православное обозрение за 1864 г., стр. 152; Записки миссионера Штыгашева. Отчет Алтайской духовной миссии за 1899 г., стр. 16. Пережитки погребения на деревьях сохранялись еще до 1925 г. В глухих районах хоронили умерших детей, особенно преждевременно родившихся, на деревьях, в деревянных срубках или завернутыми в бересту. Места таких погребений тщательно скрывались. Воспоминания о погребении на деревьях сохранились также в героическом эпосе.

Тексты 103—109

Обращения к духам или моления духам составляли в старину неотъемлемую часть того или другого промысла. Эти обращения к различного рода духам-хозяевам были крайне несложны. Они состояли из непосредственной просьбы о ниспослании удачи на промыслах, здоровья и т. д. представляли обычно импровизацию. Словесная формула была тесно связана с ритуальным действием, была неотделима от обряда. См., напр., обращение к убитому медведю во время оплакивания его (текст 106). Каждый из участников промысла мог обращаться с молитвой к хозяину воды или горы (почитаемые горы были обычно родовыми промысловыми территориями). Но были и такие, которые считались более искусными в этом деле. Сюда относятся прежде всего, те, которые способны были впадать в экстаз; их молитве придавалось особое значение, а жертва, приносимая ими, считалась угодной духу. На родовых молениях хозяевам гор и рек — *šačyŋ* — выполнял обряд и совершал моление кто-либо из старших членов рода, старик, хорошо знающий ритуал; только позднее, и то не обязательно, обряд *šačyŋ* совершал шаман (текст 104). При лечении болезней кто-либо из знающих стариков или старух совершал обряд изгнания юзюта, произнося заклинания *aŋuŋ tuŋa* (тексты 107 и 108). Но обращение к высшим духам, к духам небесного и подземного мира, являлось функцией уже специалистов-шаманов. Только они, с помощью своих духов, могли совершать далекие и трудные путешествия в невидимые миры и только они знали сложный ритуал обращения с высшими духами. Они обращались с молитвами также к своим духам, своим покровителям и помощникам (текст 109). Каждый

шаман имел свои молитвы и свои напевы. Шаманские молитвы обычно никто не знал и мало кто понимал. Эти молитвы — основу их — шаман получал от своих предков-шаманов, обычно от того шамана, от которого наследственно к нему перешел шаманский дар, а вместе с ним родовые шаманские духи. Но шаман усложнял эти моления, главным образом, обращениями к своим личным духам. Эти шаманские заклинания произносились во время камлания в экстазе. Отсюда их отрывистость, запутанность и сложность.

Текст 103

(Род Кобый, р. Кобырсу)

til aŋyš — букв. язык смешивая, беря друг у друга.

azyq rölör per — букв. запас разделив дай. *azyq* — охотничий запас — в значении добычи.

Текст 104

(Род Таяш, р. Пызас)

Это родовое моление горам и водам (*taŋaŋa suŋaŋa*) носило название *šačyŋ* (*šačyŋ*) — букв. кропление (от *šaš* ~ *šač* ~ *šač* — разбрасывать, кропить, брызгать, рассыпать, делать возлияния). Устраивали моления члены одного рода, позднее — целый улус (в южн. части то и другое обычно совпадало). В жертву приносили абырткы. Необходимые для жертвоприношения продукты давались от каждой семьи. Все собранное, соединенное вместе, шло в жертву родовым горам, остатки выпивались по окончании моления всеми присутствующими. Женщины, как чужеродки (принцип экзогамии очень долго сохранялся), или совершенно исключались из моления или присутствовали, но должны были стоять поодаль. См. об этом жертвоприношении у Вербицкого: «Алтаец язычник этим горным духам кланяется и приносит жертвы и устраивает празднество весенний шачыл» (Мирозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен. Лит. сб. 1885 г., стр. 39). «По вскрытию реки Кондомы кузнецкие инородцы праздновали праздник березы: наварили браги, нарядились в лучшие одежды, собрались каждый улус у одной своей заветной березы, навешали на ветви ее тряпки различных цветов и конский волос. Один из толпы, сведующий, брызгал несколько раз на березу, призывая демонов» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., 1859, № 30, ч. неофф., стр. 243; также: Выписка из журнала мисс. за 1859 г. Христ. чтение, 1862, № 4, стр. 846) и у С. Е. Малова: «Весной бывает у кузнецких инородцев почти в каждой деревне особое моление, называемое шашил или чачил, т. е. окропление» (Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губ., Живая старина, 1909, вып. 2—3, стр. 40).

šöök — возглас во время жертвоприношения.

Uŋg̃, taḡ, enebis. У каждого рода была своя родовая гора, которой он приносил жертвы и у которой выпрашивал удачу на промысле.

raĵ qazuṇ ср. алт. raĵ qaĵuṇ — богатая, развесистая береза. Этот образ очень часто встречается в мифологии алтайских и абаканских тюрков. Род имел свою березу — raĵ qazuṇ, с которой связывались жизнь и благоденствие членов этого рода.

šyĭ raḡy aĵlandy. — Началом нового года считалась весна.

tazyĭkug̃ — имеющий корень (om tazyĭ — корень).

aĭtyn kōk. — Кукушка играет большую роль в мифологии и в фольклоре шорцев. С первым криком кукушки просыпаются леса, горы и реки. Весной, после крика кукушки, шаман совершал первое восхождение к Ульгению. В героическом эпосе часто встречается среди названий героинь имя aĭtyn kōk — золотая кукушка.

Текст 105

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

ot ene или ot iše. Хозяин огня мыслился в женском образе. К его помощи обращались во всех случаях жизни; охотники приносили жертву огню перед отправлением на промысел, при неудачах в тайге и после удачной добычи. Шаман перед отправлением в свои далекие путешествия во время камлания прежде всего обращался за помощью к хозяину огня. Женщины зывали к нему о защите их детей. Прежде старики от каждой еды обязательно уделяли долю своему очагу. См. подробно о культе огня у алтайцев: Н. Дыренкова. Култ огня у алтайцев и телеутов. Сб. МАЭ, 1927, т. VI, стр. 63, у монголов: Н. Н. Поппе. Пережитки культа огня в монгольском языке. Доклады Акад. Наук, серия В, 1925, стр. 14.

taḡ aḡyga sŋr — гони злого духа, карающего ребенка, чтобы напасть на него.

Текст 106

(Род Кобый, р. Кобырсу)

Обращение к медведю во время совершения обряда оплакивания зверя.

Текст 107

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

üzüt — душа умершего человека, название злого духа вообще. Юзют, по существовавшим некогда представлениям, приходит к жилищам своих сородичей, стучит и пугает их; он может даже входить в человека. Обычно он входит в какого-либо родственника, который после этого сразу же заболевает. Для излечения больного совершался обряд изгнания юзюта — üzüt šuṭar. Знающий обряд человек, обычно старик или старуха, окуривал больного и произносил обращение к юзюту, стараясь его изгнать. Особенно важно

было при этом узнать имя юзюта. Считалось, что знание имени юзюта дает заклинателю силу над духом; вот почему совершавший обряд перечислял по очереди всех недавно умерших родственников больного, стараясь открыть виновника болезни.

Текст 108

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

аранас — от русского Афанасий.

Текст 109

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Призывание шаманом своих духов во время камлания.

qaga šoṇta — букв. черная утка, дух-помощник шамана.

syḡ šyḷan — букв. окрашенная змея.

raĵ raḡa — букв. богатая лягушка, один из главных духов-помощников шамана. Обычно изображался на шаманском бубне, внизу.

tyn roḡtaḡy ~ ruḡtaḡy — душа-лось|| конь. См. С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов», Сб. МАЭ, 1929, VIII, стр. 330.

Отрывистость, запутанность, желание запугать характерны для большинства шаманских заклинаний. Удары в бубен, хриплые гортанные завывающие звуки шаманского пения, чередующиеся с подражаниями голосам духов, с которыми ведет «переговоры» шаман, все это имело целью воздействовать на воображение слушателей, а главное застрашать их.

Некоторые переставшие камлать шаманы рассказывают сказки, стали qaĵšy. Такие сказители-шаманы представляют себе это рассказывание на манер шаманского камлания. Особенно любопытно отношение такого сказочника к своему комысу, тождественное отношению шамана к своему бубну. Бывший шаман Ачибаев рода Тарткын в улусе Сыркаш говорил: «men nybaq ysčadyp, pŋr qara pŋr kŋn odurarym. ōdurčāt, pŋr-dā nebe čibessim, tapqy teze tartarym. men tur parbassym. qačen men erbekterčam, men mynda poĭbānčam, men nybaq-ra pŋrge pašqa-pašqa čerge paḡybysčam. qomus čoḡta men eštenmēnčam, parčynda qomuzum pelen čātča. qačen men ōlzem, qomuzum mēḡ-me pŋrḡoq paḡar. qačen ōlzem, qomuzum čyjanymḡa saġarġar. — Когда я сказку рассказываю, то я рассказываю ее и день и ночь. Когда я сижу и рассказываю сказку, я ничего не ем, табак курю. (Рассказывая) я не устаю. Когда я говорю (сказку), я не здесь нахожусь, я со своей сказкой вместе в разные-разные земли отправляюсь. Когда нет комыса, я скучаю. Всегда комыс наготове у меня лежит. Когда я умру, мой комыс вместе со мной пойдет (в другой мир). Когда я умру, мой комыс со мной в гроб поедет».

Тексты 110—111

(Низовье и верховье р. Мрассу и верховье р. Томи)

№ 110/1 *kemniñ şuŋtuq...* — в этих словах ярко отражена эксплуатация бедняков шорцев, лишенных основных орудий производства, богачами. Ср. у Вербицкого: «Бедняк шорец улуса Кузедеевского Михайл пришел ко мне испросить благословения на добычу зверя. Он и товарищ его, расставляя ловушки для белок, заметили берлогу медведя. Бедняки рады были бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: Ясак и хлеб был бы обеспечен; но у обоих их было только одно ружье и то попорченное. Делать нечего; пришлось позвать к себе в товарищи, с правом на равный дележ, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом случае Михайл заметил: „Вот так то все от нас к богатым переходит.“ — Зато бедным умирать легче, — заметил я ему». (Зал. за 1861 г., стр. 1—2).

№ 110/2 *kem raŋ* ... «кто богат, тот и начальник». Непосредственными начальниками шорцев были их паштыки, которые из родовых представителей, свободно выбиравшихся всем родом, защищавших интересы своего рода, для которых их служба была служением своим сородичам, превратились в эксплуататоров, которые добивались своего избрания, используя для этого связи, подкуп, запугивание и т. д., и которые свою службу рассматривали как средство собственного обогащения. Выбирали паштыка преимущественно из богатых «уважаемых» *төле'й*, если же выбираемый был недостаточно богат, то он наживался во время службы. См. у Адрианова: «В башлыки (паштыки) попадают большей частью такие лица, которые покупают заседателя ежегодными взятками. Будучи ненавистны инородцам, они крепко сидят на своих местах, обирают и ограбляют своего же брата инородца, издеваются над ним, пьянствуют и становятся недоступными» (Путеш. 1881 г., стр. 351).

№ 110/3 *riŋ-bile şaŋlaŋaŋa* — кто противится начальнику, остается без ушей. Начальники — *riŋ* всех рангов одинаково бесцеремонно и безнаказанно хозяйничали в тайге. «Самоуправление выродилось в эксплуатацию народа их начальниками волостными, которые преданы повальному пьянству, бьют инородцев, вместо разбирательства дела, обирают и разоряют их взятками и вообще никакими делами волости не занимаются; эти волостные начальники становятся язвой волости и всеильными царьками, на которых нет ни суда ни управы, так как они поддерживаются заседателями и исправниками, получающими с них исправно взятки... Вместе с писарем вводится еще один лишний хищник, притом грамотный, и стало быть более опасный... Уж если вся эта мелкота так озорничает в тайге и обирает инородца, то что же сказать о „сибирских“ заседателях, исправниках? Эти являются в тайгу восточными падишахами с правом жизни или смерти над инородцем. Заседатель ежегодно объезжает тайгу для сбора денег с инородцев; кроме того, он находит массу разных прицепов, чтоб содрать взятку, ставит на

ноги всю тайгу, останавливает все работы и проносится опустошительным ураганом, которого инородцы трепещут» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 336, 351).

№ 110/16 вариант:

*qujbyrzaŋ, qyr aŋarzuŋ,
odyrzaŋ ojda aŋarzuŋ.*

№ 110/15 вариант:

*çaqşy atqa pir qamčy,
čabaŋ atqa muŋ qamčy;
çaqşy kižē pir sös,
čabaŋ kižē muŋ sös —*

хорошему коню одна плеть,
худому коню тысяча плетей,
хорошему человеку одно слово,
скверному человеку тысяча слов.

Текст 112

(Род Карга, ул. Акколь, низовье р. Мрассу)

aq raŋat — белый Бачат. Малый и большой Бачат — реки, по которым живут телеуты. Эпитет белый, чистый, указывает, что в данном случае имеется в виду степь. Ср. *qara şuŋ* — черная тайга.

Текст 113

(Род Шор, ул. Березовая грива, переселенцы с р. Кондомы)

Текст 114

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Тексты 115—117

(Низовье р. Мрассу, ул. Себирги)

Тексты 118—119

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 120

(Род Челей, ул. Корай, верховье р. Томи)

Текст 121

(Род Четибер, ул. Сыркаш, верховье р. Томп.
Второй вариант — ул. Корай, верховье р. Томи)

Тексты 122—129

(Род Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи)
Другой вариант:

qumaqqa ösken xuba tał
qubarbaçañ połza-če!
sasqa ösken saryg tał
sarğarbaçañ połza-če!
qajrañ çağşy pozybys
qunañmaçañ-da połzabys!

На песке выросший бледный тал
Не засыхающим если бы был!
На болоте выросший желтый тал
Не желтеющим если бы он был!
Любимые, хорошие мы сами
Если бы нетоскующими были!

Тексты 130—131

(Род Шор, верховье р. Кондомы)

Текст 132

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Тексты 133—134

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 135

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 136

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

quzajlar — члены рода Кызай (или Кызыл кая), расселенного в основном в районе впадения в р. Мрассу рр. Пызас и Кобырсу.

Текст 137

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувапша)

Текст 138

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Второй вариант, записанный у рода Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи:
kökke ösken kök çaçik közönek alyñça össe-če, men kölengen quzçağaş qol-
ğayında połza-če!

Тексты 139—144

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

kessen || kesçen.

Текст 145

(Род Челей, ул. Корай, верховье р. Томи)

kizi || kiži; чередование z || ž, s || š отмечается в говоре шорцев верховья р. Томи.

Текст 146

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 147

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Текст 148

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Текст 149

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь, вариант к № 148)

Текст 150

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 151

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Другой вариант:

synça ösken qarağajdyñ,
syn oğara çylyts ösça,
çoqtan tuğan palardyñ,
çer ebəre arğyş ösça.

Текст 152

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 153

(Род Шор, Березовая грива)

Текст 154

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Тексты 155—156

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Вариант: qyşqy künde şaşik ösres — в зимний день цветок не зацветет.

Текст 157

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Отдельные новые песни или варианты были напечатаны в местной газете и различных учебниках.

Тесная и глубокая связь между народными массами и вышедшими из их недр поэтами и певцами обусловила то, что сплошь и рядом бывает трудно провести грань между творчеством народа и отдельных его певцов, являющихся подлинными выразителями его дум и чувств. Создаваемые поэтами новые песни быстро входят в песенный репертуар народа и получают широкое распространение; с другой стороны, народные мотивы, все время обогащая индивидуальное творчество поэтов, придают ему характер коллективного общенародного творчества. «Народное творчество — это сама жизнь, это умонастроения и чувства миллионов людей. Народные поэты, сказители, музыканты слагают стихи, песни, рассказы, частушки. Их творческие работы идут в глубину народных масс, обогащаясь и видоизменяясь, приобретая черты коллективного авторства, становясь выражением народных дум и чувств» («Правда», 9 сент. 1937 г. № 249).

ТРАНСКРИПЦИЯ

- а — широкий, открытый гласный заднего ряда, соответствующий нормальному ударенному а русского языка.
- ä — несколько редуцированный гласный, склоняющийся к у.
- ä — слегка палатализованный а.
- е — передний гласный, средний по степени открытости — в I слоге; в ударенных непервых слогах более открытый (ε).
- ё — гласный более узкий (закрытый), чем е, средний между е и і.
- о — среднеоткрытый лабиализованный гласный заднего ряда.
- ö — лабиализованный гласный переднего ряда средней степени закрытости.
- о — гласный, средний между и и о
- ö — гласный, средний между ö и ü.
- у — узкий закрытый не лабиализованный гласный заднего ряда.
- і — узкий закрытый не лабиализованный гласный, задний в переднем ряду.
- і — узкий закрытый не лабиализованный гласный, передний в переднем ряду.
- и — лабиализованный узкий закрытый гласный заднего ряда, более задний, чем русское у.
- ü — лабиализованный узкий гласный переднего ряда.
- э — редуцированный гласный.
- ј — неслоговое і (в конце слов).
- ɭ — боковой альвеолярный проточный задний.
- ɭ — боковой альвеолярный проточный передний.
- г — переднеязычный альвеолярный дрожащий проточный.
- п — заднеязычный носовой.
- ң — заднеязычный носовой смычный.
- т — губогубной носовой звонкий смычный.
- р — губогубной сильный смычный (глухой).
- в — губогубной слабый звонкий.
- ʋ — губогубной слабый глухой.
- β — губогубной с неполной смычкой (вариант в).

- t — сильный переднеязычный смычный (глухой).
d — слабый переднеязычный смычный (звонкий).
d̥ — слабый глухой переднеязычный смычный.
s — глухой переднеязычный проточный.
z — переднеязычный звонкий проточный.
ʃ — переднеязычный глухой шипящий альвеолярный проточный.
ʒ — переднеязычный звонкий шипящий альвеолярный проточный.
q — велярно-заднеязычный сильный смычный.
k — заднеязычный сильный смычный, менее задний, чем q.
g — заднеязычный звонкий слабый смычный.
ɣ — полуглухой (media lenis) смычный.
ɟ — велярно-заднеязычный слабый звонкий смычный.
ɟ̥ — полуглухой вариант ɟ.
ɣ̥ — велярно-заднеязычный звонкий проточный.
ɣ̥ — полуглухой вариант ɣ̥.
g̥ — заднеязычный звонкий проточный, менее задний, чем g̥.
g̥̥ — заднеязычный проточный звонкий, несколько более задний, чем g̥̥.

Знаком — над буквой передается долгота гласного.

Знаком ˘ над буквой передается краткость гласного.

Знаком ˙ под буквой передается оглушение согласного.

Знаком ˙ под буквой передается озвончение согласного.

В некоторых текстах (напр. №№ 9, 14), в целях упрощения записи —
знаком ɣ обозначается как ɣ, так и ɟ, знаком g̥ обозначается как g,
так и g̥̥.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
XV	10 стр.	Хакассии	Хакасии	Автора
XVI	11 стр.	Андрианов	Адрианов	»
XXXVIII	4 стр.	čyŋaŋ	čyŋaŋ	»
10	14 стр.	pr	por	»
17	15 стр.	твоего ребенка ты убережь	своего ребенка убережь	»
18	4 стр.	rojlaɣuŋnaŋ	rojlaɣuŋnaŋ	»
19	21 стр.	них	вас самих	»
22	18 стр.	rojlaɣuŋnaŋ	rojlaɣuŋnaŋ	»
40	7 стр.	uŋnaɣaŋ šenin	uŋnaɣaŋ poŋzaŋ, uŋnaɣaŋ šenin	»
62	15 стр.	sēn	ān	»
94	10 стр.	čaqaŋ	čaqaŋ	»
96	11 стр.	ustalbaŋyġ	ustalbaŋyġ čer	»
116	15 стр.	toŋyudu	toŋqudu	»
130	2 стр.	ičezin	ičezine	»
144	2 стр.	taryaja	tarbaja	»
188	16 стр.	kümüş	kümüş čügen paš čazaŋtyr, aŋtyŋ-kümüş	»
196	16 стр.	sr	sār	»
276	1 стр.	čatsyn	čatsaŋ	»
288	10 стр.	pažyn	aɣaš pažyn	»
364	16 стр.	mēŋ čabaŋdym	mēŋ čabaŋdyn	»
383	6 стр.	Очазыг	чазыг	»
385	22 стр.	поп	pm	»
385	5 стр.	умещались	умещались; qarbašqamny ~ qar- bašqanymny.	»
386	10 стр.	264	264, также: Вербицкий В. И., Словарь, 282 сагыл (аб) изда- вать лучи .	»
390	18 стр.	qyryšpān	qyryšpān	»
392	15 стр.	aŋnyqtan, ā	aŋnyqtan	»
398	5 стр.	ajtčajtqaŋ	ajtčatqaŋ ~ ajtcytqaŋ	»
417	23 стр.	назв. соч.	Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 2,	»
427	21 стр.	čopnyŋ	čopnaŋ	»